ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

15½

Р. Желязны

Девять принцев Амбера

Девять принцев Амбера
Роджер Желязны

Аннотация
Роджер Желязны. Девять принцев Амбера. Выпуск 15/2
Знаменья судьбы
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
Кровь Амбера
1
2
3
4
5
6
7

8
Знак Хаоса
Рыцарь Отражений

Аннотация

15/2-й выпуск содержит 6, 7, 8, 9 книги цикла «Девять принцев Амбера». Данные произведения на русском языке ранее не издавались.

Редактор Кирчев В. П.

Роджер Желязны
Девять принцев Амбера. Выпуск 15/2

Знаменья судьбы

1

Сидеть и ждать, когда тебя снова попытаются убить — все равно, что терпеть занозу в заднице. Но сегодня было тридцатое апреля, и значит это обязательно должно было случиться опять, как обычно и случалось в этот день. В свое время я попытался разобраться, что же происходит, и теперь, по крайней мере, знал, когда этого следует ждать в очередной раз. До сих пор я был слишком занят, чтобы что-нибудь предпринять. Но теперь наконец-то моя работа была закончена. И я оставался здесь только из-за *этого*. Я решил, что перед отъездом должен все же разобраться с этим делом и узнать, кто же за мной охотится. Я выбрался из постели, принял душ, почистил зубы. Бриться, к счастью, не надо было, так как я опять отрастил бороду. Неясные тревоги меня сегодня не мучили, как это было в этот же самый день три года назад. Тогда я проснулся с головной болью и дурными предчувствиями, распахнул поскорей окна, побежал на кухню и увидел, что все газовые горелки у плиты включены на полную катушку, но не горят. Сегодняшний день был непохож и на тридцатое апреля два года назад, когда еще до

рассвета меня разбудил запах дыма. Оказалось, что в квартире начался пожар. И потому сегодня я на всякий случай старался не становиться под люстру — а вдруг лампочки наполнены чем-то горючим? И вместо того, чтобы включить свет, перевел все выключатели на положение *«Выкл.»* Но пока что сегодня еще ничего не случилось. Как правило, с вечера я настраиваю реле времени кофеварки. Но сегодня утром я решил сварить кофе сам. Я поставил на плиту кастрюлю с водой, насыпал кофе и, в ожидании, когда он закипит, стал проверять уложенные вещи. Все, что было для меня в моей квартире ценного, уместилось в двух обычных ящиках — одежда, книги, несколько картин, кое-какие инструменты, несколько сувениров и прочее. И рюкзак вошла смена белья, спортивный легкий свитер, пачка чеков для путешествующих. Гимнастикой я в это утро не занимался. Я попивал кофе, прохаживаясь от окна к окну, и разглядывал здания на противоположной стороне улицы. В прошлом году кто-то пальнул оттуда по мне из винтовки. В мыслях я вернулся к тому времени, когда все это случилось в первый раз. Семь лет назад ясным весенним деньком я спокойно шел по улице, и вдруг приближающийся грузовик резко свернул в мою сторону,

перелетел через обочину и едва не размазал меня по кирпичной стене. Мне удалось в последний момент выскочить из-под колес. Водитель же скончался, не приходя в сознание. Этот случаи показался мне одним из печальных происшествий, которые время от времени вторгаются в нашу жизнь. Однако на следующий год, в этот же день, поздним вечером я возвращался домой от своей приятельницы, и на меня напали трое незнакомцев — один с ножом, двое с обрезками трубы. При этом они не снизошли даже до простого бандитского ритуала, который предписывает попросить сначала закурить или одолжить им бумажник. Справиться с ними было нетрудно. Я уложил их на асфальт у порога магазина пластинок. И хотя всю остальную часть дороги я размышлял над тем, что произошло, я только на следующий день вспомнил, что вчера была годовщина происшествия с грузовиком. Но даже вспомнив, я отмахнулся от этой верной мысли, объяснив все это простым, хотя и странным, совпадением. Случай с бомбой в посылке, развороти вшей половину соседней квартиры на следующий год, заставил меня задуматься над статистическим характером реальности. Возможно, только от одного моего присутствия здесь она подверг-

лась перенапряжению. Но события следующих лет подтвердили мои предположения, которые переросли в уверенность. Кому-то доставляло наслаждение совершать покушения на меня раз в год. Вот так, все оказалось очень просто. Попытка не удавалась, следовала пауза в один год, и она повторялась еще раз. Все это казалось почти игрой. Но в этом году я тоже решил принять участие в этой игре. Меня волновало то, что он — она или оно — никогда во всем этом не принимал участие лично, а предпочитал хитрости — технические устройства, ловушки, наемных лиц. Эту личность я собираюсь здесь и далее обозначать заглавной буквой «Н». В моей терминологии это означает «подлец», иногда «придурок». Что же касается общепринятого обозначения «Х», то от частого употребления оно стало слишком затертым и потому не годилось для меня. Я помыл чашку и кофейник, поставил их на полку, взял сумку и вышел из дому. Мистера Маллинга не было, я оставил ключ в его почтовом ящике и отправился завтракать в ближайшее кафе. Движение на улице было обычным. Машины ехали не спеша. Я шел медленно, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что меня окружало. Утро было свежим, оно обещало прекрасный день. До кафе я добрал-

ся целым и невредимым. Занял место возле окна. Едва ко мне подошел официант, чтобы взять заказ, как я увидел знакомого, шагавшего вдоль тротуара. Это был бывший мой однокашник, позднее товарищ по работе, Лукас Гейнард. Он был шести футов росту и, несмотря на сломанный нос, симпатичный. Манера говорить у него была, как у продавца. Собственно говоря, он им и был. Я постучал в окно. Он заметил меня, помахал рукой и вошел в кафе.

— Мерль, я не ошибся, — улыбнулся Лукас, усаживаясь напротив. Он хлопнул меня по плечу и тут же забрал у меня меню. — Я не застал тебя дома и решил, что ты можешь оказаться здесь.

Он принялся изучать меню.

— Почему? — спросил я.

— Если вы еще не выбрали, я подойду позже, — сказал официант.

— Не надо, — ответил Люк и зачитал монументальный заказ. Я добавил немного от себя.

— Потому что ты не меняешь привычек, — пояснил Люк, вернувшись к нашему разговору.

— Привычек? — удивился я. — Но я тут почти никогда не ем.

— Знаю. Но ты всегда заходишь сюда, когда у тебя поднимается давление. Например, перед

экзаменами… или когда тебя что-то тревожит.

— Гм… — промычал я. В этом, в самом деле, что-то было, хотя никогда раньше я ничего подобного за собой не замечал. Я повертел пепельницу с уменьшенным вариантом рисунка на цветном стекле двери. — Не знаю, так ли это. И почему ты решил, что именно сейчас что-то должно меня тревожить?

— Я знаю твой синдром, связанный с тридцатым апреля, который развился у тебя из-за нескольких совпадений.

— Более чем нескольких. Но я тебе о них никогда не рассказывал.

— Выходит, ты до сих пор веришь в это?

— Да.

Он пожал плечами. Подошел официант и налил нам кофе.

— Ладно, — сказал он, наконец — Сегодня это уже произошло?

— Нет.

— Очень скверно. Надеюсь, думать тебе это не мешает?

Я отпил кофе:

— Никаких проблем.

— Прекрасно, — он вздохнул и потянулся. — Слушай, я только вчера вернулся в город…

— Удачно съездил?

— Поставил новый рекорд по сбыту!

— Грандиозно.

— Во всяком случае… Я только что узнал, что ты уходишь. Мне сказали в конторе.

— Ага. Я ушел примерно месяц назад.

— Миллер пытался связаться с тобой. Но до тебя невозможно дозвониться, ты же отключил телефон. Он даже пару раз заезжал к тебе, но не застал тебя дома.

— Очень сожалею.

— Он хочет, чтобы ты вернулся.

— Нет, там для меня все кончено.

— Погоди, выслушай сначала, что он предлагает. Бреди делает по служебной лестнице прыжок вверх, и ты становишься новым шефом КБ… Двадцать процентов надбавки к жалованию. Он просил передать тебе это.

— Я тихо засмеялся:

— В самом деле, дружище, все это звучит совсем неплохо. Но, как я уже сказал, здесь для меня все кончено.

— О — его глаза блеснули, и он лукаво улыбнулся. — Значит, у тебя и в самом деле есть что-то на примете. Миллер об этом догадывается. Ладно, тогда он просил узнать, что предлагают тебе эти

парни. Он постарается дать больше, чего бы это ему ни стоило.

Я покачал головой:

— Боюсь, что ничего не выйдет. Я исчерпал себя. Точка. Я не желаю возвращаться. И в другую фирму я тоже не собираюсь переходить. Просто, в этой сфере я больше не работаю. Зверски устал от компьютеров.

— Но ведь твой мозг создан для этой работы. Ты первоклассный специалист! Думаешь заняться преподаванием?

— Нет.

— Вот, черт. Но чем-то ты должен заниматься? Ты что, разбогател?

— Нет. Наверное, я немного попутешествую. Я слишком долго сидел на одном месте.

Люк взял чашку с кофе и осушил ее. Потом облокотился на спинку стула, сцепил ладони на животе и прикрыл глаза. Некоторое время он сидел молча.

— Значит, ты говоришь, все кончено, — сказал он наконец. — Все кончено с этой работой и с этим городом? Или же ты имел в виду еще что-то?

— Не совсем тебя понимаю.

— Еще в колледже у тебя было свойство… исчезать. Время от времени ты пропадал, затем вновь

объявлялся. Создавалось впечатление какой-то двойной жизни. Живешь, а как — не поймешь. Это как-то связано с твоим отъездом?

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Конечно, понимаешь, — улыбнулся он и, когда я промолчал, добавил: — Что ж, желаю удачи… что бы это ни означало.

Непоседа, весь в движении, Люк и сейчас крутил кольцо для ключей. Мы выпили по второй чашечке кофе. Люк звякал ключами и брелоком из голубого камня. Наконец, подали наш завтрак, и некоторое время мы ели молча. Потом он спросил:

— «Звездная вспышка» еще у тебя?

— Нет. Продал прошлой осенью, — объяснил я. — Я был так занят, что ходить под парусами не оставалось времени. Не мог смотреть, как она гниет без дела.

— Это плохо, — кивнул он. — Мы на ней славно походили еще в колледже. И потом… Я был бы не прочь выйти на ней еще разок, чтобы вспомнить старые времена.

— Да.

— Слушай, ты давно видел Джулию?

— Мы не виделись с тех пор, как расстались. Кажется, она сейчас встречается с парнем по

имени Рик. А ты?

— Заезжал к ней вчера вечером.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Она была из нашей команды… а в последнее время нас разбросало по всему свету… нас всех.

— Как она?

— По-прежнему отлично выглядит. Она спрашивала о тебе. И просила передать тебе вот это.

Он достал из внутреннего кармана пиджака запечатанный конверт и протянул его мне. На конверте почерком Джулии было написано мое имя. Я распечатал послание и прочитал:

«Мерль!

Я была неправа. Я хорошо знаю, кто ты, тебе грозит опасность. Я должна тебя увидеть. У меня есть предмет, необходимый тебе. Это очень важно. Пожалуйста, позвони или зайди как можно скорее. Твоя любящая Джулия».

— Спасибо, — поблагодарил я и, открыв сумку, спрятал туда конверт. Письмо в равной степени и озадачило, и растревожило меня. Нужно было решать, что делать. Моя привязанность к ней оказалась гораздо большей, чем я думал. И все же я совсем не был уверен, что хочу снова с ней встретиться. И что она имеет в виду, когда пишет,

что знает, кто я такой? Но ответа на эти вопросы не было, и я постарался выбросить мысли о Джулии из головы. Некоторое время я молча пил кофе, следил через окно за машинами на улице, вспоминал свою первую встречу с Люком. Тогда мы оба были первокурсниками в нашем «фехтовальном клубе». Он был отличным мастером.

— Ты еще фехтуешь? — поинтересовался я.

— Иногда. А ты?

— Время от времени.

— Мы так с тобой и не выяснили, кто из нас сильнее.

— Теперь на это уже нет времени, — пожалел я.

Он тихо рассмеялся и несколько раз сделал выпад ножом и мою сторону.

— Когда уезжаешь?

— Вероятно, завтра… Осталось уладить кое-какие мелочи. Как только покончу с ними и… в путь-дорогу.

— А куда держишь путь?

— Туда и сюда. Еще не решил окончательно.

— Ты ненормальный.

— Раньше это называлось «вандер-яр» «год скитаний». Свой собственный я по возрасту уже пропустил, значит, надо наверстывать. Согла-

сен?

— Вообще-то звучит весьма заманчиво. Наверное, и мне нужно будет как-нибудь попробовать.

— Возможно. Я думал, что ты прошел через этот период еще в колледже.

— Что ты имеешь в виду?

— Не только я один имел привычку исчезать на время.

— А, это… — взмахом руки он словно бы отбросил мои предположения. — Это были деловые поездки. Приходилось как-то оплачивать счета. Ты думаешь навестить предков?

Странный вопрос. Ни один из нас никогда раньше не упоминал о родителях. Разве что в самых общих словах.

— Едва ли, — заявил я. — А как поживают твои?

Он поднял на меня глаза и некоторое время мы молча смотрели друг на друга. Его вечная улыбка стала еще шире.

— Трудно сказать, — ответил он. — У нас нет связи, в некотором смысле.

Я тоже улыбнулся.

— Это чувство мне знакомо.

Мы доели завтрак, и выпили по последней чашке кофе.

— Значит с Миллером ты разговаривать не будешь?

— Нет.

Он пожал плечами. Нам принесли счет, и Люк мгновенно перехватил его.

— Сегодня угощаю я, — заявил он. — В конце концов, я-то работаю!

— Спасибо. Может быть, когда-нибудь мне тоже удастся угостить тебя обедом. Ты где остановился?

— Секунду… — он сунул руку в карман рубашки, вытащил оттуда коробок спичек и перебросил мне. — Вот. Мотель «Нью Лайн».

— Как насчет шести часов?

— Идет.

Он рассчитался за завтрак, и мы вышли на улицу.

— До встречи, — бросил он.

— Пока.

Пока, Люк Гейнард. Странный человек. Мы были знакомы почти восемь лет. Неплохо проводили время. Почти каждый день бегали трусцой. Входили в легкоатлетическую команду. Соревновались. Иногда назначали свидания одним и тем же девушкам. Решали одни и те же задачи. Он остался таким же — сильным, умным. Как и тогда,

он и теперь был той же самой «кошкой, которая гуляет сама по себе». Между нами была какая-то связь, но я не мог ее полностью уловить и понять. Я вернулся к стоянке около своего бывшего дома и прежде, чем забросить в кабину сумку и завести двигатель, заглянул под крышку капота и под днище машины. Потом медленно поехал, глазея по сторонам. Все это было так ново и так интересно восемь лет назад. Теперь я знал этот город наизусть и говорил всему, что меня окружало, «прощай». За последнюю неделю я сказал то же самое всем, кто что-нибудь для меня значил. Кроме Джулии. Лень… Да нет, видно что-то другое. Просто было желание отложить это прощание на потом. Но времени уже не оставалось. Сейчас или никогда, да и к тому же было разбужено и мое любопытство. Я заехал на стоянку у автомата, но когда набрал номер Джулии, мне никто не ответил. Может, теперь она работает по круглосуточному расписанию, и сегодня дневная смена. А, может, просто принимает душ, или пошла в магазин. Я решил поехать к ней домой, чтобы убедиться — так оно и есть. Это было недалеко. К тому же Джулия упоминала о каком-то предмете, который, так она считала, нужен мне. Это неплохой предлог, чтобы повидать ее перед отъездом.

Я колесил по округе, пока не нашел место для стоянки, запер дверцу машины, дошел до угла и повернул направо. День стал жарче. Где-то неподалеку лаяла собака. Я миновал квартал и подошел к огромному викторианскому особняку, переделанному в многоквартирный дом. С фасада окон не было видно. Она жила на последнем этаже, и они выходили на противоположную сторону. Шагая по дорожке, ведущей к парадному, я старался отогнать воспоминания, но напрасно. Вместе с ними нахлынули на меня прежние чувства. Я остановился. Глупо было приезжать сюда. Зачем? Зачем тревожить то, о чем я уже даже не тосковал. И все же… Черт! Мне и в самом деле хотелось увидеть ее. И поздно было давать задний ход. Я поднялся на крыльцо. Дверь подъезда была приоткрыта, и я вошел. То же фойе. Та же бледная фиалка с пыльными листьями, перед зеркалом в золотой раме, в горшке на столике. Зеркало, которое не раз отражало, слегка искривляя при этом, наши объятия. Лицо мое дрогнуло в его глубине, когда я прошел мимо. Я начал подниматься по лестнице, покрытой зеленой ковровой дорожкой. Откуда-то вновь донесся лай собаки. Первый пролет не вызвал у меня никаких подозрений. Все было таким же, как всегда. Я миновал несколько

ступенек, прошел мимо блеклых гравюр на стене и стал взбираться по ступенькам второго прохода. И тут вдруг послышался звук, напоминающий царапание, потом словно бы что-то покатилось по деревянному полу — бутылка или ваза. Может почудилось? Снова тишина, не считая шелеста ветра в кронах деревьев. В глубине моей души шевельнулось дурное предчувствие, и я ускорил шаги. У конца пролета я задержался. Все вроде было в порядке, если бы не этот непонятный запах. Я не мог определить, что это такое, — в нос ударило что-то сладкое, влажное, наверняка скользкое. Я подошел к двери и несколько секунд стоял молча, чего-то ожидая. Здесь запах казался сильнее, но никаких звуков слышно не было. Я тихо постучал в деревянную дверь. На мгновение мне показалось, что из-за нее донесся какой-то шорох, но только на мгновение. Я снова постучал.

— Джулия! — позвал я. — Это я… Мерль.

Тишина. Я постучал громче. Что-то с грохотом повалилось. Я подергал ручку. Заперто.

Я дернул, рванул и вырвал ручку двери вместе с замком. Потом шагнул в сторону и несколько секунд выждал. Приоткрыл дверь и снова подождал. Новых звуков не последовало, а в

щель мне был виден лишь участок стены и пола, акварель на стене, кусочек красного дивана, зеленый ковер. Я приоткрыл дверь еще немного. Все оставалось без изменений. Но запах стал еще сильней. Я отступил в сторону и еще сильнее надавил на дверь. Ничего… ничего… ничего… Но когда я увидел ее, то сразу отдернул руку. Она лежала поперек комнаты. В крови… Кровь была повсюду — на полу, на ковре, на перевернутой мебели, разорванных подушках… Подавив желание тут же броситься вперед, я медленно шагнул, затем, сделав еще один шаг, переступил порог. В комнате никого не было. Я подошел и присел рядом с ней, почувствовав тошноту. Издали мне не было видно, что у Джулии нет правой руки и половины лица. Она не дышала. На ней было изорванное, испятнанное кровью платье, на шее висел голубой медальон. Кровь залила не только ковер, но и пол, на котором отпечатались кровавые следы. Но это были не следы человека, а отпечатки больших, удлиненных трехпалых лап, с толстыми подушечками и когтями. Сквозняк, которого я почти не замечал, проникавший в комнату через открытую дверь спальни за моей спиной, неожиданно уменьшился. Одновременно, гораздо сильнее стал странный запах. Но,

тем не менее, я ничего не услышал. ОН двигался совершенно бесшумно, но я знал, что ОН там. Я завертелся волчком, переходя из одного положения в другое, разворачиваясь… И увидел зловонную пасть, полную зубов, кровавые губы. Это был огромный зверь, похожий на собаку. Его покрывала жесткая и короткая шерсть, похожая на плесень. Уши его напоминали наросты древесного гриба, большие желто-оранжевые глаза смотрели с дикой яростью. А намерения не вызывали сомнений. Я швырнул в него дверную ручку, которую бессознательно сжимал в руке в течение всей прошедшей минуты. Ручка отскочила от костистого выступа над левым глазом зверя, не причинив ему заметного вреда. Ужасное это существо бесшумно прыгнуло на меня. Те, кто работают на бойнях, знают, что на лбу животного есть точка, находящаяся на пересечении двух линий. Одна линия мысленно проводится от правого уха к левому глазу, вторая от левого уха к правому глазу. И они убивают животное, нацеливая удар на дюйм-два выше точки пересечения. Этому меня научил мой дядя. Правда, он никогда не работал на бойне, но все же знал, как надо убивать. Поэтому я отпрыгнул в сторону и вперед в тот момент, когда существо прыгнуло,

и, словно молотом, ударил в смертельную точку. Но оно двигалось быстрее, чем я ожидал. И когда мой кулак достиг цели, чудовище пронеслось мимо. Мускулы шеи помогли ему выдержать мой удар. Тем не менее, оно завизжало, потом зверь затряс головой, стремительно развернулся и снова бросился на меня, грозно рыча. При этом чудовищный пес очень высоко подпрыгнул. И я понял, что не успею уклониться. Мой дядя научил меня, как хватать собаку за шкуру по обе стороны шеи, под челюстью. Если собака крупная, то нужно хватать посильнее, быстро и точно. Сейчас у меня не было выбора. Если бы я попытался ударить ногой и промахнулся, то остался бы без ступни. Руки мои взметнулись вперед и вверх, и я постарался не потерять равновесия, когда мы столкнулись. Я был уверен, что животное весит больше меня. Кроме того, приходилось учитывать момент силы. В моем воображении на мгновение мелькнула страшная картина — пес отхватил мне не только пальцы, но даже ладонь. Но мне все же удалось схватить зверя за шкуру под самой челюстью и сжать ее. Я вытянул руку и подался вперед, навстречу толчку. И хотя он был очень сильным, я не только устоял на ногах, но мне удалось еще удержать захват и нейтра-

лизовать инерцию. В моих ушах перекатывалось рычание бестии, всего в футе от моего лица истекала слюной зубастая пасть. И тут я вдруг понял, что не совсем четко представляю, что делать дальше. Если бы это была обыкновенная собака, я мог бы разбить ей голову каким-нибудь подходящим твердым предметом — яремная вена у собак проходит глубоко и нельзя полагаться на прямое давление. Но это было настоящее чудовище, и пальцы мои уже начали слабеть. Кроме того, толкая пасть вверх от себя, я понял, что зверь выше меня ростом, если растянуть его по вертикали. Можно было попробовать пнуть его в мягкое незащищенное брюхо, но тогда я наверняка потерял бы равновесие, кроме того, мне пришлось бы разжать захват, и тогда мой пах оказался бы в опасной близости от его зубов. Но зверь уже успел сбросить мою левую руку, и мне ничего иного не оставалось, как воспользоваться правой. Поэтому я изо всех сил толкнул его и отступил. Я оглядывался по сторонам, стараясь найти хоть какое-нибудь оружие, но под рукой ничего подходящего не оказалось. Зверь вновь стремительно бросился вперед, стараясь вцепиться в мое горло. Он слишком высоко прыгнул, поэтому я не смог ударить его ногой в голову. И

уклониться тоже не было никакой возможности. Его передние лапы были на уровне моей груди. И я опять вспомнил дядины советы, надеясь, что и на этот раз они помогут мне. Я поймал зверя за эти лапы и дернул, поворачивая их вниз и назад. Мне пришлось упасть на одно колено, чтобы избежать его пасти. Защищая горло, я наклонил голову как можно ниже. Треснули кости, голова пса опустилась, челюсти его готовы были сомкнуться на моих руках, но я уже вскочил. Зверь отлетел назад, перевернулся, почти сохранив равновесие. Но когда его лапы коснулись пола, он не то застонал, не то зарычал и упал головой вперед. Я уже собирался ударить его ногой, но зверь неожиданно приподнялся и сделал это куда быстрее, чем я предполагал. Он тут же поджал правую переднюю лапу, балансируя на трех остальных и, продолжая рычать, глядел мне прямо в глаза, а из его рта катилась слюна. Я немного сдвинулся влево и занял стойку, которой меня никто никогда не учил, но, к счастью, иногда по наитию я действую очень верно. На этот раз животное двигалось немного медленнее. Возможно, я мог бы ударить его в голову, и все бы обошлось, но я не стал рисковать и в этот раз. И вновь ухватил его за шею под челюстью. Это был уже знакомый

мне прием. Я не стал останавливать его движения, и за несколько секунд, которые мне были необходимы, бестия уже не смогла вырваться, как в первый раз. Я развернулся и швырнул его так, что он перевернулся в воздухе, ударившись спиной об окно. Раздался звон бьющегося стекла, страшный пес высадил оконную раму, унося ее с собой, а также вторую штору и карниз с трубкой, на которой висела штора. Я услышал глухой стук, когда он ударился оземь тремя этажами ниже. Поднявшись и выглянув наружу, я увидел, как зверь несколько раз дернулся в конвульсиях и замер. Он лежал на бетонной площадке внутреннего дворика, где мы с Джулией не раз пили в полночь пиво. Я вернулся к лежащей на полу Джулии и взял ее за руку. Я был ужасно зол. За всем этим кто-то стоял. Неужели снова «Н»? Неужели это и было его подарком мне на тридцатое апреля в этом году? У меня возникла уверенность в том, что я не ошибаюсь, и мне захотелось сделать с «Н» то же самое, что я сделал со зверем, которого он использовал против меня. Должна же быть причина? Я встал, прошел в спальню, взял одеяло, накрыл им останки Джулии и машинально стер отпечатки пальцев с дверной ручки, затем начал более тщательно осматривать квартиру.

Я нашел их на каминной полке, между стопкой книжек по оккультным наукам — это были дешевые издания, напечатанные на дешевой бумаге и в мягких обложках, и ручными часиками. Коснувшись их, я почувствовал холод и осознал, что все это даже серьезнее, чем я полагал. Они и должны были быть той вещью, о которой она писала. Только они были не мои. Хотя я и узнал их, когда перетасовывал. Это были Карты, похожие и одновременно не похожие на те, которые мне приходилось видеть раньше. Колода была неполной. Несколько отдельных и весьма странных Карт. Когда раздался звук полицейской сирены, я быстро сунул их в боковой карман. Пасьянс будем раскладывать позже. Я протопал вниз по лестнице и, как пробка из бутылки, выскочил через дверь черного хода, никого не встретив по пути. Фидо все еще лежал там, где упал, и все соседние собаки обсуждали это событие вслух. Топча чужие цветочные клумбы, я перепрыгивал через ограды, пробираясь через задние дворики к своей машине, припаркованной на боковой улочке. Несколько минут спустя я уже был далеко от дома Джулии, пытаясь уйти от воспоминаний о кровавых отпечатках лап и об изуродованной зверем мертвой девушке.

2

Я нажимал на педаль газа, уносясь подальше от собачьего лая и прочего шума, пока не оказался в довольно спокойном месте. Там я остановил машину и дальше пошел пешком. Прошло немало времени, прежде чем я добрался до небольшого пустынного парка. Усевшись на деревянную скамью, я достал Карты и принялся их изучать. Многие из них показались мне знакомыми. Другие же были совершенной загадкой. Я слишком долго смотрел на одну из них, пока не стал различать доносящееся оттуда пение сирен. И уж тут мне пришлось отложить Карты в сторону. Нет, я не мог узнать этого стиля — их рисовал кто-то, кого я не знал, какой-то неизвестный. И это было очень неприятно. Все это напомнило мне историю об одном известном токсикологе, случайно принявшем яд, противоядия от которого не было. Он тут же захотел узнать, смертельна ли доза, которую он проглотил, заглянул в классический учебник, который сам написал за несколько лет до этого, и узнал, что смерть неминуема. Тогда он сверился с другим справочником, автором которого был другой выдающийся специалист по

ядам. В справочнике писалось, что, учитывая его вес, он получил всего лишь половину летальной дозы. После чего ему оставалось только сидеть и ждать, горячо надеясь на то, что прав не он. Я испытывал примерно то же чувство, потому что был экспертом в отношении Карт. До сих пор я был уверен, что смогу узнать работу любого, кто способен делать подобные вещи. Я взял одну из Карт, которая почему-то мне понравилась больше других, словно она мне что-то напоминала. На ней изображался небольшой, покрытый травой мыс, вдававшийся в озеро, и что-то яркое, блестящее справа. Я дохнул на Карту, затуманив на миг рисунок, потом щелкнул ее ногтем. Она зазвенела, как стеклянный колокольчик, и ожила. Задвигались, запульсировали тени, и над озером на картинке наступил вечер. Я провел над Картой рукой, изображение изменилось и замерло. Снова только озеро, трава, свет солнца. И все это было очень далеко. В том месте поток времени двигался быстрее относительно того мира, в котором я находился сейчас. Мне это показалось любопытным. Я нашарил старую трубку, которой иногда баловался, набил ее табаком, раскурил и задумался, попыхивая дымком. Карты функционировали, все было в норме — это не было

искусной имитацией — хотя я и не понимал их значения. Но в данный момент меня заботило не это. Сегодня было тридцатое апреля, и я еще раз встретился лицом к лицу со смертью. А мне хотелось увидеть наконец человека, вздумавшего поиграть с моей жизнью. Но он и на этот раз подослал вместо себя нечто другое. Мне пришлось уничтожить не совсем обычного пса. И вот передо мной эти Карты… Где нашла их Джулия? И почему она захотела, чтобы они были у меня? Карты и собака — это указывало на силы, которые были вне контроля обыкновенного человека. Все это время я считал, что стал объектом невольного внимания какого-то психа, с которым без труда мог бы разделаться на досуге. Но события сегодняшнего утра пролили на все это новый свет. Это означало, что где-то у меня появился чертовски могущественный враг. Я поежился. Если бы можно было снова поговорить с Люком, попросив его вспомнить события прошлого вечера. А вдруг Джулия сказала что-то такое, что объяснит тайцу. Я был бы не прочь вернуться и более тщательно осмотреть ее квартиру. Но об этом не могло быть и речи. Когда я отъезжал, к парадному подъезду уже примчалась полиция. Какое-то время туда невозможно будет сунуться. Рик… Был еще Рик

Кински, парень, с которым начала встречаться Джулия, когда мы с ней порвали. Я как-то видел его — худой, с усами, интеллектуал с толстыми стеклами очков и так далее. Он заведовал книжным магазином, куда я пару раз заходил. Но больше я о нем ничего не знал. Возможно, он даст мне какую-нибудь полезную информацию о Картах и о том, как попала Джулия в трагическую ситуацию и погибла. Я еще некоторое время предавался безрадостным размышлениям, потом спрятал Карты. Я не собирался с ними баловаться. Пока. Сначала я был намерен добыть всю информацию, какую только возможно. Я направился обратно к машине. Но по дороге напомнил себе, что 30 апреля еще не кончилось. Допустим, «Н» не считает, что сегодняшняя утренняя попытка была направлена именно против меня. Тогда у него остается достаточно времени, чтобы попытаться еще раз. К тому же у меня было такое чувство, что если я начну подбираться к «Н», то он забудет о регулярных датах и воспользуется первой попавшейся возможностью, чтобы добраться до моей глотки. Поэтому я решил, что впредь буду держаться настороже и перейду на осадное положение до тех пор, пока не разберусь с этим делом. И все мои силы теперь будут направлены

на то, чтобы поскорей покончить с ним. Чтобы сохранить свою жизнь, нужно было уничтожить врага, и как можно скорее. Могу ли я с кем-то посоветоваться? Я не был уверен в этом. И даже если да, то с кем? Я ужасно мало знал о своем происхождении… и наследстве тоже.

— Нет. Еще рано, — произнес я вслух. — Нужно сделать все возможное, чтобы разобраться в этом самостоятельно.

Но, кроме желания, была еще и необходимость потренироваться. Там, откуда я родом, все стараются справиться с неприятными делами сами. Это жизненная необходимость… Я вел машину, а взглядом искал будку таксофона и старался не вспоминать о Джулии, о том, какой я видел ее в последний раз. С запада наползало несколько тучек. На запястье, рядом с невидимым Фракиром, тикали часы. По радио передавали нерадостные международные новости. Я остановился у аптеки и, воспользовавшись тамошним телефоном, попробовал связаться с мотелем Люка. Его в номере не было. Я съел в кафе аптеки бутерброд с майонезом, помидором и ветчиной, запил все молочным коктейлем и вновь попытал счастья с телефоном. Но Люка все еще не было. Ну, ладно. Поймаю его позже. Я направился в город. Насколько мне пом-

нилось, Рик работал в магазине под названием «Всякая всячина». Подъехав, я обнаружил, что на мое счастье магазин уже работает. Припарковав машину за квартал от него, я вернулся к нему пешком. Всю дорогу я напряженно следил за обстановкой, но никаких признаков опасности или слежки не обнаружил. Пока я шагал к магазину, в лицо мне повеял прохладный ветерок, напоминая о возможном дожде. Через окно я заметил Рика. Он сидел за высоким прилавком и читал. Больше в магазине никого не было. Когда я вошел, над дверью зазвенел колокольчик, Рик приподнял голову и сразу выпрямился. Я подошел к нему поближе и увидел его широко раскрытые глаза.

— Привет! — произнес я, сделав успокаивающую паузу. — Рик, ты, наверное, меня не помнишь?

— Мерль Кори, — прошептал он.

— Верно, — я облокотился о прилавок, и он подался назад. — Послушай, не мог бы ты оказать мне услугу я рассказать кое о чем.

— О чем же?

— О Джулии.

— Я к ней не подходил, пока вы не порвали.

— Гм… Нет, нет, ты не понял. Это меня не волну-

ет. Мне необходима более поздняя информация. На прошлой неделе она пыталась связаться со мной и…

Он покачал головой.

— Я не виделся с ней уже два месяца. И не звонил.

— Вот как?

— Да, мы больше не встречаемся. Разные интересы, понимаешь?

— А когда вы… перестали видеться… она была здорова? Все было в порядке?

— Думаю, да.

Я посмотрел ему прямо в глаза, и он вздрогнул. Мне это его «думаю» не понравилось. Я видел, что он меня боится, поэтому решил немного поднажать.

— Что ты имеешь в виду под «разными интересами»?

— Ну, она стала немного странноватая, понимаешь?

— Не понимаю. Расскажи.

Он провел языком по губам и посмотрел в сторону.

— Я не хочу неприятностей, — твердо заявил он.

— И я тоже. Так в чем же было дело?

— Ну… она испугалась.

— Испугалась? Чего?

— Э-э-э… тебя.

— Меня? Глупости! Я никогда ничего такого не делал, чтобы испугать ее. А что она говорила?

— Она открыто никогда не говорила, но я понимал… замечал, едва упоминалось твое имя. К тому же, у нее появились эти забавные увлечения.

— Ты меня совсем запутал. Совершенно. Она стала странно себя вести? Забавные увлечения? Какого рода? Что происходило? Нет, я в самом деле ничего не понимаю и очень хотел бы в этом разобраться.

Он поднялся и посмотрел на меня через плечо, как бы приглашая меня идти за ним. Рик приостановился у полки, где стояли книги по народной медицине, ведению фермерского хозяйства, военному искусству, воспитанию детей и так далее. Но затем он подошел к дальней секции, где были собраны книги по оккультизму.

— Вот, — показал он. — Она взяла почитать кое-что из них, потом принесла назад и взяла еще.

Я пожал плечами:

— И это все? Что же здесь странного?

— Но она и в самом деле стала этим заниматься.

— Как и множество людей, — вставил я.

— Позволь мне закончить. Она начала с теософии. Даже посещала собрания местной группы. С этим Джулия весьма быстро порвала, но успела познакомиться с людьми, у которых были обширные знакомства. Очень скоро она уже возилась с суфисом, гарджефианами и даже шаманом.

— Интересно, — заметил я. — А как же с йогой?

— Нет, не занималась. Когда я задал ей тот же вопрос, она заявила, что ее интересует сила, а не подобие ее. Во всяком случае, она продолжала заводить все более и более странные знакомства. Атмосфера для меня сделалась слишком напряженной, поэтому я сказал ей «до свидания».

— А почему бы это? — задумчиво протянул я.

— Вот, взгляни-ка на это.

И он перебросил мне книгу в черном переплете, сделав при этом шаг назад. Это был экземпляр библии. Я открыл ее на странице с данными издательства.

— Какое-то особенное издание? — поинтересовался я.

Он сделал глубокий вздох.

— Нет. Прошу прощения.

Он забрал у меня книгу и поставил на место.

— Одну минуту, — сказал Рик.

Он возвратился к прилавку и вытащил из-под полки картонный пакет. На нем значилось: «Только что вышел, откроется снова в...» Рядом был нарисован циферблат часов с подвижными стрелками. Он передвинул их на полчаса вперед и повесил плакат на витрину, потом задвинул засов на двери и жестом предложил мне последовать за ним в комнату, расположенную в глубине магазина. В комнате был письменный стол, пара стульев и картонные ящики с книгами. Он сел за стол и кивнул мне на свободный стул. Я присел. Тогда он включил автосекретаря, отвечающего по телефону, убрал со стола кипу бланков и служебных писем, открыл ящик и вытащил оттуда бутылку «кьянти».

— Как насчет стаканчика? — предложил он.

— Не откажусь.

Рик скрылся в маленькой туалетной, где вымыл под краном пару стаканов. Вернувшись в кабинет, он наполнил их вином и пододвинул один мне. Оба были из «Шератона».

— Извини, что бросил в тебя библией, — произнес он, поднимая стакан и делая глоток.

— У тебя был такой вид, точно ты ждал, что я исчезну в облаке тумана.

Он кивнул.

— А я и в самом деле был уверен, что она искала власти над сверхъестественными силами, и причина этого как-то связана с тобой. Ты занимался какой-нибудь формой оккультизма?

— Нет.

— Она иногда такое говорила… словно ты на самом деле мог быть сверхъестественным существом.

Я расхохотался. Через несколько секунд он тоже рассмеялся.

— Не знаю, — пожал он плечами, — в мире много странного, и иногда не поймешь, что к чему. Конечно, все не могут быть правы, но…

Я пожал плечами.

— Кто знает? Значит, ты думаешь, она искала какую-то систему, которая дала бы ей силу защищаться от меня?

— Такое у меня сложилось впечатление.

Я отпил глоток вина:

— Но это же чепуха!

Однако, произнеся эти слова, я уже знал, что это могло быть и правдой. А если я толкнул ее на эту тропу, приведшую к гибели, значит, отчасти на мне лежит вина за ее смерть. Вместе с болью я вдруг почувствовал и тяжесть ответственности.

— Рассказывай до конца, — попросил я.

— Я уже почти все рассказал. Мне надоело слушать людей, готовых ночи напролет обсуждать подобную чепуху. И я ушел.

— И это все? Что же случилось в конце концов?

Он глотнул вина и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я и вправду был к ней очень привязан, — заметил он.

— Не сомневаюсь.

— Таро, Каббала, Золотой Рассвет, Кроули, Фортуна — вот чем она занималась в конце.

— И зациклилась на этом?

— Точно не знаю. Но думаю, да. В подробности я не вдавался.

— Следовательно, ритуальная магия?

— Возможно.

— Кто еще этим занимается?

— Множество народу.

— Я хочу спросить, кого именно она нашла? Ты слышал имя?

— Кажется, Виктор Мелман.

Он посмотрел на меня вопросительно. Я покачал головой.

— Извини, впервые слышу это имя.

— Он странный человек, — задумчиво про-

тянул Рик, сделал еще глоток и откинулся на спинку стула, сцепив руки за шеей. Взгляд его был устремлен в одну точку. Он продолжил.

— Многие о нем так отзывались… И еще говорили, что он чем-то таким располагает, каким-то просветлением, особой силой, благодаря которой может стать великим учителем. Но у него есть и проблемы — комплексы, неуравновешенность… все такое, что всегда следует за сверхспособностями. И это скользкая сторона. Слышал я, что на него имеется криминальное досье и что живет он не под настоящим именем. И что он лучше знаком с полицией, чем с магией. Не знаю. Формально — он художник. И довольно хороший. Его полотна хорошо расходятся.

— Ты с ним знаком?

Пауза.

— Да.

— И какое впечатление он на тебя произвел?

— Не знаю. Я — лицо заинтересованное. Не могу сказать.

Я сжал свой стакан с вином:

— Отчего?

— Ну, я тоже хотел у него заниматься, но он меня выгнал.

— Выходит, и ты с этим связан. Я думал…

— Я ни с чем не связан! — отрезал он. — Я все пробовал, в свое время. У каждого бывают периоды тех или иных увлечений. Мне нужно было развиваться, двигаться вперед. Как и всем. Но я не нашел своего пути, он жадно отпил вина. — Иногда мне казалось, что и в самом деле существует какая-то сила, к которой я могу прикоснуться. А затем все исчезало. И оказывалось просто кучей дерьма. Обыкновенная иллюзия, самообман. Да, иногда мне казалось, что я чего-то достиг. Но проходило несколько дней, и я начинал понимать, что просто лгал сам себе.

— Но все это было до того, как ты познакомился с Джулией?

Он кивнул.

— Да. И, быть может, это нас некоторое время и связывало. Мне до сих пор интересно болтать о всякой такой чепухе, хотя я больше в нее и не верю. Затем Джулия начала относиться ко всему этому чересчур серьезно, а мне по старой дорожке ехать уже не хотелось.

— Понимаю…

Он осушил свой стакан и опять наполнил его.

— В этом ничего нет, — произнес он. — Существует бесконечное число путей самообмана или рационального превращения вещей в то, чем

они на самом деле не являются. Да, наверное, мне хотелось волшебства, но настоящего волшебства в мире не существует.

— Тогда зачем ты бросил в меня библией?

Он фыркнул.

— С таким же успехом это мог бы быть коран или евангелие. Было бы забавно посмотреть, как ты исчезаешь в огненной вспышке. Однако я напрасно старался.

Я улыбнулся:

— Как мне найти Мелмана?

— Где-то тут у меня… — он открыл ящик. — Сейчас, сейчас… Вот.

Рик вытащил небольшую записную книжку и полистал ее. Потом на библиотечной карточке выписал адрес и протянул мне, заодно глотнув еще вина.

— Благодарю.

— Там его мастерская, но он там и живет, — добавил Рик.

Я кивнул и поставил свой стакан на стол.

— Очень благодарен тебе за все эти сведения.

Он приподнял бутылку:

— Еще опрокинем по маленькой?

— Нет, спасибо.

Он пожал плечами и налил себе. Я поднялся.

— Ты понимаешь, — проговорил он, — это в самом деле грустно.

— Что именно?

— Что нет в мире волшебства, никогда не было и не будет.

— Скверно, — подтвердил я.

— Мир был бы интереснее.

— Да.

Я повернулся, собираясь уходить.

— Сделай мне одолжение, — попросил он.

— Какое?

— Будешь выходить, поставь указатель на витрине на три часа и захлопни за собой дверь.

— С удовольствием.

Я оставил его за столом в кабинете и сделал так, как он просил. Небо успело заметно потемнеть, ветер стал прохладнее. Я снова попробовал позвонить Люку из таксофона на углу, но его по-прежнему не было.

Мы были счастливы. Это был самый счастливый день. Погода была — лучше не бывает. И все, что мы задумывали, получалось. Вечером мы пошли в гости, веселились, потом ужинали в прелестном местечке, которое обнаружили совершенно случайно. И долго сидели за бокалами с вином, не желая, чтобы этот счастливый день

кончился. Чтобы продлить его, мы поехали на пустынный берег, где сидели, плескались, смотрели на луну, и ветер шевелил наши волосы. Долго… Потом я сделал одну вещь, которую обещал себе никогда не делать. Но разве Фауст не считал, что прекрасное мгновение стоит души?

— Пойдем, — сказал я, метко бросив пустую бутылку в контейнер для мусора и взяв Джулию за руку. — Погуляем.

— Куда? — спросила она, когда я помог ей подняться.

— В волшебную страну. В далекий сказочный Эдем. Пошли.

Смеясь, она позволила мне вести ее. Мы прошли вдоль кромки прибоя к тому месту, где полоса берега сужалась. Роскошная луна желтела над нами, а море распевало мою любимую песню.

Мы шагали, рука в руке, пока неожиданный поворот тропинки не увел нас в сторону от полоски песка. Я уже искал глазами пещеру, которая должна была скоро появиться… Высокая, узкая пещера…

— Пещера, — объявил я минуту спустя. — Давай войдем.

— Там темно. Я боюсь.

— Прекрасно! — обрадовался я, и мы вошли в

пасть пещеры. Первые шесть шагов нам светила заглянувшая туда луна, и я успел заметить поворот налево.

— Сюда, — уверенно произнес я.

— Но тут темно!

— Конечно. Ты только держись за мою руку покрепче. Все будет в порядке, милая!

Мы сделали еще пятнадцать-двадцать шагов и справа что-то засветилось. Я повел Джулию к правому повороту. Мы шли, а свет становился ярче.

— Мы можем заблудиться, шепнула они мне на ухо.

— Я никогда не заблуждаюсь, пошутил и.

Еще один поворот, за ним маленький коридорчик, и мы оказались у подножия горы. Неподалеку виднелся лес, и солнце уже прошло половину утреннего пути над его деревьями.

Она замерла, широко раскрыв свои чудесные голубые глаза.

— День! — изумилась Джулия.

— Темпус фугит[1],— ответил я. — Пойдем.

Мы шли через лес, слушая пение птиц и ветра в ветвях, темноволосая Джулия и я. Немного спустя, я провел ее через каньон цветных трав и

---

[1] Примечания: 1

Темпус фугит — время бежит (лат.).

камней, по дну которого протекал хрустальный ручей, впадающий в реку. Мы брели вдоль реки, пока, совершенно неожиданно, не оказались у обрыва, уходящего вдаль, полного радуг от падающей речной воды и туманов. Стоя на гребне водопада, глядя на обширную долину у наших ног, мы увидели проступающие сквозь утренний туман шпили и купола города, золотые и кристаллические.

— Где… мы? — спросила Джулия.

— Прямо за поворотом, — ответил я. — Идем.

Я повел ее влево по тропинке, которая вела нас обратно вдоль обрыва, пока, наконец, мы не миновали водопад. Тени и алмазные брызги… мощный рев, потом мощь тишины… Наконец, мы вошли в туннель, поначалу влажный, а дальше сухой. Мы поднимались все выше. Туннель вывел нас в галерею, открытую с левой стороны и глядящую в ночь, где были звезды, звезды и звезды… Это было грандиозное зрелище, сияние незнакомых созвездий было настолько мощным, что наши фигуры отбрасывали тени на стену наскальной галереи. Джулия облокотилась о низкий парапет, кожа ее бледно светилась, точно редкий вид мрамора. Она посмотрела вниз.

— Они и там, внизу, — прошептала она. — И по

обе стороны! Внизу ничего нет, кроме звезд! И по сторонам…

— Красиво, правда?

Мы долго стояли там, любуясь, пока мне не удалось убедить Джулию пойти дальше по туннелю. Он вновь вывел нас на поверхность, и мы оказались перед руинами классического амфитеатра под небом позднего полудня. Сломанные мраморные скамьи и рухнувшие колонны обвил плющ. То тут, то там лежали разбитые статуи, как будто низвергнутые землетрясением. Живописное зрелище. Я думал, что ей все это должно понравиться, и не ошибся. Мы по очереди усаживали друг друга на почетное место и произносили со сцены речь. Акустика была превосходная. И мы пошли дальше, рука в руке, по мириаду троп под разноцветными небесами, и оказались, наконец, на берегу тихого озера. Над дальним берегом висело закатно-оранжевое солнце. Справа блестели какие-то скалы. Сияние солнечного света отражалось от вод озера. Мы нашли удобное место, где мох и папоротник образовали мягкое ложе. Я нежно обнял ее, и мы долго стояли так, а ветер в ветвях деревьев играл на лютне. Ему подпевали невидимые птицы. Немного погодя, я расстегнул ей блузку.

— Прямо здесь? — спросила Джулия.

— А мне тут нравится. Тебе нет?

— Здесь очень красиво, милый, — произнесла она. — Подожди минутку.

И мы опустились на подушку из мхов и любили друг друга до тех пор, пока нас не укрыли тени. Мы были неистощимы в любви. Потом она заснула, как я и хотел. Я наложил на нее заговор, чтобы она не просыпалась, потому что начал сомневаться в собственном благоразумии и в том, что стоило предпринимать это путешествие. Потом я оделся, одел Джулию и поднял ее на руки, чтобы отнести обратно на наш берег. Я выбрал короткий путь. На берегу, в том месте, куда мы вышли, я уложил ее на песок и вытянулся рядом, обняв ее. Скоро я заснул. Мы проснулись лишь тогда, когда взошло солнце, и нас разбудили голоса пришедших купаться людей. Она уселась на песок и посмотрела на меня.

— Эта ночь не могла быть только сном, — промолвила она. — Но и явью она тоже быть не могла. Да?

— Думаю, что так.

Она нахмурилась:

— С чем именно ты согласен?

— С тем, что нужно позавтракать. Пойдем, пе-

рекусим что-нибудь. Пойдем.

— Погоди минутку, — Джулия положила руку мне на плечо. — Случилось что-то необыкновенное. Что это было?

— Зачем убивать волшебство словами? Пойдем лучше позавтракаем, дорогая.

В последующие дни она много расспрашивала меня, но я был тверд как кремень и отказывался разговаривать на эту тему. Глупо! Все это было просто глупостью с моей стороны. Ни в коем случае нельзя было отправляться с ней на эту необыкновенную для нее прогулку. И в последнем нашем споре-ссоре, после которого мы окончательно расстались, это сыграло свою роковую роль. И теперь, ведя машину и размышляя об этом, я вдруг понял, что дело не только в моей прошлой глупости, я понял, что любил Джулию и люблю ее до сих пор. Если бы я не придумал этой прогулки, или если бы согласился с ней в том, что был обыкновенным волшебником, она бы не стала на ту тропу, по которой пошла, не стала бы искать пути к собственной власти… вероятно, для самозащиты. Я закусил губу, и на мои глаза навернулись слезы. Я обошел тормозящую впереди меня машину и промчался на красный свет. Если я убил свою любовь, то я не был уверен, что

не может совершиться обратное.

3

Гнев и скорбь сжали мой мир железным кольцом. Казалось, они стерли мою память о более счастливых временах, о друзьях, которых я любил, о странах, в которых мне довелось побывать, о возможностях, что открывались передо мной. От потрясения и внезапно нахлынувшего горького чувства, я потерял способность смотреть на мир объективно, судить обо всем, учитывая разные точки зрения. Сам того не желая, я отказался от широчайшего диапазона выбора, который нам предоставляет жизнь, и таким образом сузил и свою собственную свободу Воли. Мне моя апатия была не по душе. Но я перешел какой-то допустимый предел и не мог больше взять ее под контроль, так как у меня возникало противное чувство, будто я делаю уступку детерминизму, и это меня крайне раздражало. Все что несло в себе некую злостную цикличность маятниковой дуги. Раздражение, едва возникшее, тут же начинало подпитывать первоначальные переживания, и я вступал в фазу бесконечного самовозбуждения, как колебательный контур. Есть два способа выйти из такой ситуации. Простейший — это атака

в лоб, чтобы в один миг устранить причину. И более сложный, который обладает философской природой. Заключается он в том, чтобы уйти в тень, будто бы уступить, а тем временем вернуть контроль над собой и своими чувствами. Предпочтительней именно этот сложный путь — атака в лоб легко может закончиться сломанной шеей. Я припарковал машину на первом попавшемся свободном участке, открыл окно, раскурил свою любимую трубку. И поклялся, что не сдвинусь с места, пока не остыну окончательно. Я всегда слишком сильно на все реагирую. Похоже, что это фамильное. Но мне не хотелось поступить так, как поступали другие. Ведь это им самим причиняло массу хлопот. Такая «все-или-ничего» реакция может быть и оправдывает себя, если вам всегда и во всем везет, но на этом пути можно ждать и трагедий, если против вас выступает что-то необычное. А сейчас, кажется, есть основания подозревать именно такой случай. Следовательно, я был просто болван и дурак, и я повторял себе это до тех пор, пока не поверил. Потом я прислушался к своему более спокойному «я», и оно согласилось, что я в самом деле дурак — потому что не понимал собственных чувств, когда еще не было поздно и можно было что-то

поправить, потому что выдал свои возможности и власть, а потом отрицал ответственность за последствия, потому что за все эти годы не разгадал особой природы врага и потому что даже сейчас упрощал грозящую опасность. Нет, схватить Виктора за горло и попробовать выколотить из него правду — едва ли бы это дало что-нибудь. Я принял решение двигаться вперед осторожно, на каждом шагу заботясь о прикрытии. Жизнь — сложная вещь, сказал я себе. Сиди тихо, собирай информацию, размышляй. Я медленно выпустил на волю накопившееся внутри напряжение. И мой мир, так же медленно, снова вырос, расширился и внутри него я обнаружил вероятность того, что «Н» действительно знал меня, хорошо знал и мог в самом деле подстроить события так, что я отброшу сомнения, перестану думать, анализировать и поддамся мгновенному чувству. Нет, я не стану, как остальные… Я еще довольно долго сидел и раздумывал, потом вновь завел машину и медленно вырулил на дорогу.

Это было мрачное четырехэтажное здание из кирпича. Оно стояло на углу. Несколько нанесенных из распылителя нецензурных ругательств темнели на стене со стороны улочки и заднего двора. Эти надписи, несколько разбитых окон и

пожарную лестницу я заметил, пока шел вдоль фасада здания. «Склады Брута» — прочитал я надпись в подъезде. На улице как раз начался небольшой дождик. В подъезде воняло мочой, на пыльном подоконнике валялась пустая бутылка из-под виски «Джек Даниэльс», на облезлой стене висело два почтовых ящика. На одном была эта самая надпись. «Склады Брута», на другом — две буквы: «В» и «М». Оба ящика были пусты. Я ступил на лестницу, ожидая, что ступени затрещат. Но они даже не скрипнули. На втором этаже в коридор выходили четыре двери без ручек. Все они были закрыты. Сквозь матовые стекла в верхней части дверей в глубине комнат можно было рассмотреть что-то вроде картонных ящиков. Было совершенно тихо. Я спугнул черного кота, дремавшего на ступеньках следующего пролета. Он выгнул спину, показал мне свои мелкие острые зубы, зашипел и умчался наверх. На третьем этаже в коридор тоже выходили четыре двери. Три явно давно не открывались, четвертая была до блеска выкрашена черным шеллаком. На ней была привинчена медная табличка с надписью «Мелман». Я постучал. Ответа не последовало. Я вновь постучал. Результат был тот же. Изнутри не доносилось никаких звуков. Вероятно, это была

его жилая квартира, а мастерская находилась на четвертом этаже, где можно было устроить стеклянный потолок. Поэтому я принялся взбираться по последнему пролету. Добравшись до верхнего этажа, я заметил, что одна из четырех дверей слегка приоткрыта. Я остановился и прислушался. Изнутри доносились шорохи — там кто-то был. Я громко постучал и услышал, как человек в комнате шумно вздохнул. Я толкнул дверь и увидел его. Он стоял ко мне лицом примерно в двадцати футах от меня, в свете большого потолочного окна. Высокий, широкоплечий, с темными глазами и черной бородкой. В левой руке он держал кисть, в правой палитру. На нем были джинсы, спортивная майка и испачканный красками фартук. Полотно на мольберте изображало что-то вроде мадонны с младенцем. Набросок. В мастерской было много других полотен в подрамниках, но все они стояли лицевой стороной к стене или были накрыты тканью.

— А вы, случайно, не Виктор Мелман?

— Он самый, — кивнул он равнодушно, без улыбки, но и не нахмурившись. Затем положил палитру на ближайший столик, сунул кисть в банку с раствором. Вытер влажной тряпкой руки и спросил:

— А вы сами кто? — он отшвырнул тряпку и снова повернулся ко мне лицом.

— Мерль Кори. Вы знаете Джулию Барнес? Верней, знали ее?

— Этого я не отрицаю. И, употребив прошедшее время, вы, кажется, хотели сказать…

— Да, она мертва. И я хочу с вами об этом поговорить.

— Хорошо, — согласился он, развязывая тесемки фартука. — Тогда пойдем вниз. Тут негде присесть.

Он повесил фартук на гвоздь возле двери и вышел первым. Я последовал за ним. Повернувшись, он запер дверь мастерской, и только тогда зашагал вниз по лестнице. Двигался он плавно, едва ли не грациозно. Я слышал, как барабанит по крыше дождь. Тем же самым ключом он отпер черную дверь на третьем этаже, а открыв ее, отступил в сторону и жестом предложил мне войти. Я прошел через прихожую, мимо кухни, где все полки и столы были завалены грязной посудой, пустыми бутылками и картонками. К буфету прислонились чуть не лопающиеся мешки с мусором. На полу были какие-то липкие пятна, и воняло одновременно, как на фабрике специй и на скотобойне. Гостиная оказалась

довольно большой комнатой с парой удобных черных диванов, стоящих друг против друга по обе стороны восточных ковров и разнообразных столиков. В дальнем углу громоздилось красивое концертное фортепиано. Стена за ним была украшена тяжелой красной драпировкой. Многочисленные низкие книжные шкафы заполнили книги по оккультизму и стопки журналов, они были придвинуты поближе к креслам. Из-под самого большого ковра виднелась часть какой-то геометрической фигуры, вполне возможно, что это была пентаграмма. В гостиной чувствовался затхлый запах ароматических эссенций и марихуаны. Справа аркообразный коридор вел в другую комнату, слева была закрытая дверь. На стенах висели картины полурелигиозного содержания, очевидно кисти хозяина. Они чем-то напоминали Шагала. Очень неплохие картины.

— Присаживайтесь.

Он показал на кресло, и я сел.

— Пива не хотите?

— Спасибо, нет.

Он опустился на боковой диван, сцепил пальцы и уставился на меня в упор.

— Что случилось? — спросил он.

Я вместо ответа тоже уставился на него.

— Джулия Барнес начала интересоваться системами оккультизма, — сказал я наконец. — И к вам она пришла, чтобы узнать о них больше. Сегодня утром она умерла при чрезвычайно странных обстоятельствах.

Левый уголок его рта дрогнул. Это была единственная реакция.

— Да, она интересовалась такими вещами. Джулия просила у меня наставления, и я руководил ею.

— Я хочу узнать, почему она умерла.

— Время ее истекло, — заявил он, продолжая пристально смотреть на меня. — В конечном счете, это происходит с каждым.

— Она была убита зверем, который не имеет никакого отношения ко времени. Вам известно что-нибудь об этом?

— Вселенная — более странное место, чем многие из нас себе представляют.

— Вы что-нибудь знаете или нет? — повторил я свой вопрос.

— Я знаю о вас, — улыбнулся он впервые за весь наш разговор. — Она о вас рассказывала, естественно.

— То есть?

— То есть, я вас знаю, и знаю, что вы сами более

чем разбираетесь в подобных вещах.

— И?

— Искусство имеет свойство сводить нужных людей вместе в нужный момент, если идет большая работа.

— И вы думаете, что в этом все дело?

— Я это знаю.

— Откуда?

— Мне это было обещано.

— Выходит, вы меня ждали?

— Да.

— Любопытно. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

— С большим удовольствием. И даже кое-что покажу.

— Вы сказали, что вам было что-то обещано. Каким образом? И как?

— Скоро вы все поймете.

— И смерть Джулии — тоже?

— Да, в некотором смысле.

— Вы хотите, чтобы меня осенило озарение? Но как можно этого добиться?

Виктор улыбнулся:

— Я хочу, чтобы вы просто кое-что посмотрели.

— Ладно, показывайте. Жду с нетерпением.

Он кивнул и поднялся.

— Это здесь, — показал Виктор на закрытую дверь.

Я тоже поднялся и пошел за ним. Он сунул руку за пазуху, извлек цепочку, снял ее через голову, и я увидел, что на ней висит ключ, им он открыл эту дверь.

— Входите, — пригласил он, распахивая ее и делая шаг в сторону.

Я вошел. Комнатка была небольшая, и в ней было темно. Виктор щелкнул выключателем, и из плафона под потолком разлился неяркий голубой свет. Я увидел прямо напротив меня окно, стекла которого были закрашены черным. Мебели здесь никакой не было, если не считать небольших подушек, раскиданных по полу. Часть стены справа покрывала черная драпировка. Все остальные стены были совершенно пусты и лишены украшений.

— Я смотрю, — сказал я Виктору. — И жду.

Он засмеялся и попросил:

— Немного терпения. Вы имеете представление, что именно меня интересует?

— Вы каббалист, — уверенно заявил я.

— Да, точно. А как вы определили?

— Люди, занимающиеся восточными дисциплинами, всегда тяготеют к аккуратности,

порядку, опрятности. А вы, каббалисты, отличаетесь неряшливостью.

Он фыркнул.

— Но все зависит от того, что для человека самое важное.

— Согласен.

Он пнул подушку, отлетевшую в центр комнаты, и предложил любезно:

— Садитесь.

— Я постою.

— Ладно, — он пожал плечами и начал тихо что-то бормотать.

Я терпеливо ждал. Через некоторое время, все еще что-то тихо шепча, он подошел к черной драпировке и молниеносным движением отдернул занавес. Я напрягся. Это было рисунком каббалистического Дерева Жизни, изображающего десять сфер и некоторые из их клипфотических аспектов. Оно было нарисовано великолепно, и это чувство узнавания, поразившее меня при первом же взгляде на рисунок, было очень беспокоящим. Это была не стандартная продукция из какой-нибудь лавки, это был оригинал. Но стиль… стиль не походил на стиль работ, висящих в гостиной. Однако чем-то он был мне знаком. И чем дольше и внимательней рассматривал я дерево, тем

отчетливей понимал, что оно было нарисовано той же рукой, что изготовила Карты, найденные в квартире Джулии. Мелман продолжал что-то шептать, пока я рассматривал картину.

— Это ваша работа? — спросил я его.

Он не ответил. Вместо этого он подошел к картине и указал на третьего софирота, которого зовут Вивах. Я присмотрелся. Изображал он, кажется, волшебника перед черным алтарем, и… Нет! Я не мог поверить. Этого не должно было быть… Я почувствовал возникновение контакта с этой фигурой в темном. Это был не просто символ. Он был реален, этот волшебник, и он призывал меня. Он вырос, стал объемным. Стены комнаты вокруг меня начали мерцать и таять… Я уже был почти… там. Это была небольшая поляна посреди густого леса. Вечерело. Кровавый свет освещал алтарь передо мной. Волшебник, лицо которого было закрыто капюшоном, что-то делал с предметом, лежавшим на камне, пальцы его двигались слишком быстро, чтобы я мог уследить за ним. Откуда-то послышалось протяжное, похожее на пение, тихое бормотание. Наконец, волшебник поднял предмет правой рукой, держа его перед собой. Это был черный обсидиановый кинжал. Он положил левую ладонь на алтарь, провел рукой

над гладким камнем, отбрасывая все остальное на землю. И взглянул на меня:

— Иди сюда.

Тупая простота этой просьбы заставила меня улыбнуться. Но вдруг я почувствовал, что ноги мои пришли в движение помимо моей воли, и понял, что на меня наложено заклятье в этом краю мрачной тени. И я мысленно поблагодарил другого дядюшку, который обитал в самом дальнем краю, какой только можно вообразить, и заговорил на языке тари, накладывая собственный заговор, которому он меня научил. Воздух пронзил ужасный вопль, словно какая-то ночная птица ринулась вниз на добычу. Волшебник не дрогнул, и ноги мои не были освобождены от оков чужой воли, но теперь я мог поднять руки. Я держал их на нужном уровне, и когда они коснулись края алтаря, я помог себе призывающим заговором, и мог уже ступать, хотя передвигался, как робот на механических ногах. Локти мои согнулись. Волшебник замахнулся кинжалом, целя в мои пальцы, но это уже не имело значения. Я вложил в толчок весь свой вес и покачнул камень алтаря. Он наклонился и перевернулся. Волшебник поспешил отскочить, но алтарь придавил ему вначале одну ногу, а затем и вторую.

И как только он упал, я сразу же почувствовал, что свободен от заговора. Я снова мог нормально двигаться, и сознание мое было ясным. Он подтянул ноги к груди и покатился вниз, пока я перепрыгивал через алтарь, чтобы добраться до него. Я бросился в погоню, но он прокатился вниз по некрутому склону и пропал в темноте среди кряжистых деревьев. Едва я достиг края поляны, как увидел глаза, сотни диких глаз, сверкающих в темноте, — внизу и вверху. Пение стало громче и доносилось, казалось, из-за моей спины. Я быстро повернулся. Пение не умолкало. Алтарь по-прежнему лежал на боку. Рядом с ним стояла другая фигура в плаще с надвинутым капюшоном. Этот человек был гораздо выше первого. Он монотонно пел, и голос его был мне знаком. На запястье моем, предупреждая об опасности, пульсировал Фракир. Я почувствовал, как вокруг меня плетется заговор, но на этот раз я был готов. Один только призыв, и ледяной ветер смел этот заговор, словно дым. Одежда моя затрепетала, зашуршала, меняя цвет, покрой и фактуру ткани… Пурпурный и серый… светлые брюки, темный плащ, кружева на груди. Черные сапоги и широкий пояс, за который заткнуты перчатки с отворотами. Мой серебряный Фракир, теперь

видимый, сиял браслетом на левом запястье. Я поднял левую руку, прикрыл правой ладонью глаза и вызвал ослепительную вспышку.

— Умолкни, — сказал я.

Песнопение прекратилось. Капюшон сдуло с опущенного лица, и я увидел перед собой искаженные страхом черты Виктора Мелмана.

— Хорошо. Ты меня призывал, — произнес я, и вот он, я, да поможет тебе небо. Ты сказал, что мне все станет ясно. Еще ничего не ясно. Начинай.

Я сделал шаг вперед.

— Говори! Добровольно или под кинжалом, но ты заговоришь. Выбирай сам, как лучше.

Он откинул голову и взревел:

— Хозяин!

— Давай, вызывай своего хозяина любыми средствами, — подбодрил я его. — Я подожду. Потому что он тоже должен ответить мне.

Он снова позвал, но ответа не было. Виктор бросился наутек, но я был готов к этому и произнес призывающий заговор высшего уровня. Лес вокруг поляны рассыпался в прах до того, как он успел добежать до деревьев. И прах их исчез, унесенный ураганным ветром, который прилетел оттуда, где должна была быть полная неподвижность и тишина. Ветер вихрем окру-

жил поляну, возводя непроницаемую стену со всех сторон, уходящую в бесконечность сверху и снизу. Мы стали единственными обитателями круглого острова в ночи, всего в сотню метров в диаметре, и края его медленно сходились.

— Он не придет, — сказал я. — И тебе отсюда не уйти. Он не в силах тебе помочь. Никто тебе здесь не поможет. Тут царствует высшее волшебство, и не оскорбляй его, профан, своим присутствием. Знаешь ли ты, что лежит за стеной смерча? Хаос… И я отдам тебя Хаосу, если ты не расскажешь мне о Джулии, о своем хозяине и о том, как ты осмелился перенести меня сюда.

Он отшатнулся в сторону от границы Хаоса и повернулся лицом ко мне.

— Верни меня в мой дом, и я расскажу тебе все, прошу тебя.

Я покачал головой.

— Убей меня, и ты никогда не узнаешь правду!

Я пожал плечами:

— В таком случае ты все равно мне расскажешь, чтобы остановить свои мучения. А потом я отдам тебя Хаосу, — и я двинулся на него.

— Подожди! — он поднял руку. — Подари мне жизнь за то, что я тебе скажу.

— Я не торгуюсь. Говори.

Смерч вертелся вокруг нас, и наш островок медленно уменьшался. Сквозь шум ветра доносились голоса, бормочущие полупонятные слова, мелькали обрывки и куски силуэтов. Мелман отшатнулся, видя перед собой крошащийся край реальности.

— Хорошо, — громко сказал он. — Да. Джулия пришла ко мне, как мне это и обещали, и я кое-чему научил ее… не тому, чему стал бы учить ее год назад, а кое-чему из нового, чем я сам овладел лишь недавно. Так мне тоже было велено сделать.

— Кто велел? Назови имя своего хозяина!

Он поморщился и объяснил:

— Хозяин был не настолько глуп, чтобы сообщать свое имя. Ведь тогда я смог бы попытаться обрести над ним власть. Как и ты, он не человек, а существо из какой-то иной плоскости.

— Это он дал тебе картину с Деревом?

Мелман кивнул.

— Да, и он на самом деле переносил меня в каждый софирот. Там существует магия. Там я обрел силу.

— А Карты? Их тоже он нарисовал? И дал тебе, чтобы ты передал их Джулии?

— Я ничего не знаю ни о каких Картах.

— Вот этих! — воскликнул я, извлекая Карты из-под плаща и рассыпая их веером, словно фокусник. Я подошел к нему, сунул их ему в лицо и позволил как следует рассмотреть. А затем убрал их, прежде чем он догадался, что Карты — это возможность побега.

— Раньше я их никогда не видел.

Граница эрозии нашего островка продолжала приближаться к нам. Мы отодвинулись поближе к центру.

— И это ты послал существо, убившее Джулию?

Мелман энергично потряс головой.

— Нет, не я. Я знал, что она должна умереть, потому что он сказал, что ее смерть приведет тебя к нему. И еще он сказал мне, что убьет ее зверь из Нетцаха… но я никогда не видел зверя и не имею к его вызову никакого отношения.

— А зачем он хотел, чтобы ты со мной встретился и перенес меня сюда?

Виктор неестественно захохотал.

— Зачем? — повторил он. — Чтобы убить тебя, конечно. Он сказал, что если я принесу твою жизнь в жертву в этом месте, то обрету твою власть. Он сказал, что ты Мерлин, сын Ада и Хаоса, и что я стану величайшим магом из всех,

если смогу тебя заколоть…

Теперь наш мир имел в лучшем случае сотню метров в диаметре, и степень его сокращения увеличивалась с каждой минутой.

— Так ли это? — поинтересовался он. — Добыл бы я это, если бы сумел?

— Власть, как деньги. Обычно ее можно добыть, если ты в достаточной мере умен. И если это единственное, чего ты желаешь в жизни. Добыл бы ты ее? Не думаю.

— Я говорю о смысле жизни. Ты ведь понимаешь меня?

Я покачал головой:

— Только дурак верит, что в жизни есть единственный смысл. Но довольно! Опиши своего хозяина.

— Я его никогда не видел.

— Как это?

— То есть, я его видел, но не знаю как он выглядит на самом деле. Он всегда был одет в толстый черный плащ с капюшоном. Я даже не знаю, какого цвета у него кожа.

— А как вы повстречались?

— Однажды он возник прямо в моей мастерской. Я обернулся, а он уже там стоял. Он предложил мне знания и силу, сказал, что за службу ему

многому меня научит.

— А откуда ты взял, что он это может?

— Он взял меня с собой в путешествие по иным мирам.

— Понятно.

Остров, где обитали мы, был теперь размером с большую комнату. Голос вихря становился то насмешливым, то доброжелательным, то пугающим, то печальным, то злым. Постоянно перемещались окружающие нас фрагменты видений. Земля тряслась беспрерывно. Свет был красным и зловещим. У меня появилось желание прикончить Мелмана прямо сейчас, но вполне возможно, что Джулию и вправду погубил не он…

— Твой хозяин сказал, почему он хочет убить меня?

— Мелман провел языком по губам и повернулся, с ужасом глядя на наступающий Хаос.

— Он сказал, что ты его враг, — объяснил он. — Но почему — не объяснил. Он говорил, что все должно случиться сегодня. Он хочет, чтобы это случилось сегодня.

— Почему сегодня?

Он усмехнулся:

— Думаю, потому что сегодня Вальпургиева

ночь. Хотя об этом он тоже никогда не говорил.

— И это все? И он никогда не упоминал, откуда он?

— Однажды он упомянул место, называемое Средоточье Четырех Миров, так, будто оно имело для него очень большое значение.

— И ты никогда не думал, что он просто использует тебя в своих гнусных и мелких целях?

Мелман усмехнулся.

— Конечно, я знал, что он использует меня. Мы все кого-нибудь используем. Так устроен мир. Но за это он платил знанием и властью. И мне кажется, что его обещание может быть еще исполнено.

Он точно старался рассмотреть что-то за моей спиной. Это был самый древний в мире трюк, но я обернулся. Там никого не было. Я немедленно повернулся к нему лицом. Мелман держал в руке черный кинжал. Видимо, он прятал его в рукаве. Он кинулся на меня, монотонно бормоча новое заклятие. Я отступил на шаг и накрыл его плащом. Он выпутался из его складок, быстро отступил в сторону, рубанул воздух, развернулся и снова напал. Теперь он двигался на полусогнутых ногах, стараясь взять меня снизу. Губы его продолжали шевелиться. Я ударил ногой по руке, сжимающей кинжал, но он успел ее отдер-

нуть. Тогда я поймал развевающийся плащ за левый край и намотал на руку. Когда он нанес новый удар, я блокировал выпад, схватил его за плечо и сжал бицепс. Полуприсев, я потащил его вперед, на себя, ухватил за левое бедро правой рукой, потом выпрямился, поднял его высоко в воздух и швырнул прочь. А потом вдруг понял, что я наделал. Полностью сосредоточив внимание на противнике, я не заметил, как быстро приближаются границы уничтожающего ветра. Грань Хаоса была сейчас гораздо ближе, чем я думал, и у Мелмана осталось время лишь на самое краткое из проклятий, прежде чем смерть унесла его туда, где он уже не сможет кого-либо проклинать. Я тоже выругался, потому что был уверен — из Мелмана можно было еще кое-что выудить. Стоя в центре своего сокращающегося мира, я огорченно покачал головой. День еще не кончился, а уже стал днем моей самой памятной Вальпургиевой ночи.

4

Обратная дорога была долгой. По пути я переменил костюм. Выход из моего лабиринта, как оказалось, привел меня в узкую улочку-щель между двумя грязными кирпичными стенами. Все еще шел дождь, и день приближался к вечеру. На другой стороне улицы, на краю светлого круга, который отбрасывала единственная уцелевшая на столбе лампочка, я увидел свою машину. С тоской вспомнил о сухой одежде в багажнике и снова отправился к дому с вывеской «Склады Брута». В окне первого этажа горел тусклый свет, бросая слабый отблеск на входную дверь. Без этого она была бы совершенно неосвещенной. Я начал медленно взбираться по ступенькам, совершенно промокший и все еще настороженный. Дверь квартиры Мелмана была открыта. Повернув ручку, я вошел, включил свет и запер ее за собой. Быстро пройдя по комнатам, я убедился, что в квартире никого нет. Потом переоделся, воспользовавшись платяным шкафом Мелмана. Его брюки были немного велики в поясе и длинны. Чтобы Карты не промокли, я положил их в нагрудный карман. Теперь можно было

приступить к систематическому обыску квартиры. Несколько минут спустя я наткнулся на оккультный дневник Мелмана, хранившийся в запертом ящике ночного столика. Он был такой же неряшливый, как и вся квартира, с неправильно написанными или вычерченными словами и пятнами от пива и кофе. В нем была масса специальных сведений вперемешку с субъективным материалом — сны, медитации и так далее. Я пролистал его, стараясь отыскать описание встречи Мелмана с Хозяином. И наконец, нашел его. Описание этого события занимало довольно много страниц и состояло в основном из полных энтузиазма восклицаний по поводу того, как действует Дерево. Я уже решил отложить чтение дневника до лучших времен, как вдруг, пробегая последние страницы, наткнулся на стихотворение. Манера напоминала Суинберна, чересчур много типичных иллюзий, разорванный ритм, но в глаза мне бросилась строчка: «…бесконечные Отражения Амбера, тронутые его предательским пятном…» Слишком много аллитераций, но для меня была важна мысль. Эта строка пробудила мое давнее чувство уязвимости, заставила действовать поспешнее. Внезапно мне захотелось поскорей убраться отсюда, забраться куда-нибудь

подальше, чтобы подумать. Больше в комнате ничего неожиданного не нашлось. Я собрал кипу старых газет, валявшихся повсюду, сложил в ванну и поджег, открыв окна наружу для притока воздуха. Потом заглянул в святилище Мелмана, притащил оттуда в ванную картину с Деревом Жизни и скормил ее огню. Затем выключил в ванной свет и закрыл дверь. Да, критик-искусствовед из меня не вышел. Теперь я направился к книжным полкам, где возвышались пачки разнообразных бумаг, и начал их просматривать. Вторая пачка уже была разобрана до половины, когда раздался телефонный звонок. Мир вокруг меня, казалось, замер, а мысли мои рванулись вскачь. Ну, конечно! Сегодня день, когда я, как предполагалось, должен добраться до квартиры Мелмана и погибнуть здесь. И можно было рассчитывать на то, что если это произошло, то произошло уже, к данному моменту времени. Так что, это вполне мог позвонить сам «Н», чтобы узнать, не пора ли помещать в газетах некролог. Я обернулся, отыскал телефон — он стоял под стеной в спальне, и тут же понял, что на звонок нужно ответить. Пока я шел к нему, он прозвенел два или три раза — двенадцать или восемнадцать секунд — и за этот промежуток я должен

был решить, какого рода будет мой ответ. Шутка, оскорбление или угроза? Или попробовать выдать себя за Мелмана? Вдруг что-то выйдет? Благоразумие саботажника диктовало последний вариант, дающий не меньшее удовлетворение, чем все остальные. Я решил ограничиться односложными ответами, прикинувшись раненым, задыхающимся, теряющим сознание. Я поднял трубку, приготовившись услышать хотя бы голос «Н» и определить, знаю ли я его.

— Да? — сказал я.

— Ну? Готов? — послышался вопрос.

Это была женщина! Пол я не угадал, зато совершенно верно отгадал прозвучавший вопрос. Неплохо!

Я тяжело выдохнул:

— Да…

— Что случилось?

— Я ранен, — прохрипел я.

— Это серьезно?

— Кажется. У меня… что-то… здесь… лучше посмотрите… сами…

— Что такое? Это он… он тебя?

— Да. Трудно говорить. Голова… Кружится. Приходите.

Я положил трубку на рычаг и улыбнулся. По-мо-

ему, я совершенно убедил ее. Я прошел в гостиную и сел в то же самое кресло, в котором сидел до этого звонка. Решив закурить, я пододвинул к себе поближе один из столиков с большой пепельницей и потянулся за любимой трубочкой. Время отдохнуть, немного поразмыслить. Несколько секунд спустя я почувствовал знакомый, почти электрический зуд и вскочил, в который раз проклиная собственную тупость. Лихорадочно оглядывая комнату, вертя головой во все стороны, я все же успел схватить тяжелую пепельницу. Вот она! Рядом с фортепиано, у красной драпировки. Принимает форму… Я подождал, пока полностью не оформится силуэт, затем изо всех сил швырнул пепельницу. Мгновение спустя она уже стояла там — высокая, с желтовато-коричневыми волосами, темноглазая, сжимая в руке что-то вроде автоматического пистолета 38-го калибра. Пепельница ударила ее в живот, и она со стоном согнулась пополам. Я подскочил к ней, прежде чем она успела выпрямиться, выхватил у нее из рук пистолет и забросил его в другой конец комнаты. Потом схватил ее за оба запястья, сжал и швырнул в ближайшее кресло, не выпуская из рук. В левой руке она все еще держала Карту. Это было изображение гостиной Мелмана, и сделана

Карта была в том же стиле, что Дерево Жизни и Карты в моем кармане. Да, стиль был один и тот же.

— Ты кто? — рявкнул я.

— Ясра, — процедила она в ответ. — А ты — мертвец.

Она широко раскрыла рот, и голова ее наклонилась к моей руке. Я почувствовал влажное прикосновение ее губ к коже моего предплечья. Левая моя рука продолжала сжимать ее кисть, прижимая ее к подлокотнику кресла. В следующую секунду я ощутил в этом месте мучительную боль. Это был не укус, будто огненный коготь вошел в этом месте в мою плоть. Я отпустил ее запястье и отдернул руку. Движения мои были странно медленными и слабыми. В руке появилось ледяное покалывание, и это ощущение начало подниматься вверх по ней. Рука бессильно повисла, и вдруг я вообще перестал ее чувствовать, словно она исчезла! Ясра легко высвободилась, улыбнулась мне, слегка толкнула меня в грудь кончиками пальцев. Я упал на спину. Смехотворная, невозможная слабость овладела мной. Я не мог больше контролировать своих движений. Когда я упал, то боли от удара не почувствовал, и, чтобы повернуть голову и

посмотреть на Ясру, потребовалось неимоверное усилие воли. Она поднялась с кресла.

— Отдыхай, — шепнула Ясра. — Когда проснешься, остаток твоего существования будет очень болезненным.

Она исчезла из моего поля зрения, и через несколько секунд я услышал, как она поднимает трубку телефона. Я был уверен, что Ясра звонит «Н», и верил всему, что она мне сказала. По крайней мере, я встречусь с загадочным художником… Художником! Я шевельнул пальцами правой руки. Она все еще подчинялась мне, хотя медленно и с трудом. Напрягая до предела волю, я попытался поднять руку к груди. Результатом было медленное, толчками, но все же движение. К счастью, я упал на левый бок, и моя спина маскировала эту ничтожную активность. Рука моя дрожала и двигалась очень медленно, но все же она, наконец, добралась до нагрудного кармана. Потом, казалось, прошли века, пока пальцам удалось нащупать края картонного прямоугольника. В конце концов, одна из Карт поддалась, и мне удалось согнуть руку так, чтобы видеть Карту. Голова к этому моменту уже начала сильно кружиться, глаза плохо видели. Я не был уверен, что смогу совершить переход. Откуда-то

издалека доносился голос Ясры, она с кем-то разговаривала, но я был не в состоянии разобрать ни слова. Я попытался сконцентрировать все свое внимание на Карте. Это было изображение сфинкса, присевшего на голубой скальной полке. Я потянулся к нему. Безрезультатно. И сил у меня уже оставалось едва ли еще на одну такую попытку. Мое сознание словно ватой обложили. Я ощутил некую прохладу, и сфинкс, кажется, шевельнулся. Я почувствовал, что падаю вперед, в черную волну, вздымающуюся надо мной. И на этом все кончилось.

Приходил я в себя долго. Сознание возвращалось по капле, но руки и ноги наливались свинцом, а зрение было по-прежнему затуманено. Жало леди Ясры, похоже, отравило меня нейтронным ядом. Я попробовал пошевелить пальцами рук и ног, но не мог с уверенностью сказать, удалось ли мне это. Я постарался дышать чаще и глубже. И это получилось. Через некоторое время до меня донесся звук, похожий на гул. Потом он поутих, и я вдруг сообразил, что это гудит в ушах моя собственная кровь, бегущая по жилам. Еще через некоторое время я ощутил биение сердца, и зрение тоже начало проясняться. Свет, тень и смутные формы превратились в

песок и скалу. Мне стало немножко зябко. Затем меня начало трясти, потом дрожь прошла, и я понял, что могу двигаться. Но слабость была ужасной, поэтому шевелиться я не стал. Пока… Я слышал разнообразные звуки — шорох, шуршание, — которые доносились откуда-то сверху и спереди от меня. Почуял я и своеобразный запах.

— Послушай, ты уже проснулся? — голос прилетел оттуда, откуда доносились шорохи.

Я решил, что не вполне готов квалифицировать собственное состояние, поэтому ничего не ответил. Я ждал, пока мои конечности не станут более живыми и послушными.

— Вот если бы ты дал знать, что слышишь меня, — послышался тот же голос. — Я бы очень хотел поскорее начать.

Любопытство, наконец, пересилило рассудительность, и я поднял голову.

— Ага! Так я и знал!

На серо-голубой скальной полке надо мной сидел сфинкс, тоже голубой — тело льва, большие, прижатые к бокам крылья с перьями, бесполое лицо, обращенное ко мне. Он облизнулся, показав мне при этом впечатляющий набор клыков, резцов и коренных зубов.

— Что именно начать? — спросил я, медленно

садясь и делая несколько глубоких вдохов.

— Отгадывание загадок, — промолвил сфинкс. — То, что у меня лучше всего получается. И загадывание тоже.

— Отложим до следующего раза, — предложил я ему, ожидая, когда же, наконец, перестанут бегать огненные мурашки в моих ногах и руках.

— Извини, я вынужден настоять.

Я потер проколотое предплечье и злобно взглянул на крылатое существо. Большая часть историй о сфинксах, которые я смог припомнить, заканчивалась тем, что сфинкс пожирал тех, кто был не в состоянии отгадать его загадку. Я покачал головой.

— Я в твою игру играть не буду.

— В таком случае, тебе засчитывается поражение, — обрадовался он, напрягая мышцы передних лап.

— Погоди, — я поднял руку. — Дай мне минуту-две, чтобы прийти в себя, и, может быть, я переменю свое мнение.

И сфинкс расслабился.

— Ладно. Так получается более официально. Пусть будет пять минут. Дай знать, когда будешь готов.

Я встал и принялся размахивать руками и

подпрыгивать, в то же самое время быстро оглядывая местность. Мы находились, кажется, на дне давно высохшего канала или реки. Песчаное дно местами переходило в оранжевые, серые и голубые скалы. Прямо передо мной поднималась каменная стена, на выступе которой и устроился сфинкс. В высоту она была футов двадцать пять. И примерно на таком же расстоянии по другую сторону дна уходила вверх другая каменная стена, приблизительно такой же высоты. Сухое дно справа довольно круто поднималось вверх. В трещинах кое-где проросли зеленые кустики. Время, судя по освещению, близилось к вечеру. На бледно-желтом небе не было и следов солнечного диска. Я слышал далекий посвист ветра, но движения воздуха не чувствовал. Было прохладно, но в меру. Я всмотрелся и увидел неподалеку камень величиной с небольшую тяжелоатлетическую штангу. Два неверных шага — я продолжал махать руками, как мельница, и растягивать мышцы — и моя правая рука уперлась в землю рядом с камнем.

— Ты готов? — прокашлялся сфинкс.

— Нет, но уверен, что тебя это не остановит.

— Ты не ошибся.

Я почувствовал необоримое желание зевнуть,

что и сделал.

— У тебя наблюдается отсутствие надлежащего спортивного духа, — заметил сфинкс. — Но внимание: «В огне я поднимаюсь из воды…» Извини, ошибся. Начну сначала: «В огне я поднимаюсь из земли. Меня сечет буран и струи воды. Скоро я увижу все вещи мира».

Я ждал. Прошла, наверное, минута.

— Ну? — не выдержал сфинкс.

— Что «ну»?

— Ты нашел ответ?

— Ответ на что?

— На загадку, конечно.

— Я ждал. Вопроса не было. Только серия утверждений. Я не могу отвечать на вопрос, если неизвестно, что это за вопрос.

— Но такова устоявшаяся во времени форма. Вопрос подразумевается в контексте. Сам по себе вопрос таков: «Кто есть я?»

— С таким же успехом это мог быть вопрос: «Кто похоронен в могиле Гранта?» Ну, хорошо. Что это такое? Сфинкс, конечно, он гнездящийся на земле, восстающий из пламени, взлетающий в облака все выше и выше.

Сфинкс усмехнулся и зашевелился:

— Неправильно!

— Погоди! — потребовал я. — Почему неправильно? Ответ подходит. Возможно, ты ждал другого ответа, но и мой ответ соответствует данным вопроса.

Он покачал головой.

— Окончательное утверждение о правильности ответов выношу я. И определение делаю я.

— Тогда это жульничество.

— Нет!

— Я выпил половину содержимого бутылки. Теперь она наполовину пустая или наполовину полная?

— И то и другое одновременно.

— Совершенно верно. То же самое. Значит, если верны несколько ответов, приходится принимать их все. Это как с волнами и частицами.

— Мне твой подход не нравится, — возразил сфинкс. — Это дает дорогу разного рода двусмысленностям. Это могло бы испортить все дело загадывания загадок.

— Не моя вина, — промолвил я, сжимая и разжимая кулак.

— Но ты и в самом деле затронул любопытный вопрос.

Я энергично кивнул.

— Но правильный ответ должен быть только

один.

Я пожал плечами и предположил:

— Мы живем в далеко не идеальном мире.

— Гм…

— Давайте, решим, что это ничья, — предложил я. — Никто не выиграл, и никто не проиграл.

— Такой вариант представляется мне эстетически неверным. Не пойдет.

— Но в других играх он действует отлично.

— Кроме того, я немного проголодался.

— Так, так. Правда выходит наружу.

— Но я хочу, чтобы все было честно. Я ведь, по-своему, тоже служу истине. Твое упоминание о ничьей предполагает вариант выхода.

— Прекрасно. Я очень рад, что ты понимаешь…

— Пусть все решит мой ответ. Загадывай твою загадку.

— Глупости. Нет у меня никаких загадок.

— Тогда придумай какую-нибудь, и побыстрее. Потому что это единственный выход из нашего тупика… иначе я буду считать тебя проигравшим.

Я помахал руками и несколько раз как следует присел. Все мое тело горело. Но я чувствовал себя гораздо сильнее, чем раньше.

— Хорошо, — согласился я. — Ладно. Одну се-

кунду… Что это такое — зеленое и красное, и кружит, и кружит, и кружит?

Сфинкс моргнул два раза и нахмурил лоб, задумавшись. Я использовал образовавшуюся паузу, чтобы провести еще одну серию дыхательных упражнений и немного побегать на месте. Огонь в теле немного угас, голова стала яснее, пульс выровнялся…

— Ну? — произнес я несколько минут спустя.

— Я думаю.

— Не спеши, подумай хорошенько.

Тем временем я немного побоксировал с тенью. И сделал несколько упражнений. Небо потемнело, в правой полусфере показались несколько звезд.

— Гм… — промычал я, — мне не очень хотелось бы торопить тебя, но…

Сфинкс фыркнул:

— Я еще думаю.

— Вероятно, нам необходимо установить предел времени на раздумывание.

— Мне осталось немного.

— Если ты не решишь ее через пару минут, то я, пожалуй, отдохну.

Я растянулся на песке, закрыл глаза, пробормотав Фракиру приказ охранять меня. И заснул.

Я проснулся от дрожи и от бьющего в лицо ветра со снегом. Потребовалось несколько, секунд, чтобы сообразить — уже утро. Небо слева от меня светлело, звезды меркли. Хотелось пить. И есть тоже. Я протер глаза, затем поднялся. Нашел свою расческу и привел волосы в порядок. Затем взглянул на сфинкса.

— … и кружит, и кружит, и кружит, — бормотал он.

Я прокашлялся. Никакой реакции. Мумия смотрела в пространство мимо меня. Я уже начал подумывать о том, чтобы просто потихоньку ускользнуть… Нет. Взгляд переместился на меня.

— Доброе утро! — жизнерадостно воскликнул я.

В ответ заклацали клыки.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Ты уже и так использовал гораздо больше времени, чем я. Если ты не придумал ответа, то я играть больше не собираюсь.

— Мне не нравится твоя загадка, — заявил он, наконец.

— Извини.

— Каков же ответ?

— Ты сдаешься?

— Я вынужден. Каков ответ?

Я поднял руку.

— Не спеши. Эти вещи нужно совершать в определенном порядке. Сначала я должен узнать ответ на твою загадку, потом скажу ответ на свою.

Он кивнул.

— Это в какой-то мере справедливо. Ну, ладно… Средоточие Четырех Миров.

— Как?

— Это ответ. Средоточие Четырех Миров.

Я вспомнил слова Мелмана.

— Но почему? — спросил я.

— Оно лежит на пересечении миров четырех элементов, где поднимается в пламени из земли, атакуемой ветрами и водой.

— А как насчет всех вещей мира, которые оттуда видны?

— Это относится или к точке зрения с этого места, или к завоевательным планам хозяина Средоточия. Или к первому и второму одновременно.

— А кто хозяин?

— Не знаю. Для ответа это избыточная информация.

— Гм… а где же ты раздобыл такую загадку?

— Услышал от одного путешественника

несколько месяцев тому назад.

— А почему ты выбрал именно эту загадку, а не какую-нибудь другую?

— Я ее не разгадал, значит, это хорошая загадка.

— А что случилось с путешественником?

— Он отправился дальше, несъеденный. Он ответил на мою хитрую загадку.

— У него было имя?

— Он его не сказал.

— Опиши его, пожалуйста.

— Не могу. Он был хорошо задрапирован.

— И он больше ничего не рассказывал о Средоточии Четырех Миров?

— Нет.

— Что ж, — вздохнул я. — Думаю, последую его примеру и тоже немного пройдусь.

Я повернулся лицом к склону, находящемуся справа от меня.

— Постой!

— В чем дело?

— Твоя загадка, — потребовал он. — Я сказал тебе ответ на мою. Теперь ты должен объяснить мне, что это такое — зеленое и красное, и кружит, и кружит, и кружит?

Я посмотрел под ноги, пошарил взглядом,

увидел подходящий камень, похожий на пятифунтовую гантель. Я сделал несколько шагов и остановился рядом с ним.

— Лягушка в Кузинатре, — ляпнул я.

— Что?!

Мускулы его лап и плеч напряглись, глаза превратились в щели, а многочисленные зубы стали отлично видны. Я сказал несколько слов Фракиру, почувствовал, как он зашевелился, присел и взял в правую руку тяжелый камень.

— Вот именно, — усмехнулся я, выпрямляясь. — Одна из таких симпатичных лягушек.

— Это дрянная и неправильная загадка! — возмутился сфинкс.

Левым указательным пальцем я провел в воздухе две быстрые линии.

— Что ты делаешь? — удивился он.

— Провожу линию между твоими глазами и ушами, — любезно объяснил я.

В это время Фракир стал видимым, соскользнув с запястья и обвивая мои пальцы. Глаза сфинкса устремились на него. Я поднял камень на высоту плеча. Один конец Фракира повис свободно. Он начал разгораться, потом засиял, как раскаленная серебряная проволока.

— Мне кажется, наша встреча завершилась

вничью, — уверенно сказал я. — Как ты считаешь?

Сфинкс провел языком по губам.

— Да, — тяжело вздохнул он. — Кажется, ты прав.

— Тогда желаю тебе всего наилучшего. До свидания.

— Да. Жаль. Очень хорошо, до свидания. Но прежде, чем ты покинешь меня, могу ли я узнать твое имя — на всякий случай?

— Почему бы и нет? Я Мерлин из Хаоса.

— Ага, значит, за тебя кто-нибудь пришел бы отомстить?

— Вероятно.

— Тогда ничья — лучший вариант. Прощай.

Я немного попятился, повернулся и двинулся вниз по склону. Я был настороже до тех пор, пока не отошел достаточно далеко, но меня никто не преследовал. Тогда я медленно побежал. Мне страшно хотелось есть и пить, но едва ли бы мне подвернулся завтрак посреди этой каменистой пустыни под лимонным небом. Фракир свился в кольцо и погас. Я начал глубоко дышать, удаляясь в сторону, противоположную восходящему солнцу. Ветер ерошил волосы, задувал в глаза песок… Я направился в сторону скопления валунов,

миновал их. Среди теней, которые они отбрасывали, небо показалось мне зеленоватым. Я снова выбежал на равнину, уже не такую суровую. В небе проплывали облака, вдали что-то блестело. Я старался бежать ритмично, мерно, преодолел небольшой подъем, спустился по склону, покрытому редкой высокой травой, которая волнами качалась на ветру. Вдали показались заросли низких деревьев с густыми мочалками-кронами… Я направился туда, спугнув маленькое существо с оранжевым мехом, которое выскочило мне навстречу, а потом в испуге ускакало куда-то влево. Секунду спустя надо мной с жалобным криком промелькнула черная птица, летевшая в том же направлении. Я продолжал свой бег, и небо становилось темнее. Оно было зеленым, и густые травы тоже были зелеными… С неравными промежутками налетали порывы ветра… Деревья становились все ближе… С их ветвей доносились трели… Ветер нес тучи… Тяжесть вытекала из моих мышц, ее сменяла привычная легкость… Я миную первое дерево, топчу длинные, увядшие листья… пробегаю среди мохнатых стволов… Тропа, по которой я бегу, хорошо утоптана, на ней отпечатки странных ног, следы… Дорога извивается, идет вниз, вверх, становится то шире,

то уже… По обе стороны местность поднимается… Деревья поют, как басистые виолончели… Небо, иногда видимое среди ветвей, становится цвета лазури… Перистые облака, как серебряные ручьи… На склонах по обе стороны дороги появляются голубые цветы… Стены склонов растут, они уже выше моей головы… Дорога становится каменистой… Я бегу, бегу все дальше… Тропа моя расширяется, медленно уходя вниз… Еще не видя воды, не слыша ее журчания, я чувствую ее запах… Теперь осторожно… Я делаю поворот и вижу реку с высокими скалистыми берегами…. Еще медленнее… Пенится, бурлит поток… Следую за всеми его извилинами… Повороты, изгибы, высоко над головой деревья. Их серо-желтые корни висят в воздухе на стене справа от меня… Полоса, по которой я бегу, становится шире, скалистые стены уже… Под ногами больше песка и меньше гравия… Ниже, ниже… Еще один поворот тропы, склон уходит вниз… Вокруг зеленые деревья, над головой голубое небо, справа утоптанная дорога… Я опять взбираюсь на склон, следую вдоль дороги… Деревья и кустарник, птичьи ноты и холодный свежий ветер… Я с удовольствием втягиваю ноздрями прохладный воздух, шаги мои стали шире… Я прошел по деревянному мосту,

стуча подошвами по гулкому настилу. Этот ручей впадал в уже невидимую реку, вдоль которой я до этого бежал… Поросшие мхом влажные валуны вдоль берега… Низкая каменная стена слева… Впереди — следы повозок… По обе стороны — заросли лебеды и других диких растений… Далекий, отдающийся эхом смех… Ржание лошади… Скрип телеги… Поворот налево… Дорога стала шире… Тени и солнечный свет, тень и свет… Слева река, она уже шире, сверкает на солнце… Клубы дыма над следующим холмом… Приближаясь к вершине, я замедляю шаг, отряхиваю одежду, привожу в порядок волосы, мои легкие с шумом качают воздух, испарина на лбу охлаждает лицо. Я сплевываю попавшую в рот дорожную пыль. Внизу, под холмом, стоит деревенская гостиница, несколько столов вынесены на веранду, сколоченную из грубо обструганных досок, и выходящую на реку. Еще несколько стоят в саду при доме. Я спустился с холма и обнаружил колонку у дальнего конца гостиницы, где под струей воды вымыл лицо и руки. Левое предплечье все еще саднило в том месте, где к нему приложилась Ясра, кожа была слегка воспалена. Потом я прошел к крыльцу и занял небольшой столик, помахав призывно служанке, которую увидел внутри дома. Немного

погодя она принесла мне солянку, сосиски, вино и масло, а также земляничное повидло и чай. Я быстро покончил с едой и заказал это же еще раз. Когда я расправился со второй порцией, ко мне вернулись нормальные ощущения, и я принялся жевать медленнее, наслаждаясь едой и глядя на струящуюся речку. Да, необычно закончился мой день. Я предвкушал удовольствие бесцельного путешествия, длинные ленивые каникулы. Ведь моя работа была завершена. На пути стояло одно лишь пустяковое дело — «Н». Но я был уверен, что быстро справлюсь с ним. И вот я сижу здесь, понимая, что ввязался в какое-то очень экстравагантное и опасное приключение, совершенно не зная, что оно собой представляет. Прихлебывая вторую чашку чая и ощущая теплоту солнечного утра, постепенно разводящего пары, я мог бы попасть под гипноз ложного чувства мира и покоя. Но я понимал, что это чувство мимолетно. Теперь для меня не будет настоящего покоя, настоящего отдыха. Оглядываясь на события прошедшего дня, я понял, что одним своим немедленным реакциям доверять больше не могу. Пора было составить какой-то план. В моем списке неотложных дел первым было выяснение личности «Н» и его устранение. Но еще выше помещалось

определение мотивов «Н». Кануло в небытие мое предположение о том, что я имею дело с простодушным психопатом. «Н» был очень хорошо организован и обладал некоторыми необычными способностями и возможностями. Я начал просматривать свое прошлое, выбирая вероятных кандидатов. И хотя я мог назвать несколько персон, вполне способных устроить все, что случилось, я совсем не был уверен в том, что кто-то из них достаточно недружелюбно относится ко мне. И все же, в странном дневнике Мелмана упоминается Амбер. Теоретически это мое личное дело превращалось в дело семейное, и я чувствовал себя обязанным уведомить о нем остальных. Но это было почти то же самое, что попросить помощи, сдаться, признать, что я не в состоянии уладить собственные неприятности. Угроза моей жизни — это мое личное дело. Страшная смерть Джулии — тоже мое личное дело. За это я должен отомстить сам. Мне необходимо было подумать… Колесо-призрак? Я задержался на этой мысли, потом отбросил ее, а затем снова вернулся к ней. Колесо-призрак… Нет, оно еще не испытано. Все еще в процессе доводки. И всплывало оно у меня в сознании лишь потому, что это была моя личная игрушка, мое главнейшее достижение

в жизни, мой сюрприз для всех остальных. Я просто стараюсь найти выход из положения. Но мне необходимы дополнительные данные, чтобы ввести их в него, а значит, нужно было эти данные предварительно раздобыть.

— Колесо-призрак, — пробормотал я.

Да, сейчас мне нужна была свежая информация. У меня были Карты и дневник. Но играть с Картами я больше не хотел, тем более что первая попытка оказалась своеобразной ловушкой. В ближайшее время я как следует изучу дневник, хотя первоначальное мое впечатление говорило, что тут вряд ли узнаешь что-то полезное. Слишком уж субъективный характер носили записки Мелмана. Однако мне следует вернуться в его квартиру, чтобы как следует осмотреть ее, на случай, если я упустил что-либо существенное. Затем мне необходимо связаться с Люком и выяснить, не может ли он сообщить что-нибудь новое, для меня очень ценным может оказаться даже мимолетное замечание, даже случайная, на первый взгляд, деталь. Да… Я вздохнул, потянулся и еще некоторое время смотрел на реку, попивая чай. Потом провел Фракира над пригоршней денег, отобрал достаточное количество трансформированных купюр, чтобы заплатить за еду.

Теперь надо было возвращаться на дорогу. Пора было бежать назад.

5

Неспешной трусцой я бежал по улицам и остановился только у своей машины. Я с трудом узнал ее. Кузов был покрыт пылью и следами высохших потеков. Как долго я отсутствовал? Я не пытался еще подсчитать временной дифференциал между этим местом и тем, где я побывал, но у машины моей был такой вид, словно она простояла здесь, по крайней мере, месяц. Хотя на вид все было в полной сохранности. Никто не пытался разбить стекла или взломать дверцу. Я посмотрел туда, где еще совсем недавно стояло здание, в котором находились «Склады Брута» и жилище покойного Виктора Мелмана. Теперь тут, на углу квартала, был только остов обгоревшего закопченного здания, с провалившимися балками перекрытий. Уцелели только две стены. Я сразу направился к ним. Обойдя пожарище со всех сторон, я осмотрел то, что осталось. Обуглившиеся остатки успели давно остыть. Серые полосы потеков указывали, что вода, которой тушили пламя пожарные, давно испарилась. И даже гарью пахло уже не слишком сильно. Неужели виноват я — тот мой костер в ванной? Едва ли. Мой огонь был небольшим, и

рядом не было вещей легко воспламеняющихся, да он и гаснуть стал, пока я за ним наблюдал. Когда я рассматривал витрины напротив руин, мимо прокатил на зеленом велосипеде какой-то мальчишка. Через несколько минут он вернулся и затормозил примерно в десяти футах от меня. На вид ему было лет десять.

— А я видел, — сообщил он, — видел, как он горел.

— Когда это было?

— Три дня назад.

— А известно, отчего начался пожар?

— Какое-то вещество на складе, что-то вос… вос…

— Воспламеняющееся, — подсказал я.

— Ага, — обрадовался он, демонстрируя в улыбке отсутствие передних зубов. — Может, кто специально поджег. Чтобы страховку выплатили или еще что.

— В самом деле?

— Ну, да. Мой па говорит, что, видно, у них плохо шли дела.

— Да, бывает и такое, — согласился я. — Никто не пострадал?

— Говорят, вроде художник сгорел, — он показал на противоположную сторону улицы, откуда

я пришел. — Много воды туда вылили…

— А ты не видел, из дома никто не выбегал?

— Нет. Я сюда пришел, когда уже здорово горело.

Я кивнул и хотел вернуться к своей машине.

— Как вы думаете, в таком огне пули взрывались бы? — спросил мальчишка.

Я вновь повернулся к нему:

— Конечно, они должны взорваться.

— А они не взорвались, — он что-то искал в своем кармане. — Я вчера играл там с ребятами, — объяснил он, — и мы нашли кучу патронов.

Мальчишка раскрыл ладонь и показал мне несколько металлических предметов. Я шагнул к нему. Он тем временем присел на корточки и положил один из них на тротуар. Потом схватил лежащий поблизости камень и размахнулся.

— Не бей! — крикнул я.

Камень ударил по гильзе, и… ничего не случилось.

— Ты мог пораниться, — начал я.

Но мальчишка перебил:

— Не-а. Эти штуковины не взрываются. Даже розовый порошок не получается зажечь. Спички есть?

— Розовый порошок? — спросил я, откладывая

камень в сторону и рассматривая сплющенную гильзу, сквозь трещину которой просыпался на мою ладонь розовый порошок. Я потрогал непонятное вещество, затем потер его между пальцами и даже понюхал. Потом попробовал на язык. Черт его знает, что это такое.

— Смешно, да? — спросил парнишка. — Я думал, что порох серого цвета.

— Ума не приложу, что это, — сознался я. — И не горит, говоришь?

— Не-а. Мы насыпали немного в газету и подожгли. Порошок только плавится и все.

— У тебя найдется парочка лишних патронов?

— Вообще-то, да…

— Я дам тебе доллар.

Он снова показал мне прореху в передних зубах, и его рука исчезла в боковом кармане джинсов. Я провел Фракира над пригоршней монет из Отражения и достал доллар. Получив его, парнишка передал мне два закопченных патрона.

— Спасибо, дядя.

— На здоровье. Больше ничего интересного не обнаружили?

— Не-а. Просто сажа и пепел.

Я влез в машину и завел мотор. Потом помыл ее на первом же пункте обслуживания, который

попался мне на пути, поскольку «дворники» только размазали сажу и пыль по ветровому стеклу. Пока резиновые щупальца резиновых валиков обхватывали машину сквозь штормовое море пенистой воды, я проверил, на месте ли спичечная коробка, которую мне дал Люк. Она была на месте. Отлично. Снаружи, как я заметил, была будка телефона.

— Алло, мотель «Нью Лайн», — ответил мне молодой мужской голос.

— Пару дней назад у вас снимал комнату Люк Гейнард.

Я хотел бы узнать, не оставил ли он для меня записки. Мое имя Мерль Кори.

— Одну минутку.

Пауза. Шорохи.

— Да. Есть.

— Что там написано?

— Конверт запечатан. Я бы не хотел…

— Ладно. Я заеду.

Я заехал. В холле, за столом, сидел человек, голос которого мне был знаком по телефонному разговору. Я назвал себя и попросил отдать мне письмо. Молодой человек за столом — высокий, худощавый блондин с жесткими усиками — несколько секунд смотрел на меня, потом

спросил:

— Вы увидитесь с мистером Гейнардом?

— Да.

Он открыл ящик стола и вытащил небольшой коричневый конверт, в котором находилось что-то более объемное, чем листок бумаги. На конверте были написаны имя Люка и номер комнаты.

— Он не оставил нам адреса, по которому его можно найти, — объяснил клерк, вскрывая конверт. — Горничная нашла его кольцо в ванной, когда он уже выехал. Вы не могли бы передать ему это кольцо?

— Конечно.

Я присел в кресле тут же в холле отеля. Кольцо было перстнем — червонное золото и голубой камень. Я не мог припомнить, чтобы Люк когда-нибудь носил его при мне. Я надел его на безымянный палец левой руки, и оказалось, что оно идеально подходит мне по размеру. Я решил, что буду носить кольцо-перстень, пока не встречу Люка и не отдам его ему.

Распечатав конверт, я прочел вложенную в него записку:

«Мерль!

Очень жаль, что обед не состоялся. Я ждал,

но… Надеюсь, все в порядке. Я утром улетаю в Альбукерк. Буду там три дня. Потом еще три дня в Санта-Фе. В обоих городах остановлюсь в „Хилтоне“. Я хотел бы еще кое-что тебе рассказать. Пожалуйста, свяжись со мной.

Люк».

Гм…

Я позвонил своему трансагенту и выяснил, что, если потороплюсь, то могу поспеть на дневной рейс в Альбукерк. Поскольку мне была необходима живая беседа с Люком, а не телефонный разговор, и так и поступил. Заехав в бюро, купил билет, заплатил наличными, направился в аэропорт и, припарковав свою машину, сказал ей последнее «прощай». Едва ли мне предстояло увидеть ее вновь. Забросив сумку на плечо, я зашагал к залу ожидания. Дальше все шло как по маслу. Глядя вниз, на уходящую землю, я понимал, что заканчивается определенная фаза моего существования. Как и многое другое, она была далеко не во всем тем, чем мне хотелось бы, чтобы она была. Я предполагал как можно быстрее уладить дело с «Н» и навсегда забыть о его существовании. Потом я собирался навестить людей, которых уже давно должен был навестить, и побывать в местах, давно уже меня

манивших. Потом, сквозь Отражения, я совершил бы окончательную проверку Колеса-призрака и, в конце концов, направился бы после этого к более радостному полюсу моего существования. Теперь очередность пунктов в моем плане совершенно переместилась, и все из-за «Н» и из-за смерти Джулии, которые каким-то образом были связаны, и еще потому, что здесь была замешана сила, исходящая откуда-то из Отражений, и она была мне непонятна. Последнее больше всего беспокоило меня. Не копал ли я сам себе могилу, одновременно подвергая опасности друзей и родственников — и все из-за своей гордости? Я хотел справиться с этим делом самостоятельно, но чем больше я размышлял, тем большее впечатление производили на меня возможности моего противника и жалкое состояние моих знаний об «Н». Было нечестно держать остальных в неведении. Им также могла грозить опасность. Да, я был бы не прочь преподнести им все это дело в готовом виде, в розовой упаковке и перевязанное лентой — подарок на рождество. Возможно, так и получится, но все же… Проклятье! Я должен рассказать им. Если «Н» доберется до меня, а затем перейдет на них — они должны быть готовы. Если все это лишь часть какого-то обширного плана — они

опять-таки должны быть готовы. Мне, конечно, не хотелось это делать, но я понимал, что должен им рассказать обо всем. Я наклонился, и рука моя замерла в воздухе над сумкой, лежащей передо мной на сидении. Но, решил я, ничего страшного, если я сперва переговорю с Люком. Я уже покинул город и, вероятно, находился в безопасности. А Люк, возможно, даст мне зацепку или даже две. Если я решусь рассказать им эту историю, то будет лучше, если мой рассказ окажется подлиннее. Но пока мне хотелось еще немного обождать с исповедью. Я вздохнул и попросил у стюардессы чего-нибудь выпить и теперь сидел со стаканчиком в руке. Добираться в Альбукерк на машине — слишком долго. Короче путь через Отражения. Но ничего из этого не вышло бы, потому что я никогда там не был и не знал, как найти нужное мне место. Моя машина мне там пригодилась бы. Вероятно, Люк уже в Санта-Фе. Я не спеша прихлебывал из стакана, рассматривая в иллюминатор облака. То, что я видел, соответствовало моему настроению, поэтому я достал из сумки припасенную книгу и читал до тех пор, пока мы не начали снижаться. Когда я снова выглянул в окно, до горизонта тянулись все те же облака. Хрипловатый голос уверял меня, что погода пре-

красная. И я вспомнил об отце. Где-то он сейчас?

Я вышел из здания терминала, миновав магазин сувениров, набитый продукцией из Индии, мексиканскими горшками и прочими безделушками, обнаружил телефон и позвонил в местный «Хилтон». Как мне сообщили, Люк из него уже выехал. Тогда я позвонил в «Хилтон» в Санта-Фе. Он действительно поселился там, но в настоящий момент его в номере не было. Женщина из справочного бюро в здании аэровокзала сообщила мне, что я могу успеть на челночный рейс до Санта-Фе, вылет куда через полчаса, и показала, в какой стороне продаются билеты. Я где-то читал, что Санта-Фе — одна из немногих столиц Штатов, в которой нет большого аэропорта. Пока наш «И-25» шел курсом на север, между удлинившимися тенями гор неподалеку от пика Сандиа, я почувствовал, что Фракир начинает сжиматься вокруг моей кисти. Новая пульсация, нажим и ослабление давление мгновение спустя. Я быстро окинул взглядом небольшую кабину в поисках опасности, о которой меня только что предупредили. Я сидел в задней части машины. Ближе к носу расположилась супружеская пара средних лет. Они разговаривали между собой с техасским акцентом. На них было много серебряных дра-

гоценностей. Ближе к середине устроились три пожилых женщины. Они обсуждали события, происходящие дома, в Нью-Йорке. Через проход, напротив меня, сидела молодая, очень занятая друг другом пара. По диагонали от них, ближе к хвосту, в окно глазели двое парней с теннисными ракетками. За ними — монашка. Она читала книгу. Тогда я выглянул в иллюминатор, но ничего опасного не обнаружил и там. Привлекать же к себе внимание каким-нибудь более надежным способом обнаружения опасности мне не хотелось. Поэтому я прошептал заветное слово на языке тари, потер запястье, и пульсации прекратились. И хотя до самого конца так ничего и не случилось, предупреждение Фракира не давало мне покоя. Такова сама природа нервной системы. Я рассматривал ближние и дальние горные склоны, усеянные точками сосен, и размышлял об этом. Опять «Н»? «Н» — каким-то образом следящий за мной и выжидающий. Если да, то почему? Не могли бы мы просто сесть и обсудить все это за кружкой пива? Возможно, все дело в каком-то недоразумении. Но мне почему-то казалось, что это не простое недоразумение. Я был бы полностью удовлетворен, если бы мне сказали, что происходит. Я бы даже заплатил за пиво. Когда

мы пошли на посадку, лучи заходящего солнца коснулись снежных склонов Сангре де Кристос, выбивая из них искристое и слепящее сияние. По зелено-серым холмам ползли вечерние сумерки. Когда я вышел из автобуса перед зданием «Хилтона», то почувствовал, что воздух тут градусов на десять прохладнее, чем в аэропорту Альбукерка. Но ведь я находился на пару тысяч футов выше над уровнем моря, и на час с четвертью ближе к ночи. Я зарегистрировался и отыскал свою комнату. Затем попытался позвонить Люку, но никто не ответил. Я принял душ и переоделся. Еще раз позвонил в номер Люка, но ответа по-прежнему не было. Я успел проголодаться, но надеялся отобедать с ним вместе. Поэтому я решил сначала выпить в местном баре кружечку пива, а потом позвонить Люку еще раз. Я надеялся, что у него не слишком важное свидание. Некий мистер Бразва, к которому я подошел и попросил подсказать дорогу, оказался управляющим. Он спросил, всем ли я доволен, мы обменялись любезностями, и он показал мне коридор, ведущий в комнату отдыха. Я двинулся в указанном направлении, но дойти до цели не успел.

— Мерль! Что за черт, ты-то что тут делаешь? — услышал я знакомый голос.

Я повернулся и увидел перед собой Люка, который только что вошел в отель. Потный и улыбающийся, в рабочей военной куртке цвета хаки, в таких же брюках и кепочке. Лицо его было испачкано. Мы пожали друг другу руки, и я спросил:

— А ты что тут делаешь? Куда ты исчез? Я хотел с тобой поговорить.

— Я просто целый день гулял в горах у Пекоса, — ответил он. — Когда я попадаю в эти края, то не упускаю случая пойти туда. Чудесная прогулка!

— Да, нужно будет как-нибудь попробовать. Кажется, теперь моя очередь угощать тебя обедом.

— Верно. Я только в душ и переоденусь. Встретимся в баре минут через пятнадцать-двадцать. Хорошо?

— Ладно. До встречи.

Я прошел по коридору, который привел меня в бар. Здесь было достаточно уютно, дымно и в меру свободно. Бар разделялся на две комнаты, с низкими, удобными креслами и маленькими столиками. Молодая пара как раз покинула угловой столик слева от меня, следуя за официанткой в ресторан. Я сразу занял освободившееся место. Немного погодя подошла официантка, подававшая коктейли, но я заказал только пиво.

Потягивая его и перебирая в памяти всю странную цепь происшедших со мной событий, я не сразу обратил внимание на то, что какой-то человек остановился рядом с моим столиком. Я заметил его боковым зрением.

— Извините, — прошептал незнакомец. — Могу я задать вам вопрос?

Я обернулся. Передо мной стоял невысокий худой человек, на вид испанец или мексиканец с сигаретой в зубах. В его волосах на голове и в усах виднелась седина. Он был достаточно хорошо одет и причесан, чтобы сойти за местного делового человека. Я обратил внимание на сколотый передний зуб, когда мужчина быстро — словно подчеркивая, что он слегка нервничает — улыбнулся.

— Меня зовут Дон Мартинес, — произнес он, не пытаясь протянуть для знакомства руку. Затем бросил взгляд на стул напротив меня. — Если можно, я присяду?

— А в чем, собственно, дело? Если вы что-то продаете, то я пас. Я жду одного знакомого и…

Он покачал головой.

— Нет, совсем не то. Я знаю, вы ждёте… мистера Люка Гейнарда. Собственно, мое дело касается его.

Я жестом пригласил его сесть:

— Ладно. Задавайте ваш вопрос.

Сложив руки со сцепленными пальцами перед собой на столе, он подался вперед.

— Я услышал, что вы с ним разговаривали в холле, — начал он, — и у меня создалось впечатление, что вы очень неплохо его знаете. Вы не могли бы сказать, как давно вы знакомы?

— Если это все, что вам угодно знать, то примерно восемь лет. Мы вместе поступили в колледж, а затем несколько лет проработали в одной фирме.

— «Гранд-дизайн», — сказал он. — Фирма компьютеров из Сан-Франциско. А до колледжа вы его знали?

— Кажется, вы и так довольно неплохо осведомлены о нем. Что вам, собственно, нужно? Вы из полиции?

— Нет, ничего подобного. Я заверяю вас, что даже не помышляю доставить вашему другу какие-то неприятности. Просто сам желаю избежать их. Позвольте вас спросить…

Я покачал головой.

— Стоп, — заявил я ему. — Я не собираюсь разговаривать с незнакомыми людьми и рассказывать им о своих друзьях, если на то нет серьезной

причины.

Он развел руками.

— Но я не играю втемную, нет. Я ведь знаю, что вы расскажете ему об этом разговоре. Собственно, я даже хочу, чтобы вы рассказали. Он меня знает. И я хочу, чтобы он знал, что я навожу о нем справки. Идет? Это, в конечном счете, для его же пользы. И вообще, я ведь спрашиваю его друга, верно? И мне необходимо узнать всего два-три простых факта…

— А мне нужен всего один факт — причина. Зачем вам нужна эта информация?

Он тяжело вздохнул.

— Ну, добро… Вам я скажу. Он предложил мне сделать для пробы очень заманчивый финансовый вклад на довольно большую сумму. Здесь есть элемент риска, как и всегда, когда дело идет о новых предприятиях, особенно в сфере конкуренции. Но вероятные прибыли делают перспективу привлекательной.

Я кивнул:

— И вы хотели бы знать, честен ли он?

Он усмехнулся.

— Меня не особо волнует, честен ли он. Меня заботит, действительно ли он способен доставить продукт и без проволочек.

Кого-то мне этот человек напоминал, в особенности его манера разговаривать. Я попытался вспомнить, кого именно, но не смог извлечь из глубины памяти ничего.

— Ага, — произнес я, сделав глоток пива. — Сегодня я медленно соображаю. Прошу прощения. Сделка касается компьютеров, так?

— Само собой.

— Вы желаете знать, не пригвоздит ли его работодатель, если он попытается действовать на стороне, что бы он там вам ни обещал, верно?

— В некотором смысле — да.

— Сдаюсь. Чтобы ответить на этот вопрос, нужен кто-то поумнее меня. Интеллектуальная собственность, это очень коварная область права. Я не знаю, что он вам продает, и не знаю, где он этот продукт добывает… он весьма много ездит по стране. Но даже если бы я и знал, то не смог бы сказать, каково ваше юридическое положение.

— А я ничего и не ожидал более того, что вы мне сообщили, — улыбнулся он.

Я улыбнулся ему в ответ.

— Итак, о вашем к нему интересе он узнает сегодня же, — заверил я его.

Он кивнул и поднялся.

— Да, еще один вопрос, — начал он, пристально

глядя мне в глаза.

— Слушаю.

— Он никогда не упоминал такие названия, как Амбер или Двор Хаоса?

Он не мог не заметить моей реакции, которую он совершенно логично истолковал неверно. Я был уверен, что он думает, будто я соврал, хотя я сказал истинную правду.

— Нет, никогда не слышал. Почему вы спрашиваете?

— Это неважно. Благодарю вас, мистер Кори. — И затем неожиданно продолжил на языке тари. — Нус А Джабсхун Джуидшан.

И почти бегом скрылся в дверях.

— Подождите! — крикнул я ему вслед так громко, что на миг все присутствующие в баре смолкли и повернули головы в мою сторону.

Я поднялся из-за стола и уже было двинулся вслед за незнакомцем, когда услышал, что меня окликают.

— Эй, Мерль! Не убегай! Я уже здесь!

Я обернулся. Люк как раз вошел в дверь и стоял за моей спиной, его волосы были еще влажными после душа. Он подошел, хлопнул меня по плечу и опустился на стул, с которого только что встал Мартинес. Когда я тоже сел, он кивнул на мою

полупустую кружку.

— Мне тоже не помешает. Боже, как мне хочется пить! А куда это ты направился, когда я вошел?

Я почувствовал, что мне не хочется описывать недавнюю встречу, тем более ее странное завершение. Очевидно, Люк не заметил Мартинеса.

И поэтому…

— Я? В туалет…

— Это в другую сторону, — он кивнул в ту сторону, откуда только что появился. — Я как раз только что прошел мимо него.

Его взгляд упал на мои руки.

— Слушай, да ведь это…

— Да, да, — подтвердил я. — Ты забыл это кольцо в мотеле, и меня просили передать, когда я забирал твое письмо. Сейчас, одну минуту…

Я потянул за кольцо, но оно не спешило покидать палец.

— Не снимается… Забавно. Наделось-то оно очень легко.

— Вероятно, у тебя слегка набухли пальцы, — заметил Люк. — Это иногда случается при перемене давления, мы ведь находимся довольно высоко над уровнем моря.

Он позвал официантку и заказал пиво, а я тем временем продолжал вертеть кольцо.

— Подозреваю, что мне придется тебе его продать. Не бойся, я его выгодно уступлю.

— Посмотрим. Подожди меня минутку.

Я вымыл в туалете руки и вернулся в бар. Передав Люку его кольцо, уселся и сделал глоток из его кружки.

— Как тебе удалось его снять?

— Выручил обыкновенный кусочек мыла.

Люк завернул кольцо в салфетку и положил в карман:

— Видимо, продать его мне уже не удастся.

— А разве ты не носишь его?

— Нет, это подарок. Знаешь, я не ожидал, что ты тут появишься. Думал, получив записку, ты мне позвонишь, и мы договоримся о будущей встрече, — он взял пригоршню орехов из вазы, появившейся на столе в мое отсутствие, — Но это хорошо, что ты прилетел. Кто знает, когда бы мы еще смогли встретиться? Понимаешь ли, некоторые мои планы неожиданно потребовали более быстрых действий, чем я предполагал… Вот об этом я и хотел поговорить с тобой.

— Я с тобой тоже кое о чем хотел поговорить.

Еще в туалете я решил пока не упоминать о встрече с Мартинесом. Хотя из разговора с ним у меня и не сложилось впечатление, что дело

его затрагивает какие-то мои интересы, я все же чувствовал, что есть какой-то тайный смысл в том, что он мне сказал. Поэтому я решил пока держать эту информацию при себе.

— Думаю, что, как люди цивилизованные, на время обеда мы должны отложить все деловые разговоры, — заявил Люк, не спеша складывая салфетку.

— Неплохая идея, — согласился я. — А ты не хочешь пообедать здесь?

— Тут я уже бывал, — покачал он головой. — Здесь немного душновато, а кроме того мне хочется разнообразия. Мне по душе одно местечко за углом. Разреши, я схожу и узнаю, есть ли у них свободный столик.

— Давай.

Одним глотком он допил свое пиво и покинул бар.

… и упоминание об Амбере. Что за дьявол, кто он был, этот Мартинес? Узнать это было более чем необходимо, так как совершенно ясно, что Мартинес совсем не тот, кем старался казаться. Последние свои слова он произнес на языке тари, моем родном языке! Как это могло случиться, я понятия не имел. Я проклинал собственную инерцию, то, что так долго позволял «Н» управлять

ситуацией. Это был результат моей самонадеянности. Я даже не представлял, что дело может дойти до такого плачевного и запутанного состояния. И поделом тебе, подумал я, сам виноват.

— Все в порядке, — сообщил Люк, появляясь из-за угла и бросая на стол несколько монет. — Готово, столик заказан. Допивай и пошли.

Затем Люк провел меня по коридору в холл гостиницы — к выходу с другой стороны. Вечерний воздух был теплым и душистым. Мы пересекли площадку автостоянки и вышли на тротуар, вдоль тянувшейся Гваделупа-стрит, которую пересекала авеню Аламеда. Перейдя улицу, мы прошли мимо большой церкви, завернули за угол. И здесь Люк указал, наконец, на ресторан «Ла Тертулия»[2].

— Вот он.

Это был испанский ресторан, довольно элегантно оформленный. Мы заказали кувшин сангрии, хлебный пудинг и много-много чашек кофе, свято соблюдая наш договор отложить все дела на потом. Пока мы обедали, Люка дважды приветствовали проходившие мимо люди, которые останавливались у нашего столика, чтобы

---

[2] Примечания: 2
Тертулия (исп.) — компания, кружок, вечеринка.

обменяться с ним любезностями.

— Ты в этом городе всех знаешь, — сказал я немного погодя.

Он ухмыльнулся:

— Я тут частенько бываю по делам.

— В самом деле? Мне казалось, это совсем маленький городок.

— Но это впечатление обманчиво. Санта-Фе — столица штата. Многие люди покупают тут нашу продукцию.

— И часто ты сюда наведываешься?

— Да, это одна из самых горячих точек в моем деловом маршруте.

— А как тебе удается вести дела, прогуливаясь одновременно по горам и лесам?

Он поднял голову, оторвавшись от тарелок, выстроенных в боевом порядке на нашем столике, и улыбнулся.

— Мне было необходимо отдохнуть. Я устал от бесконечных городов и контор. Нужно было просто уйти от всех и немного побродить там в одиночестве, иначе я бы не выдержал. Собственно, я потому и веду дела в этом городе, что здесь легко побывать в самых прекрасных местах в округе.

Он сделал глоток кофе и продолжил:

— Знаешь, в такую великолепную ночь нам хорошо бы прокатиться за город, чтобы ты понял, о чем я говорю.

— Да, это заманчиво, — согласился я, отыскивая взглядом нашего официанта. — Но не кажется ли тебе, что уже слишком темно? Мы же ничего не увидим.

— Увидим. Для этого достаточно света звезд, да и луна вот-вот выйдет, к тому же воздух здесь кристально чист. Вот увидишь.

Я расплатился, и мы вышли из ресторана. В самом деле, луна уже выходила.

— Машина стоит у отеля, — сказал Люк.

Когда мы добрались до стоянки, он показал на свой фургон, открыл дверцу и помахал мне рукой, приглашая садиться. Люк вырулил со стоянки, у ближайшего угла повернул и поехал по авеню Аламеда, потом свернул направо и покатил по склону холма вдоль Стеро-стрит, потом по Гайд-парк-роуд. Машин на улицах городка становилось все меньше. Пока мы преодолевали многочисленные повороты, я почувствовал, как уходит напряжение этого дня. Город остался позади, вокруг царили ночь и тишина. Никаких ламп или фонарей. Сквозь открытое окно в кабину влетал запах сосен. Воздух был прохладный, и я

отдыхал вдали от «Н» и всех остальных забот. Я взглянул на Люка. Нахмурив брови, он не спускал с дороги глаз. Люк, видно, почувствовал мой взгляд, потому что вдруг усмехнулся.

— Кто первый? — спросил он.

— Давай ты, — предложил я.

— Ладно. Когда мы с тобой в то утро разговаривали о твоем уходе из «Гранд-дизайн», ты сказал, что не собираешься работать в другом месте и преподавать тоже не собираешься.

— Верно.

— Ты сказал, что желаешь немного попутешествовать.

— Да.

— Но немного позже у меня родилось другое предположение.

Я промолчал, а он искоса бросил на меня быстрый взгляд.

— Я подумал, — продолжил он, — уж не собираешься ли ты заняться торговлей для создания финансовой поддержки собственной компании, или по заказу кого-то, заинтересованного в том, что ты продаешь. Ты понимаешь, о чем я?

— Ты полагаешь, что я придумал что-то… новое… и не хочу, чтобы новинка досталась «Гранд-дизайну»?

Он хлопнул ладонью по сиденью рядом с собой.

— Я всегда говорил, что ты не дурак. Ты просто выигрываешь время, чтобы все устроить. А потом найдешь покупателя, у которого самый толстый бумажник.

— Это разумно, — согласился я. — Если бы дело было в этом, но дело совсем в другом.

Люк хмыкнул:

— Не волнуйся. Если я работаю в «Гранд-дизайне», то это еще не значит, что я работаю на них. Я не предатель, и тебе бы следовало это знать.

— Я знаю.

— И спрашивал я не из праздного любопытства. У меня, собственно, были другие намерения. Я хотел, чтобы ты и в самом деле чего-то достиг, чего-то стоящего.

— Спасибо.

— Я мог бы даже помочь тебе и весьма существенно.

— Я начинаю понимать, Люк, но…

— Сперва выслушай меня, хорошо? И ответь, если сможешь, на один вопрос: ты еще ни с кем никаких соглашений не заключал?

— Нет.

— Так я и думал! Это было бы несколько преж-

девременно.

Деревья по обе стороны дороги теперь были повыше, а ночной ветерок стал прохладней. И луна казалась ярче и больше, чем в городе. Мы еще несколько раз повернули, петляя и взбираясь все выше. Несколько раз я видел отблеск лунного света на крутых каменных обрывах, срывающихся вниз по левую сторону дороги. Ограждений не было.

— Слушай, — сказал он. — Я вовсе не пытаюсь влезть в выгодное для тебя дело задаром. И я не стараюсь выудить у тебя долю по старой памяти, как твой товарищ по колледжу. Нет. Старая дружба — это одно, а дело — другое. Бизнес есть бизнес! Хотя никогда не мешает знать, что имеешь дело с человеком, которому можно доверять. Это так. Но разреши мне кое о чем напомнить тебе. Конечно, если у тебя есть какая-то фантастическая идея, проект или еще что-то, ты всегда можешь продать это за хорошую цену. И если будешь действовать осторожно, желающих найдется много. Но продашь — и все. Твой золотой шанс больше уже не твой. Посмотри на «Яблоко»[3]. Если дело действительно пойдет, ты всегда

[3] Примечания: 3

«Яблоко» — известная американская фирма по производству персональных компьютеров.

успеешь продать его потом, и куда дороже, чем просто первоначальную идею. Ты можешь быть гением инженерной мысли — я знаю рынок. Я знаю людей по всей стране, которые доверяют мне в достаточной степени, чтобы поддержать наше дело банковскими кредитами, пока мы не выкатим на улицы. Черт побери! Я не собираюсь оставаться в «Гранд-дизайн» всю жизнь. Возьми меня в дело, и я обеспечу финансирование. Ты ведешь производство, я веду остальные дела. И это единственный способ выйти в большие люди.

— Да, — вздохнул я, — это и в самом деле было бы здорово. Но ты идешь по ложному следу. Я ничего не думал продавать.

— Брось, — заявил Люк. — Ты ведь знаешь, что мне можно доверять. Даже если я не буду принимать участия, я не стану об этом болтать. Я друзей не подвожу. Просто ты делаешь, как мне кажется, ошибку, зарывая идею в землю.

— Люк, я имел в виду лишь то, что сказал.

Он замолчал. Затем я почувствовал, что он вновь уставился на меня. Подняв глаза на Люка, я увидел, что он улыбается.

— Какой следующий вопрос? — улыбнулся я в ответ.

— Что такое «Колесо-призрак»?

— Что?

— Совершенно секретно, тайный проект Мерля Кори, «Колесо-призрак». Конструкция компьютера, включающая всякую всячину, ранее невиданную — жидкие полупроводники, криогенные емкости, плазму…

Меня разобрал смех:

— Боже мой! Это же шутка, не более. Просто ненормальное хобби, развлечение в свободное время, игра-машина, которая никогда не может быть построена на Земле. Ну, даже если большая ее часть может быть создана здесь, она все равно не сможет никогда функционировать. Вроде как рисунок Эдера — впечатляюще на бумаге, но невозможно построить что-то подобное в реальной жизни.

Затем, поразмыслив минуту, я добавил:

— Как ты вообще об этом узнал? Я никогда никому ничего не говорил.

Он откашлялся и сделал очередной поворот. Луна цеплялась за верхушки деревьев. На ветровом стекле появилось несколько капель.

— В общем, ты не слишком старался скрыть этот секрет. Чертежи, заметки, наброски — по всему твоему столу, на чертежной доске и даже у тебя дома, я замечал их не раз. Трудно было не

заметить. И большинство было помечено грифом «Колесо-призрак». Поэтому я просто предположил, что это твое любимое детище, твой билет в гарантированное будущее. Я никогда не считал тебя непрактичным — ты на меня такого впечатления не производил. Так ты утверждаешь, что это была всего лишь шутка?

— Если мы займемся этим делом и создадим ту часть конструкции, которая может быть создана здесь, — честно ответил я, — то получится лишь чудного вида конструкция, которая совершенно ничего не будет делать.

Люк покачал головой:

— Это невероятно. Не похоже на тебя, Мерль. Какого черта ты стал бы тратить время на создание машины, которая не работает?

— Это было упражнение в теории… — Начал я.

— Извини, но это звучит, как дерьмовая чепуха! — возмутился он. — Ты хочешь сказать, что во всей вселенной нет места, где бы эта штука начала действовать.

— Этого я не говорил. Я как раз старался объяснить, что придумал машину для системы совершенно невероятных условий…

— Так… Другими словами, если я найду такое место, мы могли бы там делать машину?

— Гм… Да.

— Мерль, ты ненормальный. Ты это знаешь?

— Угу.

— Еще один дерьмовый выстрел по мечте. Ну, ладно… Слушай, а можно что-нибудь такое из этой конструкции применить здесь?

— Нет. Не будет действовать вообще.

— А что же это за такие условия, требующиеся для ее действия?

— Множество всякой дремучей теории, относящейся ко времени, пространству и кое-каким идеям Эверетти и Видера. Доступно только в математическом объяснении.

— Ты уверен?

— Какая разница? В конце концов, если у меня нет продукта, то нет и компании. Извини. Передай Мартинесу и К°, что они двинулись по тупиковой улице.

— Мерль, я не понимаю, о ком ты толкуешь? — нахмурился Люк.

— Мартинес подошел ко мне, когда я поджидал тебя в баре. Вроде очень многое знает о тебе. Начал задавать вопросы, касающиеся потенциально, как я сейчас вижу, той ситуации, которую ты только что нарисовал. Один из возможных вкладчиков «Кори и Гейнард Инкорпорейтед».

Средних лет, низковат, впереди сколот зуб. Вел себя так, словно ты сделал ему предложение.

— Нет, я такого не знаю. Отчего ты мне раньше ничего об этом не сказал?

— Он убежал, а ты сам предложил не вести никаких деловых разговоров до конца обеда. Да и ничего серьезного я в этом Мартинесе не увидел, честно говоря. Он даже попросил сообщить тебе, что наводит о тебе справки.

— А что именно он хотел узнать?

— Сможешь ли ты доставить ему новый компьютер и чтобы при этом вкладчики не подали в суд, как я его понял.

Люк постучал себя по лбу.

— Бессмыслица! Маразм!

— Мне сейчас пришло в голову — может, его кто-то нанял, чтобы немного разузнать о тебе, или даже немного встряхнуть тебя, чтобы ты играл честно. Может, это сделали те, кого ты простукивал на предмет финансирования новой компании?

— Мерль, неужели я такой тупица, что стал бы тратить время и откапывать вкладчиков, прежде чем убедился бы, что у меня есть во что вкладывать деньги? Я, кроме тебя, ни с кем еще об этом не разговаривал. И теперь, кажется, уже никогда

не буду говорить. Как ты считаешь, кто это мог быть? И чего он хотел?

Я покачал головой, но вспомнил при этом произнесенные на тари слова. Почему бы и нет?

— Он также спросил, не упоминал ли ты когда-нибудь место, которое называется Амбер?

Когда я произнес эти слова, Люк смотрел в зеркало заднего вида. Он резко крутанул руль, чтобы вписаться в неожиданный поворот.

— Амбер? Ты шутишь?

— Нет.

— Странно. Видимо, совпадение…

— Что?

— Я и в самом деле слышал упоминание о сказочной стране, которая называется Амбером. На прошлой неделе. Но никогда никому еще ничего не рассказывал. Это был разговор за бутылкой, понимаешь?

— С кем? Кто рассказывал тебе?

— Один мой знакомый художник. Совершенно ненормальный тип, но очень талантливый. Зовут его Мелман. Мне его вещи очень нравятся, я купил несколько. А на прошлой неделе заехал посмотреть, нет ли у него чего новенького. Нового у Мелмана ничего не оказалось, но я засиделся у него допоздна. Мы разговаривали, пили и курили

одну штуку, которой он меня угостил. Очень скоро он начал витать в облаках и рассказывать о магии. Не о фокусах с картами или там еще с чем-нибудь, нет, о ритуальной магии, понимаешь?

— Ясно.

— Ну вот, через некоторое время он стал мне кое-что показывать. И если бы я сам не был слегка под влиянием выкуренной травки, то поклялся бы, что у него здорово получалось! Он левитировал, вызывал из пустоты огненные полотнища, а также вызвал и уничтожил при мне несколько монстров. Нет, он явно подсунул мне наркотик, не иначе. Но убей меня дьявол! Все казалось совершенно реальным!

— Давай дальше.

— Во всяком случае, он упомянул какой-то легендарный город. Я не вполне уверен, что это был именно Амбер, а не Содом и Гоморра или Камелот, но уверен, что это слово он произносил. Управляет якобы этим городом полусумасшедшая семья, а сам город заселен их внебрачными детьми и потомками людей, которых они привели туда из других мест, века назад. Тени или, как они их называют, Отражения этой семьи и самого города фигурируют в той или иной форме в большинстве мифов и легенд. Не знаю, как все

это понимать, но так говорил Мелман. Я никогда не мог определить, когда он говорил серьезно, а когда метафорически — что с ним бывало не редко. Но он называл Амбер, в этом я уверен.

— Интересно. Кстати, Мелман мертв, а дом его сгорел несколько дней назад.

— Я не знал об этом, — Люк снова бросил свой взгляд назад. — Ты был с ним знаком?

— Да. Я с ним увиделся… после встречи с тобой несколько дней назад. Кински мне рассказал, что Джулия часто бывала у Мелмана, и я отыскал этого парня — думал, он что-нибудь сможет рассказать мне. Понимаешь ли… Джулия мертва.

— Как это случилось? Ведь я видел ее на прошлой неделе.

— Очень странным образом. Она была убита каким-то невероятным зверем.

— О, боже!

Он неожиданно нажал на тормоз и съехал на обочину — широкий выступ слева от нас. Он оканчивался крутым, покрытым деревьями склоном. За деревьями, вдалеке, светились крошечные огоньки города. Люк выключил двигатель и фары. Потом вытащил из кармана кисет и начал сворачивать сигарету. Я обратил внимание, что он посматривает по сторонам.

— Ты часто смотрел в зеркало заднего вида.

— Да. Мне показалось, что за нами от самого «Хилтона» шла машина. И минуту назад она держалась позади всего в нескольких поворотах. А теперь точно испарилась.

Он закурил сигарету и открыл дверцу.

— Подышим немного воздухом.

Я вылез вслед за ним из машины, и мы несколько минут стояли неподвижно, глядя на горные склоны, залитые лунным светом, таким ярким, что видны были тени от ближайших деревьев. Люк бросил сигарету и наступил на нее.

— Проклятье! — с досадой сказал он. — Дело становится жарким. Я знал, что Джулия бывает у Мелмана. И я был у нее на следующий день после того, как побывал у него. И даже передал ей небольшой пакет, который просил отдать ей Мелман.

— Это были Карты, — сказал я.

Он кивнул. Я вытащил Карты из кармана и протянул их Люку. В смутном свете луны было видно, как он кинул на них косой взгляд и кивнул.

— Да, эти Карты. Ты все еще… она все еще нравилась тебе, не правда ли?

— Да, не стоит отрицать.

— Эх, черт, — вздохнул Люк. — Ладно. Дружи-

ще, я должен тебе кое-что рассказать. И далеко не все приятного свойства. Только одну минутку. Теперь ты ставишь передо мной большую проблему… или, скорее, я сам ее перед собой поставил, потому я вот что решил… — Он поддел носком камешек, и тот, увлекая за собой другие мелкие камешки, со стуком покатился по склону. — Ладно, — заявил он. — Знаешь, что? Отдай эти Карты мне.

— Зачем?

— Я их порву на конфетти.

— Ну да, иди к черту! Хочешь порвать — попробуй отними. Зачем это делать?

— Они опасны.

— Это я уже знаю. Пусть побудут у меня.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Проклятье, это не так-то просто сделать. Сперва я должен решить, что тебе рассказывать, а что нет.

— Почему бы не рассказать все?

— Не могу. Поверь мне…

Я бросился на землю, как только раздался первый выстрел. Пуля рикошетом отскочила от валуна справа от нас. Но Люк не упал на траву, как я, а бросился бежать зигзагами к ближайшим

деревьям слева от нас, откуда послышалось еще два выстрела. Я увидел, как Люк поднимает руку — в ней что-то было. Он выстрелил — раз, другой, третий… После второго выстрела я услышал чей-то стон, вскочил и побежал к ним, сжимая в руке камень. После третьего выстрела кто-то под деревьями упал. Я подбежал к Люку, когда он переворачивал тело лицом вверх, как раз вовремя, чтобы заметить нечто напоминающее облачко призрачного голубого тумана, вылетевшее изо рта лежащего, у которого передний зуб был сколот. Облачко медленно поднималось вверх.

— Что за чертовщина, что это было? — удивился Люк, когда облачко уплыло.

— Ты тоже видел? Не знаю…

Люк взглянул вниз, на обмякшее тело с расплывающимся на рубашке темным пятном. Правая рука убитого еще сжимала пистолет 38-го калибра.

— Я не знал, что у тебя есть пистолет, — сказал я.

— Если ездишь столько, сколько я, то приходится подумать и о безопасности. В каждом городе я покупаю новый, а потом продаю, когда уезжаю. Сам понимаешь, проверки в аэропортах. Но больше, наверное, не стану продавать. Этого парня я

никогда раньше не видел. А ты, Мерль?

— Это Дон Мартинес, тот самый, о котором я тебе говорил.

— Ну вот, — вздохнул Люк, — еще одна неприятность. Вероятно, стоит уйти в дзен-монастырь и убедить себя, что все это не имеет никакого значения. Я…

Он вдруг прижал ко лбу ладонь.

— О-о-о! — простонал он. — Мерль, ключи от зажигания в машине. Садись и мчи обратно в отель. Я останусь здесь. Быстрей!

— Но что случилось? Почему?

Он поднял свой тупоносый автоматический пистолет и направил на меня.

— Ну! Беги быстрей!

— Но…

Люк опустил ствол и выстрелил в землю у моих ног. Затем нацелил прямо в мой живот.

— Мерлин, сын Корвина, — процедил он сквозь зубы, — если ты сейчас не уйдешь, то считай себя трупом.

Я рванул с места, подняв фейерверк гравия и оставив следы сгоревшей резины там, где развернул фургон. Я гнал машину по склону, с трудом вписался в правый поворот, затем в левый, а потом затормозил. Я съехал в заросли под при-

крытие кустов, выключил мотор, свет и поставил машину на тормоз. Затем беззвучно открыл дверцу и выскользнул наружу. Было тихо. Какая-то птица перелетала с дерева на дерево. Сова, подумал я. Двигаться пришлось очень медленно, но страшно было нарушить тишину. Я приблизился к повороту. В таких местах звук отлично передается на расстояние. Последний поворот я преодолел на четвереньках, прячась за каменными глыбами и деревьями. Потом я замер и осмотрел все вокруг. Никого. Медленно и очень осторожно я снова двинулся вперед, готовый мгновенно замереть, броситься на землю, нырнуть в листву или кинуться бежать — в зависимости от того, чего потребует ситуация. Ни шороха — только шелест ветра в листве. И никого, насколько было видно вокруг. Я по-прежнему крался согнувшись, все еще не выходя из-за прикрытия. Не здесь. Он куда-то перешел. Я подошел еще ближе и замер. Целую минуту вслушивался я в ночную тишину. Ни звука, ни шороха… Я перебрался туда, где упал Мартинес. Тело исчезло. Я обшарил все вокруг, но так и не нашел какой-либо улики, которая могла бы помочь мне установить, что произошло здесь после того, как я умчался на машине. И придумать причину для того, чтобы окликнуть

Люка, я тоже не мог. Без всяких происшествий я пробрался обратно к машине, сел в кабину и направился в город. Нет, я даже предположить не мог, что же, черт побери, происходит.

Фургон Люка я оставил на стоянке отеля, почти на том же самом месте, где он был припаркован до этого. Потом возвратился в отель, нашел комнату Люка и постучал. Я и не ожидал, что мне ответят, но следовало сначала постучать, а потом уже входить в номер. Мне пришлось аккуратно сломать замок, оставив дверь и притолоку в целости и сохранности, потому что мистер Бразва показался мне добрым и славным малым. Времени на это ушло намного больше, но на мое счастье в коридоре никто не появился. Я вошел в номер Люка, зажег свет и осмотрел комнату. Потом несколько минут напряженно прислушивался к гостиничным шумам, но никаких посторонних звуков из холла и соседних комнат не доносилось. Времени было мало. Так. На полке для багажа пустой чемодан. В деревянном шкафу висит одежда. В карманах ничего, кроме двух коробков спичек, карандаша и ручки. Еще какая-то одежда и белье в ящике — тоже пусто. Предметы туалета в футляре или аккуратно расставленные в ванной комнате на полке — тоже ничего особенного.

Экземпляр «Стратегии» Б. Х. Лиддела Харта на ночном столике у кровати, с закладкой почти в самом конце. Брюки и куртка, в которых он ходил на прогулку в город, были небрежно брошены на стул, рядом расположились тяжелые ботинки и лежали носки. В ботинках ничего, кроме пары шелковых шнурков. Я проверил карманы рубашки, которые сначала показались мне пустыми, потом внутри я нащупал несколько шариков из скомканной белой бумаги. Озадаченный, я развернул один из них. Какие-то ужасные секретные сообщения? Нет… Нет причины сдаваться на милость параноидального комплекса — несколько коричневых крошек табака ответили на мой немой вопрос. Табак. Это были кусочки папиросной бумаги. Он, вероятно, развернул и скомкал окурки, прогуливаясь по лесу. Я бывал иногда с Люком на загородных прогулках — таким аккуратным он никогда не был. Затем я внимательно осмотрел брюки. В одном из карманов лежал влажный носовой платок из пестрой ткани, в другом — расческа. В переднем правом кармане пусто, в левом — единственный патрон. Я машинально опустил его в карман, затем заглянул под матрас и в ящики стола. Я проверил даже корзинку для бумаг в туалете. Ничего, что объясняло

бы его странное поведение. Оставив ключи от машины на ночном столике, я вернулся в свой номер. Меня не волновало, что Люк узнает о том, что я ворвался к нему в номер. Эта идея мне даже понравилась, честно говоря. Меня раздражало то, что он рылся в моих бумагах, касающихся «Колеса-призрака». Кроме того, он должен был предоставить мне чертовски убедительное объяснение своего поведения там, на горе. Я разделся, принял душ, лег в кровать и погасил свет. Люку я оставил бы записку, но только очень уж мне не нравится оставлять какие-либо следы, кроме того, у меня было предчувствие, что он уже не вернется в номер.

6

Он был невысоким, тяжелого сложения мужчиной, с немного красноватым лицом, темные его волосы уже прошила седина, и они поредели на макушке. Я сидел в кабинете его полусельского дома в пригороде Нью-Йорка, потягивая пиво и рассказывая о своих неприятностях. За окном светила звездная ветреная ночь, а слушатель у меня был отменный.

— Ты говоришь, Люк на следующий день и не появился, и не прислал никакой весточки? — спросил он.

— Нет.

— Расскажи подробней, что ты делал в тот день?

— Утром я побывал в его комнате. Все было как тогда, когда я ушел. Я вышел в холл — у стола регистрации тоже ничего нового. Потом я позавтракал и еще раз заглянул в номер Люка. Пусто. И я отправился на долгую прогулку по городу. Вернулся немногим позже полудня, позавтракал второй раз и еще раз заглянул к Люку. Безрезультатно. Тогда я взял ключи от его машины и приехал туда, где мы с ним были прошлой ночью.

Я даже опустился вниз по склону и продолжил свои ночные поиски. Опять ничего путного. В свете дня все было совершенно обычно. Где он — неизвестно. Ни тела, ни следов. Я вернулся в город, положил ключи на место и слонялся по отелю и вокруг него до самого обеда, потом позвонил тебе. Когда ты велел приезжать, я заказал билеты и лег пораньше. Утром вылетел в Альбукерк, а затем сюда.

— Утром ты снова проверил его номер?

— Да, снова ничего.

Моего собеседника звали Билл Рот. Он был другом и адвокатом моего отца еще в те времена, когда отец проживал в этих местах. Возможно, на Земле, это был единственный человек, которому отец доверял, поэтому я тоже ему верил. За эти восемь лет я несколько раз навещал его. В последний, самый печальный раз — полтора года тому назад я приехал на похороны его жены Алисы. Я рассказал ему историю отца так, как сам слышал ее за пределами Двора Хаоса. У меня сложилось впечатление, что отец хотел, чтобы Билл был в курсе происходящего. Кроме того, он чувствовал, что в благодарность за помощь Биллу следует кое-что рассказывать. И Билл в самом деле, кажется, понял меня и поверил мне. Впрочем, отца

он знал гораздо лучше, чем я.

— Я уже говорил, что ты похож на отца?

Я кивнул.

— И это касается не только внешности, — продолжал он. — У него некоторое время была привычка исчезать, а затем вновь появляться, точно пилот, сбитый на вражеской территории за линией фронта. Я никогда не забуду той ночи, когда он прискакал на коне с мечом в руках и заставил меня отыскать кучу компоста, увезенную с его двора, — Билл расхохотался. — Теперь появляешься ты, рассказываешь историю, и я начинаю подозревать, что кто-то открыл шкатулку Пандоры еще раз. Ну почему бы тебе не попросить меня составить договор о расторжении брака — как обыкновенному здравомыслящему человеку? Или написать совсем коротенькое завещание? Или документ о заключении делового партнерства? Что-нибудь в этом роде, а? Но нет, история твоя больше напоминает проблемы отца. И даже то, что я составлял уже для Амбера, кажется более спокойным делом по сравнению с тем, что ты мне подсовываешь.

— Другое дело? Ты имеешь в виду Соглашение, когда Рэндом прислал к тебе Фиону с копией Договора о Падении Лабиринта, заключенного с

королем Хаоса Снайвилом, чтобы она его перевела, а ты проверил на предмет скрытых ловушек?

— Да, — согласился Билл, — хотя все кончилось тем, что еще до конца работы над Договором я начал изучать ваш язык. Потом Флора захотела, чтобы я добился возвращения ее библиотеки. Нелегкое задание. Но она заплатила мне золотом. На эти деньги я купил себе домик в Палм Бич. Потом… о, боже, некоторое время я подумывал добавить к надписи на своей визитке еще и «советник при дворе Амбера». Это была привычная для меня работа. То же самое, примерно, я делал и на нашем мирском уровне. Твое же дело, однако, имеет привкус черной магии и внезапной смерти, которая, кстати, следовала все время и за твоим отцом. Все это пугает меня просто до жути, скажу тебе прямо — я не знаю, что тебе посоветовать.

— Ну, черная магия и смерть — это лишь часть дела, — заметил я. — И, честно говоря, они могут очень сильно повлиять на мое сознание. Тебе же нужно взглянуть на это дело под другим углом, совершенно под другим, который вскроет то, о чем ты даже не подозреваешь, но сразу обнаружишь свежим взглядом. Что я мог пропустить?

Билл отпил пива и вновь раскурил трубку.

— Ладно. Вот этот твой друг, Люк… Откуда он родом?

— Откуда-то со Среднего Запада. Кажется, он упоминал не то Небраску, не то Айову или Огайо… что-то в этом роде.

— Умно. А где работает его отец? Кто он?

— Люк никогда о нем ничего не говорил.

— А есть ли у него братья или сестры?

— Не знаю. Никогда ничего о них не слышал.

— То, что он никогда не упоминал членов семьи и никогда не рассказывал о своем доме, кажется очень странным. За все восемь лет вашего знакомства! Тебя это не удивляет?

— Нет. В конце концов, я тоже ему ничего не рассказывал.

— Это неестественно, Мерль. Ты другое дело, ты вырос в необычном месте, о котором ты просто не мог рассказывать, чтобы тебя не упрятали в сумасшедший дом. У тебя были все причины уклоняться от этого. У него, явно, тоже. И вообще, когда ты здесь появился, ты ведь не совсем был уверен относительно правил поведения людей в обществе. Но разве Люк никогда тебя не заставлял над этим задумываться?

— Заставлял, конечно. Но он уважал мою скрытность. И я мог отвечать ему только тем же самым.

Можно сказать, у нас был неписаный закон — такие вещи вне рамок наших отношений.

— А как ты с ним познакомился?

— Мы оба были первокурсниками, у нас было много общих интересов.

— И вы оба были в городе приезжими, без друзей. И вы сразу подружились…

— Нет. Сперва мы почти не разговаривали друг с другом. Я считал его самоуверенным и заносчивым, таким, знаешь ли, типом, который всех ставит на десять ступеней ниже себя. Он мне не нравился, и я ему тоже.

— Отчего?

— Он думал обо мне то же самое.

— И только постепенно вы поняли, что взаимно ошибались?

— Нет. Мы оба были правы. Мы подружились, стараясь доказать друг другу, что каждый из нас выше другого. Если я делал что-то… выдающееся… Люк старался меня перещеголять. И наоборот. Постепенно дошло до того, что мы занимались одним видом спорта, назначали свидания одним и тем же девушкам и пытались превзойти друг друга в учебе.

— И?

— В какой-то момент, как мне кажется, мы

начали друг друга уважать. Когда мы оба вышли в финал олимпиады, наша вражда дала трещину, мы стали хлопать друг друга по спине и смеяться, вместе пошли обедать и разговаривали, и Люк заявил, что ему плевать на олимпиаду, и я сказал, что мне тоже. Он объяснил, что просто хотел доказать, что он лучше меня, а теперь ему все равно. Ему кажется, что мы оба достаточно хороши, пора на соперничестве поставить точку. Я думал в точности так же и сказал ему об этом. И с тех пор мы стали друзьями.

— Понимаю, — проронил Билл. — Это дружба не простая. Вы были друзьями с особыми отношениями.

Я засмеялся и глотнул пива.

— А как все остальные?

— Остальные более откровенны. А ваша дружба была несколько иной, чем у остальных.

— Возможно, и так, — кивнул я.

— И все же это по-прежнему не имеет смысла. Двое ребят много лет дружат, и оба скрывают друг от друга свое прошлое.

— Вероятно, ты прав. Но что же это означает?

— Ведь ты — не обыкновенное человеческое существо.

— Да, это верно.

— И я не уверен, что и Люк — обыкновенный человек.

— Кто же он тогда?

— Это вопрос, который и должен тебя заинтересовать.

Я кивнул.

— Кроме того, — продолжал Билл, — меня беспокоит и другое.

— Что именно?

— Этот парень, Мартинес. Он следовал за вами, незаметно подкрался, начал стрелять. Что ему было нужно? Кого он хотел убить? Вас обоих? Только Люка? Или только тебя?

— Я не могу сказать наверняка, в кого был сделан первый выстрел. Просто не знаю. А потом он стрелял в Люка — потому что тот стрелял в него, и Мартинес защищался.

— Совершенно верно. Если бы он был «Н» или агентом «Н», стал бы он тратить время на разговор с тобой в баре?

— Я тоже думаю, что если бы он был «Н», то не стал бы тратить время на болтовню. У меня такое впечатление, что весь разговор был только предлогом для последнего вопроса — знал ли Люк что-то об Амбере?

— Твоя реакция, а не твой ответ, заставили его

предположить, что он знал.

— Гм… видимо, Люк в самом деле что-то знает — судя по тому, как он обратился ко мне там, на горе. Ты думаешь, этот Мартинес в самом деле выискивал кого-то из Амбера?

— Возможно. Но ведь Люк не из Амбера?

— Никогда о таком не слышал за все время, что я провел там после войны. А по генеалогии меня просто пичкали длиннющими лекциями. Мои родственники, когда дело доходило до этого, отличались куда меньшей любовью к порядку, чем мои близкие в Хаосе. Они даже не могли решить, кто из них старше, потому что некоторые были рождены в разных временных потоках… но в отношении качественном они весьма дотошны…

— Хаос! И как я не подумал? Точно! На той стороне с родственниками у тебя тоже паршиво? Не могло ли…

Я покачал головой.

— Если только… нет, никак. О той стороне своей генеалогической линии я знаю даже больше. По-моему, я знаком почти со всеми, кто способен манипулировать Отражениями, пересекать их. Люка среди них нет, и я…

— Подожди минутку! Ведь в Хаосе есть люди, которые умеют передвигаться в Отражениях?

— Да. Или оставаться на месте и переносить к себе предметы из Отражения. Это своего рода обратный процесс…

— Мне казалось, что для того, чтобы обрести способность пересекать Отражения, необходимо пройти Лабиринт.

— А у них в Хаосе есть его эквивалент, он называется Логрус. Нечто вроде Лабиринта, но бессистемного. Все в состоянии перемещения. Он очень опасен, потому что на какое-то время лишает того, кто его проходит, психического равновесия.

— И ты его прошел?

— Да, прошел.

— А Лабиринт тоже прошел?

Я облизнул губы, вспоминая.

— Да. И этот черный узор меня едва не прикончил. Сухьи считал, что я погибну, но Фиона думала, что я смогу справиться, если она поможет. Я…

— А кто такой Сухьи?

— Он Мастер Логруса, а также мой дядюшка. Он считал, что Логрус Хаоса и Узор-Лабиринт Амбера несовместимы, что я не могу нести в себе отображения обоих. Рэндом, Фиона и Жерар повели меня вниз, чтобы показать Лабиринт.

Я связался с Сухьи, передал ему его вид. Он заявил, что обе структуры антагонистичны и что, если я попытаюсь пройти Лабиринт, то буду или уничтожен, или Лабиринт изгонит из меня отображение Логруса. Скорее всего, первое. Но Фиона сказала, что Лабиринт должен вмещать в себя все, даже Логрус, и из того, что она узнала о Логрусе, тот способен проложить дорогу даже через Лабиринт. В общем, они оставили решение этого вопроса мне, и я понял, что должен пройти. Так я и поступил. Попытка удалась, и теперь я ношу в себе Логрус вместе с Лабиринтом. Сухьи признал правоту Фи и предположил, что все дело в моей семейной наследственности. Фиона не согласилась, однако…

Билл поднял руку.

— Одну секунду! Не понимаю, как ты передал изображение своему дяде Сухьи, который находился в Хаосе, а ты в подземелье Амбера?

— А у меня есть колода Карт для Хаоса и для Амбера. Специально для связи с моими родственниками там, во Дворе.

Он покачал головой.

— Все это очень увлекательно, но мы уклоняемся от темы. А еще кто-нибудь может передвигаться в Отражениях? Или, может быть, есть другие

способы передвижения?

— Да. Пересечение Отражений может совершаться разными путями. Некоторые волшебные создания, вроде Единорога, способны просто бродить, где им вздумается. И если вы можете держаться за таким идущим по Отражениям человеком или существом, которое умеет это делать, то вы тоже будете перемещаться в Отражениях. Только держитесь в хвосте и не теряйте следа. И, кроме того, существуют еще королевства, находящиеся поблизости от Амбера и Хаоса. Там имеются довольно могучие волшебники, которым также удается довольно легко двигаться по Отражениям. Но их изображения Лабиринта и Логруса несовершенны, хотя и находятся близко к центрам энергии. Все эти волшебники никогда не смогут сравняться с нами, никогда… Но, с другой стороны, здесь им легче всего пересекать границы Отражений. Мы даже торгуем с этими королевствами. С течением времени по установленным маршрутам передвигаться все легче и легче. Это в направлении Амбера или Двора. В обратную сторону перемещение труднее. Но известны случаи, когда концентрированные силы создавали прорыв, поэтому в Амбере поддерживается служба патрулей. Джулиан — в лесах

Амбера, на море — Жерар и так далее.

— А другие способы?

— Ну… возможно, Буря в Отражениях…

— А что это такое?

— Это естественный, хотя и не слишком хорошо понимаемый феномен. Лучшее сравнение, которое я могу привести, — тропическая буря или шторм. По одной теории, источником бурь являются частоты волн, экранируемых Амбером и Двором Хаоса, которые и формируют природу Отражений. Во всяком случае, когда начинается такой шторм, то он способен пройти через солидное число Отражений, прежде чем исчерпает себя. Иногда Буря причиняет большие разрушения, иногда — почти никаких. Но очень часто Буря вместе с собой переносит предметы из Отражения в Отражение. И так бывает.

— В том числе и людей?

— Да. Известны и такие случаи.

Билл допил пиво. Я сделал то же самое с моим.

— А как с Картами? — поинтересовался Билл. — Может ли кто-то посторонний научиться пользоваться ими?

— Да.

— Сколько Колод сейчас в обращении?

— Даже не знаю.

— Кто их делает?

— Во Дворе имеется несколько специалистов. Там меня усиленно учили. В Амбере есть Фиона, Блейз… и, кажется, они учили Рэндома, если я не ошибаюсь.

— А вот эти волшебники, о которых ты упоминал, в соседних, примыкающих к Амберу королевствах… Они смогли бы создать Колоду Карт?

— Да, но это были бы далеко не совершенные Карты. Как я понимаю, нужно иметь в себе отображение узора Лабиринта или Логруса, чтобы уметь рисовать их как следует. Кое-кто из этих волшебников в Отражениях способен создать полу-Карту, и кое-кто может даже попробовать воспользоваться ею — и окажется в аду, просто погибнет или все же попадет туда, куда ему было нужно. Это тоже бывает.

— А Колода, которую ты нашел у Джулии?

— Это настоящие Карты.

— Как ты объяснишь их существование?

— Кто-то, кто умеет делать Карты, научил кого-то, кто не умел, но был способен их делать. Я об этом просто не слышал. Вот и все.

— Понятно.

— Боюсь, все наши предположения окажутся

не слишком продуктивными.

— Они все мне необходимы, — заметил Билл, — чтобы нащупать линию следствия. Как же иначе? Так ты готов для следующей кружки пива?

— Подожди.

Я закрыл глаза и вызвал перед внутренним взором изображение Логруса — в постоянном, непрекращающемся перемещении. Я оформил желание и две плывущие внутри эйделона линии стали ярче и толще. Я мысленно пошевелил рукой, имитируя их волнообразные колебания, их подергивания. Наконец, линии и мои руки слились казалось, в одно, и я протянул эти линии наружу, вперед сквозь Отражения.

Билл кашлянул.

— Гм… что ты делаешь, Мерль?

— Ищу кое-что… Одну минутку…

Линии будут всё удлиняться сквозь бесконечность Отражений, пока не встретятся с желаемым мною объектом… или пока у меня не истощится терпение и желание концентрировать волю. Наконец, я почувствовал подергивание, словно у меня в руках были две удочки.

— Вот они, — обрадовался я и быстро смотал на своих удочках катушки.

В каждой руке у меня появилось по запотевшей

бутылке пива. Я крепко ухватил их и передал одну Биллу.

— Вот что я имел в виду под обратимостью процесса пересечения Отражения, — вздохнул я. — Я послал сигнал в Отражения, заказав две бутылки пива. И сэкономил твои средства.

Билл подозрительно уставился на оранжевую этикетку с надписью, сделанной непонятным зеленым шрифтом.

— Не узнаю сорта, не говоря уж о языке. А его можно пить?

— Вне всякого сомнения. Я заказывал настоящее пиво.

— Ага… а открыватель ты заодно не прихватил?

— Ух! — с досадой вздохнул я. — Минуту, я сейчас…

— Ничего, все в порядке.

Он поднялся, прошел на кухню и вернулся с консервным ножом. Когда он откупорил первую бутылку, она немного вспенилась, и Биллу пришлось держать ее над корзинкой для бумаг, пока не осела пена. Со второй было то же самое.

— Все немного возбуждается, когда перетаскиваешь вещи так быстро из Отражения в Отражение, — сказал я ему. — Обычно я пиво подобным

образом не добываю, вот и забыл, что…

— Все нормально, — успокоил меня Билл, вытирая ладони носовым платком.

Потом он попробовал пиво:

— По крайней мере, это хорошее пиво. Интересно… Ну, да ладно.

— Да?

— А ты не мог бы добыть бутерброды?

— А с чем тебе?

На следующее утро мы отправились на прогулку вдоль извилистого ручья, который обнаружился на задворках владений соседа Билла и его же клиента. Мы шли не спеша. В руке у Билла была трость, а во рту трубка. Как и прошлым вечером, он продолжал задавать мне вопросы.

— Кое-что из того, что ты вчера рассказал мне, не закрепилось у меня в памяти, потому что я был заинтересован другими аспектами твоего дела. Ты сказал, что вы с Люком вышли в финал олимпиады. А затем вы отказались от соперничества?

— Точно.

— В каком виде спорта вы соревновались?

— Легкая атлетика. Мы оба были бегунами на…

— И его время было близко к твоему?

— Чертовски близко.

— Странно.

— Почему?

Берег стал круче, и мы перешли на другую сторону ручья по дорожке из больших камней. Берег здесь был шире и относительно ровнее. Вдруг я поскользнулся, хотя тропа тут была широкой и утоптанной. Билл поддержал меня под руку и продолжил разговор:

— Мне это кажется более чем совпадением, что этот парень почти так же хорош в спорте, как и ты… Из всего, что мне приходилось слышать, я уяснил, что вы, амберцы, в несколько раз сильнее нормального человека. Необыкновенный обмен веществ дает вам еще более необыкновенную выносливость, способность к быстрому восстановлению сил и к регенерации ран. Каким образом Люку удалось соперничать с тобой в соревнованиях высокого уровня?

— Он хороший спортсмен и поддерживает отличную форму. Такие люди встречаются — сильные и быстрые.

Билл покачал головой, и мы вновь двинулись по тропинке.

— Я не спорю, — произнес Билл. — Просто еще одно совпадение, а их и без того, на мой взгляд, слишком много. Этот парень скрывает

свое прошлое так же, как и ты, и, в конце концов, оказывается, что он знает, кто ты на самом деле. Скажи, он и в самом деле такой любитель живописи?

— О, да. Мы довольно регулярно ходили на выставки и открытия галерей.

Билл фыркнул и тростью отбросил в ручей камешек.

— Что ж, это несколько снижает неслучайный характер совпадений, но едва ли отрицает саму вероятность.

— Кажется, я не совсем…

— Очень странно, что Люк тоже был знаком с этим ненормальным художником-оккультистом. Хотя и менее странно, если учесть, что парень был и в самом деле талантлив, а Люк собирал картины.

— Он ведь мог и не говорить мне, что знал Мелмана.

— Верно. Но все это, плюс его физические данные… Конечно, я строю лишь предположения, но только Люк кажется мне необычным человеком.

Я кивнул:

— После нашего вчерашнего разговора я сам не раз думал об этом. Если он и в самом деле не отсюда, то не понимаю, откуда он может быть

вообще.

— В таком случае можно считать, что эту линию следствия мы исчерпали, — предложил Билл. Мы последовали за изгибом ручья и остановились, глядя, как из болотистой низины поднялась стайка каких-то птиц. Билл посмотрел назад, откуда мы пришли, и спросил:

— Скажи мне… это к делу не относится. Но каково твое полное… э-э-э… звание?

— В каком смысле?

— Ты — сын принца Амбера. Кем это тебя делает? Каков твой титул?

— Титул? Я герцог Западного края и граф Колвирский.

— А что это значит?

— Это значит, что я не принц Амбера. И никаких вендетт, никаких забот — и я тоже никому не могу предъявлять претензии по поводу наследования.

— Гм…

— Что — «гм»?

Он пожал плечами.

— Я слишком много читал исторических работ и романов. Никто никогда не может быть уверен в своей безопасности.

Я в свою очередь пожал плечами.

— По моим последним сведениям на нашем семейном фронте стоит тишина.

— Ну, по крайней мере, это хорошая новость.

Еще несколько поворотов, и мы оказались у того места, где берег становился шире, и его полоса, покрытая песком и галькой, плавно поднималась туда, где неожиданно заканчивалась стеной в семь или восемь футов высотой. На верху стены росли деревья, и нам снизу были видны их верхушки и висящие в воздухе узловатые корни. Билл присел на валун в тени обрыва и снова раскурил трубку. Я сел слева от него. У наших ног плескалась вода, и на ней играли солнечные зайчики. Некоторое время мы молча наблюдали за их игрой.

— Хорошо, — сказал я немного погодя. — Прелестное место.

— Мне тоже нравится.

Я посмотрел на Билла. Он повернул голову в ту сторону, откуда мы пришли.

Я понизил голос:

— Кого-то заметил?

— Я давно уже почувствовал, — прошептал он, — что за нами кто-то крадется. Но сейчас он где-то потерялся за всеми этими поворотами и изгибами ручья.

— Наверное, мне стоит немного пройтись и посмотреть.

— Нет, может, мне это почудилось. Просто превосходный денек, а тут многие любят погулять. Я просто подумал, что если обождать несколько минут, то он или появится здесь, или мы будем знать, что он пошел по другой тропинке.

— А ты мог бы его описать?

— Нет. Я видел его мельком. Не думаю, что нам стоит слишком тревожиться. Просто твоя история заставляет быть немного осторожнее… или заражает параноидальным синдромом. Не знаю только, что именно проявляется в данном случае.

Я вытащил трубку, набил ее, раскурил. И мы стали ждать. Ждали минут пятнадцать или около того, но никто так и не показался.

— Ложная тревога, — сказал, наконец, Билл, поднимаясь и потягиваясь.

— Да, очевидно так.

Билл вновь двинулся вдоль берега. Я догнал его и зашагал рядом.

— Кроме того, меня тревожит эта леди по имени Ясра, — продолжал он нашу беседу. — Ты говоришь, что она, судя по всему, переместилась в комнату с помощью Карты, и что во рту у нее име-

лось жало, яд которого тебя на время отключил?

— Точно.

— И ни с чем подобным ты раньше не сталкивался?

— Нет.

— А какие у тебя предположения?

Я покачал головой.

— И почему именно Вальпургиева ночь? Я могу понять, что определенная дата имеет огромное значение для психа, и что приверженцы примитивных религий уделяют особое внимание точке смены времени года, но «Н» кажется слишком хорошо организованным, чтобы быть просто ненормальным. А что касается остальных…

— Мелман считал, что это важный день.

— Да, он был причастен к оккультизму. Было бы удивительно, если бы он не упомянул этого — неважно, стоит за этой датой что-то или нет. Он признался, что это его собственный домысел, и его хозяин ничего специально об этом не упоминал. Но ты должен разбираться в подобных тонкостях. Так вот, если кто-то хочет прикончить тебя или человека твоей крови, то дает ли данный день — и только этот день в году — ему какие-то преимущества?

— Если и дает, то я о них никогда не слышал. Я,

конечно, о многих вещах не имею понятия. Я ведь моложе всех наших. Но в каком направлении ты думаешь в этом случае двигаться? Ты говоришь, что это едва ли нормальный убийца, но и идея Вальпургиевой ночи тебе тоже не кажется подходящей.

— Не знаю. Просто я размышляю вслух. Оба предположения кажутся мне шаткими, вот и все. Кстати, во французском Иностранном Легионе в этот день, тридцатого апреля, всем давалась увольнительная, чтобы они смогли напиться, и еще пару дней им выделяли потом, чтобы успели опохмелиться. Это годовщина битвы при Камероне, один из их самых больших триумфов. Но едва ли это имеет к тебе какое-то отношение.

— А почему вдруг сфинкс? — неожиданно поинтересовался Билл. — Карта, которая переносит тебя в определенное место, где предстоит обмениваться тупыми загадками или, в противном случае, тебе откусят голову?

— У меня сложилось впечатление, что именно на это и был расчет.

— Я тоже так думал. Но все равно, очень экстравагантно и весьма эксцентрично. Знаешь, мне кажется, что вообще все эти Карты — особого рода ловушки.

— Вполне возможно.

Я сунул руку в карман, доставая Карты.

— Не надо, — произнес Билл. — Не будем испытывать судьбу. Наверное, было бы лучше пока что их куда-нибудь припрятать. Я мог бы положить их в свой сейф.

Я рассмеялся:

— Нет, благодарю. Сейфы не такие уж надежные укрытия. Возможно, найдется способ проверить их без всякого риска.

— Тебе видней, ты специалист. Но скажи, а что-нибудь из Карты не может проникнуть к нам так, чтобы ты не…

— Нет. Таким образом Карты не работают. Требуется концентрация. И немалая.

— Это уже кое-что. Я…

Он снова нервно оглянулся. К нам кто-то приближался. Я невольно сжал пальцы в кулаки.

Затем я услышал, как Билл с облегчением вздохнул.

— Все в порядке, я его знаю. Это Джордж Хансен, сын того парня, которому принадлежит и ферма, и эта земля. Привет, Джордж!

Приближавшийся к нам среднего роста молодой человек со светлыми волосами приветливо помахал рукой. Одет он был в джинсы и спортив-

ную майку с изображением группы «Благодарные мертвецы». Из левого кармана торчала пачка сигарет. На вид ему было чуть больше двадцати.

— Привет, — сказал он, подойдя поближе. — Отличный денек, не правда ли?

— Конечно, — ответил Билл. — Вот почему мы и вышли пройтись, вместо того, чтобы сидеть дома.

Джордж перевел взгляд на меня.

— И я тоже, — улыбнулся он, сверкнув зубами. — Нет, день просто первоклассный.

— А это Мерль Кори, он у меня в гостях.

— Мерль Кори, — повторил Джордж и протянул мне руку. — Привет, Мерль.

Я пожал его руку. Она была немного влажной.

— Знакомое имя?

— Гм… Мерль Кори?

— Ты знал его отца, Сэма Кори.

— Да? — удивился он, но что-то вспомнил и произнес. — Правильно. Конечно.

— Сэма Кори, — повторил Джорджу Билл, бросая мне предупреждающий взгляд.

— Сэм Кори, — пробормотал Джордж. — Сын Сэма! Рад с вами познакомиться! Долго думаете у нас пробыть?

— Несколько дней, — ответил я. — Не думал,

что вы были знакомы с моим отцом.

— Отличный человек! — выпалил Джордж. — А вы откуда?

— Калифорния. Захотелось поменять обстановку.

— А куда вы направляетесь?

— Собственно говоря, за границу.

— Европа?

— Дальше.

— Вот это здорово! Я бы тоже с удовольствием попутешествовал.

— Возможно, еще выпадет случай.

— Да. Ну, ладно, я пошел. Приятно вам прогуляться. Рад был с вами познакомиться, Мерль.

— Я тоже.

Он попятился, помахал рукой и ушел.

Я взглянул на Билла и вдруг обнаружил, что он дрожит.

— Что случилось? — удивился я.

— Я знаю этого парня еще с той поры, когда он был малышом. Как ты думаешь, он под воздействием наркотиков?

— Во всяком случае, не таких, от которых остаются следы на руках. Я ничего такого не заметил. И слишком «принявшим» он мне тоже не показался.

— Да, но ты не знаешь его так, как знаю я. Он был… совершенно не такой, как обычно. Я назвал твоего отца Сэмом, потому что сразу что-то заподозрил. У него и речь изменилась, и осанка, и походка… Что-то такое неуловимое… Я ждал, что он меня поправит, и уже заготовил шутку насчет преждевременного склероза. Но он не поправил меня. Вместо этого он сам употребил это имя. Он попался. Мерль, я боюсь! Он очень хорошо знал твоего отца. Карл Кори любил, чтобы у него во дворе все было чисто, но был не слишком большим охотником полоть сорняки и сгребать опавшие листья. Джордж делал за него всю работу во дворе, когда еще ходил в школу. И он отлично знал, что твоего отца зовут не Сэм.

— Ничего не понимаю.

— И я тоже не понимаю. И мне все это очень не нравится.

— Значит, он вел себя странно и к тому же следил за нами?

— Я в этом уверен. Слишком много совпадений, учитывая твой приезд.

Я повернулся:

— Пойду за ним и все выясню.

— Нет, не надо.

— Я ему ничего не сделаю. Есть другие спо-

собы.

— Пусть он лучше думает, что провел нас. Это может заставить его сказать или сделать что-то, что его выдаст. С другой стороны, то, что сделаешь ты, пусть даже применив волшебство, может его вспугнуть, и он заподозрит, что его раскусили. А это нам ни к чему. Пусть уж все идет, как идет, и будь благодарен, что ты теперь предупрежден.

— Ты прав, — согласился я. — Это разумно. Ладно, пусть будет по-твоему.

— Давай-ка отправимся домой, а потом поедем завтракать в город. Я хочу заехать в контору, взять почту и кое-кому позвонить. В два часа мне необходимо встретиться с клиентом. Ты тем временем можешь взять машину.

— Отлично.

Пока мы, возвращаясь, шли вдоль берега, я кое-что обдумывал. Биллу я рассказал не все. Например, не было причины сообщать ему о невидимой удавке-проволоке, обвивавшей мое запястье. Одно из достоинств этой проволоки заключалось в том, что она предупреждает, если замышляется что-то недоброе по отношению ко мне. Так было с Люком почти два года назад, пока мы не стали друзьями. Каковы бы ни были причины необычного поведения Джорджа Хансена,

Фракир не подал мне знака. Смешно, конечно, но что-то в его манере говорить, в том, как он произносил слова, казалось мне знакомым. Пока Билл занимался после ленча своими делами, я воспользовался его машиной и немного прокатился. Я направился туда, где мой отец проживал несколько лет назад. Хотя я когда-то и бывал там несколько раз, но никогда еще не заходил в сам дом. Наверное, как мне сейчас кажется, потому, что не было для того стоящей причины. Я остановился на обочине дороги и посмотрел на дом снизу. Билл рассказал, что сейчас в нем проживает молодая пара с детьми. Об этом я и сам мог догадаться по разбросанным во дворе игрушкам. Мне захотелось узнать, что это такое — детство в таком доме. Возможно, я тоже мог бы вырасти в нем. У дома был опрятный, ухоженный и даже веселый вид. Я подумал, что люди эти, должно быть, счастливы. И еще я подумал об отце, где может он сейчас быть, если только он еще среди живых. Через его Карту с ним никто не мог связаться, хотя факт этот ничего особенного не доказывал. Существует ряд способов, которыми можно заблокировать посылку через Карту. И один из таких способов он и применил, хотя думать об этом не хотелось. Ходили слухи, что отец сошел с ума во

Дворе Хаоса — подействовало проклятие, наложенное моей матерью, и что сейчас он бесцельно скитается среди Отражений. Мать вообще отказалась со мной разговаривать на эту тему. Другие говорят, что он скрылся в собственной вселенной и не вернулся оттуда, что вполне можно вывести из зоны досягаемости через Карту. Третья версия гласила, что он просто исчез в какой-то момент после того, как покинул Двор. Некоторые мои родственники утверждали, что сами видели, как он покидал Двор после своего краткого пребывания там. И были еще такие, что встречали его потом в самых разных местах, весьма удаленных друг от друга, и встречи эти неизменно говорили об изменившемся характере, о странном поведении. Он вел себя чудаковато, если не считать хуже. Один из очевидцев рассказывал мне, что видел отца в компании с немой танцовщицей, с которой он путешествовал и общался на языке знаков. И сам он тоже не был склонен к разговорам. Другой описывал его как громогласного пьяницу, выгнавшего всех из низкого пошиба таверны, чтобы без помех наслаждаться игрой музыкантов. Я не могу поручиться за достоверность всех рассказов. Мне потребовалось изрядно поискать, чтобы наскрести хотя бы пригоршню

слухов. С помощью вызова Логруса, я также не мог его обнаружить, хотя и пробовал множество раз. Конечно, если он и в самом деле был очень уж далеко, то концентрация моей воли могла оказаться просто недостаточной. Другими словами, никаких достоверных сведений об отце у меня не было, как не было ни малейшего понятия, где, черт побери, находится он сейчас. Я сильно жалел об этом, потому что единственная настоящая наша встреча произошла за пределами Двора Хаоса в день битвы Падения Лабиринта, когда он рассказал мне длинную историю своей жизни. Этот день перевернул все мое существование. Я принял решение покинуть Двор, чтобы искать знания и опыт в мире Отражений, где так долго жил отец. Я чувствовал потребность получше узнать этот мир для того, чтобы лучше понять отца. И вот сейчас, когда, я чего-то в этом достиг, отца со мной уже не было, чтобы мы могли продолжить наш разговор на равных. Мне казалось, что вскоре я смогу испытать новый способ поиска. И вот теперь, когда проект «Колесо-призрак» практически был в стадии воплощения, мне свалилась на голову первая навозная лепешка. Следуя заранее продуманным маршрутом, я должен был завершить свое путешествие у Билла.

И через месяц или два планировал направиться в мой приют-аномалию для окончательного завершения работы, чтобы приняться потом за новую. А сейчас… захлестнули другие дела. Сначала нужно разделаться с ними, и только тогда я смогу продолжить поиски. Я медленно проезжал мимо дома. Сквозь открытые ворота доносилась музыка. Нет, лучше не знать, что там внутри. Иногда маленькая загадка предпочтительнее знания наверняка. Вечером этого же дня я сидел на крыльце с Биллом. Мы только что пообедали, и я размышлял над тем, что еще стоит ему рассказать. Поскольку я все время отмалчивался, он начал разговор сам. Вернее, продолжил.

— Вот еще, например, — сказал он.

— Да?

— Дон Мартинес завязал с тобой разговор, намекая на попытку Люка найти вкладчиков в новую компанию по производству компьютеров. И у тебя создалось впечатление, что это была лишь уловка, с помощью которой он был намерен усыпить твою бдительность, а потом ударить вопросом об Амбере и Хаосе?

— Верно.

— Но позже Люк затронул вопрос о новой компьютерной фирме. И настаивал на том, что еще

не входил пока в контакт с потенциальными вкладчиками и никогда не слышал о Доне Мартинесе. Когда он увидел Мартинеса мертвым, то продолжал настаивать, что никогда его не встречал раньше.

Я кивнул.

— Значит, или Люк тебе лгал, или Мартинес каким-то образом пронюхал о планах Люка.

— Не думаю, чтобы Люк говорил неправду, — сказал я. — Я немало думал над этим. Зная Люка так, как знаю его я, просто не могу поверить, чтобы он стал искать вкладчиков до того, как уверился, что есть во что вкладывать их деньги. Это больше похоже на единственное действительно случайное совпадение во всем, что до сих пор случалось. Я почему-то уверен, что Мартинес знал о Люке очень многое, просто ему требовалась, как заключительный штрих, информация об Амбере и Дворе Хаоса. Он крайне хитер и на основании того, что было ему известно, придумал легенду, выглядевшую для меня убедительно. Он ведь хорошо знал, что я работал с Люком в одной компании.

— Вполне возможно, — заметил Билл. — Но потом, когда Люк в самом деле…

— Мне начинает казаться, — перебил я его, —

что история Люка тоже липа.

— Я не совсем улавливаю…

— Я думаю, что он сочинил ее примерно тем же способом, что и Мартинес. Чтобы она звучала правдоподобно, и чтобы он мог получить от меня нужную информацию.

— Я совсем запутался. Какую информацию?

— О моем «Колесе-призраке». Он хотел знать, что это такое.

— И был разочарован, узнав, что это лишь упражнения для ума, игра конструктивной фантазии, а вовсе не основание для создания новой компании?

Я кивнул, улыбнувшись, и Билл эту улыбку не пропустил.

— Это не все? — спросил он. — Погоди… Так, значит, ты мне тоже лгал. Это нечто реальное?

— Да.

— Вероятно, мне не следует даже спрашивать — если только ты сам не сочтешь нужным сказать мне. Если это что-то в самом деле очень важное, то ведь у меня могут вырвать эти сведения, понимаешь? Я с трудом переношу боль. Подумай об этом.

Некоторое время я сидел, размышляя.

— Подозреваю, что это и вправду могло бы

иметь значение, — сказал я, наконец. — Но косвенным образом, совсем не так, как предполагаешь ты. И не для Люка или кого-то еще — потому что никто, кроме меня, даже не представляет, что это такое. Я даже не могу предположить, как такая переменная войдет в уравнение за пределами простого любопытства Люка. Поэтому, видимо, я последую твоему совету и не стану говорить об этом.

— Меня это вполне устроит. Потом остается еще загадка исчезновения Люка…

В другой комнате зазвонил телефон.

— Извини, — буркнул Билл.

Он поднялся и ушел на кухню.

Несколькими секундами спустя он крикнул.

— Мерль, это тебя!

Войдя на кухню, я посмотрел на Билла вопросительно, но он пожал плечами и отрицательно покачал головой. Я сразу, вспомнил, где стоят еще два телефонных аппарата, махнул Биллу рукой в направлении кабинета и пантомимой изобразил, будто снимаю трубку и прикладываю ее к уху. Билл улыбнулся и понимающе кивнул. Я снял трубку и немного подождал, пока не услышал щелчок, только после этого я заговорил. Пусть на том конце телефонного провода думают, что я

поднял трубку второго телефона.

— Алло, — сказал я.

— Мерль Кори?

— Да.

— Мне необходимы некоторые сведения, которыми вы, думаю, располагаете.

Голос был мужской, и, казалось, знакомый, но я не мог вспомнить, чей.

— С кем я разговариваю?

— Простите, этого я вам сказать не могу.

— Тогда я отвечу на ваш вопрос так же.

— Но, по крайней мере, позвольте спросить!

— Валяйте, спрашивайте.

— Хорошо. Вы с Люком Гейнардом друзья, так ведь?

Он сделал паузу.

— Допустим.

— Вы слышали от него упоминание об Амбере и Дворе Хаоса?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Возможно.

— А вы сами что-нибудь знаете об этих местах?

Это уже вопрос.

— Возможно, — снова сказал я.

— Пожалуйста, это серьезно. Мне нужно что-то большее, чем «возможно».

— Извините, но больше вы ничего не услышите, если не сообщите, с кем я разговариваю и зачем вам нужны эти сведения.

— Я мог бы оказать вам большую услугу, если бы вы были со мной откровенны.

Я едва успел удержаться от ответа, сердце мое бешено заколотилось. Последнее предложение было произнесено на тари. Я молчал.

— Что ж, не вышло, — сказал незнакомец, явно надеявшийся, что я ему отвечу на тари, — и я до сих пор не понимаю…

— Чего вы не понимаете? — поинтересовался я.

— Он или вы из тех мест, о которых я спрашиваю?

— Но скажите, какое это имеет к вам отношение?

— Потому что одному из вас может угрожать большая опасность.

— Тому, кто родом из тех мест, или наоборот? — уточнил я.

— Этого я вам сказать не могу. Не могу позволить себе еще одну ошибку.

— Что вы подразумеваете под «ошибкой»?

— Вы не хотите мне говорить, опасаясь за себя, или не хотите подвести друга?

— Возможно, я бы вам сказал, если бы знал, что вы говорите правду. Но пока эта опасность может исходить и от вас.

— Уверяю вас, что я только лишь пытаюсь помочь тому, кто в этой помощи действительно нуждается.

— Слова, слова, слова… Допустим, что мы оба оттуда.

— О, боже! — вздохнули на том конце провода. — Нет, этого не может быть.

— Почему нет?

— Неважно. Что я должен сделать, чтобы убедить вас?

— М-м-м… Одну минуту. Я должен подумать. Ну, хорошо. Что вы скажете о таком предложении? Давайте встретимся. Место встречи вы выбираете сами. Когда я вас увижу, мы сможем обменяться нужными сведениями. Моя информация в обмен на вашу, — пока все карты не будут выложены на стол.

Последовала длительная пауза.

— Вы настаиваете именно на этом?

— Да!

— Мне нужно это обдумать. Я с вами вскоре свяжусь снова.

— Минутку!

— Да?

— Если этот человек — я, грозит ли мне опасность сейчас?

— Думаю, да.

Он повесил трубку. Я ухитрился вздохнуть и выругаться одновременно, пока опускал трубку на рычаг. Похоже, люди, знающие о моих неприятностях, прячутся на каждом углу. В кухню вошел Билл. По его лицу было видно, что он озадачен.

— Черт побери, как он узнал, что ты здесь? — были его первые слова.

— То же самое могу спросить и я. Придумай другой вопрос.

— Придумаю. Если он и в самом деле захочет с тобой встретиться, ты пойдешь?

— Еще бы! Я хочу увидеть этого парня.

— Но, как ты сам понимаешь, опасность может исходить и от него. Мне это совсем не нравится.

— Я тоже не в восторге. Но ничего другого я предложить не мог.

— Ладно, решать тебе. Очень жаль, что невозможно найти этого типа раньше.

— Да, было бы неплохо.

— Послушай, а почему бы его немного не подтолкнуть?

— Если подскажешь, как…

— Он держался несколько нервно, и, мне кажется, твое предложение ему понравилось не больше, чем мне. Давай не станем рассиживаться здесь и ждать его звонка. Пусть не думает, что ты с замиранием сердца ждешь его ответа. Пусть понервничает сам. Давай, соверши пару заклинаний, добудь себе новый костюм, и поедем на пару часов в клуб. Спасем мой холодильник от полного истощения, которым ему угрожает наш аппетит.

— Это идея, — согласился я. — Первоначально все задумывалось, как каникулы. И теперь это и вправду чем-то напоминает каникулы.

С помощью безымянного Отражения я обновил свой гардероб, чуть подровнял бороду, принял душ и оделся. Затем мы поехали в клуб и поужинали на его террасе, наслаждаясь прекрасным вечером. Он был теплым и звездным, лунный свет лился с неба, как молоко. По взаимному соглашению мы с Биллом воздерживались от дальнейшего обсуждения моих проблем. Билл, похоже, знал всех посетителей клуба, поэтому я почувствовал себя совершенно свободно. Давно уже у меня не было возможности так приятно расслабиться. Позднее мы зашли в клубный бар, который, как я понял, был любимым «водопоем» отца. Из соседней комнаты доносились звуки тан-

цевальной музыки, что тоже было мне по душе.

— Да, это отличная идея, — произнес я. — Спасибо, Билл.

— Не за что. Мы тут с твоим стариком не раз сиживали. Кстати, ты случайно не…

— Нет, об отце никаких новостей.

— Извини.

— Я сообщу тебе, если что-нибудь узнаю.

— Конечно. Извини.

За полночь мы без особых происшествий вернулись домой. И никто за нами не следил. Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я отправился прямо в свою комнату. Там я сбросил с плеч новый пиджак, повесил его в шкаф, скинул с ног новые туфли и поставил их туда же. И вдруг на кровати, на подушке, заметил белый прямоугольник. Я схватил записку. «Жаль, что вас не было дома, — писалось в ней крупными печатными буквами. — Но я видел вас в клубе и, конечно, понимаю ваше желание провести вечер вне дома. У меня возникла идея. Давайте встретимся завтра там же, в баре, в 10 вечера. Я буду чувствовать себя гораздо уверенней, если вокруг будет множество людей, но никто не будет прислушиваться к нам».

Проклятье! Первым моим побуждением было

позвать Билла. Но потом я подумал, что помочь он все равно ничем не сможет и только не сумеет от волнения уснуть, а сон Биллу требовался, вероятно, гораздо больше, чем мне. Поэтому я сложил записку и сунул ее в карман рубашки, а потом повесил ее в шкаф. Сон мой не был оживлен даже каким-нибудь завалящим кошмаром. Я спал глубоко и крепко, зная, что в случае опасности Фракир разбудит меня. Честно говоря, я проспал даже больше, чем нужно, и чувствовал себя прекрасно. Утро выдалось солнечным, вокруг распевали птицы. Умывшись и причесавшись, я спустился на нижний этаж и совершил небольшой налет в Отражение за новыми брюками и рубашкой. На столе в кухне лежала записка. Я уже несколько устал их обнаруживать, но эта была от Билла. Он извинялся за то, что ему необходимо на некоторое время съездить по делам в город, в контору, а я могу позавтракать всем, что обнаружится и холодильнике. Я заглянул в холодильник, извлек оттуда несколько бутылочек, кусок мускусной дыни и стакан апельсинового сока. Поставил варить кофе, и к тому времени, когда я заканчивал свой нехитрый завтрак, он уже был готов. С чашкой в руках я вышел на крыльцо. Присев на ступеньку, я принялся размышлять

о том, не следует ли мне оставить собственную записку и двигаться дальше. Мой загадочный корреспондент — предположительно «Н» — один раз звонил мне сюда и один раз проник в дом. Каким образом «Н» пронюхал о моем присутствии, было уже не существенно. Это был дом друга, и, хотя я не имел ничего против того, чтобы делиться с друзьями некоторыми проблемами, мне не хотелось подвергать их опасности. Но был уже день, а встреча должна состояться сегодня вечером. И вскоре я принял достаточно твердое решение. Глупо было сдаваться сейчас. Будет даже лучше, если я останусь здесь до самой встречи. Я смогу следить за ходом событий и охранять Билла, если вдруг что-то произойдет. Я вдруг вообразил, как некто, угрожая пистолетом, заставляет Билла написать записку, потом похищает его в качестве заложника, чтобы оказать на меня давление и заставить отвечать на свои вопросы. Я поспешил на кухню и позвонил Биллу в контору. После второго гудка мне ответил Гораций Клайпер, его служебный секретарь.

— Привет, это Мерль Кори. Мистер Рот у себя?

— Да, но сейчас у него клиент. Попросить его позвонить вам позднее?

— Нет, это не столь важно. Мы с ним скоро

увидимся. Не беспокойте его. Благодарю.

Я нацедил себе новую чашку кофе и вернулся на крыльцо. Нет, такие вещи вредны для нервов. Я решил, что, если этим вечером дело не решится, я уеду.

Из-за угла дома показался человек.

— Привет, Мерль.

Это был Джордж Хансен. Фракир тончайшим пульсом сжал мое запястье, точно хотел предупредить меня, но потом передумал. Хотелось бы знать, почему. Двусмысленно. Необычно.

— Привет, Джордж? Как жизнь?

— Превосходно. Мистер Рот дома?

— К сожалению, нет. Ему нужно было съездить в город. Кажется, к ленчу он вернется.

— А-а-а… Он несколько дней назад просил зайти, чтобы поговорить насчет работы, которую нужно для него сделать.

Он подошел поближе и протянул для пожатия руку, поставив при этом одну ногу на ступеньку крыльца.

Я покачал головой:

— Ничем не могу помочь. Он мне об этом ничего не говорил. Придется вам зайти сюда попозже.

Он кивнул, вытащил пачку сигарет, прикурил. На этот раз майка у него была с надписью «Пинк

Флойд».

— Как вам тут нравится? — спросил он.

— Отличное местечко. Не хотите ли чашечку кофе?

— Не возражаю.

Я поднялся, направляясь на кухню.

— Немного сахара и сливок, — добавил он мне вслед.

Я приготовил ему кофе, а когда вернулся на крыльцо, Джордж уже занимал второй стул.

— Спасибо.

Попробовав кофе, он вновь обратился ко мне.

— Я знаю, вашего отца звали Карл, хотя мистер Рот сказал Сэм. Его память, наверное, дала осечку.

— Или язык, — сказал я.

Он улыбнулся. Что-то странное было в его манере разговаривать. Голос у него был почти как тот, что я слышал по телефону прошлым вечером, хотя тот говорил намеренно замедленно, чтобы его трудно было узнать. Но меня волновала не эта похожесть.

— Он ведь был отставным офицером, военным, да? И еще работал кем-то вроде правительственного консультанта?

— Да.

— А где он сейчас?

— Путешествует.

— И вы с ним должны встретиться?

— Надеюсь.

— Было бы здорово, — улыбнулся он, затягиваясь сигаретой и одновременно делая глоток кофе.

— Но вас я что-то не припоминаю, — вдруг добавил он. — Вы ведь не жили с отцом, да?

— Нет, я вырос с матерью, потом жил у родственников.

— Наверное, далеко отсюда?

Я кивнул:

— За морем.

— А как ее звали?

Я едва не сказал ему. Не знаю, отчего. Но в последнюю минуту изменил ее имя на Дороти. Я вовремя взглянул на Джорджа, чтобы заметить, как он поджал губы. Он изучающе смотрел на меня.

— А почему вы спрашиваете?

— Так, без особой причины. Генетически запрограммированное любопытство. Моя мать была первой городской сплетницей.

Он засмеялся и сделал изрядный глоток кофе.

— А вы надолго к нам? — спросил он, помол-

чав.

— Трудно сказать. Вероятно, нет.

— Ну, надеюсь, вам у нас понравится. — Он допил свой кофе и поставил пустую чашку на перила. Потом встал, потянулся и добавил: Приятно было с вами потолковать.

Сходя по ступенькам, он оглянулся.

— Думается, у вас впереди дальний путь. Желаю удачи.

— У вас тоже, вероятно, — сказал я. — У вас есть дар слова.

— Спасибо за кофе. Еще увидимся.

— Пока.

Он повернул за угол и пропал. Я был в недоумении и не знал, как все это понимать. Но, попытавшись проанализировать поведение этого парня, сдался. Когда молчит вдохновение, рассудок быстро теряет силы.

Когда вернулся Билл, я как раз делал себе сэндвич, поэтому приготовил и на его долю. Он тем временем переоделся.

— В этом месяце у меня предполагалось облегченное расписание, — промычал он, жуя, — но у старого клиента оказалось сверхсрочное дело, пришлось заняться, — Слушай, не прогуляться ли нам вдоль ручья, но только в другую сторону?

После полудня?

— Я готов.

Пока мы шагали через поле, я рассказал ему о визите мистера Джорджа.

— Нет, — заявил Билл, — ни о какой работе я с ним не говорил.

— Другими словами…

— Я подозреваю, что он специально хотел повидать тебя. Он мог легко увидеть, как я уезжаю со своего двора.

— Хотел бы я знать, что ему нужно?

— Если это важно, то, в конце концов, он прямо задаст тебе вопрос. Когда будет нужно.

— Но время бежит, — заметил я. — Я решил уехать завтра утром, а может быть, и сегодня вечером.

— Почему?

Пока мы шли к ручью, я рассказал ему о записке, найденной вчера ночью, о назначенной на сегодняшний вечер встрече, о своих размышлениях по поводу опасности, грозящей Биллу, и о случайных и прицельных выстрелах.

— Может, все это не так серьезно, — заметил он.

— Я принял решение, Билл. Скверно, что приходится оставлять тебя, когда мы так давно не

виделись, но я не предполагал, что возникнут такие неприятности. Но если я уеду, неприятности уедут вместе со мной. Ты меня понимаешь?

— Вероятно, да, но…

Так, беседуя, мы шли вдоль кромки воды. Время от времени я оглядывался, но никого позади не замечал. Но с противоположного берега, из зарослей, время от времени доносились какие-то шорохи. Вполне возможно, подумал я, что наши голоса потревожили какое-то животное. Мы прогуливались уже больше часа, когда я вдруг почувствовал, что кто-то трогает мою Карту. Я замер.

Билл также остановился и повернулся ко мне.

— Что…

Я предостерегающе поднял руку:

— Междугородный звонок.

Мгновение спустя я ощутил первое возникновение контакта. И в это же время услышал шум в кустах по ту сторону ручья.

— Мерлин.

Это был голос Рэндома, он звал меня. Несколькими секундами позже я увидел его самого. Он находился за столом в библиотеке Амбера.

— Да, — ответил я.

Изображение обрело твердость, полностью реа-

лизовалось, словно сквозь проход-арку я смотрел в соседнюю комнату. И одновременно продолжал видеть все, что меня окружало в этом Отражении, хотя с каждым мгновением это видение все более напоминало боковое зрение. Например, я видел, как из кустов на том берегу вышел Джордж Хансен, не спускавший с меня глаз.

— Ты нужен мне в Амбере, Мерлин, прямо сейчас, — сообщил мне Рэндом.

Джордж начал переходить ручей, громко шлепая по воде.

— Давай, быстрей, — поторопил Рэндом, протягивая мне руку.

К этому времени силуэт мой, должно быть, начал мерцать и струиться. Я услышал восклицание Джорджа:

— Стойте! Подождите! Я должен с вами тоже…

Я протянул руку и схватил Билла за плечо:

— Я не могу оставить тебя здесь с этим ненормальным. Пошли!

Другой рукой я сжал ладонь Рэндома.

— Готово, — произнес я, делая шаг вперед.

— Стойте! — крикнул Джордж.

— Пошел к черту, — ответил я ему, и мы оставили мистеру Джорджу в утешение радугу.

7

Рэндом удивленно смотрел на нас, возникших в его библиотеке. Он поднялся из-за стола, оказавшись ниже нас обоих, и уставился на Билла.

— Мерлин, кто это? — спросил он.

— Твой адвокат, Билл Рот. В прошлом ты часто имел с ним дело через доверенных лиц. Я подумал, что было бы неплохо…

Со словами: «Ваше Величество!» Билл уже начал опускаться на одно колено, но Рэндом поймал его за плечи.

— Ах, бросьте эту ерунду, — сказал он и пожал Биллу руку. — Зовите меня просто Рэндом. Я давно хотел поблагодарить вас за работу, проделанную с Договором. Однако так и не смог выбрать свободное время. Очень рад познакомиться с вами по-настоящему.

Я еще никогда не видел, чтобы Билл не мог найти подходящих слов, но сейчас он просто лишился дара речи и только смотрел по сторонам ошеломленным взглядом — на Рэндома, на комнату, в окно на далекую башню.

— Так это все существует на самом деле, — услышал я, наконец, его шепот.

— Мне показалось, что в последний момент к тебе кто-то подбежал, — улыбнулся Рэндом, проводя ладонью по непокорным каштановым волосам. — И надеюсь, твои последние слова были обращены не ко мне!

— У нас были небольшие неприятности, — ответил я. — Потому, собственно, я и перенес Билла сюда. Понимаешь, кто-то пытался меня прикончить, и…

Рэндом поднял руку.

— Погоди, пока без деталей. Все это я обязательно выслушаю позже, но… позже. Похоже, мрачные события завели привычку случаться чаще обычного. И вполне возможно, что твой рассказ — их часть. Но сейчас мне нужно слегка перевести дух.

Только тут я заметил, как обозначились морщины на его обычно юном лице, и понял, как Рэндом устал.

— Что стряслось, Рэндом?

— Каин мертв. Убит. Этим утром.

— Как это случилось?

— Он был в одном из Отражений, в Дейго — это далекий порт, с которым мы торгуем. Он вместе с Жераром отправился туда возобновить старый торговый договор, и был застрелен. Прямо в серд-

це. Умер мгновенно.

— Лучника поймали?

— Лучника? Черта с два! Стреляли с крыши из винтовки! Убийце удалось уйти!

— Я полагал, что порох в Амбере не срабатывает.

Рэндом только развел руками.

— Дейго находится достаточно далеко в Отражениях, и порох там может сработать. Никто не помнит, испытывали его там или нет. К тому же однажды твой отец отыскал состав, который срабатывал и тут, в Амбере.

— Верно, я чуть не забыл.

— Как бы там ни было, похороны завтра.

— Билл! Мерлин!

В комнату вошла моя тетушка Флора, которая, как известно, ответила отказом на предложение самого Россетти[4]. И не захотела стать даже его натурщицей. Высокая, стройная, вся словно отполированная, она поспешила поцеловать Билла в щеку. И я впервые увидел, как Билл краснеет. Мне тоже повезло, но я был тронут в гораздо меньшей степени, вспомнив, что когда-то она была тюремщиком моего отца.

---

[4] Примечания: 4

Россетти — английский художник и поэт (1828–1882), основатель братства «прерафаэлитов».

— Вы давно здесь? — голос у нее был такой же прелестный, как и внешность.

— Только что прибыли, — ответил я.

Она немедленно взяла нас с Биллом за руки, чтобы увести из библиотеки.

— Нам о стольком нужно поговорить… — начала она.

— Флора! — раздался голос Рэндома.

— Что, брат мой?

— Можешь уделить все свое внимание мистеру Роту, но Мерлин мне сейчас нужен.

Она недовольно надула губки, но отпустила наши руки.

— Теперь вы понимаете, что такое абсолютная монархия, — обратилась она к Биллу. — Вы видите, что делает с человеком власть?

— Я с детства был испорченным ребенком, — заметил Рэндом.

Фыркнув, она увела Билла с собой.

— Всякий раз, когда она в Отражении отыскивает себе дружка, у нас становится гораздо спокойнее, — вздохнул Рэндом. — К несчастью, в этом году она большую часть времени проводит дома.

Я сочувственно поцокал языком. Он показал на стул, и я присел. Рэндом перешел к библиотеч-

ному шкафу.

— Вина?

— Не прочь.

Он налил два бокала, один дал мне, а сам сел на стул по левую руку от меня. Нас разделял лишь небольшой столик.

— Сегодня после полудня кто-то стрелял в Блейза, — удрученно сказал Рэндом. — В другом Отражении. Ранил его, но не слишком серьезно. Тому, кто стрелял, снова удалось скрыться. А Блейз был в этом королевстве всего лишь с обычной дипломатической миссией.

— Полагаешь, что стрелял тот же человек?

— Несомненно. Никогда еще у нас не раздавался подобный выстрел. А тут, ни с того, ни с сего, сразу два. Это наверняка один и тот же человек. Или одна тайная организация.

— Есть какие-нибудь улики?

Он покачал головой и пригубил вино.

— Я хотел поговорить с тобой наедине, прежде чем тобой завладеют остальные. Я хочу сказать тебе вот что.

Я не спеша отпил глоток вина, ожидая продолжения.

— Во-первых, я по-настоящему напуган. После покушения на Блейза это перестает быть делом

персональным, делом одного Каина. Кто-то очень сердит на всех нас, или, по крайней мере, на некоторых из нас. Теперь и ты сообщаешь, что кто-то совершил на тебя покушение.

— Не знаю, связано ли это каким-то образом с…

— Ну, этого я тоже не знаю. Но мне не нравится схема, которая начинает просвечивать. Хуже всего, если за этим стоит один из нас, а может, даже и не один.

— Почему?

Он сердито взглянул на свой бокал.

— В течение многих веков личная месть была нашим обожаемым способом разрешать внутренние семейные противоречия. Не обязательно все заканчивалось гибелью, хотя такая вероятность существовала постоянно. Но чтобы отомстить, в ход шло все — смехотворные интриги, лишение противника какой-нибудь выгоды, нанесение увечья, изгнание. Делалось это, чтобы упрочить собственное положение. В драке за наследование престола все это недавно достигло пика. Я считал, что все уже угомонились, когда появилась новая забота, которую я вовсе не искал. Я ни на кого не точил зубы, старался быть справедливым. Я ведь знаю, какой мы все чувствительный народ. И сей-

час мне кажется, что дело не в короне, которую я унаследовал. Нет! Все наши, видимо, решили, что я — меньшее из зол, и все действительно работали сообща, чтобы претворить свое решение в жизнь. И потому не думаю, что кто-то из них так уж страстно жаждет короны. После того как она досталась мне, у нас установилось царство дружбы и доброй воли. Но сейчас я спрашиваю себя — не повторяется ли старая история? Вдруг кто-то опять начал старую игру, чтобы отомстить за старые обиды. Мне очень не хотелось бы, чтобы это произошло. Снова подозрения, недоверие, двойная игра… Это нас ослабляет, а ведь всегда существует вероятная опасность, к которой мы должны быть готовы. Я, конечно, с каждым переговорил лично, и все они отрицают причастность к выстрелам и вообще какие бы то ни было злые намерения. Никто из них не слышал ни о заговорах, ни об интригах и вендеттах, но я вижу, что они начинают подозрительно относиться друг к другу. Ведь совсем нетрудно вспомнить старую обиду, которая могла бы, по их мнению, послужить поводом для мести Каину, несмотря на то, что он спас всех нас, окончательно устранив Бранда. То же самое с Блейзом — любой из нас может придумать мотив мести против любого

из остальных.

— Значит, ты хочешь поскорее выявить убийцу, пока моральное разложение не зашло слишком далеко?

— Естественно. Мне ни к чему все эти косые взгляды и поиски старых врагов. Дела еще не настолько блестящи, чтобы мы могли позволить себе погрязнуть в новых заговорах и вендеттах, если только мы уже не завязли в них. Малейшее непонимание — и снова прольется кровь!

— Но как ты считаешь, это один из нас?

— Проклятье! Я такой же, как все. И я тоже становлюсь подозрительным, как и остальные. То, о чем ты спрашиваешь, вполне возможно, но я не вижу никаких тому доказательств.

— А кто бы это еще мог быть?

Он скрестил ноги, потом опять вытянул их. Затем сделал еще один глоток вина.

— Черт! Нашим врагам имя легион. Но большинство из них имеют тонкую, прости меня, кишку. Они знают, какое могут понести наказание, если мы их найдем.

Рэндом сцепил пальцы на затылке и уставился на полки с книгами.

— Не знаю, как тебе об этом сказать, — проговорил он немного погодя, — но я обязан это

сказать…

Я ждал. Наконец, Рэндом быстро произнес:

— Поговаривают, что это Корвин, но я в это не верю.

— Нет, — прошептал я.

— Я же сказал, что не верю. Твой отец слишком много для меня сделал.

— Но откуда такой слух?

— Ну, говорили, что он сошел с ума. Ты уже об этом слышал. Что, если с ним произошла реверсия, и он находится в придонном состоянии ума и памяти, из поры тех дней, когда его отношения с Каином и Блейзом были далеко не сердечными… Да и с любым из нас тоже, если уж на то пошло. Вот о чем сейчас говорят.

— Я не верю.

— И я тоже, но я хотел, чтобы ты знал, что и такой слух есть.

— Пусть лучше мне его не передают.

Рэндом вздохнул.

— Но не начинай первым. Все наши в подавленном состоянии. Не ищи неприятностей.

Я глотнул вина:

— Да, ты прав.

— Ну, а теперь я хочу услышать твой рассказ. Вперед! Сто бед — один ответ.

— Хорошо. По крайней мере, память об этом еще совсем свежа.

И я еще раз пересказал всю свою историю. На это ушло довольно много времени, и когда я закончил, уже начало темнеть. Рэндом изредка прерывал меня, чтобы задать вопрос, когда ему нужно было что-либо уточнить, но не вдавался в исследование случайностей и деталей, как это делал Билл. Когда я закончил свой рассказ, Рэндом встал и зажег несколько масляных светильников. Я почти слышал, что происходит у него в голове. Наконец он высказался:

— Да, с этим Люком ты поставил меня в тупик. Он ни в какие рамки не лезет. Леди с жалом меня слегка беспокоит. Но я, кажется, что-то слышал о подобных людях, хотя и не могу сейчас вспомнить, что именно. Ничего, позже само всплывет в памяти. Мне хотелось бы побольше услышать об этом твоем «Колесе-призраке». Оно почему-то тревожит меня.

— Ладно, — согласился я. — Но сперва я должен рассказать тебе еще кое о чем. Я только что вспомнил…

— Что?

— Я рассказал тебе все в точности, как Биллу. Для меня это уже почти как выученное наизусть

стихотворение. И только об одном я Биллу не говорил. Тогда это показалось мне не слишком важным. Я даже мог бы совершенно забыть об этом, если бы не услышал от тебя о снайпере-убийце. А потом ты упомянул, что Корвину удалось однажды изобрести состав-заменитель пороха для наших мест.

— Поверь мне, об этом у нас все помнят.

— В моем кармане лежат два патрона, которые я нашел в развалинах сгоревшего склада, где находилась мастерская Мелмана.

— И что?

— В них использован не порох, а какое-то другое вещество. Какой-то розовый порошок. Он даже не горит. Во всяком случае там, на Отражении Земля.

Я достал из кармана один патрон.

— Похоже на 30-й калибр, — сказал Рэндом.

— Да, я тоже так думаю.

Рэндом поднялся и потянул за позолоченный шнур, висевший рядом с одной из книжных полок. Едва он успел вернуться к своему стулу, как в дверь постучали.

— Входите, — крикну Рэндом.

Вошел слуга в ливрее, довольно молодой человек.

— Что-то очень быстро, — заметил Рэндом.

Молодой человек удивленно сказал:

— Ваше Величество, я не понимаю…

— А что тут понимать? Я позвонил. Ты пришел.

— Сэр, я на дежурстве в жилых апартаментах. Меня послали сообщить, что обед уже готов и ждет вас.

— А, вот как… Передай, что я скоро буду.

— Хорошо, сэр.

Низко поклонившись, молодой человек удалился.

— Я подумал, что он явился слишком быстро, чтобы… — пробормотал Рэндом.

Немного погодя появился другой слуга, не такой молодой и элегантный.

— Рольф, ты не мог бы сходить вниз в оружейную и поговорить с дежурным? Пусть посмотрит ту коллекцию ружей, с которыми Корвин появился у Колвира в день, когда умер Эрик. Пусть попробует отыскать для меня тридцатый калибр в приличном состоянии, затем почистит его и придет сюда. Мы же пока пойдем вниз пообедаем. Можешь оставить ружье вот здесь, в углу.

— Тридцатый калибр, сэр?

— Точно.

Рольф ушел. Рэндом поднялся и потянулся. Он положил себе в карман мой патрон и указал на дверь.

— Пойдем, поедим.

— Да, видимо, пора.

За обеденным столом нас собралось восемь человек: Рэндом, Жерар, Флора, Билл, Мартин, которого тоже вызвали сегодня, но чуть раньше, чем меня, Джулиан, только что прибывший из Ардена, Фиона, которая тоже совсем недавно явилась откуда-то издалека, и я. Утром должен был появиться Бенедикт, а вечером — Льювилла. Я расположился слева от Рэндома, Мартин — справа. Я уже довольно давно не видел Мартина, и мне было любопытно узнать, чем он занимается. Но атмосфера за столом не располагала к беседе. Стоило кому-то открыть рот, как все остальные начинали прислушиваться к его словам с излишним и несколько придирчивым вниманием, далеко выходящим за пределы обычной вежливости. Мне это казалось довольно неприличным, и Рэндом, кажется, тоже нервничал, потому что послал за Дронной Ма-Панцем, придворным шутом, чтобы он заполнил вынужденные паузы. Поначалу Дронне пришлось нелегко. Он начал жонглировать кое-какими блюдами, поедая их по

ходу номера, потом оскорбил всех нас по очереди. И, наконец, начал очередную свою программу, которая показалась мне весьма забавной. Билл, сидевший слева от меня, тихо заметил:

— Я знаю достаточно на тари, чтобы понимать почти все… ведь это номер Джорджа Карлика! Откуда…

— Понимаешь, как только шутки у Дронны начинают стареть, Рэндом посылает его за новым репертуаром в разные Отражения, — объяснил я. — Подбирать новый материал. Как я понимаю, Дронна часто наведывается в Лас-Вегас. Оттуда и шутки. Рэндом иногда даже составляет ему компанию, чтобы поиграть в карты.

Через некоторое время Дронне и в самом деле удалось всех немного расшевелить. Послышался смех, обстановка за столом перестала быть такой натянутой. Когда мы перешли к напиткам и винам, соседи по столу разговорились. Жерар откинулся в своем кресле, повернувшись вполоборота ко мне.

— Мерлин, — сказал он, — рад снова видеть тебя. Слушай, когда выпадет случай, я бы хотел немного потолковать с тобой наедине.

— Конечно, — согласился я, — но нам с Рэндомом необходимо заняться после обеда одним

небольшим дельцем.

— Когда сможешь, — повторил Жерар.

Я кивнул.

Несколько секунд спустя я почувствовал, как кто-то пытается связаться со мной через Карту.

— Мерлин!

Это была Фиона. Она сидела на другом конце стола. Но я видел ее очень четко и ответил: «ДА?», а потом посмотрел на нее через стол, Фиона разглядывала свою салфетку. Она подняла на меня глаза, улыбнулась и кивнула. Одновременно я, удерживая ее внутреннее изображение, услышал, как она сказала:

— По некоторым причинам я не могу говорить вслух. Я уверена, что после обеда ты умчишься куда-нибудь, и я хотела бы, чтобы ты знал — нам необходимо вместе прогуляться, или поплавать на лодке в пруду, или — перенестись в Кабру, или отправиться посмотреть на Лабиринт. Но в самое ближайшее время. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — ответил я, *— Я буду держать связь.*

— Отлично.

Контакт после этого прервался, и когда я взглянул на Фиону, она сворачивала салфетку, внимательно разглядывая свою тарелку. Покон-

чив со сладким, Рэндом не стал задерживаться за столом, а быстро поднялся, пожелав — всем остальным спокойной ночи, и жестом призвал нас с Мартином следовать за ним. По пути из столовой меня обогнал Джулиан. Он постарался придать себе не такой зловещий вид, как обычно, и это ему вполне удалось.

— Нам нужно отправиться с тобой покататься на лошадях в Арден, — заявил он.

— Неплохая идея, — ответил я. — Я с тобой свяжусь.

Мы вышли из столовой. В холле меня поймала Флора. За ней, словно на буксире, следовал Билл.

— Загляни ко мне в комнату вечером на «ночной колпачок». Или давай попьем чайку вместе завтра утром, — прошелестела она.

— Благодарю, — произнес я. — Мы как-нибудь с тобой свяжемся. Все зависит от того, когда мне удастся выбрать свободную минуту.

Она кивнула и ослепила меня улыбкой, которая в прошлом была причиной многочисленных дуэлей и Балканских кризисов.

На лестнице, по пути в библиотеку, Рэндом поинтересовался:

— Уже все?

— В каком смысле? — удивился я вопросу.

— Они уже все назначили тебе встречу?

— В общем, все это еще проблематично, но в целом — да.

Он засмеялся.

— Не думаю, что они станут зря тратить время. Таким способом ты познакомишься со всеми их домашними подозрениями. Можешь даже начать, их коллекционировать. Кое-что потом пригодится. Вероятно, они ищут возможных союзников… а ты во всех отношениях подходишь для этой роли.

— Но я и в самом деле не против того, чтобы встретиться с ними со всеми. Досадно, что это будет в такой обстановке.

Мы добрались до конца лестницы, и Рэндом жестом указал в сторону библиотеки, куда мы и направились.

— А куда же мы идем? — спросил Мартин.

Хотя Мартин и походил на Рэндома, он был более открытым человеком, да и ростом повыше, но все равно по сравнению со мной казался маленьким.

— Взять ружье, — объяснил Рэндом.

— Вот как? Зачем?

— Затем, чтобы испытать патроны, принесенные Мерлином. Если патрон сработает, то у нас

возникнут дополнительные сложности.

Мы вошли в библиотеку. Масляные светильники все еще горели. В углу стояло ружье. Рэндом подошел к нему, достал из кармана патрон и зарядил.

— Хорошо… А на чем мы попробуем? — задумчиво спросил он, ни к кому не обращаясь.

Он вышел обратно в холл и посмотрел по сторонам.

— Ага. Вот что надо!

Рэндом приложил ружье к плечу, прицелился в пустую скорлупу рыцарской брони, стоящую в холле, и спустил курок. Послышался короткий хлопок выстрела и звон пули о металл. Пустой, рыцарь пошатнулся.

— Чтоб я провалился! — воскликнул Рэндом. — Работает! Но почему именно при мне, Великий Единорог! Я жаждал мирного правления. Почему?!

— А можно мне попробовать, отец? — спросил Мартин. — Я давно хотел пострелять.

— Почему бы и нет? У тебя ведь остался еще один патрон, не так ли, Мерлин?

— Да, — произнес я и стал рыться в кармане. Вытащив патрон, я передал его Рэндому вместе с еще одним. — Один из этих двух не стреляет. А ка-

кой — не знаю. Просто сунул их в карман вместе.

— Ладно, давай.

Рэндом взял оба патрона и зарядил ружье. Он передал его Мартину и начал объяснять, как с ним обращаться. Издалека до меня донеслись сигналы тревоги.

— Скоро тут соберется вся дворцовая охрана, — заметил я.

— Ничего, — успокоил нас Рэндом, когда Мартин поднял ружье и прислонил его к плечу. — Небольшая репетиция им не помешает.

Ружье рявкнуло, и панцирь зазвенел второй раз. У Мартина был удивленный вид. Он быстро отдал ружье обратно Рэндому. Тот взглянул на патрон на своей ладони, зарядил ружье и, не целясь, выстрелил, воскликнув:

— Какого черта!

Прогрохотал третий выстрел, и как раз в этот момент прибежала стража.

— Кажется, я веду неправильный образ жизни, — заметил Рэндом.

После того, как Рэндом поблагодарил стражников за быструю реакцию на тренировочный сигнал, я уловил их недовольное бормотание насчет того, что король, вероятно, навеселе. Мы вернулись в библиотеку, где Рэндом задал логич-

ный вопрос:

— Откуда у тебя третий патрон?

— Я нашел его в кармане куртки Люка, — пояснил я и рассказал обо всех прочих, связанных с Люком обстоятельствах.

— Нет, промедление непозволительно. Я обязан побольше узнать о Люке Гейнарде, — сказал, наконец, Рэндом. — Расскажи мне, что, по-твоему, произошло?

— Сгорел дом, — начал я. — Наверху жил Мелман, тот, что хотел принести меня в жертву. Внизу располагались «Склады Брута», где явно хранились патроны. Люк признал, что был знаком с Мелманом. Я понятия не имел, что может иметься какая-то связь между «Складами Брута» и патронами. Хотя одного факта, что они располагались в одном здании, уже, конечно, достаточно.

— Если количество боеприпасов потребовало целого склада, то нам грозят очень большие неприятности, — заявил Рэндом. — Я очень хочу узнать, кто владелец этого здания… и кто стоит за компанией «Брута», если это разные люди.

— Проверить будет не очень сложно.

— Кого же мне послать для этого? — задумчиво протянул Рэндом. Потом он щелкнул пальцами и улыбнулся. — Флора — вот кто примет важную

миссию для спасения Короны.

— На тебя снизошло вдохновение, — определил я.

В этот момент Мартин улыбнулся и покачал головой.

— Боюсь, что я совсем не понимаю, что тут происходит. А хотелось бы знать.

— Вот что, — решил Рэндом. — Ты вводишь Мартина в курс дела, а я пойду дам указания Флоре. Она сможет туда отправиться сразу после похорон Каина.

— Хорошо, — согласился я.

Он ушел, а я в третий раз принялся рассказывать свою историю, немного сокращая ее ради экономии времени. Никакой свежей информации или новых идей по поводу событий, о которых я ему сообщил, у Мартина не нашлось, впрочем, я этого от него и не ожидал. Последние несколько лет, как я узнал, он провел в довольно пасторальном окружении. У меня сложилось впечатление, что он больше любил деревню, чем город.

— Мерлин, — сказал он, — тебе бы давно следовало сообщить в Амбер об этой заварившейся каше. Это коснется всех нас.

А как с Двором Хаоса? — подумал я. — Там это

ружье выстрелило бы? Все же мишенями пока стали Каин и Блейз. Во Двор меня никто не вызывал, чтобы сообщить о своих несчастных случаях. И все же… мне следовало раньше ввести моих родственников в курс событий и, вероятно, придется в какой-то момент сообщить обо всем родственникам и в Хаосе.

— Но до событий последних дней все выглядело гораздо проще, — обратился я к Мартину. — А потом я был слишком занят, чтобы связываться с Амбером.

— Но все эти годы… все эти покушения на твою жизнь…

— Я не бегу домой с жалобой всякий раз, когда ушибу палец на ноге. Как и все остальные наши близкие. Я не видел тогда никакой связи между Амбером и этими покушениями.

Но я сознавал, что он прав, а я ошибался. К счастью, в этот момент вошел Рэндом.

— Кажется, мне не удалось убедить Флору, что это большая честь, — сообщил он, — но она согласилась помочь.

После этого мы некоторое время разговаривали о том, кто чем занимался эти годы. Я вспомнил, что Рэндом интересовался «Колесом-призраком» и упомянул о своем проекте. Он немедленно

переменил тему, давая понять, что этот разговор он желает вести с глазу на глаз. Через некоторое время Мартин начал позевывать, и это оказалось заразительным. Рэндом пожелал нам спокойной ночи и позвонил слуге, чтобы тот явился и показал мне мою комнату. Я попросил Дика, который провел меня в спальню, принести мне кое-какие принадлежности для рисования. Чтобы достать все необходимое, ему понадобилось минут десять. Возвращаться на Землю пешком было долго и утомительно, а я устал. Поэтому я присел к столу и принялся конструировать Карту для комнаты бара в том клубе, куда возил меня прошлым вечером Билл. Я работал, наверное, минут двадцать, пока не добился удовлетворительного результата. Теперь все дело было во временной разнице, а это соотношение не отличалось постоянством. Решать надо было мне. Один к двум с половиной — это правило было практически взято из воздуха. Возможно, я уже опоздал на рандеву с безымянным умельцем проникать в чужие дела и дома. Я отложил в сторону все, кроме Карты. Затем поднялся. В дверь постучали. Я испытывал соблазн не отвечать, но любопытство оказалось сильнее. И я отворил дверь. На пороге стояла Фиона. На этот раз ее волосы были

распущены по плечам. На ней было красивое зеленое вечернее платье и небольшая булавка с драгоценностями, которая отлично подошла по тону ко всему остальному.

— Привет, Фи, — улыбнулся я. — Каким ветром?

— Я почувствовала, что ты манипулируешь силами известного свойства, — ответила она, — и хотела сначала поговорить с тобой. Можно войти?

— Конечно, — сделал я шаг в сторону. — Но я спешу.

— Я знаю, но, может быть, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

— Как? — спросил я, закрывая дверь.

Фиона осмотрела комнату и заметила только что нарисованную мною Карту. Она быстро закрыла дверь на замок и подошла к моему столу.

— Очень мило, — похвалила она, рассматривая мое произведение. — Так вот ты куда направляешься? Где это?

— Бар в клубе, в одном месте, откуда я только что прибыл. Там я должен встретиться с некой персоной. В десять по местному времени. Надеюсь добыть кое-какую информацию о человеке, пытавшемся меня прикончить. А может, узнаю

еще кое о чем.

— Отправляйся, — сказала она своим чудным голосом, — и оставь Карту здесь. Таким образом я смогу следить за событиями, и, если вдруг тебе понадобится помощь, я буду наготове.

Я протянул руку и сжал ее ладонь. Потом занял нужное положение у стола и сосредоточился. Несколько секунд спустя сцена на Карте обрела цвет и глубину. Я начал погружаться в материализующуюся вокруг меня ткань, все предметы надвигались на меня, становились больше и затмевали мое окружение. Взгляд мой, нашел часы на стене, которые, как я помнил, висели справа от бара. 9.48 — лучше не придумаешь. Сейчас я уже слышал голоса завсегдатаев, видел их самих. Я поискал лучшую точку для высадки. Вот как раз у правого конца бара никого нет. Под часами… Ладно… Я уже был там и старался сделать вид, что был в этом месте всегда. Трое завсегдатаев стрельнули в меня несколько удивленными взглядами. Я улыбнулся и кивнул, Билл представил меня одному из них вчера вечером. Второго я также вчера видел, хотя и не разговаривал с ним. Оба они кивнули в ответ, что, кажется, удовлетворило третьего. Он убедился, что я реален, и немедленно переключил свое внимание на жен-

щину, с которой сидел. Вскоре ко мне подошел бармен. Он, должно быть, тоже припомнил мое лицо, потому что поинтересовался, не зайдет ли Билл. Я получил от него кружку пива и удалился к самому дальнему столику, где уселся и принялся не спеша потягивать пиво, иногда бросая взгляд на часы, а в промежутках наблюдая за входом в бар. Если бы я хотел, то мог бы почувствовать присутствие Фионы. Срок наступил и миновал. Одиннадцатый час. Никто, казалось, особо мной не интересовался, а мое собственное внимание было привлечено молодой леди без кавалера, со светлыми волосами и камееподобным профилем, на чем сходство и заканчивалось. Ведь камеи не улыбаются, а она именно так и поступила, когда во второй раз взглянула на меня, впрочем, тут же отведя взгляд.

«Проклятье! — подумал я. — Почему именно сейчас речь должна идти о жизни и смерти? Практически в любой другой ситуации я бы допил пиво, подошел бы к бармену за новой кружкой, обменялся бы парой любезностей, потом спросил, не желает ли дама присоединиться ко мне. Честно говоря…»

Я посмотрел на часы: 10.20. Меня мучили вопросы. Как долго мне ждать? Кто звонил мне, Джордж

Хансен? Не решил ли он махнуть рукой на всю эту затею, когда увидел, что я исчезаю в воздухе? Как долго пробудет еще здесь эта милая дама? Я заметил, что кружка у меня пуста, направился к стойке, чтобы вновь наполнить ее, и продолжал наблюдать за всем, что происходит. Но взгляд мой возвращался к даме. Не отвлекается. Я скользнул взглядом по ее талии, по плавной линии бедер, по напряженным плечам…

— Я вижу, вы сидите один, — услышал я ее голос. — Кого-то поджидаете?

От нее сильно пахнуло незнакомыми мне духами.

— Да, — кивнул я. — Но мне начинает казаться, что уже слишком поздно.

— У меня такая же проблема, — сказала она, и я повернулся к ней. — Мы могли бы поджидать вместе, — предложила она и снова улыбнулась.

— В вашем обществе мне будет гораздо веселее, — согласился я, — присоединяйтесь.

Она взяла свой бокал, и мы вместе вернулись к моему столику.

— Меня зовут Мерль Кори, — представился я, как только мы уселись.

— А я — Мег Девлин. Что-то раньше я вас тут не видела.

— Я здесь проездом. А вы, как я понимаю, здешняя?

Она слегка наклонила голову.

— Да. Я живу в новом комплексе в нескольких милях по дороге отсюда.

Я кивнул, как будто знал, в чем дело.

— А вы откуда? — поинтересовалась она.

— Из центра вселенной, — пошутил я, и поспешно добавил — Из Сан-Франциско.

— О, я там частенько бывала. А чем вы занимаетесь?

Я подавил внезапное желание сказать, что я волшебник.

И вместо этого описал свое недавнее занятие в «Гранд-дизайн». Она же, как я узнал в свою очередь, сначала была манекенщицей, потом агентом по продаже в большом магазине, а теперь управляла антикварным магазином. Я бросил взгляд на часы: без четверти одиннадцать. Она перехватила мой взгляд.

— Кажется, мы оба ждали напрасно, — заметила она.

— Вероятно, — согласился я. — Но нам следует дать им шанс до одиннадцати — будем благородны.

— Я тоже так думаю.

— Вы ужинали?

— Давно.

— Проголодались?

— Немного. А вы?

— Слегка. И я видел, что кое-кто здесь уже ужинал. Я сейчас справлюсь.

Я узнал, что мы можем получить сэндвичи, и добыл два и даже с салатом.

— Надеюсь, ваше свидание не должно было включать поздний ужин? — вдруг спросил я.

— Речи об этом не было, и мне все равно, — ответила она, откусывая сэндвич.

Одиннадцать часов — и стрелки принялись отсчитывать минуты последнего часа суток. Я прикончил пиво вместе с сэндвичем, и повторять уже не захотел.

— По крайней мере, хоть вечер даром не пропал, — произнесла она, смяв салфетку и отложив ее в сторону.

Я смотрел на ее ресницы, потому что это было приятно. Косметику она не употребляла, или ее не было заметно. Но какое это имело значение? Я уже почти собрался протянуть руку и накрыть ее ладонь своей, но она меня опередила.

— Что вы думали делать сегодня вечером? — спросил я.

— Ну, немного потанцевать, несколько бокалов вина, может быть, погулять при луне. В общем, всякие глупости.

— В соседней комнате играет музыка. Перейдем?

— Почему бы и нет?

Когда мы направились к выходу из бара, я «услышал» голос Фионы, донесшийся до меня, как шепот:

— *Мерлин, если ты покинешь изображение на карте, я потеряю с тобой связь!*

— Подождите минуту, — произнес я.

— Что случилось? — спросила Мег.

— Э-э-э… я хочу сначала зайти в контору для мужчин.

— Это идея. Я сделаю то же самое. Встретимся в холле через пару минут.

В нужном мне месте никого в этот момент не было, но я занял кабину на случай, если кто-то забредет сюда под влиянием выпитого пива. Потом я отыскал в Колоде Карту Фионы. Секунду спустя я связался с ней.

— Послушай, Фи. Очевидно, никто уже не появится. Но остальная часть вечера, кажется, обещает быть премилой. Почему бы мне не провести приятно время, пока я здесь? Поэтому

спасибо за помощь. Я скоро вернусь.

— Не знаю. Мне не нравится, что ты уходишь с незнакомым человеком. Возможно, опасность подстерегает тебя где-нибудь рядом.

— У меня есть способ обнаруживать опасность. Я знаю, что пока ее нет. Кроме того, я думаю, что парень, с которым я должен был здесь встретиться, отказался от этой встречи, когда увидел, как я транспортируюсь по Карте в Амбер. Все будет в порядке.

— Мне твоя затея не нравится.

— Я уже большой. И могу сам о себе позаботиться.

— Надеюсь. Вызови меня немедленно, если возникнут проблемы.

— Проблем не будет. Ты можешь спокойно лечь подремать.

— И вызови меня, когда будешь готов вернуться. Не бойся меня разбудить. Я сама хочу перенести тебя домой.

— Ладно, согласен. Спокойной ночи.

— Не теряй осторожности.

— Я ее никогда не теряю.

— Тогда спокойной ночи.

Она прервала контакт. Несколько минут спустя мы с Мег уже были среди танцующих, слушая

музыку, касаясь друг друга. Инициативу в танце Мег взяла на себя. Она меня вела. Ну и черт с ней, пусть меня ведут! Ни на миг я не забывал об опасности. Но здесь ничего такого не было, и даже не предвиделось. Ласковая музыка, веселый смех…

В одиннадцать тридцать мы на всякий случай вошли в бар. Там появилось несколько новых пар, но того, кто назначил Мег встречу, не было. И мне никто даже не кивнул. Мы возвратились туда, где звучала музыка. Чуть позже полуночи мы вновь заглянули в бар, с тем же результатом. Тогда мы сели за столик и заказали по последнему бокалу.

— Было очень весело, — улыбнулась она, положив руку на столик так, чтобы мне было легко накрыть ее ладонь своей. Я так и сделал.

— Да, — ответил я. — И было бы здорово, если бы мы могли приходить сюда чаще. Но завтра я уезжаю.

— И куда направляетесь?

— Обратно в центр вселенной.

— Жалко, — проронила она. — Вас подвезти?

Я кивнул:

— Но только в ту сторону, куда едете вы.

Она улыбнулась и сжала мою руку.

— Хорошо, — согласилась она, — пойдемте, я угощу вас чашкой кофе.

Мы допили наши бокалы и направились к стоянке, несколько раз по пути останавливаясь, чтобы поцеловаться. Я опять вспомнил об осторожности, но, кажется, на стоянке, кроме нас, никого не было. Ее машиной оказался небольшой красный «порш» с опущенным верхом.

— Вот мы и пришли. Хотите сесть за руль? — спросила она.

— Нет, лучше ведите вы, а я буду следить, не появится ли всадник без головы.

— Что?

— Прекрасная ночь, а мне всегда хотелось иметь шофера, и чтобы он выглядел в точности, как вы.

В таком прекрасном настроении мы уселись в машину, и Мег включила двигатель. Ехала она очень быстро. Дороги были пустынны, и чувство подъема охватило меня. Я поднял руку и вызвал из Отражения зажженную сигарету, сделал несколько затяжек и выбросил ее, когда мы с грохотом пролетели через мост. Я любовался созвездиями, ставшими знакомыми за эти восемь земных лет, глубоко вдыхал свежий ночной воздух. И, попытавшись проанализировать свои чувства, вдруг понял, что счастлив. Я уже давно не испытывал ничего подобного. Впереди, над

кромкой деревьев, показались слабые огоньки. И вскоре справа от нас я увидел небольшой жилой комплекс. Мег притормозила и повернула на дорогу, ведущую к нему. Она припарковала «порш» в нумерованной ячейке стоянки, и мы прошли к подъезду по дорожке, окруженной живой изгородью. Лифт слишком быстро вознесся на нужный этаж, и мы, наконец, оказались в ее квартире, где она и в самом деле приготовила мне кофе. Это было как раз то, что мне сейчас требовалось. Кофе был отличный. Мы сидели рядышком и медленно смаковали его. Спешить было некуда… Одно наше действие вытекало из другого… и вскоре мы оказались в спальне, наша одежда была сложена на ближайшем стуле, и я поздравил себя, что встреча, ради которой я вернулся на Землю, не состоялась. Мег была гладкая, мягкая и теплая, и ее было ровно столько в нужных местах, сколько требовалось. Ваза с медом… Запах ее духов… Ее возбуждающие и нежные прикосновения… И вот мы лежим рядом, и я не стану тратить метафоры на то, чтобы описать ту блаженную усталость, которая нас охватила. Я гладил ее шелковистые волосы. И тут Мег вдруг потянулась и посмотрела на меня из-под опущенных ресниц.

— Я хочу тебя кое о чем спросить, — сказала

она.

— Спрашивай.

— Как звали твою мать?

Я неожиданно почувствовал холод, волной прокатившийся по моему позвоночнику. Но я должен был выяснить, что же, в конце концов, происходит.

— Дара.

— А твоего отца?

— Корвин.

Она улыбнулась:

— Я так и думала, но хотела убедиться.

— А мне можно задавать вопросы? Или в эту игру играет только один человек?

— Пожалуйста. Но я могу тебя избавить от этой необходимости. Ты хочешь спросить, почему я задала такой вопрос?

— Ты попала в точку.

— Извини, — сказала она.

— Я догадываюсь, что эти имена что-то значат для тебя.

— Ты Мерлин, — утвердительно промолвила она. — Герцог Колвирский, принц Хаоса.

— Черт меня подери! — взорвался я. — В этом Отражении, похоже, меня уже почти все знают! У вас что, какой-то клуб знатоков, или как?

— А кто еще знает? — быстро спросила она. Ее глаза вдруг широко раскрылись.

— Один парень по имени Люк Гейнард, затем погибший мужчина по имени Дон Мартинес, и, вероятно, один местный обитатель, Джордж Хансен. И еще один мертвец — Виктор Мелман… Но почему? Эти имена тебе хоть что-то говорят?

— Да. Люк Гейнард опасен. Я хотела предупредить тебя об этом. Если только, конечно, ты оказался бы тем, кто был мне нужен.

— В смысле?

— Если бы ты был тем, кем являешься, — сыном Дары.

— Тогда предупреждай меня.

— Уже предупредила. Не доверяй ему.

— А что ему нужно? — спросил я, усевшись и подоткнув под спину подушку. — Моя коллекция марок? Мои чеки для путешественников? Ты не могла бы объяснить толковей?

— Он несколько раз пытался убить тебя. Несколько лет назад…

— Как?

— В первый раз это был грузовик, который едва не переехал тебя. На следующий год…

— Бог мой! Ты в самом деле знаешь! Даты, скажи мне даты!

— 30 апреля. Каждый раз — 30 апреля.

— Но почему? Ты знаешь, почему?

— Нет.

— Черт возьми! И как же ты все это узнала?

— Я наблюдала, следила.

— Почему же ты ничего не предпринимала?

— Я не могла. Я не знала, кто из вас кто.

— Леди, вы меня окончательно запутали. Кто вы, в конце концов, такая и какую во всем этом играете роль?

— Как и Люк, я не та, которой выгляжу… — начала она.

Из соседней комнаты донеслось громкое жужжание.

— О, боже! — воскликнула она, пружиной выскакивая из постели.

Я последовал за ней. В прихожей она нажала на кнопку под маленькой решеткой и произнесла сонным голосом:

— Да? Кто там?

— Дорогая, это я, — послышался ответ. — Вернулся на день раньше. Позвони, чтобы меня впустили, хорошо? У меня тут целая гора пакетов.

— Ой-ой!

Она отпустила одну кнопку, нажала другую,

одновременно повернувшись ко мне.

— Это мой муж, — совершенно беззвучно прошептала она. — Тебе нужно скорее уходить. Пожалуйста! По лестнице!

— Но ты не все еще рассказала!

— Я рассказала достаточно. Пожалуйста, поспеши, пока он не вошел.

— Ладно, — буркнул я, бегом вернулся в спальню, натянул брюки, всунул ноги в туфли, белье и носки засунул в карман и натянул рубашку.

— Я не удовлетворен. Ты знаешь больше, чем сказала. И мне тоже необходимо знать это.

— И это все, что тебе нужно?

Я на ходу поцеловал ее.

— Не совсем. Я еще вернусь.

— Не надо, — ответила Мег. — Это будет совсем не то. Но мы еще встретимся, когда придет время.

Я направился к двери.

— Этого мало, — проронил я, открывая дверь.

— Иначе нельзя.

— Увидим.

Я метнулся в конец холла, в дверь с надписью «ВЫХОД». Прыгая вниз по ступенькам, застегнул рубашку, а в самом низу остановился, чтобы надеть носки. Я пригладил волосы и открыл

входную дверь подъезда. Никого. Отлично! Я шел по знакомой дорожке, когда передо мной вдруг затормозил черный «седан».

— Садись, Мерлин, — услышал я тетушкин голос.

— Фиона!

Я открыл дверцу, скользнул в машину, и мы тут же рванули с места.

— Ну, это была она? — поинтересовалась Фиона.

— Кто она?

— Тот человек, которого ты должен был встретить в баре.

Я не догадывался об этом, пока она меня не спросила.

— Ты знаешь, — сказал я немного погодя, — думаю, да.

Фиона выехала на дорогу и повела машину туда, откуда мы с Мег приехали.

— А что это за игра? — спросила Фиона.

— Я тоже хотел бы это знать.

— Расскажи мне все, за исключением некоторых интимных подробностей.

— Хорошо, — согласился я и рассказал ей всю историю.

Еще до того, как я закончил, мы уже были на

стоянке у клуба.

— Зачем мы снова сюда приехали? — удивился я.

— Я одолжила здесь машину. Возможно, она принадлежит другу Билла. Я подумала, что будет очень трогательно, если мы возвратим ее на то же место, откуда взяли.

— Ты воспользовалась моей новой Картой, чтобы добраться до бара? — поинтересовался я.

— Да, сразу же после того, как ты отправился танцевать. Я следила за тобой с террасы примерно час. Ведь я просила тебя — не теряй осторожности.

— Извини. Я был без ума.

— И я забыла, что тут не подают абсента. Пришлось довольствоваться холодной «маргаритой».

— Очень сочувствую. Потом ты одолжила эту машину и последовала за нами, когда мы поехали к Мег?

— Да. Я оставалась в машине и поддерживала с тобой периферийный контакт через твою Карту. Я пережила несколько волнующих минут, Мерлин. Если бы я почувствовала опасность, то успела бы тебя вытащить даже в самый интересный момент.

— Благодарю. А насколько периферийным был

контакт?

— Я не страдаю любопытством, если ты это имел в виду. Но кое-что, как уже было сказано, я ощутила. Итак, мы добрались до самой сути в твоем рассказе.

— Но это еще далеко не вся история.

— Оставим ее, — промолвила Фиона. — Пока. Лично меня волнует одна вещь. У тебя нет случайно фотографии этого Люка?

— Кажется, есть, произнес я. И сначала вытащил из кармана трусы, которые мешали мне достать бумажник.

— По крайней мере, хорошо, что ты не носишь кальсоны, — усмехнулась Фиона.

Наконец, я вынул бумажник и развернул его так, чтобы на него падал свет, Фиона тут же наклонилась ко мне, опершись ладонью на мою руку. Я отыскал хороший цветной снимок, где я, Люк и Джулия вместе с подружкой Люка по имени Гейл загорали на пляже. Я почувствовал, что рука Фионы крепко сжала мою руку. Она быстро, почти судорожно вздохнула.

— Что случилось? — изумился я. — Ты его знаешь?

— Нет, нет, — она покачала головой, но слишком поспешно. — Никогда раньше не видела.

— Ты совсем никудышный обманщик, тетушка. Кто это?

— Не знаю, — упорствовала она.

— Брось! Ты мне чуть руку не сломала, когда его увидела!

— Не надо давить на меня, — сказала Фиона.

— Но это касается моей жизни.

— Далеко не только твоей, как тебе кажется.

— Итак?

— Оставим пока это.

— Боюсь, что не получатся. Мне нужно это знать. И я настаиваю. Я вынужден настаивать.

Она повернулась ко мне всем телом, подняла обе руки, словно творя между нами преграду. Из-под ее ногтей с красивым маникюром заструился дым. Фракир запульсировал. И это означало, что тетушка не только испугана, но и разгневана. И у меня, кажется, есть шанс испытать действие ее гнева на собственной шкуре, если дело зайдет достаточно далеко. Я сделал неясный жест и решил отступить.

— Ладно, оставим это пустое занятие и отправимся домой.

Фиона щелкнула пальцами, и дым улетел в окно. Фракир успокоился. Она вытащила из кармана Колоду Карт и ногтем выдвинула амбе-

рийский козырь.

— Но рано или поздно я должен буду узнать, — добавил я.

— Позже, — буркнула Фиона, и перед нами распростерся Амбер.

Что мне всегда в Фионе нравилось, так это то, что она не пыталась скрыть свои чувства. Я протянул руку и выключил в кабине свет. В следующий момент мы были уже дома.

8

Подозреваю, что мои мысли во время похорон Каина ничем не отличались от самых заурядных. Они были достаточно банальны. Подобно Блюму из «Улисса», в такие моменты я обычно думаю о самых мирских вещах. Временами же мои мысли улетают достаточно далеко от печального события. У южного подножия Колвира, на широкой береговой полосе, стоит небольшая часовня Единорога. Эта часовня идеально подходила для последнего пристанища Каина. По нашему королевству разбросано несколько таких небольших храмов — они построены там, где люди видели Единорога. Как и Жерар, Каин однажды выразил желание покоиться в одной из морских пещер у подножия горы лицом к волнующемуся простору, по которому он так часто ходил под парусами. Одна такая пещера была для него уже приготовлена, и после траурной церемонии его поместят туда. Было утро, туманное, ветреное, соленое, и всего несколько парусников плыли на запад в полумиле от нас. Службу по правилам должен был вести Рэндом, так как Корона делала его одновременно и высшим жрецом, но, прочитав

первую и заключительную главу на Успение Принца из Книги Единорога, он передал свои полномочия Жерару, поскольку именно с ним у Каина были самые лучшие отношения в семье. И гулкий голос Жерара наполнил небольшое каменное строение, когда он читал для нас длинные отрывки, касающиеся моря и переменчивости. Говорят, что в дни светлого разума, Дворкин сам написал Книгу. Не знаю, меня здесь не было. Говорят также, что мы все потомки Дворкина и Единорога, что вызывает в воображении весьма необычные картины. Но в любом деле истоки со временем имеют тенденцию к превращению в миф. Кто знает? Ведь меня тут тогда не было.

— … и все возвращается в море, — читал Жерар.

Я осмотрелся по сторонам. Кроме членов семьи присутствовало человек, наверное, двадцать-тридцать, в основном, знать города, несколько торговцев, с которыми Каин поддерживал дружеские отношения, представители королевств из ближайших соприкасающихся с Амбером Отражений, где Каин проводил время, как официально, так и в частном порядке. И, конечно, Винта Байл. Слева от меня стоял Билл, который пожелал присутствовать на похоронах, а справа

— Мартин. Не было ни Фионы, ни Блейза. Блейз извинился за то, что рана мешает ему прибыть на это печальное событие. Фиона же просто исчезла. И сегодня утром Рэндому не удалось ее обнаружить. На половине службы Джулиан отправился проверить охрану вдоль дороги, потому что кто-то справедливо заметил, что, собравшись вместе, мы представляем прекрасную мишень для наемного убийцы. Поэтому Джулиан всюду расставил своих лесников, вооруженных короткими мечами, копьями и луками. Время от времени до нас доносился лай одной из его новых гончих, ей тут же отвечали другие. От всего это было очень грустно. Волны, ветер и размышления о смерти… Но куда исчезла Фиона? Испугалась ловушки? Или это связано с событиями прошлой ночи? И Бенедикт? Он прислал соболезнования и с сожалением упомянул о внезапном и срочном деле, не позволявшем ему присутствовать на похоронах. Льювилла просто не явилась, и связаться с ней по Карте так и не смогли. Флора стояла впереди меня. Она знала, что траур ей к лицу. Возможно, я несправедлив к ней. Но она казалась более нетерпеливой, чем печальной или хотя бы задумчивой. Когда служба закончилась, все вышли на берег. Четыре моряка несли гроб Каина. Мы

выстроились в процессию, которая направилась к пещере с саркофагом Каина. Нас догнало отделение солдат Джулиана — наш вооруженный эскорт. Мы медленно шли по морскому берегу, и вдруг Билл, толкнув меня, указал кивком головы вверх, на Колвир. И я увидел там, на скальном выступе, фигуру в черном плаще с надвинутым на лицо капюшоном. Билл наклонился ко мне и сквозь музыку труб и других странных инструментов я расслышал его голос:

— Это тоже часть церемонии? — спросил он.

— Мне, во всяком случае, ничего об этом не известно.

Я догнал Рэндома и положил ему на плечо руку. А когда он обернулся, показал ему на каменный выступ. Через минуту или две мы должны были пройти как раз под этой черной фигурой. Рэндом остановился и, прищурившись, вгляделся в нее.

— Остановитесь! — крикнул он взволнованно. — Остановите процессию! Всем оставаться на своих местах!

В этот момент черная фигура слегка пошевелилась, не отрывая глаз от Рэндома. В небе над Колвиром, словно в кинотрюке, образовалась туча, которая принялась быстро расти. Из-под ладони Рэндома показался багровый, мерцающий

и пульсирующий свет. Человек в черном плаще вдруг поднял голову, молниеносно сунул руку под плащ, что-то достал и швырнул вниз. В воздухе завис маленький черный предмет, который затем начал свой быстрый путь к земле.

— Всем лечь! — крикнул Жерар.

Мы бросились на землю плашмя. Лишь Рэндом не шелохнулся. Он остался на месте, наблюдая за происходящим. Из облака в склон горы ударила яркая молния. Последовавший за этим раскат грома почти совпал со взрывом над нашими головами. Расстояние оказалось слишком большим, и бомба взорвалась, не долетев до земли. Многие из нас, конечно, расстались бы с жизнью, если бы процессия прошла под скальным выступом, и убийца незаметно швырнул бы ее на нас. Когда перед моими глазами перестали танцевать световые точки, я вновь взглянул на утес. Черная фигура исчезла.

— Ты достал его? — обратился я к Рэндому.

Он пожал плечами и опустил руку с Камнем, который перестал пульсировать.

— Всем подняться! — приказал он. — Продолжаем похороны!

Так мы и поступили. Больше никаких происшествий не было, и дело завершилось так, как

мы этого и хотели. Гроб был, наконец, положен в саркофаг. В моих же мыслях, как, видимо, и в мыслях всех моих близких, уже разворачивались любимые семейные игры. Мог ли нападавший быть кем-то из отсутствующих родственников? Если да, то кем именно? Какие у него мотивы? И какое у всех у них алиби? Где они сейчас? Возможно ли, что это заговор? Или это кто-то посторонний? Если так, то каким образом раздобыл он взрывчатку, которая спрятана в Амбере под тщательной охраной? Или же она доставлена из Отражений? А может, кто-то из местных обитателей заново открыл верную формулу состава? Если же этот «кто-то» посторонний, то каковы его мотивы и куда он теперь исчез? Или кое-кто из нас нанял убийцу, перенеся его в Амбер? Но зачем? Когда мы проходили мимо склепа, я мимолетно подумал о Каине, но не как об усопшем родственнике, а как об одном из звеньев той цепи загадок, над которыми мы все ломали головы. Я мало его знал. Но кто-то из родственников рассказывал мне, что он был совсем не легким человеком. Довольно скрытным, грубоватым, циничным, склонным к жестокости. За все эти годы Каин нажил немало врагов и, кажется, был этим весьма горд. Со мной он всегда вел себя

порядочно, но ведь наши дороги никогда не пересекались. Поэтому чувства мои по отношению к нему были куда поверхностней, чем по отношению к остальным. Джулиан казался того же покроя, что и Каин, Но не столь грубый. И никто не мог с уверенностью сказать, что в данный момент скрывалось за его видимой любезностью. Каин… Да, мне стоило бы узнать тебя получше. И я уверен, что смерть твоя наносит ущерб и мне, хотя я, может быть, не сознаю этого в должной мере. На обратном пути во дворец, где нас ждал накрытый стол, я впервые задумался над тем, в какой степени и каким образом связаны мои чувства, неприятности и проблемы с судьбой моих близких. А то, что связь эта существовала, я чувствовал. На маленькие совпадения я внимания не обращаю, но большим уже не доверяю. Мег Делвин? Ведь она что-то знала обо всем этом! Муж мужем, решил я, а мы с ней должны встретиться. И поскорее! Позже, в большом обеденном зале, где в одно жужжание сливались все разговоры, позванивали и постукивали столовые приборы, мне пришла в голову мысль об одной смутной вероятности, и я немедленно решил ее проверить. Извинившись и избавившись от ледяного, хотя и привлекательного соседства с Винтой Бейл,

третьей дочерью какого-то мелкого знатного лица и, кажется, последней любовницей Каина, я пробрался в дальний конец зала, где небольшая группа людей окружала Рэндома. Я простоял там несколько минут, прежде чем он меня заметил.

— Мерлин, — сказал он, подойдя ко мне, — сейчас у меня нет времени, но я хочу, чтобы ты знал — наша беседа не закончена. Давай встретимся сегодня вечером, как только я освобожусь. Договорились? Жди.

Я кивнул.

— Один маленький вопрос, — остановил я его, когда Рэндом собирался вернуться к прерванной беседе.

— Давай, — согласился он.

— На Отражении Земля, откуда я недавно вернулся, есть еще наши амберийцы… какого-либо рода агенты?

Он покачал головой.

— Агентов у меня нет, и не думаю, чтобы они сейчас еще у кого-то были. Кое-где у меня там есть знакомые, но они все местные — как Билл.

Его глаза сузились.

— Появилось что-то новенькое? — тихо спросил он.

Я опять кивнул.

— Важное?

— Возможно.

— Я бы хотел узнать об этом немедленно, но придется немного подождать, пока мы не сможем поговорить наедине.

— Понимаю.

— Я пришлю за тобой, — сказал он и вернулся в свою компанию.

Единственное объяснение осведомленности Мег Делвин, которое я смог придумать, было опровергнуто. И отправиться сразу же на встречу с ней после обеда я теперь тоже не мог. Я утешил себя великолепной закуской. Некоторое время спустя в зал вошла Флора. Оглядела всех, пробралась ко мне и присела рядом у окна.

— С Рэндомом сейчас невозможно поговорить, — пожаловалась она.

— Ты права. Чем тебя угостить? Что-нибудь выпьешь?

— Не хочется. Возможно, ты сможешь мне помочь. Ты ведь волшебник.

Мне эти слова не понравились, но я все-таки спросил:

— В чем дело?

— Я зашла к Блейзу спросить, не желает ли он спуститься в зал и присоединиться к нам, но он

исчез.

— Разве дверь не была заперта? Подавляющее большинство людей не допускает подобной небрежности.

— Да, была. Изнутри. Следовательно, он куда-то картотранспортировался. Когда он не ответил, я ворвалась в комнату, ведь один раз на него уже покушались.

— И что же тебе нужно от волшебника?

— Ты можешь его найти?

— Карты следов не оставляют. Но даже, если бы и мог, то не уверен, что стал бы. Он сам знает, что делает, и, следовательно, желает, чтобы его оставили в покое.

— Но что, если он замешан? Он и Каин в прошлом были на противоположных сторонах.

— Если он замешан в чем-то для всех нас опасном, то только к лучшему, что он ушел.

— Выходит, ты не можешь помочь… или не хочешь?

Я кивнул.

— Наверное, и то и другое. Как ты думаешь, кто может, кроме Рэндома, решить — надо его искать или нет?

— Возможно.

— Я предлагаю тебе держать эту новость при

себе, пока ты не переговоришь с Рэндомом. Нет необходимости порождать бесплодные подозрения. Или, если хочешь, я сам могу сообщить это Рэндому. Я должен с ним встретиться и поговорить сегодня вечером.

— О чем?

Вот тебе и раз!

— Не знаю точно. Он что-то хочет мне рассказать, или наоборот спросить.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Ведь мы с тобой еще не успели перемолвиться и словом, ты не забыл? — произнесла она после паузы, — Кажется, этим мы теперь и занимаемся. Ну, ладно. А могу я узнать о твоих неприятностях в одном из любимейших моих Отражений?

— Почему бы и нет? — и я начал пересказ чертовой истории по новому кругу. Я чувствовал, что делаю это в последний раз. Как только Флора узнает о том, что со мной приключилось, сведения об этом просочатся и ко всем остальным. У Флоры не оказалось каких-либо соображений относительно моей истории, во всяком случае, никакой информацией она не поделилась. Мы еще немного поболтали, в основном, о местных слухах, и, наконец, Флора решила что-нибудь съесть. Она направилась к столу и обратно уже

не вернулась, о чем я совсем не жалел, так как слегка устал от нее. Ко мне подходили и другие родственники. Мы говорили о Каине, о моем отце. Ничего нового я не узнал. Меня представили нескольким лицам, с которыми раньше я знаком не был. И мне пришлось запомнить массу имен и прочих ненужных подробностей, потому что ничего другого делать не оставалось. Когда обед закончился, я ухитрился выйти из зала одновременно с Рэндомом.

— Потом, — проронил он мне на ходу и прошел дальше вместе со своими собеседниками.

Поэтому я вернулся в свою комнату и растянулся на кровати. Когда события напоминают кипящий котел, то, если есть возможность отдохнуть, нужно ею пользоваться. Немного погодя я заснул, и мне приснился сон… Я прогуливался в английском саду, который располагался за дворцом. Со мной был кто-то еще, но я не знал, кто это. Казалось, что это неважно. Я услышал знакомое мне завывание. Потом совсем близко раздалось рычание. Когда я оглянулся, то ничего такого не увидел. Но потом они вдруг оказались рядом — три огромные собаки, похожие на то существо, которое я прикончил в квартире Джулии. Вой не прекращался, но выли не эти звери. Они лишь

рычали и подходили ближе. Неожиданно я понял, что это сон, и что он снился мне уже много раз, и каждый раз, просыпаясь, я забывал его. Но сознание того, что это сон, не освободило меня от чувства опасности, когда звери бросились ко мне. Каждую из трех бестий окружало нечто вроде светового ореола — бледного, колеблющегося. И глядя сквозь этот свет, я видел уже не сад, а лесную поляну. Когда они прыгнули на меня, то словно бы натолкнулись на стену из стекла. Их отбросило назад, они упали, снова вскочили, метнулись вперед ко мне, и снова неудачно. Ужасные псы завыли, запрыгали, зарычали и попытались напасть еще раз. Но казалось, что я стою под стеклянным колпаком или внутри магического круга, куда они проникнуть не могут. Затем вой стал громче и ближе, и бестии перенесли внимание с меня на…

— Ого! — воскликнул Рэндом. — Ты мне теперь должен за избавление от кошмара.

… Я проснулся. Я лежал в своей кровати, за окном было темно… я понял, что Рэндом вызвал, меня через Карту и уловил мой кошмарный сон, когда установился контакт.

Я зевнул и мысленно поблагодарил Рэндома.

— СПАСИБО.

— Просыпайся окончательно и поговорим, — сказал он.

— Хорошо. А где ты?

— Внизу. Маленькая гостиная к югу от главного зала. Попиваю кофе. И жду тебя.

— Увидимся через пять минут.

— Идет!

Рэндом растворился. Я сел, спустил ноги с кровати… Потом поднялся, пересек комнату и широко распахнул окно. Я глубоко вдохнул хрусткий холодный осенний воздух. Весна на Отражении Земля, осень — в Амбере. И это мои два любимейших времени года. Я должен ощущать подъем чувств и сил. А вместо этого шутка ночи, исчезающий остаток сна — мне показалось, что я слышу удаляющееся завывание. Я вздрогнул и закрыл окно. Наши сны слишком тесно бывают связаны с нашей реальностью. Я отправился в указанную комнату и занял один из диванов. Рэндом дал мне выпить полчашки кофе и только потом попросил:

— Расскажи мне о «Колесе-призраке».

— Это… своего рода парафизическое устройство наблюдения и слежения. А также — библиотека.

Рэндом поставил свою чашку на стол и склонил голову набок.

— Не мог бы ты несколько поподробнее…

— В общем, работая с компьютерами, я пришел к интересной идее о том, что фундаментальные принципы обработки данных могут быть применены с весьма любопытными результатами в некоем месте, где сами компьютеры работать бы не могли. Другими словами, мне нужно было найти такие условия среды Отражений, где операции оставались бы примерно теми же самыми, но физическое воплощение конструкции, техники программирования и ввода энергии — все это имело бы иную природу.

— Гм… Мерлин, — откашлялся Рэндом. — Ты меня уже совершенно сбил с толку.

— Я сконструировал устройство, обрабатывающее данные. Но сделал это в одном из Отражений, где никакой нормальный компьютер не смог бы функционировать. Чтобы мое «Колесо-призрак» работало, мне пришлось использовать совершенно новый способ конструирования, другие, отличные от обычных, материалы, другие источники энергии. Я выбрал для постройки такое место, где действуют иные законы физики, и поэтому мое устройство может функционировать не так, как другие. И теперь у меня появилась возможность создавать программы, которые не

работали бы на Отражении Земля, где я жил в то время. В результате, как мне кажется, получилось нечто уникальное. Я назвал свое изобретение «Колесо-призрак» из-за некоторых особенностей его внешнего вида.

— И оно служит в качестве следящего устройства и библиотеки? Что это значит?

— Мое «Колесо» перелистывает множество Отражений, словно страницы книги, или словно оно тасует колоду карт. Запрограммируй его на поиск и слежение за любым интересующим тебя объектом, и оно не спустит с него глаз. Я думал преподнести его вам в качестве сюрприза. Ты мог бы с его помощью, например, узнать, не стягивает ли силы один из наших потенциальных врагов или следить за распространением Бурь в Отражениях…

— Погоди минутку, — заявил Рэндом, поднимая руку. — Каким образом оно перелистывает Отражения? Как оно работает?

— В процессе работы, — объяснил я, — «Колесо-призрак» каждое мгновение воссоздает множество эквивалентов-Карт, потом…

— Стоп! Задний ход. Как же можно написать программу для наших Карт? Я думал, что создать Карту способен лишь человек, прошедший Лаби-

ринт или Логрус.

— Но в данном случае, сама машина относится к тому же классу объектов, что отцовский меч, Грейсвандир. Я включил элементы узора Лабиринта в его конструкцию.

— И ты собирался нас приятно удивить?

— Да, когда машина была бы полностью готова.

— А когда это произойдет?

— Я не уверен, что смогу предсказать это точно. Она должна насытить банки памяти определенной критической массой информации, и только после этого ее программы начнут работать в полном объеме. Я уже довольно давно приказал ей заниматься этим, но до сих пор еще не проверял результатов.

Рэндом налил себе немного черного кофе и отпил.

— Не думаю, что эта машина будет экономить нам так уж много времени и усилий, — сказал он после непродолжительного молчания. — Когда меня интересует какой-нибудь объект в Отражениях, я отправляюсь посмотреть на него сам, или посылаю кого-то. Если же теперь я захочу воспользоваться твоей штукой, я все равно потрачу время на дорогу туда, к ней.

— Нет, — возразил я. — Не потратишь. Ты просто вызовешь дистанционный пульт. Терминал.

— Вызову? Терминал?

— Вот именно.

Я нашел свою Колоду Карт и вытащил одну, лежащую в самом низу. На ней изображалось серебряное колесо на темном фоне. Я передал Карту Рэндому, и он внимательно ее рассмотрел.

— А как ею пользоваться? — спросил он.

— Так же, как и другими Картами. Вызвать тебе терминал?

— Вызови. Я посмотрю.

— Отлично. Но пока идет процесс сбора данных в Отражениях, машина еще не знает много полезных вещей.

— Я не буду ее экзаменовать. Я лишь хочу взглянуть на нее.

Я поднял Карту, всмотрелся в нее сквозь внутренний глаз своего сознания. Несколько мгновений спустя сработал контакт. Я позвал. Послышался тихий треск, в воздухе запахло озоном, и мерцающее световое колесо примерно восьми футов в диаметре повисло в воздухе, материализовавшись передо мной.

— Уменьши размеры терминала! — приказал я.

Колесо сократилось приблизительно в три раза, и на этом ему было приказано закрепиться. Теперь оно было похоже на бледно-светящуюся рамку картины, и по комнате, которая виднелась сквозь него, пробегали постоянные волны.

Рэндом потянулся рукой к кольцу.

— Не трогай, — предупредил я. — Получишь удар. Я еще не выявил всякие мелкие недоделки.

— Передача энергии?

— Да, машина может и это. Но в небольших дозах.

— Но если ты отдашь приказ передать заряд…

— Да, конечно. Машине необходимо уметь передавать энергию, чтобы поддерживать работу сканирующих устройств и терминала через Отражения.

— Мне хочется знать, способна ли она выдавать на этом конце заряд? А точнее, разряд.

— Как я тебе уже говорил, она способна накопить и разрядить определенное количество энергии.

— На какую дальность?

— Повсюду, куда может проникнуть дистанционное устройство.

— А куда оно может проникнуть?

— Ну, теоретически в любое место. Но…

— Предположим, ты прикажешь такому кольцу возникнуть рядом с кем-то, накопить мощный разряд и выстрелить им в этого человека. Он может умереть от этого?

— Наверное. Почему бы и нет? Но назначение «Колеса» состоит совсем не в этом.

— Мерлин, твой сюрприз и в самом деле сюрприз. Но я не уверен, что очень рад ему.

— Это совершенно безопасно. Никто не знает местонахождение машины. Никто не сможет проникнуть туда. Эта Карта — единственная, и она хранится у меня. Я собирался сделать еще одну Карту, специально для тебя, а потом, когда машина будет готова полностью, показать, как ею управлять.

— Нет. Обо всем это мне нужно крепко подумать.

— Призрак, сколько Бурь в данный момент происходит в зоне пяти тысяч завес Отражений?

Словно из середины обруча донеслись слова:

— Семнадцать…

— Мне это напоминает…

— Да, я придал ей мой голос. Призрак, покажи нам картину самой большой из Бурь.

Внутри круглой рамки возникла сцена хаотической ярости шторма.

— Мне только что пришла в голову еще одна мысль, — громко сказал Рэндом. — А предметы она умеет транспортировать?

— Конечно, как и обычная Карта.

— А первоначальный размер кольца — это предел?

— Нет, можно увеличить или уменьшить диаметр по желанию.

— Нет, пока не надо. Но допустим… ты сделал диаметр больше. И приказал показать тебе Бурю. Самый большой, какой только влезет в рамку, участок… Она сможет передать его? Сюда?

— Не знаю. Машина попытается, во всяком случае. Это будет что-то вроде гигантского окна в шторм.

— Мерлин, лучше затвори его. Это опасно.

— Но, как я уже говорил, никто не знает, где Призрак расположен, а единственный способ добраться до него…

— Знаю, знаю. А скажи, с соответствующей Картой к Призраку может добраться любой?

— Да. Я не стал встраивать коды безопасности именно из-за невозможности найти машину любым другим способом.

— Малыш, эта штука может стать ужаснейшим оружием. Погаси окно. Немедленно. И выключи

эту машину.

— Это невозможно.

— Почему?

— С дистанционного пульта невозможно отключить питание или стереть память машины. Мне бы пришлось отправиться туда, где она находится.

— Тогда немедленно отправляйся в путь, вот что я тебе советую. Я хочу, чтобы ты на время ее выключил, пока не встроишь в нее надежные предохранители. И даже тогда… ну, тогда и посмотрим. Я не доверяю таким энергиям и возможностям. Особенно, когда у меня нет от них никакой защиты. Она может напасть совершенно неожиданно. О чем ты только думал, когда выдумывал и строил эту штуку?

— Об обработке информации. Слушай, ведь кроме нас…

— Всегда существует вероятность, что кто-то пронюхает о Призраке и найдет способ добраться до него. Да, да, я знаю — ты влюблен в собственное создание. И я уважаю твои добрые намерения. Но машина должна быть приведена в нерабочее состояние.

— Но я ничем тебя не обидела, — это был мой голос, но исходил он из обруча терминала.

— Что? Это неважно, — ответил Рэндом, посмотрев на кольцо, потом на меня, затем вновь на кольцо. — Меня тревожит твой потенциал. Мерлин, выключи терминал!

— Конец работы, — приказал я. — Убери терминал.

Кольцо замерцало на секунду и исчезло.

— Что ты скажешь насчет последнего замечания твоего Колеса? — поинтересовался Рэндом.

— Я удивлен.

— Да, сюрпризы начинают мне надоедать. Возможно, окружающая среда в том Отражении каким-то образом воздействует на машину. Ты знаешь, чего я хочу. Пусть она пока отдохнет.

Я наклонил голову.

— Как прикажете, сэр.

— Брось, не притворяйся мучеником. Просто выключи ее.

— И все же я думаю, что дело в установке нескольких предохранительных систем. Нет причины закрывать проект.

— Если бы обстановка была сейчас поспокойнее, я, может быть, согласился бы с тобой. Но слишком много дерьма плывет вниз по течению именно сейчас, со всеми этими снайперами, бомбометателями и так далее. И мне не нужны

новые заботы.

Я встал:

— Ладно. Благодарю за кофе. Я сообщу тебе, когда все будет сделано.

Он кивнул:

— Спокойной ночи, Мерлин.

— Спокойной ночи.

Пробираясь в свою комнату через большой передний холл, я заметил Джулиана. Он был в зеленом халате и разговаривал с двумя мужчинами. Перед ним на полу валялось какое-то мертвое животное. Это было в точности такое же создание, как собакоподобная бестия, убитая мною в квартире Джулии.

Я подошел к ним.

— Привет, Джулиан. Что это у тебя? — спросил я, показывая рукой на животное.

Он покачал головой.

— Не знаю. Гончие убили трех таких в Ардене. Я перенес этих ребят вместе с одним из тел, чтобы показать Рэндому. Ты случайно не знаешь, где он сейчас?

Я ткнул пальцем через плечо.

— В гостиной.

Джулиан пошел туда не медля. Я потрогал мертвое тело страшного пса носком ботинка. Должен

ли я вернуться и рассказать Рэндому, что уже встречал такое раньше?

— К черту, — пробормотал я, так как не видел в этой информации ничего интересного.

Я вернулся в свою комнату, умылся и переоделся. Потом зашел на кухню и запасся едой, которую сложил в заплечный мешок. Мне не хотелось прощаться с кем-либо, поэтому я вышел через черный ход, спустился по задней лестнице и уселся в саду. Посидев так немного, я встал и пошел. Темно. Прохладно. Звезды. Я почувствовал внезапный озноб, когда оказался у того места, где в моем сне на меня напали страшные и странные собаки. Было тихо — ни воя, ни рычания, ничего. Я миновал это место и продолжил свой путь к дальним окраинам хорошо ухоженного парка, где несколько тропинок уводили путника из него прочь. Я выбрал вторую слева. Эта тропа была намного длиннее другой, с которой она потом все равно пересекалась, но идти по ней было легче, а ночью это важней. Я шагал вверх по склону около часа, и наконец, обнаружил ведущую вниз дорогу, которую и искал. Тогда я остановился, сделал глоток воды, немного отдохнул и начал спускаться вниз. На склоне Колвира очень сложно продвигаться сквозь Отражения. Чтобы как

следует справиться с этим делом, человек должен отойти от Амбера на приличное расстояние. Так что я только и мог, что шагать на своих двоих, но ночь для прогулки была подходящая, и я ничего не имел против. Я успел уйти довольно далеко по дороге, ведущей вниз, когда небо над моей головой внезапно посеребрило сияние, и на плечо Колвира уселся полумесяц, залив призрачным светом бежавшую впереди тропинку. Я прибавил шагу. Мне очень хотелось покинуть склон Колвира еще до рассвета. Я был зол на Рэндома за то, что он не признал полезность моего создания. Я еще не был готов к тому, чтобы рассказать ему о машине. Если бы не похороны Каина, я бы не вернулся в Амбер, пока не довел бы функционирование Колеса до совершенства. И даже сейчас я не собирался упоминать о Колесе, если бы оно в какой-то мере не входило в опутавшую нас загадку, и если бы Рэндом не пожелал узнать о нем, чтобы иметь полное представление о моих приключениях. То, что он увидел, ему не понравилось, но премьера состоялась преждевременно. И если я теперь выключу машину, как он того требовал, то уничтожу плоды своей долголетней работы. Ведь «Колесо-призрак» все еще работало по программе самообразования,

сканируя Отражения. В любом случае, давно было пора наведаться к нему и проверить, как идут дела, исправить возможные погрешности, которые накопились в работе системы. Я продолжал размышлять обо всем этом, а тропа тем временем становилась все круче, обвивая западный склон Колвира. Ведь Рэндом не приказывал мне уничтожить весь объем памяти Колеса. Он просто хотел, чтобы машину выключили. И значит, я мог выбирать средства по своему усмотрению. Поэтому я решил, что имею право сперва все как следует проверить, пока не уверюсь, что машина в порядке. Потом переведу содержание банков памяти в более устойчивый вид. И, выключив машину, ничего не потеряю, так как память ее будет в неприкосновенности, пока не настанет время привести Колесо в действие. А возможно… Что, если я приведу все в полный порядок, встрою пару предохранительных систем, чтобы успокоить Рэндома, потом вызову его самого, покажу, что сделал, и спрошу, довольна ли его душенька? Если он останется недоволен, то я всегда успею выключить машину. Но, вероятно, он изменит решение. Да, стоит подумать и об этом. Я разыгрывал в воображении разговоры с Рэндомом, пока луна не переместилась в левую часть неба.

Я был уже на половине пути вниз по склону Колвира, и чем дальше, тем легче была дорога. Уже чувствовалось уменьшение силы Лабиринта. Я еще пару раз останавливался, чтобы напиться, и один раз — проглотил сэндвич. Чем больше я над этим раздумывал, тем сильнее становилась моя уверенность, что если я продолжу работу с Колесом, то Рэндом придет в большую ярость и даже, вероятно, не выслушает меня до конца. А с другой стороны я и сам был зол. Путь был длинный, и лишь несколько раз у меня появлялась возможность срезать крюк. Было время как следует поразмыслить.

Небо становилось светлее, я прошел последний каменистый спуск и у подножия Колвира вышел на широкую удобную дорогу, уходившую на северо-запад. Я смотрел на выстроившиеся вдоль нее деревья. Вот одно, развесистое, вот другое, удобный ориентир… Вдруг все озарила ослепительная вспышка, послышался раскат оглушительного грома — и дерево раскололось надвое. До него оставалось не больше сотни метров. Я вскинул обе руки, как только увидел разряд, но даже несколько секунд спустя слышал треск дерева и эхо разряда.

Затем послышался голос:

— Возвращайся обратно!!!

Я решил, что подошла пора начать разговор.

— Может, вступим в переговоры? — предложил я.

Тишина. Я спустился в мелкую канаву, шедшую вдоль дороги, прополз несколько метров к месту, где прикрытие было получше. И принялся слушать и смотреть, надеясь, что тот, кто только что выкинул этот трюк, каким-нибудь образом выдаст себя. Но ничего не произошло. Я напрасно рассматривал заросли и часть склона, по которому только что спустился. Но зато это дало небольшой толчок моему вдохновению. Я вызвал мысленное изображение Логруса, и две его линии стали моими руками. Тогда я потянулся, но не сквозь Отражения, а к склону туда, где довольно солидных размеров валун нависал над скоплением других камней. Ухватившись за него, я изо всех сил потянул его к себе. Камень был слишком тяжел, чтобы так легко и сразу перевернуться. Я принялся медленно его раскачивать. Наконец, он замер в неустойчивом положении, а затем покатился вниз и рухнул, вызвав небольшой камнепад. Камни сталкивались, тащили за собой другие. Покатились даже несколько больших скальных обломков. Да и сама скала, по которой

змеился разлом, тоже не выдержала. Целый ее ломоть затрещал, закряхтел и начал медленно оседать. Я чувствовал, как задрожала подо мной земля. Я не ожидал такого великолепного зрелища. Камни подпрыгивали, отскакивали друг от друга, ныряли в заросли, под их напором раскачивались, трещали и ломались деревья. Потом я встал — Фракир, покачиваясь, свешивался с моего левого запястья — и приблизился к зарослям. Я внимательно осмотрел поредевшую рощу, но там никого не оказалось. Я взобрался на ствол поваленного дерева.

— Еще раз спрашиваю, будешь разговаривать? — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Ладно, пусть будет так, — сказал я и направился на север, в Арден.

Пробираясь сквозь древний лес, я время от времени слышал звук лошадиных копыт. Но если за мной следили, особого желания приблизиться ко мне эти всадники не испытывали. Скорее всего, мимо проезжал один из патрулей Джулиана. Особого значения это не имело. Я вскоре отыскал дорогу и начал приготовления, которые должны были унести меня очень далеко от этих мест. Более светлый оттенок… от коричневого к жел-

тому… и деревья стали пониже… завеса листвы гуще… Непривычный посвист птицы… странного вида гриб… Мало-помалу характер леса изменился. И чем дальше это изменение уносило от Амбера, тем легче было его производить. Мне стали попадаться солнечные прогалины. Небо стало светло-голубым… Все деревья были зелеными и почти все — молодыми… Я перешел на медленный бег. Показались облака, целые массивы облаков… пористый дерн стал плотнее, суше… Я ускорил бег, направляясь вниз по склону холма. Трава стала выше, гуще. Деревья теперь превратились в островки посреди океана бледных трав. Взгляд теперь владел всем пространством до горизонта. Справа от меня повисла хлюпающая, жемчужная завеса. Это был дождь. Издали доносились раскаты грома, хотя солнце продолжало освещать мой путь. Я глубоко вдыхал чистый влажный воздух и продолжал бег. Травы исчезли, землю расчертили трещины. Небо почернело… По каньону вокруг меня мчались потоки воды… На скалистую местность низвергались водопады ливня… Я начал спотыкаться. Каждый раз, теряя равновесие, я проклинал все на свете, а особенно себя, за то, что слишком поздно взялся за смещение… Тучи разошлись, словно театральные

кулисы, и лимонное солнце пролило потоки тепла и света с оранжево-розового неба. Гром затих на полураскате, и поднялся ветер. Солнечно. Я поднялся по склону холма. Посмотрел вниз на разрушенную деревню. Давно заброшенная, изредка поросшая деревьями, улицы перекопаны странными канавами, какие-то курганы вдоль них… Я прошелся по главной улице этой деревни под серо-черным, грифельным небом, потом осторожно перебрался через частично замерзший пруд… и лица тех, кто лежал подо льдом, слепым взглядом следили за мной, куда бы я ни пошел… В небе плавали волокна сажи, снег был плотен, дыхание мое повисало в воздухе ледяным туманом. Я вошел в скелетоподобный лес, на сучьях превратились в камень замерзшие птицы. Это было похоже на гравюру. Скольжение вниз по холму, оттепель и весна… Снова движение… Грязь под ногами, зеленые проплешины… Необыкновенного вида автомобили на дальнем шоссе. Мусорный двор… вонь, жижа, тление, дым, ржавчина… Горы отбросов. Мелькают наглые крысы… Скорее отсюда… Смещение быстрей, дыхание тяжелей… Полоса неба над шапкой смога… Дно речной дельты… берег океана… Золотые пилоны вдоль реки… Сельский ландшафт с озе-

рами… Коричневые травы под зеленым небом… Замедляюсь… Вокруг простирается зеленое поле, река и озеро… Ветер и травы, как море… Я вытираю пот со лба, рукава становятся влажными… Со свистом втягиваю сквозь зубы воздух… Перехожу на шаг. Я не спеша шагал через поле, предпочитая делать редкие передышки в таком месте, где все далеко видно. Ветер тихо шелестел травой. Ближайшее озеро было цвета извести. В воздухе пахло чем-то сладким. Мне показалось, что справа что-то полыхнуло, но когда я взглянул в ту сторону, там не было ничего необычного. Немного погодя я мог бы поклясться, что снова слышу далекий топот копыт. И опять тишина. Вот что плохо в Отражениях — никогда нельзя сказать, что для данной складки естественно, а что нет. Никогда не знаешь, чего ждать. Прошло еще несколько минут, вначале я почувствовал запах дыма, и только потом увидел его. Да, это был дым. А в следующее мгновение вспыхнул настоящий огненный поток. Путь мой пересекла пылающая полоса. И вновь голос:

— Ведь я сказал тебе — возвращайся!!!

Ветер дул с той стороны, где был огонь, нес языки пламени прямо на меня. Я повернулся, чтобы обойти пламя, и заметил, что оно уже огибает

меня с флангов. Чтобы создать в уме нужную матрицу для смещения Отражений, необходимо время. Но меня застигли врасплох, и я не был уверен, что успею сосредоточиться. Оставалось одно — бежать. Но линия огня обтекала меня вокруг, словно беря в огромное кольцо. На бегу я отмечал точность ее движения. Жар и дым вскоре стали еще сильнее. Сквозь треск пламени мне по-прежнему мерещился стук копыт. От дыма мои глаза наполнялись слезами, к тому же, он еще больше ухудшил видимость. И я вновь не смог найти того, кто устроил для меня эту огненную ловушку. Но… на этот раз мои мучительные сомнения неожиданно разрешились… Земля дрожала под ударами копыт, кто-то приближался ко мне. Пламя сверкнуло, взметнулось выше, кольцо поспешно стало замыкаться. Я уже готовился к новой опасности, когда через просвет в огненной стене влетели конь и всадник. Всадник натянул поводья, но его гнедой конь был явно напуган огнем. Он оскалился, закусил узду и несколько раз попытался встать на дыбы.

— Скорей! За мою спину! — крикнул всадник, и я поспешно прыгнул на коня.

Всадником оказалась темноволосая женщина. Я лишь мельком увидел ее лицо. Ей удалось

повернуть коня в том направлении, откуда она прискакала, потом она дернула поводья. Гнедой ринулся вперед, но внезапно поднялся на дыбы. Я едва удержался, ухватившись за всадницу. Когда передние копыта коня вновь коснулись земли, он бросился вперед, но у самой кромки пламени опять завертелся волчком.

— Проклятье! — услышал я крик всадницы, которая отчаянно натягивала поводья.

Конь громко заржал. Из его рта падала кровавая пена. К этому времени огненный круг замкнулся, дым повалил гуще, огонь приближался. Я ничем не мог помочь всаднице, разве что пару раз пнуть коня каблуками, когда тот вновь помчался по прямой. Конь ворвался в огненную стену, ржание его было полно ужаса и боли. Было неизвестно, насколько широка здесь полоса огня. Пламя лизало мои ноги, и я чувствовал запах паленых волос. Всадница что-то закричала, конь снова встал на дыбы, и я понял, что больше мне на его спине не удержаться. Я почувствовал, что сползаю — и как раз в этот миг мы прорвались сквозь кольцо огня туда, где он уже прошел, оставив после себя пепел и гарь. Я упал на черную и горячую землю, в воздух поднялась туча пепла. Потом перекатился на бок, закашлялся и зажмурил глаза, когда горя-

чий пепел засыпал мое лицо. Тело мое жгло, и я извивался от боли. Но, услышав крик женщины, заставил себя подняться и протереть засыпанные пеплом глаза. Зрение вернулось ко мне как раз во время — я увидел коня, который поднимался с земли. Видимо, он только что упал и своим телом придавил мою спасительницу. Конь мгновенно умчался прочь, исчезнув среди облаков дыма. Женщина же осталась лежать неподвижно. Я кинулся к ней и, став на колени, стряхнул с ее одежды искры, проверил, дышит ли она и есть ли еще пульс. В этот момент ее глаза открылись.

— Видно… сломана спина… — простонала она сквозь кашель. — Ничего не чувствую… Беги, если можешь… Мне недолго жить… Оставь меня… Я все равно… умру…

— Не все равно, — возразил я. — Я должен тебя перетащить. Где-то рядом озеро.

Я сбросил обвязанный вокруг пояса плащ и уложил на него всадницу. Как можно осторожнее я накрыл ее полами, чтобы защитить от искр, и потащил туда, где, как мне казалось, должно было быть озеро. Мы пробирались сквозь переменчивый узор огня и дыма. В горле моем была горечь, из глаз катились слезы. Брюки мои уже начали тлеть, когда я почувствовал под ногами мягкий

ил. Я понял, что мы на верном пути. Наконец, я оказался по пояс в воде, поддерживая руками женщину. Я наклонился, откинув с ее лица полу плаща. Глаза ее все еще были открыты, хотя взгляд был неподвижен и устремлен в высоту. Но прежде, чем я успел пощупать пульс шейной артерии, она прохрипела мое имя.

— Мерлин. Мне… извини, что я…

— Это ты помогла мне, а я не смог помочь тебе. Это ты меня извини.

— Извини, что не смогла дальше, — продолжала она. — Плохо… управляюсь с лошадьми… Они идут за тобой…

— Кто?

— Кликнули собак… но огонь — это кто-то другой… Не знаю, кто… не знаю…

— Я не понимаю о чем ты…

Я плеснул немного воды на ее воспаленные щеки, чтобы они остыли. Под слоем копоти и копной обгоревших спутанных волос трудно было рассмотреть черты ее лица.

— Кто-то… идет по твоему следу, — сказала она еще тише. — И кто-то… впереди… тоже. Об этом, который впереди… я не знала… Жаль…

— Кто? Кто ты? Откуда ты меня знаешь? Почему?

Она слабо улыбнулась.

— Спали с тобой… Больше никогда… Я ухожу…

Глаза ее закрылись.

— Нет, — крикнул я.

Лицо ее исказилось, и она в последний раз со свистом втянула воздух. Потом выдохнула еле слышные слова:

— Дай мне… погрузиться… здесь… Прощай… Мер…

Клубы дыма закрыли от меня ее лицо. Я задержал дыхание и зажмурился, когда дым поглотил нас обоих. Наконец, воздух очистился. Я всмотрелся в ее лицо. Она больше не дышала: не было ни пульса, ни сердцебиения. И поблизости не нашлось даже подходящего места для могилы. Она ушла. Она понимала, что уходит. Я аккуратно завернул ее в плащ, превратив его в саван. И закрыл полой ее лицо. Все складки были закреплены застежкой, которой и обычно защелкивал плащ на шее. Затем я побрел на глубину.

— Чертовщина! — воскликнул я и вспомнил:

«Дай мне погрузиться здесь…»

Иногда мертвые погружаются быстро, иногда продолжают плыть.

— Прощай, леди, — склонил я голову. — Хотелось бы мне знать твое имя. И еще раз — спа-

сибо.

Я отпустил ее. Вода закрутилась в водовороте. И ее уже не было. Немного погодя я двинулся дальше.

Слишком много вопросов, слишком мало ответов.

Где-то вдалеке безумно ржала лошадь…

9

Через несколько часов, и много-много Отражений спустя, я снова сделал передышку под чистым небом, в месте, где поблизости было мало пищи для огня. Для начала выкупался в мелком ручье, потом вызвал из Отражений чистую одежду и переоделся. Приятно было опять стать чистым и сухим. Я прилег на берегу и доставил из Отражений немного еды. Создавалось впечатление, что теперь каждый день был 30-е апреля. Казалось, что почти каждый, кого я встречал, знал меня, и все вели тщательно продуманную двойную игру. Вокруг меня гибли люди, катастрофы превращались в будничное событие. Я начал чувствовать себя фигурой в видеоигре. Что дальше? Метеоритный обстрел? Нет, к загадке должен быть ключ. Безымянная всадница, пожертвовавшая жизнью, чтобы вытащить меня из огня, сказала, что кто-то преследует меня, и кто-то, преграждающий мне дорогу, есть впереди. Что бы все это значило? Должен ли я подождать появления преследователя, поймать его и спросить, что происходит? Или же мне следует пойти в стремительную атаку на прорыв, в надежде поймать второго врага, чтобы

устроить ему допрос? Дадут ли они оба один и тот же ответ? Или они из разных партий? И есть ли два разных ответа? Удовлетворит ли чью-то честь дуэль? Я согласен драться. Может, взятка? Я заплачу. Все, что мне требовалось, — ответ, за которым последуют мир и покой.

— Вот дрянь! — прокомментировал я, ни к кому в принципе не обращаясь. И швырнул в поток камень.

Затем пошел к воде. На песке, на другом берегу, были начертаны слова: «ВОЗВРАЩАЙСЯ НАЗАД!» Я наступил на них и побежал. Мир вокруг меня завертелся, я вошел в складку Отражения. Растительность исчезла. Скалы превратились в валуны, стало светлее, заискрилось… Я бежал сквозь долину хрустальных призм под ужасным пурпурным небом… Ветер среди радужных камней… Музыка Эола… Одежду рвет вихрь… Простор… Пурпур над головой переходит в бледно-зеленый цвет… Пронзительные, рвущие слух крики… земля трескается… Еще быстрей. Я стал гигантом, великаном. Тот же пейзаж, но в уменьшенном масштабе… Словно циклоп, я перемалываю ногами камни. Пыль радуг под моими сапогами, завитки облаков над перчатками… Воздух становится все гуще, гуще, едва

ли не жидким… Зеленый воздух… Водовороты… Медленное движение, на пределе моих сил… Я плыву в нем… Мимо проплывают башни замков, приспособленные для акважизни… Сверкающие снаряды, точно светлячки, атакуют меня… Я ничего не ощущаю… Зеленое переходит в голубое… Тоньше, тоньше… Голубой дым, и воздух становится сдобным, благовонным… Дробящееся эхо тысячи гонгов… Я сжимаю зубы… Скорей. Голубое — розовое, пронизанное искрами… Кошачий язычок огня… Еще один… Холодное пламя танцует, как водоросли в океане… Поднимается выше, еще выше… Трещат, выгибаются стены из пламени… Шаги за спиной. Не оглядывайся. Смещайся. Небо расколото на две части кометообразным несущимся солнцем… Мелькнуло и исчезло… Опять и опять… Я вдыхаю пряный воздух… Я мчусь по берегу светящейся реки, по полю, изрытому пористым грибом цвета крови… Споры, превращающиеся в драгоценные камни… падают подобно пулям… Ночь над медной равниной, звон шагов отдается в вечности… Коленчатые, механизмоподобные растения, втягивающиеся обратно в металлические стебли, стебли в консоли… Клак, клак, вздох… Только лишь это за моей спиной? Я стремительно оборачиваюсь. Кто это

прячется под деревом, похожим на мельницу? Или это лишь танец теней в моих, утомившихся смещением Отражений, глазах? Что же это такое? Вперед, дальше. Сквозь стекло и наждак, оранжевый лед, пейзаж бледной плоти… Солнца нет, только рассеянный свет… Нет земли… Одни тончайшие мосты и острова в воздухе… Мир — кристаллическая матрица… Вверх, вниз, вокруг… Сквозь дыры в воздухе, вниз по трубопроводу… Скольжу… К темно-синему берегу желто-медного, неподвижного моря… Сумерки без звезд… Слабое сияние повсюду… Мертво, мертво это место… Голубые скалы… Сломанные статуи нечеловеческих созданий… Все неподвижно… Стоп. Я нарисовал вокруг себя магический круг, усилил его энергией и законом Хаоса. В центре защитного круга я расстелил плащ, вытянулся на нем и заснул. Мне приснилось, что поднимается волна, слизывающая часть круга, а из моря выползает зверь, зеленый, чешуйчатый, с пурпурными волосами и острыми зубами, чтобы выпить мою кровь. Когда я проснулся, то обнаружил, что круг и вправду разомкнут, а зеленое чешуйчатое создание, с пурпурными волосами и острыми зубами, лежит мертвым в пяти ярдах от меня. Фракир плотно обмотался вокруг его шеи, песок

вокруг весь изрыт. Видимо, я очень крепко спал. Я подобрал свою верную удавку и пересек еще один мост над бесконечностью.

На следующем этапе моего путешествия я едва не попал в мгновенно возникшее наводнение на первой же остановке, сделанной мною для отдыха. Но я был осторожен и успел вовремя переместиться в другую складку Отражения. Там я получил новое предупреждение. Неизвестный написал его пылающими буквами на склоне обсидиановой горы. Мне предлагалось уйти назад, домой, бросить это нехорошее занятие, а мое приглашение выяснить отношения опять было проигнорировано. Я продолжал идти до тех пор, пока вновь не наступило время сна, и тогда я устроил лагерь в Черной стране — молчаливой, серой, туманной, влажной и затхлой. Я нашел себе подходящую, хорошо защищенную и удобную для обороны расщелину, наложил предохраняющий от всякой магии заговор и заснул. Позднее — а сколько времени спустя, не знаю, — из тяжелого сна без сновидений меня вывела пульсация Фракира на запястье. Я мгновенно проснулся. В чем дело? Я ничего особенного не слышал и не видел. Но Фракир никогда не подает сигнал тревоги без причины. Я ждал, тем временем вы-

звав в воображении переменчивый узор Логруса. Когда он полностью оформился передо мной, я ввел в него руку, точно в перчатку, и потянулся в Отражения… Я редко ношу с собой клинок длиннее кинжала средних размеров. Не люблю, когда пояс оттягивают несколько фунтов стали, цепляясь при этом за кусты, а иногда даже за ноги. Тогда я чувствую себя неловко. Мой отец, а также большинство из родственников, как в Амбере, так и в Хаосе, обожают тяжелые, совсем неудобные с моей точки зрения мечи, но, вероятно, они вылеплены из более плотной глины, чем я. В принципе, я не против мечей. Я отлично умею пользоваться ими, люблю турниры. Но таскать его с собой постоянно — нет, это не по мне. Ремень всякий раз натирает мне бедро. Обычно я предпочитаю носить Фракира и полагаюсь на импровизацию. Тем не менее, на этот раз… Да, я готов был признать, что сейчас совсем было бы неплохо сжимать в руке рукоять какого-нибудь тяжеленного меча. Потому что откуда-то снаружи и слева доносилось шипение и неприятное царапание по камню. Я потянулся сквозь Отражения, разыскивая клинок. Я искал, искал… Проклятье! Я слишком далеко от культур, употребляющих металлы и находящихся на нужной ступени

развития. И я продолжал лихорадочные поиски. На моем лбу выступила испарина. Далеко, очень далеко. А звуки снаружи становились все громче, все ближе. Они приближаются, они уже рядом… Послышалось шипение, топанье, рычание. Треск. Ужасный рев. Есть контакт! Я ощутил рукоять оружия в своей ладони. Схватить и призвать к себе! Я позвал его к себе, и удар при его появлении отбросил меня к стене. Я на секунду прижался к ней, пока вытаскивал клинок из ножен, в которые он был вложен. В этот момент наступила тишина. Я подождал десять секунд. Пятнадцать. Полминуты… Тишина. Я вытер вспотевшие ладони о штаны и снова прислушался. И, наконец, осторожно сделал шаг вперед. Перед расщелиной не было ничего, кроме дымки тумана. И когда открылось пространство для бокового зрения, ничего особенного я не обнаружил. Еще шаг. Ничего… Еще один. Теперь я был на самом пороге. Я подался вперед и быстро осмотрелся по сторонам. Точно. Слева. Что-то лежит — темная масса, неподвижная и замаскированная туманом. Притаилось? Готовится прыгнуть на меня?

Что бы это ни было, оно оставалось неподвижным и сохраняло тишину. Через некоторое время я обнаружил еще один темный силуэт, примерно

тех же очертаний, рядом с первым… и, возможно, третий, еще дальше. И ни одно из этих жутких созданий не выказывало желания поднять тот жуткий шум, который я слышал всего несколько минут назад. Я продолжал наблюдать за ними. Не скоро я решился выйти из своего убежища. Все застыло в неподвижности и молчании. Еще шаг, и я вновь затаился. Потом еще один… Наконец, двигаясь очень медленно, я подошел к первому существу. Отвратительный урод, покрытый чешуей цвета высохшей крови. Весил он не менее сотни фунтов и был длинным и жилистым с отвратительными клыками. К тому же отметил я, у него огромная пасть. Я знал, что могу рассматривать зверя совершенно спокойно, потому что голова его была почти полностью отделена от туловища. Очень ровно и ловко. Из рассеченной шеи все еще сочилась желто-оранжевая жидкость. Я видел, что и другие два существа были точно такими же. И тоже были мертвы. Одно из них успело перед гибелью пробежать несколько футов, и у него не хватало ноги. Другое же было изрублено на куски. И все они истекали оранжевой кровью, которая слабо пахла гвоздикой. Я осмотрел истоптанный пятачок, где все это произошло. В мешанине необычной крови, росы

и отпечатков звериных лап я обнаружил следы, очень похожие на отпечатки сапог нормального человеческого размера. Я расширил радиус поиска и вскоре наткнулся на еще один, совсем целый отпечаток. Направление следа уходило в сторону, откуда я пришел. Мой преследователь? Возможно, сам «Н»? Тот, кто пустил по моему следу собак? И пришел ко мне на помощь? Я покачал головой. Я устал искать смысл там, где его не было, и продолжал поиск, но больше следов человека не обнаружил. Тогда я вернулся к спасительной расщелине и подобрал ножны своего меча. Сунув в них меч, я повесил его через плечо, чтобы он свисал со спины. Рукоять будет выступать как раз из-за мешка. Я не представлял, как смог бы бежать с мечом, болтающимся на бедре. Я съел немного хлеба с мясом и выпил глоток вина, после чего продолжил путешествие. Большую часть следующего дня я бежал, хотя «день» — неудачное название для передвижения под небесами в клетку, или пересеченных пунктиром, или озаренных крутящимися колесами, или фонтанами огня. Я бежал, пока не выдохся. Тогда я отдохнул, поел и опять продолжил свой бег. Я экономил еду, потому что чувствовал — за новой едой придется посылать очень далеко, а сама эта

операция потребует от организма чрезвычайных энергетических затрат. Я избегал срезать путь, потому что мгновенные переброски в кружении складок Отражения, дьявольские спринты тоже имеют свою цену, а мне не хотелось прибыть на финиш выжатым как лимон. Я часто проверял, нет ли погони, и обычно ничего подозрительного не замечал. Но иногда мне все же казалось, что я вижу далекого преследователя. Правда, тут были возможны и другие объяснения, учитывая некоторые шутки Отражений. Я бежал до тех пор, пока не почувствовал, что приближаюсь к цели. На моем пути не возникало никаких катастрофических препятствий, за которыми обычно следовал приказ повернуть назад. Я мельком подумал, хороший ли это признак, или впереди меня ждет нечто худшее. В любом случае, и я это понимал, еще один привал, еще один небольшой отрезок пути — и я окажусь там, куда направлялся. Добавьте немного осторожности, пару мер безопасности, и уже появляются основания для оптимизма. Я бежал сквозь обширное лесоподобное кристаллическое образование. Были ли это живые существа, или только геологические образования, я не знал. Кристаллы искажали перспективу, и смещение становилось затрудни-

тельным. Тем не менее, живые существа на этой стеклянистой блестящей равнине мне не встретились. Поэтому я решил устроить последний лагерь именно тут. Я наломал стеклянных веток и воткнул их в розовый грунт, напоминавший загустевшую замазку, выстроил вокруг себя палисадник высотой мне по плечо, смотал Фракира с запястья, сделал ему необходимые указания и поместил его на гребень моей сверкающей горы. Фракир удлинился, вытянувшись в тонкую нить, обвиваясь вокруг стеклообразных крючков. Я чувствовал себя в безопасности. Потому что не верил, что какое-либо существо сможет пересечь барьер и Фракир не прыгнет на него и не обхватит его своей смертельной хваткой. Я расстелил плащ, лег на него и заснул. Как долго я спал, не знаю. И не помню, снилось ли мне что-нибудь. Ничто не потревожило мой сон. Когда я проснулся, то стал вертеть головой, восстанавливая ориентировку, но со всех сторон вид был одним и тем же. Меня окружали переплетенные кристаллические ветви. Я медленно поднялся, привстал и попробовал окружающую меня стену на прочность. Крепко. И тут я заметил, что моя защитная стена превратилась в стеклянную клетку. Хотя мне и удалось отломить часть ветвей поменьше,

они были, в основном, сверху, и ничем не могли мне помочь освободиться. Те осколки, которые я первоначально посадил в грунт, стали заметно толще и явно пустили крепкие корни. Они не поддавались даже под моими самыми яростными ударами сапога. Чертовское невезение вывело меня из себя. Я взмахнул мечом, и стеклянные осколки брызнули во все стороны. Прикрыв лицо плащом, я проделал это еще несколько раз. Потом заметил, что рука стала мокрой. По ней струилась кровь — осколки были очень острыми. Я отложил меч и вновь принялся пинать стены своей клетки. Они трещали, звенели, но не поддавались. Обычно я клаустрофобией не страдаю, и жизни моей непосредственная опасность тоже не грозила, но что-то в этой сверкающей тюрьме меня раздражало до такой степени, что это совершенно не соответствовало данной ситуации. Я разъяренно сражался со стеной минут десять, и только потом стал думать. Рассмотрев переплетение веток, я заметил среди них нить Фракира и, коснувшись его кончиками пальцев, прошептал приказ. Нить разгорелась, пробежала все цвета спектра и остановилась на оранжевом свечении. Несколько секунд спустя послышалось первое потрескивание. Я быстро отошел к

самому центру моей клетки, завернулся в плащ и так стоял, защищая голову руками и плащом. Потрескивание перешло в громкий треск, за которым последовало щелканье, стук, двойной звон ломающегося стекла. Меня неожиданно ударило осколком в плечо, но я устоял. Когда все стихло, оказалось, что я стою чуть ли не по колено в обломках ветвей, а крыша моей клетки исчезла. Некоторые из боковых стволов этого твердого, похожего на коралл вещества, раскололись почти до самой земли. Остальные наклонились под неестественным углом. И на этот раз несколько хорошо нацеленных ударов ногой заставили их рухнуть на землю. Плащ мой был кое-где порван, и Фракир, обмотавший мою левую щиколотку, начал двигаться к своему постоянному месту жительства, на запястье. Под подошвами сапог хрустели стеклянные осколки, когда я покидал место своего неожиданного заключения. Отойдя в сторону, я отряхнулся и зашагал дальше. Только через полчаса, когда моя стеклянная тюрьма осталась далеко позади, я остановился позавтракать в горячей долине, где слабо пахло серой. Я уже заканчивал свой завтрак, когда послышались хруст и стук. Рогатое, вооруженное бивнями существо мчалось по гребню долины справа

от меня, преследуемое безголовым оранжевым созданием с длинными когтями и раздвоенным заостренным хвостом. Оба они выли, но как-то вразнобой. Я сморщился. Одна неприятность за другой, только и всего.

Я преодолевал охваченные жестоким морозом страны, потом проходил через пылающие края под диким или безмятежным небом. Наконец, несколько часов спустя, показалась цепочка невысоких темных холмов на фоне струящегося над ними полярного сияния. Вот оно. Оставалось только пройти туда и тогда за самым последним и трудным препятствием можно будет увидеть свою цель. Я двинулся вперед. Нужно поскорее закончить это дело и взяться за более важные. Когда все будет кончено, я вернусь в Амбер прямо через Карту. Это легче, чем идти обратно по собственному следу. К сожалению, попасть с помощью Карты сюда я не мог, потому что такую Карту было невозможно создать. Так как я бежал медленно, то сначала подумал, будто мне только почудилось, что земля чуть-чуть дрожит под ногами. Но вот вокруг меня сами по себе стали перекатываться с места на место небольшие камешки. Чего мне только не удалось преодолеть до сих пор? Как будто странная моя Немезида,

пунктуально двигая пальцем вдоль списка, сейчас подошла к пункту: «ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ». Ну, ладно. По крайней мере, поблизости не было ничего высокого, что могло бы на меня рухнуть.

— Радуйся, радуйся, сукин сын! — закричал я. — Очень скоро тебе будет вовсе не смешно, я тебе обещаю!

Точно в ответ, сотрясения стали яростнее, и мне пришлось остановиться, не то я был бы брошен на землю. Прямо на моих глазах грунт в некоторых местах начал резко опускаться, а в других кребиться. Я быстро огляделся, пытаясь определить, что мне делать — отступать, наступать, или оставаться на месте. В земле стали появляться трещины, пока еще маленькие, и я слышал натужный, скребущий звук. Земля подо мной вдруг ушла вниз примерно дюймов на шесть, и ближайшая щель стала шире. Я повернулся и быстро побежал в ту сторону, откуда пришел. Там грунт казался более устойчивым. Видимо, это было ошибкой. Земля содрогнулась особенно сильно, меня сбило с ног, и я увидел, как широкая щель появилась совсем рядом со мной — на расстоянии вытянутой руки. Я вскочил, перепрыгнул ее, споткнулся, упал, снова вскочил и увидел новую трещину, которая раскрывала свою бездонную

пасть еще стремительней, чем прежняя. Я падал, поднимался, перепрыгивал через щели. Равнина стала, словно палуба корабля в жестокий шторм. Повсюду черными молниями змеились трещины. И качающаяся земля с каждым новым содроганием открывала их все шире под аккомпанемент каких-то ужасных стонов. Огромные глыбы одна за другой обрушивались в пропасть. И небольшой остров, на котором я стоял, тоже готовился к погружению. Я прыгнул еще раз, пытаясь добраться до относительно спокойной зоны. Но мне это не удалось. Нога моя соскользнула, я полетел было в бездну, но, к счастью, успел ухватиться рукой за выступ. Некоторое время я висел, раскачиваясь, над бездонным провалом, потом начал медленно подтягиваться. Выступ под моими руками крошился. Нащупывая новую опору, я вонзил в него скрюченные пальцы. И опять повис, кашляя и ругаясь. Мои попытки опереться ногой о глинистую стену пропасти, кажется, увенчались успехом. Земля немного поддалась, и я поглубже вонзил носки своих сапог в рыхлую глину. Моргая засыпанными пылью глазами, я почувствовал, как Фракир переползает с моей кисти на стену провала. В надежде отыскать достаточно прочную зацепку и послужить мне якорем, он образовал

на своем конце небольшую петлю. Но напрасно — опоры не было. Левая рука соскользнула снова. Я повис на правой, но земля посыпалась и под ней. Сквозь слезы в засыпанных пылью глазах я вдруг увидел над собой какой-то темный силуэт, почти тень. Правая рука в этот миг сорвалась, и я оттолкнулся от стены ногами, чтобы ухватиться за край пропасти и попытаться удержаться в последний раз. Едва мои руки взметнулись вверх, как чьи-то, пальцы обхватили правое запястье. Секунду спустя к одной руке присоединилась и вторая, и меня быстро и очень легко потащили вверх. Я перевалился через край обрыва, и тут же попытался вскочить, протирая запорошенные землей глаза.

— Как, это ты?

Он был одет в зеленое, и меч, вероятно, не доставлял ему таких неудобств, как мне, — довольно внушительных размеров ножны висели у него на боку. Похоже, заплечным мешком ему служил свернутый плащ, а застежку он носил, как украшение, на левой стороне груди — тонкая вещица, какая-то золотая птица.

— Сюда, — показал он, поворачиваясь, и я поспешил за ним.

Он повел меня по касательной к маршруту, по

которому я вошел в долину. Назад и влево. Чем дальше, тем устойчивее становилась под нашими ногами земля. Наконец, мы взобрались на высокий холм, который, кажется, был совершенно вне зоны тектонических возмущений. Здесь мы остановились и бросили взгляд назад.

— **Не подходите ближе!** — прогудел оттуда мощный голос.

— Спасибо, Люк, — сказал я, переводя дыхание. — Не понимаю, каким образом ты очутился здесь, и почему…

Он поднял руку:

— Сейчас я хочу знать одно — произнес он, поглаживая короткую бородку, и я увидел у него на пальце кольцо с голубым камнем.

— Что именно? Говори.

— Каким образом у того, кто сейчас обратился к нам, твой голос?

— Проклятье, ведь он мне с самого начала показался знакомым!

— Это ты брось! — возмутился Люк. — Ты точно знаешь. Каждый раз, когда тебе грозит опасность и он предупреждает тебя — не двигайся дальше! — то делает это твоим собственным голосом… как эхо!

— А ты давно идешь за мной?

— Довольно давно.

— А те бестии у расщелины, где я устроил лагерь…

— Да, это я избавил тебя от неприятностей. Так куда ты направляешься и кто с нами разговаривал?

— Пока что у меня есть только подозрения относительно того, что происходит. И вообще, это долгая история. Но ответ должен находиться вот за этой грядой холмов.

Я показал в сторону зарниц. Люк посмотрел туда, потом кивнул.

— Тогда вперед, — сказал он.

— Но землетрясение там в полном разгаре, — заметил я.

— Оно, кажется, ограничено этой долиной. Мы можем спокойно обойти ее стороной.

— И повстречать на своем пути еще какую-нибудь катастрофу.

Он покачал головой:

— Создается впечатление, что тот, кто старается остановить тебя, вынужден накапливать силы заново перед каждой новой попыткой. Так?

— Да, но эти попытки учащаются. И с каждым разом становятся все более зрелищными.

— Потому что мы все ближе приближаемся к

их источнику? — поинтересовался Люк.

— Возможно.

— Тогда поспешим.

Мы спустились по противоположному склону холма, затем поднялись на другой. И вновь спустились с него. Толчки к этому времени утихли, земля только изредка подрагивала у нас под ногами, а вскоре и вовсе успокоилась. Мы пробрались в другую долину, которая некоторое время уводила нас далеко вправо, потом плавно изогнулась, повернула к бесплодным голым холмам и опять устремилась в сторону нашей цели, где плясали молнии, а фиолетовое небо разрезала низко висевшая белая облакоподобная граница. Никаких новых опасностей нам пока не предлагалось.

— Люк, — спросил я некоторое время погодя, — а что случилось на той горе ночью, в Нью-Мексико?

— Мне пришлось быстро сматываться.

— А тело Дона Мартинеса?

— Я взял его с собой.

— Зачем?

— Мне не захотелось оставлять улики на виду у прохожих.

— Но это ведь на самом деле ничего не объясняет.

— Знаю — проронил он и перешел на медленный бег.

Я побежал рядом с ним.

— И ты знаешь, кто я такой?

— Да.

— Откуда?

— Не сейчас, — сказал он. — Поговорим потом.

Он ускорил бег. Я сделал то же самое.

— А почему ты следил за мной?

— Я ведь спас твою шкуру, разве не так?

— Да, и я тебе благодарен. Но ты не ответил на главный вопрос.

— Бежим наперегонки, до того косого камня, — предложил он и помчался изо всех сил.

Я тоже бросился бежать и догнал его. Но, как ни старался, не мог вырваться вперед. При таком беге задавать вопросы и отвечать на них слишком тяжело, и мы молчали. Я заставил себя увеличить скорость. Он сделал то же самое, держась со мной наравне. Наклонившаяся скала была еще далеко. Мы бежали бок о бок, и я сохранял силы для финишного броска. Может, это просто ненормально, но мы так часто бегали с Люком наперегонки… Сейчас это была почти что привычка. А, может, и старое любопытство — стал ли он бегать быстрее хоть чуть-чуть? Или я — медленнее? Руки мои

работали, как поршни, ноги гулко топали. Я взял дыхание под контроль, наладил нужный мне ритм. И вырвался немного вперед, но Люк ничего не предпринял в ответ. Камень вдруг оказался гораздо ближе, чем казалось раньше. Мы бежали так с полминуты, потом Люк точно вырвался на волю из клетки. Он сразу обошел меня. Так, пора поддать жару. Я заставил ноги переступать еще быстрее. Кровь грохотала в ушах. Я со всхлипом втянул воздух и вложил в бег все свои силы. Расстояние между нами стало сокращаться. Наклонно стоящая скала становилась все ближе… Я успел поравняться с Люком до того, как мы подошли к финишу, но, несмотря на все усилия, так и не смог его обойти. Бок о бок мы пронеслись мимо камня и вместе рухнули на землю.

— Фотофиниш, — выдохнул я.

— Придется записать ничью, — тяжело дыша, сказал Люк. — Ты всегда меня удивлял — в самом конце.

Я вытащил бутылку с водой и передал ему. Он прополоскал рот и отдал бутылку обратно. Постепенно мы ее опустошили, по глотку, раз за разом.

— Проклятье! — буркнул Люк, медленно поднимаясь на ноги. — Посмотрим, что за этими

холмами.

Я встал и подошел к нему.

Когда мне удалось наладить дыхание, я сказал ему:

— Похоже, ты знаешь обо мне чертовски много, а я о тебе ничего.

— Может и так, — не стал спорить Люк. — И лучше было бы, если было бы по-другому, я уверен в этом.

— В смысле?

— Не сейчас, — ответил он той же фразой. — Потом. Ведь невозможно прочесть «Войну и мир» за обеденный перерыв.

— Не понимаю.

— Время. Времени всегда или слишком много или не хватает. Именно сейчас у нас его нет.

— Я совершенно запутался.

— Если бы…

Холмы были уже близко, и земля под нами стала устойчивее. Мы продолжали методично продвигаться вперед.

Я вспомнил предположения Рэндома, Билла и Мег Девлин. Я также подумал о странном патроне, найденном в куртке Люка.

— Там, куда мы идем, — произнес Люк, прежде чем я успел сформулировать собственный во-

прос. — Там «Колесо-призрак», верно?

— Да.

Он засмеялся.

— Выходит, там, в Санта-Фе, ты говорил правду. Для твоей машины, в самом деле, требуется особая окружающая среда. Ты только не сказал мне, что отыскал подходящее место и все-таки построил «Колесо».

Я кивнул и спросил:

— А как с твоими планами основания некоей компаний?

— Это я придумал, чтобы разговорить тебя.

— А Дон Мартинес и то, что он говорил?

— Не знаю. Я и в самом деле не знаю его. И я по-прежнему не знаю, чего он хотел и почему стрелял в нас.

— Люк, чего ты, собственно, хочешь?

— Сейчас я хочу посмотреть на твою чертову машину. То, что ты построил ее у черта на куличках, придает ей какие-то особые свойства?

— Да.

— А именно?

— А именно такие, о которых я не подозревал — к сожалению.

— Назови хотя бы одно.

— Извини, сказал я, — но ответы и вопросы

— игра для двоих, а не для одного.

— Эй! Я ведь только что вытащил тебя из дырки в земле.

— Как я понимаю, именно ты пытался прикончить меня несколько лет подряд в день тридцатого апреля.

— Но не в последнее время, — возразил Люк. — Честно!

— Значит, ты и в самом деле пытался?

— Ну… да. Но у меня были основания. Это долгая история и…

— Боже мой, Люк! Что я тебе такого сделал?

— Все не так просто, — отозвался он.

Мы подошли к подножию ближайшего холма и начали на него взбираться.

— Дальше не надо, — решительно произнес я. — На ту сторону нам не пройти.

Он замер:

— Ты шутишь?

Я покачал головой.

— Почему? — удивился он.

— В тридцати или сорока футах кончается атмосфера. И с той стороны гораздо хуже, — добавил я. — Нам необходимо найти проход. Дальше влево должен быть такой.

Я повернулся и направился в ту сторону. Вскоре

я услышал позади шаги.

— Значит, ты придал ей свой голос, — спросил Люк.

— Значит.

— Значит, я вижу, чего ты хотел и что тут происходило. В этом сумасшедшем тайнике машина обрела у тебя сознание. Она вышла из-под твоего контроля, и теперь ты хочешь ее отключить. Она это знает, и у нее имеются возможности помешать тебе. Вот кто старался прикончить тебя или заставить повернуть назад — твое «Колесо-призрак». Верно?

— Возможно.

— Почему же ты просто не использовал Карту?

— Для места, которое находится постоянно в процессе трансформации, невозможно сделать Карту. И вообще, что ты знаешь о Картах?

— Достаточно много.

Я заметил впереди проход, тот самый, который искал.

Перед самым входом я остановился.

— Люк, — сказал я ему, — не знаю, чего ты хочешь, зачем и как попал сюда, а ты, похоже, не спешишь мне рассказать об этом. Поэтому я кое-что расскажу тебе сам, бесплатно. Дальше нас ждет очень опасный путь. Вероятно, тебе

стоило бы вернуться туда, откуда ты заявился, и оставить это дело для меня одного. Нет смысла подвергать себя опасности.

— Мне кажется, что смысл есть, — не согласился Люк. — К тому же, я могу тебе пригодиться.

— Каким образом?

Он пожал плечами.

— Пошли дальше, Мерлин. Я хочу видеть ее своими глазами.

— Ладно. Если ты настаиваешь, я не возражаю.

И я повел его узким проходом в расколовшейся стене.

10

Проход был погружен в полумрак и местами очень узок. И пока мы шли, становилось все холоднее. Через некоторое время мы оказались на скальном карнизе, выходившем к дымящейся яме. В воздухе воняло чем-то вроде аммиака. Ноги у меня замерзли, а лицо пылало. Как и всегда. Я с усилием мигнул несколько раз, изучая, новейшие очертания Лабиринта, проступающие через колышущийся туман. Над всем пространством повисла жемчужная пелена. Сквозь полумрак сверкали оранжевые вспышки.

— Где, где же она? — нетерпеливо дергал меня Люк.

Я указал прямо вперед, туда, где только что произошла вспышка.

— Вот там — ответил я.

Как раз в этот момент туман унесло прочь, и мы увидели несколько рядов мрачных гребней, разделенных черными впадинами. Гребни эти зигзагами уходили к острову, напоминающему крепость, окруженному низкой стеной, за которой виднелось несколько металлических конструкций.

— Лабиринт, — заметил Люк. — Мы пойдем внизу или по гребню стен?

Я улыбнулся:

— По-разному. Иногда внизу, иногда поверху.

— Ну, как мы поступим сейчас? Куда пойдем?

— Еще не знаю. Мне каждый раз нужно время, чтобы заново его изучить. Видишь ли, он постоянно меняется, и тут есть свои маленькие фокусы.

— Фокусы?

— Да, несколько. Вся эта чертова перечница плавает в океане жидкого гелия и водорода. Вокруг нее перемещается Лабиринт. Каждый раз он другой. Кроме того, надо помнить об атмосфере. Если пойти прямо по гребням, то местами окажешься за ее пределами. И долго не продержишься, задохнешься. Температура также колеблется от страшной жары до ужасного холода. Нужно знать, когда ползти, когда карабкаться, когда делать что-то еще… а также, а какую сторону идти.

— А как же ты это определяешь?

— Но-но-но, — помахал я пальцем. — Я беру тебя с собой, но секрета тебе не открою.

Туман вновь начал подниматься из глубины впадин, собираясь в маленькие облачка.

— Теперь я понимаю, почему нельзя изготовить

для этого места Карту, — вздохнул Люк.

Я продолжал изучать ландшафт.

— Ладно, — пробормотал я немного погодя. — Сюда.

— А что, если она на нас нападет, пока мы в Лабиринте? — опросил он.

— Можешь остаться здесь, если хочешь.

— Нет. Ты в самом деле решил ее выключить?

— Еще не знаю. Пошли.

Я сделал несколько шагов вперед и вправо. Надо мной в воздухе возник слабый световой круг. Потом он стал ярче. Я ощутил руку Люка на плече.

— Что…

— **Ни шагу дальше!** — произнес вдруг голос, в котором я узнал свой собственный.

— Я думаю, мы можем договориться, — быстро начал я — У меня есть идея, и я…

— **Нет!** — ответил Призрак. — **Я слышал слова Рэндома**.

— Я готов не подчиниться его приказу, — заявил я, — если ты предложишь лучший вариант.

— **Ты хочешь провести меня. Хочешь меня выключить**.

— Этой демонстрацией силы ты только усугубляешь свое положение, — произнес я. — Сейчас

я пройду и…

— **Нет!**

Из круга ударил могучий порыв ветра. Я покачнулся, и увидел, что мой рукав стал коричневым, потом оранжевым. Прямо на моих глазах рукав начал рассыпаться в прах.

— Что ты делаешь? Мне необходимо с тобой поговорить, объяснить тебе…

— **Не здесь! Не сейчас! Никогда!**

Меня бросило на Люка, тот поймал меня, упав на колено. Нас ударило арктическим порывом ветра, перед глазами затанцевали искры льда. Засверкали едва не ослепившие меня яркие цвета.

— Стой! — крикнул я, но меня никто не послушался.

Земля словно накренилась у нас под ногами, но я не чувствовал, чтобы мы куда-то падали. Скорее, казалось, что мы зависли в световом буране.

— Стой! — крикнул я еще раз, но слова мои были унесены вихрем.

Световой круг исчез, словно удаляясь по туннелю, но я понял, благодаря сенсорной перегрузке, что это мы с Люком удаляемся от света, что это нас отбросило на расстояние в половину толщины холма. Вокруг нас не было ничего твердого, на что можно было бы опереться или использовать как

ориентир. Послышалось слабое жужжание. Оно перешло в гудение, потом в глухой рев. Вдалеке, мне показалось, небольшой паровоз атаковал склон холма под невозможным углом, потом я отскочил в сторону, так как мимо нас стремительно пронеслась парковая скамья, на которой сидела голубокожая женщина, побелевшими руками вцепившаяся в скамью, лицо ее выражало ужас. Я с поспешностью отчаяния полез в карман, зная и понимая, что мы можем быть уничтожены в любой момент.

— Что это? — прокричал Люк мне в ухо, едва не вывихнув мне руку, за которую он отчаянно цеплялся.

— Буря в Отражениях! — закричал я в ответ. — Держись!

Ветер бросил мне в лицо какого-то зверька, потом унес его дальше, лишь на левой щеке остался влажный след. Потом что-то ударило меня в ногу. Мимо нас проплыл перевернутый горный хребет, корчась в предсмертных судорогах. Рев усилился. Свет, окружающий нас, запульсировал, закружился цветными лентами… Я услышал крик Люка, точно его ударили, но не мог повернуться, чтобы помочь ему. Мы пересекли район молниеподобных вспышек. Волосы у меня на голове

встали дыбом, а по коже побежали мурашки. Я нащупал в кармане Колоду Карт и вытащил ее. В этот миг нас начало вращать, и я испугался, что вихрь вырвет у меня из рук Карты. Я крепко сжимал их, не решаясь тасовать, чтобы найти нужную. Потом медленно, осторожно, поднял их к глазам. Та, которая лежала сверху, должна была стать нашим спасением. Вокруг нас, источая ядовитый дым, набухали и лопались темные пузыри. Подняв руку, я обнаружил, что кожа на ней стала серой, искрясь флюоресцентными разводами. Рука Люка, сжимающая мою, казалась рукой мертвеца, и когда я глянул на него, мне ответила ухмылкой мертвая голова. Я отвернулся, вновь сосредоточив все свое внимание на Карте. Мне трудно было сфокусировать взгляд сквозь окутывающую нас серую пелену, сквозь странное искажение перспективы. Но, наконец, я смог четко рассмотреть Карту. Это был кусочек покрытого травой берега, который я уже когда-то видел — как давно это было? — окруженный неподвижной водой, и край чего-то хрустального справа. Я держал Карту в зоне внимания. Люк пытался что-то сказать мне, но я не мог разобрать ни слова. Я продолжал рассматривать Карту, и постепенно она стала проясняться. Но слишком медленно.

Что-то сильно ударило меня в бок. Я заставил себя не отвлекаться и продолжал концентрировать внимание. Наконец, изображение на Карте как будто поползло мне навстречу, стало больше. Я ощутил знакомый холодок, когда изображение снова поглотило меня, а я — его. Почти элегическая тишина стояла над этим озером. Я упал лицом на траву. Сердце мое билось, как паровой молот, бока ходили ходуном, ребра болели. Я еле дышал, а чувство проносящегося мимо мира еще не полностью оставило меня — как шоссе, которое видишь с закрытыми глазами после целого дня утомительной дороги в машине. И, чувствуя сладкий запах воды, я потерял сознание.

Я смутно ощутил, что меня куда-то волокут, несут, потом помогают идти самостоятельно. Затем последовал провал в полное беспамятство, которое перешло в глубокий сон.

… Я шел по улицам разрушенного Амбера под низко опустившимся небом. Хромой ангел с огненным мечом промчался высоко надо мной, нанося удары. Там, где ударял меч, поднимались дым, пыль и пламя. Нимбом ангелу служило мое «Колесо-призрак», напускавшее могучий поток ужасного ветра, темной искристой пеленой лившегося мимо лица ангела, сеющего беспо-

рядок и разрушение всюду, где касался земли. Дворец наполовину разрушен, и неподалеку стояли виселицы, на которых раскачивались мои родственники. В одной руке у меня был меч, с запястья другой свисал Фракир. Я взбирался наверх, приближаясь к месту битвы с черной Немезидой. Пока я взбирался по каменистому пути, меня охватило жуткое чувство, словно поражение мое было неминуемо, словно оно было предопределено. Но даже если так, решил я, тварь уползет отсюда с ранами, которые ей долго придется зализывать. Чудовище заметило меня, когда я был уже близко, и развернулось в мою сторону. Лицо его было все еще скрыто, но оно уже подняло меч. Я бросился вперед, сожалея только о том, что не было времени отравить лезвие моего меча. Я дважды описал им круг, ушел от удара, и ударил врага куда-то в левое колено. Последовала вспышка света, и я начал падать, а вокруг меня летели языки огня, точно огненные хлопья снега в тумане. Я падал целую вечность и, наконец, опустился спиной на плоский камень, расчерченный, словно солнечные часы, едва не надевшись на большой острый штырь, торчащий в центре циферблата — и даже это мне казалось сумасшествием. Во Дворе Хаоса не было никаких

солнечных часов, потому что там не было солнца. Я находился на краю Двора, у высокой черной башни, и понял, что не могу не то что встать, а даже двинуться. Надо мной, на низком балконе, стояла моя мать, Дара, глядя на меня вниз в своей ужасающей красоте и власти.

— Мать! — крикнул я. — Освободи меня!

— Я послала тебе на помощь, — ответила она.

— А что с Амбером?

— Не знаю.

— А где мой отец?

— Не говори со мной о мертвых.

Неожиданно на меня, словно жало, медленно начало опускаться острие.

— Помоги! — крикнул я. — Скорее.

— Где ты? — закричала мать, оглядываясь по сторонам и ища меня глазами повсюду. — Куда ты пропал?

— Я здесь! — надрывался я.

— Где?

Я ощутил, что острие коснулось моей шеи.

Плечи мои опирались на что-то неподатливое, ноги были вытянуты. Кто-то сжимал мое плечо, чья-то рука коснулась шеи.

— Мерль, с тобой все в порядке? Хочешь пить? — спросил знакомый голос.

Я глубоко вздохнул и открыл глаза. Свет был голубым, и мир полон углов и линий. Перед моим лицом возник черпак с водой.

— Вот, — услышал я голос Люка.

Я выпил всю воду.

— Хочешь еще?

— Да.

— Погоди.

Я услышал шорох его шагов, он ушел. Я смотрел прямо перед собой на освещенную рассеянным светом стену в шести или семи футах от меня. Затем провел ладонью по лбу. Улыбаясь, возвратился Люк и протянул мне черпак. Я осушил его.

— Еще? — спросил он.

— Нет. В чем дело? Где мы?

— В пещере… большой и удобной пещере.

— А где ты взял воду?

— В соседней каверне, наверху, — он показал рукой. — Там ее хватит. И полно еды. Хочешь есть?

— Пока нет. А как ты?

— Несколько синяков, — ответил Люк. — Но, в общем, жив. У тебя, кажется, сломанных костей нет, а порез на щеке уже подсох.

— Это уже кое-что, — обрадовался я.

Я медленно поднялся на ноги. Остатки сна

развеялись, когда я встал. Тут я увидел, что Люк повернулся и уходит, и автоматически сделал за ним несколько шагов, пока мне в голову не пришло спросить:

— Ты куда?

— Туда, — рукой, в которой был пустой черпак, он показал куда-то вперед.

Я прошел вслед за ним сквозь отверстие в стене в соседнюю пещеру, бывшую не больше моей старой гостиной. Здесь было холодно. Вдоль одной стены стояли несколько больших деревянных бочек, и Люк повесил черпак на край ближайшей. Вдоль другой выстроились картонные ящики и мешки.

— Консервы, — сообщил Люк. — Фрукты, овощи, ветчина, рыба, бисквиты, сладости. Несколько ящиков вина. Походная печка. И топливо к ней. Есть даже несколько бутылок коньяку.

Он повернулся и быстро прошел мимо меня в большой зал.

— А теперь куда? — спросил я.

Но он не ответил. Мне пришлось поторопиться, чтобы не потерять его из виду. Мы миновали несколько ответвлений, коридоров, проемов. Наконец, он остановился у очередного отверстия, кивнув в его сторону.

— Здесь латрина. Просто дыра и несколько досок под ней. И лучше иметь над ней такое отверстие, скажу я тебе.

— Что все это значит? — изумился я.

Люк поднял руку:

— Через минуту ты все поймешь. Сюда.

Он завернул за угол и исчез. Полностью потеряв ориентацию, я двинулся в том же направлении. Но после нескольких поворотов понял, что совершенно заблудился. Люка нигде не было видно. Я остановился и прислушался. Ни звука, не считая моего неровного дыхания.

— Люк, где ты? — позвал я.

— Тут, наверху, — откликнулся он.

Голос его доносился откуда-то сверху и справа от меня. Я нырнул под низкую арку и оказался в ярко-голубой камере из того же кристаллического вещества, что и все остальное в этом месте. Свет падал через небольшое отверстие в крыше, примерно в восьми футах надо мной.

— Отзовись, Люк! — снова позвал я.

— Я здесь, — донесся его голос.

Я встал точно под отверстием, прищурившись от яркого света. Пришлось прикрыть глаза ладонью, словно козырьком. В свете, который мог быть светом раннего утра или вечера, голова

Люка и короне медных волос парила надо мной в дыре. Он опять улыбался мне.

— Это, как я понял, выход наружу, — произнес я.

— Для меня, — заметил Люк.

— Что ты хочешь этим сказать?

Послышался скребущий звук, и отверстие частично закрыл край большого валуна.

— Что ты делаешь?

— Передвигаю камень, чтобы можно было быстро закрыть отверстие, — объяснил он. — А потом вставить несколько клиньев.

— Зачем?

— Оставить проход для воздуха, чтобы ты не задохнулся.

— Великолепно! А почему я все-таки здесь?

— Давай не будем устраивать семинар по философии, — улыбнулся Люк.

— Люк, черт побери! Что происходит!?

— Неужели тебе не ясно, что я взял тебя в плен? Теперь ты узник. Между прочим, голубой кристалл блокирует любое сообщение через Карту. А также лишает тебя всех способностей по черной и белой магии, если это зависит от объектов, расположенных за пределами этих стен. Ты мне нужен пока что живой, но без клыков, и в таком

месте, где я легко смогу до тебя добраться, если это надо будет сделать срочно.

Я осмотрел отверстие и соседние стены.

— Не вздумай, — предупредил он. — У меня более выгодное положение.

— Тебе не кажется, что ты должен хотя бы объяснить мне все?

Он взглянул на меня и кивнул.

— Мне нужно вернуться, — заявил он, наконец. — Я попробую взять «Колесо-призрак» под контроль. Будут какие-то предложения или нет?

Я расхохотался.

— Я с ним сейчас не в самых лучших отношениях. Боюсь, что ничем не смогу тебе помочь.

Он понимающе кивнул.

— Но я должен выяснить, что я смогу сделать. Боже, какое оружие! Если я не сумею справиться с ним, то приду одолжить у тебя идейку, как можно это сделать. А ты пока обмозгуй это, ладно?

— Я о многом подумаю, Люк. И не все мои мысли придутся тебе по вкусу.

— Ты ничего не сможешь предпринять в нынешнем твоем положении.

— Пока! — буркнул я.

Он стал задвигать отверстие валуном.

— Люк! — крикнул я.

Он остановился, внимательно на меня посмотрел, и на его лице появилось выражение, которого я никогда у него не видел.

— На самом деле это не мое имя, — сообщил он минуту спустя.

— Как же тебя зовут?

— Я твой двоюродный брат Ринальдо, — медленно произнес он. — Я убил Каина и едва не прикончил Блейза. И, к сожалению, не смог как следует кинуть бомбу на похоронах, кто-то заметил меня. С помощью ли «Колеса-призрака» или без него — я уничтожу дом Амбера. Но мне будет гораздо легче, если в моих руках окажется непреоборимая сила твоего изобретения.

— Какая оса укусила тебя, Люк? То есть, Ринальдо. В чем дело? Почему вендетта?

— Я начал с Каина, — продолжал он, — потому что именно он убил моего отца.

— Я… не знал, — мне в глаза бросилась застежка в виде феникса у него на груди. — Я не знал, что у Бранда был сын.

— Теперь будешь знать, старый приятель. Вот почему я не могу сейчас отпустить тебя и, чтобы ты не смог предупредить остальных, вынужден держать тебя в такой темнице.

— Все равно у тебя из этой затеи ничего не

выйдет.

Он немного помолчал, потом пожал плечами:

— Победа или поражение, но я должен попытаться.

— Но почему тридцатое апреля? — внезапно вспомнил я. — Объясни мне, пожалуйста.

Он в последний раз навалился на валун.

— Это день, когда я узнал о смерти отца.

Валун встал на предназначенное ему место, полностью заблокировав дыру. Послышались быстрые удары молотка.

— Люк!

Он не ответил. Я видел его тень сквозь полупрозрачный камень. Минуту спустя он выпрямился и исчез из виду. Я услышал цоканье его каблуков по камню снаружи.

— Ринальдо!

Он не ответил.

Я отсчитываю дни по тому, как темнеет и вновь светлеет голубой кристалл стен. Прошло уже больше месяца, как я оказался в тюрьме, хотя я не знаю, как течет здесь время по отношению к другим Отражениям. Я обошел все залы и каверны этой огромной пещеры, но не обнаружил выхода наружу. Карты мои тут бессильны. Магия для меня бесполезна, она ограничена стенами цвета

камня на перстне Люка-Ринальдо. Мне начинает казаться, что побег в виде безумия лучше, чем вот такое заключение, но мой разум не покоряется этой слабости. Слишком много загадок не дают мне покоя. Мартинес, Мег Девлин и моя Озерная Леди… Но почему? И почему все эти годы он был в моей компании — Люк-Ринальдо, мой враг? Я должен разыскать способ предупредить остальных. Если ему удастся натравить на них «Колесо-призрак», тогда мечта Бранда — кошмар отмщения — будет приведена в исполнение и станет реальностью. Теперь я понимаю, что совершил множество ошибок… Прости меня, Джулия… Я снова и снова буду мерить мою темницу шагами. Должна же быть прореха в этой голубоватой логике, окружающей меня. Логике, против которой я швыряю свой разум, свои крики, свой горький смех. Вниз по коридору, вверх по туннелю. Повсюду голубизна, со всех сторон голубой цвет. И Отражения мне не в силах помочь. Тут нет отражений. Я Мерлин Узник, сын Корвина Исчезнувшего и моя светлая мечта оказалась обращенной против меня самого. Я брожу по своей голубой тюрьме, как призрак, и думаю об одном и том же. Я не могу позволить, чтобы все кончилось вот так. Что же придумать?

Может, какой-то туннель, или что-то другое, что вызволит меня из плена?

Кровь Амбера

Восемь лет моя жизнь была относительно милой, не считая тридцатого апреля, когда кто-то неизменно пытался меня прикончить. За исключением этой мелочи, моя академическая карьера с ее сосредоточенностью на кибернетике шла довольно гладко и четыре года работы в «Гранд-дизайн» принесли мне ценный опыт, позволивший применить полученные знания там, где мне это нравилось, пока я трудился на стороне над собственным проектом. У меня был верный друг Люк Гейнард, работавший на ту же фирму коммивояжером. Я плавал на своей небольшой яхте и регулярно бегал трусцой. И все это исчезло в то последнее тридцатое апреля, как раз тогда, когда я подумал, что дела пойдут на лад. Мой любимый проект Колесо-призрак был завершен. Я уволился с работы, упаковал свои вещички и приготовился переправиться в Отражения поновее. Недолго я задержался в городе лишь потому, что близился апрельский болезненно-завораживающий день, и на этот раз я намеревался выяснить, кто стоит за этими поку-

шениями на мою драгоценную жизнь и почему.

Тем утром во время завтрака появился Люк с сообщением от моей бывшей подружки Джулии Барнес. Ее записка гласила, что она вновь хочет увидеться со мной. Поэтому я и завернул к ней домой, где обнаружил ее мертвой, совершенно очевидно убитой тем же собакообразным зверем, который затем накинулся на меня. Я сумел уничтожить эту тварь. Быстрый осмотр квартиры, перед тем как я спешно покинул место происшествия, выявил тонкую колоду странных игральных карт, которые я прихватил с собой. Они слишком походили на магические Карты Амбера и Хаоса, чтобы такой колдун, как я, не заинтересовался ими. Да, я колдун. Я Мерлин, сын Корвина из Амбера, известный местным друзьям и знакомым как Мерль Кори, способный, обаятельный, остроумный и физически крепкий. Хотите знать подробности, читайте Кастильоне и лорда Байрона, так как я, к тому же, человек скромный, ненавязчивый и сдержанный. Карты оказались поистине магическими, и в этом не было ничего удивительного, ибо вскоре я узнал, что Джулия после нашего разрыва общалась с оккультистом по имени Виктор Мелман. Визит в студию этого джентльмена окончился его попыткой

прикончить меня ритуальным обсидиановым кинжалом. Я сумел освободиться от магического заговора и немного допросить его перед тем, как местные условия и мой энтузиазм привели его к смерти. Вот вам и ритуальное заклинание. От него я узнал достаточно, чтобы понять — он был только орудием. К этой попытке жертвоприношения его подтолкнул кто-то другой, и вполне возможно, что это лицо-инкогнито также в ответе за смерть Джулии и за мою коллекцию памятных дней тридцатого апреля. Однако у меня не оказалось достаточно времени для размышления об этих делах, потому что вскоре после этого меня укусила (да, укусила!) привлекательная рыжая женщина, материализовавшаяся в квартире Мелмана после моего короткого разговора с ней, в котором я попытался прикинуться Мелманом. Ее укус парализовал меня, но прежде, чем яд оказал полное действие, я сумел отбыть, применив одну из магических Карт, найденных в квартире Джулии. Она перенесла меня под взор Сфинкса, и тот разрешил мне прийти в себя, чтобы иметь возможность поиграть в ту глупую игру в загадки, которую так любят Сфинксы, ибо, когда ты проигрываешь, они тебя съедают. Могу сказать лишь одно — этот конкретный Сфинкс оказался

плохим игроком. Так или иначе, я вернулся на Тень-Землю, сделанную мною своим родным домом, и обнаружил, что, пока я отсутствовал, дом Мелмана сгорел. Я попытался дозвониться до Люка, так как хотел пообедать с ним, и узнал, что он выехал из отеля, точнее мотеля, где остановился, оставив мне сообщение, указывающее, что он отбыл по делу в Нью-Мексико, и объясняющее, где он там остановится. Портье также передал мне оставленное Люком кольцо с голубым камнем, и я захватил его с собой в надежде вернуть, когда увижусь со своим другом. Я вылетел в Нью-Мексико и, наконец, догнал Люка в Санта-Фе. Пока я поджидал его в баре, он в это время переодевался для обеда, ко мне пристал с вопросами человек по имени Дон Мартинес, намекнувший, что Люк предложил ему какую-то сделку, и он хотел удостовериться, что тот надежен и способен доставить товар. После обеда мы с Люком поехали в горы. Мартинес последовал за нами и открыл стрельбу, пока мы стояли и любовались ночными красотами. Вероятно, он решил, что Люк ненадежен, или не способен сделать то, что обещал. А затем произошло нечто более странное: Люк назвал меня по имени — моим настоящим именем, которое я ему не открывал, и

помянул имя моего родителя, велел мне садиться в машину и убираться отсюда к чертовой матери. Свои доводы он подкрепил выстрелами в землю у моих ног. Вопрос не казался открытым для обсуждения, и поэтому я отбыл. Заодно он посоветовал мне уничтожить эти странные Козыри, спасшие однажды мою жизнь. А по дороге в горы я неожиданно вспомнил, что он знал Виктора Мелмана. Далеко я не уехал. Остановившись за ближайшим поворотом, я вернулся пешком. Люк пропал. Исчезло также и тело Мартинеса. Люк не вернулся в гостиницу ни в ту ночь, ни на другой день, и поэтому я выписался и уехал. Единственным человеком, которому я вполне доверял, был Билл Рот. Он работал адвокатом, жил в штате Нью-Йорк, и в свое время крепко дружил с моим отцом. Я отправился навестить его, и рассказал ему всю историю. Билл еще больше заставил меня призадуматься о Люке. Люк, кстати, рослый, рыжий, прирожденный спортсмен с необычайной силой, и хотя мы много лет были друзьями, я, как подсказал Билл, почти ничего не знал о его прошлом. Около дома Билла крутился соседский парнишка по имени Джордж Хансен, задававший странные вопросы. И я получил возможность поговорить по телефону, отвечая на схожие

вопросы. У обоих спрашивающих, кажется, вызвало любопытство имя моей матери. Я сорвался и соврал, естественно. Тот факт, что моя мать принадлежала к темной аристократии Двора Хаоса, совершенно их не касался. Но звонивший разговаривал на моем языке, тари, что вызвало у меня достаточно любопытства для предложения встретиться вечером в баре местного пригородного клуба и обменяться информацией. Но дядя Рэндом отозвал меня домой, в Амбер, раньше, когда мы с Биллом прогуливались. Джордж Хансен, как выяснилось, следил за нами и попытался проскочить зайцем, пока мы перемещались через Тени реальности. Не скажу, что ему повезло, его ведь не приглашали. Я прихватил Билла с собой, так как не хотел оставлять его один на один со столь странно ведущим себя субъектом. От Рэндома я узнал, что другой мой дядя, Каин, умер от пули убийцы и что кто-то также пытался убить дядю Блейза, но лишь ранил его. Похороны Каина должны были состояться на следующий день. Я все-таки явился вечером в клуб на свидание, но моего таинственного собеседника нигде не было видно. Однако вечер не прошел зря, так как я познакомился с симпатичной леди по имени Мег Девлин, и одно привело к другому. Я проводил ее

домой, и мы решили узнать друг друга немного лучше. В тот момент, когда, по моим понятиям, ее мысли должно было занимать что угодно, но только не это, она спросила, как зовут мою мать. И поэтому я решил, какого черта, и все рассказал ей. Лишь позже мне пришло в голову, что именно она и могла быть тем самым человеком, с которым я отправился на встречу в баре. Нашу связь преждевременно прервал звонок из вестибюля, явился, якобы, муж Мег. Я поступил так, как поступил бы любой джентльмен — убрался побыстрее к чертовой матери. Тетя Фиона, тоже колдунья, но немного другого профиля, чем я, не одобрила моего свидания. И, очевидно еще меньше одобряла Люка, потому что после того, как я рассказал ей кое-что о нем, она поинтересовалась, нет ли у меня его фотографии. Я показал ей извлеченное из бумажника фото — групповой снимок, где присутствовал и Люк. Я мог бы поклясться, что она откуда-то знает его, хотя в этом и не призналась. И тот факт, что она и ее брат Блейз в ту же ночь исчезли из Амбера, казался более чем случайным совпадением. После этого темп развития событий еще более ускорился. На следующий день, сразу же после похоронной службы по Каину, была сделана грубая попытка

перебить с помощью брошенной бомбы большую часть нашего семейства. Несостоявшийся убийца сбежал. Позже Рэндома расстроила моя короткая демонстрация Колеса-призрака, моего любимого проекта, моего хобби, моего основного занятия во время четырех лет работы в «Гранд-дизайн». Колесо-призрак, это… ну, начиналось оно как компьютер, для работы которого требовались иные законы физики, нежели усвоенные мною в колледже. Для этого было необходимо то, что в народе называется магией. Но я нашел место, где его можно было соорудить и пустить в ход. Когда я покидал его, оно все еще самопрограммировалось. Казалось, Колесо-призрак стало разумным и, по-моему, напугало Рэндома. Он приказал мне пойти и отключить его. Мне эта идея не очень-то понравилась, но я подчинился.

При путешествии по Отражениям за мной следовали какие-то личности, я подвергался угрозам и даже нападениям. От пожара меня спасла одна старая дама, позже утонувшая в озере. Таинственный индивидуум защитил меня от злобных тварей, и он же спас меня от своеобразного землетрясения — и оказался не кем иным, как Люком. Он сопровождал меня до последнего барьера, до свидания с Колесом-призраком. Мое создание

было чуточку обижено на меня и изгнало нас посредством Теневой грозы, попасть в которую отнюдь не забавно с зонтиком или без него. От этой напасти я спас себя и друга с помощью одного из Козырей Смерти, как окрестил я странные карты из квартиры Джулии.

Закончилась история перед глубокой хрустальной пещерой, и Люк заманил меня в нее. Старый добрый Люк… Позаботившись о моих потребностях в дальнейшем, он заточил меня в нее. Когда он сообщил мне, кто он такой, я понял, почему так странно отреагировала Фиона на фотографию — он очень походил на своего отца. Люк оказался сыном Бранда, убийцы и предателя, чертовски близко подошедшего несколько лет назад к уничтожению королевства, а заодно с ним и остальной вселенной. К счастью, Каин прикончил его до того, как он осуществил свои зловещие планы. Как я узнал, именно Люк убил Каина, чтобы отомстить за отца. Как оказалось, известие о смерти своего отца Люк получил тридцатого апреля, и долгие годы имел оригинальную манеру отмечать годовщину этого события. Как и на Рэндома, на него тоже произвело впечатление мое Колесо-призрак, и он сообщил мне, что я буду оставаться его пленником, так как могу понадо-

биться ему на случай приобретения контроля над машиной, которая, как он считал, окажется идеальным оружием для окончательного и бесповоротного уничтожения остальных членов моей семьи. И вот он отправился проворачивать это нелегкое дело, а я почти сразу обнаружил, что мои магические способности аннулированы какими-то особыми свойствами этой пещеры, так что мне теперь не с кем было поговорить, кроме тебя, Фракир, а ведь тебе здесь некого, душить…

Не хочешь, ли ты послушать несколько тактов из сонаты «Над Радугой»?

1

После того, как лезвие раскололось на части, я отбросил рукоятку. Оружие оказалось бесполезным против голубой, словно море, стены, хотя я и пытался разрушить наименее толстый ее участок. У моих ног лежало несколько мелких обломков камня. Я поднял их и потер друг о друга. Это для меня не выход. А единственный выход, пожалуй, заключался в возвращении тем же путем, каким я попал сюда, а это-то как раз и не получалось. Я вернулся в квартиру — тот участок пещеры, где бросил спальный мешок. Присев на плотный коричневый спальник, откупорил бутылку вина и глотнул. Пока я бился со стенкой, порядком взмок. Неожиданно зашевелился Фракир на запястье, выполз на ладонь левой руки, обвившись вокруг двух, все еще лежавших там голубых осколков. Он завязался вокруг них узлом, а затем упал и повис, раскачиваясь маятником. Я отставил в сторону бутылку и стал наблюдать. Дуга его раскачивания шла продольно тому туннелю, который я уже называл своим домом. Раскачивание продолжалось, наверное, целую минуту. А затем он потянулся вверх и пополз по

тыльной стороне ладони. Освободив осколки у основания безымянного пальца, он вернулся на свое обычное место вокруг запястья. Я вгляделся пристальнее. Подняв мерцающую масляную лампу, я внимательно изучил камешки. Их цвет… Рассматриваемые на фоне кожи, они походили на камень в кольце Люка, полученном мной не так давно в мотеле «Нью Лайн». Совпадение? Или же тут имеется связь? Что пытался передать мне шнур для колесования, вернее, лишения голоса путем удушения. Принадлежавшее Люку кольцо для ключей. И на нем был голубой камень, насаженный на кусочек металла… А где я мог еще его видеть? Пещера, где меня заточили, обладала способностью блокировать Козыри и мою Логрусовую магию. Если Люк носил с собой камни, отбитые от этих стен, то на это, вероятно, имелась причина, какая-то особая причина. Какими иными свойствами они могли обладать? Наверное, с час я пытался узнать что-нибудь об их природе, но они сопротивлялись Логрусовому зондажу. Наконец я с отвращением засунул издевающиеся надо мной камни в карман, поел хлеба с сыром и глотнул вина из бутылки. Затем я поднялся и вновь сделал обход западни. Как мне казалось, я пробыл здесь пленником не мень-

ше месяца. Я прошел в поисках выхода все эти туннели, петляющие коридоры и гроты. Возможность выбраться не представилась ни в одном из них. Случалось, что я бегал как сумасшедший и разбивал в кровь кулаки о каменные стены. Бывало, когда я медленно бродил по пещере, пытаясь разыскать трещину или линии сдвигов минералов. Я несколько раз пытался отодвинуть закрывавший вход валун, но без толку. Его основательно заклинило в отверстии, и я не смог даже его шевельнуть. Казалось, мне придется пробыть в заключении вечность.

Западни… Все они пребывали в том же состоянии, как и при моей последней проверке — ловушки, валуны, оставленные природой лежащими где попало с небрежным видом, но покосившиеся на высоких подпорках и готовые рухнуть с опоры, когда кто-нибудь зацепит за спрятанные в темноте кусочки бечевки, извлеченной из моего склада. А кто «кто-нибудь»? Люк, конечно, кто же еще? Именно он и заточил меня. И если он вернется, нет, когда он вернется, его будут поджидать коварные ловушки. Он вооружен. Если я буду всего лишь поджидать его внизу, под входом, он получит преимущество верхней позиции. Дудки! Меня там не будет. Я заставлю

его походить за мной, и тогда… Испытывая смутное беспокойство, я вернулся в свою квартиру. Положив руки за голову, я лежал там, в который раз обдумывая свои планы. Ловушка может убить человека, а я не хотел умерщвлять Люка. Это не имело никакого отношения к излишней чувствительности, хотя до недавнего времени я считал его верным другом — до того, пока не узнал, что он убил дядю Каина и, казалось, собирается уничтожить и остальных моих родственников. А замыслил он это из-за того, что Каин убил его отца — моего дядю Бранда — человека, которого с радостью прикончил бы и любой другой из членов семьи. Да, Люк или Ринальдо, как я теперь узнал, был моим двоюродным братом и у него были причины ввязаться в одну из наших внутрисемейных вендетт. И все же, охота за всеми сразу казалась мне некоторой неумеренностью. Но разобрать ловушки меня побудило отнюдь не родство и не сантименты. Он требовался мне живым, потому что во всей этой ситуации имелось слишком много такого, чего я не понимал, и мог вообще не разобраться, если он погибнет, так и не рассказав, мне.

Ясра… Роковые Козыри Смерти… средства, благодаря которым меня так легко выслеживали

по Отражениям… вся история отношений Люка с художником и ненормальным оккультистом Виктором, Мелманом…. все, что он знал о Джулии и о ее смерти…

Я начал заново и разобрал ловушки. Новый план был прост и основывался на том, что Люк по-прежнему ничего не знал. Я перенес спальный мешок в другое место в туннель, непосредственно примыкающий к туннелю возле пещеры, в потолке которой находился закрытый вход. Перетащил я туда также и кое-что из продовольственных запасов и решил оставаться поблизости от входа как можно дольше. Новая ловушка была весьма примитивной: простой и почти неизбежной. А коль скоро я установил ее, оставалось только ждать. Ждать и помнить, и планировать. Я обязан предупредить других, и должен что-то предпринять в отношении своего Колеса-призрака. Мне требовалось выяснить, что не знала Мег Девлин. Мне требовалось… много чего. Я ждал. Я думал о Теневых грозах, снах, странных Козырях, и о Даме в озере. После долгого периода неторопливого течения моя жизнь за какие-то несколько дней стала чрезвычайно насыщена событиями. Затем длительный период безделья. Единственным утешением мне служило то, что эта полоса времени

опережает по скорости большинство других, а в данный момент это было для меня очень важно. В Амбере мой месяц вполне мог оказаться днем или даже меньше. Если я смогу вскоре выбраться из этого места, то следы, по которым я пойду, все еще могут быть относительно свежими. Наконец я погасил лампу и лег спать.

Сквозь хрустальные линзы моей тюрьмы просачивалось достаточно то разгорающегося, то меркнущего света, чтобы я мог отличить день от ночи во внешнем мире. И я поддерживал свой небогатый событиями режим дня в соответствии с его ритмом. В последующие три дня я снова перечитал от корки до корки дневник Мелмана — сочинение, богатое иллюзиями и бедное полезной информацией — и уже почти сумел убедить себя, что Человек в Капюшоне, как он называл своего гостя и учителя, по всей вероятности был Люком. Об этом говорило все, за исключением нескольких озадачивших меня намеков на его двуполость. Упоминания ближе к концу записей относительно жертвования Сына Хаоса я мог смело принять на свой счет, если учесть, что Мелман готов был уничтожить меня. Но если это сделал Люк, то как объяснить его двусмысленное поведение на горе в Нью-Мексико, когда он

посоветовал мне уничтожить Роковые Козыри Смерти, и прогнал меня так, словно защищал от чего-то? А потом он признался в нескольких более ранних покушениях на мою жизнь, не отрицая свое отношение и к последующим. У него не было для этого никаких оснований, если он в самом деле в ответе за все покушения. Что же еще тогда могло участвовать в деле? Кто еще? И как? В головоломке явно недоставало составных частей, но у меня складывалось впечатление, что они очень незначительны и самый маленький бит новой информации и легчайшее сотрясение узора внезапно заставит все стать на свои места, и образовавшийся рисунок будем тем, что мне полагалось бы уже давно увидеть. Я мог бы и догадаться, что визит произойдет ночью. Мог бы, но не догадался. Приди мне в голову эта простая мысль, я изменил бы цикл сна и бдил бы недремлющим оком. Хотя я и был уверен в действенности, моей западни, в истинно-критических делах важно каждое мелкое преимущество. Я крепко спал, и скрежет камня по камню доносился слабо, как бы издалека. Когда звуки продолжились, я заворочался, но прошло несколько секунд, прежде чем у меня в мозгу замкнулись нужные цепи, и я сообразил, что происходит. Потом, все еще

толком не проснувшись, я резко встал, пригнулся у ближайшей ко входу пещеры стены, протирая глаза и смахивая волосы со лба, ища то ли утраченное бодрствование, то ли удаляющийся сон. Первые услышанные мною звуки, вероятно, издавали извлекаемые клинья, что повлекло за собой некоторое раскачивание и сдвигание валуна. Продолжавшиеся звуки были приглушенными. Поэтому я рискнул быстро заглянуть в пещеру. Не было видно ни открытого входа, ни звезд за ним. Вибрация сверху продолжалась. Звуки покачивания сменились постоянным хрустом и скрежетом. Сквозь полупрозрачный потолок пещеры сиял шар света, окутанный рассеянным нимбом. «Фонарь», — догадался я. Слишком рано светит, чтобы быть факелом… Да и непрактично — факел при данных обстоятельствах. Возник полумесяц неба с парой звезд на нижнем роге. Он расширился, и я услышал тяжелое дыхание и кряхтение, как мне показалось, двух человек. У меня просто руки зачесались, словно я получил инъекцию адреналина. Мой простой, защищенный от дурака план, похоже, никуда не годился, и в дураках мог оказаться я. Валун теперь сдвигался быстрее, и времени не оставалось даже на ругательства, так как мой мозг усиленно зара-

ботал, сосредоточившись на разработке плана действий. Я вызвал образ Логруса, и он возник у меня перед глазами. Я, все еще прижимаясь к стене, принялся двигать руками в соответствии с кажущимися бессистемными двумя ответвлениями этого фантома. К тому времени, как я добился удовлетворительней стыковки, шум сверху прекратился. Отверстие было свободным. Спустя несколько мгновений фонарь подняли и поднесли к нему... Я шагнул в центр пещеры и вытянул руки. Когда в поле зрения надо мной появились темные личности невысокого роста, мой простенький первоначальный план был отменен. Оба держали в правой руке кинжалы. Ни один из них не походил на Люка. Я потянулся вперед Логрусовыми отростками и взял обоих за горло, сдавив до такой степени, что они рухнули. Я подержал их еще немного и выпустил. Когда они упали, пропав из поля зрения, я зацепился за край отверстия светящимися световыми линиями и подтянулся по ним наверх. Добравшись до отверстия, я остановился, чтобы забрать свернувшегося петлей вокруг нижнего конца входа Фракира. Вот это-то и было моей ловушкой. Люк или кто другой прошел бы при входе через петлю, готовую мгновенно затянуться вокруг

него. Однако, теперь… По склону справа от моря протянулась огненная дорожка. Упавший фонарь разбился, а пролившееся горючее превратилось в горящий ручеек. По обе его стороны лежали придушенные мной типы. Закрывавший вход валун располагался слева и несколько сзади от меня. Я остановился, опираясь на локти, — голова и плечи были над отверстиями, перед глазами — пляшущий образ Логруса с теплым щекотанием его силовых линий, все еще остающихся продолжением моих рук, и с Фракиром, переползающим с левого плеча на бицепс. Операция удалась чересчур легко. Я не мог себе представить, чтобы Люк поверил в потерю моей бдительности и доверил какой-то паре лакеев допросить, убить или увезти меня какой бы там ни была их задача. Вот поэтому-то я и не вылез полностью, а изучил ночное пространство со сравнительно безопасного наблюдательного пункта. Я понял, что поступил весьма осмотрительно, ибо у пещеры в эту ночь, кроме меня и двух трупов, был еще кто-то. При уменьшающейся силе свечения огненной дорожки было настолько темно, что обыкновенное зрение отказывалось служить. Но когда я вызывал Логруса, то психический механизм, позволяющий мне узреть его образ,

давал мне также возможность видеть и другие нефизические явления. Именно поэтому я заметил тень под деревом слева от меня. Среди других теней ее вряд ли можно было заметить. И при сем присутствовал странный Узор, напоминающий Лабиринт Амбера: он вращался словно медленное цепочное колесо, простирая щупальца пронизанного дымом желтого света. Они тянулись ко мне сквозь ночь, и я заворожено следил, уже зная, что сделаю, когда наступит нужный момент. Ко мне тянулись четыре больших щупальца, подбирающиеся медленно, наощупь. Оказавшись в нескольких ярдах от меня, они остановились, провисли, а затем метнулись, точно кобры. Я держал руки сведенными и слегка их скрестив, вытянув вперед Логрусовые конечности… Одним размашистым движением я развел их, наклонившись при этом чуть вперед. Логрусовые манипуляторы ударили по желтым щупальцам и отбросили их, швырнув обратно. Когда это произошло, я ощутил щекотку в локтях. Затем, используя Логрусовое продолжение правой руки, как меч, я ударил по заколебавшемуся теперь Узору, словно по щиту. Я услышал короткий, резкий вскрик, когда изображение его потускнело, и быстро ударил еще раз, затем вытащил себя из входного отверстия и

бросился вниз по склону, испытывая боль в руке. Изображение, чем бы оно ни было, растаяло и пропало. Однако к тому времени я уже мог четко различить прислонившуюся к стволу фигуру. Похоже, это была женщина, хотя черты ее лица нельзя было разобрать из-за какого-то маленького предмета, который она подняла и держала теперь почти на уровне глаз. Опасаясь, что это какое-нибудь оружие, я ударил по нему Логрусовыми манипуляторами, пытаясь выбить из рук. И тут же споткнулся, так как последовавшая отдача ударила меня по руке с немалой силой. Кажется, я ударил по магическому предмету. По крайней мере, я имел удовольствие видеть, что дама тоже пошатнулась и даже издала короткий вскрик, но предмет удержала. Мгновение спустя вокруг ее фигуры начало образовываться слабое многоцветное сияние, и я тут же сообразил, что это за штука. Я только что направил силу Логруса против Козыря. Сейчас я обязательно должен был добраться до нее, хотя бы ради выяснения ее личности. Но ринувшись вперед, я сообразил, что не успею вовремя удержать ее, если не… Я сорвал с плеча Фракира и метнул вдоль силовой линии Логруса, придавая ему на лету нужное направление и отдав команду. С нового угла зре-

ния и благодаря окружавшему ее теперь слабому радужному ореолу, я разглядел, наконец, лицо этой дамы. Это была Ясра, та самая женщина, которая чуть было не убила меня своим памятным укусом в квартире Мелмана. Еще миг, и она исчезнет, унося с собой мой шанс добиться хотя бы минимальных знаний, от которых могла зависеть моя жизнь.

— Ясра! — крикнул я, пытаясь вывести ее из состояния какого-то оцепенения.

Это не подействовало, но подействовал Фракир. Мой удушающий шнур, пылающий сейчас серебристым светом, обвился вокруг ее шеи и плотно намотался свободным концом на висевший слева от Ясры сук. Она начала таять, явно не понимая, что уже слишком поздно. Ясра не могла козырнуться, не обезглавив себя. В последний момент она все же это поняла, я услышал короткий вскрик, и она шагнула вперед, стала непрозрачной, потеряла свой ореол, выронила Козырь и вцепилась в стягивающий ее шею шнур. Я подошел к ней, наложил руку на Фракира, и тот отмотал один конец от сука и обвился им вокруг моего запястья.

— Добрый вечер, Ясра, — поздоровался я, загибая ей голову назад. — Попробуй еще раз меня

укусить, и тебе понадобится шейный корсет. Ясно?

Она захотела что-то сказать, но не смогла, а просто кивнула.

— Я намерен чуть ослабить удавку, — уведомил я ее, — чтобы ты смогла отвечать на мои вопросы.

Ясра тут же закашлялась и кинула на меня взгляд, способный превратить песок в стекло. Ее магический Узор совершенно растаял, поэтому я тоже дал Логрусу убраться восвояси.

— Почему ты преследуешь меня? — обратился я к ней. — Я что-нибудь для тебя значу?

— Сын погибели! — выругалась она и попыталась плюнуть мне в лицо, но не смогла, должно быть, у нее чересчур пересохло в пасти.

Я слегка сжал Фракира, и она вновь закашлялась.

— Неправильный ответ, — укоризненно произнес я. — Попробуй еще один разок…

Но тут она улыбнулась, и ее взгляд переместился на какую-то точку у меня за спиной. Не давая Фракиру ослабнуть, я рискнул быстро оглянуться. Воздух позади и справа от меня начал мерцать, явно подготавливая почву для чего-то, проходящего по Козырю. В это время я не чувствовал

себя способным справиться с дополнительной угрозой, и поэтому сунул руку в карман, извлекая оттуда пригоршню собственных Козырей. Сверху оказалась Флора. Отлично! Она подойдет. Я толкнул к ней свою мысль сквозь слабый свет на лицо на Карте. Почувствовав ее отвлеченное внимание, я понял, что вскоре оно сменилось внезапной бдительностью.

Затем:

— Да?

— Проводи меня! Скорее!

— Это срочно? — поинтересовалась она.

— Да, уж лучше тебе поверить в это, — отозвался я.

— Э… хорошо. Проходи.

Я увидел Флору в постели. Изображение стало четче. Она протянула руку. Я потянулся вперед и ухватился за нее. И двинулся в тот момент, когда услышал прозвеневший голос Люка, кричавшего:

— Стой!

Я продолжил переход, волоча за собой Ясру. Она сопротивлялась и сумела остановить меня, когда я споткнулся о край постели. Вот тогда-то я и заметил темноволосого бородатого мужчину, глядевшего на меня вытаращенными глазами с

противоположного края ложа.

— Кто?.. Что? — начал было он, когда я мрачно улыбнулся и восстановил равновесие.

За спиной моей пленницы, в поле зрения появился темный силуэт Люка. Он ухватил Ясру за руку и потянул ее от меня. Она издала едва слышный стон, так как это движение еще туже затянуло Фракира вокруг ее шеи. Проклятье! Что же теперь делать?

Флора внезапно вскочила с постели и надушенное лавандой покрывало упало на пол. С искаженным от ярости лицом и с удивительной силой и скоростью она выбросила вперед кулак.

— Ах ты, сука! — закричала Флора. — Ты помнишь меня?

Удар угодил Ясре в челюсть, и я едва успел вовремя высвободить Фракира, чтобы не улететь вместе с Ясрой в объятия Люка. И он, и она растаяли. Мерцание исчезло. Тем временем темноволосый парень выкарабкался из постели и стал лихорадочно собирать свою одежду. Как только он сгреб все, то даже и не потрудился одеться, а просто попятился к двери, держа одежду перед собой.

— Рон! Ты куда? — поинтересовалась Флора.

— У-у-у! — завопил он, открывая дверь и исче-

зая за ней.

— Эй, подожди!

— Ни за что! — послышался ответ из соседней комнаты.

— Проклятье! — Флора прожгла меня испепеляющим взглядом. — У тебя какой-то дар портить человеку личную жизнь. — Затем она окликнула мужчину: — Рон! Как насчет обеда?

— Мне необходимо наведаться к своему психоаналитику, — донесся его голос, а вскоре после этого хлопнула входная дверь.

— Надеюсь, ты понимаешь, какую чистую любовь ты только что загубил? — вскипела Флора.

— Когда ты с ним познакомилась? — печально вздохнул я.

— Ну, вчера, — нахмурилась Флора. — Ладно, ладно, скалься сколько угодно. Такие отношения не всегда зависят только от времени. Я сразу поняла, что на этот раз будет что-то особенное. И можно было не сомневаться, что какой-нибудь олух, вроде тебя или твоего отца, испортит чистую…

— Весьма сожалею, — извинился я. — Спасибо, что вытащила меня. А он, конечно, вернется. Просто мы чертовски напугали его. Как же он может не вернуться, если познал тебя?

— Ты и впрямь точь-в-точь, как Корвин, — улыбнулась она. — Олух, но наблюдательный.

Она поднялась, подошла к шкафу, достала лавандового цвета халат и надела его.

— И что же? — осведомилась она, завязывая пояс. — Что все это значит?

— Длинная история…

— Тогда мне лучше позавтракать, а заодно выслушать тебя. Ты голоден?

— Само собой, — усмехнулся я.

Она провела меня через гостиную, обставленную во французском провинциальном стиле, в большую сельскую кухню, сверкающую изразцами и медью, и указала мне на стул рядом со столом.

Пока она вынимала продукты из холодильника, я сказал:

— Во-первых…

— Да?

— Где мы?

— Сан-Франциско…

— А зачем ты обзавелась тут домом?

— Закончив порученное Рэндомом дело, я решила тут задержаться. Этот городок снова показался мне приятным.

Я щелкнул пальцами. Совсем забыл, что ее

послали выяснить, кому принадлежал склад, где Виктор Мелман снимал квартиру и студию, и где фирма «Склады Брута» хранила боеприпасы, способные стрелять в Амбере.

— Так кому же принадлежал склад? — спросил я.

— Фирме «Склады Брута». Мелман снимал у них помещение.

— А кому принадлежит фирма «Склады Брута»?

— Корпорации «Дж. Б. Рэнд».

— Адрес?

— Контора в Сосалито, покинута пару месяцев назад.

— А снимавшие ее давали владельцу помещения домашний адрес?

— Только до востребования. И он тоже аннулирован.

— Я чувствовал, что произойдет что-то в этом роде. А теперь расскажи мне о Ясре. Ты знаешь эту леди?

— Никакая она не леди, — фыркнула Флора. — Когда я с ней познакомилась, она была просто королевской шлюхой.

— Где?

— В Кашере.

— А где это?

— Забавное маленькое королевство за пределами Золотого Круга тех, с кем ведет торговлю Амбер. Убогая варварская пышность и все такое. Своего рода культурное захолустье.

— Так откуда ты вообще про него знаешь?

Она немного помолчала, что-то помешивая в чашке.

— О! Однажды я общалась с одним кашерским аристократом. Так, познакомилась с ним однажды в лесу. Он охотился с соколом, а я случайно оказалась там и подвернула ногу…

— Э-э, — перебил я ее, чтобы эти мелочи не увели нас в сторону. — А Ясра?

— Она была супругой старого короля Мениллана и обвела его вокруг пальца.

— А что ты имеешь против нее?

— Она отбила Ясрика, пока меня не было в городе.

— Ясрика?

— Моего аристократа, графа Кронклефа.

— А что сказал об этом происшествии Его Величество Мениллан?

— Он так ничего и не узнал. В то время он лежал на смертном одре. И вскоре скончался, поэтому-то ей и понадобился Ясрик. Он был начальником

дворцовой стражи, а его брат — генералом. После того, как Мениллан испустил дух, она воспользовалась их помощью и устроила переворот. Когда я слышала о ней в последний раз, она была королевой в Кашере и отослала Ясрика подальше, И поделом ему. По-моему, он метил на трон, но она не желала делить его с кем-то. И назначила Ясрика куда-то подальше, а затем казнила вместе с братом за какую-то там измену. А он был действительно красивым парнем, хотя и не слишком башковитым.

— У жителей Кашеры имеются какие-нибудь э… необычные физические способности? — поинтересовался я.

— Нет, — улыбнулась она, — но Ясрик был парень хоть куда. Я бы не стала употреблять слово «необычные», но…

— Нет, нет! — перебил я. — Я хотел сказать, нет ли у них каких-либо аномалий во рту — убирающихся клыков, жала или еще чего-нибудь в этом роде?

— Не-а, — протянула Флора, и я не смог определить, раскраснелась ли она от жара плиты или от чего-то иного. — Ничего подобного. Все они скроены по стандартному образцу. А почему ты об этом спрашиваешь?

— Когда в Амбере я рассказал свою историю, то упустил эпизод о том, как Ясра укусила меня, и я еле-еле успел козырнуться от какого-то впрыснутого ею яда. Он сразу же парализовал меня до онемения конечностей и лишил сил.

Она качнула головой.

— Кашерцы ничего подобного сделать не могут. Но впрочем, Ясра, конечно, не Кашерка.

— Тогда откуда же она?

— Не знаю… она иностранка. Некоторые утверждали, будто бы ее привезли работорговцы из какой-то далекой страны. Другие говорили, что она сама попросту однажды забрела в Кашер и привлекла внимание Мениллана. Ходили слухи, что она колдунья. Не знаю, так ли это.

— А я знаю — эти слухи верны.

— В самом деле? Наверное, именно так она и увела Ясрика.

Я пожал плечами.

— Сколько прошло со времени твоего знакомства с ней?

— Полагаю, лет тридцать-сорок.

— И она по-прежнему королева Кашера?

— Не знаю. Я давно не посещала те места.

— У Амбера с Кашером плохие отношения?

— На самом деле никаких вообще отношений.

Я уже сказала, что Кашер находится немного на периферии. Это королевство не так доступно, как множество других мест, и не имеет для торговли ничего привлекательного.

— Выходит, у нее нет никаких причин ненавидеть нас?

— Не больше, чем ненавидеть всех других людей.

Кухня стала заполняться великолепным ароматом пищи. И пока я сидел, принюхиваясь, и думал о горячем душе, куда намеревался отправиться после завтрака, Флора сказала то, что я почему-то ожидал от нее услышать.

— Вот парень, уволокший Ясру… Он выглядел знакомым. Кто он?

— Это тот, о ком я рассказывал вам в Амбере. Люк… Любопытно узнать, напоминает ли он тебе кого-нибудь?

— Кажется, напоминает, но я не могу вспомнить, кого именно.

Она стояла ко мне спиной и я посоветовал:

— Если ты держишь что-нибудь бьющееся либо что-то разваливающееся, то, пожалуйста, поставь…

Я услышал, как что-то было поставлено на стол, и она повернулась ко мне с озадаченным лицом.

— Да?

— Его настоящее имя Ринальдо, и он сын Бранда. Я больше месяца пробыл у него пленником в другой Тени, и только сейчас оттуда сбежал… с твоей помощью.

— Ну, дела, — прошептала она и добавила: — Чего же надо этому родственнику от нас?

— Он хочет отомстить.

— Кому-то конкретно?

— Нет, всем нам. Но Каин, конечно, стоял на первом месте.

— Понимаю…

— Там на плите ничего не подгорит? — забеспокоился я. — Я уже давно жду хороший завтрак.

Флора кивнула и отвернулась. Через некоторое время она спросила, не оборачиваясь:

— Ты знал его длительное время. На что он способен?

— Он всегда казался мне довольно милым парнем. Если он сумасшедший, как его папаша, то хорошо это скрывал.

Она откупорила бутылку вина, наполнила два бокала и поставила их на стол, после чего подала завтрак. Съев несколько кусочков, она остановилась, не донеся вилку до рта, и уставилась в пространство.

— Кто бы мог подумать, что этот сукин сын оставит потомство? — заметила она.

— Я думаю, Фиона, — отозвался я. — В ночь перед похоронами Каина она спросила меня, нет ли у меня фотографии Люка. Когда я показал ей снимок, то мог смело утверждать, что ее что-то весьма обеспокоило, но что именно, она не сказала.

— А на следующий день они с Блейзом исчезли, — продолжила мою мысль Флора. — Теперь, когда я думаю об этом, он действительно выглядит похожим на Бранда, когда тот был молодым. Боже, как давно это было! Люк кажется более рослым и тяжеловесным, но сходство есть.

Она вернулась к завтраку.

— Кстати, ты великолепная хозяйка, — похвалил я ее.

— О, спасибо, — вздохнула она. — Твоя похвала означает, что если я хочу услышать всю историю целиком, то мне придется подождать, пока ты не наешься.

Я кивнул, так как отвечать с полным ртом я не мог. Пусть рушится империя, а я проголодался.

Приняв душ, приведя в порядок ногти и волосы и облачившись в выуженное из Теней одеяло, я получил в справочной номер и позвонил един-

ственной особе по фамилии Девлин в районе проживания Билла Рота. Мне ответил женский голос, тембр был как будто бы не тот, но я все-таки узнал его.

— Мег? Мег Девлин? — уточнил я.

— Да. А кто это?

— Мерль Кори.

— Кто?

— Мерль Кори. Недавно мы провели вместе интересный вечер…

— Извините, — прервала она. — Вероятно, произошла ошибка.

— Если вы не можете беспрепятственно разговаривать, я позвоню позже. Или вы отдохнете и позвоните мне, скажем, через час.

— Я вас не знаю, — заявила она и повесила трубку.

Я задумался. Если при разговоре присутствовал ее муж, то, надо полагать, она должна была повести себя уклончиво, показав как-то, что она знает меня и поговорит в другой раз. Связь с Рэндомом я не устанавливал, так как чувствовал, что он сразу же вызовет меня в Амбер, а мне хотелось все же поговорить с Мег. На визит к ней я не мог уделить времени. И реакцию ее я понять не мог. Поэтому попробовал единственный ход,

пришедший мне в голову. Сначала я связался со справочной и узнал номер ближайших соседей Билла, Хансенов. После третьего гудка мне ответил женский голос, принадлежавший, возможно, миссис Хансен. Вероятно, я оторвал ее от домашних дел. В прошлом я встречался с ней во время моего последнего визита в те края.

— Миссис Хансен, это Мерль Кори.

— Ах, Мерль… Ты ведь был здесь совсем недавно, не так ли?

— Да, хотя я и не смог надолго задержаться. Но, в конце концов, все-таки встретился с Джорджем. Я несколько раз подолгу разговаривал с ним. Мне бы и сейчас хотелось бы перекинуться с ним парой словечек, если он неподалеку.

Прежде чем она ответила, молчание несколько затянулось.

— Джордж… Джордж сейчас в больнице. Можешь передать ему что-нибудь через меня.

— О, это не срочно, — успокоил я ее. — А что же случилось с ним?

— Да, вообще-то ничего страшного. Он наведывался иногда к врачу и сегодня день обследования и процедур. В прошлом месяце с ним случилось своего рода расстройство. Амнезия продолжалась пару дней и врачи, кажется, никак не могут доко-

паться, чем же она вызвана.

— Печальное известие.

— Однако рентген не показал никаких следов ушибов. И теперь с ним, по-моему, все в порядке. Врачи утверждают, что он вполне здоров, но они хотят еще немного за ним понаблюдать. Вот и все. — Внезапно, точно осененная вдохновением, она поинтересовалась: — А как он показался тебе, когда ты с ним разговаривал?

Я предвидел этот вопрос, поэтому ответил без колебаний:

— Он казался вполне здоровым. Но, конечно же, я не знал его прежде и поэтому мне не с чем сравнить его нынешнее поведение.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты хочешь, чтобы он позвонил тебе, когда вернется?

— Нет, я собираюсь уехать, но не знаю, надолго ли. Я сам позвоню как-нибудь.

— Ну, ладно. Я передам ему, что ты звонил.

— Благодарю. До свидания.

Этого я почти ожидал после звонка к Мег. Поведение Джорджа во время нашей последней встречи было довольно странным. Беспокоило же меня то, что ему, кажется, известно, кто я такой на самом деле, а также что он знал и об Амбере. И даже хотел последовать за нами через Козырь.

Создалось впечатление, будто он с Мег подверглись какому-то странному гипнозу. В связи с этим на ум сразу же пришла Ясра. Она, кажется, является союзницей Люка, и Мег предупреждала меня насчет этого. С чего бы она стала это делать, если ей каким-то образом что-то внушила Ясра? Такое заключение не имело смысла. Кто еще из тех, кого я знаю, способен так повлиять на людей? Может, Фиона? Но, впрочем, позже она участвовала в моем возвращении в это Отражение из Амбера и даже увезла меня после моего вечера с Мег. И казалось, что она ничуть не меньше озадачена ходом событий, чем я. Дерьмо… В жизни встречаются двери, которые не открываются, когда вы в них стучите. И размещены они равномерно, среди тех, которые открываются тогда, когда тебе этого не хочется. Я вернулся и постучал в дверь спальни, и Флора разрешила мне войти. Она сидела перед зеркалом и накладывала косметику.

— Как твои дела? — осведомилась она.

— Не слишком хорошо. Можно сказать, неудовлетворительно, — и я коротко изложил ей результаты телефонных переговоров.

— Что же ты собираешься делать?

— Связаться с Рэндомом и ввести его в курс дела. Мне кажется, он отзовет меня в Амбер и по-

желает выслушать все подробности. Поэтому-то я и зашел попрощаться и поблагодарить тебя за помощь. Извини, если я расстроил твой роман.

— Фиона... — начала Флора и умолкла, после чего она буркнула: — Не беспокойся... — Она пожала плечами, все еще сидя ко мне спиной и разглядывая себя в зеркале. Конца ее фразы я не расслышал, хотя она продолжала говорить.

Мое внимание резко отвлекла попытка контакта через Карту.

Я настроился на прием и подождал. Ощущение усиливалось, но присутствие вызывающего не обнаруживалось. Я отвернулся от Флоры.

— Мерль, что это? — услышал я ее голос.

Я поднял руку и подал ей знак помолчать, так как ощущение идентифицировалось. Казалось, я вглядывался в длинный черный туннель, в противоположном конце которого ничего не было.

— Не знаю, — ответил я Флоре, вызвав Логрус и взяв управление одним из его ответвлений. — Призрак, это ты? Ты готов к разговору?

Ответа не последовало. Я ощутил холодок, в то же время оставаясь готовым к приему и ожидая. Никогда раньше я не испытывал ничего подобного. Сложилось впечатление, что если я сдвинусь, то меня куда-то переправят. А может, это вызов

или западня? Что бы это ни было, я решил, что только дурак принял бы такое предложение от неизвестного. После того, что я узнал, вполне возможно, что концом туннеля могла оказаться хрустальная пещера.

— Если что-нибудь нужно, — заявил я, — тебе придется сделаться видимым и представиться. Я перестал ходить на свидания с невидимками.

Тут прочность моей защиты показала ощущение присутствия, но снова никаких намеков на личность вызывающего.

— Ладно, — проронил я. — Я не пойду, а у тебя нет сообщения. Единственное, что мне еще приходит в голову, это то, что ты просишь провести тебя ко мне. Если так, то проходи.

Я протянул пустые с виду руки, но с незаметной удавкой, выползающей на боевую позицию на правой руке, и с невидимой, но смертельной Логрусовой молнией в левой. Это был один из тех случаев, когда вежливость требовала применения профессиональных навыков. В тесном туннеле послышался тихий смешок. Однако он, конечно же, был лишь мысленной проекцией, холодной и бесполой.

— Твое предложение, конечно, хитрость, — донеслось до меня. — Ибо ты не дурак. И все же я

допускаю, что ты смел, раз ты так обращаешься к неизвестному. Ты не знаешь, с чем столкнулся, и все-таки поджидаешь это и даже приглашаешь его.

— Предложение все еще остается в силе, — сказал я.

— Я никогда не считал тебя опасным.

— Чего ты хочешь?

— Посмотреть на тебя.

— Зачем?

— Может быть, наступит время, когда я столкнусь с тобой при иных обстоятельствах.

— При каких обстоятельствах?

— Я чувствую, что наши пути скрестятся, так как ведут к одной цели.

— Кто ты?

Снова смешок.

— Нет, не сейчас, я хочу всего лишь поглядеть на тебя и понаблюдать за твоей реакцией.

— Ну что, достаточно налюбовался?

— Почти.

— Если наши пути скрестятся, то пусть столкновение произойдет сейчас, — бросил я. — Я хотел бы убрать тебя с дороги и заняться кое-какими важными делами.

— Ценю высокомерие, но когда придет время

выбирать, выбирать будешь не ты.

— Я готов и подождать, — я осторожно протянул вдоль туннеля Логрусовый отросток. Ничего… я ничего не обнаружил.

— Восхищаюсь твоим выступлением. Вот!

Что-то пронеслось в мою сторону. Магическое продолжение моей руки уведомило меня, что оно мягкое, слишком мягкое и несвязанное, чтобы причинить мне какой-либо вред — большая прохладная масса, переливающаяся всеми цветами радуги. Я не отступил и протянул манипулятор сквозь нее — за ее пределы, дальше и дальше. Я встретил что-то осязаемое, и все же податливое, может быть, тело, а может быть, нет. Слишком крупное, чтобы мгновенно рвануть его к себе. Моей Логрусовой конечности подсунули несколько мягких предметов и твердых небольшого размера. Я схватился за один из них, оторвал его от того, что его держало, и потянул к себе. Бессловесный импульс крайнего удивления вырвался у меня одновременно с несущейся массой и возвращением предмета, вызванного силой Логруса. Вокруг меня, словно взорвался фейерверк: цветы, цветы, цветы… фиалки, анемоны, орхидеи, розы… Я услышал, как ахнула Флора, когда сотни их посыпались в комнату. Контакт

тут же прервали. Я сознавал, что держу в правой руке что-то маленькое и твердое, а ноздри мне забило запахом этих цветов.

— Что за чертовщина? Что случилось? — изумилась Флора.

— Не знаю, — ответил я, смахивая с рубашки лепестки. — Ты любишь цветы? Можешь оставить их себе.

— Благодарю, но я предпочитаю умеренность, — промолвила она, разглядывая яркую гору у моих ног. — Кто их прислал?

— Безымянное лицо на конце темного туннеля.

— Зачем?

— Вероятно, для уменьшения расходов на похороны. Не уверен, но тон всего разговора был несколько угрожающим.

— Было бы хорошо, если бы ты помог мне собрать их, прежде чем уйдешь.

— Разумеется, — заверил я ее.

— На кухне и в ванной есть вазы.

Я последовал за ней и захватил несколько ваз. По пути я изучил предмет, вытащенный мною с другого конца туннеля. Это была голубая пуговица в золотой оправе, со все еще торчащими из нее несколькими темно-синими нитками.

На ней был четырехгранный узор. Я показал ее Флоре, и та покачала головой.

— Она ни о чем мне не говорит.

Я порылся в кармане и извлек осколки камня из хрустальной пещеры. Кажется, это был один и тот же материал. Фракир слегка шевельнулся, когда я пронес пуговицу рядом с ним, а затем снова впал в оцепенение, словно ему надоело предупреждать меня о голубых камнях, а я ничего не предпринимаю.

— Странно… — пробормотал я.

— Было бы неплохо поставить несколько роз на туалетном столике, — сказала мне Флора, — и пару смешанных букетов на трюмо. Знаешь, мне еще ни разу не присылали цветов таким оригинальным способом. Ты уверен, что они предназначались для тебя?

Я проворчал что-то себе под нос, продолжая составлять букеты. Позже, когда мы сидели в кухне, попивая кофе и размышляя, Флора заметила:

— Это отдает чем-то сверхъестественным.

— Согласен.

— Пожалуй, тебе следовало бы обсудить это с Фи, после того, как ты поговоришь с Рэндомом.

— Возможно…

— И раз уж речь зашла о нем, разве не следова-

ло бы тебе вызвать Рэндома?

— Возможно.

— Что значит «возможно»? Его необходимо предупредить.

— Верно. Но у меня такое ощущение, что пребывание в безопасности не даст мне ответов ни на какие вопросы.

— Что у тебя на уме, Мерль?

— У тебя есть машина?

— Да. Я приобрела ее несколько дней назад. А что?

Я вытащил из кармана пуговицу и камешки, рассыпал их по столу и вновь принялся рассматривать.

— Просто, пока мы собирали цветы, мне пришло в голову, где я мог видеть еще один такой же предмет.

— Да?

— Есть одно воспоминание, давно загнанное мною в глубины мозга, так как оно сильно меня расстраивает: картина с Джулией в момент, когда я ее обнаружил мертвой. Теперь я, кажется, вспоминаю, что на шее у нее был кулон с голубым камнем. Возможно, это простое совпадение, но…

Она кивнула.

— А быть может и нет. Но даже если это и так,

то теперь, вероятно, он у полиции.

— О, эта штука мне и не нужна. Но это доказывает, что на самом деле я осмотрел ее квартиру не так основательно, как мог бы, так как мне пришлось поспешно сматываться. Я хочу еще раз побывать там, прежде чем вернусь в Амбер. Мне все еще невдомек, как попала туда та тварь.

— А что, если из ее квартиры все уже вынесли? Или сдали ее кому-нибудь?

— Есть только один способ выяснить это, — пожал я плечами.

— Ладно, я отвезу тебя туда.

Через несколько минут мы уже находились в машине, и я указывал, куда ехать. Дорога под солнечным предвечерним небом с редкими облаками заняла минут двадцать. Это время я потратил, в основном, на определенные приготовления сил Логруса, и к тому времени, когда мы добрались до нужного района, я уже был во всеоружии.

— Поверни вот здесь, надо объехать жилой массив, — сказал я Флоре. — Я покажу, где припарковаться, если есть место.

Оно нашлось почти там же, где я оставил машину в тот день. Когда мы остановились возле тротуара, Флора взглянула на меня и спросила:

— И что теперь? Мы просто подойдем к дому и постучим?

— Я намерен сделать нас невидимыми, — уведомил я ее. — И я пробуду в таком состоянии до тех пор, пока мы не войдем в квартиру. Однако чтобы мы видели друг друга, тебе придется остаться вместе со мной.

Она кивнула.

— Дворкин однажды проделывал со мной такое, — вспомнила Флора, — когда я была девочкой. За многими я тогда подсматривала, — она тихо рассмеялась. — Я уже и забыла об этом.

Когда я покончил с последними штрихами сложного заклинания, мир за лобовым стеклом потускнел. Мы выбрались из автомобиля со стороны сиденья пассажира. Складывалось впечатление, словно я смотрю на окружающее сквозь серые, солнцезащитные очки. Мы медленно осмотрелись в целях предосторожности, после чего дошли до угла и свернули направо.

— А трудно научиться этому заклинанию? — поинтересовалась Флора. — Мне кажется, знать его очень полезно.

— К несчастью, да. Самый большой его недостаток в том, что это нельзя проделать в любой миг, заранее не подготовившись. А для этого требуется

около двадцати минут.

Мы свернули на дорогу к большому, старому дому.

— Какой этаж? — спросила она.

— Последний.

Поднявшись, мы оказались перед входной дверью: она была заперта. Несомненно, что теперь жильцы стали более осторожными.

— Взломаем? — прошептала Флора.

— Не стоит шуметь.

Я положил левую ладонь на дверную ручку и отдал безмолвный приказ Фракиру. Тот отмотал две петли с моего запястья и сделался видимым, двинувшись по замку и вползая в замочную скважину. Последовало стягивание, напряжение и несколько жестких движений. Тихий щелчок дал знать, что засов отодвинут. Я повернул ручку и осторожно потянул дверь на себя. Она отворилась. Фракир снова стал браслетом и обрел невидимость. И вот мы оказались непосредственно перед дверью в квартиру Джулии. Тут я заметил, что дверь заменена. Она была чуть темнее и отличалась новым сверкающим замком. Я осторожно постучал и мы подождали. Никакого ответа не последовало, но примерно через минуту я постучал еще раз и мы вновь подождали. Ни-

кто не подошел. Поэтому я попробовал открыть дверь. Она была заперта, но Фракир повторил свой фокус, и я очутился на пороге. Рука моя подрагивала, так как я вспомнил свой последний визит. Теперь я знал, что истерзанный труп там более не лежит. Знал, что меня не поджидает в засаде зверь-убийца. И все же память задержала меня на несколько секунд.

— Что случилось? — испугалась Флора.

— Ничего, — шепнул я и толчком открыл дверь.

Квартира, насколько я понял, была частично меблирована.

Мебель, переходившая от хозяина к хозяину вместе с квартирой, оставалась прежней: диван, приставные столики, несколько стульев, большой стол. Но все, принадлежавшее лично Джулии, исчезло. На полу лежал новый ковер, а сам пол недавно отлакирован. Видимо, квартиру никому снова не сдали, так как в ней не было никакого личного имущества. Я прикрыл за собой дверь, освободил нас от заклинания и стал обходить комнаты, Когда наша магическая вуаль исчезла, в квартире стало заметно светлее.

— По-моему, ты тут ничего не найдешь, — высказала свое мнение Флора. — Я ощущаю запах

воска, дезинфекции и лака…

— Тут бесполезно искать просто так, — согласился я. — Но я хочу попробовать еще кое-что.

Я успокоил рассудок и призвал Логрусово зрение. Если здесь были произведены магические действия, то остались и их следы, которые можно обнаружить только таким способом. Затем я медленно прошелся по квартире через гостиную, рассматривая через Логрус все предметы. Флора осматривала все самостоятельно, и расследование ее заключалось в заглядывании под все предметы. Комната слегка заколыхалась, когда я просканировал ее на тех волнах, которые давали наибольшую вероятность заметить искомые проявления — по крайней мере, это самый лучший способ описать такой процесс в этом Отражении. От моего пристального взора ничто не ускользнуло — ни одна деталь. Но ничто ему и не открылось. После продолжительных поисков я перебрался в спальню. Флора, должно быть, услышала, как у меня перехватило дыхание, потому что через пять секунд очутилась в спальне рядом со мной, разглядывая комод, перед которым я стоял.

— В нем что-то есть? — осведомилась она, протянув руку вперед, а затем убрав ее.

— Нет, за ним, — уточнил я.

При уборке квартиры комод передвинули. Ранее он занимал место на несколько футов левее. И то, что я теперь увидел, находилось справа от него и над ним, остальное от моего взгляда загораживал комод. Я сдвинул его на место, которое он занимал ранее.

— Все равно ничего не вижу, — заявила Флора.

Я взял ее за руку и протянул силу Логруса так, что она увидела то же, что и я.

— Да ведь… — она протянула руку слегка вперед к слабому контуру прямоугольника, — это выглядит как дверь.

Я изучил его — тусклую линию поблекшего огня. Дверь была, явно замурована и пребывала в таком состоянии немалое время. В конечном счете, линия побледнеет еще больше, а потом полностью сотрется, точнее испарится.

— Это и есть дверь, — ответил я.

Она увлекла меня в другую комнату посмотреть на противоположную стену.

— Здесь ничего нет, — отметила она.

— Вот теперь ты, наконец, поняла. Дверь ведет в какое-то другое место.

— Но куда?

— Туда, где обитают твари, одна из которых убила Джулию.

— Ты можешь ее открыть?

— Я готов провести перед ней столько времени, сколько понадобится, и попытаться сделать это.

— Мерль, — сказала она, когда я выпустил ее руку и поднял свою перед собой. — Разве тебе не кажется, что сейчас как раз тот момент, когда следовало бы связаться с Рэндомом, рассказать ему все и, наверное, попросить Жерара постоять рядом с тобой, если тебе удастся открыть эту дверь.

— Вероятно, следовало бы, но я этого не сделаю.

— Почему?

— Потому что он может запретить мне сделать это, — я опустил руку и повернулся к Флоре. — Должен признать, что твой довод довольно убедителен. Рэндому надо рассказать все, и я, вероятно, и так чересчур долго откладывал это. Поэтому я вот о чем хотел бы тебя попросить: возвращайся к машине и жди. Дай мне час. Если я к тому времени не вернусь, свяжись с Рэндомом, расскажи ему обо всем, что я тебе сообщил, и также об этой двери.

— Не знаю, — усомнилась она, — Если ты не появишься, Рэндом будет взбешен, и мне не поздоровится.

— А ты скажи ему, что я настаивал и что ты

ничего не могла поделать. Собственно, так оно и есть.

Она недовольно поджала губки.

— Мне твоя затея не нравится, хоть и оставаться я тоже не хочу. Может быть, прихватишь с собой ручную гранату?

Она подняла сумочку и начала было ее открывать.

— Нет, спасибо. А зачем ты вообще держишь ее при себе?

— Я всегда ношу их с собой в этом Отражении, — усмехнулась Флора. — Это всегда может пригодиться. Ну ладно, я буду ждать тебя.

Она легко чмокнула меня в щеку и направилась к двери.

— И постарайся добраться до Фионы, — попросил я. — Если я не появлюсь. Расскажи и ей эту историю. Она может найти к этому делу иной подход.

Она кивнула и вышла. Я подождал, пока не услышал, как закрылась дверь, а затем полностью сосредоточился на ярком прямоугольнике. По яркости вся линия была примерно одинаковая, лишь в нескольких местах блеск казался гуще и интенсивнее. Я медленно провел ладонью правой руки вдоль линии примерно в дюйме от

поверхности стены. При этом я испытал легкое покалывание и ощущение, похожее на жар. И, как и следовало ожидать, над более яркими местами оно ощущалось сильнее. Я решил, что в этих точках шов менее стоек. Отлично! Скоро я выясню, можно ли взломать эту дверь, после чего эти точки подвергнутся атаке. Я погрузил руки в Логрус до тех пор, пока не надел его отростки, словно рукавицы с эластичными пальцами, которые были прочнее металла и чувствительнее языка. Я двинул правую руку к ближайшей точке, находившейся на одном уровне с моим бедром. Коснувшись этого участка с большей яркостью, я нащупал пульс старого заклинания. Затем я поднажал, сделав отростки Логруса тоньше и тоньше, пока он не прошел. Тут же пульсация стала постоянной. Я повторил эксперимент в месте повыше и слева. Некоторое время я стоял, ощупывая замуровавшую дверь силу, а тоненькие нити манипуляторов подрагивали в ее матрице. Я попробовал двинуть мимо нее, сперва вверх, потом вниз. Правый соскользнул чуть дальше, чем левый, в обоих направлениях, прежде чем его остановили сжатие и сопротивление. Я вызвал новые силы из тела Логруса, пылавшего словно призрак во мне и передо мной, и влил эту энергию

в перчатки-манипуляторы, и когда я это сделал, узор Логруса вновь изменил свою форму. Я опять попробовал двинуть руками, правая скользнула вниз примерно на фут, прежде чем задержалась в пульсации, когда же я толкнул ее вверх, она поднялась до конца, точнее, почти до конца. Я опять попробовал левую. Наверх она прошла до конца, но когда я направил ее вниз, она опустилась дюймов этак на шесть ниже начальной точки. Я глубоко вздохнул и почувствовал, что начинаю покрываться потом. Накачав в перчатки-манипуляторы добавочно энергии, я заставил их отростки опуститься ниже. Сопротивление там оказалось сильнее, и пульсация прошла по рукам, пронизав все мое существо. Я остановился и отдохнул, а затем поднял силу на еще более высокий уровень интенсивности. Логрус снова заизвивался, и я снова повел обе руки вниз до самого пола, а затем опустился на колени и постоял, тяжело дыша, прежде чем начать двигаться вдоль нижней линии. Всякая щепетильность в этом деле ничего бы не дала, тут нужна была только грубая сила. Я вытащил манипуляторы и внимательно осмотрел свою работу. Справа, слева и внизу тонкие красные линии стали теперь широкими, огненными лентами. Их пульсацию я

ощущал даже на расстоянии. Я встал, поднял руки и принялся за верхнюю линию, начав с углов и двигаясь к середине. Тут дело пошло успешнее, чем раньше. Через вскрытые участки просачивалась сила и добавляла определенное давление, так что мои руки просто проплыли до середины. Когда они сошлись я, казалось, услышал что-то, похожее на тихий вздох. Тогда я опустил руки и полюбовался своей работой. Теперь весь контур буквально пылал, но было в этом и нечто большее. Яркая линия, казалось, чуть ли не текла, круг за кругом. Я постоял так несколько минут, расслабляясь и успокаиваясь, а также набираясь храбрости. Я был уверен: эта дверь приведет в иное Отражение. А там могло быть все, что угодно. Когда я открою ее, вполне вероятно, что кто-то может напасть на меня. Но, впрочем, она простояла замурованной длительное время. Так что западня, скорее всего, будет иной. Я открою дверь и ничего не случится. Тогда передо мной встанет выбор: всего лишь заглянуть туда, либо войти. Ведь не очень-то многое можно будет увидеть, просто стоя тут и глядя в дверь… Поэтому я снова протянул вперед Логрусовые конечности, взялся за дверь с обеих сторон и толкнул. Подалась она с правой стороны, поэтому левую я отпустил и

продолжал давить на правую, пока вся эта штука внезапно не распахнулась внутрь. Я смотрел в жемчужный туннель, который через несколько шагов начинал расширяться. Далее простиралась рябь, похожая на горячее марево над дорогой в жаркий летний день. По туннелю проплывали клочья субстанции красного цвета, перемежающиеся темными силуэтами. Я ждал, наверное, полминуты, но ничего не случилось. Я приготовил Фракира к неприятностям и сохранил связь с Логрусом. Потом двинулся вперед, вытянув перед собой зонды-манипуляторы, и вступил в туннель. Внезапная перемена давления заставила меня насторожиться. Дверь закрылась и уменьшилась, и теперь казалась крошечным красным кубиком. Конечно, шаги тоже могли перенести меня на большее расстояние, если таким образом срабатывали правила этого пространства. Я продолжил движение, и горячий воздух налетел на меня, поглотил меня, остался со мной. Стены прохода раздвинулись, пространство впереди продолжало переливаться и плясать, и идти стало затруднительно, словно я вдруг пошел вверх в гору. С этого места, где зрение все еще подводило меня, я услышал звук, похожий на карканье, и Логрусовый манипулятор левой руки наткнулся

на что-то, от чего он слегка отдернулся. Фракир запульсировал, и одновременно с ним через зонд я уловил угрозу. Я вздохнул. Я и не ожидал, что будет легко. Если бы спектакль ставил я, то не позволил бы кому попало шастать через замурованную дверь.

— Эй, грязная задница! Стой там, докуда дошел! — прогремел голос спереди.

Я продолжал двигаться вперед. Снова раздался громовой голос:

— Стой, я сказал!

По мере того, как я продвигался вперед, все окружающее стало постепенно обретать конкретную форму, и внезапно слева и справа от меня возникли стены необработанного камня, сходящиеся над головой в одну линию. Путь мне преграждала огромная, толстая фигура, похожая с виду на пурпурного Будду, но с ушами летучей мыши. Когда я приблизился, стало возможным разглядеть выступающие клыки, желтые глаза, которые, казалось, не имели век, длинные красные ногти на громадных руках и ногах. Тварь сидела посередине туннеля, не делая ни малейших попыток подняться. Огромный, разбухший живот покоился на коленях, скрывая пол. Голос у создания был грубовато-мужской, а запах — ха-

рактерно вонючий.

— Привет, вонючка — поздоровался я. — Хороший денек, не правда ли?

Создание заворчало, и температура окружающей среды, казалось, слегка повысилась. Фракир впал в неистовство, и я мысленно успокоил его. Существо нагнулось вперед и прочертило одним ярким когтем дымящуюся черту на каменном полу. Я остановился перед ней.

— Переступи через эту черту, колдун, и твоя песенка спета, — заявило чудовище.

— Почему? — ухмыльнулся я.

— Потому что я так сказал.

— Если ты собираешь пошлину, то скажи цену.

Создание качнуло головой.

— Проход мимо меня нельзя купить.

— Э… а что заставляет тебя думать, будто я колдун?

Существо открыло темную пещеру своего рта, показав еще больше притаившихся зубов, чем я подозревал, и издало что-то, похожее на грохот жестяного листа в глубине пасти.

— Я ощутил твое легкое прикосновение, — прогрохотало оно. — Это колдовской фокус, и никто, кроме колдуна, не смог бы добраться до места, где ты стоишь.

— Ты, кажется, не питаешь большого почтения к этой профессии.

— Я питаюсь колдунами, — уведомило меня чудище.

Я состроил гримасу, вспомнив некоторых стариков, знакомых мне по работе.

— Каждому свое, надо полагать. Так в чем же заключается сделка? Зачем здесь нужен проход, если через него нельзя пройти? Как же мне тут пробраться?

— Никак.

— Даже если я разгадаю загадку?

— На меня это не подействует, — отвергло мое предложение существо, но в его глазах появился слабый блеск. — Однако, ради спортивного интереса, что это такое зеленое и красное, и кружит, и кружит, и кружит? — спросило чудовище.

— Ты знаком со сфинксом?

— Дерьмо! — выругалось оно. — Ты ее слышал?

— Я много где бывал.

— А здесь не пройдешь.

Чудище, подумал я, должно обладать какой-то защитой от магических атак, коль его оставили тут задерживать колдунов. В чисто физической защищенности оно выглядело достаточно внушительно. Я гадал, насколько оно проворно.

Смогу ли, проскользнуть мимо него и убежать? Но решил, что экспериментировать не следует.

— Мне действительно надо пройти, — произнес я. — Срочное дело.

— Сожалею.

— Слушай, а что ты, собственно, с этого имеешь? Сидеть здесь посередине туннеля весьма паршивое занятие.

— Я обожаю свою работу. Меня создали для нее.

— А как вышло, что ты позволил сфинксу проходить туда и обратно?

— Магические существа не в счет.

— Хм…

— И не пытайся меня уверить, будто ты в действительности магическое существо, а потом состряпать какую-нибудь колдовскую иллюзию. Эту лажу я вижу насквозь.

— Я тебе верю. Кстати, как тебя зовут?

— В разговоре можешь называть меня Скроф, — фыркнуло чудище. — А тебя?

— Зови меня Кори.

— Ладно, Кори, я не против посидеть здесь и заняться с тобой лабудой — правила этого не запрещают. Это дозволено. У тебя есть три выбора, и один из них был бы настоящей глупостью. Ты

можешь вернуться туда, откуда пришел, и ничего при этом не потерять. Ты можешь также разбить лагерь прямо тут и пребывать здесь, сколько влезет. Я и пальцем не пошевелю, покуда ты будешь вести себя хорошо. А вот дуростью было бы перешагнуть через проведенную мной черту. В этом случае я тебя уничтожу. Это Порог, а я его Страж. И я никому не позволю пройти.

— Я ценю, что ты стремишься внести полную ясность.

— Это часть моей задачи. Так каков будет выбор?

Я поднял руку и силовые линии закрутились на всех кончиках моих пальцев, словно ножи. Фракир размотался с запястья, описывая сложные кривые. Скроф ухмыльнулся.

— Я питаюсь не только колдунами, но и их магией. На это может претендовать только существо, оторванное от первозданного Хаоса. Так что валяй, действуй, если ты полагаешь, что сможешь побороться со мной.

— Хаоса, да? Оторванное от первозданного Хаоса?

— Точно. Немногие могут устоять против него.

— Кроме, может быть, Повелителей Хаоса, — ответил я, перемещая свое сознание по разным

точкам своего тела. Тяжелая работа. Чем быстрее это проделываешь, тем она болезненнее.

Снова загрохотал жестяной лист.

— Ты знаешь, что шансы у Повелителей Хаоса забраться в такую даль котируются у Стража как два к трем? — осведомился Скроф.

Руки мои начали удлиняться, и я почувствовал, как порвалась у меня на груди рубашка, когда я повел плечами. Кости на моем лице переместились, а грудь моя все расширялась и расширялась…

— Хватит и одного к одному, — отозвался я, когда преображение завершилось.

— Дерьмо! — выразился Скроф, когда я переступил черту.

2

Я простоял некоторое время у самого входа в пещеру. Левое плечо болело, и правая нога тоже побаливала. Если бы я сумел обуздать боль до того, как преобразиться вновь, то имелась надежда, что большая часть ее рассосется. Однако этот процесс меня сильно утомил. Он требовал массу энергии, а двухразовое переключение с таким коротким промежутком может порядком истощить силы, особенно после моей схватки со Стражем. Поэтому-то я и отдыхал в той пещере, в которую привел, в конечном счете, жемчужный туннель, и рассматривал раскинувшуюся передо мной панораму. Далеко внизу и слева виднелся ярко-голубой и очень беспокойный водоем. Волны с белыми барашками как камикадзе набегали в атаках на серые скалы берега, а сильный ветер рассеивал брызги, и в этом тумане завис кусок радуги. Прямо передо мной и ниже расстилалась щербатая и курящаяся земля. Она периодически дрожала на милю длины вплоть до высоких темных стен изумительно огромной и сложной постройки, которую я сразу же окрестил Гор-

менгастом.[5] Она представляла собой смешение различных архитектурных стилей и превышала высотой даже дворец Амбера и выглядела так мрачно, будто это был сам ад. В это время строение подвергалось нападению. В поле под стенами скопилось немало войск, главным образом на отдаленном участке местности, выглядевшей более нормально, с остатками кое-какой растительности, хотя трава там была сильно утоптана и многие деревья свалены. У осаждающих имелись штурмовые лестницы и таран, который в данный момент находился в бездействии, да и лестницы валялись на земле. У подножия стен догорало то, что когда-то было целым застенным посадом. Там же на земле лежали многочисленные погибшие во время осады. Переместив взгляд, я увидел далеко внизу и справа, позади этой громадной цитадели сверкающий белизной участок. Он находился на выступающем краю массивного ледника и по нему хлестали бураны снега или кристаллов льда, образуя пелену, походящую на туман. Ветер, казалось, постоянно властвовал здесь. Я слышал, как он воет высоко над головой. Когда я, наконец, вышел из пещеры и поглядел

[5] Примечания: 5

Горменгаст (Замок Четырех Миров) — громадный замок из трилогии Мервина Пика.

вверх, то обнаружил, что нахожусь всего лишь посередине то ли массивного каменного склона, то ли низкой горы и с этого неудобного места завывание ветра слышалось еще громче. За спиной внезапно раздался звук «бух». Обернувшись, я не смог уже отыскать входа в пещеру. Когда я из нее вышел, путешествие по маршруту от огненной двери завершилось, заклинание распалось, и путь тут же закрылся. Полагаю, я мог бы отыскать контур на крутой стене горы, если бы захотел, но я не испытывал такого желания. На всякий случай я сложил на этом месте кучку камней, а затем снова осмотрелся, изучая местность. Справа от меня изгибалась узкая тропа, теряющаяся среди каких-то наставленных торчком камней. Я подошел к ним ближе и ощутил запах дыма. Я не смог определить, откуда он доносится: с поля битвы или из района вулканической деятельности внизу. Небо над головой казалось латаным одеялом из туч и света. Когда я остановился между двух камней и повернулся еще раз поглядеть на картину, раскрывающуюся внизу, то увидел, что нападающие разделились на группы, которые понесли лестницы к стенам. А также заметил, что с противоположной стороны цитадели поднялся вихрь, отдаленно напоминающий торнадо,

который стал медленно двигаться вдоль стен в направлении против часовой стрелки. В конечном итоге этот смерч должен был добраться до атакующих. Ловко! К счастью это их проблема, а не моя. Я спустился по каменистому склону и расположился на низком карнизе. И начал утомительную работу по смене обличья, что по моим расчетам должно было занять не более получаса. Переход от чего-то нормального, человеческого к чему-то редкому и странному, а для некоторых, возможно, и чудовищному и пугающему — а потом обратно, может показаться некоторым отвратительным. Напрасно. Мы ведь проделываем это каждый день, причем каждый по-разному, не так ли? Когда преображение завершилось, я полежал на спине, глубоко дыша и прислушиваясь к ветру. Камни защищали меня от его силы, и до меня доносилась только его песня. Я ощутил вибрацию от дальних содроганий земли и предпочел воспринимать их как мягкие и успокаивающие сигналы. Моя одежда превратилась в лохмотья, и я снова почувствовал себя усталым, чтобы выуживать новую одежду из Отражений. Боль в плече, кажется, исчезла. Осталось лишь слабое покалывание в ноге, да и оно все таяло и таяло… Я закрыл глаза на несколько минут. Ладно, я про-

бился, и у меня было сильное подозрение, — что ответ на вопрос об убийстве Джулии находится внизу, в осажденной цитадели. Так вот сразу я не видел легкого пути проникнуть туда и провести расследование. Но ведь возможен и другой путь. Я решил подождать на месте, где остановился отдохнуть, пока не стемнеет, если здесь происходит нормальная смена дня и ночи. Тогда я прокрадусь вниз, схвачу кого-нибудь из осаждающих и допрошу его. А если не стемнеет? Тогда придумаю еще что-нибудь. Но в данный момент приятнее всего было просто плыть по течению… Не знаю, сколько я там проспал. Разбудил меня стук сыпавшихся камней, доносившийся откуда-то справа. Я мгновенно проснулся, хотя и не зашевелился. Не слышалось никаких попыток подкрасться, а характер приближающихся звуков, напоминающих шлепанье свободных сандалий, убедил меня, что в моем направлении движется только одно существо. Я напряг и расслабил мускулы и проделал несколько глубоких вздохов. Между двух камней справа от меня появился чрезвычайно волосатый человек. Он был приблизительно пяти с половиной футов ростом, очень грязный, на бедрах у него была темная звериная шкура, а на ногах сандалии. Он воззрился на меня и стоял

так пару секунд, прежде чем продемонстрировать в улыбке свои желтые, неровные зубы.

— Привет! Ты ранен? — спросил он на испорченной разновидности тари, которую, как мне помнилось, я никогда раньше не слыхивал.

Я лениво потянулся, а затем встал.

— Нет, — ответил я, — а почему ты спрашиваешь?

Улыбка не сходила с его физиономии.

— Я подумал, что ты, возможно, решил, что с тебя хватит этих сражений внизу, и что ты счел за благо покончить с ними.

— Ага, понимаю. Нет, тут совсем не то…

Он кивнул и шагнул вперед.

— Меня зовут Дэйв. А тебя?

— Мерль, — представился я, стискивая его грязную руку.

— Не беспокойся, Мерль, — успокоил он меня. — Я не выдаю никого из решивших податься с войны, разве что будут предлагать награду, а на этой войне ее не дождешься. Я сам смотался с нее много лет назад и ни разу об этом не пожалел. Моя война шла, как мне кажется, не так, как идет эта, и у меня хватило ума дать тягу. Никакой армии никогда не удавалось взять эту крепость, и, по-моему, никогда не удастся.

— А что это за крепость?

Он чуть склонил голову набок и прищурился, после чего покачал головой.

— Замок Четырех Миров, — ответил он. — Неужели вербовщик ничего тебе не рассказывал?

— Ни черта, — вздохнул я.

— У тебя есть курево?

— Нет, к сожалению, — весь свой трубочный табак я использовал еще в хрустальной пещере.

Я прошел мимо него к месту, откуда мог взглянуть между камней вниз. Мне хотелось еще раз посмотреть на Замок Четырех Миров. В конце концов, в нем ведь был ответ на мой вопрос. Так же, как и с ним связаны многочисленные шифрованные сводки в дневнике Мелмана. Повсюду под его стенами в беспорядке громоздились новые тела, точно разбросанные смерчем, который теперь возвращался обратно к той точке, откуда начал свое движение. Но, несмотря на это, небольшой отряд осаждающих сумел взобраться на стену. А внизу собирались новые силы, направляющиеся к лестницам. Один из ратников нес знамя, показавшееся мне смутно знакомым — черно-зеленое с рисунком двух сцепившихся друг с другом геральдических зверей. Две лестницы все еще стояли у стены, я разглядел, что за зубцами стены

идет яростный бой.

— Некоторые из нападающих, кажется, ворвались в крепость, — заметил я.

Дэйв поспешил ко мне и пригляделся. Я немедленно перебрался на наветренную сторону.

— Ты прав, — признал он. — Но это впервые. Если им удастся открыть эти проклятые ворота и впустить остальных, то, вероятно, у них появится какая-то надежда. Никогда не думал, что доживу до этого.

— А сколько лет назад осаждала эту крепость армия, в которой служил ты?

— Может быть, восемь, может быть, девять, а может и все десять лет, — пробормотал он. — Эти ребята настоящие молодцы.

— А из-за чего вся эта кутерьма?

Он повернулся и внимательно посмотрел на меня.

— Ты действительно не знаешь?

— Только-только попал сюда, — правдиво заверил я его.

— Проголодался? Хочешь выпить?

— Честно говоря, да.

— Тогда пошли, — он взял меня за локоть и направился обратно между двух камней, а затем повел меня по узкой тропке.

— Если это не тайна, куда ты меня ведешь?

— Я живу неподалеку. И взял за правило кормить дезертиров в память о былых временах. Для тебя я сделаю то же самое.

— Спасибо.

В скором времени тропа раздвоилась, и мы направились по правой, поднимавшейся вверх. В конечном итоге она привела нас к гряде скальных уступов, последний из которых находился на приличном расстоянии от остальных. В стене имелось много расселин, в одну из которых Дэйв и нырнул. Я последовал за ним на небольшом расстоянии. Он остановился перед низким входом в пещеру. Оттуда тянуло ужасающим запахом разложения, и было слышно, как там жужжат мухи.

— Это мой дом, — объявил он. — Я пригласил бы тебя войти, если бы там не было очень тесно.

— Ничего, ничего, — поспешно успокоил я его. — Я подожду.

Он вошел в пещеру и я сообразил, что аппетит у меня стремительно пропадает, особенно когда я представил, что он мог хранить в таком жилище. Через несколько секунд он появился снаружи с брезентовым мешком через плечо.

— Нашел кое-что приличное, — сообщил он.

Я направился обратно по расселине.

— Эй, ты куда?

— На воздух. Хочу вернуться на карниз, тут малость тесновато.

— А-а, ладно, — согласился он и зашагал со мной рядом.

Он принес две непочатые бутылки вина, несколько фляг с водой, свежую на вид буханку хлеба, несколько яблок и нарезанную головку сыра. Все это я обнаружил, когда мы уселись, на выступе перед входом в расселину, и он жестом предложил мне открыть мешок и заняться самообслуживанием. Осмотрительно расположившись с наветренной стороны, я выпил для начала немного воды и съел яблоко.

— У этой крепости бурная история, — он принялся рассказывать, доставая из-за пояса нож и отрезая себе сыра. — Я не знаю наверняка ни кто ее построил, ни сколько она тут стоит.

Заметив, что он собирается выковырять пробку из бутылки с вином ножиком, я остановил его и попробовал с помощью Логруса достать штопор. Получилось, и я тут же протянул его Дэйву. Открыв бутылку, он отдал мне ее целиком и откупорил для себя другую. Я беспокоился за собственное здоровье, и потому был благодарен ему за это, хотя и не испытывал желания напи-

ваться.

— Вот это я называю предусмотрительностью, — одобрил он штопор. — Мне уже давно требовалась такая штука.

— Оставь его себе. Расскажи мне лучше еще об этой крепости. Кто там обитает? Как вышло, что ты принял участие в нападении на нее? Кто нападает на крепость сейчас?

Глотнув вина, он продолжал рассказ:

— Самым первым хозяином этой крепости из всех, кого я знавал, был чародей по имени Шару Гаррул. Королева моей страны внезапно собралась, уехала и явилась сюда, — он замолк и какое-то время глядел куда-то вдаль, а затем презрительно фыркнул. — Ох уж мне эта политика! Я даже не знаю, какой тогда назвали предлог для такой поездки в «гости». В те дни я вообще не слышал об этом проклятом месте. Так или иначе, задержалась она надолго, и народ принялся гадать, не стала ли она пленницей. Или не заключает ли союз? Не завязала ли роман? Как я понял, она время от времени направляла сообщения, но они обычно содержали ни о чем не говорящую успокоительную чушь, если, конечно, там не передавалось тайных сведений, о которых людям, вроде меня, слышать не полагалось. Она к

тому же прихватила с собой приличную свиту и почетный караул, служивший только для блеска. Эти ребята были самыми закаленными бойцами, хотя и одевались в пышные наряды. Поэтому-то в то время и шло множество споров о том, что там происходит.

— Один вопрос, если можно, — перебил я его. — А какую роль во всем этом играл король? Ты не упомянул про него, а ему, казалось бы, полагалось знать…

— Умер, — прервал он мои рассуждения. — Она осталась красавицей-вдовой, и на нее сильно давили, настаивая на новом замужестве. Но она просто меняла одного любовника за другим и занималась различными интригами. Обычно ее любовники были военными или вельможами, или теми и другими одновременно. Однако, отправившись в это путешествие, она оставила управлять королевством сына.

— О, так значит принц был достаточно взрослым, чтобы сесть за руль?

— Да. Собственно говоря, он и начал эту проклятую войну. Набрал войско, устроил смотр и остался недоволен. Поэтому он связался с другом детства, человеком, считавшимся просто разбойником, но командовавшим крупным отрядом

наемников. Звали его Далт…

— Стоп! — притормозил я Дэйва.

Мысли мои неслись галопом, когда я вспомнил историю, рассказанную мне однажды Жераром, о странном человеке по имени Далт, выступившем против Амбера во главе частной армии, причем необычайно эффективно. Для противодействия ему пришлось вызвать самого Бенедикта. Силы Далта разгромили у подножия Колвира, а сам Далт был тяжело ранен. И хотя трупа так никто и не увидел, считалось, что от таких ранений он, несомненно, умрет. Но было там и еще кое-что.

— Твоя родина, — проронил я. — Ты так и не назвал ее. Откуда ты, Дэйв?

— Из страны под названием Кашера.

— А королевой у вас была Ясра?

— Ты слышал о нас? Откуда ты родом?

— Из Сан-Франциско.

— Не знаю такого места, — покачал головой Дэйв.

— А кто его знает. Слушай, у тебя хорошее зрение?

— Что ты имеешь в виду?

— Не так давно, когда мы смотрели на сражение, ты случайно не разобрал, какого цвета флаг у нападавших?

— Глаза у меня не те, что раньше, — признался он. — Знамя было черно-зеленое, с какими-то зверями на нем.

Я присвистнул.

— Ручаюсь, лев, терзающий единорога. Похоже, это флаг Далта.

— А какой смысл этого герба?

— Он ненавидит амберитов, вот что это значит. Однажды он даже выступил против них.

— Я в этом не разбираюсь.

— Я попробовал вино. Неплохое.

«Значит, тот самый», — подумал я и спросил:

— Ты не знаешь, почему он их ненавидит?

— Как и припоминаю, они убили его мать. Что-то, связанное с пограничными войнами. Они в последнее время стали запутанными. Подробностей я не знаю.

Я вскрыл жестянку с мясом, отломил хлеба и сделал бутерброд.

— Продолжай, пожалуйста, свой рассказ, — попросил я.

— А на чем я остановился?

— Принц, призвал Далта, так как беспокоился за мать, и ему спешно требовались боеспособные войска.

— Совершенно верно, вот в те времена меня и

забрали служить в армию Кашеры пехотинцем. Принц с Далтом провели нас темными путями, пока мы не очутились у той крепости внизу. А потом мы просто делали то же, что делают сейчас эти ребята.

— И что же случилось?

— Сперва дела у нас пошли скверно, — засмеялся он. — Я думаю, что тому, кто там главный, легко удается управление стихиями вроде смерча, который ты видел недавно. На нас обрушивались и землетрясения, и бураны, и молнии, но мы все равно как-то продолжали переть на стены. Моего брата до смерти опалило кипящим маслом прямо у меня на глазах. Вот тогда-то я и решил, что с меня хватит. Я сбежал и забрался сюда. Меня никто не преследовал, и поэтому я остался ждать и наблюдать. Вероятно, мне не следовало бы этого делать, но я не знал, как пойдут дела. Полагал, что все будет продолжаться в том же духе. Но я оказался неправ, а возвращаться было уже слишком поздно. Сделай я это, мне бы оттяпали башку или какие-нибудь другие ценные части тела.

— Что же произошло?

— У меня такое впечатление, что нападение вынудило Ясру действовать. Она явно с самого начала замышляла разделаться с Шару Гаррулом

и самой стать хозяйкой крепости. Я думаю, она одурачила его, вошла к нему в доверие, а потом нанесла роковой удар. По-моему, она малость побаивалась этого старика, но когда на пороге появилась ее армия, ей пришлось выступить, хотя она и не подготовилась к этому. Ясра вступила с ним в колдовской поединок, а ее стража отвлекала внимание его ратников. Она победила, хотя, как я понял, и сама не осталась невредимой. И к тому же чертовски разозлилась на сынка за то, что он привел армию без ее приказа… Так или иначе, ее стража открыла им ворота и она захватила власть в Замке. Вот это-то я и имел в виду, говоря, что никакая армия не брала эту крепость. Тот захват произошел изнутри.

— А как ты узнал об этом?

— Как я уже говорил, когда дезертиры бегут на эту сторону, я их кормлю и получаю новости.

— Из твоих слов у меня сложилось впечатление, что были и другие попытки захватить эту крепость. Они, должно быть, происходили уже после того, как власть в Замке переменилась?

Он кивнул и снова взглянул вниз.

— Точно. Так как она и ее сынок отсутствовали в Кашере, там произошел переворот. Устроил его один из вельмож по имени Касман, брат одного

из ее покойных любовников по имени Ясрик. Этот Касман захватил власть и хотел убрать со своего пути ее и принца. Нападал он на крепость не меньше шести раз, но так и не смог ее взять. Наконец, как мне думается, он примирился с ничьей. Потом, после этого, она отослала сына из крепости, возможно для того, чтобы набрать новую армию и возвратить ей трон. Точно не знаю, это было очень давно.

— А как насчет Далта?

— С ним расплатились какой-то добычей из Замка — добра там явно хватало с избытком — и он собрал все свои войска и вернулся туда, где обычно располагался.

Я вновь пригубил вино и отрезал кусок сыра.

— А как получилось, что ты оставался тут все эти годы? Ведь жизнь здесь кажется довольно тяжелой?

Дэйв кивнул.

— Я просто не знаю пути домой. Нас привели сюда странными тропами. Я думал, что найду их, но когда принялся за дело, то понял, что мне это не удастся. Полагаю, что я мог бы просто пойти куда глаза глядят, но тогда я наверняка заблудился бы. Кроме того, я знаю, что тут могу прожить. Через несколько дней посады отстроят

и в них вернутся крестьяне, кто бы ни победил. А крестьяне думают, что я святой, молюсь здесь наверху и предаюсь самосозерцанию. Между тем, стоит мне забрести вниз, как они стекаются ко мне целыми толпами, просят благословить и дают столько еды и вина, что мне хватает надолго.

— А ты святой? — осведомился я.

— Просто прикидываюсь, — откровенно признался он. — Они от этого счастливы, а я сыт. Однако не болтай об этом.

— Не буду, да они все равно мне не поверили бы.

— Ты прав, — рассмеялся он.

Я поднялся на ноги и немного прошелся по тропе еще раз посмотреть на Замок. Лестницы валялись на земле, а кучи мертвецов заметно возросли. Никаких признаков борьбы за стенами я не разглядел.

— Ворота уже открыли? — окликнул меня Дэйв.

— Нет. Кажется, тех, кто ворвался, не хватило для такой задачи.

— А черно-зеленое знамя где-нибудь видно?

— И его нет.

Он поднялся и подошел, неся обе бутылки, передавая мне мою. Мы снова выпили. Войска

начали отступать от стены Замка.

— Как ты думаешь, они отходят, или перегруппировываются для нового нападения? — спросил он меня.

— Не могу сказать ничего определенного.

— Что бы там ни было, а ночью внизу найдется немало добычи. Если ты здесь задержишься, у тебя будет все, что мы сможем унести.

— Мне любопытно, — вернулся я к интересующей меня теме, — почему Далт вновь стал нападать, ведь он в хороших отношениях с королевой и ее сыном?

— Думаю, что только с сыном, — уточнил Дэйв, — а его там нет. А мамаша, говорят, настоящая сучка. И, в конце концов, этот парень всего лишь наемник. Вполне возможно, что его нанял Касман выступить против Ясры.

— А может быть, ее там и нет, — предположил я; не имея ни малейшего понятия о скорости течения здешнего времени, но вспоминая о своей недавней встрече с этой дамой. Воспоминания о ней вызвали у меня странную цепочку мыслей. — Кстати, а как звать принца?

— Ринальдо. Такой рослый, рыжий парень.

— Так она его мать! — невольно вырвалось у меня.

— Именно так и становятся принцами, — расхохотался мой собеседник.

— Но… — начал я и задумался. Тогда это означало, что… — Бранд! — воскликнул я. — Бранд из Амбера!

— Ты слышал эту историю?

— В общем-то, нет. Только то, что известно. Расскажи мне ее всю.

— А чего рассказывать-то? Она заарканила себе принца-амберита по имени Бранд. Ходили слухи, что они познакомились, совершая вдвоем какие-то магические действия, и это была любовь с первой крови. Она хотела удержать его, и я слышал разговор, будто они действительно поженились во время какой-то тайной церемонии. Но его не интересовал трон Кашеры, хотя он был единственным, кого она могла бы согласиться усадить на него. Бранд часто путешествовал и подолгу отсутствовал. Я слышал разговоры, что именно он ответственен за случившиеся много лет назад Дни Тьмы, и что он погиб в великой битве между Амбером и Хаосом от рук своих же родственников.

— Точно, — подтвердил я, и Дэйв бросил на меня странный взгляд, полуозадаченный, полуозабоченный. — Расскажи мне о Ринальдо, — попросил

я.

— Да уж больше, собственно, и нечего рассказывать. Она родила его и, как я слышал, немного обучила искусству. Он не очень-то хорошо знал своего отца, ведь Бранд подолгу отсутствовал. Рос он нормальным парнем, но был порядочным шалопаем. Много раз убегал из дома и шатался с отпетыми разбойниками…

— Ребятами Далта? — догадался я.

— Говорят, даже участвовал в их набегах, — подтвердил Дэйв, — хотя его мать в то время обещала награду за головы многих их друзей.

— Минуточку, ты утверждаешь, что она и в самом деле ненавидела этих разбойников и наемников…

— «Ненавидела», возможно, неподходящее для этого слово. Прежде ее вообще не волновало их существование, но когда с ними подружился ее сынок, то, по-моему, она просто взбесилась.

— Она считала их дурной компанией?

— Нет, кажется, ей не нравилось, что всякий раз, поругавшись с ней, он убегает к ним, и они принимают его.

— И все же, по твоим словам, она расплатилась с Далтом за счет казны Замка и позволила ему убраться восвояси после того, как они вынудили

ее выступить против Шару Гаррула.

— Да, это так. К тому же в тот момент между Ринальдо и мамочкой вышел большой спор именно по этому вопросу. И Ясра под конец уступила. Именно так я слышал от парней, присутствовавших при этом. Один из немногих случаев, когда мальчик действительно дал ей отпор и победил, как утверждали свидетели. Собственно, поэтому-то эти парни и дезертировали, так как она приказала казнить всех свидетелей этой ссоры. Скрыться удалось только им.

— Крутая дамочка…

— Что верно, то верно.

Мы вернулись к месту обеда и поели еще немного. Скорость ветра увеличилась и на море начался шторм. Я осведомился у Дэйва о больших собакообразных тварях, и он сообщил мне, что целые стаи их будут, вероятно, пировать сегодняшней ночью, поедая свежие трупы павших в битве. Такие животные водились в этой местности издавна.

— Мы делим добычу, — зловеще усмехнулся он. — Мне нужна еда, вино, любые ценности, а им нужны только покойники.

— А какой тебе прок от ценностей? — поинтересовался я.

Дэйв неожиданно встревожился, точно я лелеял мечту ограбить его.

— О, на самом деле добра не так уж много. Просто я всегда отличался бережливостью, — он включил задний ход! — К тому же, никогда нельзя сказать наверняка, что может пригодиться.

— Все верно, — согласился я.

— А как ты попал сюда, Мерль? — скороговоркой спросил он, словно желая отвлечь мои мысли от его добычи.

— Пешком.

— Что-то ты загибаешь. Сюда никто не приходит по доброй воле.

— Я не знал, что иду сюда. И не думаю также, что надолго здесь задержусь, — добавил я, заметив, что он принялся поигрывать ножичком. — Нет смысла спускаться вниз и напрашиваться в гости в такое время.

— Да, — согласился он с облегчением.

«Уж не думает ли старый болван действительно напасть на меня для защиты своего тайника с сокровищами? Он уже имел достаточно времени, чтобы спятить, живя один в вонючей пещере и притворяясь святым», — подумал я, а вслух спросил:

— Ты хотел бы вернуться в Кашеру? — пред-

ложил я ему. — Если бы я вывел тебя на верную тропу?

Он кинул на меня хитрый взгляд.

— Ты не так уж много знаешь о Кашере, иначе не задавал бы этих вопросов. А теперь ты говоришь, будто можешь отправить меня домой!

— Как я понимаю, тебе этого не хочется.

— Больше нет, — вздохнул он, — в общем-то, не хочется. Сейчас уже слишком поздно. Это место стало моим домом, и мне нравится быть отшельником.

Я пожал плечами.

— Ну, спасибо тебе, что накормил, и за все новости, — я поднялся на ноги.

— Куда ты теперь? — поинтересовался Дэйв.

— Похожу немного, посмотрю, а потом отправлюсь домой.

Я попятился, отступая и глядя на сумасшедшие огоньки в глазах отшельника.

Он поднял нож и сжал рукоятку. Затем опустил его и отрезал еще один кусок сыра.

— Вот, можешь взять с собой немного сыра, если хочешь, — предложил он.

— Да нет, не надо. Спасибо.

— Просто хочу сберечь тебе деньги. Счастливого пути!

— Спасибо. Счастливо оставаться!

Всю дорогу при спуске по тропе я слышал, как он посмеивается. А потом смех заглушил ветер. Следующие несколько часов я потратил на изучение местности. Походил по горам. Спускался к курящимся дрожащим равнинам. Прошелся по берегу моря. Прогулялся по нормальному с виду участку суши и перебрался через перешеек ледяного поля. И все время, старался держаться как можно дальше от самого Замка. Я хотел по возможности тверже зафиксировать в памяти эту местность, чтобы легче было находить сюда дорогу через Тени, а не утруждать себя заново открытием двери. По пути я видел несколько стай собакообразных созданий, но их больше интересовали тела убитых, чем движущийся объект. На всех топографических границах местности стояли пограничные камни со странными письменами, и я гадал, чем они служат — вешками для картографов или чем-то еще. В конце концов, я выворотил один из камней на пылающей земле и проволок его примерно на пятнадцать футов в район снега и льда. Меня чуть ли не сразу сшиб с ног удар содрогнувшейся земли, однако я сумел вовремя выкарабкаться из разверзшейся трещины и, убраться подальше от расхулиганив-

шихся гейзеров. Менее чем через полчаса участок предъявил права на ограниченный камнем отрезок холодной земли. К счастью, я быстро убрался подальше от изменяющейся поверхности и наблюдал окончание этого явления издалека. Но надвигалось и еще кое-что. Я пригнулся, чтобы укрыться среди скал и добрался полусогнувшись до подножья хребта, откуда я начал свой поход. Там я отдохнул и понаблюдал некоторое время, как перестраивается тот небольшой сегмент территории, а ветер застилает землю дымом и паром. Подскакивали и катались камни. Затем я заметил движение, которое сперва счел сейсмическим по происхождению. Перемещенный мною пограничный камень слегка приподнялся и покатился в сторону. Однако миг спустя его унесло еще дальше, и он проплыл над выжженным участком, двигаясь по прямой с постоянной скоростью до тех пор, пока, настолько я мог судить, не занял свое прежнее место и положение. И утвердился там. Спустя несколько мгновений видоизменение земли возобновилось, и на сей раз наползал неровными толчками клин ледяного покрова, забирая обратно в свои владения захваченный и ставший теплым участок. Я вызвал Логрусово зрение и стал различать окружающее камень

темное свечение. Оно соединялось с длинным, прямым и постоянным потоком света того же оттенка, протянувшимся из высокой задней башни Замка. Это зрелище завораживало. Много бы я дал, чтобы получить возможность заглянуть внутрь этой постройки. А затем, появившись со вздохом, повзрослев со свистом, из опорного района, поднялся смерч, разрастаясь, ширясь, колышась, и вдруг понесся ко мне, точно машущий хобот какого-то облачного слона, ростом до неба. Я повернулся и залез повыше, петляя среди скал и обходя горные отроги. Эта штука погналась за мной, словно ее движением обладал какой-то разум. И то, что смерч разломился, проходя над этой неровной, песчаной поверхностью, указывало на его искусственное происхождение, что в данном случае, скорее всего, означало магию. Для определения соответствующей магической защиты требуется некоторое время, а ввести ее в действие мгновенно тоже невозможно. К несчастью, я опередил погоню всего лишь на какую-то минуту, и запас этого времени все сокращался. Когда за следующим поворотом я заметил расселину, неровную, точно зигзаг молнии, то лишь на миг остановился вглядеться в ее глубину, а затем стал туда спускаться. Лохмотья одежды

хлестали меня по бокам, за спиной ощущалось шумящее присутствие смерча… Путь вел вглубь, я продвигался, отмечая углубления и повороты. Громыхание переросло в рев, и я закашлялся, когда меня поглотила туча пыли. Затем на меня обрушился град мелких камешков. Тогда я бросился наземь, втиснулся в восьмифутовую впадину и закрыл голову руками, так как считал, что эта штука пройдет надо мной. Лежа так, я бормотал ограждающее заклинание, которое, правда, в этой ситуации обладало минимальным действием. Когда наступило безмолвие, я не поспешил подняться на ноги. Возможно, кто-то управлял смерчем и прекратил нападение, убедившись, что я оказался вне пределов досягаемости. Быть может, меня ожидало нечто худшее. Хотя я и не вставал на ноги, но голову приподнял. А затем я увидел лицо, нет, скорее маску в центре бури, глядящую на меня. Это, конечно же, была проекция натуральной величины и не вполне материальная. Голову закрывал капюшон: цвет лица был ярко-синий, черты — округлые, все вместе здорово смахивало на маску, используемую хоккейными вратарями. В ней были два вертикальных дыхательных прореза, из которых валил дым немного наигранно, как мне показа-

лось. Ниже располагались в случайном порядке две дырочки, наверное, означающие язвительно скривившийся рот. Из-за маски до меня донесся искаженный смешок.

— А тебе не кажется, что ты немного переигрываешь? — я встал пригнувшись и поднял между нами Логруса. — Это годится разве что для детей на маскараде. Но мы же здесь взрослые, не так ли?

— Ты сдвинул мой камень! — прогремела маска.

— Я испытывал определенный академический интерес к таким делам, — я подготовил манипуляторы. — Не стоит расстраиваться из-за пустяков. Это ты, Ясра? Я…

Снова раздалось громыхание, сперва тихое, потом постепенно усиливающееся.

— Я заключу сделку, — предложил я. — Ты отзываешь смерч, я же обещаю не сдвигать больше вешек.

Вновь послышался смех, раздавшийся вместе с усиленным звуком бури.

— Слишком поздно, — донесся ответ. — Слишком поздно для тебя. Если только ты не круче, чем выглядишь.

Какого черта! В битве не всегда выигрывает

сильнейший, и хорошие парни обычно побеждают, так что именно они пишут мемуары. Я повернул проекции Логрусовых щупалец, проведя ими по нематериальности маски, пока не нашел отверстие, ведущее к источнику звука. Я сделал выпад сквозь него — это было равнозначно сильному электрическому разряду. Раздался вопль. Рухнула маска, исчез смерч, и я очутился на ногах, бросившись бежать. Я не хотел бы находиться на том же месте, когда тот, кого я ударил, придет в себя, ибо это место может подвергнуться внезапному удару. У меня был выбор — либо рвануться в Отражения, либо найти более быстрый путь отступления. Если по пятам за мной последует колдун, то он сможет увязаться следом по Отражениям. Поэтому я вытащил свои Карты и отыскал Рэндома. Затем я завернул за скальный выступ, и там мне все равно пришлось бы остановиться, так как расселина настолько сузилась, что человеку пройти было невозможно. Я поднял Карту и мысленно потянулся к Рэндому. Контакт последовал почти сразу же. Но когда образ приобрел реальность, я ощутил постороннее прикосновение. И сразу же появилась уверенность, что меня снова разыскивает Немезида в синей маске. Наконец Рэндом приобрел реальность. Он

сидел за барабаном с палочками в руках. Увидев меня, он отложил палочки и поднялся.

— Самое время, — проговорил он, протягивая руку.

Уже потянувшись к ней, я почувствовал, как ко мне что-то приближается. Когда наши пальцы соприкоснулись, и я шагнул вперед, ощущение осталось позади. Я оказался в музыкальном салоне Амбера. Рэндом открыл рот, готовый заговорить, когда на нас обрушился каскад цветов. Стряхивая с рубашки фиалки, он недоуменно посмотрел на меня.

— Я предпочел бы, чтобы ты сказал это словами, — заметил он.

3

Портрет художника, пути пересеклись, температура падает… Солнечный полдень и прогулки по небольшому парку после легкого завтрака, предположительное молчание, односложные ответы и попытки завязать разговор, указывающие на то, что не все благополучно на другом конце туго натянутой нити, связывающей нас. Потом мы сидим на пляже, глядя на цветочные клумбы, и души настигнуты телами, а слова — мыслями.

— Ладно, Мерль, какой твой счет? — спрашивает она.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, Джулия.

— Не остри. Мне нужен всего-навсего прямой ответ.

— На какой вопрос?

— То место, куда ты меня отвел с пляжа прошлой ночью… Где оно было?

— Это был… ну, такой сон.

— Ерунда! — она поворачивается лицом прямо ко мне, и я должен встретиться со взглядом этих сверкающих глаз и ничего не выдать ни единым движением лица. — Я побывала там несколько раз, отыскивая пройденный нами путь. Там нет

никакой пещеры. Там ничего нет! Что же тогда случилось?

— Может быть, накатил прилив и…

— Мерль! Ты что, принимаешь меня за идиотку? Того, пройденного нами пути нет на картах. В здешней округе никто и никогда не слышал о подобных местах. Они географически невозможны. Время дня и года постоянно менялись. Единственное, что может это объяснить — сверхъестественность или паранормальность — называй это, как тебе нравится. Что произошло? Ты обязан ответить мне, и ты знаешь это! Что случилось? Где мы были?

Я отвожу взгляд, скольжу по носкам туфель, по цветам и дальше, дальше…

— Я — не могу сказать.

— Почему?

— Я… — что я мог сказать? Только не об Отражениях. Эта новость поколеблет и уничтожит ее представление о действительности. Проблема заключается скорее в понимании, что в таком случае потребуется также рассказать ей, откуда я это знаю, а значит и поведать, кто я такой, откуда я и что я собой представляю… А я боялся, чтобы она это знала. Я уверял себя, что, сделав это, я столь же верно положу конец нашим отношени-

ям, как и не рассказывая ничего, а если они все равно должны прекратиться, то я предпочел бы расстаться, не обременяя ее такими знаниями. Позже, намного позже я понял, что мои умозаключения были всего лишь рационализированием. Настоящая же причина заключалась в том, что я не мог допустить ее, или кого-нибудь еще близко к себе, такому, каков я есть на самом деле. Знай я ее подольше, получше, скажем, еще год, я, может, ответил бы ей. Не знаю. Мы никогда не употребляли слова «любовь», хотя оно, должно быть, иной раз приходило ей на ум, как приходило мне. Полагаю, дело заключалось в том, что я любил ее не настолько, чтобы довериться, а потом уже было слишком поздно. Поэтому я все время твердил: «Я не могу тебе это сказать».

— Ты обладаешь каким-то могуществом, которым не хочешь делиться со мной.

— Что ж, называй это так.

— Я сделаю все, что ты скажешь, пообещаю тебе, что ты потребуешь от меня пообещать.

— На то есть причина, Джулия.

Она поднимается на ноги, упершись руками в бедра.

— И ты не раскроешь даже ее?

Я мотаю головой.

— Вероятно, ты маг и живешь в изолированном мире, раз туда запрещен вход даже тем, кого ты любишь.

В этот момент мне кажется, что она просто применяет последний прием, чтобы добиться от меня ответа. Я еще сильнее укрепляю свою решимость.

— Я этого не говорил.

— Тебе и не требуется. Об этом свидетельствует твое молчание. А если ты заодно знаешь дорогу к дьяволу, почему бы тебе туда не направиться? Счастливого пути!

— Джулия, но…

Она предпочитает не слышать меня. Натюрморт с цветами.

Пробуждение. Ночь. Осенний ветер за моим окном. Сны, живая кровь без тела… коловращение… Я опустил ноги с постели, потирая глаза и виски. Светило полуденное солнце, когда я закончил рассказывать Рэндому свои приключения, и по его заверениям ему не все было понятно, но он отправил меня малость вздремнуть. Я испытывал недомогание от пересечения нескольких Теневых потоков времени и чувствовал себя в тот момент совершенно разбитым, так как не был уверен, какой, собственно, сейчас час. Я проснул-

ся, встал, привел себя в порядок и облачился в свежую одежду. Я понял, что не смогу больше заснуть, и вдобавок ощутил голод. И я испытывал желание поскорее отправиться в какой-нибудь ресторан. Появилось настроение прогуляться. Как мне показалось, я не бывал за пределами дворца в городе не один год. Я спустился вниз, миновал несколько залов и большой холл, связующий нефасадную сторону с коридором, по которому я мог бы, если бы захотел, пройти всю дорогу до самой лестницы, но тогда я разминулся бы с парой гобеленов, с которыми надлежало поздороваться: один с изображением идиллической лесной сцены с парочкой, прогуливающейся после пикника, а другой с изображением сцены охоты и людей, преследующих великолепного оленя, у которого, похоже, все-таки есть шанс уйти, если он осмелится на рискованный прыжок… Я прошел через холл и проследовал по коридору к потерне, где скучающего вида часовой по имени Джерли, услышав мое приближение, внезапно постарался казаться бдительным. Я остановился рядом и узнал, что его сменят с дежурства не ранее полуночи, до которой оставалось два часа.

— Я иду в город, — сообщил я, — Где можно прилично поесть в такое время суток?

— А что вам по вкусу?

— Дары моря, — решил я.

— В «Зеленом Фидлеровском», примерно в двух третях пути по Главной Площади, там подают весьма приличные блюда. Очень модное заведение…

— Меня не интересуют модные заведения, — покачал я головой.

— «Сеть» все еще считается приличным заведением, которое расположено недалеко от угла улицы Кузнецов, и оно, в общем-то, не модное.

— Но ты туда бы не пошел?

— Бывало, ходил, но в последнее время там ошивается множество аристократов и крупных купцов, а сейчас я чувствую себя там несколько неуютно. Но «Сеть» стала похожа на клуб.

— Черт! Мне вовсе не нужна атмосфера клуба. Просто хочется отведать вкусной, свежей рыбки. Куда бы ты пошел для этой цели?

— Это долгая прогулка. Надо спуститься к самым причалам с обратной стороны бухты и немного свернуть на запад. Но, может быть, вам не следует туда ходить? Час довольно поздний, а это не самый спокойный район с наступлением темноты.

— Это, случайно, не Закоулок Смерти?

— Иногда его называют и так, потому что по утрам находят трупы. Может, вам лучше направиться в «Сеть», раз вы один?

— Жерар однажды провел меня по тому району в дневное время. Думается, я прекрасно сумею разыскать дорогу. Как называется это заведение?

— «Окровавленный Билл».

— Спасибо. Я передам Биллу от тебя привет.

— Это невозможно, — качнул он головой. — Заведение переименовано в честь его кончины. Теперь им заправляет его двоюродный брат, Энди.

— О… А как же оно называлось раньше?

— «Окровавленный Сэм».

— Думаю, что в следующий раз его назовут «Окровавленный Энди».

Я пожелал ему спокойной ночи и вышел, подготавливая себя к длительной прогулке. Выбрал тропу к короткой лестнице, спускающейся вниз по склону к дорожке, ведущей к боковым воротам, часовой выпустил меня за ограду. Стояла прохладная ночь, и ветер с моря доносил запах осени, оголявшей окружающий меня мир. Направляясь к Главной Площади, я втянул ее запахи в легкие. До меня доносился отдаленный, почти забытый неспешный цокот копыт по мостовой,

словно всплывающий из сна или из памяти. Ночь была безлунной, а площадь внизу окаймлялась установленными на высоких столбах фонарями-шарами с фосфоресцирующими трубками с жидкостью, и вокруг них мелькали ночные бабочки. Добравшись до проспекта, я пошел прогулочным шагом. Ранние звездочки заполнили небо. Пока я прогуливался, мимо меня прокатило несколько закрытых экипажей. Какой-то старик, прогуливавший на цепочке зеленого дракончика, прикоснулся к шляпе, когда я проходил мимо, и произнес: «Добрый вечер». Он видел, откуда я иду, хотя я и не был уверен, что он узнал меня. Моя физиономия не так уж хорошо известна в городе. Через некоторое время на душе у меня полегчало, и я почувствовал, как в ногах прибавилось прыти. Рэндом был рассержен куда меньше, чем я ожидал. Поскольку Колесо-призрак не заварило никакой каши, он не велел мне его отключить. Он лишь предложил продумать оптимальный вариант действий.

А Флора уже связалась с ним и сообщила, кто такой Люк, отчего у него, кажется, полегчало на душе, так как теперь он знал, с кем имеет дело. Хотя я поинтересовался, как он намеревается разделаться с ним, он мне ничего не сказал. На-

мекнул, правда, что отправит в Кашеру агента с целью сбора информации. Но больше всего его, пожалуй, встревожило известие о том, что известный разбойник Далт все еще жив.

— В этом человеке есть что-то… — начал Рэндом.

— Что?

— Ну, хотя бы то, что, как я видел, Бенедикт проткнул его мечом. Обычно это означает конец карьеры.

— Крепкий сукин сын, — предположил я, — или же чертовски везучий. Или и то и другое.

— Если он тот же самый человек, то он сын Осквернительницы. Ты слышал о ней?

— Дила! — вспомнил я. — Ее ведь звали именно так? Какая-то религиозная фанатичка? Воинствующая проводница?

Рэндом кивнул.

— Она причинила уйму хлопот на периферии Золотого Круга, неподалеку от Бегмы. Ты когда-нибудь бывал там?

— Нет.

— Бегма — самая ближайшая точка на Круге по отношению к Кашере, вот это-то и делает всю историю особенно интересной. Она совершила массу набегов на Бегму и бегмийцы не могли

справиться с ней. Наконец они напомнили нам про договор о защите, который мы заключили почти со всеми королевствами Золотого Круга, и отец решил лично направиться туда и преподать ей урок. Слишком уж много она спалила святилищ Единорога. Он взял с собой небольшой отряд, разбил ее войска, захватил ее в плен и повесил кучу ее молодчиков. Она же сумела убежать и через пару лет, когда про нее почти уже все забыли, вернулась со свежими силами и вновь принялась за ту же работу. Бегма подняла вой, но отец был занят. Он послал Блейза с большим войском. Произошло несколько ничего не решающих стычек — у нее были разбойники, а не регулярная армия — и Блейз наконец-то загнал ее в угол и стер в порошок. В тот день она и погибла, возглавляя свои войска.

— И Далт ее сын?

— Так утверждают, и это похоже на правду, он длительное время досаждал нам, как только мог, стремясь отомстить за смерть матери. Наконец, он собрал довольно впечатляющие боевые силы и попытался совершить набег на Амбер, но Бенедикт уже поджидал его, имея за спиной свой любимый полк. Бенедикт раскрошил их на куски, и всё, безусловно, выглядело так, будто он

смертельно ранил Далта. Несколько молодчиков сумели вынести его с поля боя, поэтому-то мы и не увидели его тела. Но, черт возьми! Кого это тогда волновало?!

— И ты думаешь, что это мог быть тот самый парень, с которым дружил Люк в детские годы и позже?

— Ну, возраст примерно одинаковый, и в общем-то он устраивает набеги из того же района. Полагаю, это не исключено.

Идя неспешным шагом, я размышлял над услышанным. Ясра на самом деле, по словам отшельника, не любила этого парня. Так какую же роль он играл в делах сейчас? Слишком много неизвестного, неопределенного. Для ответа на этот вопрос требуются скорее знания, чем рассуждения, так что лучше предоставить этому делу двигаться своим путем, а самому отправиться наслаждаться едой… Я продолжал путь по площади. Невдалеке от нее на противоположной стороне я услышал смех и заметил, что в уличном кафе несколько столиков все еще занимают самые ярые любители алкоголя. Одним из них оказался Дронна, но он меня не заметил и я прошел мимо. Я не испытывал желания наблюдать за тем, как меня будут пытаться позабавить. Затем я свернул

на улицу Ткачей, и она привела меня туда, где поднималась, петляя из припортового района, Западная Лоза. Мимо торопливо прошла высокая дама в маске и серебристом плаще. Она села в поджидавший ее экипаж, оглянулась и улыбнулась из-под вуали. Я был убежден, что не знаю ее, о чем посожалел — у нее была симпатичная улыбка. Затем порыв ветра донес до меня запах дыма из чьего-то очага и заодно прошелестел опавшими листьями. Неожиданно для себя, я подумал о том, что где-то находится сейчас мой отец. Я направился далее по улице и свернул налево по Западной Лозе. Здесь было потеснее, чем на площади, но все же достаточно просторно, интервал между фонарями побольше, но для ночных прохожих освещения достаточно. Мимо проскакала пара всадников, распевавших незнакомую песню. Чуть позже над головой проплыло что-то большое и темное и устроилось на крыше по другую сторону улицы. С той стороны донеслось несколько царапающих звуков, потом наступила тишина. Я проследовал дальше, завернул направо, а затем налево. Тут, как я знал, дорога сильно петляла. Улица постепенно становилась круче. В какой-то момент спуска налетел ветерок со стороны порта, принесший первые за

весь вечер запахи соленого моря. Вскоре после этого, по моим подсчетам через два поворота, я увидел и само море. Далеко внизу покачивающиеся огоньки на искрящейся, вздымающейся глади за черной, ограждающей, изогнутой линией из ярких точек Портовой Дороги. На краю света и тени появились намеки на горизонт. Через несколько минут мне показалось, что я уловил отблеск удаленного света Кабры, а потом, при новом повороте дороги, он опять пропал. На улице, справа по ходу движения, пульсировало облако света, похожее на пролитое молоко, обрисовывая прозрачную решетку булыжников на самом дальнем ее конце. Возвышающийся над облаком столб мог рекламировать все что угодно, вплоть до парикмахерской для привидений. Треснувший шар на нем все еще слабо фосфоресцировал, напоминая мне об одной игре в черепах-на-полках, в которую мы детьми играли при Дворах. От светильника вниз по склону тянулись светящиеся следы, они становились все слабее и слабее и, наконец, исчезли совсем. Я направился дальше и, пройдя некоторое расстояние, расслышал крики морских птиц. Запах осени сменился запахом океана. Призрачный свет за моим правым плечом поднялся выше над водой, проплывая над смор-

щенным лицом глубин. Скоро… Пока я добирался до искомого места, мой аппетит увеличился до необъятных пределов. Впереди я заметил идущего по другой стороне улицы человека в черном плаще: по краям его сапог все еще не погасло свечение. Я вспомнил о рыбе, которую скоро буду есть, поспешил поравняться с фигурой в плаще и обогнал ее. Кошка в дверях ближайшего парадного перестала вылизывать свою задницу и, пока я проходил, смотрела на меня, Держа заднюю лапку в вертикальном положении. Повстречался еще один всадник. Я расслышал доносившиеся с верхнего этажа одного из затемненных зданий обрывки спора мужчины с женщиной. Еще один поворот, и в поле зрения появился рог луны. Через десять минут я добрался до припортового района и отыскал путь к Портовой Дороге. Почти полное отсутствие на ней светящихся шаров возмещалось светом из окон, множеством ведер с горящей смолой и светом взошедшей теперь высоко луны. Здесь запахи соли и океана стали сильнее, на дороге попадалось больше мусора, а прохожие отличались более колоритной одеждой и вели себя более шумно, чем на площади, если не считать Дронны. Я добрался до другого берега бухты, где звуки моря усилились: скрипы кораблей, грохот

цепей, удары каких-то судов поменьше о пирс. Я невольно подумал, где же сейчас находится «Звездная вспышка» — моя прежняя яхта. Вскоре я добрался до западного берега порта. Пара крыс гнала поперек моего пути черную кошку, пока я заглядывал в переулки в поисках нужного мне заведения. Здесь вонь человеческих экскрементов смешивалась с другими запахами, и я услышал крики и звуки борьбы где-то поблизости, что привело меня к выводу, что я нахожусь в нужном мне районе. Где-то вдалеке прозвенел бакенный колокол. Откуда-то поблизости донеслись несколько почти со скукой брошенных ругательств, предшествовавших появлению из-за ближайшего угла справа пары матросов, прошедших, ухмыляясь и пошатываясь, мимо меня. Через несколько минут они затянули песню, удаляясь прочь. Я двинулся дальше и взглянул на табличку, прикрепленную к углу дома. Она гласила:

Вот он-то мне и нужен, называемый обычно Закоулком Смерти. Я свернул туда. Это была точно такая же улица, как и любая другая. Первые пятьдесят шагов не было видно никаких трупов или даже мертвецки пьяных, хотя какой-то субъект из двери, мимо которой я проходил, пытался продать мне кинжал, а коренастый усатый тип

предложил организовать для меня что-нибудь молоденькое, свеженькое и пухленькое. Я отклонил и то, и другое, узнав у последнего, что нахожусь не так уж и далеко от «Окровавленного Билла». Затем я двинулся дальше. Бросаемые мною иногда быстрые взгляды по сторонам помогли мне заметить далеко позади три фигуры в темных плащах, которые, как можно было предположить, следовали за мной. Я заметил их еще на Портовой Дороге, но я мог и ошибиться. Мне подумалось, что они просто идут в ту же сторону, и я решил не обращать внимания на них. Пока все было спокойно. Они держались на почтительном расстоянии и когда я, наконец, отыскал «Окровавленного Билла» и вошел туда, последовали дальше, пересекли улицу и завернули в небольшое бистро рядом в переулке. Я оглядел «Билла». Стойка находилась справа от меня — столики слева — на полу подозрительного вида пятно. Вывешенный на стене щит предлагал сделать заказы у стойки и сообщить, куда я сяду. Ниже значился нацарапанный мелом сегодняшний улов. Я подошел к стойке и подождал, сосредотачивая на себе взгляды завсегдатаев, пока не подошел грузный мужчина с седыми и изумительно лохматыми бровями. Он поинтере-

совался, что бы мне хотелось. Я заказал морского окуня и указал на столик в глубине заведения. Он кивнул и сообщил мой заказ в отверстие на стене, а затем осведомился, не желаю ли я также бутылку «Ночи Билла». Я заявил, что это то, что нужно, и он вытащил из-под прилавка бутылку заодно со стаканом, откупорил ее и вручил мне. Тут же рассчитавшись, я направился к избранному мной столику и уселся спиной к стене. По всему заведению были развешены лампы, через закопченные стекла которых едва пробивалось пламя. За крайним столиком у входа трое мужчин, двое молодых и один среднего возраста, играли в карты и приканчивали бутылку. Еще один мужчина постарше сидел слева от меня один и сосредоточенно ел. Выше и ниже левого глаза у него тянулись скверные на вид шрамы, а на стуле справа от него покоился длинный, грозный меч, вытянутый из ножен примерно на шесть дюймов. Он тоже сидел спиной к стене. За другим столиком отдыхали молодцы с музыкальными инструментами. Перерыв между номерами, догадался я. Я налил себе в стакан желтого вина и пригубил. Вкус, отчетливо запоминающийся на долгие годы. Вино вполне годилось для употребления даже бочками. Барону

Бейлю принадлежало множество виноградников милях в тридцати на восток. Он являлся официальным поставщиком вин для Двора, и его красные вина заслуживали всяческих похвал. С белыми же, однако, он добился меньшего успеха, и часто дело заканчивалось тем, что он выбрасывал множество второсортных напитков на местный рынок. На бутылках изображался его герб и рисунок собаки — он любил собак — поэтому такую продукцию иногда называли «Собачья Моча» или «Моча Бейля», в зависимости от того, с кем разговариваешь. Некоторых любителей собак первое название обижало. Примерно в то же время, как мне принесли заказ, я заметил, что двое молодых людей, торчавших возле стойки, частенько поглядывали в моем направлении, обмениваясь словечками, часто ухмыляясь и откровенно зубоскаля. Я проигнорировал их поведение и уделил внимание вкусной рыбе. Чуть позже человек со шрамом за соседним столиком тихо произнес, не нагибаясь в мою сторону, едва шевеля губами:

— Бесплатный совет… По-моему, эти молодчики у стойки заметили, что у вас нет меча, и решили, что вы подходите им.

— Спасибо, — шепнул я.

В общем-то, я не слишком беспокоился относительно своих способностей разделаться с ними, но вообще-то предпочел бы избежать столкновения. Если для этого требовался всего-навсего меч, то дело легко поправить. Миг медитации и прямо передо мной заплясал Логрус. Через него я потянулся в поисках подходящего оружия — не слишком длинного, не слишком тяжелого, с удобной рукоятью, с широким темным поясом и ножнами. Дело заняло около трех минут, частично, я думаю, из-за волнения. Но, черт возьми, если осмотрительность требовала иметь меч, то я хотел, чтобы он был удобен. Когда меч очутился у меня в руках, я вздохнул и вытер лоб. Поблизости от Амбера трудно дотянуться до Отражений, труднее, чем в любом другом месте. Потом я медленно вытащил меч из-под столика вместе с поясом и прочими атрибутами, выдвинул его на полфута из ножен, следуя хорошему примеру, и положил на стул справа от себя. Парни у стойки уловили намек, а я усмехнулся им в лицо. Они быстро посовещались, на этот раз без многозначительных ухмылок. Я налил себе еще стаканчик и осушил его залпом, после чего вернулся к рыбе, насчет которой Джерли говорил чистую правду. Готовили тут отменно.

— Ловко проделано, — одобрил человек за соседним столиком. — Полагаю, такому фокусу трудно научиться?

— Тяжеловато.

— Оно и понятно. Так же, как и большинству прочих полезных вещей, иначе бы их проделывал каждый дурак. Однако они все равно могут за вами увязаться, потому что вы один. Это зависит от того, сколько они вылакают и насколько станут опрометчивы. Вас это беспокоит?

— Нет.

— Я так и подумал. Но сегодня они все равно на кого-нибудь нападут.

— Откуда вы знаете?

Он в первый раз откровенно посмотрел на меня и нехорошо усмехнулся.

— Эти парни одинаковы, как заводные игрушки. До свидания.

Он кинул на столик монету, встал, пристегнул пояс с мечом, напялил темную шляпу с перьями и направился к двери.

— Будьте осторожны, — бросил он через плечо.

— Счастливого пути, — кивнул я.

Когда он вышел из дверей, двое парней снова начали перешептываться, поглядывая на сей раз скорее ему вслед, чем на меня. Придя к решению,

они быстро смылись. На какой-то миг у меня возникло искушение последовать за ними, но что-то меня удерживало. Чуть позже я услышал доносившийся с улицы шум драки. Прошло не слишком много времени, как в дверях появился человек, покачнулся на пороге и упал лицом вниз. Это был один из парней. Ему перерезали глотку. Энди передернул плечами и позвал официанта уведомить местную полицию, а затем взял труп за сапоги и выволок наружу за дверь, чтобы тот не преграждал путь клиентам. Позже, заказав еще порцию рыбы, я осведомился у Энди об этом происшествии. Он мрачно улыбнулся.

— Худое дело связываться с эмиссаром Короны, — вздохнул он. — Их подбирают из крутых ребят.

— Тот парень, сидевший рядом со мной, работает на Рэндома?

Он изучил мое лицо и кивнул.

— Старина Джон работал и на Оберона. Всякий раз, когда он куда-то уезжает или возвращается откуда-то, он обедает у нас.

— Интересно, с каким он был послан заданием на этот раз?

— Кто знает, но мне он заплатил кашерийскими деньгами, а я точно знаю, что он не из Кашеры.

Уминая вторую порцию, я усиленно стал размышлять над услышанным. Сейчас посланник на пути ко дворцу. Почти наверняка миссия касается Люка и Ясры. Я гадал, как все это произойдет, и какая от этого будет выгода. После довольно продолжительных раздумий я заметил, что шум поутих, даже если учесть, что музыканты снова взялись за инструменты. Может, оба парня все время наблюдали за Джоном, а мы оба неправильно истолковали их взгляды? Или просто решили напасть на первого, кто выйдет один. Поймав себя на таких рассуждениях, я понял, что снова начинаю думать, как амберит — повсюду отыскивая заговоры — а вернулся я совсем недавно. Вероятно, неплохо, что мои мысли вновь вернулись к старым путям, так как я ввязался во множество дел, требующих гарантии самосохранения. Я прикончил стакан вина и оставил бутылку на столе, не допив нескольких глотков. Решил, что не следует дальше затуманивать голову, учитывая известные обстоятельства. Я поднялся и пристегнул пояс с мечом. Когда я проходил мимо стойки, Энди кивнул.

— Если вы случайно увидитесь с кем-нибудь из Дворца, — тихо попросил он, — то можете упомянуть, что я не ожидал этого происшествия.

— Вы их знали?

— Да, это матросы. Их корабль прибыл пару дней назад. У них здесь и раньше случались неприятности. Просвистят в два счета все свое жалование и ищут потом способ достать деньжат.

— Как вы думаете, они могут быть профессионалами по части устранения людей?

— Вы имеете в виду, что они знали, кто такой Джон? Нет. Они чересчур часто попадались, и главным образом по своей глупости. Рано или поздно они обязательно должны были наткнуться на кого-то, знающего свое дело, и кончить подобным образом. Не думаю, что кто-нибудь мог бы нанять их для чего-то серьезного.

— Так он и другого отправил на тот свет?

— Да. Это произошло дальше по улице. Поэтому можете упомянуть, что они просто оказались в неподходящее время в неподходящем месте.

Я пристально посмотрел на него, и он подмигнул мне.

— Я видел вас здесь вместе с Жераром несколько лет назад. У меня есть правило никогда не забывать лица, которые, возможно, стоит запомнить.

— Спасибо. У вас отлично готовят.

На улице уже стало прохладнее, чем раньше.

Луна зависла еще выше, а, море шумело погромче. В непосредственной близости улицы были пусты. Из одного заведения ближе к Портовой Дороге изливалась громкая музыка, сопровождаемая взрывами смеха. Проходя мимо, я заглянул туда и увидел, как усталая с виду женщина на маленькой сцене устраивала самой себе нечто вроде гинекологического обследования. Откуда-то поблизости раздался звон разбитого стекла. Из щели между зданиями вышел, пошатываясь, пьяный детина, вытянув руку вперед. Я отправился дальше. Ветер вздыхал среди мачт в порту, и я неожиданно обнаружил, что мне хочется, чтобы рядом со мной шел Люк, как в былые дни до того, как все усложнилось — так хотелось поговорить с кем-то моего возраста и склада ума. Все мои здешние родственники слишком много веков набирались не то цинизма, не то мудрости, чтобы так же, как я, смотреть на вещи. Через десять шагов у меня на запястье дико запульсировал Фракир. Хотя в тот миг никого поблизости не было, я даже не стал выхватывать меч, а просто бросился наземь, а затем покатился под защиту стены вправо. Одновременно с этим я услышал характерный шум со стороны здания через улицу напротив. Взглянув в том направлении, я увидел

торчащую из стены стрелу на такой высоте и под таким углом, что если бы я не упал вовремя, она могла бы поразить меня. Я чуть повернулся, чтобы выхватить меч и посмотреть направо. В ближайшем здании не было открытых окон и дверей. Оно было затемненным, а его фасад находился всего лишь в шести футах от меня. Но между ним и другими зданиями располагались тупики, и мысленно проследив путь стрелы, я выяснил, что она вылетела из одного такого тупика. Я снова проделал кульбит, поднявшись рядом с низким крыльцом, тянувшимся вдоль всей стены. Прежде чем полностью подняться на ноги, я забрался на него. Держась поблизости от стены, я двинулся вперед, кляня медлительность, которую компенсировала бесшумность. Когда я уже достаточно приблизился к углу и получил возможность наброситься на любого, выходящего из-за него, мне вдруг в голову закралась мысль, что он может обойти вокруг здания и наброситься сзади. Поэтому я прижался к стене, выставив вперед меч и бросая попеременно вперед и назад быстрые взгляды. Фракир залез в левую ладонь и висел наготове. Если никто так и не появится, что же мне тогда делать дальше? Ситуация, кажется, требовала привлечения магических сил. Но по-

скольку заклинания не подготовлены, то сейчас нет времени на них, так как речь идет о жизни и смерти. Я остановился, выровнял дыхание и прислушался… Он двигался осторожно, я же все равно слышал слабые звуки шагов по крыше. Это не исключало, что за углом скрывается еще один или даже несколько убийц. Я понятия не имел, сколько еще лиц могло участвовать в этой засаде, но она стала казаться чересчур изощренной для простого ограбления, а это значит, вряд ли в ней участвует один человек, они могли прибегнуть к нескольким вариантам нападения. Я замер, прикидывая варианты. Когда произойдет нападение, оно будет согласованным, в этом я был уверен. Я представил лучника со стрелой в тетиве, ждущего, сигнала. У того, кто на крыше, по всей вероятности, меч. Я предположил, что мечи будут и у других. Меня пока не интересовал вопрос, кто охотится за мной и каким образом они обнаружили меня, если только, в самом деле, это не наемные убийцы, разыскивающие меня. В данный момент такие соображения ничего не меняли. Если они сумеют обыграть меня, то я все равно стану покойником, с кем бы я ни связался. Снова звук наверху. Кто-то находился прямо надо мной. Теперь уже в любую секунду… С шумом и

с грохотом убийца спрыгнул с крыши на улице передо мной… Его крик явно служил также сигналом и лучнику, так как за углом здания сразу же послышалось движение, сопровождаемое звуком быстрых шагов. Не успели еще ноги спрыгнувшего коснуться земли, как я метнул в него Фракира, дав команду убить, и прыгнул на лучника еще до того, как он успел завернуть за угол, с занесенным для удара мечом. Мой удар рассек ему лук, руку и низ живота. Но удача не во всем сопутствовала мне: за лучником оказался еще один человек с обнаженным мечом, и еще кто-то бежал ко мне по крыльцу. Я уперся левой ногой в грудь согнувшегося лучника и с силой толкнул его назад в объятия его сообщника. Инерцию отдачи от толчка я использовал для резкого разворота, описав мечом широкую дугу. Человек, подбежавший сзади по крыльцу, парировал мой скользящий удар. Краем глаза я заметил, что спрыгнувший с крыши стоит на коленях и пытается освободить горло от Фракира, но тот отлично знал свое дело. Находившийся в моем тылу убийца, подхвативший раненого, был в очень выгодной для нападения позиции. Мне было необходимо что-то быстро предпринять, иначе его меч через несколько секунд познакомится с моими внутренностями.

Поэтому… Вместо того, чтобы ударить в очередной раз, я сделал вид, что споткнулся, а на самом деле перенес центр тяжести тела, заняв удобное положение. Мой противник напал, ударив сверху вниз. Я отпрыгнул в сторону и сделал выпад, извернувшись всем телом. Если бы он попытался соизмерить свой удар с углом этого выпада, пока я двигался, то за какие-то доли секунды мне стало бы это ясно. Опасная игра, но иного выбора я не видел. Даже когда мой клинок вошел ему в грудь, я не знал, попал ли он в меня. Мне пришлось двигаться дальше, пока я не остановлюсь, либо кто-то не остановит меня. Я продолжил движение, умудрившись использовать свой меч как рычаг, поворачивая его против часовой стрелки вместе с нанизанным телом и надеясь расположить его между собой и тем, четвертым убийцей. Маневр закончился частичным успехом. Я выиграл время, так как тот, уходя вбок, споткнулся и ему пришлось спрыгнуть с крыльца. Теперь мне нужно было всего лишь вытащить меч, тогда бой пойдет один на один. Я рванул его на себя…

— Проклятье! — воскликнул я.

Меч застрял между костей и не желал выходить наружу. А последний противник в это время сумел подняться на ноги. Я продолжал

разворачивать тело, удерживая его между нами и пытаясь одновременно высвободить левой рукой зажатый в кулаке трупа меч. И снова зачертыхался. Труп стиснул свое оружие мертвой хваткой, его пальцы обхватили рукоять подобно клещам. Поднявшийся враг мерзко улыбнулся, движением меча изыскивая способ совершить выпад. Именно в этот миг я и заметил сверкание голубого камня на его кольце, и это было ответом на вопрос, меня ли поджидали тут эти люди. Не переставая двигаться, я согнулся в коленях и схватил тело убитого пониже. Подобные ситуации хорошо западают в память — полное отсутствие сознательных мыслей и огромное количество мгновенных восприятий — вне времени, и все подвергается анализу потом. С разных концов улицы доносились крики. Я слышал, как к месту схватки бегут люди из домов и издалека. Под ногами вокруг хлюпала кровь, и я все время напоминал себе о ней. На мгновение в памяти и перед глазами оказался лучник и его лук, разрубленные за противоположной стороной крыльца. Удушенный любитель прогулок по крышам растянулся на земле справа от живого противника, угрожающего мне в настоящий момент. Подставляемое под удары тело вдруг стало мертвым грузом. С

огромным облегчением я осознал, что новых врагов не предвидится. Но между тем этот тип все кружил, высматривая удобную для удара позицию. Ладно… Время! Я изо всех сил толкнул труп на нападавшего, не став дожидаться этого воздействия. Риск, на который я пошел, не предоставлял мне времени для такого удовольствия. Сделав кувырок, я перекатился через плечо мимо человека, которого придушил Фракир. В этот момент послышался звук столкнувшихся тел и невнятный возглас, указывающий, что я хотя бы частично оправдал затраченные усилия. Насколько же оказался действенен этот поступок, это мне еще предстояло выяснить. Пока я пачкал одежду в грязи, моя правая рука ухватила меч задушенного, и я снова очутился на ногах, развернувшись в направлении последнего врага, выставив меч и отпрыгнув назад со скрещенными ногами. Едва успел… Он налетел на меня с яростным напором, и я быстро отступил, умудрившись парировать смертельный удар. Он все еще улыбался, но мой первый ответный выпад замедлил его атаку, а второй — остановил. На этом я решил остановиться и отстоять позицию. Он был силен, но я понял, что я быстрее. Люди, собравшиеся на шум, теперь приблизились и стали следить за поедин-

ком. До меня донеслось несколько громких, но глупых советов. Не могу сказать, кому же они предназначались, однако это не имело значения. Так мы фехтовали еще несколько минут, прежде чем я начал атаку, а он немного отступил. Я преисполнился уверенностью, что смогу взять его. Он нужен мне был живым, что несколько затрудняло дело. Сверкавшее и отступавшее вместе с ним кольцо с голубым камнем содержало тайну, на которую у него имелся ответ, который так мне был необходим. Я решил измотать противника, одновременно пытался развернуть его так, чтобы, отступая, он споткнулся о труп, и это уже почти получилось. Тем не менее, когда его левая нога попала на руку задушенного, он перенес свой вес на другую ногу, чтобы сохранить равновесие, и ему удалось превратить это движение в выпад. Мой клинок был убран, потому что я готовился к сильному удару сверху, когда он, споткнувшись, упадет к моим ногам. Полагаю, с моей стороны было ошибкой рассчитывать на подобное везение. Он отбил мой меч мне на грудь сильным ударом клинка, убрав при взмахе и собственное оружие, и наши тела столкнулись. Таким образом, я предоставил ему великолепную возможность ударить меня кулаком по почкам.

Левой ногой он тут же подставил мне подножку. Сила удара при нашем столкновении показала, что в данном эпизоде он взял верх. Самое лучшее, что я мог сделать в этом случае — схватить левой рукой край своего плаща, раскрутить его и запутать оба наших меча, когда мы упали. Одновременно с этим я попытался повернуться при падении, чтобы свалиться на него, что мне не удалось. Мы рухнули бок о бок, лицами друг к другу, при этом я сильно ударился ребрами о гарду моего меча. Моя правая рука очутилась подо мной, а левая еще не успела выпутаться из плаща. Его же левая рука оказалась свободной и он вцепился в мою физиономию, а я укусил его за руку, но не смог удержать ее зубами. В то же время я сумел, наконец, вытащить правую руку и умудрился ударить его в лицо. Он отвернул лицо, попытался двинуть меня коленом между ног, но попал по бедру, а затем намеревался ткнуть негнущимися пальцами мне в глаза. Я ухватился за его запястье и предотвратил коварный удар. Так как наши правые руки были прижаты, то силы оказались равными. Поэтому все, что мне требовалось — это сжимать запястье. Кости его хрустнули, и он впервые вскрикнул. Тогда я просто оттолкнул его, перекатился в позицию на коленях и начал

подниматься, таща его за собой. Конец поединка. Я победил. Неожиданно он повалился на меня. Я, было, подумал, что это новая хитрость врага, но тут же заметил, что из его спины торчит клинок, и рука державшего его человека уже намеревалась вытащить смертоносную сталь.

— Сукин ты сын! — заорал я по-английски, но был уверен, что смысл этой фразы дошел до человека. Я бросил уже бесполезное тело и врезал кулаком по лицу незнакомца, свалившегося наземь, его клинок остался в спине моего поверженного врага. Я схватил его и посадил поудобнее.

— Кто тебя подослал? Как вы меня нашли? — спросил я.

Он слабо усмехнулся, и из его рта потекла струйка крови.

— Здесь даром не дают… — прохрипел он. — Спроси кого-нибудь другого, — и он рухнул вперед, измазав мне кровью рубашку.

Я потащил с его пальца кольцо с голубым камнем и добавил его к своей коллекции этих проклятых камней. Потом я поднялся и отыскал взглядом убившего его человека. Двое прохожих помогали ему подняться.

— За каким дьяволом ты влез в это дело?! —

рявкнул я, надвигаясь на него.

— Я спасал тебе жизнь, черт побери! — проворчал неудачливый спасатель.

— Твой удар мне еще дорого обойдется! Этот тип нужен был мне живым!

Тут заговорил человек слева от него, и я узнал этот голос, женщина чуть коснулась ладонью моей руки, которую, сам того не сознавая, я занес для новой затрещины.

— Он сделал это по моему приказу, — промолвила она. — Я опасалась за вашу жизнь и не поняла, что вы хотели взять его в плен.

Я посмотрел на ее бледные, гордые черты, полузакрытые темным плащом с поднятым капюшоном. Это была Виантa Бейль, подруга Каина, которую в последний раз я видел на похоронах. Она доводилась третьей дочерью барону Бейлю. Неожиданно меня пробрала дрожь. Набрав в грудь побольше воздуха, я сумел взять себя в руки.

— Понимаю, — проронил я. — Спасибо.

— Весьма сожалею, — извинилась она.

— Вы не знали, — качнул я головой. — Что сделано, то сделано. Я благодарен всякому, кто пытается мне помочь.

— Я все еще могу быть полезна вам, — заявила

она. — Может быть, в этом случае я и ошиблась, но, по-моему, вы по-прежнему подвержены опасности нападения. Давайте удалимся отсюда.

— Вы можете подождать меня минуточку? Подождите, пожалуйста, — попросил я.

Я отошел на несколько шагов к крыльцу и незаметно для окружающих снял Фракира с шеи удушенного наемного убийцы. Захваченный мною чужой меч кое-как подошел к ножнам, и я загнал его туда, поправив сбившийся пояс. Мой собственный меч так и остался погруженным в тело противника, и я не стал терять время на его высвобождение. Подойдя к Вианте, я чуть склонил голову и произнес:

— Я к вашим услугам.

— Идемте, — просто сказала она.

И мы зашагали по направлению к Портовой Дороге. Зеваки быстро освобождали нам дорогу, убираясь с нашего пути. Кто-то, вероятно, уже грабил мертвецов. Черт побери, и это мой родной дом!

4

Вместе со мной и леди Виантой в путь отправились и два служителя дома Бейля. Мой бок все еще саднил от удара о рукоять меча. Небо все так же заливал яркий свет луны и звезд, и морской туман скрывал от нас Закоулок Смерти. К счастью, от происшедшей схватки я получил всего лишь шишку на боку. Каким образом они так быстро узнали о моем возвращении в Амбер, я никак не мог догадаться. Но Виванте, кажется, что-то было известно об этом и мне хотелось довериться ей, потому что я был с ней немного знаком и потому, что она потеряла своего дружка, моего дядю Каина, в чем виноват мой бывший друг Люк, от которого и исходило все, связанное с голубыми камнями. Вскоре мы свернули к морю. Удаляясь от Портовой Дороги, я поинтересовался, что она задумала.

— Я полагал, что мы направляемся к Лозе, — сказал я.

— Вы же понимаете, что вам грозит опасность! — отрезала она.

— Да, это довольно очевидно.

— Мы могли бы проводить вас в городской дом

моего отца, или до Дворца, но кто-то знает, что вы здесь, и ему не потребуется много времени на то, чтобы добраться до вас…

— Все верно.

— Здесь у нас припасены шлюпки. Мы можем проплыть вдоль побережья и добраться к утру до загородного дома отца. Таким образом можно замести следы. И всякий, разыскивающий вас в Амбере, угодит в тупик.

— Вы полагаете, что во Дворце я не буду в безопасности?

— Такая возможность не исключена. О вашем местонахождении будут знать окружающие. Поезжайте со мной и все будет иначе.

— Я пропаду, а Рэндом узнает от одного из часовых, что я отправился в Закоулок Смерти. Это вызовет немало волнений и большую суматоху…

— Вы можете связаться с ним утром по Козырю и сообщить, что находитесь за городом, если у вас имеются с собой Карты.

— Верно. А как вы узнали, где найти меня в этот вечер? Вы не убедите меня, что встретились со мной случайно.

— Нет, мы шли следом за вами и обосновались в заведении напротив «Окровавленного Билла».

— Вы предвидели сегодняшнее происшествие?

— Я учитывала такую возможность. Если бы я предвидела все, то, конечно, помешала бы этому.

— Что тут происходит? Что вы знаете обо всем этом? Какова ваша роль в происходящем?

Она рассмеялась и я подумал, что впервые слышу, как она смеется. И не холодным издевательским смехом, какой можно было ожидать от любовницы Каина.

— Я хочу отплыть, пока не начался прилив, — произнесла Вианта, — а вы желаете услышать от меня рассказ, на который уйдет вся ночь. Что же мы выберем, Мерлин? Безопасность или утоление любопытства?

— Я хотел бы и то, и другое, но согласен и по очереди.

— Идет, — кивнула она и обратилась к спутнику небольшого роста, которого я недавно стукнул. — Пол, отправляйся домой. Утром скажешь отцу, что я решила вернуться в Лесной Дом. Передашь ему, что ночь была так хороша, что я решила покататься на шлюпке, и поэтому подняла парус, отправляясь в плавание. Не упоминай при этом про Мерлина.

Слуга прикоснулся к шляпе.

— Хорошо, сударыня…

Он отправился обратно тем же путем, каким

мы пришли.

— Идем, — предложила она затем, и вместе с рослым парнем, которого, как я позже узнал, звали Дрю, повела меня по пирсу туда, где находилась шлюпка.

— Вы ходили под парусом? — обратилась она ко мне.

— Бывало…

— Ладно, тогда вы сможете оказать нам помощь.

Я выполнил ее просьбу. Пока разворачивали парус, мы разговаривали исключительно по делу, потом мы подняли его и отдали концы. Дрю сидел за рулем, а мы управляли парусом. Позже мы стали делать это поочередно. Ветер дул стабильно, фактически, он был почти попутным. Мы заскользили по водной глади, обогнули, волнорез и без всяких затруднений вышли в открытое море. После того, как мы сняли плащи, оказалось, что на ней надеты темные штаны и плотная рубашка. Очень практичная одежда, точно она заранее все спланировала. На ее скинутом поясе оказался настоящий, стандартной длины меч, а не какой-то там кинжал, украшенный самоцветами. Понаблюдав за ней некоторое время, я пришел к заключению, что она, веро-

ятно, весьма неплохо им владеет и кого-то она мне напоминала, но кого именно, я не мог точно припомнить, хотя и ломал над этим голову. Ассоциации вызывали скорее привычные жесты и звуки голоса, чем внешность, но все это не имело большого значения. Необходимо было подумать о вещах более важных. После того, как мы добились ровного хода, у меня нашлось несколько мгновений взглянуть на темный горизонт и быстренько просчитать кое-что еще раз. Я был знаком с общими фактами ее биографии, и не раз встречался с ней на светских приемах. Я знал, что ей известно, что я сын Корвина, родился и вырос при Дворе Хаоса, наполовину я принадлежу к тому роду, который в древности имел отношения с королевским родом самого Амбера. При нашем разговоре стало очевидно, что она знает о том, что я прожил несколько лет в Отражениях, ассимилировался и получил кое-какое образование. Надо полагать, дядя Каин не держал ее в неведении относительно наших семейных дел, и это навело меня на мысль о том, насколько глубоки были отношения между ними. Я слышал, что они прожили вместе несколько лет. Поэтому я гадал: что именно она знала обо мне. С ней я чувствовал себя в относительной безопасности, но нужно

было выяснить, насколько я мог быть откровенен в обмен на явно имевшиеся у нее сведения о том, кто охотился на меня здесь. А требовалось это потому, что я чувствовал, по всей вероятности дело может обернуться торгом. У нее не было никакой явной причины проявлять интерес лично ко мне, кроме как оказать услугу члену правящей семьи, что когда-нибудь может ей пригодиться. Мотивы ее, в основном, должны сводиться к желанию отомстить за убийство Каина. Помня об этом, я готов был заключить с ней сделку. Иметь такого союзника всегда полезно, но требовалось решить столь многое, что я был готов открыть ей кое-что. Но все же меня одолевали сомнения, надо ли, чтобы она вмешалась в текущие события? Я также гадал, сколько она запросит. Скорее всего, она просто хотела участвовать в акции. Когда я поглядывал на контуры ее скуластого лица, очерченные лунным светом, невольно напрашивалось сравнение с Немезидой. Уносимый бризом на восток, проходя мимо огромной скалы Колвира, со сверкающими, словно самоцветы в волосах, огнями Амбера, я снова испытал уже знакомое чувство неприязни. Хотя я вырос во тьме и экзотическом свете среди неэвклидовых парадоксов Двора, где красота образовывалась

более сюрреальными элементами, я каждый раз посещал Амбер, испытывая все более сильную тягу к нему, пока не понял, наконец, что он является частью меня самого, пока не начал считать родиной и его тоже. Я не хотел, чтобы Люк атаковал его склоны с автоматчиками или Далт совершал сюда рейды со своими молодчиками. Я понимал, что готов был сразиться с ними, защищая Амбер. Мне показалось, что на берегу неподалеку от места захоронения Каина, я заметил белую вспышку, двигающуюся вперед сперва медленно, затем быстрее, а потом исчезнувшую в какой-то расселине склона. Я рискнул бы утверждать, что это был Единорог, но на таком расстоянии в темноте, да еще двигаясь, я мог и ошибиться. Чуть позже мы поймали отличный ветер, чему я был рад. Несмотря на сон длиной в день, я порядком устал. Мой побег из хрустальной пещеры, встреча со Скрофом, преследование меня смерчем и его хозяином в маске слились у меня в мозгу в почти непрерывное действие, каковым эти приключения, в сущности, и являлись. И теперь наступила стрессовая реакция, вызванная моей недавней активной деятельностью. Больше всего сейчас мне хотелось слушать плеск волн, глядя на черный и скалистый берег, проплывающий мимо

правого борта, или рассматривать мерцающее море с левого борта. Не было желания ни думать, ни двигаться.

На мою руку легла ее прохладная рука.

— Вы устали? — услышал я ее голос.

— Полагаю, да.

— Вот вам плащ. Почему бы вам не накинуть его и не отдохнуть? Мы идем ровно, легко справимся и вдвоем без вашей помощи.

Я кивнул, натянув на себя плащ. Ее ладонь осталась в моей руке. Я поднял на нее взгляд. Вианта улыбнулась. Я в первый раз увидел, как она улыбается. Кончиками пальцев другой руки она коснулась пятна крови на моей рубашке.

— Не беспокойтесь, я позабочусь о вас, — пообещала она.

Я улыбнулся ей в ответ, так как она, кажется, хотела этого. Тогда она сжала мои плечи и отошла, а я, глядя ей вслед, гадал, не упустил ли я что-нибудь в своих недавних размышлениях относительно нее. Но сейчас я слишком устал, чтобы ломать голову над неизвестным в этом уравнении. Механизм моего мышления все замедлял и замедлял ход… Привалившись спиной к планширу правого борта и мягко укачиваемый волнами, я позволил себе немного вздремнуть.

Через полуприкрытые веки я смотрел на пятна крови на своей белой рубашке. Кровь… Да, кровь…

— Первая кровь! — крикнул Деспил. — И хватит! Ты удовлетворен?

— Нет! — прокричал Юрт. — Я его едва царапнул. — Он крутанулся на своем камне и махнул в мою сторону тройными когтями триспа, готовый снова напасть на меня. Кровь сочилась у меня из царапины и собиралась в бисеринки, а те поднимались в воздух и уплывали, словно пригоршни рассыпанных рубинов. Я поднял фандон в позицию защиты сверху и опустил трисп, который держал отставленным далеко вправо, под углом вперед. Согнув левое колено, я повернул камень на 90 градусов, так что каждый из нас казался висящим вверх ногами по отношению друг к другу.

— Амберийский ублюдок! — крикнул он, и из его оружия в мою сторону вылетели три вспышки света, и, разбитые взмахом моего фандона, похожие на мотыльков, осколки упали, кружась, в Бездну Хаоса, над которой мы летали.

— К твоим услугам, — ответил я и сжал рукоять триспа, выпуская пульсирующие лучи из трех его тонких, как волос, клинков. Проделывая это, я вытянул руку над головой и резанул его по коленям.

Он отмел лучи фандоном почти на весь предел их восьмидесятифутового действенного диапазона. У трисливера почти трехсекундная пауза для перезарядки, но я сделал финт, имитируя смертельный удар ему в лицо, на что он рефлекторно поднял фандон, и я сжал трисп для косого удара ему по коленям. Он отбил его секундным импульсом опущенного фандона, сделал выпад мне в лицо и совершил кувырок назад на все 360 градусов, рассчитывая, что время перезарядки спасет его спину, и он вернется в прежнее положение с поднятым фандоном для удара мне по плечу. Но я увернулся, описав около него круг, снизившись и повернувшись без переворота. Я рубанул его по открывшемуся плечу, но оказался за пределами действенности оружия. Деспил тоже описывал круг на камне размером с береговой сигнальный шар, далеко справа от меня, а мой секундант Мондор быстро снижался с позиции, занимаемой высоко над, головой. Мы цеплялись за небольшие камни, преображенные ступенями, плавая на внешнем течении Хаоса, точно на краю водоворота. Юрт повернулся следом за мной, держа левую руку, к локтю которой был прикреплен фандон, в горизонтальном положении и выполняя им медленное круговое движение. Его пленочная сеть

трехфутовой длины, утяжеленная снизу мордом, сверкала в зловещем свете, изливавшемся через неравные промежутки с разных направлений. Трисп он держал в среднем направлении атакующей позиции и скалил зубы, но не улыбался, когда мы с ним двинулись на противоположные концы десятифутового круга, который описывали вновь и вновь, ища возможности нанести удар. Я изменил плоскость орбиты, и он тут же сделал то же самое. Я снова проделал этот маневр, и он повторил его. Затем я сделал нырок под 90 градусов вперед, подняв и вытянув фандон. Повернув запястье, я уронил локоть, направляя секущий удар снизу вверх под его защиту. Он выругался и рубанул, но я раздробил его свет, и у него на левом бедре появились три темные линии. Трисливер входит в тело на глубину не более трех четвертей дюйма, и потому при серьезной схватке горло, глаза, виски, запястья и бедренные артерии являются наиболее уязвимыми. И все же, наделав порядочно порезов своему противнику, ты можешь с ним разделаться. Он закружится в туче красных капелек, устремляющихся в такое место, откуда никто не возвращается.

— Кровь! — крикнул Мондор, когда на ноге Юрта образовались и уплыли куда-то бисерин-

ки. — Удовлетворены, господа?

— Я удовлетворен, — буркнул я.

— А я нет, — ответил Юрт, повернувшись ко мне лицом, когда я поплыл влево от него и развернулся вправо. — Спроси меня еще раз, когда я перережу ему горло.

Юрт ненавидел меня еще с тех незапамятных времен, когда еще не умел ходить по причинам, известным лишь ему одному. Я относился к нему ровно и никак не мог найти причины неприязни. С Деспилом я всегда ладил, хотя он чаще принимал сторону Юрта, чем мою. Но это-то как раз вполне понятно. Они доводились друг другу полнородными братьями, и Юрт был младшим. Сверкнул трисп Юрта, я разбил свет и совершил ответный выпад. Он раздробил мои лучи и закрутился вбок. Я последовал его примеру. Наши триспы вспыхнули одновременно, и воздух между ними заполнился сверкающими светлячками, когда обе наши атаки захлебнулись. Как только трисп перезарядился, я снова ударил, и снова наши атаки разбились о фандон. Мы подплыли друг к другу ближе.

— Юрт, — обратился я к нему, — если кто-нибудь из нас убьет другого, уцелевший станет отверженным. Труби отбой.

— Дело будет стоить этого, — бросил он. — Думаешь, я не помню об этом?

А затем резанул меня по лицу. Я рефлекторно поднял обе руки с фандоном и триспом и начал атаку, когда передо мной разбился дождем свет. И я услышал его вопль. Когда я опустил фандон на уровень глаз, то увидел, что он согнулся вперед, и его трисп уплывает прочь. Так же, как и его левое ухо, протянув за собой красную нить, быстро собирающуюся в бисеринки. Свободно летал также и лоскут кожи с волосами с головы, и он пытался прижать его обратно на место. Мондор и Деспил уже снижались, входя в штопор.

— Мы объявляем дуэль оконченной! — кричали они, и я поставил трисп на предохранитель.

— Насколько тяжело? — спросил меня Деспил.

— Не знаю.

Юрт подпустил его достаточно близко, чтобы проверить, и чуть позже Деспил сообщил:

— С ним ничего страшного, но мать будет взбешена.

— Это была его затея, — уточнил я.

— Знаю. Полетели, мы и так тут задержались.

Он помог Юрту, выступающему на краю Грани и волочащему за собой фандон, как сломанное крыло, вырулить. Я же задержался, поотстав от

них. Сын Савалла, Мондор — мой названный брат, положил мне руку на плечо.

— Ты ведь не собирался отделать его до такой степени, — сказал он, — Я это знаю.

Я кивнул и прикусил губу. Деспил был прав насчет герцогини Дары, нашей матери. Она благоволила к Юрту, и тот каким-то образом заставлял ее поверить, что во всех нехороших делах виноват я. Иногда я чувствовал, что она предпочитает мне обоих своих сыновей от Савалла, старого герцога Грани, за которого она вышла, в конце концов, замуж после того, как попыталась помириться, но все же порвала с моим отцом. Однажды я случайно подслушал разговор, в котором говорилось, что я напоминаю ей о моем отце, на которого сильно похож. Я снова подумал об Амбере и других местах в Отражениях, и испытал знакомый приступ страха, так как это напоминало об извивающемся Логрусе, который, как я знал, послужит мне билетом в дальние края.

— Пойдем, проведаем Сухьи, — предложил я Мондору, когда мы выбрались из бездны. — Мне необходимо спросить его кое о чем.

Когда я, наконец, поступил в колледж, то не тратил много времени на письма домой…

— Скоро будем дома, — сообщила Виантa. —

Выпейте воды, — и она протянула мне флягу.

Я сделал несколько жадных глотков и отдал ее обратно.

— Благодарю.

Затем я потянулся, разминая затекшие мускулы, и вдохнул холодный морской воздух. Луна оказалась уже за моими плечами.

— Вы немного поспали, — промолвила Вианта.

— Я разговаривал во сне?

— Нет.

— Хорошо.

— Плохие сны?

— Что-то тяжелое и неприятное.

— Возможно, вы все же что-то пробормотали как раз перед тем, как я вас разбудила.

— О…

Далеко впереди я заметил маленький огонек на оконечности темнеющего мыса. Она махнула рукой в ту сторону.

— Когда мы минуем этот пункт, — объяснила Вианта, — то окажемся в видимости гавани Бель-порта. Там мы позавтракаем и нам дадут лошадей.

— А порт далеко от Лесного Дома?

— Около лиги, — ответила она, — легкого пути верхом.

Некоторое время она оставалась рядом со мной, храня молчание и глядя на побережье. Впервые за последнее время мы просто сидели рядом со свободной от забот головой и незанятыми руками, во всяком случае, такое ощущение было у меня. И вот в этот-то момент во мне проснулось колдовское чутье. Я чувствовал себя так, точно бы рядом со мной присутствовала магия. Не какое-то простое заклинание или аура, а что-то более тонкое. Я вызвал видение и обратил его к ней. Не было ничего, бросающегося в глаза, но, как мне казалось, предусмотрительность не помешала бы. Это я проделал через Логрус.

— Не делайте этого, пожалуйста, — попросила Вианта.

Я совершил ошибку. В общем-то, довольно бестактно считается вот так зондировать своего коллегу.

— Извините, — сказал я. — Я не знал, что вы изучили Искусство.

— Я не изучала, но чувствовала его еще раньше.

— В таком случае из вас, вероятно, получился бы неплохой мастер.

— У меня иные интересы.

— Я подумал, что кто-то наложил на вас чары, —

стал оправдываться я, — и просто пытался…

— Что бы вы ни увидели, это принадлежит другому. Пусть так и останется.

— Как вам угодно. Извините.

Однако же она должна была понимать, что я не мог оставить этого просто так, ибо неизвестная магия могла представлять возможную опасность, поэтому она продолжала:

— Заверяю вас, это никак вам не повредит, скорее наоборот.

Я подождал, предполагая, что она еще что-нибудь добавит, но больше по этому поводу она ничего не говорила и я решил временно оставить эту тему в покое и перевел взгляд на маяк. Во что же я все-таки встреваю, связавшись с ней? Как она вообще узнала, что я вернулся в город? Не говоря уже о том, что навещу Закоулок Смерти именно тогда, когда я его навестил? Наверное, она догадывалась, что подобные вопросы придут мне в голову, и если она хочет обоюдного доверия, то должна объяснить это. Я повернулся к ней и она вновь улыбнулась.

— С подветренной стороны маяка ветер меняется, — Вианта поднялась. — Извините, но меня ждет работа.

— Может, мне помочь?

— Через минуту. Я позову вас, когда мне понадобится помощь.

Я посмотрел ей вслед и испытал при этом жуткое ощущение, что она тоже смотрит на меня, вне зависимости от того, в какую сторону направлен ее взор. А также сообразил, что такое ощущение присутствует во мне уже некоторое время. К тому моменту, когда мы причалили, привели все в порядок и стали подниматься на берег по широкой мощеной дороге, ведущей к постоялому двору со струящимся из трубы дымом, небо на востоке побледнело. После обильного завтрака мир уже оказался полностью залитым утренним светом. Потом мы направились к конюшне, где для поездки в поместье отца нам предоставили трех спокойных лошадей. Стоял один из последних ясных бодрящих безветренных осенних дней. Я наконец-то почувствовал себя отдохнувшим, а на постоялом дворе нашелся кофе, что не так-то часто встречается в Амбере за пределами Дворца, и я с удовольствием выпил чашку. Приятно было не торопясь ехать и вдыхать свежий утренний воздух, смотреть, как тает роса на искрящихся полях, наблюдать за стаями птиц, улетающих на Острова Солнца. Мы ехали молча, и не случилось ничего, способного испортить мне настроение.

Воспоминания о печалях, предательстве, страданиях и насилии остры, но они-таки блекнут, а то, что я ощущал в данный момент, запечатлевается глубже, длится гораздо дольше. И я ехал рядом с Виантой Бейль под утренним небом мимо каменных домов и оград, и кричали случайно залетавшие морские птицы в краю виноградарей к востоку от Амбера, и коса Времени не была властна в этом уголке моего сердца. Добравшись до Лесного Дома, мы предоставили бейлевским слугам заняться лошадьми, которых они должны были вернуть обратно. Затем Дрю направился к себе, а я пошел с Виантой к огромному особняку на вершине холма. Оттуда открывался великолепный вид на каменистые долины и склоны холмов, где выращивали виноград. Пока мы шагали к дому, к нам подбежали, пытаясь ласкаться, собаки, и даже когда мы вошли в дом, их лай все еще иногда доносился до нас. Дерево и кованое железо, полы из серых каменных плит, высокие потолки со стропилами, пара небольших гобеленов оранжево-розового, коричневого, белоснежного и синего цветов, коллекция старинного оружия с некоторыми признаками ржавчины, пятна сажи на сером камне возле очага. Мы прошли через небольшой холл и поднялись по

лестнице.

— Занимайте эту комнату, — предложила она, открывая дверь темного дерева. Я кивнул, вошел внутрь и осмотрелся. Комната была просторная, с большими окнами, выходящими на южную долину.

— В соседней комнате есть ванна, сообщила она, показывая на дверь слева.

— Благодарю. Это именно то, что мне нужно.

— Приведете себя в порядок, — она подошла к окну и взглянула вниз, — Если не возражаете, то встретимся на этой террасе через час.

Я подошел к ней ближе и посмотрел на вымощенные плитками участки, отлично затененные древними деревьями — их листья были теперь желтыми, красными и коричневыми и во множестве усыпали внутренний двор. Границы двора очерчивали пустые сейчас клумбы, здесь же располагалось множество столов и стульев, а среди всего этого со вкусом расставлена целая коллекция кустов в кадках.

— Великолепное местечко, — заметил я.

Она повернулась ко мне.

— Может, вам хочется чего-нибудь особенного?

— Если есть кофе, я бы не возражал против еще одной чашечки, когда встречусь с вами.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Вианта улыбнулась и, как мне показалось, на мгновение качнулась ко мне. В тот же миг мне подумалось, что она хотела, чтобы я обнял ее. Но если бы это произошло, то вызвало бы некоторую неловкость, а при данных обстоятельствах я ни и коем случае не хотел иметь с ней никаких фамильярностей, так как не имел ни малейшего представления, в какую игру она играла. Поэтому я ответил на улыбку, пожал ее локоток, сказав: «Благодарю вас», и отступил.

— Пора принять ванну, — добавил я и проводил ее к двери.

Приятно было стащить сапоги, и еще приятнее избавиться от грязи и пыли в горячей воде. Чуть позже, в свежезаколдованной одежде, я спустился по лестнице и отыскал боковую дверь, ведущую с кухни на внутренний дворик. Вианта, тоже умытая и переодетая в коричневые брюки для верховой езды и свободного покроя рыжевато-коричневую блузку, сидела за столом в восточном конце внутреннего двора. На столе находились два прибора, кофейник и поднос с фруктами и сыром. Я прошел, загребая шелестящие листья носками сапог, через двор и сел за стол.

— Вы довольны? — осведомилась она.

— Вполне.

— Вы уведомили Амбер о своем местонахождении?

Я кивнул. Рэндом был немного раздражен, что я исчез, не дав ему знать, но, впрочем, он мне этого никогда не запрещал. Однако он стал гораздо менее раздраженным, узнав, что я нахожусь не очень далеко, и даже признал, наконец, что я поступил осмотрительно после такого странного нападения.

«Держи ушки на макушке, а меня в курсе», — такими были его последние слова.

— Налить кофе?

— Будьте любезны.

Она поставила чашку передо мной. Я взял яблоко и откусил.

— События разворачиваются… — неопределенно начала она, наливая себе кофе.

— Не могу этого отрицать, — признал я.

— А ваши неприятности умножились.

— Верно.

Она отпила глоток.

— Вы бы не хотели рассказать мне о них? — наконец спросила Виантa.

— Они даже чересчур умножились. Прошлой ночью вы тоже упомянули что-то о вашей исто-

рии, о которой долго рассказывать.

Она чуть улыбнулась.

— Должно быть, вы считаете, что в настоящий момент у вас нет никаких причин доверять мне более необходимого. Я вообще-то умная женщина и понимаю вас. К чему без надобности доверять кому-то, когда творится что-то опасное и непонятное? Верно?

— Мне это кажется разумным.

— И все же, заверяю вас, что меня в первую очередь заботит ваше благополучие.

— Вы думаете, что через меня сможете добраться до убийцы Каина, не так ли?

— Да. И постольку, поскольку они могут стать вашими убийцами, я бы хотела добраться до них.

— Вы хотите мне доказать, что месть за Каина не является вашей основной целью?

— Совершенно верно. Я бы предпочла защищать живого, чем мстить за мертвого.

— Но эта часть вопроса становится академической, если в обоих случаях речь идет об одном и том же лице. Вы думаете, что это так?

— Я не уверена, что этих людей подослал к вам прошлой ночью Люк.

Я положил яблоко рядом с чашкой и отпил

кофе.

— Люк? — переспросил я. — Какой Люк? Что вы знаете о каком-то Люке?

— Лукас Гейнард, — промолвила она ровным голосом, — которого обучали в Пекосе на севере Нью-Мексико и который обучил там отряд наемников, снабдил их специальными боеприпасами, действующими в Амбере, и разослал их по домам ждать его приказа собраться для переправы сюда. В общем, попытался сделать то, что много лет назад хотел сделать ваш отец.

— Мать, перемать! — не выдержал я.

Это так много объясняло — например, появлений Люка в рабочей, солдатской одежде в «Хилтоне» Санта-Фе, его рассказ о любви к туристским походам по дикому краю в Пекосе, обойма странных патронов, найденная мною у него в кармане, и все другие, совершенные им туда поездки — слишком частые даже для его коммивояжерской деятельности… Такое объяснение никогда не приходило мне в голову и имело немалый смысл в свете всего узнанного мною с тех пор.

— Ладно, — признал я, — полагаю, что вы знаете Люка Гейнарда. Вы не против того, чтобы объяснить мне, каким образом добыли такую информацию?

— Нет.

— Нет?

— Нет, против. Боюсь, что мне придется играть в эту игру, используя ваши правила и обмениваться с вами сведениями поочередно. Теперь, когда я подумала об этом, то, вероятно, буду чувствовать себя более удобно. Как вам это нравится?

— Любой из нас может прекратить эту игру в любое время?

— Что остановит обмен, если мы о нем не договоримся.

— Идет.

— В итоге, вы должны мне за одно сведение. Вы только позавчера вернулись в Амбер. Где вы были?

Я вздохнул и укусил яблоко.

— Вы поймали крупную рыбу, — наконец произнес я. — Это обширный вопрос. Я побывал во многих местах. Все зависит от того, насколько глубоко в прошлое вы желаете заглянуть?

— Давайте начнем отсчет с момента вашего выхода из квартиры Мег Девлин до вчерашнего дня, — предложила Виантa.

Я чуть не подавился куском яблока.

— Ладно, я принимаю ваши доводы — у вас имеются какие-то чертовски хорошие источники

информации. Но эту наверняка предоставила Фиона. Вы заключили с ней союз, не так ли?

— Сейчас не ваша очередь спрашивать, — напомнила она. — Вы еще не ответили на мой вопрос.

— Ладно, после того, как я покинул квартиру Мег, мы вместе с Фи вернулись в Амбер. На следующий день Рэндом отправил меня с заданием отключить построенную мной машину под названием Колесо-призрак. В этом деле я потерпел неудачу, но по дороге наткнулся на Люка. Он действительно помог мне выбраться из передряги. Затем я потерял контакт с моим творением и воспользовался незнакомым Козырем, чтобы перенести себя и Люка в безопасное место. Впоследствии Люк заточил меня в хрустальную пещеру…

— Ага! — воскликнула она.

— Мне следует на этом остановиться?

— Нет, продолжайте.

— Я пробыл в заключении месяц с чем-то, хотя по времени Амбера это сводилось всего лишь к нескольким дням. Меня выпустили двое парней, работавших на даму по имени Ясра. Я поссорился с ними, и с самой Ясрой и козырнулся в Сан-Франциско на квартиру к Флоре. Там же, в

Сан-Франциско, я еще раз навестил квартиру, где произошло убийство…

— Дом Джулии?

— Да. Там я обнаружил магические врата, которые мне удалось взломать. Я прошел через них к месту под названием Замок Четырех Миров. Там бушевала битва, и атакующих, возможно, возглавлял парень по имени Далт, личность вполне известная в Амбере, если обратиться к истории. Позже я спасся от преследования магического смерча и бранных слов чародея в маске. Это было вчера.

— И это все?

— Коротко, да.

— Вы оставили что-нибудь неназванное?

— Разумеется. Например, на пороге врат был страшенный Страж, но я все-таки сумел пройти.

— Это ерунда. А что-нибудь другое?

— Да, произошли две странные козырные связи, закончившиеся потоком цветов.

— Расскажите о них.

Скрывать в этом случае мне было нечего. Когда я закончил, Вианта покачала головой.

— Тут вы поставили меня в тупик.

Я покончил с кофе и доел яблоко. Она налила мне еще чашечку.

— Теперь моя очередь, — заявил я. — Что вас встревожило, когда я упомянул о хрустальной пещере?

— Она была из голубого хрусталя, не правда ли? И этот камень блокировал ваши способности.

— Откуда вы это знаете?

— Именно такого цвета был камень на кольце, снятом вами с того человека прошлой ночью.

— Не буду возражать против подобного утверждения.

Вианта встала, обошла столик, постояла немного, а затем указала на мое левое бедро.

— Не будете ли вы так любезны вывернуть этот карман на стол?

— Разумеется, уважаемая, — улыбнулся я. — А как вы узнали?

Она ничего не ответила. Впрочем, это был другой вопрос. Я вытащил из кармана целую коллекцию голубых камней — осколки из пещеры, оторванная мною резная пуговица, кольцо — и выложил все на стол. Она взяла пуговицу, внимательно рассмотрела ее и кивнула.

— Да, это то же самое, — определила Вианта.

— А что это такое?

Вианта проигнорировала вопрос и обмакнула правый указательный палец в капельку пролито-

го на блюдце кофе, а затем начертила им против часовой стрелки три кольца вокруг собранных вместе камней. Затем она еще раз кивнула и возвратилась на свое место. Я вызвал Логрус как раз вовремя, чтобы понять, что она заключила камни в силовую клетку. Теперь, когда я продолжал наблюдение, мне показалось, что камни испускают слабые струйки голубого дыма, остающегося в круге.

— Мне показалось, что вы говорили, будто не учились колдовству.

— Я не колдунья, — подтвердила она.

— Я лучше промолчу, сэкономив вопрос. Продолжайте отвечать на последний. В чем назначение голубых камней?

— Они притягиваются к пещере и друг к другу. В конечном итоге камень может привести любого человека к пещере.

— Вы хотите сказать, через Отражения?

— Да.

— Интересно, но я как-то не замечаю в этом ничего ценного.

— Но это еще не все. Если не обращать внимания на притяжение пещеры, можно заметить второстепенные тяготения. Если научиться замечать почерк нужного камня, можно последовать

за его носителем куда угодно.

— Вот это другое дело. Вы думаете, что те парни нашли меня прошлой ночью именно потому, что я таскал полный карман этих штуковин?

— Наверняка все так и произошло, хотя на самом деле в вашем случае они могли и не потребоваться.

— Почему?

— У них есть добавочное воздействие. Всякий, кто какое-то время обладал таким камнем, настраивается на него. Настройка остается, даже когда камня уже нет. Бывшего владельца камня все равно можно будет выследить точно так же, словно камень у него за пазухой. Приобретается собственный почерк.

— Вы хотите сказать, что даже сейчас, без них, я меченый?

— Да.

— Сколько требуется времени, чтобы избавиться от этого?

— Я не уверена, что действие камня когда-нибудь исчезнет.

— Но должны же быть какие-нибудь способы освободиться от настройки?

— Наверняка я не знаю, но могу назвать пару вещей, которые, возможно, могут способствовать

этому.

— Назовите их.

— Необходимо пройти Лабиринт Амбера или преодолеть Логрус Хаоса. Они, кажется, чуть ли не разламывают личность на куски и собирают вновь в более чистой форме. Известно, что они многих очистили. Насколько я помню, именно Лабиринт восстановил память вашему отцу.

— Я даже не стану спрашивать, откуда вы знаете о Логрусе. Вполне возможно, что вы правы. Итак, вы утверждаете, что прямо сейчас они могут определить совершенно точно, где я, с камнями или без них?

— Да.

— Откуда вам все это известно, мадам?

— Я чувствую это, хотя хочу заметить, что вы задали лишний вопрос. Но, чтобы не терять время, я отвечаю вам даром.

— Спасибо. Теперь ваша очередь.

— Перед смертью Джулия встретилась с оккультистом по имени Виктор Мелман. Вам известно, для чего?

— Она училась у него, искала способы развития личности, по крайней мере, так мне объяснил парень, знавший ее в то время. Это случилось уже после нашего разрыва.

— Я имела в виду не это. Вам известно, почему она стремилась к развитию личности?

— Мне это кажется внеочередным вопросом, но я задолжал вам один. Парень, с которым я разговаривал, сказал мне, что я напугал ее, дав ей повод верить, что обладаю необычными способностями и что она стремилась приобрести такие же для самозащиты.

— Заканчивайте…

— Что вы имеете в виду?

— Это не полный ответ. Вы ведь действительно дали ей повод поверить в это и опасаться вас?

— Должен согласиться с этим. А теперь мой вопрос: откуда вы вообще можете что-то знать о Джулии?

— Я была с ней знакома.

— Продолжайте.

— Это все. Теперь моя очередь.

— Едва ли это полный ответ.

— Мне нечего добавить. Хотите — верьте, хотите — нет.

— По нашему соглашению я могу из-за этого прекратить обмен.

— Вы прекращаете?

— Что вы хотите знать еще?

— Развила ли Джулия искомые ею способно-

сти?

— Я же сказал, что мы перестали видеться до того, как она заинтересовалась этими вещами, поэтому я не могу этого знать.

— Вы обнаружили в ее квартире врата, через которые, надо полагать, и появился зверь, убивший ее. А теперь я хочу задать вам два вопроса. Не для того, чтобы вы ответили мне. Нет, просто подумайте над этим. С какой стати кто-то вообще хотел убить ее? И не кажется ли вам странным, если не сказать более, способ убийства? Разве нет уймы более простых способов устранить человека?

— Вы правы. С оружием в таких случаях всегда легче управиться, чем с магией. Что же касается вопроса, с какой стати, то я могу лишь строить догадки. Я полагаю, что это могла быть западня для меня и что ее принесли в жертву в качестве ежегодного подарка мне на тридцатое апреля. О них вы тоже знаете?

— Давайте перенесем это на потом. Вам должно быть известно, что у каждого колдуна есть свой стиль, так же как и у художника, писателя и музыканта. Когда вам удалось обнаружить те врата в квартире Джулии, не было ли в них чего-нибудь такого, что можно охарактеризовать как

авторский почерк?

— Насколько я помню, ничего особенного. Конечно, я спешил их взломать, но я пришел не для того, чтобы восхищаться их эстетикой. Но нет, я не могу это связать ни с кем, чья работа мне знакома. К чему вы клоните?

— Я просто гадаю, не могло ли быть так, что она сумела развить какие-то способности по этой части, и по ходу дела открыла врата и сама от этого пострадала.

— Абсурд!

— Ладно. Я просто пытаюсь найти какое-то объяснение. Выходит, как я понимаю, вы никогда не замечали никаких намеков на то, что она может обладать скрытыми способностями к колдовству?

— Я не могу припомнить ни одного случая.

Я налил еще чашечку кофе.

— Если вы думаете, что за мной сейчас охотится не Люк, то почему не он? — спросил потом я.

— Он подстроил вам несколько вроде бы случайных штучек несколько лет назад?

— Да. Недавно он в этом признался. А также сказал, что перестал это делать после первых неудачных попыток.

— Точно.

— Просто можно сойти с ума — от незнания того, что вам известно, а что — нет.

— Вот поэтому-то мы и беседуем, не так ли? Это ведь вы придумали, что к делу надо подойти именно с этой стороны.

— Вовсе не я! Этот обмен предложили вы.

— Этим утром. Но первоначально мысль принадлежала вам. Я вспоминаю о некоем телефонном разговоре в доме мистера Рота.

— Вы? Тот искаженный голос по телефону? Как могло такое быть?

— Вы предпочли бы услышать об этом или о Люке?

— Об этом… Нет, о Люке! И о том и о другом, черт побери.

— Поэтому, кажется, не лишено определенной мудрости придерживаться в дальнейшем согласованного нами порядка. В пользу упорядоченности можно сказать многое.

— Ладно. Вы еще раз высказали свой довод. Продолжайте о Люке.

— Мне, как сторонней наблюдательнице, кажется, что он бросил эту затею, как только получше узнал вас.

— Вы говорите о времени, когда мы подружились — что это было просто игрой?

— Тогда я не могла сказать наверняка — и он, безусловно, допускал многолетние нападения на вас. Но я считаю, что в данном деле он саботировал некоторые из них.

— Кто же стоял за ним после того, как он прекратил это делать?

— Рыжая дама, с которой он как-то связан.

— Ясра?

— Да, ее зовут именно так. Но я знаю о ней не так много, как мне хотелось бы. У вас есть что-нибудь?

— Думаю приберечь информацию для более важного вопроса, — уклончиво ответил я.

В первый раз она посмотрела на меня, сузив глаза и стиснув зубы.

— Вы пытаетесь получить у меня определенные сведения, — невозмутимо проговорил я. — Я не вижу в этом ничего плохого и готов заключить с вами сделку, так как вы кажется, кое-что знаете, что хочется узнать и мне. Но должен признать, что причины, которыми вы руководствуетесь, для меня не совсем ясны. Как, черт возьми, вы попали в Беркли? Что вы имели в виду, позвонив мне в дом Билла? В чем заключается ваш талант, не имеющий, по вашим словам, отношения к магии? Как…

— Это целых три вопроса, — прервала она меня, — и начало четвертого. Может, вы запишете их все, и я тоже составлю такой же список для вас. А потом мы дружно разойдемся по комнатам и решим, на какие захотим отвечать?

— Нет! — отрезал я. — Я готов играть в эту игру и вам отлично известно, по какой причине я хочу узнать все это. Для меня это вопрос самосохранения. Сперва я подумал, что вам нужны сведения, чтобы найти и прикончить человека, убившего Каина. Но эти предположения не подтвердились, мне не ясна ваша цель, во всяком случае, вы мне ничего так и не сообщили путного.

— Я вам уже говорила, я просто хочу вас защитить!

— Ценю ваши чувства. Но почему? Если говорить напрямик, вы меня едва знаете…

— Тем не менее, причина именно в этом, а вдаваться в подробности я не желаю. Так что, хотите — верьте, хотите — нет.

Я поднялся и принялся расхаживать по дворику. Мне не хотелось больше делиться сведениями, которые могли иметь жизненное значение для моей безопасности и, в конечном счете, для безопасности Амбера. Хотя надо признать, я получал в обмен на свои сведения вполне неплохие дан-

ные. То, что она мне сообщила, казалось правдой. Если уж на то пошло, Бейли издавна славилась своей лояльностью по отношению к короне, чего бы она там ни стоила. Меня больше всего беспокоили ее настойчивые утверждения, что она добивается освещения вопросов вовсе не для мести. Помимо того, что такая позиция совсем не в духе Амбера, думалось, что она не совсем поняла меня, — так как, чтобы уверить, что она хочет уберечь меня, ей достаточно было признаться в жажде крови. Я бы проглотил эту наживку и не стал бы копать глубоко. А что предлагает она взамен? Нечто невесомое и засекреченные мотивы.... А это вполне могло означать, что она не лжет. А у нее наверняка имелись и другие нужные мне ответы...

Затем я услышал доносившуюся со стороны стола легкую дробь. Я подумал, что она барабанит пальцами в знак своего раздражения на меня. Но когда оглянулся, то обнаружил, что она сидит совершенно неподвижно и даже не смотрит на меня. Я подошел ближе, разыскивая источник звука. Кольцо, осколки голубого стекла и даже пуговица подпрыгивали на столе словно бы сами по себе.

— Вы на них как-нибудь воздействуете? —

спросил я.

— Нет.

Камень в кольце треснул и выпал из оправы.

— Тогда отчего же все скачет?

— Я прервала связь, — пояснила Виантa. — По-моему, кто-то пытается восстановить ее, но потерпел неудачу.

— Но раз я все равно настроен, то для того, чтобы обнаружить меня, камни им не нужны, не так ли?

— Возможно, в деле участвует не одна сторона. Думаю, мне следует поручить слуге съездить в город и выбросить изделия в океан. Если кто-то попытается последовать за ними туда — на здоровье!

— Осколки должны бы просто привести их обратно к пещере, но я не хочу выбрасывать пуговицу.

— Почему бы и нет? Она представляет собой большую неизвестную величину.

— Вот именно! Но ведь это должно подействовать обоюдно? А это означает, что я могу научиться пользоваться пуговицей для нахождения пути к существу, которое обожает цветы.

— Это небезопасно.

— Пассивность может раздражать меня, а это

приведет к еще большей опасности. Все камни можете выбросить, а пуговицу оставьте.

— Ладно. Я запру ее.

— Благодарю. Ясра — мать Люка.

— Шутите?

— Нисколько.

— Это объясняет, почему он не надавил на нее из-за последующих 30 апреля. Очень интересно! Тут начинается совершенно новая цепь рассуждений.

— Не желаете ли поделиться ими?

— Чуть позже. Сейчас нужно позаботиться о камешках.

Вианта сгребла их все из круга и они, казалось, на какой-то миг заплясали на ее ладони. Она встала.

— Э… пуговицу, — напомнил я.

— Я не забыла.

Она положила пуговицу в карман, а другие камни оставила в руке.

— Вы тоже настроитесь, если будете держать пуговицу при себе?

— Нет, я не настроюсь.

— А почему?

— Есть причина. Их надо отвезти. Извините, я ненадолго отлучусь, найду кого-нибудь, кто

увезет их отсюда.

— А разве тот человек не настроится?

— Это требует времени.

— О…

— Выпейте пока кофе или чего-нибудь покрепче.

Вианта повернулась и ушла. Я съел кусочек сыра и попробовал мысленно подсчитать, получил ли я в ходе нашего разговора больше ответов или еще больше новых вопросов. И попытался вставить некоторые из новых деталей в старую головоломку.

— Отец?

Я повернулся и посмотрел, кто это сказал: в поле зрения никого не было.

— Здесь, внизу.

Неподалеку от клумбы, где не было ничего, кроме высохших стебельков, находился диск света размером с монету. Свет привлек мое внимание, когда чуть переместился.

— Призрак? — спросил я.

— Да, — донесся ответ из листьев. — Я ждал, чтобы застать тебя одного. Не думаю, что стоит доверять этой женщине.

— Почему бы и нет?

— Она неверно сканирует, не так, как другие

люди. Я не знаю, что это такое. Но я хотел бы поговорить с тобой не об этом.

— А о чем?

— Э… ну, ты серьезно утверждал, что не собираешься меня отключать?

— О чем разговор! После всех жертв, которые я принес ради тебя?!.. И на доставку всех твоих чертовых компонентов в такое место, где бы ты был в безопасности! Как ты можешь спрашивать меня об этом?

— Я слышал, как Рэндом велел тебе это сделать…

— Ты ведь тоже делаешь не все, что тебе велят, не так ли? Особенно, когда дело доходит до нападения на меня, когда я всего лишь хотел проверить несколько программ. Я все-таки заслуживаю немного большего уважения!

— Да. Слушай, я прошу прощенья.

— Да уж не мешало бы. Из-за тебя я прошел через уйму всякого дерьма.

— Я несколько дней искал тебя, но не мог найти.

— Хрустальные пещеры — это не шутка.

— У меня сейчас мало времени… — свет замерцал и поблек, почти исчезнув, затем восстановилась полная яркость. — Не мог бы ты вкратце мне

кое-что объяснить?

— Пожалуйста, я к твоим услугам.

— Тот парень, что был с тобой, когда ты направлялся ко мне и когда ушел тоже — такой рослый и рыжий…

— Люк?

Свет вновь потускнел.

— Ему можно доверять? — голос Призрака доносился слабо, едва слышно.

— Нет! — закричал я. — Это будет чертовски глупо!

Призрак пропал и я не мог сказать, услышал ли он меня или нет.

— Что за шум? — донесся сверху голос Вианты.

— Спор с воображаемым партнером по игре, — отозвался я.

Даже с такого расстояния я разглядел на ее личике выражение озабоченности. Она рыкнула взглядом по всем направлениям, а затем, явно убеждая себя, что я действительно один, кивнула.

— Я скоро приду, — сообщила она.

— Можете не спешить.

Где найти мудрость и взаимопонимание? Если бы я знал, то отправился бы туда и остался там навсегда. А пока я чувствовал себя точно на се-

редине большой карты — идеальном месте для разговоров с самим собой, если у тебя есть что сказать.

Итак… Я имею в виду Джулию. Я сидел один в комнате при свечах и думал. Виантa пробудила во мне несколько воспоминаний. Это произошло позже, когда мы уже редко виделись друг с другом. Впервые я обратил на нее внимание на лекции по кибернетике. Мы стали иногда встречаться, сперва просто за чашечкой кофе после занятий, потом все чаще и чаще, и весьма скоро роман стал серьезным. Теперь он заканчивался так же, как начинался, мы стали встречаться все реже и реже… Я ощутил ее руку на своем плече, когда выходил из супермаркета с сумкой, набитой бакалейными товарами. Я понял, что это она, обернулся, но сзади никого не было. Через несколько секунд она окликнула меня с противоположной стороны автостоянки. Я подошел, поздоровался и спросил, работает ли она по-прежнему над математическим обеспечением программ, как это было раньше. Она сказала, что нет. Я вспомнил, что на шее у нее висела цепочка с маленькой серебряной пентаграммой. Вероятно, сейчас она находилась под блузкой. Мы обменивались банальностями, и она отвергла

мое предложение пообедать и сходить в кино.

— Чем же ты теперь занимаешься? — поинтересовался я.

— Мне приходится много учиться.

— Чему?

— О, разным вещам! И в один прекрасный день я преподнесу тебе сюрприз.

Помню, к нам подбежал чересчур ластящийся ирландский сеттер. Джулия положила ему на голову ладонь, приказала «сидеть» и он послушно сел. И замер в неподвижности как статуя возле ее ног, и оставался неподвижно сидеть, даже когда мы ушли. Кстати, насколько я знаю, собачий скелет по-прежнему находится там, возле места возврата магазинных тележек, словно образчик современной скульптуры. Тогда это не показалось мне важным, но задним числом я призадумался над этим фактом…

В тот день мы отправились на верховую прогулку, Вианта и я. Видя мое растущее с утра раздражение, она, вероятно, почувствовала, что требуется перерыв… Она была права. После легкого ленча она предложила отправиться на верховую прогулку по поместью и я охотно согласился. Я хотел выиграть еще немного времени, прежде чем продолжить игру в перекрестный

допрос. Стояла отличная погода, а окружающая местность ласкала взор.

Мы проехали среди деревьев по извилистой тропе, приведшей нас вскоре на северные холмы, откуда открывался прекрасный вид на пересеченную овражистую местность, простирающуюся до залитого солнцем моря. Дул слабый ветерок, разгоняющий струйки дыма, в небе парили птицы… Виантa, казалось, никуда конкретно не ехала, что меня вполне устраивало. Мы молчали, раздавался только цокот копыт. Я вспомнил визит в Нала Вэлли, и когда мы в следующий раз натянули поводья, чтобы дать возможность отдохнуть лошадям, я осведомился:

— Вы разливаете вино здесь, в поместье? Или это делается в городе? Или в Амбере?

— Не знаю, — пожала плечами Виантa.

— Я полагал, вы здесь выросли.

— Я никогда над этим не задумывалась.

Я проглотил замечание насчет патрицианских наклонностей. Если она не шутит, то трудно представить, как ей удалось узнать что-либо путное. Однако она сразу уловила по выражению моей физиономии мою мысль и тут же добавила:

— В разные времена мы делали это по-разному. Но я уже несколько лет живу в городе и просто не

знаю, где разливается вино в последние годы.

Она ловко выкрутилась, и я не мог придраться к такому ответу. У меня и мысли не было своим вопросом поймать ее в ловушку, но я почувствовал, что случайно задел ее за живое. Вероятно, потому она и не дала теме на этом закончиться. Она продолжала говорить, заведя рассказ о том, что они свозят бочки со всего поместья и часто продают вино прямо бочками. Однако имелись клиенты помельче, желавшие покупать продукцию, разлитую в бутылки… Через некоторое время я перестал ее слушать. С одной стороны я мог это понять, ведь я беседовал с дочерью виноторговца. С другой стороны, я и сам бы мог это выдумать, не сходя с места. Совершенно невозможно проверить сказанное. У меня сложилось впечатление, что она пытается похоронить меня под грудой слов и что-то скрыть. Но я не мог вычислить, что именно.

— Спасибо, — буркнул я, когда она остановилась передохнуть.

Вианта бросила на меня странный взгляд, но поняла намек и прекратила просвещать меня по проблемам виноделия.

— Вы должны уметь разговаривать по-английски, — произнес я на этом языке, — если

рассказанное вами ранее правда.

— Все рассказанное мною чистая правда, — ответила она по-английски без всякого акцента.

— Где вы ему обучились?

— В Отражении Земля, где и вы обучались в университете.

— Не хотите ли вы рассказать, что вы там делали?

— У меня было особое задание.

— От отца или от Короны?

— Я предпочла бы не отвечать, чем лгать вам.

— Ценю прямоту. Конечно, мне придется строить догадки.

Она пожала плечами.

— Вы говорили, что бывали в Беркли? — спросил я.

После некоторого колебания последовал короткий ответ:

— Да.

— Не припомню, чтобы когда-либо видел вас там.

Вновь пожатие плеч. Мне захотелось схватить ее и как следует потрясти, вместо этого я сказал:

— Вы знали Мег Девлин? Вы говорили, что бывали в Нью-Йорке?

— По-моему, вы опережаете меня по числу

вопросов.

— Я не знал, что мы снова играем в эту игру. Я полагал, что мы просто болтаем.

— Тогда ладно… Да.

— Скажите мне одну вещь, и я, наверное, смогу вам помочь.

Вианта улыбнулась.

— Я не нуждаюсь ни в какой помощи. Это у вас с помощью проблемы.

— Можно мне все-таки спросить?

— Пожалуйста, спрашивайте. Каждый ваш вопрос говорит о том, что я желаю узнать.

— Вы знаете о наемниках Люка, ведь вы посещали и Нью-Мексико?

— Да, я бывала там.

— Благодарю.

— Это все?

— Все.

— Вы пришли к какому-то выводу?

— Наверное.

— Не хотите ли мне сказать, к какому?

Я улыбнулся и качнул головой. Этого, кажется, достаточно. Несколько прямых вопросов, заданных, пока мы ехали, привели меня к убеждению, что я заставил ее гадать о результатах моих умозаключений. Хорошо бы дать этому любопытству

разогреться. Мне требовался какой-то противовес ее скрытности по тем пунктам, какие вызывали у меня большое любопытство, и я надеялся, что они приведут к полному обмену сведениями. Кроме того, я пришел к выводу относительно нее. Возможно, он не окончателен, но если верен в своей основе, то рано или поздно я потребую настоящего ответа. Поэтому нельзя сказать, что я блефовал. Окружающий нас полдень имел золотистые, оранжевые, желтые и красные оттенки, с влажным осенним запахом, приносимым прохладным дуновением бриза. А голубое-голубое небо походило на кое-какие камушки… Спустя десять минут я задал ей более нейтральный вопрос:

— Вы не могли бы мне подсказать дорогу в Амбер?

— Разве вы ее не знаете?

Я покачал головой.

— Я никогда раньше не бывал в этой стороне. Знаю только, что проходящие тут сухопутные дороги ведут к Восточным Воротам.

— Да, — подтвердила Вианта, — по-моему, дорога чуть дальше к северу. Поехали, поищем ее.

Вианта направила лошадь обратно к дороге, по которой мы недавно неслись, что меня вполне

устраивало. Я воздержался от замечаний по поводу туманности ее ответа, хотя ожидал в скором времени ее суждений о моих планах. Примерно через полмили мы подъехали к перекрестку. На обочине стоял каменный указатель, сообщавший расстояние от Амбера и до Бель-порта на востоке, а также до местечка под названием Муры.

— Что это за Муры? — спросил я.

— Небольшая животноводческая ферма.

Это я никак не мог проверить, не проехав шести лиг.

— Вы собираетесь поехать обратно в Амбер? — поинтересовалась Виантa.

— Да.

— А почему бы вам просто не воспользоваться Козырем?

— Я хочу получше познакомиться с этой местностью. Это моя отчизна, и мне здесь нравится.

— Но я же предупредила вас об опасности. Камни сделали вас меченым. Вас могут выследить.

— Это не значит, что меня выследят. Я сомневаюсь, что тот, кто подослал ко мне убийц, узнал уже, что они нашли меня и потерпели неудачу. Если бы я не решил пойти поужинать, они до сих пор сидели бы в засаде. Уверен, что у меня есть несколько дней передышки на удаление

отметин, про которые вы говорите.

Вианта спешилась и позволила лошади щипать траву. Я тоже спешился.

— Вероятно, вы правы. Просто мне не нравится, что вы идете на любой риск. Когда вы собираетесь обратно?

— Не знаю. Полагаю, что чем дольше я буду ждать, тем больше вероятность, что вдохновитель вчерашнего покушения забеспокоится и пошлет других убийц.

Она взяла меня за руку и повернулась так, что неожиданно оказалась прижатой ко мне. Такой поворот дела меня несколько удивил, но моя незанятая рука автоматически двинулась, чтобы обнять ее.

— Вы ведь не собираетесь уехать сейчас, не так ли? Потому что, если вы уедете, я отправлюсь с вами.

— Нет, — правдиво ответил я, так как на самом деле намеревался отправиться на следующее утро после хорошего сна.

— А когда? Нам еще о многом нужно поговорить.

— По-моему, мы довели игру в вопросы-ответы почти до конечной грани.

— Имеются некоторые обстоятельства…

— Я знаю.

Я угодил в неловкое положение. С одной стороны, она была желанна. Но с другой, мне не хотелось поступить, как обычно поступают в таких случаях. Частично из-за ощущения, что она хочет и еще чего-то, я не знал, чего именно, а частично потому, что она обладала странной силой, с которой я хотел знакомиться на расстоянии. Как бывало говаривал дядя Сухьи, выражаясь языком колдунов: «Если ты не понимаешь чего-то, не возись с этим». А у меня сложилось впечатление, что все, выходящее за пределы дружеских отношений с Виантой, может привести к поединку энергий. Поэтому я быстро поцеловал ее, чтобы поддержать дружеские отношения, и высвободился из объятий.

— Возможно, я уеду завтра, — сообщил я ей.

— Хорошо. Я надеялась, что вы проведете тут еще одну ночь, а может и не одну. Я защищу вас.

— Признаться, я все еще чувствую себя усталым.

— Мне придется накормить вас хорошим обедом для восстановления сил.

Затем она провела по моей щеке кончиками пальцев и, как мне показалось, я вдруг понял, откуда знаю ее. Но откуда точно, я не мог сказать,

и это меня очень испугало. Когда мы сели на лошадей и поскакали в направлении Лесного Дома, я начал прикидывать, как убраться отсюда сегодня же ночью. Поэтому, сидя в своей комнате, потягивая из бокала красное вино и наблюдая, как мерцают из-за открытого окна свечи, я сначала ждал, когда в доме станет тихо, что вскоре и произошло, а затем, когда пройдет достаточное время. Дверь в комнату я закрыл на засов. За обедом я несколько раз пожаловался, что сильно устал, и отправился спать пораньше. Я не отличаюсь той эгоистичной мужественностью, чтобы постоянно чувствовать себя объектом страсти, но Вианта дала понять, что может зайти ко мне ночью. Я же хотел отгородиться от этого под предлогом усталости. Меньше всего я желал оскорбить ее отказом. У меня хватало проблем и без этого. Еще я жалел, что у меня нет с собой хорошей книги, последнюю из них я оставил в доме Билла, а если бы вздумал вызвать ее сейчас, то не знал, почувствует ли это Вианта точно так же, как Фиона однажды узнала о том, что я создаю Козырь. Вполне возможно, что после этого Вианта явится ко мне и станет ломиться в дверь, чтобы узнать, что тут, черт возьми, происходит. Я прислушивался к звукам притихшего дома.

Свечи укоротились и поубыли тени на стенах. Я размышлял и потягивал вино. Теперь уже скоро… Воображение? Или я только что услышал, как из какого-то неопределенного места прошептали мое имя:

— Мерль…

И снова.

На самом деле, по…

Перед моими глазами на миг словно что-то проплыло, а затем я сообразил, что это такое: очень слабый козырный контакт.

— Да, — ответил я, обратив внимание в сторону вызывающего: — Кто это?

— Мерль, малыш… дай мне руку, иначе я пропаду…

— Люк! Вот здесь, — я потянулся, потянулся, и образ обрел четкость, отвердел.

Он стоял, привалившись спиной к стене, бессильно опустив плечи и свесив голову.

— Если ты задумал какую-то хитрость, Люк, то я готов к ней, — быстро поднявшись, я подошел к столу, где лежал мой меч, вытащил его из ножен и взял наизготовку.

— Это не хитрость! Скорее! Вытащи меня отсюда!

Он поднял левую руку. Я протянул свою левую

руку и он схватился за нее, после чего сразу же повалился на меня, и я пошатнулся. На мгновение мне показалось, что это атака, но он висел мертвым грузом и я заметил, что он весь в крови. В правой руке он все еще сжимал окровавленный меч.

— Иди сюда.

Я помог ему пройти несколько шагов, а затем уложил в постель. Разжав его пальцы, я забрал меч, затем положил его рядом со своим на ближайшем стуле.

— Что с тобой случилось, черт возьми?

Люк закашлялся и слабо покачал головой.

— Я видел бокал вина, — шепнул он, — когда мы проходили мимо стола.

— Да. Сейчас.

Я принес вино и, приподняв его голову, поднес бокал к губам. В бокале было больше половины. Он медленно отпил, остановился и глубоко вздохнул.

— Спасибо… — пробормотал он, и голова его склонилась набок.

Я пощупал пульс: быстрый, но какой-то слабый.

— Черт побери, Люк, — выругался я. — Хуже момента ты выбрать никак не…

Но он не услышал ни слова. Он просто лежал, и вытекавшая из него кровь заливала постель. Я с трудом раздел его и прошелся по телу мокрым полотенцем, выясняя, откуда течет кровь. На груди обнаружилась весьма скверная рана, вероятно, было задето даже легкое. Однако дышал он не очень глубоко, и я не мог точно сказать, насколько точен мой диагноз. Если я не ошибся, то, значит, он в полной мере унаследовал регенерационные способности Амбера. Я наложил на рану компресс и прижал его рукой, чтобы удержать на месте, продолжив обследование и заодно проверяя свое медицинское умение. У меня появилось подозрение, что несколько ребер переломано. Левая рука его оказалась сломанной выше локтя, я выправил ее и наложил шину, воспользовавшись запасными перекладинами от стула, замеченными мною раньше в шкафу. На бедрах, правой ноге, правой руке, плече и на спине обнаружилось свыше дюжины ран разной степени тяжести. К счастью, у него не было артериального кровотечения. Я очистил все раны и перевязал их, в результате он стал походить на иллюстрацию к руководству по оказанию первой медицинской помощи. Потом я еще раз проверил рану на груди и накрыл Люка одеялом. Я вспомнил о кое-каких способностях

целительной техники Логруса. Теоретически я их знал, но никогда не имел случая применить на практике. Люк был очень бледным, и поэтому я решил рискнуть. Когда спустя некоторое время я закончил, его лицо начало приобретать нормальный цвет. Я накинул поверх одеяла еще свой плащ. Снова пощупал пульс — вроде он стал отчетливее. Я еще раз выругался, просто чтобы не терять навыка, убрал со стула мечи и сел на него. Чуть позже мне вспомнился разговор с Колесом-призраком. Не пытался ли Люк договориться с моим созданием? Он упомянул, что ему нужна мощь Призрака для выполнения задуманной операции против Амбера. Затем Призрак спросил меня, стоит ли доверять Люку, и мой ответ был подчеркнуто отрицательным. А, быть может, переговоры Призрака с Люком привели к иному результату? Я достал Козыри и сдал яркий круг Колеса-призрака. Я сфокусировался на нем, настраивая мозг для контакта. Дважды за последние двадцать минут я чувствовал, что близок к чему-то, но нас словно разделяла стеклянная перегородка. Может быть, Призрак занят? Или просто не склонен со мной разговаривать? Я отложил Карты. Они послужили толчком, направив мои мысли по другому руслу. Я собрал

окровавленную одежду Люка и быстро обыскал ее, обнаружив в боковом кармане набор Козырей наряду с несколькими пустыми Картами и карандашом. Все Карты были исполнены в том же стиле, как и те, что я назвал Роковыми Козырями Смерти. Я добавил к этой колоде Козырь, изображающий меня самого, который Люк держал в руке при моем вызове. А Колода оказалась у него очень интересная. В ней был Козырь Ясры и Козырь Виктора Мелмана. Нашелся также и Козырь Джулии и частично завершенный Козырь Блейза. Козыри с изображением Хрустальной пещеры и старой квартиры Люка. Встретились и несколько дубликатов Роковых Козырей Смерти. Козырь с дворцом, которого я не смог опознать, Козырь одного из моих старых приятелей, Козырь блондина в черно-зеленом с резкими чертами лица, Козырь стройного темно-рыжего мужчины в коричнево-черном и женщины, настолько похожей на этого мужчину, что казалось, что они обязательно должны состоять в родстве. Эти два последние были, к моему удивлению, выполнены в ином стиле, я бы даже рискнул определить, что иной рукой. Единственный известный блондин, несомненно, являлся старым другом Люка. Это наверняка был наемник Далт. Ни одна из трех

попыток изобразить Колесо-призрак не привела к успеху.

— Я не хочу… — Люк прорычал что-то невнятное.

Я увидел, что глаза его открылись и метнулись по сторонам.

— Не волнуйся, — успокоил я его. — Ты в безопасности.

Люк кивнул и закрыл глаза. Через несколько минут он вновь открыл их.

— Эй! Мои Карты… — слабо прошептал он.

Я улыбнулся.

— Неплохая работа. Кто их сделал?

— Я… Кто же еще?

— Где ты научился?

— У отца. Он был мастером по этой части.

— Если ты способен их делать, то выходит, что ты прошел Лабиринт?

Он кивнул.

— Где?

Люк на миг улыбнулся, чуть пожал плечами и поморщился от охватившей его боли.

— В Тир-на Ног-те.

— Тебя отвел туда отец и провел через него?

Он снова кивнул.

«Почему бы не нажать, раз я оказался при Ко-

зырях?» — подумал я.

Я взял Карту.

— А это Далт. С ним вы были когда-то малолетними бойскаутами, не так ли?

Он не ответил. Подняв глаза, я заметил его нахмурившийся лоб.

— Я никогда не встречался с ним, — добавил я, — но узнаю цвета и догадываюсь, что он из твоих краев, из Кашеры.

— В колледже ты тоже всегда выполнял домашние задания, — улыбнулся Люк.

— В обычное время, — согласился я, — но с тобой я подзапоздал. Например, не могу найти Козыря для Замка Четырех Миров. А, некто, кого я знаю.

Я поднял Карту стройной дамы и помахал перед ним.

— Опять слабею и теряю дыхание, — улыбнулся он. — Ты был в Замке?

— Да.

— Недавно?

Я кивнул.

— Вот что я тебе скажу, — произнес, наконец, он. — Расскажи мне, что ты увидел в Замке, и как узнал кое-что обо мне, а я тебе выложу, кто она такая.

Я быстро поразмыслил, что могу рассказать без боязни и что сообщить из того, чего он не знал.

Поэтому я коротко предложил:

— Давай наоборот.

— Годится. Дама — это Санд.

Я уставился на Карты так пристально, что ощутил начало контакта. И сразу же погасил его.

— Давно пропавшая, — добавил он.

Я поднял Карту с изображением похожего на нее мужчину.

— Тогда это, вероятно, Девлин?

— Верно.

— Эти две Карты делал не ты. Они выполнены не в твоем стиле. Да ты наверняка не знал, как они выглядят.

— Ты наблюдателен. Их нарисовал отец еще во времена беды, хотя и не получил от них особой пользы. Ему они тоже не помогли.

— Тоже?

— Они не проявили интереса к оказанию помощи мне, несмотря на все свое недовольство этим местечком. Считай их выбывшими из игры.

— Этим местечком? — переспросил я. — Где ты, по-твоему, находишься, Люк?

Глаза его расширились. Он окинул взглядом комнату.

— В лагере врага. У меня не было выбора. Ведь это твои покои в Амбере, верно?

— Неверно…

— Не дразни меня, Мерль. Ты ставишь меня в тупик. Я твой пленник, но где я?

— Ты знаешь, кто такая Виантa Бейль?

— Нет.

— Она была любовницей Канна. Это дом ее семейства, расположенный на порядочном расстоянии от города, а сама она находится чуть дальше по коридору. Может зайти сюда в любой момент. По-моему, она втюрилась в меня.

— Ого! Крутая дамочка?

— Весьма.

— А что ты делаешь у нее, ведь прошло совсем немного времени после похорон. Это же неприлично.

— Ха! Если бы не ты, не было бы и похорон.

— Не надо мне этого дерьма с благородным негодованием, Мерль. Если бы убили твоего отца, разве ты не стал бы мстить за него?

— Нечестное сравнение. Мой отец не делал всего того, что наделал Бранд.

— Может да, а может и нет. Но что бы ты сделал? Даже тогда… Разве ты не стал бы охотиться за Каином?

Я отвел взгляд.

— Не знаю… Ну, ладно, допустим, что я поступил бы также. Но на этом бы и остановился. Не стал бы охотиться на других. Не хочу больше задевать твои чувства, но твой старик был психом. А ты не псих. Я знаю тебя ничуть не хуже, чем ты меня. Тебе отлично известно: Амбер признает личную вендетту. У тебя доказуемый случай. И смерть произошла даже не на стенах Амбера, если Рэндом станет искать для тебя оправдания.

— С какой стати он станет это делать?

— Потому что я поручусь за твою честность в других делах.

— Брось, Мерль…

— У тебя классическая защита в деле с вендеттой — сын мстит за гибель отца.

— Не знаю… Эй, ты пытаешься открутиться от обещанного рассказа.

— Нет, но…

— Тогда прошу перейти к Замку Четырех Миров. Что ты там узнал и как?

— Ладно, но ты все же подумай о том, что я сказал, — попросил его я.

Выражение его лица осталось неизменным.

И тогда я начал так:

— Жил-был старый отшельник по имени

Дэйв…

Люк заснул прежде, чем я закончил. Через некоторое время я поднялся, отыскал бутылку вина и плеснул немного в бокал, так как его содержимое опустошил Люк. Я подошел с бокалом к окну и стал смотреть на внутренний двор, где шуршал листьями ветер. Я раздумывал над тем, что сообщил Люк. Я нарисовал ему неполную картину частично потому, что его, кажется, не заинтересовало мое предложение. Но даже если бы Рэндом официально позволил ему сорваться с крючка в связи со смертью Каина, то Джулиан или Жерар, вероятно, постарались бы его прикончить по тому же кодексу вендетты. Я действительно не знал, что делать. Мне полагалось сообщить о нем Рэндому. Но будь я проклят, если я сейчас это сделаю! Слишком много требовалось еще у него выяснить, а если он станет пленником Амбера, то добраться до него станет еще труднее. И зачем он вообще уродился сыном Бранда?

Я вернулся к стулу у кровати, рядом с которым оставил наше оружие и Козыри Люка. Я перенес их в другой конец комнаты, где устроился в кресле, в котором сидел раньше. И вновь принялся изучать его карты. Изумительно! У меня на руках целый кусок истории… Когда жена Оберона

Ригла, состарившись, удалилась в сельскую местность, король женился вновь к некоторой досаде своих детей от первой жены — Каина, Джулиана и Жерара. Но чтобы запутать знатоков генеалогии и поборников семейной законности, он сделал это в местности, где время текло намного быстрее, чем в Амбере. Можно спорить, носил ли его брак с Харлой, характер двоеженства. Не мне судить. Историю эту я услышал много лет назад от Флоры и, по ее словам, она всегда не слишком ладила с Девлином и Санд, потомством от этого союза, и склонялась к толкованию этого брака как двоеженства. До настоящего времени я ни разу не видел портретов Девлина и Санд. Во дворце их не было, про них резко упоминали в разговорах. Но они жили в Амбере относительно короткое время, когда королевой там была Харла. После ее смерти они стали недовольны политикой Оберона в отношении их родни, которую они часто навещали, и через некоторое время они уехали, поклявшись вообще не иметь никаких отношений с Амбером. По крайней мере, мне говорили именно это. Вполне вероятно, что здесь не обошлось без некоторой внутрисемейной грызни. Точно не знаю. Но они были членами королевской семьи, и Люк явно узнал о них и встречался с

ними, надеясь воскресить их былое негодование и приобрести союзников. Он признал, что это не получилось. Два века — долгий срок для сохранения старой недоброжелательности. Насколько я помнил, с тех пор, как они уехали, прошло именно столько времени. У меня мелькнула мысль, не стоит ли мне связаться с ними, чтобы просто познакомиться. Если их не заинтересовала сторона дела, представленная Люком, то, думал я, их не заинтересует и другая сторона. Казалось вполне уместным засвидетельствовать им свое почтение как никогда ранее не встречавшемуся с ними члену семьи. Я решил, что как-нибудь сделаю это, хотя данный момент казался едва ли подходящим. Я добавил их Козыри в свою коллекцию. Следующим шел Далт. Я снова изучил его Карту и заколебался. Заклятый враг Амбера… Если он и впрямь такой верный друг Люка, то, наверное, мне следует ему сообщить, что случилось. Он мог даже знать о связанном с этим обстоятельством деле и упомянуть что-нибудь полезное для меня. Фактически, чем больше я об этом думал, вспоминая его недавнее присутствие у Замка Четырех Миров, тем большим становилось искушение связаться с ним. Казалось вполне возможным, что мне даже удастся выведать кое-что о происхо-

дящем сейчас в этой крепости. Я погрыз костяшки пальцев. Следует ли мне это делать или нет? Я не видел вреда от такой попытки. Сам я ничего выдавать не собирался, и все же некоторые сомнения были.

«Какого черта! — решил я. — Наконец, кто не рискует…»

Так, так… тянемся через внезапно похолодевшую Карту.

Миг изумленности и вот, словно оживший портрет, изображение пошевелилось.

— Кто ты? — спросил он, ответив на вызов и положив руку на рукоять меча и до половины обнажив клинок.

— Меня зовут Мерлин, — представился я. — У нас есть общий знакомый по имени Ринальдо. Я хочу сообщить тебе, что он тяжело ранен.

К этому моменту мы оба парили между двумя реальностями, твердые и совершенно четкие друг для друга. Он оказался более крупным, чем я предполагал по его изображению. Далт находился в помещении с каменными стенами: из окна слева от него виднелось голубое небо и кусок облака. Его широко раскрывшиеся зеленые глаза теперь сузились, а челюсть выдвинулась чуть агрессивнее.

— Где он?

— Тут, у меня, — сообщил я.

— Ах, как удачно! — заметил он. Меч очутился в его руке, и он двинулся вперед.

Я резким щелчком отбросил Козырь прочь, что не прервало контакта. Для этого мне пришлось вызвать Логрус, который упал между нами точно нож гильотины и дернул меня так, словно я прикоснулся к оголенному проводу под высоким напряжением. Единственным утешением мне служила мысль, что Далт, несомненно, почувствовал то же самое.

— Мерль, что тут происходит? — раздался хриплый голос Люка. — Я видел Далта…

— Э… да. Я только что вызвал его.

Люк чуть приподнял голову.

— Зачем?

— Сообщить ему о тебе. Он же твой друг, не так ли?

— Идиот! — выругал он меня. — Именно он меня так отделал.

Тут он закашлялся, и я кинулся к нему.

— Дай мне воды, — попросил он.

— Сейчас.

Я сходил в ванную и принес ему стакан. Он отпил из него маленькими глотками.

— Вероятно, мне бы следовало рассказать тебе, — проговорил он наконец. — Не думал, однако, что ты станешь играть в игры, не зная их правил…

Он снова закашлялся и глотнул еще немного воды.

— Трудно сообразить, что тебе рассказать, а что — нет, — продолжил он спустя некоторое время.

— Почему бы тебе не рассказать мне все? — предложил я.

Он качнул головой.

— Не могу. Тебя погубит избыток знаний, а еще вероятнее — нас обоих.

— Судя по тому, как идут дела, это может случиться независимо от того, расскажешь ты мне все или нет.

Он чуть улыбнулся и отпил еще.

— Некоторые моменты этого дела носят личный характер, и я не желаю впутывать в них других.

— Как я понимаю, твои попытки убить меня в определенный период каждой весной также носили несколько личный характер, — заметил я. — И все же я почему-то чувствовал себя впутанным в это.

— Ладно, ладно, — его голова упала на подушку

и он поднял правую руку. — Я же сказал тебе, что давным-давно прекратил попытки.

— Но покушения продолжались.

— Их совершал не я.

«Ладно, — решил я, — попробуем».

— Их устраивала Ясра, не так ли?

— Что ты о ней знаешь?

— Я знаю, что она твоя мать, и это дело также касается и ее.

Он кивнул.

— Выходит, ты знаешь… Отлично. Это упрощает дело, — он умолк, переводя дыхание. — Она дала мне задание устраивать тридцатые апреля для тренировки. Когда я узнал тебя получше, то завязал с этим, но она была взбешена.

— И поэтому продолжила дело сама?

Он кивнул.

— Она хотела, чтобы ты отправился охотиться на Каина?

— Желание было обоюдным.

— Ну а на других? Держу пари, с ними она тоже нажимала на тебя. Но ты не был уверен, что они этого заслуживают.

Молчание.

— Я прав?

Люк отвел взгляд, не выдержав моего, и я услы-

шал, как он заскрипел зубами.

— Ты с крючка снят, — наконец заявил он. — Я не намерен причинять тебе вреда, и ей тоже не позволю.

— А что касается Блейза, Рэндома, Флоры, Жерара и… — Люк засмеялся, что вызвало болезненные конвульсии, и он схватился за грудь. — Им нечего тревожиться, по крайней мере, сейчас…

— Что ты имеешь в виду?

— Подумай… Я мог бы козырнуться обратно в свою старую квартиру, напугать до чертиков новых жильцов и вызвать «скорую помощь». И мог бы уже сейчас быть в больнице.

— Почему же ты этого не сделал?

— Я бывал ранен и потяжелее и выкарабкивался. Я нахожусь тут, потому что мне нужна твоя помощь.

— О! Для чего же?

Он взглянул на меня и снова отвел взгляд.

— Она попала в большую беду и мы должны спасти ее.

— Кого? — спросил я, уже зная ответ.

— Мою мать.

Я хотел засмеяться, но сдержался, когда увидел выражение его лица. Требовалась настоящая смелость, чтобы просить меня помочь женщине,

пытавшейся меня прикончить не один, а много раз и, кажется, сделавшей главной целью своей жизни уничтожение моих ближайших родственников. Смелость или…

— Мне больше не к кому обратиться, — признался он.

— Если ты сумеешь уговорить меня на это, Люк, то заслужишь премию Коммивояжера Года. Но я готов выслушать тебя.

— Пересохло в горле. Принеси мне воды.

Я сходил в ванную и вновь наполнил стакан. Когда я возвращался, из коридора, как мне показалось, донесся легкий шум. Я продолжал прислушиваться, пока Люк утолял жажду. Закончив, он кивнул, но к тому времени я услышал новый шум. Я приложил палец к губам и посмотрел на дверь. Поставив стакан, я поднялся и направился к двери, прихватив меч. Но прежде чем и подошел к ней, раздался тихий стук.

— Да? — отозвался я, приблизившись к двери.

— Это я, — донесся голос Вианты. — Я знаю, что Люк здесь и я хочу его видеть.

— Чтобы его зарезать? — уточнил я.

— Я уже сказала вам, что это не входит в мои намерения.

— Значит, вы не человек, — заявил я.

— Я никогда и не притязала на это.

— Тогда вы не Вианта Бейль, — продолжал я логическую цепочку. Последовало продолжительное молчание, а затем вопрос:

— Что будет, если это не так?

— Тогда скажите мне, кто вы?

— Не могу.

— Можете дать половину ответа, — предложил я. — Скажите, кем вы были?

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Отлично понимаете. Выберите одну любую, мне все равно.

Вновь молчание.

— Я вытащила тебя из огня, — наконец сказала, она, — но не смогла справиться с конем. Я умерла в озере, а ты завернул меня в свой плащ…

Это был не тот ответ, которого я ожидал, но все же подходящий.

Я приподнял острием меча щеколду. Она распахнула дверь и взглянула на меч, который находился в моей руке.

— Весьма драматично, — промолвила она.

— Ты произвела на меня впечатление, — произнес я ей в тон, — рассказами об окружающих меня со всех сторон опасностях.

— Кажется, я была недостаточно убедитель-

на, — улыбнулась она и вошла.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не слышала, чтобы ты спрашивал у него что-нибудь о голубых камнях и о том, что он направлен на тебя благодаря твоей настроенности.

— Ты подслушивала?

— Врожденная привычка, — не стала отрицать она.

— Люк, это Вианта Бейль..., в некотором роде...

Люк поднял правую руку, не отрывая взгляда от ее лица.

— Я хочу знать только одно... — начал он.

— Держу пари, я знаю, что ты хочешь знать. Собираюсь ли я тебя убить или нет? Гадай и дальше, я еще не решила. Помнишь, как-то раз у тебя кончился бензин севернее Сан-Луис-Обиспо, и ты обнаружил, что пропал бумажник? Для возвращения домой тебе пришлось одолжить денег у подружки. А ей пришлось дважды просить тебя, прежде чем ты вернул долг.

— Откуда ты это можешь знать, Вианта? — прошептал он.

— А однажды ты подрался с тремя мотоциклистами, — продолжала она, — чуть не потерял глаз, когда один из них ударил тебя цепью по голове. Зажило, кажется, хорошо. Я даже не вижу

шрама.

— Я победил, — напомнил он.

— Да. Не слишком много людей могут поднять «Харлей», как это сделал ты, и швырнуть его в противников.

— Я должен знать, откуда ты про это пронюхала.

— Может, я и скажу это тебе когда-нибудь. Я упомянула про это просто для того, чтобы ты остался честным. Теперь я намерена задать тебе несколько вопросов, и твоя жизнь будет зависеть от того, насколько честны будут ответы. Понятно?

— Вианта, — перебил я ее, — ведь ты сказала, что не заинтересована в убийстве Люка!

— Он не значится в первых строчках моего списка, — подтвердила она. — Но если он кое к чему причастен, то попадет в них.

— Я скажу о голубых камнях, — пробурчал Люк, зевая. — В настоящее время я никому не поручал выслеживать Мерля с помощью голубых камней.

— А Ясра могла кому-нибудь поручить выследить его подобным способом?

— Возможно, но я этого не знаю.

— А как насчет того, что на него кто-то напал прошлой ночью в Амбере?

— Впервые об этом слышу, — заявил он и закрыл глаза.

— Взгляни на это! — приказала она, вынимая из кармана голубую пуговицу.

Люк открыл глаза и, прищурившись, посмотрел на нее.

— Узнаешь ее?

— Нет, — проронил он и вновь закрыл глаза.

— И ты теперь не намерен причинять вред Мерлину?

— Совершенно верно, — ответил он слабеющим голосом.

Она снова было открыла рот, но тут вмешался я:

— Пусть поспит. Никуда он не денется.

Вианта бросила на меня почти сердитый взгляд, но затем согласно кивнула.

— Ты прав.

— У меня мужской склад ума, которого женщинам никогда недоставало.

— И тут ты прав.

— Так что же ты решила с ним делать? Прикончить его, пока он еще ни о чем не ведает? Или намерена пощадить его?

— Он говорит правду. Зачем его убивать?

— А что это меняет?

— В данный момент меняет, — ответила она.

5

Мне действительно удалось довольно неплохо выспаться, несмотря на звуки отдаленной собачьей свадьбы и чьи-то завывания. Виантa не испытывала желания продолжать играть в вопросы и ответы, а я не хотел, чтобы она и дальше беспокоила Люка. Я убедил ее уйти и дать нам отдохнуть. Прикорнул я, удобно устроившись в кресле, положив ноги на стул. Я надеялся продолжить разговор с Люком наедине. Помнится, я тихо рассмеялся непосредственно перед тем, как уснуть, когда попытался решить, кому же из них я доверяю меньше. Разбудили меня первые признаки рассвета и птичье щебетание. Я потянулся несколько раз и направился в ванную. Пока умывался, услышал, как Люк кашлянул и прошептал мое имя.

— Если у тебя нет кровотечения, то подожди минутку, — отозвался я и вытерся. — Тебе принести воды?

— Да, немного.

Я перебросил полотенце через плечо и принес ему воды.

— Она все еще здесь? — осведомился Люк.

— Нет.

— Дай мне стакан и выгляни в коридор. Я подожду.

Я кивнул и подал ему воду, после чего бесшумно открыл дверь. Выйдя в коридор, я прошел по нему до угла. Никого не было.

— Порядок, — прошептал я, вернувшись в комнату.

Люк исчез! Но через мгновение я услышал, как он возится в ванной.

— Черт побери! Я бы мог тебе помочь, — упрекнул я его.

— Я еще способен отлить без чужой помощи, — проворчал он, возвращаясь в комнату. Он немного пошатывался, держась здоровой рукой за стену. — Надо было проверить, могу ли я с этим справиться, — добавил он, опускаясь на край постели. Затем он положил руку на грудь и тяжело вздохнул — Дерьмо! Болит!

— Тебе помочь улечься?

— Да. Слушай, не надо, чтобы она знала, что я способен хоть на это.

— Ладно, — согласился я. — А теперь успокойся и отдохни.

— Я хочу рассказать тебе как можно больше до того, как она снова вернется сюда, — он покачал

головой. — А она обязательно вернется, можешь мне поверить.

— Ты это точно знаешь?

— Да. Она не человек, и настроена на нас обоих больше, чем когда-либо это делали голубые камни: Я не понимаю твоего стиля магии, но у меня имеется свой, и я знаю, что он мне подсказывает. Хотя разбираться с этой задачей я начал из-за твоего вопроса о том, кем она была. Ты уже вычислил ее?

— Нет, не полностью.

— А я знаю, что она может менять тела, словно платья, и может путешествовать по Отражениям.

— А имена Мег Девлин и Джордж Хансен тебе о чем-нибудь говорят? — поинтересовался я.

— Нет. А должны?

— Не думаю, но уверен, что она была в их телах.

Я не упомянул Дона Мартинеса не потому, что негодяй вступил в перестрелку с Люком и сообщение об этом вызвало бы у него еще большее недоверие к ней, а потому, что не хотел, чтобы он знал о том, что мне известно о партизанской базе в Нью-Мексико. Я почувствовал, что упоминание о Мартинесе может навести его на мысли в этом

направлении.

— Она также была и Гейл Лампрон.

— Твоей подружкой по университетским денькам? — уточнил я.

— Да. Я сразу же заметил в ней что-то знакомое. Но осенило меня лишь потом. У нее все манеры Гейл — так же поворачивает голову, жестикулирует, смотрит, когда разговаривает. И потом, она упомянула два события, у которых был только один общий свидетель — Гейл.

— Похоже, она хотела, чтобы ты понял это.

— Да, действительно так.

— Интересно, почему же тогда она просто не взяла и не выложила все напрямик?

— По-моему, она не может. Вероятно, на нее наложено какое-то заклятие, но об этом нам трудно судить, ведь она не человек, — говоря эти слова, Люк украдкой взглянул на дверь. — Проверь ее еще разок.

— По-прежнему все в порядке, — доложил я. — Теперь, что касается…

— В другой раз, — прервал он меня. — Мне пора убираться отсюда.

— Понимаю, хочешь быть от нее подальше.

— Не в этом дело, — покачал он головой. — Я должен быстрей попасть в Замок Четырех Ми-

ров.

— В твоем теперешнем состоянии?

— Именно поэтому. Я должен исчезнуть отсюда, чтобы поскорее войти в форму. По-моему, старый Шару Гаррул вырвался на волю. Только так я могу объяснить случившееся.

— А что же случилось?

— Я получил от матери сигнал бедствия. После того, как я оторвал ее от тебя, и она возвратилась в Замок.

— Почему?

— Что почему?

— Почему она направилась в Замок?

— Это место сосредоточения силы. Так как там пересекаются четыре мира, происходит высвобождение страшно большого количества даровой энергии, и к ней может подключиться адепт.

— Там действительно сходятся четыре мира? Ты хочешь сказать, что будешь в разных Тенях в зависимости от того, в каком направлении двинешься.

Он поднял на меня изучающий взгляд.

— Да, — подтвердил он наконец. — Но я никогда не расскажу тебе все до конца, если ты захочешь выяснить подробности.

— А я не пойму сути, если слишком много оста-

нется недосказанного. Значит, она направилась в Замок Четырех Миров набрать какую-то силу, а вместо этого попала в беду. И позвала тебя на помощь. А для чего ей вообще понадобилась эта сила?

— Гм-м… Вообще-то у меня возникли осложнения с Колесом-призраком. Я думал, что почти уговорил его перейти на мою сторону, но она, вероятно, подумала, что я продвигаюсь к цели недостаточно быстро. И явно решила попробовать опутать его массированными заклинаниями, после того, как…

— Минутку! Ты разговаривал с Призраком? Как тебе удалось связаться? Ведь эти нарисованные тобой Козыри не годятся.

— Знаю, но я прошел.

— Как ты сумел?

— С аквалангом. Надел резиновый костюм и баллон с кислородом.

— Вот сукин сын! Интересное решение.

— Не зря же я был лучшим коммивояжером в «Гранд-дизайн». Мне почти удалось убедить его. Но она узнала, где я тебя запер, и решила попробовать ускорить дело, взяв тебя под контроль, а потом использовав для заключения сделки. Это выглядело бы так, будто ты перешел на нашу

сторону. Так или иначе, но, когда этот план провалился, мне пришлось прийти к ней на подмогу и мы снова разделились. Я полагал, что она направилась в Кашеру, но вместо этого она кинулась в Замок. Как я сказал раньше, чтобы набрать силу и опутать заклинаниями Колесо-призрак. Мне кажется, что сделанное ею нечаянно освободило Шару Гаррула, и тот опять взял власть в свои руки и захватил ее в плен. И вот я получил от нее лихорадочный сигнал о помощи и поэтому…

— Э… тот старый чародей, — перебил я его, — пробыл там в заключении… сколько времени?

Люк хотел просто пожать плечами, но потом решил, что не стоит бередить рану.

— Точно не знаю. Кого это волнует? Он служил вешалкой с тех пор, как я был мальчишкой.

— Вешалкой?

— Да. Он проиграл в колдовском поединке. Я не знаю, кто его победил, она или отец. Но кто бы это ни был, его застигли посередине заклинания, руки в стороны и все такое. Вот в таком виде он и застыл, как дубовая доска. Затем его перенесли поближе к входу, и люди вешали на него плащи и шляпы. Слуги иногда стирали с него пыль. Я даже вырезал у него на ноге свое имя, когда был мальцом, словно это была деревяшка. Я всегда считал

его мебелью, но позже я выяснил, что в свое время он считался весьма хорошим колдуном.

— Этот парень когда-нибудь носил синюю маску во время работы?

— Ты поставил меня в тупик. Я ничего не знаю о его стиле работы. Слушай, давай не будем отвлекаться, а то Виантa появится тут раньше, чем я закончу. Вообще-то нам пора отсюда уходить, остальное я расскажу тебе позже.

— Гм-м… — промычал я. — Как ты заметил прошлой ночью, ты мой пленник. Я был бы психом, позволив тебе куда-то уйти, не узнав чуть больше, чем знал, черт тебя побери! Ты — угроза Амберу. Та бомба, брошенная тобой на похоронах, была очень даже настоящая. Думаешь, я хочу дать тебе возможность повторить попытку?

Он улыбнулся, но улыбка почти сразу же исчезла с его лица.

— И почему тебя угораздило родиться сыном Корвина? Хочешь, я дам тебе честное слово?

— Надо подумать. У меня будет уйма неприятностей, если родичи узнают, что я держал тебя в руках и не доставил в Амбер. Ты поклянешься прекратить свою войну против Амбера?

Он задумчиво пожевал нижнюю губу.

— Я никогда не смогу этого сделать, Мерль.

— Есть обстоятельства, о которых ты умалчиваешь, не так ли?

Люк кивнул и неожиданно улыбнулся.

— Но я предложу тебе одежду, от которой ты не сможешь отказаться.

— Люк, не надо устраивать мне это дерьмо с навязыванием негодного товара.

— Дай мне только минутку, ладно? И ты увидишь, почему тебе никак нельзя упустить такое.

— Люк, на эту удочку я не клюну.

— Всего одну минуту… Шестьдесят секунд. Когда я закончу, ты волен отказаться.

— Ладно, говори.

— У меня имеются сведения жизненно важные для Амбера и для его безопасности, и я уверен, что никто о них не имеет ни малейшего представления. После того, как ты мне поможешь, я сообщу тебе их.

— С какой стати тебе захотелось сообщать мне их? Это ведь гол в твои ворота.

— Ты прав, мне действительно не хочется, но это все, что я могу тебе предложить. Помоги мне убраться отсюда в одно место, где время течет так быстро, что я поправлюсь за день-другой по меркам местного времени в Замке.

— Или здешнего, если уж на то пошло.

— Верно. О-о-о! — он потянулся на кровати и, схватившись здоровой рукой за грудь, застонал.

— Люк!

Он поднял голову, подмигнул мне, взглянул на дверь и вновь принялся стонать. В дверь постучали.

— Войдите, — разрешил я.

В комнату вошла Вианта, изучив нас пытливым взглядом. Когда она смотрела на Люка, у нее на лице, кажется, появилось выражение искренней озабоченности. Потом она приблизилась к постели и положила руку ему на плечо. Постояв так примерно с полминуты, она объявила:

— Он будет жить.

— В данную минуту, — ехидно отозвался Люк, — я не знаю — благословение это или проклятие.

Он неожиданно обвил ее здоровой рукой за талию, привлек к себе и поцеловал.

— Привет, Гейл! Давненько мы не виделись.

Она высвободилась с меньшей поспешностью, чем могла бы.

— Тебе, кажется, уже лучше, — заметила она. — И я вижу, что Мерль помог твоему здоровью какими-то чарами, — на миг она слабо улыбнулась, а затем добавила — Да, давненько, охламон ты этакий. Ты еще любишь омлет, поджаренный

с обеих сторон?

— Отличная память, — признал он ее способности. — Но не больше, чем из полудюжины яиц. Сегодня их может быть только два — я не в форме.

— Ладно. Пошли, Мерль. Ты мне понадобишься для надзора.

Люк бросил на меня веселый взгляд. Он был уверен, что она хотела поговорить со мной о его персоне. И если уж на то пошло, мне не очень-то хотелось оставлять его одного, хотя все его Козыри находились в моем кармане. Я был по-прежнему в неведении о степени его способностей, и намного меньше знал о его намерениях. Поэтому я задержался.

— Может быть, кому-нибудь следует остаться с инвалидом? — осведомился я.

— С ним будет все в порядке, — успокоила она меня. — Зато мне может понадобиться твоя помощь, если я не смогу нагнать страха на слугу.

С другой стороны, может быть, она хотела сообщить мне что-нибудь интересное. Я нашел и надел рубашку, прошелся руками по волосам.

— Ладно, — согласился я. — До скорого, Люк.

— Эй, — позвал меня он, — посмотри, не найдется ли тут для меня трости, или сруби мне посох.

— А разве вы этим не торопите события? — спросила Вианта.

— Никогда нельзя сказать наверняка, — произнес Люк.

Я прихватил с собой меч и последовал за Виантой. Когда спускался по лестнице, мне пришло в голову, что если двое из нас собираются вместе, нам всегда есть что сказать о третьем.

Как только мы достаточно удалились, Вианта тонко заметила:

— Он здорово рисковал, обращаясь к тебе.

— Да, рисковал.

— Выходит, дела его идут плохо, если он пошел на этот шаг?

— Так оно и есть.

— Уверена, что ему необходимо еще что-то, кроме места лечения.

— Не буду возражать против твоего утверждения. Наверное, ты права.

— Какого черта «наверное»! Он, вероятно, уже говорил с тобой.

— Может быть.

— Либо он просил, либо нет.

— Вианта, ты явно сказала мне все, что собиралась сказать, — осадил я ее. — Мы квиты. Я не задолжал тебе никаких объяснений. Если я по-

чувствую желание довериться Люку, то доверюсь. По крайней мере, я еще не пришел к однозначному выводу.

— Значит, он все-таки агитировал тебя встать на свою сторону. Возможно, я сумею помочь тебе выбрать правильную линию поведения, если поведаешь, что он говорил.

— Нет, спасибо. Ты ничуть не лучше его.

— Я забочусь о твоем благополучии. Не нужно торопиться, отвергая союзника.

— Я не отвергаю, — возразил я. — Но все же я знаю Люка намного лучше, чем ты. По-моему, тебе известно, в каких вопросах ему нельзя доверять, а в каких можно без опаски.

— Надеюсь, ты не ставишь на кон свою жизнь, рассчитывая на это?

Я улыбнулся.

— По этому вопросу я склонен проявлять консерватизм.

Мы вошли в кухню, где она заговорила с распоряжавшейся там незнакомой мне женщиной. Сообщив ей меню завтрака, она вывела меня через боковую дверь во внутренний дворик, а оттуда показала на лесок на востоке.

— Там должно отыскаться хорошее деревце на посох Люку.

— Так значит, ты действительно была Гейл Лампрон? — неожиданно спросил я, когда мы направились в том направлении.

— Да.

— Я совершенно не понимаю этой смены тел.

— А я не собираюсь тебе ничего рассказывать.

— И не желаешь объяснить, почему?

— Нет.

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу.

— Но если я уже кое-что знаю, ты согласишься немного добавить?

— Может быть. Попробуй.

— Когда ты была Доном Мартинесом, ты стреляла по одному из нас. По кому именно?

— По Люку.

— Почему?

— Я убедилась, что он представляет для тебя угрозу.

— И ты просто хотела защитить меня?

— Вот именно.

— А как ты убедилась?

— А, ерунда. Вон там, похоже, подходящее деревце.

— Слишком толстое, — усмехнулся я.

Мы вошли в рощу: там было из чего выбирать.

Проходя по залитой утренним светом поляне, я заметил какой-то необычный след, точнее, чьи-то следы, ведущие дальше и вправо, где…

— Что это? — задал и риторический вопрос, так как не думал, что Вианта знает об этом больше моего, и направился к темнеющей массе у затаенных корней старого дерева.

Я добрался до дерева раньше ее. Там валялась одна из собак Бейли, большой коричневый пес: ему разодрали горло. Кровь уже потемнела и свернулась. По трупу ползало несколько насекомых. Чуть дальше и правее я заметил останки собаки поменьше: ей выпустили кишки. Я изучил местность вокруг трупов. На влажной земле отпечатались следы огромных лап. Но это не были трехпалые отпечатки встретившихся мне в прошлом смертоносных собакообразных тварей. Они просто казались сдвоенными следами очень большой собаки.

— Вот здесь-то, вероятно, и произошла ночная свара. Мне показалось, что дрались собаки, или было что-то вроде собачьей свадьбы, — заметил я.

— Когда это было? — деловито осведомилась Вианта.

— Через некоторое время после твоего ухода.

Я дремал.

И тут она поступила весьма странно для леди. Опустилась на колени, пригнулась и понюхала след. Когда она поднялась, лицо ее выражало некоторую озабоченность.

— Ну, что вынюхала? — ухмыльнулся я.

Она покачала головой и посмотрела на северо-восток.

— Не буду утверждать, но, кажется, оно ушло именно туда.

Я еще раз изучил участок ночной схватки, поднялся с колена и двинулся по оставленному следу, который тянулся в указанном Виантой направлении. Однако я его потерял через несколько сот футов, когда он вывел меня на опушку рощи. Я повернул обратно.

— Полагаю, одна из собак напала на другую, — предположил я. — Если мы хотим застать завтрак горячим, нам лучше вырезать посох и вернуться.

В доме я узнал, что завтрак Люку уже отнесли. Я разрывался на части. Мне хотелось забрать свой завтрак наверх и продолжить беседу с Люком. Но если я это сделаю, то Виантa навяжется сопровождать меня и беседа не состоится. В такой обстановке не мог я разговаривать и с Виантой. Я все же решил разделить компанию с ней здесь,

внизу, оставив Люка одного на время большее, чем я рассчитывал. Поэтому я не очень-то возражал, когда она отвела меня в большой зал и сказала: «Посиди здесь». Я догадался, что она выбрала его потому, что моя комната с открытым окном находилась над внутренним двором, и Люк мог услышать наш разговор, если бы мы уселись завтракать внизу. Мы сели в конце длинного стола из темного дерева, на котором нам сервировали завтрак. Когда мы остались одни, Вианта поинтересовалась:

— Что ты собираешься теперь делать?

— Что ты имеешь в виду? — ответил я вопросом на вопрос, отпив виноградного сока.

Она взглянула на потолок и уточнила:

— Ты отвезешь его в Амбер?

— Это кажется логичным.

— Ладно. Думаю, тебе следует переправить его поскорее. Во дворце приличное медицинское оборудование?

— Да, приличное.

После первого блюда она спросила:

— Ты намерен сделать именно это, не так ли?

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому, что прочее было бы совершеннейшей глупостью, и он явно не захочет попасть туда.

Следовательно, постарается уговорить тебя сделать что-нибудь другое, что даст ему некоторую степень свободы, пока он придет в себя. Ты же знаешь, как Люк умеет пудрить мозги. Он так все распишет, что его план покажется отличным. Но ты обязан помнить, что он враг Амбера, и когда снова будет готов вступить в игру, ты окажешься на его пути.

— Твои слова не лишены смысла, — признал я.

— Я не закончила.

— О!

Вианта улыбнулась и принялась за еду, чтобы заинтриговать меня, и, наконец, продолжила:

— Люк явился к тебе не случайно. Он мог козырнуться в любое другое место и зализать свои раны, но он оказался здесь, потому что ему что-то нужно. Он играет рискованно, но это рассчитанный риск. Не соглашайся на это, Мерль, ты ничего ему не должен.

— Не понимаю, почему ты считаешь, что я не способен сам о себе позаботиться? — несколько раздраженно спросил я.

— Я никогда этого не утверждала, — возразила Вианта. — Но некоторые решения находятся в очень хрупком равновесии, и все может зависеть от небольшой лишней гирьки на той или иной

чаше весов. Ты знаешь Люка, но и я тоже его знаю. Сейчас не время предоставлять ему фору.

— Ты приводишь здравый довод, — снова признал я.

— Ты все-таки решил дать ему то, что он просит?

Я улыбнулся и отпил кофе.

— Черт побери, он еще не так долго находился в сознании, чтобы расхваливать свой товар. Я подумаю об этом, но я также желаю знать, что у него на уме.

— Я никогда не говорила тебе, что не следует вдаваться в подробности. Я просто хотела напомнить, что разговаривать с Люком иногда все равно, что с драконом.

— Да, ты права.

— И чем дольше ты ждешь, тем труднее будет дальше, — прибавила она.

Я отхлебнул кофе и быстро спросил:

— Он тебе нравился?

— Нравился? — переспросила она. — Да. И по-прежнему нравится, но в настоящий момент не это главное.

— Мне это неизвестно.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не стала бы причинять ему вред без вся-

кой причины.

— Да, не стала бы.

— Сейчас он не представляет для меня угрозы.

— Кажется, да.

— Что, если бы я оставил его здесь, на твое попечительство и отправился в Амбер, чтобы пройти Лабиринт и подготовить родных к этой новости?

— Нет! — она энергично мотнула головой. — Я не хочу и не могу брать на себя бремя такой ответственности.

— Почему же?

Она заколебалась с ответом.

— И, пожалуйста, не говори опять, что ты не можешь мне этого сказать, — продолжил я. — Найти способ сообщить мне все возможное.

Тогда она заговорила, очень медленно, слишком тщательно подбирая слова:

— Потому что для меня важнее сторожить тебя, чем Люка. Тебе по-прежнему грозит какая-то непонятная мне опасность, хотя теперь она исходит уже не от Люка. Охранять тебя от этой неизвестной мне угрозы — главное, главнее, чем не спускать глаз с Люка. Следовательно, я не могу здесь оставаться. Если ты возвратишься в Амбер, то и я туда вернусь.

— Ценю твою заботу, — поблагодарил я, — но

не желаю, чтобы ты бегала за мной по пятам, как собачонка.

— Ни у тебя, ни у меня нет выбора.

— А что, если я просто козырнусь отсюда в какую-нибудь отдаленную Тень?

— Я буду обязана последовать за тобой.

— А в каком обличье?

Она отвела взгляд.

— Ты уже призналась, что можешь принимать различные обличья. Каким-то таинственным способом ты находишь меня, а потом овладеваешь телом того, кто находится поблизости.

Она судорожно глотнула кофе.

— Наверное, что-то не дает тебе рассказать все, — продолжил я. — Но это не так, и я это знаю.

Она коротко кивнула и вернулась к завтраку.

— Предположим, я козырнусь прямо сейчас, и ты последуешь за мной способом, непонятным мне… — и я мысленно вернулся к телефонному разговору с Мег Девлин и миссис Хансен. — Тогда настоящая Вианта Бейль проснется в собственном теле с провалом памяти, верно?

— Да, — прошептала она.

— И это приведет к тому, что Люк останется здесь в обществе женщины, которая с удоволь-

ствием уничтожит его, если у нее возникнет хоть малейшее подозрение насчет того, кто он такой на самом деле?

— Именно так, — криво улыбнулась Вианта.

Какое-то время мы ели молча. Она постаралась предугадать мои дальнейшие действия и вынудить меня козырнуться обратно в Амбер, захватив с собой Люка. Мне не нравилось, что мною манипулируют и принуждают к чему-то. Ведь тогда мое непроизвольное стремление сделать нечто обратное тому, что от меня требуют, тоже кажется навязанным. Когда мы покончили с едой, я неторопливо потягивал кофе. И ничего не говорил, так как не мог придумать, что еще можно сказать.

— Так что же ты все-таки собираешься делать? — наконец спросила она.

Я допил кофе и поднялся.

— Собираюсь отнести Люку трость.

Придвинув кресло к столу, я направился обратно в угол зала, где оставил палку, вырезанную в роще.

— А потом? — не отставала она. — Что ты будешь делать потом?

Я оглянулся, посмотрел на нее, взял посох и подбросил его. Вианта сидела очень прямо, по-

ложив руки на стол ладонями вниз. Она вновь стала походить на Немезиду.

— То, что должен делать, — буркнул я и направился к двери.

Едва удалившись из поля ее зрения, я ускорил шаг. Добравшись до лестницы, я усмехнулся, заметив, что она не следует за мной, и побежал наверх, перемахивая сразу через две ступеньки. На ходу я вытащил Карты и отыскал нужную. Ворвавшись в комнату, я обнаружил, что Люк отдыхает, привалившись спиной к куче подушек. Поднос с завтраком находился на кресле рядом с кроватью. Я накинул щеколду на дверь.

— Что случилось, старик? На нас напали, или что-нибудь еще в этом роде? — осведомился Люк.

— Поднимайся! — велел я.

Потом я взял его оружие и подошел к постели. Помог ему встать и сунул в руки посох и меч.

— Меня вынудили сделать первый ход, — пояснил я Люку, — но я не собираюсь выдавать тебя Рэндому.

— Это несколько утешает, — заметил он.

— Но нам надо сматываться, причем не откладывая.

Я услышал в коридоре какой-то шум, но было уже слишком поздно. Я поднял Карту и сосредо-

точился.

Раздался громкий стук в дверь.

— Ты что-то затеял и, по-моему, это ошибка! — крикнула Вианта.

Я не ответил: видение уже становилось вещественным. Дверь треснула от мощного пинка, и щеколду сорвало с нее, как щепку. Когда я потянулся к Люку и схватил его за руку, на его лице отразилось понимание.

— Идем! — скомандовал я.

Я потащил Люка за собой, но в комнату ворвалась Вианта, со сверкающими глазами протянув вперед руки, она устремилась к нам. Ее крик «Дурак!», казалось, сменился воем, а затем ее видение поплыло всеми цветами радуги, зарябило и растаяло.

Мы стояли на лужайке. Люк с облегчением вздохнул и улыбнулся.

— Ты, приятель, обожаешь рискованные трюки, — заметил он и, оглянувшись, криво усмехнулся. — Это место тебе знакомо. Хрустальная пещера.

— Насколько я могу судить по собственному опыту, — напомнил я, — здесь течение времени как раз такое, какое тебе требовалось.

Он кивнул и мы медленно двинулись к возвы-

шающейся невдалеке голубой горе.

— Еды там в избытке, — продолжил я, — есть и спальный мешок.

— Подходящее местечко, — признал он.

Когда мы достигли подножия, он остановился, тяжело дыша, Я увидел, что его взгляд остановился на множестве разбросанных слева от нас костей. С тех пор, как тут загнулась парочка, удалявшая валун, прошел, надо полагать, не один месяц, срок достаточно долгий, чтобы пожиратели падали проделали основательную работу. Люк пожал плечами, прошел чуть дальше и прислонился к голубому камню, после чего медленно сел на землю.

— Придется подождать, прежде чем я смогу сойти вниз даже с твоей помощью.

— Разумеется. Мы сможем закончить наш разговор. Как мне помнится, ты собирался сделать мне такое предложение, на которое я не мог бы ответить отказом. Я должен был доставить тебя в место вроде этого, где ты сможешь быстро выздороветь, причем в Замке времени пройдет немного. А у тебя, в свою очередь, имелись сведения жизненно важные для безопасности Амбера.

— Правильно… И ты не выслушал до конца мою историю. Эти две темы тесно связаны.

Я присел на корточки напротив него.

— Ты рассказал мне, что твоя мать бежала в Замок, угодив там, вероятно, в беду, и позвала тебя на помощь.

— Да. Именно поэтому я перестал возиться с Колесом-призраком и попытался ей помочь. Я связался с Далтом и он согласился напасть на Замок. Всегда полезно иметь под рукой отряд наемников, готовых прийти на подмогу.

Люк бросил на меня странный взгляд, но я сумел сохранить невинное выражение лица.

— Итак, мы провели их через Тени и напали на крепость. Возможно, именно нас-то ты и увидел, когда находился поблизости.

Я важно кивнул.

— Впечатление было такое, будто вам удалось ворваться на стену. Что-то получилось, не так ли?

— Я еще не все знаю. Мы действовали как всегда отлично. Их оборона отступала и мы жали вперед, когда Далт внезапно накинулся на меня. На время мы разлучились в ходе боя, затем он появился снова и напал на меня. Сперва мне показалось, что он ошибся, ведь мы были в грязи и крови, и я крикнул ему, что это я… Некоторое время я не хотел наносить ответных ударов, так как

полагал, что это какое-то недоразумение, и через несколько секунд он поймет свою ошибку…

— Думаешь, он продался? Или задумал это уже давно, потому что имел на тебя зуб?

— Мне не хочется так думать.

— Тогда магия?

— Может быть, не знаю.

Тут мне пришла в голову странная мысль.

— Он знал, что ты убил Каина?

— Нет. У меня правило — никому не говорить о том, что я делаю или сделал.

Люк засмеялся, сделал было движение, словно собирался хлопнуть меня по плечу, но затем подумал, что лучше не стоит этого делать.

— Ты ведь говоришь правду, Люк?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто любопытно.

— Разумеется, правду. Ты не против помочь мне подняться туда и посмотреть, какие припасы ты мне оставил?

— Ладно.

Я поднялся и помог встать Люку. Мы пошли направо по самому легкому подъему, и я не спеша провел его на вершину. Люк оперся на посох и заглянул в отверстие.

— Да, спускаться будет нелегко, — констатиро-

вал он. — Особенно мне. Я думал, что ты можешь прикатить бочку из кладовой, и я опущусь на нее, а затем на пол. Но теперь я вижу, что расстояние до пола больше, чем мне казалось. У меня могут открыться раны…

— М-м-да, — промычал я. — Подожди, у меня есть идея.

Я повернулся к нему спиной и спустился вниз по склону.

А потом прошелся вдоль подножия голубого холма направо, пока не свернул за два сверкающих отрога, полностью скрывавших меня от Люка. Я не хотел без надобности применять Логрус в его присутствии, а также, чтобы он видел, как я работаю, что могу и что не могу. Я к тому же очень неуютно себя чувствовал, позволяя людям узнавать о себе чересчур много. Логрус явился на вызов, и я засунул туда руки и подтянулся с его помощью. Желание мое приобрело форму, стало целью. Мой посыл искал задуманное. Далеко… далеко… Я продолжал тянуться чертовски долгое время. Мы действительно находились в Теневом захолустье…

— Есть, попалась, — пробормотал я.

Я не рванул, а скорее приложил медленное и постоянное усилие. И почувствовал, как искомое

движется ко мне через Тени.

— Эй, Мерль! Все о'кей? — услышал я голос Люка.

— Да! — ответил я, не распространяясь.

— Давай быстрее! — попросил Люк.

Ближе, ближе…

Есть!

Я пошатнулся, когда она появилась, потому что она прошла слишком близко от меня. Незакрепленный конец подскочил, ударившись о землю. Я подошел к середине и взялся в другом месте. Затем поднял ее и понес к вершине. Приставив ее к крутому участку подъема, чуть впереди места, где поджидал Люк, я быстро взобрался наверх, а потом принялся втаскивать ее за собой.

— Где ты достал эту лестницу? — удивился Люк.

— Нашел.

— Она, похоже, только что выкрашена.

— Вероятно, кто-то совсем недавно потерял ее, — заметил я.

Я стал спускать ее в отверстие. После того, как она достигла дна, сверху осталось еще несколько футов. Я подвигал ее, чтобы найти наиболее устойчивое положение.

— Я буду спускаться первым и останусь прямо

под тобой.

— Возьми сперва мои меч и трость, хорошо?

— Разумеется.

Я спустился с ними вниз, потом поднялся обратно. Люк взялся за лестницу, встал на нее и начал спускаться.

— Как-нибудь покажешь мне этот фокус, — произнес он, тяжело дыша.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, — прикинулся я дурачком.

Люк спускался медленно, останавливаясь почти на каждой ступеньке, и когда мы добрались до дна, он покраснел и тяжело дышал. И сразу же осел на пол, приложив правую ладонь к нижнему ребру грудной клетки. Через некоторое время он чуть отполз назад и прислонился к стене.

— Ты о'кей? — осведомился я.

— Буду через несколько минут. Колотые раны отнимают много сил.

— Тебе дать одеяло?

— Нет, спасибо.

— Ну, ты отдохни здесь, а я схожу проверю кладовую и посмотрю, что там осталось из припасов. Тебе что-нибудь принести?

— Водички.

С припасами все оказалось в порядке, спаль-

ный мешок по-прежнему находился там, где я его оставил. Вернулся я с водой для Люка, вспомнив не без иронии о том, что то же самое он делал для меня.

— Нам повезло, — доложил я Люку. — Добра в избытке.

— Ты ведь не выпил все вино, а? — поинтересовался он.

— Не успел.

— Хорошо.

— А теперь докладывай о сведениях, имеющих жизненно важные интересы для Амбера, — напомнил я ему. — Не пора ли тебе поделиться ими со мной?

— Пока нет, — улыбнулся он.

— Я полагал, что мы уже договорились?

— Ты не выслушал всей истории, нас прервали.

Я покачал головой, но мне пришлось согласиться с ним.

— Да, нас прервали. Теперь рассказывай все до конца.

— Я должен прийти в себя, взять Замок и освободить мать.

Я кивнул.

— После того, как мы ее спасем, сведения твои.

— Эй, минуточку! Ты просишь чертовски много!

— Только за то, чем плачу.

— Похоже, что я покупаю кота в мешке.

— Согласен, похоже. Но поверь мне, эти сведения стоят того.

— А что, если их ценность поуменьшится, пока я жду?

— Нет, я все рассчитал. Мое выздоровление займет всего пару дней по времени Амбера. Я успею с пользой тебе все сообщить.

— Люк, это начинает походить на какой-то обман.

— Да, — согласился он, — но обман не пойдет на благо ни Амберу, ни тебе самому.

— Это усугубляет положение. Я не могу представить, чтобы ты выдал врагу что-либо подобное.

— Этого может даже хватить, чтобы снять меня с крючка, — заметил он и вздохнул.

— Ты думаешь прекратить мстить?

— Не знаю. Но я так много думал, и если уж решу пойти по этому пути, то только ради действительного выигрыша в деле.

— А если не решишь идти, то подставишь ножку самому себе, так ведь?

— Я смогу это пережить. Это затруднит мою

задачу, но не сделает ее неосуществимой.

— Не знаю, — засомневался я. — Если признают неосновательными мои оправдания в том, что я отпустил тебя на волю, то мне станет жарковато.

— Я никому не скажу, если не скажешь и ты.

— Есть еще и Вианта.

— А она не перестанет настаивать, что главная цель ее жизни — защищать тебя. Кроме того, если ты вернешься, то там ее не будет. Или, скорее, будет настоящая Вианта, проснувшаяся после беспокойного сна.

— Как ты можешь утверждать это с такой уверенностью?

— Потому что ты отбыл. Она, вероятно, уже ищет тебя.

— Ты знаешь, что она такое на самом деле?

— Нет, но как-нибудь помогу тебе поразмыслить над этим интересным вопросом.

— Не сейчас?

— Да, я еще должен немного поспать. Меня снова мучает слабость.

— Тогда давай еще раз вспомним наш уговор. Что ты собираешься предпринять, как намерен это сделать и что ты обещаешь мне?

— Я останусь тут, пока снова не приду в форму, — зевнул он. — Потом, когда подготовлюсь

к нападению на Замок, свяжусь с тобой. Кстати, мои Козыри все еще у тебя?

— Давай дальше. Как ты намерен взять Замок?

— Я обдумаю это и потом дам тебе знать. Но, так или иначе, на том этапе ты можешь либо помочь мне, либо нет, как ты сочтешь нужным. Но я не возражал бы против общества еще одного колдуна. Когда мы вернемся и освободим ее, я сообщу тебе, что обещал, и ты доставишь эту информацию в Амбер.

— А что, если ты проиграешь?

Люк отвел взгляд.

— Полагаю, такая возможность не исключена, — наконец проговорил он. — Ладно, как насчет вот такой идеи? Я запишу всю информацию и буду держать при себе. И отдам тебе по Козырю или лично перед нашей атакой. Выигрываю или проигрываю, но с тобой расплачусь.

Он протянул мне здоровую руку, и я пожал ее.

— Добро.

— Тогда верни мне мои Козыри, и я поговорю с тобой, как только встану на ноги.

Я заколебался, но все-таки вытащил свою Колоду, ставшую теперь довольно толстой. Затем сдал свои, наряду со многими его, и передал Люку то, что осталось.

— А как насчет остальных?

— Я хотел бы изучить их, если не возражаешь.

Он небрежно передернул плечами и поморщился от боли.

— Я всегда могу изготовить новые. Верни мне лишь Козырь матери.

— Возьми.

— Не знаю, что у тебя на уме, но дам один совет — не связывайся с Далтом. Он и в нормальном состоянии не самый-то лучший из людей, а сейчас с ним вообще что-то стряслось. Держись от него подальше.

Я кивнул и поднялся.

— Ты уходишь прямо сейчас? — осведомился он.

— Угадал.

— Оставь мне лестницу.

— Она предназначена для тебя.

— Что ты собираешься сообщить родичам в Амбере?

— Пока ничего. Хочешь, я принесу тебе еды, прежде чем уйду. Сэкономлю тебе силы и время.

— Отлично! Принеси заодно и бутылку вина.

Я вернулся с едой и выпивкой. Заодно я принес и спальный мешок.

После этого поднялся по лестнице, потом оста-

новился и взглянул на Люка.

— Ты все еще не знаешь, чего тебе хочется? Так? — поинтересовался я.

Люк улыбнулся.

— Не будь в этом чересчур уверен.

Выбравшись, я посмотрел на некогда замуровавший меня валун. Чуть раньше у меня мелькнула мысль отплатить услугой за услугу. Я мог просчитать скорость течения времени, прибыть и извлечь его, когда он придет в себя. Таким образом, он будет лишен возможности исчезнуть отсюда без моего позволения. Однако я решил этого не делать, не только потому, что я был единственным знавшим, что он здесь находится, но и потому, что если со мной что-нибудь случится — он умрет от голода. Кроме того, если бы я заточил его, он не смог бы вызвать меня по Козырю, когда окрепнет. Во всяком случае, ход моих мыслей был именно таким. Тем не менее, я нагнулся, взялся за валун и подкатил его ближе к отверстию.

— Мерль? Что ты там делаешь? — послышалось снизу из отверстия.

— Ищу червей для рыбалки.

— Эй, брось! Не…

Я засмеялся и подтолкнул валун еще чуть бли-

же.

— Мерль!

— Мне подумалось, может тебе захочется закрыть дверь, если пойдет дождь. Но камень чересчур тяжел, черт возьми! Забудь об этом и не волнуйся.

Я повернулся и прыгнул с уступа, решив, что лишний адреналин в крови может пойти ему на пользу.

Спустившись с горки, я направился к тому месту, где некоторое время назад добыл лестницу. Оказавшись под защитой отрогов, я достал одну из пустых карт. Время истекало. Выудив карандаш, я обнаружил, что грифель сломан. Пришлось вытаскивать меч, который был размером с мою руку. Но все же я сумел им заточить карандаш. Через минуту я положил Карту перед собой на плоском камне и нарисовал свою комнату в Лесном Доме: руку мою отчасти водил и Логрус. Пришлось работать без спешки, вкладывая в рисунок нужные ощущения. Завершив титанический для меня труд, я встал. Рисунок был верным. Я открыл ум и уставился на свою работу, пока она не стала реальностью, а затем прошел в комнату. И как раз в этот момент подумал кое о чем, что хотел бы узнать у Люка, но было уже слишком

поздно. Тени деревьев за окнами тянулись на восток. Я явно исчезал на большую часть дня. Осмотревшись, я заметил на прибранной постели листок бумаги, придавленный краем подушки, чтобы его не унесло сквозняком. Я подошел ближе и взял его в руки, убрав перед этим лежавшую поверх него голубую пуговицу. Записка была написана по-английски:

«Положи пуговицу в безопасное место. Пока она тебе не понадобится. Я не советую особенно разгуливать с ней. Надеюсь, ты поступил правильно. Полагаю, что весьма скоро найду тебя. Дам не обижают. До скорого свидания».

Подписи не было. Безопасно это или нет, но просто так оставить ее тут я не мог. Поэтому я завернул пуговицу в записку и положил ее в карман. Затем взял плащ из шкафа и перекинул его через руку. Потом я вышел из комнаты. Из-за того, что щеколда была сломана, я оставил дверь широко раскрытой. Постоял в коридоре, прислушиваясь, но не услышал никаких голосов или шума передвижения. Подойдя к лестнице, спустился вниз. Я уже почти достиг первого этажа, когда заметил ее — она неподвижно сидела у окна справа. Перед ней стоял поднос с хлебом и сыром, бокалом и бутылкой.

— Мерлин! — внезапно встрепенулась она, приподнявшись. — Слуги говорили мне, что ты здесь, но когда я заглянула в комнату, тебя там не было и тебя не могли найти.

— Меня вызывали, — туманно объяснил я, преодолевая ступени и подходя к ней. — Как вы себя чувствуете?

— Как ты… что вы обо мне знаете? — спросила она.

— Вы, вероятно, не помните, что случилось за последние два дня.

— Вы правы. Присаживайтесь, — она указала на другое кресло напротив своего. — Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне. Хотите выпить вина?

— Не откажусь.

Я заметил, что она пила белое. Она встала, подошла к шкафчику, открыла его и достала еще один бокал. Вернувшись, плеснула в него порядочную порцию «Мочи Бейля» и поставила передо мной. Я предположил, что хорошее вино она предпочитает выпивать сама.

— Что вы можете сказать о моем провале в памяти. Я была в Амбере и вдруг — раз и я, спустя несколько дней, здесь.

— Да, — подтвердил я, взяв крекер и ломтик сыра. — В какое примерно время вы очнулись?

— Нынешним утром.

— Беспокоиться не о чем, по крайней мере, сейчас. Повторения не будет.

— Но что это было?

— Просто ничто, иногда случается.

Я отпил вина.

— Кажется, это больше смахивает на магию, чем на болезнь.

— Наверное, здесь присутствовала и магия, — согласился я. — Никогда не знаешь, чего можно ожидать от Теней. Но почти все, кого я знаю из перенесших такое, почти здоровы.

— Очень странное впечатление, — нахмурилась она.

Я уничтожил еще несколько крекеров, запивая их вином. Все-таки хорошее вино она держала для себя.

— Беспокоиться совершенно не о чем, — повторил я.

Она улыбнулась и кивнула.

— Я вам верю. А что вы здесь делаете?

— Просто остановился погостить. Я возвращаюсь обратно в Амбер. Из отдаленных мест… Кстати, благодарю, что напомнили! Вы можете одолжить мне коня?

— Разумеется. Вы уже уезжаете?

— Как только получу средство передвижения.

Она поднялась.

— Я не думала, что вы спешите. Пойдемте в конюшню.

Я съел еще пару крекеров, кусок сыра и допил вино. Я гадал, где-то сейчас находится голубой туман. Подобрали хорошего коня, которого, как она сказала, я мог оставить в их конюшне в Амбере. Я быстро оседлал его и взнуздал. Конь был серый по кличке Дым. Надев плащ, я пожал Вианте обе руки.

— Спасибо за гостеприимство, даже если вы о нем и не помните.

— Не спешите. Езжайте к двери во внутренний двор, и я вынесу вам воду и еду на дорогу. Ведь между нами не было безумного романа, которого я к тому же и не помню, не правда ли?

— Джентльмены никогда не разбалтывают таких вещей, — гордо заявил я.

Виантa рассмеялась и хлопнула меня по плечу…

— Заходите ко мне как-нибудь в Амбере. Заодно освежите мне память.

Я приладил седельные сумки, торбу с едой для Дыма и длинную веревку, чтобы при необходимости стреножить его. Пока Виантa возвращалась

в дом, я вывел коня из внутреннего дворика. Затем сел на него и медленно поехал длинным окружным путем, мимо особняка, затем натянул поводья и спешился неподалеку от кухни. На прощание я окинул взглядом двор, где так хорошо можно было сидеть и пить кофе. Или тут было дело в обществе. Через некоторое время дверь отворилась и Вианта передала мне узелок и флягу. Когда я упаковывал их, она попросила:

— Передайте отцу, что я вернусь через несколько дней, хорошо? Скажите, что я уехала за город, так как не очень хорошо себя чувствовала, но теперь со мной все в порядке.

— Обязательно передам, — пообещал я.

— Я, в общем-то, не знаю, почему вы приехали ко мне, но если это связано с политикой или интригами, то не желаю этого знать.

— Приму к сведению.

— Слуга относил завтрак рослому рыжему мужчине, получившему, кажется, очень тяжелую рану. О нем лучше забыть?

— Хочется посоветовать вам это.

— Тогда и слуги забудут. Но как-нибудь потом мне было бы желательно услышать эту историю.

— Посмотрю, что тут можно сделать, — отозвался я.

— Тогда счастливого пути.

— Спасибо.

Я крепко пожал ей руку, повернулся и сел в седло…

— Пока, Вианта.

— До встречи в Амбере.

Я тронул поводья, но снова поехал вокруг дома, пока не очутился возле конюшни. Затем я направил коня к тропе, по которой мы ехали раньше. Позади дома завыла собака, а спустя несколько секунд к ней присоединилась другая. С юга дул ветерок, пронося мимо меня опавшие листья. Я хотел побыстрее очутиться на дороге далеко отсюда и в одиночестве. Ценю уединение, потому что именно тогда, как мне кажется, лучше всего думается, а сейчас мне требовалось о многом поразмыслить. Путь мой лежал на северо-запад. Примерно через десять минут я выбрался на грунтовую дорогу, пересеченную нами вчера. На этот раз я последовал по ней на запад и она, наконец, привела меня на перекресток с указателем, сообщавшим, что Амбер находится прямо впереди. Я направился дальше. Дорога была из желтого грунта, с отпечатавшимися на ней следами колес множества фургонов. Она повторяла рельеф местности, минуя вспаханные под пар

поля, окруженные каменными ограждениями и многочисленными деревьями на обочинах. Впереди виднелись четкие очертания гор, возвышающихся над лесистым участком, в который я скоро въеду. Конь шел легким аллюром, и я позволил себе воссоздать в последовательности события последних нескольких дней. Я не сомневался, что получил в подарок какого-то врага. Люк заверил, что это уже не он, и его слова казались мне убедительными. Как утверждал и он, и Виантa, для этого ему не надо было являться ко мне раненным. И он сам мог бы добраться до Хрустальной пещеры или какого-нибудь другого убежища. А дело со спасением Ясры могло и обождать. Я был более чем убежден, что он попытался вновь установить со мной хорошие отношения, так как я являлся для него единственным связующим звеном с Амбером, а дела его приняли нехороший оборот. У меня сложилось впечатление, что на самом-то деле он хотел получить официальное определение своего статуса по отношению к Амберу, и что он упомянул важные сведения, которые он согласен дать, в качестве знака доверия и козыря в торге. Я был не совсем уверен, что пригожусь лично для его плана по спасению матери. Если бы он хорошенько знал

Замок, то, учитывая, что сам он неплохой колдун, мог бы переправить в него с Отражения Земля отряд наемников. Насколько мне было известно о природе Теней, оригинальные боеприпасы будут действовать здесь не хуже, чем в Амбере. И независимо от того, верно это или нет, почему бы ему не козырнуть атакующие силы прямо в крепость? Ему даже не пришлось бы по-настоящему выигрывать битву — просто заскочить туда, захватить Ясру и смыться. Нет, я не чувствовал себя действительно необходимым для операции, которую он хотел провернуть. Мне показалось, что он завлекал меня, надеясь, что когда туман рассеется, мы просто обдумаем то, что у него есть и что он хочет и сделаем ему предложение. Также я чувствовал, что теперь, когда Каин убран с дороги и семейная честь удовлетворена, он может согласиться объявить вендетту законченной. И мне представилось, что камнем преткновения с его стороны была Ясра. Хотя я и понятия не имел, какую она могла иметь над ним власть, мне пришло в голову, что упоминаемые им сведения могли представлять собой средство для нейтрализации. Если бы он передал нам их втихую — это выглядело бы так, будто все исходит с нашей стороны, и он смог бы оправдаться перед матерью,

а заодно купить мир у нас. Весьма заманчивая идея. Моя проблема заключалась теперь в том, чтобы найти наилучший способ изложить все двору, не выглядя при этом предателем из-за того, что позволил ему уйти. Выходит, теперь именно мне придется доказывать, что прибыль стоит вклада. Деревьев на обочинах прибавилось, а сам лес стал ближе. Я проехал по деревянному мосту через прозрачный ручей, и некоторое время позади меня все еще слышалось его журчание. Слева открылись поля с отдаленными постройками, а справа я заметил фургон со сломанной осью. А если я воспринял намерения Люка неверно? Нет ли у меня какого-либо способа оказать на него давление? Появилась одна идейка. Она меня не слишком обрадовала, но, тем не менее, я рассмотрел ее. Она требовала риска и быстроты. Но у нее, однако, имелись и достоинства. Я довел ее до кондиции, а потом отложил в сторону и вернулся к своим первоначальным размышлениям.

— Гм-м… — промычал я в раздумье.

Где-то появился враг. И если это не Люк, то кто же? Самым вероятным кандидатом казалась Ясра. Во время двух наших встреч она выразила свои чувства по отношению ко мне совершенно четко. Встреченных мною в Закоулке Смерти убийц

вполне могла подослать она. В таком случае я на время в безопасности — ведь она оказалась в плену в Замке, если конечно не распорядилась еще до пленения подослать ко мне еще нескольких убийц. Мне думалось, что это было бы излишеством. Зачем зря тратить на меня живую силу? В случае если ею руководила Вендетта, я был всего лишь мелкой фигурой, и подосланных ко мне людей почти хватило для выполнения задачи. А если это не Ясра? Тогда мне по-прежнему грозит опасность. Чародей в синей маске, являющийся, как я предполагал, Шару Гаррулом, преследовал меня с помощью торнадо, что казалось куда менее дружественным поступком, чем последовавшие за ним цветы. Этот последний поступок отождествлял его с личностью, стоявшей за странным происшествием в квартире Флоры в Сан-Франциско. В тот раз инициатором встречи был он, а это означало, что у него были какие-то замыслы по отношению ко мне. Что он тогда говорил? Что-то насчет возможности пересечения в будущем наших дорог. Очень интересно. Так как теперь я видел вероятность возникновения именно такой ситуации. Но действительно ли Шару Гаррул подослал убийц? Несмотря на его знакомство со свойствами наведшего их голу-

бого камня, о чем свидетельствовала голубая пуговица у меня в кармане, это казалось отнюдь не бесспорным. Хотя бы потому, что наши цели пока не пересекались. И еще потому, что это, кажется, не соответствовало стилю таинственного повелителя стихий, кидающегося цветами. Конечно, тут я мог быть совершенно неправ, но от этого субъекта можно ожидать чего-то, более похожего на колдовскую дуэль. Когда я приблизился к опушке леса, поля уступили место дикой поросли. В эти разноцветные владения уже пробирались сумерки. Но этот лес не походил на густой и древний, вроде Арденского. Он был довольно редок. Дорога, тем не менее, оставалась такой же широкой и наезженной. Оказавшись в тенистой прохладе леса, я поплотнее закутался в плащ. Если и дальше все будет идти в том же духе, то поездка, кажется, не принесет никаких неожиданностей. А я не спешил. Мне слишком многое хотелось обдумать в спокойной обстановке. Если бы только мне удалось побольше узнать об этом странном безымянном существе, овладевшим на время Виантой. Я по-прежнему не имел ни малейшего понятия о том, какой могла быть его истинная природа. Мне почему-то казалось, что существо это женского пола, несмотря на то, что

оно овладевало Джорджем Хансеном и Доном Мартинесом. Наверное, это чувство вызывалось тем, что я занимался с ней любовью, когда оно вселилось в Мег Девлин. Трудно сказать, но я знал Гейл Лампрон длительное время, а Дама в Озере казалась настоящей дамой… Хватит. Были вопросы и поважнее. Например, кем бы она ни была, почему упорно следовала за мной и настаивала на версии, что хочет защитить меня? Хотя такие чувства следовало ценить, но я по-прежнему не имел ни малейшего представления о ее мотивах. Существовало и еще кое-что более важное для меня, чем ее мотивы. Зачем ей нужно охранять меня — может остаться ее личным делом. Важнее вопрос о том, от чего, по ее мнению, меня следовало защищать? Она должна была предугадать вполне определенную угрозу, но не дала ни малейшего намека, в чем она заключалась. Может, тогда это и был враг? Настоящий враг? Противник Вианты? Я попытался собрать воедино все, что мне стало известно о ней. Есть странное существо, принимающее иногда вид небольшого облачка голубого тумана. Оно способно находить ко мне дорогу через Тени. Оно обладает способностью захватывать власть над человеческим телом, полностью подавлять его

природное «я». Оно много лет ошивалось возле меня, не давая мне узнать о нем. Самым ранним воплощением существа была, насколько я знал, бывшая подруга Люка — Гейл Лампрон. Почему Гейл? Если она охраняла меня, то зачем тогда ей быть с Люком? Почему бы не стать одной из моих близких знакомых, например, Джулией? Так нет же! Существо решило быть Гейл. Не потому ли, что Люк является угрозой, и оно хотело следовать за ним постоянно? И оно на самом деле позволило Люку спокойно осуществить несколько покушений на мою жизнь. А потом Ясра… Существо признало: ему известно, что за последними покушениями стояла Ясра. Почему оно просто не убрало их обоих? Существо могло бы овладеть телом Люка, выскочить перед несущейся машиной, унестись прочь от останков, а затем проделать такой же фокус с Ясрой. Существо не боялось умереть в теле носителя. Я видел, как оно дважды проделывало это. Да, мне почему-то казалось, что существо — это «она». Так откуда она знала, что все покушения на мою жизнь провалятся? Не она ли подсказала насчет бомбы в письме? Не она ли каким-то образом вызвала предчувствие, разбудившее меня в утро, когда были открыты газовые конфорки? И, наверное, что-то предприняла на

этот счет? И все же, казалось бы, что намного проще направиться к источнику и ликвидировать саму проблему. Я знал, что никаких душевных переживаний по поводу убийства она не испытывала. Ведь именно она приказала зарезать моего последнего противника в Закоулке Смерти. Тогда что же? Два решения приходили на ум сразу же. Одно — что она действительно привязалась к Люку и просто находила средство нейтрализовать его, не уничтожая. Но потом я подумал о ней в роли Мартинеса и эта гипотеза развалилась. Той ночью в Санта-Фе она действительно стреляла. Ладно… Тогда была другая возможность: Люк не являлся опасной угрозой, и она довольно сильно привязалась к нему, чтобы позволить ему жить, коль скоро он перестал отмечать тридцатое апреля, и она увидела, что мы подружились. В Нью-Мексико случилось нечто, заставившее ее переменить решение. Что именно, я понятия не имел. Затем она последовала за мной в Нью-Йорк и была в определенной последовательности Джорджем Хансеном и Мег Девлин. Люк к тому времени выбыл из игры после своего фокуса с исчезновением на горе. Он больше не представлял угрозы, и все же она чуть ли не из кожи лезла, стремясь связаться со мной. Не появился ли еще

один фактор? Настоящая угроза? Я долго ломал голову, но не смог вычислить, что же это могла быть за угроза? Не пошли ли мои рассуждения по ложному следу?

Она, конечно, не была всеведущей. Она умыкнула меня в Лесной Дом не только для того, чтобы удалить меня с места нападения, но и стремясь выжать нужные сведения, кое-что из того, что она хотела знать. Моя мысль вернулась к прошлому. Какой она задала мне первый вопрос? Мысленно возвратившись в дом Билла Рота, я услышал вопрос несколько раз. В качестве Джорджа Хансена она задала его как бы между прочим, и я соврал. Тогда она задала его по телефону и получила отказ. И в качестве Мег Девлин в постели она, наконец, добилась, чтобы я честно ответил, как зовут мою мать. Когда я, наконец, сообщил ей, что мою мать зовут Дара, она заговорила менее сдержанно. И предупредила меня насчет Люка. И тогда же оказалось, что она готова рассказать еще многое, но наш разговор прервало появление мужа настоящей Мег Девлин. Я доказал, что происхожу из Двора Хаоса, на который она ни разу не ссылалась. И все же это каким-то образом было важно для нее. У меня возникло ощущение, что ответ уже есть, но я не могу узнать его, потому что

не сформулировал нужный вопрос. Хватит. Тут я забуксовал. Знание, что ей известно о моей связи с Двором Хаоса, все равно ни о чем не говорило. Она также знала и о моей связи с Амбером и тут тоже все было туманно. Значит, оставим пока это вопрос и вернемся к нему чуть позже. Мне требовалось обдумать еще уйму вещей. По крайней мере, у меня теперь набралось множество вопросов для нее при следующей нашей встрече, а я был уверен, что мы еще встретимся. Неожиданно мне в голову пришло еще кое-что. Она предоставила мне множество сведений, которые я считал вполне правдивыми, но которые я никак не мог проверить. От звонков и таинственности в Нью-Йорке до убийства моего единственного источника возможной информации в Закоулке Смерти. На самом деле она мне больше мешала, чем помогала. Можно предположить, что она появится снова и обременит меня своей помощью в самый неподходящий момент. Поэтому вместо обдумывания вступительного слова для Рэндома я следующие два часа рассуждал о природе существа, способного вселяться в личность и брать на себя управление его. Это, как оказалось, можно было проделать лишь ограниченным числом способов, и я быстро сузил диапазон, учтя все

известное мне о ее природе, посредством усвоенных от дяди примеров. Когда мне показалось, что я все высчитал, я поразмыслил над тем, какие же силы тут должны действовать. От сил я перешел к тоническим вибрациям и их проявлениям. Применение голой мощи хотя и зрелищно, но расточительно и весьма утомительно для оператора, не говоря уже о том, что с эстетической точки зрения — это варварство. Я выстроил устную формулировку и отредактировал ее в заклинание. Сухьи, вероятно, еще больше бы сократил его. Действительно, заклинание вышло довольно длинным. Чересчур длинным, чтобы целиком отбарабанить его, если я даже буду, как предполагал, спешить. Изучив заклинание, я обнаружил, что три чеки, вероятно, удержатся, хотя лучше бы, чтобы изделий было четыре. Вызвав Логрус и протянув язык его меняющегося узора, я медленно и четко произнес заклинание, опустив четыре избранных мною ключевых слова. Когда заклинание было произнесено полностью, лес вокруг меня стал абсолютно недвижим. Заклинание висело передо мной словно искалеченная бабочка, сотканная из звука и цвета, пойманная в систематическую паутину моего видения Логруса. Я изгнал видение и почувствовал, как

расслабился мой язык. Теперь не только она способна устраивать неприятные сюрпризы. Я остановился, чтобы выпить воды. Небо стало темнее, возвратились звуки леса. Я подумал, связаться ли с нашими — Фионой и Блейзом — и узнать, как там дела в городе у Билла Рота. Затем я прислушался к хрусту веток. Внезапно у меня возникло ощущение, что за мной следят — не холодное прикосновение, какое бывает при наблюдении через Козырь, а просто ощущение вперившихся в меня глаз, Я вздрогнул… Это все из-за постоянного ожидания нападения врагов. На всякий случай я вытащил меч и поехал дальше. Ночь была ранняя, и впереди оставалось больше миль, чем позади. Весь вечер я оставался настороже, но не увидел и не услышал ничего подозрительного. Неужели я ошибся насчет Ясры, Шару Гаррула и даже Люка? И за моей спиной на меня готовится напасть отряд наемных убийц? Я систематически останавливал коня и прислушивался, но не слышал ничего необычного, ничего такого, что можно было бы принять за шум погони. Потом я вспомнил о голубой пуговице в кармане, Не была ли она маяком для этого неизвестного чародея? Мне очень не хотелось избавляться от этой штуки, так как я предвидел

для нее множество различных применений. Кроме того, если она уже настроена на меня, что, вероятнее всего, так оно и есть, я не видел никакой выгоды в том, чтобы лишиться ее сейчас. Прежде чем я стану избавляться от последствий влияния голубых камней, я спрячу пуговицу в каком-нибудь надежном месте. А до того времени не было никакого смысла делать с ней еще что-то. Небо продолжало темнеть, и на нем неуверенно проявилось несколько звезд. Мы с Дымом еще более замедлили движение, но дорога оставалась хорошей и ее бледная поверхность была достаточно четко видна. Я услышал справа уханье совы, а спустя несколько секунд заметил, как темный силуэт птицы пронесся на небольшой высоте среди деревьев. Это была бы, несомненно, благоприятная для ночной верховой прогулки ночь, если только не придумывать себе страхи и не воображать, что кто-то тебя преследует. Я люблю запахи осени и леса и поэтому твердо решил сжечь чуть позже несколько листьев на костре во время остановки, ради того чтобы вдохнуть этот ни на что не похожий острый аромат. Воздух был прозрачен и чист. Перестук копыт, наше дыхание и ветер казались единственными звуками в округе, пока мы не спугнули чуть позже оленя, и долго

еще не стихал треск сухих веток от его бегства. Немного позже мы проехали через небольшой, но крепкий деревянный мост, и ничто не омрачало дорогу. Далее следовал подъем и мы медленно, но постоянно петляя, взбирались все выше и выше. Теперь сквозь переплетения ветвей на безоблачном небе стали видны многочисленные звезды. По мере подъема лиственные деревья все более оголялись, а хвойные стали встречаться чаще. Сильнее ощущался и ночной ветерок. Остановки теперь я стал делать чаще, чтобы дать отдохнуть Дыму, а также самому перекусить взятыми в дорогу припасами. Ехать я решил, по меньшей, мере до восхода луны, который высчитал еще прошлой ночью после моего отбытия из Амбера. Если я сумею дотянуть до этого момента, не устраивая привала, остальная часть дороги в Амбер завтра утром будет легкой. Один раз у меня на запястье запульсировал Фракир. Но, черт возьми, это случалось часто и во время уличного движения, когда я мешал кому-нибудь проезжать. Возможно, мимо проскользнула голодная лисица, посмотрела на меня и пожалела, что я не медведь. И все же я собирался тронуться дальше чуть дольше, чем намечал, готовый к нападению, и изо всех сил пытался не показать

этого. Но ничего не случилось, предупреждение не повторилось, и через некоторое время я двинулся в путь. Я вернулся к мысли надавить на Люка или, если уж на то пошло, то на Ясру. Эту мысль еще рано было называть планом, так как в ней отсутствовали почти все детали. Чем больше я думал об этом, тем безумней она мне казалась. Хотя бы потому, что потенциально разрешала уйму проблем. Затем я подумал, почему бы не создать Козырь Билла Рота, потому что внезапно ощутил необходимость потолковать с хорошим адвокатом. Прежде чем это дело закончится, мне вполне может понадобиться человек для ведения защиты. Но сейчас было слишком темно, чтобы рисовать… да и нет пока крайней необходимости. На самом-то деле я просто хотел поговорить с ним, ввести его и курс дела и узнать точку зрения человека, прямо к событиям непричастного. В следующий час Фракир не подавал больше никаких знаков предупреждения. Затем дорога свернула влево под уклон, и вскоре появился укрытый от ветра участок, где скопился густой сосновый запах. Я продолжал размышлять о чародеях и цветах, о Колесе-призраке и его проблемах, об имени существа, занимавшего не так давно тело Вианты. Было и много других мыслей,

некоторые из которых будили воспоминания далекого прошлого… Много времени спустя, когда сквозь ветви позади меня просочились лоскутки лунного света, я решил остановиться на ночлег и поискать для этого подходящее место. При этом я позволил Дыму немного напиться из ручья. Примерно через пятнадцать минут я заметил справа то, что могло оказаться многообещающим местечком, и поэтому съехал на обочину и направился в ту сторону. Место оказалось не таким хорошим, как мне показалось, и я поехал дальше в лес, пока не разыскал приличную полянку. Спешившись, расседлал Дыма, стреножил его, вытер попоной и дал немного поесть. Затем дочиста выскреб мечом небольшой участок земли, выкопал в его центре яму и развел там костер. Чтобы разжечь сучья, пришлось применить заклинание, так как было лень возиться с добыванием огня. Когда появились искры, я подбросил несколько комков листьев, вспомнив недавние свои мысли о запахе осени. Расстелив плащ, я уселся на него спиной к стволу дерева средней величины и съел бутерброд с сыром, запив его водой. Подумал о том, снимать или нет сапоги. Меч лежал на земле рядом со мной. Мускулы начали расслабляться. Запах костра навевал

ностальгические мысли. Следующий бутерброд я поджарил на огне. Долгое время я сидел, ни о чем не думая. Постепенно почувствовал, как дошло до рук и ног ласковое высвобождение от усталости. Перед тем, как полностью предаться отдыху, я собирался набрать хворосту. Собственно, я в нем не нуждался, было тепло. Огонь требовался мне для того, чтобы не ощущать себя одиноким. Я заставил себя подняться и пойти в лес. Коль скоро уж я встал, решил тщательно изучить все вокруг. Хотя, если честно признаться, подняться меня побудило желание облегчить мочевой пузырь. Заметив некоторое мерцание света далеко на северо-востоке, я остановился, прервав обследование окружающего леса. Что это? Чей-то другой лагерь? Отражение лунного света на воде? Факел? Мерцание мелькнуло только один раз, и я не смог вновь обнаружить огонек, хотя даже сделал несколько шагов в том направлении.

Но мне не хотелось гнаться за какими-то блуждающими огоньками и провести ночь на ногах. Я только проверил линии обзора со стороны своего лагеря. Даже с этого расстояния мой небольшой костер был едва виден. Я обошел свой участок кругом, вернулся на место и опять растянулся возле огня. Костер уже угасал, я больше не под-

брасывал в него хворост. Завернувшись в плащ, прислушивался к тихому шепоту ветра. Уснул я быстро. Долго ли я спал — не знаю. Никаких снов не помню. Меня разбудило бешеное пульсирование Фракира. Я чуть-чуть приоткрыл глаза и повернулся, словно во сне, причем моя правая кисть упала поблизости от рукоятки меча. Дыхание сохранил в прежнем ритме. Я услышал и почувствовал, что поднялся ветер, и увидел, что он раздувает не успевшие догореть угольки до такой степени, что огонь вспыхнул опять. Однако никого вокруг не было видно. Я напряг слух, пытаясь уловить посторонние звуки, но услышал лишь шуршание ветра да потрескивание костра. Казалось глупым вскакивать и занимать оборону, когда я не знал, с какой стороны приближается опасность. К тому же, поступив так, я мог оказаться мишенью. С другой стороны, я намеренно расположился так, что за спиной у меня была сосна с низкими ветвями. Для любого было бы достаточно трудно приблизиться ко мне с тылу, не говоря уже о том, чтобы проделать это бесшумно. Поэтому нападение сзади, кажется, не грозило. Я слегка повернул голову и взглянул на Дыма, начавшего проявлять признаки беспокойства. Фракир продолжал пульсировать до тех пор, пока

я не приказал ему прекратить, так как это отвлекало меня. Дым тряс ушами и мотал головой, раздувая ноздри. Понаблюдав, я заметил, что его внимание направлено вправо от меня. Он начал отступать на другую сторону поляны, потянув за собой длинную привязь. Тут я услышал помимо шума, вызванного отступающим Дымом, звук чего-то двигающегося справа. Некоторое время он не повторялся, а затем я услышал его вновь. Звук не походил на шаги. Было похоже, что некое тело задело ветку, издавшую при этом легкий шелест. Я вспомнил расположение деревьев и кустов в том направлении и решил предоставить нападающему возможность подкрасться поближе, прежде чем самому вступить в игру. Мысль вызвать Логрус и подготовить магическую атаку я отбросил. Судя по возне Дыма и тому, что я услышал, приближалось, кажется, только одно существо, И все же я решил применить некоторые заклинания как оборонительные, так и наступательные. Сложность заключалась в том, что для того, чтобы разработать действительно приличную серию заклинаний, отработать и отрепетировать их, чтобы затем применить в любой момент, нужно потратить несколько дней. К слову сказать, в течение нескольких дней они

также имеют обыкновение терять силу. Иногда они могут протянуть подольше, иногда поменьше, а зависимости от того количества энергии, которое в них вложено, и от магического климата той Тени, где ты действуешь. Эти немалые затраты времени и энергии не окупаются, если ты не знаешь, на какой определенный ограниченный срок понадобится тебе заклинание. С другой стороны, хороший колдун на всякий случай должен иметь хоть одно заклинание на случай нападения, одно для защиты и одно для бегства. Но я, в общем-то, несколько ленив, не говоря уже о том, что порядком беспечен и до недавнего времени не видел надобности в подобной системе. Да и заняться этим было недосуг. Поэтому теперь любые возможности применения Логруса, если бы я его вызвал, привели бы к тому, что я просто потратил бы немало сил, управляя им. Пусть нападающий подберется еще ближе, и он столкнется с холодной сталью и удавкой. Теперь я слышал, что существо приближается, раздавался тихий шорох сосновых игл. Еще несколько шагов, враг… Давай! Это все, что мне нужно. Подойти в пределы досягаемости. Существо остановилось и я расслышал ровное дыхание. А затем до меня донесся тихий шепот:

— Теперь ты уже должен узнать обо мне, чародей, так как у нас всех имеются свои маленькие хитрости. К тому же я знаю источник твоих.

— Кто ты? — спросил я, сжимая рукоять меча и перекатившись в полусогнутую стойку, лицом к темноте, и описывая острием меча полукруг.

— Я твой враг, появления которого ты никак не ожидал…

6

Мощь… Я вспомнил тот день, когда стоял на вершине скалистой возвышенности. Фиона в лавандовой одежде с серебряным поясом стояла повыше и впереди и несколько справа от меня. В правой руке она держала серебряное зеркальце и смотрела вниз сквозь марево, туда, где возвышалось громадное дерево. Вокруг нас царила полная тишина. Вершина дерева исчезла в низко нависшей завесе тумана, поднимавшегося снизу. Просачивающийся сквозь него свет четко вырисовывал ее на фоне другой волны тумана, поднимавшегося, чтобы соединиться с тем, наверху. В земле, поблизости от корней дерева была протравлена яркая и, казалось, светящаяся сама по себе линия, изгибающаяся и пропадающая в тумане. Далеко слева от меня виднелась короткая дуга, схожая с линией интенсивностью свечения, выходящая из колышущейся белой стены тумана и обратно возвращающаяся в нее.

— Что это, Фиона? — спросил я. — Зачем ты привела меня в это место?

— Ты уже слышал о нем. Я хотела, чтобы ты его увидел.

Я покачал головой и заявил:

— Я никогда о нем не слышал. Я понятия не имею, что это такое.

— Идем, — предложила она и начала спуск.

Фиона двигалась быстро и грациозно, отказавшись опереться на мою руку. Спустившись со скалы, мы подошли ближе к дереву. Там было что-то знакомое, но я не мог уловить, в чем оно заключалось.

— Ты слышал от твоего отца, — вымолвила она наконец. — Он рассказывал тебе свою историю и наверняка не упустил этого эпизода.

Я остановился, так как понемногу стал понимать и вспоминать.

— То дерево… — проронил я.

— Корвин воткнул свой посох, когда приступил к сотворению нового Лабиринта, — подтвердила она мою догадку. — Посох был свежесрезанным и пустил корни.

Я, кажется, ощутил слабую вибрацию почвы. Фиона повернулась спиной к дереву, подняла принесенное ею зеркальце и наклонила его под таким углом, что смогла смотреть через правое плечо.

— Да, — сказала она, спустя несколько минут, и протянула мне зеркальце. — Посмотри точно

так же, как я.

Я взял зеркальце, повторил ее движение, навел его как надо и взглянул. Вид в зеркальце не совпадал с тем, что виделось моему невооруженному глазу. Теперь я мог видеть через туман и различить большую часть странного Лабиринта, ярко извивающегося по земле, направлявшему проходы внутрь к расположенному не точно в центре окончанию, единственному месту, по-прежнему скрытому неподвижной башней белого тумана, в котором, как казалось, горели крохотные огоньки, похожие на звезды.

— Он не похож на Лабиринт в Амбере, — заметил я.

— Да, — подтвердила она. — Он похож чем-нибудь на Логрус?

— В общем-то, нет. Логрус на самом деле постоянно меняется. Он более угловатый, так как состоит, по большей части, из кривых и изгибов, — я еще немножко посмотрел на узор, а потом возвратил Фионе зеркальце. — Интересное заклинание на этом зеркале, — заметил я, так как изучил также и его.

— И намного более сложное, чем ты думаешь, — отозвалась она, — потому что там на самом деле не туман. Смотри.

Фиона подошла к началу Лабиринта поблизости от громадного дерева, где проделала такое движение, точно собиралась поставить ногу на яркую черту. Однако прежде чем это произошло, вверх ударил небольшой электрический разряд в ее подошву. Она быстро отдернула ногу.

— Он отвергает меня, — вздохнула она. — Я не могу ступить на него. Попытайся ты.

Что-то в ее взгляде мне не понравилось, но я подошел к тому месту, где она стояла.

— Почему твое зеркальце не может показать самый центр этой штуки? — внезапно спросил я.

— Кажется, сопротивление нарастает с углублением в него. В центре оно самое сильное. А вот почему — не знаю.

Я поколебался еще с миг.

— Кроме тебя это еще кто-нибудь пробовал?

— Я приводила сюда Блейза. Лабиринт его тоже отверг.

— И он единственный, кто еще видел это?

— Нет. Я приводила и Рэндома. Но он не захотел попробовать. Сказал, что не стремится в данный момент экспериментировать с этим.

— Весьма осмотрительно. При нем был тогда Камень?

— Нет, а что?

— Просто любопытно.

— Посмотрим, как он поступит с тобой.

— Ладно.

Я поднял правую ногу и медленно поднес ее к черте. Примерно в футе от нее я остановился.

— Кажется, что-то удерживает меня, — сообщил я.

— Странно. Никакого электрического разряда не было.

— Радости мало, — отозвался я и опустил ногу еще на пару дюймов. Наконец я выдохнул: — Нет, не могу, Фи.

На ее лице я прочел разочарование.

— Я надеялась, — произнесла она, когда я отступил, — что его может пройти кто-то иной, кроме Корвина. Его сын казался самой подходящей кандидатурой.

— А почему тебе, важно, чтобы кто-то прошел его? Просто потому, что он существует?

— По-моему — он угроза, — уверенно заявила она. — Его требуется исследовать и одолеть.

— Угроза? Почему?

— Амбер и Хаос — два полюса существования в том смысле, в котором понимаем мы, — растолковывала она, — гнездящиеся в Лабиринте и Логрусе. Между нами веками поддерживалось

что-то вроде равновесия. А теперь, как я считаю, этот незаконнорожденный Лабиринт твоего отца подрывает их сбалансированность.

— Каким образом?

— Между Амбером и Хаосом пробегают своего рода волны обмена. При этом, кажется, возникает интерференция.

— Это больше похоже на лишний кубик льда в стакане, — возразил я. — Через некоторое время все придет в норму.

Она покачала головой.

— Не стихнет. С тех пор, как была создана эта штука, стало куда больше теневых гроз. Она раздирает ткань Теней и воздействует на саму природу реальностей.

— Не подходит, — заявил я. — В то же самое время произошло еще одно куда более важное событие — был поврежден Лабиринт в Амбере, и Оберон отремонтировал его. Произошедшая из-за этого волна Хаоса прокатилась по всем Теням. Она воздействовала на все, но Лабиринт выдержал и все успокоилось. Я больше склонен считать все эти лишние теневые грозы похожими по своей природе на шок последствия…

— Хороший довод, — согласилась Фиона. — Но что, если это не так?

— Не думаю.

— Мерль, здесь сосредоточилась какая-то мощь… огромная мощь.

— Не сомневаюсь.

— У нас в обычае было не терять из виду таких мест. Попытаться понять их и сделать мощь управляемой. Потому что в один прекрасный день она может стать угрозой. Корвин хоть что-нибудь рассказывал тебе про то, что представляет собой эта штука и как мы можем ею управлять?

— Нет. Ничего, кроме того, что он создал Лабиринт в спешке для замены старого, который, по его пониманию, Оберон не смог отремонтировать.

— Если бы мы только сумели его найти.

— Все еще нет никаких известий?

— Дронна утверждает, что видел его в ресторане «Дюны» на любимом вами обоими Отражении Земля. По его словам, он находился в обществе привлекательной женщины. Они пили вино и слушали музыку. Дронна помахал рукой и направился через толпу к ним, подумав, что Корвин узнал его. Однако когда он добрался до столика, они исчезли.

— И это все?

— Все.

— Не густо.

— Знаю. Но если он единственный, кто смог пройти эту проклятую штуку, и если она все-таки является угрозой, то однажды мы можем оказаться в большой беде.

— По-моему, ты паникуешь, тетушка.

— Хочется верить, что ты прав, племянничек. Пошли, я отведу тебя домой.

Я еще раз изучил это место, впитывая в себя не только подробности, но и ощущения, так как мне хотелось нарисовать для него Козырь. Я так никому и не сказал, что, когда опускал ногу, никакого сопротивления не возникло, потому что, коль ступишь на Лабиринт или Логрус, возврата уже нет. Либо ты пройдешь его до конца, либо ты будешь им уничтожен. А я, как бы ни обожал тайны, не располагал достаточным временем, так как каникулы кончились и мне требовалось вернуться к занятиям.

Мощь… Мы были вместе в лесу Черной Зоны, того района Теней, с которым Хаос поддерживал торговые связи. Мы охотились на жанда — рогатого, невысокого, черного, свирепого и плотоядного зверя. Я не особенно любил охотиться, считая охоту бессмысленным убийством. Однако организовал ее Юрт, а поскольку это, вероятно, было

моим последним шансом добиться до своего отъезда хоть какого-то примирения с братом, я решил принять его предложение. Ни он, ни я не отличались особой меткостью в стрельбе из лука, а жанд очень проворен. Поэтому при самой минимальной удаче никто не будет убит, а мы получим возможность поговорить и, наверное, добиться к концу охоты лучших взаимоотношений. На каком-то этапе, когда мы потеряли след и отдыхали, у нас произошел долгий разговор о стрельбе из лука и придворной политике, о Тенях и о погоде. Последние дни Юрт держался со мной немного вежливее, и я принял это за добрый знак. Он отрастил длинные волосы, так, чтобы они закрывали недостающее ухо. Мы не говорили о нашей дуэли и о споре, приведшем к ней. Так как мне вскоре предстояло уйти из его жизни, я считал, что он, наверное, желал бы забыть об этом периоде своей жизни и чтобы мы разошлись по-хорошему. И я оказался наполовину прав. Позже, когда мы остановились перекусить, он поинтересовался:

— Так на что похоже это ощущение?

— Какое? — не понял я.

— Ощущение мощи, мощи Логруса, способности ходить по Отражениям и работать с магией

более высокого порядка.

В общем-то, я не хотел вдаваться в подробности, так как знал, что он трижды хотел преодолеть Логрус, но каждый раз в последний момент отступал, поглядев на него. Вероятно, его сильно тревожили никуда не убираемые дядей Сухьи скелеты неудачников. По-моему, Юрт не знал, что мне известно о двух последних случаях, поэтому я решил преуменьшить свои достижения.

— О, на самом деле не ощущаешь ничего особенного, — протянул я, — до тех пор, пока действительно не примешь ее, а тогда это трудно описать.

— Я сам подумываю вскоре заняться этим. Было бы интересно посмотреть кое-какие Отражения, а может даже найти для себя королевство. Ты можешь дать мне какой-нибудь дельный совет?

— Не оглядывайся, — посоветовал я. — Не задумывайся. Вперед и только вперед!

— Похоже на приказ, как в армии, — засмеялся он.

— Небольшое сходство есть.

Он вновь рассмеялся и предложил:

— Пойдем, прикончим жанда.

В тот полдень мы потеряли его след. Мы слышали, как проламывался жанд сквозь заросли,

но трудно было определить, в какую сторону он уходил. Я стоял спиной к Юрту и смотрел на край зарослей, выискивая хоть какой-нибудь след, когда Фракир туго стянул мне запястье, а затем размотался и упал на землю. Я пригнулся, чтобы поднять его, гадая, что же случилось, когда услышал сверху звон. Быстро подняв голову, я увидел, что из ствола дерева передо мной торчит стрела. Она пролетела на такой высоте от земли, что если бы я продолжал стоять, вонзилась бы мне точно в спину. Я мгновенно повернулся к Юрту, даже не выпрямившись. Он вставил в лук новую стрелу.

— Не оглядывайся, — повторил он. — Не задумывайся. Вперед и только вперед, — и злобно засмеялся.

Когда он поднял оружие, я бросился ему в ноги. Он попятился от неожиданности и в панике выстрелил раньше времени. Стрела угодила в бок кожаного жилета и даже не оцарапала кожу. Я подсек его под колени и Юрт выронил лук, падая на спину. Он выхватил охотничий нож, откатился боком в сторону и взмахнул оружием, целя мне в горло. Я схватил его за запястье левой рукой и, отведя от себя нож, одновременно ударил его правым кулаком в лицо. Юрт, пнул меня коленом в пах, блокировав удар. Острие ножа

опустилось на расстоянии нескольких дюймов от моей шеи. Все еще мучаясь от боли, я сумел вывернуть ногу, помешав очередному удару в пах. Однако его рука ушла из моего ослабевшего захвата, и он откатился в сторону, а я попытался встать и тут услышал его пронзительный вопль. Поднявшись на колени, я обнаружил, что он лежит на левом боку, а нож в нескольких футах за ним застрял в переплетении сломанных сучьев. Юрт прижимал к лицу обе руки и по-звериному мычал от боли. Я подошел ближе узнать, что же случилось, держа наготове Фракира на случай, если он задумал какой-нибудь подлый трюк. Но он не притворялся. Я увидел, что острый конец валявшегося сука пронзил ему правый глаз. По щеке и по правой стороне носа стекала кровь.

— Перестань дергаться! — приказал я. — Так ты еще больше ухудшишь дело. Давай я его вытащу.

— Не прикасайся ко мне! — заорал он.

— Я хочу тебе помочь.

Но он не слушал меня. Стиснув зубы и корча ужасные гримасы, он схватился за сук правой рукой и откинул голову назад. Я невольно отвернулся. Несколько мгновений спустя он заскулил и рухнул без сознания. Я отодрал левый рукав рубашки, оторвал от него полосу и приложил к

поврежденной глазнице. Другой полоской я перевязал голову, чтобы тампон держался на месте. Фракир, как обычно, сам нашел дорогу ко мне на запястье. Затем я вынул Козырь, способный перенести нас домой, и взял Юрта на руки. Мамуле это наверняка не понравится.

Мощь… Была суббота. Мы с Люком все утро летали на дельтаплане. Потом мы встретились за ленчем с Джулией и Гейл, а после вышли в море на «Звездной вспышке» и катались весь день. Позже мы зашли в гриль-бар на берегу, где я купил пива. Потом мы дожидались бифштексов, тем временем Люк со стуком повалил мою левую руку на стол, когда мы выясняли, кто заплатит за выпивку.

Кто-то за соседним столиком произнес:

— Будь у меня миллион долларов, не облагаемых налогом, я бы…

Тут Джулия расхохоталась, услышав эту мечту идиота.

— Над чем смеешься? — спросил я ее.

— Над его желанием, — пояснила она. — Я бы хотела иметь шкаф, заполненный моднейшими платьями, украшенными кое-какими элегантными драгоценностями. А шкаф поместить в симпатичный домик, а сам дом туда, где я была

бы важной особой…

— Я замечаю смещение от денег к мощи, — улыбнулся Люк.

— При чем тут мощь?

— Мощь, сила, власть — все это суть одно и то же, да и обозначаются они в английском языке одним словом.

— Может и так, — заметила Джулия. — Но какая, в самом деле, разница между мощью и деньгами?

— На деньги можно купить разные вещи, — усмехнулся Люк, — а мощь заставляет разные вещи слушаться. Если у тебя когда-нибудь будет возможность выбора, то выбирай мощь.

Обычная, слабая улыбка Гейл растаяла, и ее личико приняло очень серьезное выражение.

— Я не считаю, что мощь должна быть самоцелью, — сказала она. — Ее приобретают только для определенного применения.

— А что плохого в упоении мощью? — рассмеялась Джулия. — Мне это кажется весьма забавным.

— До встречи с еще большей мощью, — обронил Люк.

— Значит, надо более масштабно мыслить, — возразила Джулия.

— Это неправильно, — заметила Гейл. — У всякого есть обязанности, долг, и они стоят на первом месте.

Люк перевел на нее взгляд и кивнул.

— Мораль в это можно не вмешивать, — заявила Джулия.

— Не согласен, — отозвался Люк.

— Это я не согласна, — стояла на своем Джулия.

Люк молча пожал плечами.

— Она права, — неожиданно вмещалась Гейл. — На мой взгляд, долг и мораль не одно и то же.

— Ну, если у тебя есть какой-то долг, — сказал Люк, — нечто такое, что ты обязательно должен сделать, скажем, дело чести — это становится твоей моралью.

Джулия посмотрела на Люка и перевела взгляд на Гейл.

— Это означает, что мы только что в чем-то сошлись во взглядах? — спросила она.

— Нет, — ответил Люк, — по-моему, не сошлись.

Гейл сделала глоток пива и зло сказала:

— Ты! Ты говоришь о личном кодексе чести, который не обязательно должен иметь что-то

общее с общепринятой моралью.

— Правильно, — не стал возражать Люк.

— Тогда это на самом деле не мораль. Ты говоришь только о долге.

— Насчет долга ты права, — буркнул Люк. — Но все равно — это мораль.

— Мораль — это ценность цивилизации.

— Никакой такой цивилизации не существует! — категорично заявил Люк. — Это слово означает лишь искусство жить в городах.

— Ладно, допустим культуры, — уточнила она.

— Культурные ценности относительны, — улыбнулся Люк, — и мои утверждают, что я прав.

— Откуда же ведут происхождение твои? — осведомилась Гейл, изучая его лицо.

— Давай поддерживать спор в чисто философском русле, — попросил Люк.

— Тогда, может быть, нам вообще следует отбросить это понятие и говорить только о долге?

— А что случилось с мощью? — поинтересовалась Джулия.

— Она где-то тут, — вступил в разговор я.

Гейл вдруг показалась совершенно сбитой с толку, как будто наша дискуссия не повторялась тысячу раз, как будто она действительно вызвала какой-то новый поворот мысли.

— Если они — две разные вещи, — медленно проговорила Гейл, — то что же важнее?

— Между ними нет разницы, — решительно заявил Люк. — Это одно и то же.

— Не думаю, — возразила ему Джулия. — Долг и обязанности обычно бывают четкими и ясными, а этику, похоже, можно выбирать себе по вкусу, так что если уж я обязана иметь что-то такое, то я предпочла бы мораль.

— А мне нравится четкость и ясность, — сказала Гейл.

Люк допил пиво и слегка рыгнул.

— Дерьмо! — бросил он. — Занятия по философии только во вторник, а у нас пока еще уик-энд. Кто оплатит следующий круг, Мерль?

Я поставил левый локоть на стол и разжал ладонь. Пока мы со все возрастающим напряжением вели схватку, он процедил сквозь стиснутые зубы:

— Я ведь был прав, не так ли?

— Прав, — заверил я его и дожал руку Люка до поверхности стола.

Мощь… Я вынул почту из небольшого ящичка в коридоре и отнес ее наверх в квартиру. Там оказалось два счета, несколько рекламных проспектов и какой-то сверток, отправленный

первым классом без обратного адреса. Я закрыл за собой дверь, положил в карман ключи и кинул дипломат на ближайший стул. Затем направился было к дивану, но тут на кухне раздался телефонный звонок. Бросив почту на кофейный столик, я пошел к телефону. Раздавшийся позади меня взрыв мог быть, а мог и не быть сильным, достаточно сильным, чтобы сбить меня с ног. Этого я не знаю, потому что по собственной воле нырнул вперед, как только он прогремел. И… ударился о ножку кухонного стола. Это несколько оглушило меня, но в остальном я был невредим. Пострадала комната. К тому времени, как я поднялся на ноги, телефон умолк. Я уже знал, что есть уйма более простых способов избавиться от почтовой макулатуры, но после длительное время гадал, кто же звонил по телефону. Иногда я вспоминал начало всех бед, тот летевший на меня грузовик. Я лишь мельком, прежде чем кинулся прочь, заметил лицо шофера, инертное, лишенное всякого выражения, словно бы он был мертвым, загипнотизированным, одурманенным или одержимым чем-либо. А затем последовала ночь налетчиков, напавших на меня без единого словечка. Когда все кончилось и я направился своей дорогой, то оглянулся всего раз. Мне показалось, что я увидел

темный силуэт, спрятавшийся в подъезд раньше, чем я успел что-нибудь рассмотреть — достаточно хорошая предосторожность в свете того, что только что случилось. Но, конечно, это мог быть и некто, связанный с нападением. Я разрывался на части в догадках. Та личность находились от меня слишком далеко, чтобы суметь толком описать меня. Если я вернусь и он окажется невинным зевакой, то тогда появится свидетель, способный меня описать. Правда, и не сомневался, что это типичный случай самообороны и дело тут же закроют, как только его заведут, но хлопот будет уйма. Поэтому я махнул рукой и рванул дальше. Еще одно интересное тридцатое апреля. Потом был день винтовки. Когда я спешил по улице, раздалось два выстрела. Обе пули прошли мимо, прежде чем я сообразил, что произошло, заметив только отлетевшие от стены здания слева от меня осколки кирпича. Третьего выстрела не последовало, но из здания по другую сторону улицы донесся глухой стук и треск. Окно третьего этажа было распахнуто. Я поспешил туда. Это оказался старый многоквартирный дом и парадная дверь оказалась запертой, но я не стал задерживаться из-за подобного пустяка. Обнаружив лестницу, взлетел по ней. Когда я добрался до места, решил

испробовать крепость двери старомодным способом, и он сработал. Она оказалась не запертой. Я встал к стене и распахнул дверь резким толчком. Комната оказалась совершенно пустой, там не было даже мебели. Нежилое помещение… Не ошибся ли я дверью? Но затем я увидел, что выходящее на улицу окно распахнуто. На полу в углу валялась сломанная винтовка. По отметинам на ложе я догадался, что, прежде чем отбросить ее в сторону, ею с размаху ударили о батарею. А затем я заметил на полу и еще кое-что, влажное и красное. Не много… всего несколько капель. Я быстро обыскал квартиру. Она оказалась маленькой. Одно окно в единственной спальне тоже было распахнуто. За окном располагалась пожарная лестница, и я решил, что, возможно, тоже ею воспользуюсь при выходе. На черном металле ступеней виднелось еще несколько капель крови, но это было все. Внизу никого не оказалось.

Мощь… Убивать… Сохранять… Люк, Ясра, Гейл… Кто был в ответе за это? Чем больше я об этом думал, тем больше казалось, что и в утро открытых газовых конфорок тоже мог быть телефонный звонок. Не он ли разбудил меня и заставил осознать опасность?! Всякий раз, когда я размышлял об этих делах, происходило легкое смещение

акцентов. Все представлялось в новом свете. По словам Люка и псевдо-Вианты, я не подвергался большой опасности и в более поздних эпизодах, но мне казалось, что любое из этих покушений могло бы угробить меня. Если подумать, то кого мне винить? Преступника? Или спасителя, который меня едва спас? И кто есть кто? Я помню, как чертовски осложнила картину та проклятая автокатастрофа, разыгранная словно «прошлым летом в Мариенбаде», хотя эта история казалась простой по сравнению со всем, что надвигалось на меня. По крайней мере, он знал, что ему требовалось сделать. Не унаследовал ли я семейное проклятие, связанное с усложненным сюжетом?

Мощь… Я вспомнил последний урок дяди Сухьи. После завершения познания Логруса он провел еще несколько занятий, обучая меня тому, чему я не мог научиться до этого. Меня, наконец, посвятили в Искусство и отпустили. Казалось, я прошел все основы, а все прочее было всего лишь детализацией. Я начал готовиться к путешествию на Отражение Земля. Однажды утром меня пригласил Сухьи. Я счел, что он попросту захотел попрощаться и дать несколько дружеских советов. Волосы у Сухьи были седые, он был несколько сутуловат, и бывали дни, когда он брал

с собой посох. Это был как раз такой день. И он надел желтый кафтан, который я всегда считал одеждой скорее рабочей, чем светской.

— Ты готов к короткому путешествию? — спросил он меня.

— На самом-то деле оно будет долгим, — уточнил я, — но я почти готов.

— Нет, я имею в виду не отъезд.

— О, ты имеешь в виду, что хочешь отправиться куда-то прямо отсюда?

— Идем, — проронил Сухьи.

И я последовал за ним, и Отражения перед нами расступились. Мы передвигались по местности, почти лишенной растительности, и очутились, наконец, в месте, не имевшем вообще никаких признаков жизни. Перед нами высилась темная голая скала, отчетливо видимая в бронзовом свете тусклого солнца. Это место смерти было холодноватым и сухим, и когда мы остановились, я огляделся по сторонам и вздрогнул. Я ждал, гадая о том, что он задумал. Но, прежде чем он заговорил, прошло немало времени. Какое-то мгновение он, кажется, не замечал моего присутствия, а просто глядел во все глаза на мрачный ландшафт. Наконец, он медленно проговорил:

— Я научил тебя дороге Отражений, сочинению

заклинаний и их сотворению.

Я ничего не ответил. Его заявление, казалось, не требовало этого.

— Поэтому ты кое-что знаешь о путях мощи, — продолжал Сухьи. — Ты черпаешь ее из Знака Хаоса, Логруса и пользуешься ею различными способами. — Тут он взглянул на меня и я кивнул. — Как я понимаю, те, кто носят в себе Лабиринт, Знак Порядка, могут делать сходные вещи подобным образом. Наверняка я не знаю, ибо не приобщен к Лабиринту. Сомневаюсь, что дух способен выдержать напряжение знания обоих путей. Но тебе следует понять, что имеется еще один путь мощи, прямо противоположный нашему.

— Понимаю, — сказал я, так как он, кажется, ждал ответа.

— Но тебе подвластно одно средство, недоступное для жителей Амбера. Смотри!

Его последние слова не означали, что мне следует просто наблюдать, так как он прислонил свои посох к валуну и поднял перед собой руки. Это движение означало, что мне следует вызвать Логрус, чтобы видеть, что он делает на этом уровне. Поэтому я вызвал свое видение и смотрел на Сухьи сквозь него. Теперь картина, висевшая

перед ним, казалась продолжением моей, но была вытянута и вывернута. Я видел и чувствовал, как он соединил с Логрусом свои руки и протянул пару манипуляторов на большое расстояние и коснулся чего-то, лежавшего внизу на склоне.

— Теперь вступи в Логрус сам, — велел он, — оставаясь пассивным. Будь со мной, что бы ни был намерен делать. Ни в коем случае не пытайся вмешиваться.

— Понимаю…

Я засунул руки в видение и перемещал их, пока не нащупал гармонию, пока они не стали частью Логруса.

— Хорошо, — одобрил он, когда я наладил манипуляторы. — Теперь тебе понадобится лишь внимательно наблюдать.

Что-то пульсировало по управляемым им манипуляторам, переходя к валуну. К тому, что произошло потом, я подготовлен не был. Образ Логруса передо мной почернел, стал извивающейся кляксой чернильного смятения. Меня охватило ужасное ощущение разрушительной мощи, огромной деструктивной силы, угрожающей сокрушить меня. Какая-то часть меня, кажется, желала этого, в то время как другая кричала без слов, умоляя прекратить. Но Сухьи

сохранил контроль над этим явлением, и я увидел, как он это делает, точно так же, как понял теперь, как он вообще добился его возникновения. Валун слился со смятением в одно целое, соединился с ним и пропал. Не было никакого взрыва, только ощущение холодного ветра и звуков какофонии. Затем дядя медленно развел руки в стороны, и линии извивающейся черноты последовали за ним, растекаясь в обоих направлениях из того участка Хаоса, что был валуном, прокладывая длинную темную траншею, в коей я узрел парадокс. Затем он постоял, не двигаясь и останавливая картину на этой точке. Через несколько секунд он заговорил:

— Я мог бы просто высвободить ее, предоставив ей уйти куда угодно или дать ей направление, а потом только высвободить.

Так как он умолк, я поинтересовался:

— И что же тогда случится? Это будет продолжаться, пока не опустошится это Отражение?

— Нет, существуют факторы ограничения. По мере того, как она будет распространяться, сопротивление Хаоса будет нарастать и достигнет точки сдерживания.

— А если ты останешься там, где стоишь, и будешь продолжать вызывать все больше и

больше?

— Возникнут сильные разрушения.

— А если мы объединим силы?

— Это обернется еще более обширными разрушениями, но я замыслил не такой урок. Теперь я буду оставаться пассивным, пока ты управляешь ею.

Я взял на себя Знак Логруса и провел линию разрушения по огромному кругу, словно окружив нас темным рвом.

— А теперь отошли его, — велел он, и я отослал.

И, тем не менее, ветры и звуки продолжали бушевать, и я ничего не мог разглядеть за темной стеной, которая как мне показалось, медленно наступала на нас со всех сторон.

— Фактор ограничения еще явно не достигнут, — заметил я.

— Ты прав, — хохотнул Сухьи. — Хотя ты и остановился, но все равно перешел определенный критический предел, и поэтому теперь процесс беспределен.

— А сколько же это может длиться? Пока не сработают те, упомянутые тобой факторы естественного ограничения?

— Это произойдет уже после того, как они пол-

ностью аннигилируют участок, где мы стоим.

— Она расходится во всех направлениях, так же, как направляется, и в эту сторону?

— Да.

— Интересно… Но какова же критическая масса?

— Что ж, придется показать тебе. Но вначале нам лучше найти новое место. Это исчезнет. Возьми меня за руку.

Я взял и он провел меня в другое Отражение. Я вызвал Логрус и произвел операцию, пока он ограничивался наблюдением.

На этот раз я не дал бы процессу стать бесконтрольным. Когда я закончил и стоял, с дрожью глядя на созданный мной небольшой кратер, Сухьи положил мне руку на плечо и вымолвил:

— Как тебе известно в теории, это и есть конечная мощь, стоящая за всеми твоими заклинаниями. Сам Хаос… Но работать с ним напрямую опасно. Правда, как ты видишь, вполне возможно. Теперь, узнав это, ты закончил обучение полностью.

Такая концовка была очень впечатляющей. Она также и ужасала. Для подавляющего числа ситуаций, которые я мог себе представить, это скорее можно было бы сравнить с применени-

ем ядерного оружия для стрельбы по воробьям. Так вот, сразу я не мог вообразить никаких обстоятельств, при которых мне захотелось бы прибегнуть к такой технике, до тех пор, пока Виктор Мелман по-настоящему меня не разозлил. Мощь продолжает интересовать меня во всех своих проявлениях, масштабах и стилях. Она очень долго была частью моей жизни, поэтому я считал, что хорошо знаком с ней. Но если не кривить душой, я сомневался, что когда-нибудь пойму ее полностью.

7

— Самое время, — обратился я к тому, кто таился во тьме.

Последовавший за этим звук издал не человек. Это было тихое рычание. Я гадал, что же это за зверь, но был уверен, что он вот-вот на меня нападет. Однако атака задерживалась. Рычание стихло, и то, что таилось в темноте, заговорило вновь:

— Почувствуй страх, — донесся шепот.

— Почувствуй свой, — посоветовал я ему, — пока еще можешь.

Судя по звукам, дыхание его было тяжелым. За моей спиной заплясали языки пламени. Дым удалился из поля зрения на противоположную сторону поляны, насколько ему позволяла длина веревки.

— Я мог бы прикончить тебя, пока ты спал, — раздалось из темноты.

— Ну и дурак, что не сделал этого. Это тебе дорого обойдется.

— Я хочу посмотреть на тебя, Мерлин. Я хочу увидеть тебя озадаченным. Я хочу увидеть твой страх. Я хочу увидеть твои муки, прежде чем

увижу твою кровь.

— Тогда, как я понимаю, это дело скорее личное, чем профессиональное.

До меня донесся странный звук, и лишь спустя некоторое время я понял, что это нечеловеческое горло пыталось издать смешок.

— Давай условимся, что это так, маг, — проговорил он. — Вызови свой Знак, и твоя сосредоточенность поблекнет. Я узнаю его и растерзаю тебя прежде, чем ты сможешь применить его.

— Весьма любезно с твоей стороны, что ты предупредил меня.

— Я просто хотел исключить этот вариант из твоих поисков. Штука, обвивающая твое левое запястье, на этот раз тебе тоже не поможет.

— У тебя хорошее зрение.

— В таких делах — да.

— Теперь ты, наверное, желаешь обсудить со мной философию мести?

— Я жду, когда ты сорвешься и совершишь какую-нибудь глупость, увеличив мое удовольствие. Я ограничу твои действия до чисто физических возможностей, и поэтому ты обречен.

— Тогда жди дальше, — насмешливо пожелал я.

В кустах раздался шум движения. Существо

подкралось ближе. Однако я по-прежнему не видел его. Тогда я шагнул, влево, чтобы дать свету от костра добраться до этого затемненного участка. И в нем что-то сверкнуло невысоко над землей. Свет отразился от единственного горящего глаза.

Я опустил оружие, направив его на глаз. Какого черта! Все известные мне твари стараются защитить глаза.

— Банзай! — крикнул я, стремительно переходя в атаку. Разговор, кажется, застыл на мертвой точке, и мне не терпелось перейти ближе к делу. Он мгновенно поднялся и с огромной мощью и скоростью ринулся на меня, уклонившись от выпада с моей стороны. Это оказался большой черный корноухий волк, и он ускользнул от отчаянного, рубящего удара, который я сумел нанести, и кинулся прямо мне на горло. Левое предплечье моей руки автоматически взлетело на перехват, и я сунул его в разинутую пасть. В тот же миг я размахнулся и ударил рукоятью меча по голове сбоку. После удара сила захвата зубов ослабла, но они не разжались, пронзив рубашку и кожу. Я упал на левый бок, протащив его за собой, попытался перекатиться и нанес еще один удар концом рукояти по черепу зверя. Тут я сообразил, что мы упали неподалеку от костра и наши го-

ловы находятся у самого огня. Я бросил оружие и нащупал правой рукой его глотку с крепкими мускулами, и не было никакой возможности надавить на его сонную артерию. Но я стремился не к этому. Моя рука поднялась повыше, обвила шею и сомкнулась под нижней челюстью, где я и надавил изо всех сил. Потом я нашел точку опоры для ног и оттолкнулся. Надо было преодолеть короткое расстояние, необходимое для того, чтобы столкнуть его голову в костер. Какой-то миг ничего не происходило, только струйка крови прокладывала дорогу по моему запястью в его рот, а оттуда опять вытекала наружу. Его челюсти по-прежнему держали больно и крепко. Через несколько секунд, когда шерсть на его спине и загривок охватило пламя и он попытался отползти от огня, моя рука высвободилась. Меня толкнуло в сторону, когда он поднялся, издав пронзительный вой. Я перекатился на колени и поднял руки, но он не стал нападать, а кинулся мимо меня в лес в направлении, противоположном тому, откуда заявился. Я схватил меч и бросился за ним. Было некогда натянуть сапоги, но я видоизменил свои подошвы, сделав их более задубелыми для защиты от веток и неровностей земли в лесу. Мой противник все еще оставался в поле зрения, так

как шерсть на его загривке продолжала тлеть, хотя я мог преследовать его по одному лишь вою, не прекращавшемуся ни на мгновение. И странное дело, тон и характер воя изменился, становясь все более похожим на человеческие крики и все менее и менее на жалобные стенания волка. И не менее странным было то, что зверь бежал теперь с несколько меньшей скоростью и ловкостью, чем я ожидал от существа его породы. Я слышал, как он ломился сквозь кустарник и налетал на деревья. В один из таких моментов он даже издал звук, определенно напоминающий человеческое ругательство. Поэтому я решил держаться поближе к нему и почти настиг его. Неожиданно я понял, куда он направляется. Я снова увидел замеченный мной ранее свет, ставший теперь ярче, так как его источник увеличился, потому что мы двигались в его направлении. Приблизительно равносторонний прямоугольник он был, где-то восьми-девяти футов в высоту, футов пяти в ширину. Я забыл о преследуемом волке и направился к источнику света. Волк тоже явно стремился к нему, и я хотел успеть туда первым. Я прибавил скорость. Волк несся впереди, совсем близко и слева от меня. Шерсть его теперь перестала тлеть, хотя он все еще рычал и повизгивал.

Свет перед нами стал еще ярче, и я сумел заглянуть в него и различить нечто. Я увидел сперва, как в тумане, но с каждым шагом все четче и четче склон зеленого холма и стоявшее перед ним высокое каменное здание, к которому вела вымощенная плитами дорожка и каменная лестница. Эта картина была внутри прямоугольника. Там явно был облачный полдень, и эта штука находилась теперь примерно метрах в двадцати от меня посередине поляны. Увидев, что зверь вырвался на поляну, я понял, что не смогу вовремя поспеть к этой штуке и схватить предмет, который, как я знал, находился поблизости. Все же на миг мне подумалось, что у меня есть шанс настичь эту поганую тварь и помешать ей уйти. Но как только волк выскочил на поляну, он прибавил скорости. Я видел картину, к которой он бежал, куда четче, чем все окружающее. Я кинулся вперед, стремясь отвлечь его, но эта уловка не сработала. Мой последний рывок оказался недостаточным. Затем я разглядел то, что искал на земле рядом с порогом. Слишком поздно…

Прямо у меня на глазах зверь опустил голову и схватил зубами прямоугольный предмет, не прерывая бега. Я остановился и отвернулся, нырнув вниз, выронив на лету меч и покатившись. Затем

я ощутил силу бесшумного взрыва и несколько ударных волн. Я лежал и мне на ум приходили нехорошие мысли, пока это безобразие не прекратилось. После этого я поднялся и подобрал оружие. Все вокруг снова стало нормальным. Свет звезд… Ветер в соснах… Мне совершенно не требовалось оборачиваться, но я обернулся, чтобы увидеть, что штука, к которой я стремился всего несколько секунд назад, теперь пропала, не осталось никаких признаков того, что тут была дверь. Я побрел обратно к своему бивуаку и провел некоторое время, разговаривая с Дымом и успокаивая его. Затем я надел сапоги и плащ, забросал землей тлеющие в яме угли и повел коня к дороге. Там я сел в седло и двинулся по направлению к Амберу. Час с лишним спустя я выбрал новое место для лагеря под белым, как кость, серпом луны. Остаток ночи прошел без тревог. Меня разбудили рассветные лучи и утреннее щебетание птиц. Я позаботился о Дыме, быстро позавтракал, привел себя, по возможности, в порядок и через полчаса тронулся в путь. Утро было прохладное, далеко влево от меня виднелась гряда кучевых облаков, а над головой было чистое небо. Я не спешил. Ехал домой, предпочитая прогулку верхом перемещению по Козырю, главным образом ради

того, чтобы полюбоваться окрестностями Амбера, побыть немного в одиночестве и поразмыслить. Коль скоро Ясра в плену, Люк на больничной койке, а Колесо-призрак занято, то любые крупные угрозы Амберу и лично мне, кажется, временно не грозят, а небольшая передышка является вполне оправданной. Я считал, что действительно близок к той стадии, когда смогу лично справиться со всем в отношении Люка и Ясры, как только разработаю еще некоторые детали. Я был уверен, что смогу после этого разобраться с Колесом-призраком, так как находил наш самый последний разговор довольно ободряющим. Это относительно крупных дел. О мелких неувязках я мог побеспокоиться позже. Слабоватый чародей по имени Шару Гаррул досаждал только, если рассматривать его в комплексе со всем прочим, что тревожило меня. Дуэль с ним не вызвала бы никаких затруднений, будь у меня хоть капля досуга. Хотя мне приходилось признать, что я озадачен тем, что он вообще заинтересовался мной. И потом оставалось дело с существом, ставшим на время Виантой. Хотя я и не видел в ней никакой настоящей угрозы, безусловно, оставалась тайна, смущавшая мой душевный покой и, в конечном счете, казавшаяся связанной с моей безопасно-

стью. С этим тоже требовалось разобраться, когда появится свободная минута. А предложение Люка открыть после спасения Ясры жизненно важные для безопасности Амбера сведения меня встревожило. Потому что я верил ему и не сомневался, что он сдержит слово. У меня, однако, было предчувствие, что он не выдал бы тайны, если бы уже не было слишком поздно что-либо предпринимать. Строить догадки, конечно, бесполезно, разве узнаешь, какие именно требовались приготовления. А возможно, само предложение, независимо от его подлинности, также и психологическая атака. Люк всегда был хитрее, чем казался. Для усвоения этого мне потребовалось, к сожалению, немало времени. Я считал, что могу пока отбросить вопрос о голубых камнях, и собирался вскоре избавиться от всяких следов их влияния. Тут никакой проблемы, кроме узелка на память о дополнительной осторожности, просто на всякий случай. А я и так уже находился в таком психологическом настрое, причем длительное время. Оставалось лишь вписать в общую картину схватку с волком минувшей ночью. Он явно не был обычным зверем, и его намерения казались достаточно очевидными. Однако другие, относящиеся к его визиту обстоятельства, казались

совершенно не ясными. Кем же он был? Главным действующим лицом или чьим-то посланцем? И если верно последнее, то кто его послал! И, наконец, почему? Его неуклюжесть свидетельствовала, поскольку в прошлом я сам пробовал подобное, что это оборотень, а не обычный волк, благодаря волшебству приобретший дар речи. Большинство людей, грезящих о том, как бы превратиться в какого-нибудь злобного зверя и кинуться перегрызать людям глотки, отрывать руки и ноги, обезображивать ударами лап и пожирать в огромных количествах, в основном склонны пренебрегать критическими обстоятельствами такой ситуации. Когда становишься четвероногим с совершенно иным центром тяжести и новым аппаратом ввода данных органов чувств, какое-то время бывает совсем не так уж легко свободно передвигаться. Такой зверь, в общем-то, куда более уязвим, чем кажется, судя по его внешнему виду. И уж конечно, он куда менее смертелен и эффективен, чем настоящий, у которого практика с момента рождения. Нет! Я всегда считал такое действие скорее террористической тактикой, чем наступательной. Как бы там ни было, главной причиной моих волнений был, прежде всего, способ появления и исчезновения

зверя. Вероятно, применили Козырные Врата, на что просто так не идут, или, если уж на то пошло, вообще не идут, если этого можно избежать. Установить Козырной контакт с каким-нибудь коварным отдаленным местом, а затем влить тонны энергии в опредмечивание таких Врат, когда форма обретает на время независимое существование — это, конечно, эффектно, но безвкусно. Создание Врат, способных простоять даже 15 минут, связано с чрезвычайно огромным расточительством энергии и усилием — даже адские муки переносить гораздо легче. Это может надолго исчерпать все ваши ресурсы. И все же, именно это и произошло. Меня беспокоила не столько стоящая за этим причина, сколько сам факт, что такое вообще случилось. Ибо на такой подвиг способны только истинно посвященные и причастные к Козырям. Это не смог бы проделать кто-нибудь, случайно заполучивший Карту. Что, впрочем, существенно сужало область поиска. Я попытался представить себе задачу оборотня. Сперва ему требовалось разыскать меня… Так… Я вдруг вспомнил мертвых собак возле Лесного Дома в роще и большие следы поблизости, похожие на собачьи. Выходит, этот оборотень обнаружил меня несколько раньше и следил, дожидаясь

удобного случая. Когда я выехал вчера вечером, он последовал за мной, а когда я разбил лагерь — атаковал. Он установил сам, или же ему помогли в этом, Козырные Врата для отступления, причем у него и мысли не было о возможной погоне. А затем явился прикончить меня. Я не мог сказать, связано ли это с Шару Гаррулом, тайной Люка, голубыми камнями или маской меняющего тела существа. Придется этот вопрос пока оставить без ответа и сосредоточиться на основном. Я догнал и перегнал караван фургонов, направляющихся в Амбер. Мимо меня проехало несколько всадников, я никого не узнал, хотя некоторые помахали мне. Тучи на небе слева продолжали громоздиться, но гроза, скорее всего, не предвиделась. День становился прохладным, но солнечным. Дорога несколько раз то поднималась, то опускалась, хотя, в общем-то, скорее вела вверх, чем вниз. Я остановился передохнуть и перекусить в большом шумном постоялом дворе, быстро и плотно поел и не стал там задерживаться. Дорога стала получше и вскоре я увидел далекие отблески Амбера на вершине Колвира, искрящегося в полуденном свете. Движение оживилось. Пока я ехал, продолжал составлять планы и строить различные предположения, какие только прихо-

дили на ум. Когда дорога поднялась на очередную возвышенность, Амбер был уже как на ладони. Так никого и не узнав из встретившихся в пути, я ближе к вечеру добрался до Восточных Ворот — части древних укреплений. Поднявшись по Восточной Лозе, я остановился у городского дома Бейля, куда однажды был приглашен на вечеринку. Я оставил Дыма на конюшне позади дома, затем обошел дом, вышел к парадному входу и постучал. Слуга уведомил меня, что барон отсутствует, и поэтому я назвался и передал ему сообщение от Вианты. Слуга обещал все передать, когда вернется хозяин. Исполнив свой долг, я поднимался дальше по Восточной Лозе пешком. Меня привлек запах пищи и я отбросил идею подождать с едой, пока не вернусь во дворец. Я остановился и осмотрелся в поисках места, откуда доносились чудесные ароматы. Это место я обнаружил в боковой улочке справа от себя, где дорога расширялась в обширную площадку с фонтаном, представляющим собой покрытого патиной медного дракона, который мочился, встав на задние лапы, в бассейн из розового камня. Дракон был обращен мордой к расположенному в полуподвале ресторану с названием «Яма». С десяток столиков, окруженных оградой из медных

пик и растениями в горшках по внутреннему периметру, было вынесено на улицу. Я пересек площадку. Миновав фонтан, я заметил в прозрачной воде большое количество экзотических монет, включая и четвертак, выпущенный к двухсотлетию США. Подойдя к огороженному участку, я зашел в него, пробрался между столиками и собирался уже было спуститься по лестнице, когда услышал, как меня окликнули по имени:

— Мерль! Я здесь!

Я осмотрелся, пока не заметил, что окликнувшим был пожилой мужчина за угловым столиком справа от меня.

— Билл! — воскликнул я.

Билл Рот поднялся, скорее чтобы порисоваться, нежели ради какой-то формальности, как показалось мне. Я не узнал его сразу, потому что он отрастил седую бороду и усы. К тому же он был облачен в коричневые брюки с серебряными лампасами по наружным швам, исчезавшими в паре коричневых сапог. На нем была также серебристая рубашка с коричневым кантом, а на стуле справа лежал свернутый черный плащ, поверх которого покоился широкий черный пояс с висящим в ножнах мечом, размером чуть меньше среднего.

— Ты совсем отуземился и к тому же сбросил вес.

— Верно, — согласился Билл. — И я подумываю выйти на покой и поселиться здесь. Жизнь тут меня вполне устраивает.

Мы уселись за столик и я спросил:

— Ты уже сделал заказ?

— Да. Вон официант на лестнице. Сейчас я его догоню.

Билл сделал заказ и для меня.

— Ты стал говорить на тари лучше, — заметил я позже.

— Много практиковался.

— Чем ты занимался?

— Плавал с Жераром. Побывал в Дейге и в одном из лагерей Джулиана в Арденах. Навестил также и Рэмбу, интересное местечко. Брал уроки фехтования, а Дронна Ма-Панца показывал мне городские достопримечательности.

— По всей вероятности, исключительно бары.

— Ну, не только… Фактически, поэтому я здесь и нахожусь. Ему принадлежит половина доходов «Ямы», и мне пришлось обещать ему заказывать тут почаще. Заведение, правда, хорошее. Когда ты вернулся в Амбер?

— Только что и у меня приготовлена для тебя

еще одна длинная история.

— Ладно. Твои истории обычно бывают причудливы и запутаны, — неожиданно сказал он. — Их нехорошо слушать накануне прохладной осени. Давай, рассказывай.

Рассказ мой продолжался во время обеда и еще долго после него. На улице стало неуютно из-за начавшегося дождя, и поэтому мы направились во дворец. В конце концов, я закончил рассказ за стаканом горячего сидра перед камином в одной из небольших комнат в восточном крыле. Билл покачал головой и заявил:

— Умеешь же ты находить себе приключения. Но скажи, почему ты не доставил Люка в Амбер?

— Я уже сказал тебе, почему.

— Ты привел не очень-то вескую причину. Ради каких-то туманных сведений, по его словам, важных для Амбера? И чтобы получить их, тебе еще надо поработать на него.

— Не совсем так.

— Он же коммивояжер, Мерль, и сплавил тебе барахло. Вот об этом-то я и думаю.

— Ты неправ, Билл. Я его знаю.

— И я знаю его хорошо, — согласился он, — но насколько хорошо? Мы уже говорили с тобой об этом. Ты не знаешь о Люке гораздо больше, чем

знаешь.

— Он мог отправиться куда угодно, но явился ко мне.

— Ты — часть его плана, Мерль. Он намерен достать Амбер через тебя.

— Не думаю, — усомнился я, — это не в его стиле.

— По-моему, он может воспользоваться всем или всяким, кто подвернется под руку.

— Я ему верю, а ты нет, вот и все.

— Согласен. Что ты теперь собираешься делать? Ждать развития событий?

— У меня есть план. Однако то, что я ему верю, не означает, что я не буду подстраховываться. Но у меня есть к тебе один вопрос.

— Да? — удивился Билл.

— Если бы я доставил Люка сюда, и Рэндом решил, что факты туманны, и пожелал бы устроить судебное заседание, ты бы решился представлять его интересы?

Сначала глаза его расширились, но затем он улыбнулся.

— Какого рода заседание? Я не знал, что здесь проводится что-либо подобное.

— Как внук Оберона, — объяснил я, — он подпадает под действие Закона Королевского Дома.

Глава Дома сейчас Рэндом. И только от него зависит, решат ли забыть об этом деле, вынести приговор сразу же или назначить слушание дела. Как я понимаю, такое слушание может быть настолько формальным или неформальным, насколько пожелает Рэндом. В библиотеке имеются книги на эту тему. Но обвиняемый всегда имел право быть представленным на суде, если он того хотел.

— Конечно, я взялся бы за это дело, — твердо заявил Билл. — Такой юридический опыт может предоставиться не слишком часто. Но надо учитывать, что тут конфликт интересов, поскольку я работаю на Корону.

Я допил сидр, поставил стакан на каминную полку и зевнул.

— А теперь мне надо идти, Билл.

Он кивнул, но все-таки спросил:

— Все это просто гипотетические построения, не так ли?

— Конечно, — подтвердил я. — Дело может обернуться моим судебным слушанием. Спокойной ночи!

Билл окинул меня изучающим взглядом.

— Э… эта подстраховка, о которой ты упомянул. Она, вероятно, связана с чем-то пугающе-риско-

ванным?

Я улыбнулся.

— Полагаю, тебе никто ничем в этом деле помочь не сможет?

— Ничем.

— Ну, желаю удачи.

— Спасибо.

— Завтра увидимся?

— Может, на день позже…

Я прошел в свои покои и завалился спать. Мне требовалось немного отдохнуть, прежде чем приступить к задуманному делу. Когда я проснулся, было еще темно. Я обрадовался, что мой внутренний будильник все еще действует. Было бы радостнее повернуться на другой бок и еще поспать, но я не мог позволить себе такой роскоши. Ждавшие меня сегодня дела будут испытанием на скоординированность. Я встал, умылся и надел свежую одежду. Затем направился на кухню, где приготовил чай, тосты и яичницу-глазунью с красным и зеленым перцем и луком. Тут нашлись и фрукты от «Спелтерса», чего я уже давненько не пробовал. После завтрака я через заднюю дверь прошел в сад. Он был темным — его не освещала луна, и было влажно, так как деревья окутывал туман. Вокруг царила тишина. Я дал

своим мыслям возможность немного развеяться. День должен быть построен рационально, но я хотел начать его, утвердив соответствующий образ мышления. Так я шел, пока не кончился сад. Затем пролез через дыру в колючей изгороди и продолжил путь по неровной тропинке. Первые несколько минут она шла на подъем, потом совершила внезапный поворот и сразу же стала круче. На одной возвышенной точке я оглянулся — четко вырисовывался темный силуэт дворца с немногими освещенными окнами. Рассеянные высоко над головой перистые облака выглядели экраном, затемняющим звездный свет. Достигнув вершины, я сумел различить на востоке слабую линию просветления за лесом, недавно пересеченным мною. Я поспешил мимо трех массивных обелисков и начал спускаться на север. Спуск сначала был пологим, а потом неожиданно стал крут. Я приблизительно знал, куда иду, так как однажды уже шел этим путем, хотя тогда я надолго не задерживался. Гребень остался примерно в двух милях позади, и я замедлил шаг, приблизившись к району, куда направлялся. А вот и большой, несколько похожий на подкову откос, который я разыскивал. Когда я спустился и стены поднялись по обеим сторонам, как в

каньоне, то оказался на тропе, по которой последовал дальше. Тропа повела меня слегка вниз по склону, к тени от двух деревьев, а затем между ними туда, где находилось невысокое каменное строение, заросшее кустами и травой. Как мне показалось, почву доставляли сюда специально, чтобы выросла зелень, но потом про сад позабыли и забросили его. Я уселся на одну из каменных ступенек перед строением и стал ждать, когда посветлеет небо. Это была гробница моего отца, так называемый кэнофат, построенный давным-давно, когда все считали его умершим. Позже его порядком забавляла возможность навестить это место. Теперь, конечно, ее статус мог вновь измениться. Она вполне могла быть настоящей. Пришел же я сюда не для того, чтобы поклониться праху предка. Мне, как колдуну, требовались покой и тишина для того, чтобы создать несколько заклинаний. Наверное, я рационализировал. Я выбрал это место, потому что на нем стояло имя Корвина. Настоящей ли была эта гробница или ненастоящей, она вызывала у меня ощущение его присутствия. Мне хотелось узнать его поглубже и, возможно, ближе мне уже никогда не удастся подойти. Я вдруг понял, почему доверился Люку. Он был прав тогда, в Лесном Доме. Если бы я узнал

о смерти Корвина и убедился, что за нее можно возложить на кого-то вину, то я забросил бы всё прочее, чтобы отправиться предъявить счет и получить по нему, чтобы отомстить и расписаться в получении долга кровью. Даже не знай я Люка, как знал, в его действиях легко угадывался бы я сам, и как в таком случае судить его. Проклятье! Почему мы должны изображать друг друга черт знает как? Я поднялся. Теперь хватало света, чтобы видеть, что я делаю. Я зашел в гробницу и приблизился к нише, где стоял пустой каменный саркофаг. Он казался идеальным сейфом для хранения ценностей, но я колебался, стоя перед ним, у меня дрожали руки. Это было нелепо… Я знал, что его там нет, что это просто пустой ящик с вырезанной на нем короткой надписью. И все же прошло несколько минут, прежде чем я смог заставить себя поднять крышку.

— Ну, конечно же пустой! — пробормотал я с облегчением.

Столь же пустой, как многие сны, мечты и страхи. Я закинул в саркофаг голубую пуговицу и снова опустил крышку. Какого черта! Если Шару хотел вернуть ее и мог найти ее здесь, то пусть получит уведомление, что, играя в подобные игры, он ходит по краю собственной могилы.

Я снова вышел наружу, оставив в склепе свои чувства. Время начинать. Мне требовалось разработать и опробовать уйму заклинаний, так как я не собирался деликатничать там, где дули дикие ветры…

Я стоял на пригорке над садом, любуясь расстилавшейся внизу осенней листвой. Ветер играл моим плащом. Дворец купался в густом полуденном свете. В воздухе стояла прохлада. Стайка опавших осенних листьев пронеслась, подобно птицам мимо и трепеща опустилась на землю. Однако я остановился тут не для восхищения природой. Я задержался, блокируя Козырной контакт — второй за день. Первый произошел ранее, когда я создавал заклинание. Я счел, что это либо Рэндом, раздраженный тем, что я вернулся в Амбер и не удосужился ввести его в курс дела, либо Люк, уже выздоровевший и желающий просить у меня помощи в осуществлении своего плана против Замка. Оба они пришли мне на ум, потому что именно их я страстно желал избежать: ни тому, ни другому не понравилось бы, что я затеял, хотя и по разным причинам. Зов растаял, пропал и я опустился по тропе, миновал колючую изгородь и вышел в сад. Я не хотел зря использовать заклинание на сокрытие своего

похождения и поэтому выбрал левую тропу, которая привела меня к цепи увитых зеленью беседок, откуда я мог незаметно пройти дальше. Из окон меня тоже не было заметно. Я мог избежать этого, козырнувшись, но имеющиеся у меня Карты всегда доставляли меня в холл, а я понятия не имел, кто там может оказаться. Ключ мне был не нужен. Я вернулся тем же путем, каким вышел, то есть через кухню, взяв себе бутерброд и стакан молока. Затем я поднялся на один марш по черной лестнице, потоптался немного и сумел добраться до своих покоев незамеченным. Там я пристегнул оставленный висеть в изголовье кровати пояс для оружия, проверил меч, отыскал привезенный мною из Хаоса кинжальчик — подарок от ныряльщика в Бездну Берквиста, которого однажды кое-кому представил, что дало ему покровительство (он был поэтом средней руки), и повесил его с другого бока на пояс. Прикрепив один Козырь в левом рукаве, я вымыл лицо, почистил зубы. Больше я не мог выдумать ни одной причины для задержки. Мне требовалось пойти и сделать нечто, чего я страшился. Это было необходимо для оставшейся части моего плана. Меня одолевало неожиданное желание податься на шлюпке в море. На самом-то деле

достаточно было и просто поваляться на пляже… Вместо этого я покинул свои покои и направился вниз по лестнице, возвращаясь тем же путем, каким пришел. Я двинулся на запад по черному, служебному коридору, прислушиваясь к шагам и голосам, отступив однажды в чулан, чтобы дать пройти кому-то неузнанному. Наконец я свернул налево, прошел несколько шагов и прождал больше минуты, прежде чем войти в главный коридор, уводивший меня мимо большого мраморного банкетного зала. Никого не было видно. Я подошел к ближайшему входу и осторожно заглянул. Отлично! В зале не накрыто. Обычно там накрывали не каждый день, но я никак не мог узнать, намечается ли сегодня какое-либо официальное мероприятие, хотя в этот час обычно не обедали. Я зашел и быстро миновал зал. С противоположной стороны начинался длинный, узкий коридор, и где-то ближе к его началу у дверей или в его конце обычно стоял на посту часовой. Все члены семьи имели туда доступ, хотя часовой заносил имя каждого в журнал. Однако его начальник не получит об этом никаких сведений, пока часовой не сменится с дежурства, но тогда для меня это уже не будет иметь значения. Тод был невысоким, коренастым и бородатым.

Заметив, что я приближаюсь, он взял «на караул» топор, стоявший всего в нескольких футах от него, прислоненный к стене.

— Вольно! Занят? — спросил я.

— По правде говоря, нет, сударь.

— Я направляюсь вниз. Надеюсь, здесь найдется несколько фонарей? Я знаю эту лестницу не так хорошо, как остальные.

— Я проверил фонари, когда заступил на дежурство, сударь. Сейчас я вам зажгу один из них.

— Спасибо, Тод.

Он открыл дверь, поднял последовательно три стоявших там справа фонаря и выбрал второй. Затем вынес его в коридор, где зажег от массивной свечи, стоявшей на подставке посередине коридора.

— Я пробуду довольно долго, — предупредил я Тода, принимая у него фонарь. — Вероятно, тебя сменят с дежурства, прежде чем я закончу.

— Хорошо, сударь. Ступайте осторожнее.

— Да уж постараюсь.

Длинная винтовая лестница описывала круг за кругом.

Внизу по центральному стволу горели свечи, и факелы на подставках или фонари на крючках, создающие атмосферу таинственности и страха,

пожалуй в большей степени, чем если бы было абсолютно темно. Только эти точечки света… Я не видел ни отдаленного дна, ни стен. Одну руку я не отрывал от перил, а другой держал перед собой фонарь. Внизу было довольно влажно и к тому же затхло, не говоря уже о холоде… Я попытался считать ступеньки и, как обычно, сбился со счета где-то на середине пути. В следующий раз… Мои мысли вернулись к тому отдаленному дню, когда я шел этим путем в полной уверенности, что иду на смерть. Тот факт, что я не умер, сейчас как-то мало меня утешал. Испытание все равно вышло тяжелое. Ордалия… И по-прежнему была вероятность, что на этот раз я засыплюсь и зажарюсь или улетучусь струей дыма. Круг, еще круг… Вниз… винтовой лестницей… вниз… Ночные мысли в полдень… С другой стороны я слышал, как Флора говорила, что по второму разу идти легче. За несколько минут до этого она болтала о Лабиринте, и я надеялся, что подразумевала она именно его. Великий Лабиринт Амбера, Символ Порядка, соответствующий по мощи Великому Логрусу Двора, Знаку Хаоса. Напряжение между ними, кажется, и порождало все имеющее значение. Свяжешься хоть с тем, хоть с другим, потеряешь контроль и поминай как звали. И

повезло же мне связаться с ними обоими. Мне не с кем сравниться впечатлениями и узнать, утяжелит ли это задачу, хотя мне легко думать, что метка одного делает другой более трудным… а они оставляют на тебе метки, и причем оба. На каком-то уровне тебя разрывает на части и собирает вновь по меркам громадных космических принципов, когда ты подвергаешься такому испытанию, что кажется благородным, важным, метафизическим, духовным и прекрасным, но проявляется главным образом занозой в заднице. Это цена, которую мы платим за определенные способности, но никакой космический принцип не требует от меня говорить, будто это доставляет мне наслаждение… И Лабиринт, и Логрус дают приобщенным к ним способность путешествовать по Отражениям без посторонней помощи, а Отражения — это общий термин для возможной бесконечной череды вариации реальностей, с которыми мы играем. Заодно они дают и другие возможности… Кругом и вниз, я замедлил шаг, ощутив легкое головокружение, точь-в-точь как раньше. По крайней мере, я не собираюсь возвращаться тем же путем… Когда в поле зрения, наконец, показалось дно, я снова ускорил шаг. Внизу имелась освещенная скамейка, стол,

шкаф. Обычно тут дежурил часовой, но я его не увидел. Может, он делал обход. Где-то слева располагались камеры, в которых иногда можно было найти особенно невезучих заключенных, царапающих стены и помаленьку сходящих с ума. Я не знал, отбывают ли в данный момент срок подобные узники, и от души надеялся, что нет. Однажды там побывал мой отец и, судя по его описанию, испытание оказалось тяжелым. Достигнув последней ступеньки, я пару раз позвал часового — ответом было только эхо. Подойдя к шкафу, я взял другой, заполненный горючим фонарь. Может пригодиться… Ведь я мог сбиться с дороги. Затем я двинулся направо: нужный мне туннель находился там. После долгих блужданий я остановился и поднял фонарь повыше, так как почти уверился, что зашел слишком далеко. Никакого входа в туннель в поле зрения не было. Караульный пост все еще виднелся. Я продолжил путь, пытаясь восстановить в памяти подробности прошлого посещения. Наконец звуки стали звучать иначе, внезапно послышалось эхо моих шагов. Казалось, я приближаюсь к какому-то препятствию. Я вновь поднял фонарь. Да. Впереди сплошная тьма, а вокруг нее серый камень. Я направился в ту сторону. Темно… далеко…

Когда свет скользил по неровностям скал, происходило нечто, похожее на театр теней. Слева возник боковой ход. Я миновал его и пошел дальше. Кажется, довольно скоро должен быть еще один. Да. Вот и второй. Третий располагался чуть дальше, потом четвертый. Я подумал, куда они могли вести. Никто ничего мне о них не рассказывал. Возможно, мои родственники тоже этого не знали. Может быть, в причудливые гроты неописуемой красоты? В другие миры? В тупики? На склады? Наверное, в один прекрасный день, когда найдется время и появится желание…

— Гм-м, где же пятый? — пробормотал я.

Появился пятый ход, затем шестой… Мне требовался седьмой. Дойдя до него, я остановился. Вел он не так уж далеко. Я подумал о других, шедших этим путем, а затем решительно направился вперед, к большой окованной тяжелым металлом двери. На вогнанном в стену стальном крюке слева от нее висел большой ключ. Я снял его, отпер дверь и вновь повесил его на крюк, зная, что часовой из караулки при очередном обходе проверит это и закроет дверь. Снова появилась мысль, зачем вообще запирать дверь, если ключ хранится здесь же, рядом? Поэтому могло показаться, что опасность грозит изнутри. Я уже задавал этот

вопрос, но никто, кажется, не знал на него ответа. Мне отвечали, что это традиция. Жерар и Флора независимо друг от друга предложили спросить Рэндома или Фиону. А те дружно решили, что это, возможно, знает Бенедикт, но я не припомню, чтобы когда-либо спрашивал его. Я с силой толкнул дверь, но она не сдвинулась. Поставив фонарь, я уперся посильнее. Дверь заскрипела и медленно подалась внутрь. Я поднял фонарь и вошел. Дверь закрылась за мной сама собой, и Фракир, дитя Хаоса, дико запульсировал. Я опять подумал о своем последнем визите сюда и вспомнил, почему никто, никогда не приносил лишнего фонаря — голубоватое пылание Лабиринта на гладком черном полу освещало грот достаточно, чтобы всякий видел свой путь. Я зажег второй фонарь. Первый я поставил у ближайшего конца Лабиринта, а другой понес с собой на периферию Узора, установив его в той же точке, но с другой стороны. Меня не волновало, что Лабиринт давал достаточно освещения для совершения намеченного дела. Я находил эту штуку… эту проклятую штуку сверхъестественной, холодной и попросту пугающей. Благодаря добавочному свету я чувствовал себя немного лучше. Изучая взглядом эту путанную массу кривых линий, я подошел к углу,

откуда они начинались. Я успокоил Фракира, но собственные опасения приглушить не удалось.

«Не сказался ли в этом во мне Логрус, — гадал я, — или моя реакция на Логрус, если бы я вернулся и вновь испытал его, была бы во мне еще хуже, так как во мне теперь еще был и Лабиринт. Бесплодные рассуждения…»

Я попытался расслабиться. Сделал глубокий вдох. Вокруг моей стопы сразу же поднялись искры… Тихое потрескивание… Еще шаг. Капелька сопротивления, когда я двинулся вновь… Ко мне вернулось все, что я испытал при первом прохождении: холодок, слабые токи, легкие участки и трудные. Где-то во мне сидела карта Лабиринта, и я словно читал по ней, когда двигался по той, первой кривой, среди нарастающего сопротивления, летящих искр, шевелящихся волос, потрескивания и какой-то вибрации… Я достиг первой Вуали и словно прошел по аэродинамической трубе. Каждое движение требовало тяжких усилий. Но, полный решимости, я двигался дальше — на самом-то деле только она и требовалась. Если я просто буду непрерывно ждать и ждать, то все равно буду двигаться, хотя и медленно. Весь фокус в том, чтобы не останавливаться. Начать движение снова — ужасное ощущение,

а в некоторых местах это просто невозможно. Постоянное движение — вот, что требовалось в данный момент. Еще несколько мгновений и я пробьюсь. Идти станет легче. Вот Вторая Вуаль — это действительно чистое убийство…

— Пробьюсь… — прошептал я.

Поворот… поворот…

Я пробился и знал, что теперь путь на время станет легче. Я стал играть с некоторой уверенностью. Вероятно, Флора права. Эта часть казалась чуть менее трудной, чем в первый раз. Я одолел длинную кривую, а затем резкий поворот в обратном направлении. Искры уже достигали отворота сапог. На ум мне пришло тридцатое апреля, семейная политика при Дворах, где люди дрались на дуэлях и умирали, прокладывая сложный и меняющийся путь через кровавые ритуалы статуса и возвышения. Этого больше нет. Я покончил со всем этим. Оттолкнул это. Может, они поизящнее, но крови там пролито больше, чем в Амбере, и все это ради самого маленького, черт возьми, превосходства над своими собратьями… Я скрипнул зубами. Трудно было сосредоточить мысли на непосредственной задаче. Это наверняка часть воздействия. Теперь я вспомнил и об этом. Еще шаг… Ощущение неко-

торой щекотки в ногах… Звуки потрескивания кажутся громкими, как раскаты грома… Одну ногу за другой… подымай и опускай… Волосы встали дыбом, поворот… нажим… Приводим «Звездную вспышку» в порт раньше осеннего шквала. Люк управляет парусами, ветер у нас за спиной, словно дыхание дракона… Еще три шага, и сопротивление нарастает… Я на Второй Вуали, и ощущение неожиданно такое, точно я пытаюсь вытолкнуть автомобиль из вязкого кювета… Вся моя сила направлена вперед, а результат бесконечно мал. Я двигаюсь с медлительностью ледника, а искры доходят мне до пояса. Я весь окутан голубым пламенем…. Внезапно все отвлекающее меня вылетает из головы. Даже Время уходит и оставляет меня в покое. Есть только это существо без прошлого и без имени, каким я стал, борющееся всем своим естеством против энергии прожитых дней — уравнение настолько тонко сбалансированное, что мне следовало бы навеки застыть здесь, не закончив шага, за исключением того, что это аннулирование масс и сил оставляет незатронутой волю, некоторым образом очищает ее, так что процесс движения вперед, кажется, выходит за пределы борьбы. Еще шаг, и еще, и я пробился, состарился на века и опять двигаюсь,

и знаю, что сумею дойти до конца, несмотря на то, что приближаюсь к Большой Кривой, участку тяжелому, хитрому и длинному. Совсем не похоже на Логрус. Мощь здесь физическая, а не аналитическая. Вселенная, кажется, вращается вокруг меня. Каждый шаг заставляет чувствовать себя так, словно я таю и возвращаюсь в фокус, разбиваюсь на части и собираюсь вновь, рассыпаюсь и складываюсь, умираю и оживаю вновь… Вперед, вперед… Затем еще три кривые линии, вслед за ними прямая. Вперед. Головокружение, тошнота… Насквозь промок. Конец линии… Череда дуг… Поворот… поворот… опять поворот. Когда поднявшиеся искры стали клеткой из молний, а ноги снова стали волочиться, я понял, что подхожу к Последней Вуали. Неподвижность и ужасный нажим… На сей раз я чувствовал себя каким-то укрепившимся, и устремлялся вперед, зная, что прорвусь… Я сумел пробиться, весь дрожа, и осталась лишь короткая дуга. Однако эти последние шаги вполне могут быть самыми трудными. Впечатление такое, словно Лабиринт, так хорошо узнав тебя, не желает отпускать. Я боролся с этим и здесь. Голени сводило, будто в конце забега на длинную дистанцию… два шага… три… Кончено… Стою, не двигаюсь. Тяжело дышу

и дрожу всем телом. Мир… Покой… Статические разряды исчезли… Исчезли и искры… Если влияние Лабиринта не убрало настройку голубых камней, то уж не знаю, на что тогда он способен… Через минуту я смогу отправиться куда угодно. Из этой точки, в этот миг наделения возможностями, я мог приказать Лабиринту переправить меня куда угодно, и оказаться там, где пожелаю. Такую возможность едва ли стоит тратить на избавление от прогулки вверх по винтовой лестнице и на возвращение к себе в покои. Нет. У меня были другие планы. Через минуту… Я оправил одежду, провел рукой по волосам, проверил оружие и спрятанные Козыри, подождав, пока не стихнет бешеное биение пульса. Люк получил свои раны в битве у Замка Четырех Миров, сражаясь со своим бывшим другом и союзником Далтом, наемником, сыном Осквернительницы. Далт мало что для меня значил, кроме возможного препятствия, так как теперь он, кажется, служил Хозяину Замка. Но, даже делая скидку на любую разницу во времени, которая, вероятно, была не так уж велика, я увидел его довольно скоро после схватки с Люком. И этот факт, казалось бы, указывал, что когда я добрался до него через Козырь, он находился в Замке. Ладно. Я попытался вновь

вспомнить комнату, в которой я застал Далта. Воспоминания оказались весьма скудными. Какой минимум данных требовался Лабиринту для работы? Я вспомнил текстуру каменной стены, очертания небольшого окна, кусок затертого гобелена, разбросанные по полу камни. Когда Далт двинулся, в поле зрения возникла низкая скамья и табурет, а над ними трещина в стене и кусочек паутины… Я сформировал как можно более четкий образ и пожелал перенестись туда. Я хотел оказаться на этом месте… И оказался… Я быстро обернулся, положив ладонь на рукоять меча, но кроме меня в помещении никого не было. Я увидел постель и шкаф, небольшой письменный стол, сундук — вещи, не попавшие в поле моего зрения во время того краткого визита. За оконцем сиял дневной свет. Я пересек комнату, подойдя к единственной двери, и долгое время стоял там, прислушиваясь. По другую сторону царила тишина. Я чуть приоткрыл дверь и выглянул в длинный, пустой коридор. Затем я распахнул ее настежь. Прямо напротив двери располагалась лестница, ведущая вниз. Слева глухая стена. Я вышел в коридор и закрыл дверь. Куда пойти — вниз или направо? По обеим сторонам коридора находились окна. Я двинулся к ближайшему,

находившемуся справа, и выглянул наружу. Оказалось, что я попал в угол прямоугольника — крепостного двора, и напротив, слева и справа высились другие здания, соединенные между собой, небольшой проход вел в другой двор, где за домами прямо напротив меня поднималось очень большое здание. Во дворе внизу было около дюжины солдат, расположенных у разных входов, хотя они, кажется, не находились на постах, а занимались чисткой и ремонтом своего снаряжения. Двое из них были сильно забинтованы. И все же большинство, кажется, пребывало в таком состоянии, что могли сразу же кинуться исполнять служебные обязанности; В противоположном конце двора располагался какой-то предмет, похожий с виду на довольно большого изломанного воздушного змея, странно знакомого с виду. Я решил направиться по коридору, ведущему к зданию, расположенному на противоположной стороне двора, откуда предоставлялась возможность осмотреть следующий двор. Я двинулся по коридору, прислушиваясь, чтобы никого не встретить. Пока я добирался до угла, я не уловил никакого шума. Там я простоял некоторое время, притаившись, свернул за угол и замер. Так же, как и человек, сидящий справа на подоконнике.

На нем была кольчуга, кожаная шапка и сапоги. На боку висел тяжелый меч, в руке он держал кинжал, занимаясь чисткой ногтей. Он выглядел таким же удивленным, как и я.

— Ты кто? — спросил он.

Плечи его распрямились, он опустил руки, точно собираясь оттолкнуться от подоконника и занять оборонительную стойку. Мы оба находились в замешательстве. Кажется, он стоял в карауле. Я не был уверен, что смогу придумать что-либо разумное, чтобы обмануть его бдительность. И мне не хотелось нападать на него, чтобы не поднимать шума. Это сужало возможность выбора. Я мог быстро и бесшумно прикончить его заранее подготовленным заклинанием для остановки сердечной деятельности, но это заклинание могло еще пригодиться в более сложной обстановке. К тому же, я слишком высоко ценил жизнь, чтобы разбрасываться ею без надобности. Поэтому, как бы ни хотелось мне тратить другое припасенное заклинание, я произнес слово, заставившее мою руку сделать самопроизвольный жест, и увидел Логрус, когда его сила запульсировала через меня. Ратник закрыл глаза и повалился на отворенный оконный переплет. Я поправил тело, чтобы оно не свалилось, и

оставил его мирно похрапывать с кинжалом в руке. Коридор выходил в какую-то галерею. Так как я не смог рассмотреть все досконально, то смирился с тем, что придется затратить еще одно заклинание прежде, чем я того желал. Я произнес слово для придания невидимости, и мир сделался на несколько оттенков темнее. Вообще-то я хотел им воспользоваться чуть позже, так как заклинание давало гарантию невидимости минут на двадцать, а я понятия не имел, где находится искомый предмет… Нет, я не мог позволить себе идти на заведомый риск. Я поспешил вперед и прошел в галерею, оказавшуюся пустой. Однако я все же сумел рассмотреть кое-что в этой крепости. Со своего наблюдательного пункта я получил возможность обозреть следующий двор, который оказался просто гигантским. На нем высилось массивное строение, замеченное мною с самого начала. Оно имело, похоже, только один вход, который тщательно охранялся. Заодно я увидел, что имеется и внешний крепостной двор с высокими, хорошо укрепленными серыми стенами. Я покинул галерею и отыскал лестницу, почти уверенным, что это громадное строение из серого камня и является местом, где мне надо искать. Его окружала аура магии, ощущаемая всеми клетка-

ми моего тела. Я потрусил по коридору, свернул и увидел часового на лестничной площадке. Если он и ощутил что-то от моего движения, то только ветерок, колыхнувший его плащ. Я мигом слетел вниз по лестнице. У ее начала находился вход, ведущий в коридор налево. Все коридоры не освещались, а в стене, выходящей на внутренний двор, прямо передо мной, находилась тяжелая, окованная железом, дверь. Я толчком открыл ее, вошел и быстро шагнул в сторону, так как стоявший за дверью часовой оглянулся и двинулся прямо на меня. Уклонившись от соприкосновения с ним, я направился к цитадели. Сосредоточие сил, как сказал Люк. Да… Чем ближе я подходил, тем сильнее это чувствовал. У меня не было времени попробовать вычислить, как управиться с ними. И к тому же я принес с собой личный запас мощи. Приблизившись к стене, я резко свернул влево. Требовалось быстро осмотреться, чтобы запастись информацией. На середине пути я убедился, что моя догадка относительно одного входа — верна. К тому же, самые нижние окна находились не меньше, чем в тридцати футах от земли. А вокруг здания располагалась высокая металлическая ограда с пиками наверху, а с внутренней стороны ограды — ров. Однако

больше всего меня удивила вещь, с постройкой не связанная. На противоположной стороне неподалеку от стены лежало еще два больших сломанных змея и три относительно целых. В общем-то это, были обыкновенные дельтапланы. Меня так и подмывало осмотреть их поближе, но время невидимости истекало, и я не мог позволить себе такого отклонения от намеченного курса. Я поспешил завершить осмотр цитадели и изучить ворота. Они были закрыты, а по бокам их охраняли двое часовых. В нескольких шагах за воротами виднелся убираемый деревянный мостик, укрепленный металлическим каркасом и перекинутый через ров. По его углам располагались большие болты с ушками, а в стене над ними были заметны следы встроенного ворота с четырьмя цепями, оканчивающимися крюками. Я гадал, насколько тяжел этот мост. Дверь в цитадель находилась в нише глубиной примерно в три фута. Она была высокой, широкой и кованой, способной выдержать даже удар тарана. Я подошел к воротам ограды и внимательно их изучил. Никакого замка нет, просто открывается вручную металлический засов. Я мог открыть их, пробежать, стрелой пролететь через мост, очутиться у большой двери, прежде чем появятся часовые

и проявят интерес к тому, что тут происходит. С другой стороны, учитывая специфику крепости, они вполне могли получить инструкции насчет возможности неестественного нападения. Коли так, то им не понадобится меня видеть, если они быстро отреагируют и загонят меня в угол дверной ниши. А у меня сложилось впечатление, что тяжелая дверь отнюдь не осталась незапертой. Я поразмышлял несколько мгновений, перебирая в уме заклинания. И заодно еще раз проверил местонахождение шести-восьми других стражников во дворе. Ни один из них не находился слишком близко и ни один не перемещался в этом направлении. Я тихо подошел к часовым и положил Фракира на плечо стоявшего слева, приказав быстро придушить. Затем три быстрых шага направо, и удар по шее другого часового ребром ладони. Я подхватил его под мышки, не дав вызвать шум падения, и опустил, прислонив спиной к ограде справа от ворот. Однако позади меня все-таки послышался лязг ножен другого стражника об ограду, когда он осел, схватившись за горло. И поспешил к нему, усадил осторожно на землю и снял Фракира. Быстрый взгляд по сторонам показал, что остальные ратники сюда не смотрели. Проклятье! Можно было бы

и поосторожнее. Я отпер ворота, скользнул за них и запер их за собой. Потом перебежал через мост и оглянулся. Двое ближайших стражников направились прямо сюда. У меня возникла необходимость сделать еще один выбор. Я решил посмотреть, насколько трудным может оказаться стратегически более здравый вариант. Присев на корточки, я схватился за ближайший угол моста. Пересекаемый им ров был приблизительно двадцати футов глубиной и сорока шириной. Я начал выпрямлять ноги. Чертовски тяжело, но сооружение заскрипело и часть, за которую я держался, поднялась еще на несколько дюймов. С миг я подержал ее в таком положении, регулируя дыхание, затем попробовал еще раз. Снова скрип и еще несколько дюймов. Еще раз… Руки, казалось, медленно выворачивались из суставов. Сердце бешено стучало. Угол моста находился теперь в футе над землей, но левый край все еще соприкасался с ней. Я вновь напрягся, чувствуя, как у меня на лбу выступил пот. Вдо-ох… Рывок! Он поднялся до уровня колен, затем выше. Левый угол, наконец, оторвался от земли. Я слышал голоса двух приближающихся стражников — громкие, возбужденные. Теперь они спешили. Я начал понемногу подаваться

влево, волоча за собой все сооружение. Когда я это делал, угол прямо напротив меня двинулся со своего места вперед. Хорошо! Я продолжал движение. Угол слева от меня находился теперь в паре футов над краем рва. Я ощущал жгучую боль в плечах и шее. Дальше… Ратники уже добрались до ворот, где остановились посмотреть на упавших часовых. Это хорошо. Я все еще не был уверен, свалится ли мост в ров, или же я превращал себя в кандидата на дисковую хирургию. Чуть влево… Мост заколебался в моих руках, накреняясь влево. Я понял, что через несколько мгновений потеряю над ним власть. Еще влево, влево… почти…. Теперь стражники переключили внимание с упавших часовых на движущийся мост и возились с запором. Через двор им на подмогу бежали еще двое, и я слышал их крики. Еще шажок… Теперь эта штука действительно заскользила. Мне ее не удержать… Еще один шаг… Отпускаю и назад! Угол, который я держал, ударился о край рва, но дерево расщепилось, а край поддался, и я отступил еще на несколько шагов. Падая, мост перевернулся, дважды задел противоположную сторону и с восхитительным грохотом ударился о дно. Мои руки повисли у меня по бокам, став на мгновение тряпками. Потом

я повернулся и направился к двери. Заклинание все еще действовало, поэтому я, по крайней мере, не стану мишенью для метательных снарядов с другой стороны рва. Когда я добрался до двери, то мне понадобились все имевшиеся у меня силы, чтобы поднять руки к большому кольцу с правой стороны и ухватиться за него. Но когда я потянул его на себя, оно не сдвинулось. Эта штука оказалась запертой. Однако хорошо, что я этого ожидал и успел подготовиться. Тем не менее, сперва требовалось попробовать. Я никогда не трачу заклинаний направо и налево. Я произнес три слова. Все получилось менее элегантно, так как заклинание было отработано небрежно, хотя и обладало колоссальной силой. Мое тело вздрогнуло, когда дверь вылетела внутрь, словно ее пинком ноги вышиб великан. Я быстро вошел, и в ту же секунду оказался в замешательстве, пока мои глаза привыкали к сумраку. Я очутился о холле двухэтажной высоты. Справа и слева поднимались лестницы, изгибающиеся к обнесенной перилами площадке в конце коридора на втором этаже. Прямо напротив меня имелся другой коридор. Еще две лестницы вели вниз. Вот и решай тут… В центре обширного помещения находился фонтан из черного камня, разбрызги-

вающий в воздух пламя, а не воду. Огонь падал в чашу фонтана, где кружился водоворотами и плясал. В воздухе пламя отсвечивало красным и оранжевым, а внизу рябило белым и желтым. Зал наполняло ощущение мощи. Всякий способный управлять высвобождающимися в этом месте силами и впрямь будет грозным противником. Возможно, что при удаче мне не придется выяснять, насколько он грозен, Я чуть было не потратил зря очередное заклинание, когда заметил несколько фигур в углу справа. Они пребывали в неестественной неподвижности. Конечно, это статуи. Я пытался сообразить, идти ли мне наверх, вниз или двигаться прямо вперед, и совсем уже было решил спускаться, так; как по теории врагов заточали в сырых подземных темницах, когда что-то в двух статуях снова привлекло мое внимание. Зрение уже несколько приспособилось к полумраку; и можно было разобрать, что одна из скульптур изображала седого старика, а другая — женщину. Я протер глаза и через несколько секунд сообразил, что вижу очертания своей руки — мое заклинание невидимости рассеивалось. Затем я направился к статуям. Старик держал пару плащей и шляпы, и это послужило намеком. Но я все равно поднял

подол его синего балахона. Во внезапно усилившемся свете фонтана я увидел, что на его правой ноге вырезано имя:

РИНАЛЬДО

Вот озорник! Женщина рядом со стариком оказалась Ясрой, так что уже не было необходимости ее разыскивать внизу среди крыс. Руки ее так же были вытянуты, словно она от чего-то защищалась, и кто-то повесил голубой зонтик на левую и светло-серый плащ-дождевик на правую, а на голову нацепил набекрень такую же непромокаемую шляпу. Лицо ее разрисовали, что сделало ее похожей на клоуна, и кто-то пришпилил на грудь зеленой блузки пару желтых кисточек. Свет за моей спиной вспыхнул еще раз, и я оглянулся посмотреть, что там происходит. Оказывается, фонтан теперь извергал похожий на жидкость огонь на двадцать футов. Он опускался, переполняя чашу, и выплескивался на каменные плиты пола. В моем направлении тек один крупный ручеек. И в этот момент меня заставил взглянуть наверх тяжелый смешок. Одетый в темный балахон и перчатки, чародей в кобальтово-синей маске стоял на лестничной площадке вверху, положив одну руку на перила, а другую напротив

на фонтан. Так как я предвидел нашу встречу, она не оказалась для меня неожиданностью. Когда пламя взмыло еще выше, образуя большую яркую башню, начавшую почти сразу же гнуться, а потом повалившуюся на меня, я широким жестом поднял руки и произнес слово для самого подходящего из трех подготовленных мною ранее защитных заклинаний. Зашевелились подпитанные энергией Логруса воздушные потоки, почти сразу же достигнув силы шквала и отшвырнув пламя прочь от меня. Затем я переместился так, чтобы оно направилось на стоящего наверху чародея. Тот мгновенно проделал пасс и пламя упало обратно в фонтан, уменьшившись до едва светящейся струйки. Ладно. Пат. Я здесь не для разборок с этим ретивым парнем.

Я пришел перехитрить Люка и выручить Ясру своими силами. Коль скоро она окажется моей пленницей, Амбер наверняка будет обезопасен от всего, что задумал Люк. Однако когда мои ветры стихли, и снова раздался смешок, я осознал, что гадаю, применяет ли этот чародей заклинания такие же, как и я. Или живя в присутствии подобного источника мощи, он сумел, добиться прямого управления силами и придавать им любую избранную форму. Если мое предположение

верно, то у него в рукаве практически неистощимый источник фокусов, и пожинать его плоды придется мне. И поэтому в любом состязании на его поле мой выбор практически сводится к бегству или вызову бомбардировщиков с атомными бомбами — то есть призванию самого Хаоса на помощь для уничтожения всего, что тут есть. А именно это-то я и не собирался делать — уничтожать все эти тайны, включая и тайну личности самого чародея, вместо поисков их раскрытия, могущего оказаться очень важным для благополучия Амбера. Перед чародеем в воздухе материализовалось металлическое копье, повисело с миг, а затем молниеносно устремилось ко мне. Я применил свое второе оборонительное заклинание, вызвав щит, отбивший его в сторону. Единственной альтернативой в данной ситуации я считал попытку научиться управлять здешними силами и попытаться обыграть этого парня. Но времени для тренировки сейчас не было. Мне требовалось выполнить свою задачу, как только я смогу выиграть для этого несколько секунд. Однако рано или поздно мне все же придется повозиться с ним на полную катушку, поскольку он, кажется, имел на меня зуб и вполне возможно, даже был инициатором нападения на меня в

лесу. В настоящий момент я не горел желанием заниматься исследованием местной мощи. Да и не удивительно, ведь Ясра оказалась достаточно умелой, чтобы обставить первоначально хозяина Крепости, Шару Гаррула, а этот парень в маске побил Ясру. Многое я дал бы за возможность узнать, почему у него на меня зуб…

— Что ты собственно хочешь? — крикнул я ему.

И сразу же знакомый металлический голос ответил:

— Твою кровь, твою душу, твой разум и твое тело.

— А как насчет моей коллекции марок? Можно мне оставить конверты первого дня гашения?

Я подобрался поближе к Ясре и обхватил ее правой рукой за плечи.

— Зачем тебе нужна эта женщина, странный ты человек? — спросил чародей. — Она — самый никчемный предмет в этой Крепости.

— Так почему же ты возражаешь против избавления от нее?

— Ты коллекционируешь марки, а я коллекционирую колдунов. Она моя, а ты следующий.

Я ощутил, как против меня снова поднимается мощь, и крикнул:

— Ты что-то имеешь против твоих братьев и сестер по Искусству?

Ответа не последовало, но воздух вокруг меня внезапно заполнился острыми, сверкающими предметами — ножами, топорами, метательными звездами, битыми бутылками. Я произнес слово для создания последней защиты. Завеса Хаоса, поднявшаяся вокруг меня, стрекочущая, дымовая завеса, защитила меня. Летевшие на меня предметы, попав в нее, мгновенно измельчались в космическую пыль.

Стараясь перекричать возникающий от этого грохот, я крикнул:

— Каким именем тебя называть?

— Маска! — громко отозвался чародей.

Не очень-то оригинально, подумал я, может, ожидая обращения к Джону Д. Макдональду — что-нибудь типа «кошмар в лиловом» или «кобальтовая маска»[6]. Ну Да ладно…

Я только что использовал последнее защитное заклинание, а также поднял левую руку, чтобы рукав с Козырем Амбера оказался в поле зрения. Я провернул дело почти в обрез, но еще не разыг-

---

[6] Примечания: 6

В названии романов Джона Д. Макдональда из серии о Тревиси Мак-Ги, великом сыщике интеллектуале, всегда присутствует какой-либо цвет.

рал все свои карты. Пока я только оборонялся и, кроме того, очень гордился тем заклинанием, которое находилось в резерве.

— Тебе не будет от нее никакого проку, — заявила Маска, когда оба наших заклинания нейтрализовались, и он приготовился к новому удару.

— С приветом, — буркнул я и завращал запястьями, нацелив пальцы, направляющие потоки, и произнес слово для нанесения ему упреждающего удара. — Око за око! — гордо воскликнул я, когда на Маску обрушилось содержимое целого цветочного магазина, похоронив его под самым большим букетом, который я когда-либо видел. В воздухе разнесся, приятный аромат. Наступила тишина. Я ощутил затухание враждебных сил и посмотрел на Козырь, устанавливая контакт, и когда мне это удалось, в груде цветов возникло шевеление, и Маска поднялась из, них, как Аллегория Венеры. Вероятно, мое изображение уже таяло, потому что он пригрозил:

— Я еще доберусь до тебя!

— Сладость за сладость, — откликнулся я, произнес хулиганское слово, завершающее заклинание, и на Маску обрушилась гора свежего навоза. Затем я шагнул в холл Амбера, неся с

собой Ясру. Возле буфета стоял Мартин со стаканом вина в руке и разговаривал с сокольничим Борсом. Он смолк, когда Борс уставился на меня, а потом повернулся и сам. Я поставил Ясру на ноги около дверей, так как не собирался возиться с наложенным на нее заклятием, потому что не знал, что с ней делать при оживлении. Поэтому я повесил на нее свой плащ, прошел к буфету и налил стакан вина, кивнув мимоходом Борсу и Мартину. Осушив стакан, я поставил его и предупредил их:

— Делайте все, что угодно, но не вырезайте на ее левой груди свои инициалы.

Потом я отыскал свободный диван, растянулся на нем и закрыл глаза.

— Что-то будет… — пробормотал я.

8

Было, полно дыма, гигантских червяков и множество вспышек разноцветных огней. Каждый звук рождался в виде образа, разгорался до максимума и мерк, слабея. Эти подобное молниям уколы существования, вызываемые из Теней и возвращаемые туда же видения. Червяк растягивался до бесконечности. Собакоголовые цветы норовили цапнуть меня, но позже виляли листьями. Столб дыма остановился перед зависшим в небе светофором. Червяк, нет, это была гусеница, улыбнулась. Начался медленный слепящий дождь и все проплывающие капли искрились… Что-то не так в этой картине. У меня возникли смутные подозрения. Поэтому я оделся, ибо не мог сказать наверняка. Хотя у меня оставалась ощущение, что этот редкий ландшафт не должен был течь так, как он тек.

— О, черт! Мерль…

«Чего еще надо Люку? Почему он не отцепился от меня? Всегда с ним проблемы!»

— Посмотри на это, а?

Я смотрел, как несколько ярких прыгающих мячиков или, может быть, комет, ткали гобелен

из света. Он падал на лес из зонтиков.

— Люк… — начал было я, но один из собакоголовых цветов укусил меня за руку, про которую я забыл, и все поблизости пошло трещинами, словно нарисованное на стекле, только что пробитом пулей. За ним виднелась радуга.

— Мерль! Мерль!

Это Дронна тряс меня за плечо, как засвидетельствовали внезапно открывшиеся глаза. А на диване, там, где недавно покоилась, моя голова, осталось влажное пятно.

Я приподнялся на локтях и протер глаза.

— Дронна… что?

— Не знаю.

— Чего ты не знаешь? Я хочу сказать… Черт! Что случилось?

— Я сидел вон в том кресле, — сказал он, — дожидаясь, когда ты проснешься. Мартин сообщил мне, что ты здесь. Я просто собирался передать, что Рэндом хотел увидеться с тобой, когда ты проснешься. Ты меня понял?

Я кивнул, а потом заметил, что из моей руки сочится кровь, точно из того места, куда меня укусил цветок.

— Долго я спал?

— Минут двадцать, не больше.

Я опустил ноги на пол и сел.

— Так почему же ты не разбудил меня?

— Ты козырялся.

— Козырялся? Во сне? Так не бывает! Ты уверен?

— В данный момент, к несчастью, я трезв, — пожаловался Дронна. — У тебя появилось радужное свечение, и ты начал таять. Тогда я подумал, что мне лучше разбудить тебя и спросить, хочешь ли ты этого на самом деле? Что ты перед этим пил? Растворитель для красок?

— Нет.

— Я попробовал его на своей собаке… один раз…

— Сны, — пробурчал я, массируя виски так, что в них застучало. — Вот и все. Сны.

— Их могут видеть и другие люди? Вроде путешествия в мир грез под воздействием наркотика?

— Я имел в виду не это.

— Нам лучше повидать Рэндома, — он повернулся к двери.

Я качнул головой.

— Чуть позже. Я намерен просто посидеть здесь и собраться с силами. Что-то тут не так.

Стена у меня за спиной, казалось, таяла, словно

отлитая из воска и поставленная слишком близко к огню.

— Похоже, настало время тревог и экскурсий, — заметил Дронна. — На помощь! — завопил он и выбежал в коридор.

Через пару секунд стена снова сделалась нормальной во всех отношениях, но я дрожал. Что за чертовщина тут происходит? Не сумела ли Маска наложить на меня заклятие, прежде чем я смотался? Если так, то на что оно направлено? Я встал и медленно заходил по комнате. Все теперь, казалось, было на месте. Я знал, что не все так просто, как порожденная моими недавними страхами галлюцинация, поскольку Дронна тоже видел ее. Выходит, что я не чокнулся. Это было что-то иное, а чем бы оно ни было, я чувствовал, что оно все еще таится поблизости. В воздухе теперь стояла определенная неестественная ясность, и все предметы в нем казались необычайно четкими. Я быстро обошел комнату, не представляя, что именно я ищу. И неудивительно, что ничего не нашел. Тогда я вышел в коридор. А не могла ли проблема заключаться в чем-то, что я приволок с собой? Может быть, Ясра, негнущаяся и раскрашенная, была Троянским конем? Я направился в главный холл. Не успел я сделать и

дюжины шагов, как передо мной возникла косая развертка света. Я заставил себя идти дальше, и она отступала по мере моего продвижения, меняя при этом форму.

— Мерль, пошли! — раздался голос Люка, но его самого видно нигде не было.

— Куда? — отозвался я, не замедляя шага.

Никакого ответа, но решетка посередине разделилась и две ее половинки распахнулись передо мной, словно ставни. Появился почти ослепительный свет, и мне подумалось, что в нем я мельком увидел кролика. Затем внезапно видение исчезло и единственное, что не давало мне поверить, будто все снова стало нормальным — это всего несколько мгновений смеха Люка, не имевшего никакого видимого источника. Я побежал. Может быть, на самом деле враг — это Люк, о чем меня предупреждали? Может, в процессе всего недавно случившегося мною каким-то образом манипулировали, и всего лишь с целью освободить Ясру из Замка Четырех Миров? И теперь, когда она находится в безопасности, не набрался ли он безрассудной смелости — вторгнуться в Амбер и вызвать меня на колдовскую дуэль, условий которой я даже не понимал? Нет, я не мог в это поверить. Я был убежден, что он не обладает

подобной мощью. Но даже если и обладал, то не посмел бы такое испробовать — ведь заложницей служила его мать. Мчась по коридору, я снова услышал его — отовсюду и ниоткуда. На этот раз он пел. У него оказался мощный баритон, а песню он выбрал шотландскую: «В стародавнюю пору». Может быть, это тоже что-то значило?. Я ворвался в холл. Мартин с Борсом ушли. Неподалеку от того места, где они стояли, я увидел на буфете пустые стаканы. А возле другой двери? Да, возле другой двери оставалась Ясра — прямая, неизменная, все еще державшая плащ.

— Ладно, Люк! Давай играть в открытую! — крикнул я. — Кончай эту ерунду и давай уладим дело!

— А?

Пение внезапно прекратилось.

Я медленно подошел к Ясре, изучая ее на ходу. Она совершенно не изменилась, если не считать шляпы, повешенной кем-то на другую руку. Я услышал донесшийся из недр дворца крик. Вероятно, это Дронна все еще поднимал тревогу.

— Люк, где бы ты ни был, если ты слышишь меня, то посмотри и послушай хорошенько — она у меня здесь. Видишь? Чего бы ты ни замышлял, не забывай об этом.

По комнате прошла сильная рябь, словно я стоял среди картины без рамы, которую кто-то только что решил тряхнуть, изогнуть, а потом натянуть получше.

— Ну?

Ничего…

А затем смешок:

— Мать-вешалка… ну-ну… Эй, спасибо, дружище Здорово… Не мог достать тебя раньше. Не знал, что ты добрался туда. Они разгромили нас наголову. Взял несколько наемников на дельта-планах, оседлали восходящие, потоки. Однако они оказались готовыми, раздолбали нас… потом точно не помню… Больно!

— Ты цел?

До меня донеслось нечто вроде рыдания как раз тогда, когда в холл, вошел Рэндом, а за ним виднелась долговязая фигура безмолвного, как смерть, Бенедикта.

— Мерль! — окликнул меня Рэндом. — Что происходит?

— Не знаю.

— Разумеется, я поставлю тебе рюмочку, — донесся очень слабый голос Люка.

По центру холла прокатилась огненная буря. Продолжалась она всего мгновение, а затем на ее

месте появился большой прямоугольник.

— Ты же колдун! — возмутился Рэндом. — Так сделай же что-нибудь!

— Я не понимаю, что это за чертовщина! — огрызнулся я. — Никогда не видел ничего подобного. Это похоже на магию, несущуюся черт знает куда, закусив удила.

В прямоугольнике стал проявляться силуэт с человеческими очертаниями. Форма его определилась, появились черты, одежда. Это был Козырь. Гигантский Козырь, висящий в воздухе, обретающий осязаемость. Это был… я. Я смотрел на собственное лицо, и оно глядело на меня. Я заметил, что я улыбаюсь.

— Пошли, Мерль, присоединяйся к компании, — услышал я слова Люка, и Козырь стал медленно вращаться вокруг вертикальной оси. Холл наполнился звоном, точно от стеклянных колокольчиков. Огромная Карта поворачивалась, пока я не увидел ее с ребра — черная прорезь. Затем темная линия расширилась, заколыхавшись, как раздвигающийся занавес, и я заметил скользящие за ним клочья интенсивного цвета. А также увидел гусеницу, курившую кальян, толстые зонтики и яркие сверкающие перила… Из щели появилась рука.

— Прямиком сюда.

Я услышал, как у Рэндома перехватило дыхание.

Меч Бенедикта внезапно нацелился на открывающуюся сцену, но Рэндом положил ладонь ему на плечо и проронил:

— Нет…

В обширном холле вновь повисла странная, бессвязная музыка, и она почему-то казалось вполне уместной.

— Пошли, Мерль.

— Ты являешься или исчезаешь? — осведомился я.

— И то, и другое.

— Ты дал мне обещание, Люк, — сведения в обмен на спасение твоей матери, — напомнил я. — Она у меня здесь. Так как насчет сведений?

— Что-то жизненно важное для твоего благополучия? — медленно переспросил он.

— Ты сказал, жизненно важное для благополучия Амбера.

— Ах, тот секрет?

— Я был бы рад услышать и другой тоже.

— Сожалею… Я продаю только один секрет. Который ты выбираешь?

— Безопасность Амбера! — выпалил я.

— Далт, — уведомил он.

— А что насчет него?

— Его мать была Дила Осквернительница.

— Это я уже знаю.

— А она попала в плен к Оберону за девять месяцев до его рождения. Оберон изнасиловал ее. Вот поэтому-то такое отношение Далта к вам.

— Дерьмо собачье, — буркнул я.

— Именно так я ему и сказал, когда услышал эту историю черт знает в который раз. А потом взял и подзадорил его пройти Лабиринт на небе.

— И?

— Он прошел.

— О!

— Мне только недавно стала известна эта история, — вмешался Рэндом, — от посланного мною в Кашеру эмиссара. Хотя я и не знал про то, что он прошел Лабиринт.

— Если вам это известно, то я все еще должен, — медленно, почти отвлеченно отозвался Люк. — Ладно, вот еще: после этого Далт навестил меня на Отражении Земля. Именно он-то и организовал налет на мой склад — украл весь запас оружия и специальные боеприпасы, а затем поджег дом, чтобы скрыть ограбление. Но я нашел свидетелей. Он заявится в любое время, но кто

его знает, когда?

— Еще один родственник катит в гости, — вздохнул Рэндом. — Но почему я не родился единственным ребенком?

— Делайте с этим что хотите, — заявил Люк, — Теперь мы квиты. Дай мне руку.

— Ты проходишь?

Он засмеялся и весь холл, казалось, накренился. Передо мной в воздухе появилось отверстие, и рука, появившаяся из него, сжала мою. Чувствовалось, что здесь что-то не так. Я попробовал протащить его к себе, но вместо этого почувствовал, что меня самого утаскивают к нему. Присутствовала безумная сила, с которой я не мог справиться, и вселенная, казалось, перекрутилась, когда она овладела мной. Созвездия передо мной расступились, и я снова увидел яркие перила. На них покоилась обутая в сапог нога Люка. Откуда-то сзади послышался голос Рэндома, кричавший:

— Б-двенадцать! Б-двадцать! И вон!

А потом я — никак не мог вспомнить, в чем же заключается проблема. Заведение оказалось просто чудесным, хотя и глупо, что я не распознал в зонтиках грибы… Я закинул на перила собственную ногу, когда Болванщик налил мне

кружку и долил Люку. Люк кивнул налево, и Мартовскому Зайцу тоже налили по новой. Шалтай-молодчина балансировал как всегда на краю. Труляля и Траляля, Додо и Лягушонок не давали музыке стихнуть, а Гусеница просто продолжала курить кальян. Люк хлопнул меня по плечу, а мне хотелось все что-то вспомнить, но воспоминания ускользали.

— Теперь все о'кей, — заявил Люк. — Все о'кей.

— Нет, что-то есть такое… не могу вспомнить…

Он поднял кружку и громко чокнулся со мной.

— Наслаждайся! — призвал меня он, — Жизнь — это кабаре, старина!

А Кот на табурете рядом просто продолжал улыбаться.

Знак Хаоса

Я ощутил смутное беспокойство, хотя и не мог, сказать, почему. Мне не казалось таким уж необычным пить с Белым Кроликом, невысоким парнем, похожим на Бертрана Рассела, улыбающимся Котом и моим старым другом Люком Гейнардом, распевавшим ирландские, баллады, и все это на фоне странного ландшафта, переходящего из фресок в реальность. На меня произвела все-таки впечатление Гусеница, курившая кальян на шляпке гигантского гриба, потому что я знал, как трудно не дать погаснуть такой трубке. И все же дело было не в живописной картине и не во всем этом. Обстановка была веселая. Искусство магии мной не вспоминалось, а Люк, как известно, иногда проводил время в весьма странных компаниях. Так отчего было мне ощущать беспокойство? Пиво подали неплохое, а к нему еще бесплатную закуску. Демоны, мучившие привязанную к колу женщину с рыжими волосами, сверкали так, что глазам было больно. Теперь они исчезли, но воспоминание осталось превосходное, и вообще, все было прекрасно.

Когда Люк пел о заливе Гелвой, тот так мерцал и казался таким красивым, что мне хотелось нырнуть в него и утонуть. Однако песня навевала и печаль. Что-то, связанное с печалью… Да, странная мысль. Когда Люк пел грустную песню, я ощущал меланхолию. Когда он разродился радостным маршем, я сиял от счастья. В воздухе, кажется, было слишком много эмпатии на кубометр. Полагаю, это не имеет особого значения, но игра света была поставлена превосходно… Я пригубил пиво и посмотрел, как качается Шалтай на противоположном конце стойки. Какой-то миг я пытался вспомнить, когда же я уже бывал в этом заведении, но если что и проскользнуло в сознании, то на ум все равно не пришло. В конечном итоге, я все равно это вспомню. Приятная вечеринка… Я смотрел и слушал, пробовал и ощущал, и все казалось великолепным. Завораживало буквально все, что привлекало мое внимание. Может быть, я что-то хотел спросить у Люка. Кажется так, но сейчас он пел, и все равно в данный момент я не мог думать. Что я делал перед тем, как попасть в это заведение? Попытка вспомнить это тоже не увенчалась успехом, так как именно тут и сейчас все было таким интересным. Но меня подсознательно тревожила мысль о чем-то

важном. Может быть, поэтому я, и ощущал беспокойство. Возможно, я оставил какое-то дело незавершенным и мне следует к нему вернуться? Я повернулся, чтобы спросить об этом у Кота, но он снова таял в воздухе. Похоже, он по-прежнему более чем навеселе. Тут мне пришло в голову, что я тоже могу это проделать. Я имею в виду растаять в воздухе, отправившись в какое-то другое место. Может, именно так я и попал сюда и так же смогу убраться отсюда? Может быть… Я поставил кружку и потер глаза и виски. В голове, казалось, все было в порядке. Неожиданно я вспомнил свой портрет. На гигантской Карте. На Козыре. Да. Именно так я и очутился здесь. Через Карту… Мне на плечо легла рука и я обернулся. Рука принадлежала Люку. Он улыбнулся мне и протолкнулся к стойке, чтобы налить по новой.

— Отличная вечеринка, а? — сказал он.

— Да, отличная. Как ты обнаружил это местечко? — удивился я.

Он пожал плечами.

— Забыл. А впрочем, какая разница?

Потом он отвернулся, и между нами закрутился недолгий буран из кристаллов. Гусеница выпустила из трубки пурпурное облако. Восходила голубая луна.

— Что же в этой картине не так? — подумал я.

Внезапно у меня возникло ощущение, что свои критические способности я потерял в пути, и поэтому не мог сосредоточиться на аномалиях присутствующих здесь. Я понимал, что увлечен мгновением, так как мог четко разглядеть второстепенное. Я увлечен… Я увлечен… Как?

— Как? — пробормотал я.

Ну… все это началось, когда я пожал руку самому себе. Нет. Хотя возможно… такая формулировка хороша для дзена, а дело обстояло не совсем так. Пожимаемая мною рука появилась из пространства, занимаемого моим изображением на той самой Карте… Да… именно так… в некотором роде… Я стиснул зубы. Снова заиграла музыка. Рядом со мной послышалось тихое поскребывание по стойке. Когда я посмотрел в направлении звука, то обнаружил, что кружка моя снова наполнена. Возможно, я и так хватил лишнего. Возможно, это-то и препятствовало четкости мышления. Я отвернулся и взглянул влево от стойки, в равномерно-посапывающее пространство, не замечая фрески, которая стала самым настоящим ландшафтом. Сделало ли это меня частью картины, изображенной на фреске? Я вдруг усомнился в правильности своего умо-

заключения.

— Л-а-а, ладно… — промычал я.

Если я могу думать… то отправлюсь… налево. Что-то в этом месте безобразничало с моей головой, и было совершенно невозможно анализировать этот процесс, являясь одновременно его участником. Чтобы правильно мыслить и определить, что все-таки происходит, мне требовалось отсюда убраться. Я прошел по бару и очутился у нарисованных камней и деревьев, ставших трехмерными. Врезавшись в ствол дерева, я выставил руки вперед. И ощутил дуновение ветра, не слыша его звука. Все это было нарисовано и, кажется, нисколько не приблизилось. Я двигался, но… Люк снова запел. Я остановился и обернулся — так и есть. Я удалился от стойки всего на несколько шагов. Люк улыбался и продолжал пение.

— Что происходит? — обратился я к Гусенице.

— Ты петляешь в петле Люка, — ответила она.

— Как-как?

Она выпустила голубое колечко дыма, тихо вздохнула и терпеливо пояснила:

— Люк заперт в петле, а ты заблудился в куплетах. Вот и все.

— Как это произошло? — заинтересовался я.

— Понятия не имею.

— Э-э-э… а как выбраться из этой петли?

— Этого я тебе сказать не могу.

Я повернулся к Коту, который вновь стал проявляться вокруг своей улыбки.

— Полагаю, ты тоже не знаешь… — начал, было, я.

— Я видел, как сначала появился он, а потом ты, — усмехнулся Кот. — И даже для этого места ваше появление выглядело несколько… необычным, что натолкнуло меня на мысль, что, по крайней мере, один из вас в связи с магией.

— От твоих собственных появлений иной раз тоже можно порядком напугаться, — заметил я.

— Я свои лапы не распускаю, — отозвался он. — А это уже больше того, что может сказать в свою защиту Люк.

— Что ты имеешь в виду?

— Он угодил в коварную ловушку.

— Как же она действует?

Но он снова исчез, на этот раз вместе с улыбкой. Коварная ловушка? Кажется, это намек на то, что я просто присоединился к решению проблемы, которая предназначалась для Люка. Такое умозаключение показалось мне верным, хотя и не давало ни малейшего представления о том, что это за проблема, и что с ней нужно делать.

Я потянулся за кружкой. Если я не в состоянии разрешить свою проблему, то вполне могу ею наслаждаться. Сделав небольшой глоток, я осознал, что в мое лицо вглядывается пара бледно-горящих глаз. Раньше я не замечал их, и странным их делало то, что находились они в затемненной части фрески на противоположной стороне помещения, а также то, что они двигались, медленно перемещаясь влево. В некотором роде это завораживало, и когда я потерял из виду глаза, то мог наблюдать за передвижением существа, которому эти глаза принадлежали, по колышущейся траве, когда оно оказалось в том месте, которое я хотел навестить несколько минут назад. А далеко-далеко справа, сразу за Люком, я заметил теперь стройного джентльмена в темной куртке с палитрой и кисточкой в руках, медленно материализующегося из фрески. Я глотнул еще немного и стал наблюдать за тем, что в данный момент из плоскостной реальности стало перемещаться в трехмерную. Между камнем и кустом высунулось рыло из ружейной стали, над рылом горели бледные глаза, с темной морды капала на землю синяя слюна. Существо это было либо очень невысоким, либо очень согнувшимся, и я никак не мог решить, изучает ли оно все обще-

ство или конкретно меня. Я наклонился и поймал Шалтая за пояс как раз тогда, когда он собирался плюхнуться на бок.

— Извините, — сказал я. — Вы не могли бы сказать мне, что это за существо?

Я показал на него рукой как раз в тот момент, когда оно появилось все — многоногое, длиннохвостое, с темной волосатой чешуей и к тому, же проворное. Когти его сверкали красным и, кинувшись к нам, существо подняло хвост. Затуманенный взгляд Шалтая встретился с моим и затем скользнул дальше.

— Я здесь не для того, сударь, — возмутился он, — чтобы уменьшать ваше невежество в зоо-ло… Боже мой! Это же…

Существо сверкало и быстро приближалось. Интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться сюда, учитывая мой недавний, эксперимент? Или тот эффект рассчитан лишь на мои попытки убраться отсюда? Сегменты тела существа скользили относительно друг друга, оно шипело, точно спущенная камера или вода, попавшая на раскаленную сковороду, и испаряющаяся слюна отмечала его след на картине. Скорость продвижения существа не только не уменьшилась, а даже возросла. Моя левая рука

самопроизвольно двинулась вперед, к горлу подступило несколько непрошеных слов. Произнес я их как раз тогда, когда эта тварь запросто пересекла тот промежуток, который ранее не дался мне, и сжала челюсти, как бы готовясь к прыжку.

— Брандашмыг! — заорал кто-то.

— Злопастный Брандашмыг, — поправил Шалтай.

Когда я произнес последнее слово и проделал завершающий жест, перед моим внутренним взором поплыл образ Логруса. Томная тварь, только что выпустившая когти на передних лапах, внезапно убрала их назад, схватилась лапами за верхнюю часть своей груди, выкатила глаза, издала тихий стон, рухнула и осталась лежать на спине, вытянув вверх свои многочисленные ноги. Над тварью возникла улыбка Кота и его рот зашевелился:

— Мертвый Злопастный Брандашмыг, — констатировал он.

Улыбка поплыла ко мне, а вокруг нее собрался весь Кот.

— Это было заклинание останови сердца, да? — поинтересовался он, обратившись ко мне.

— Полагаю, да. Это получилось у меня совершенно рефлекторно. Да, теперь припоминаю, это

заклинание я все время держал наготове.

— Так я и думал. Я был уверен, что на нашей вечеринке присутствует магия.

Появившийся во время произнесения заклинания образ Логруса послужил также и для другой цели, включив свет в темном чердаке моего мозга. Колдовство… Ну, конечно. Я, Мерлин, сын Корвина — колдун, причем такой, какие редко встречаются в тех краях, где я частенько бывал в последние годы. Лукас Гейнард, известный также под именем Ринальдо из Кашеры, тоже колдун, но несколько иного плана, чем я. И Кот, казавшийся довольно искушенным в этих делах, вероятно, не ошибался, решительно проанализировав наше положение и заявив, что мы угодили в магическую ловушку. Такая ситуация, одна из немногих, при которых моя чувствительность и тренировка плохо уведомляют меня о природе затруднительного положения. Такое случается, так как мои свойства тоже попадают под действие заклятья и подвержены его силам, если эта штука вообще саморегламентируется. Короче, мое положение походит на дальтонизм. Я не мог придумать ни одного способа, позволяющего с уверенностью определить, что происходит, без помощи извне. Пока я размышлял над ситуацией, к заведению

прибыла королевская конница и королевская рать. Вошедшие ратники обвязали веревками тушу Брандашмыга. А конница уволокла ее. Пока это происходило, Шалтай слез с табурета у стойки и отправился на свидание с туалетом. По возвращении он обнаружил, что не в состоянии занять прежнее место у стойки. Он крикнул королевским ратникам, требуя помочь ему, но те были заняты погибшим Брандашмыгом, протаскивая его меж столиков, и не обратили на него внимания. К нам подошел улыбающийся Люк.

— Так значит, это был Брандашмыг, — заметил он. — Я всегда хотел узнать, на что они похожи. Вот если бы мы могли еще устроить так, чтобы рядом появился Бармоглот.

— Ш-ш-ш… — предостерег его Кот. — Он должен быть где-то на фреске и, наверное, прислушивается. Не будите его! Он может вылететь из засады, полыхая огнем. Помните, он свиреп и дик! Не напрашивайтесь на непри… — Кот бросил быстрый взгляд в сторону стены и мгновенно несколько раз последовательно пропал и появился.

Не обращая на него внимания, Люк заметил:

— Я как раз вспомнил об иллюстрациях Топпиала.

Кот материализовался у противоположного

конца стойки, отдал кружку Болванщику и сказал:

— Слышу кулдыканье. Огненные глаза перемещаются влево.

Я взглянул на фреску и тоже увидел горящие глаза и услышал странный звук.

— Это может быть кто угодно из живых существ, — предположил Люк.

Кот двинулся к полкам за стойкой и протянул лапу вверх, где на стене висело странное оружие, переливаясь и смещаясь в тени. Он снял эту штуковину и толкнул ее по стойке. Она скользнула по поверхности и замерла перед Люком.

— В такой момент хорошо иметь Булатный Меч, вот что я могу сказать.

Люк рассмеялся, а я заворожено уставился на это устройство, выглядевшее так, точно его сделали из крыльев мотыльков и свернутого спиралью лунного света. И тут я вновь услышал кулдыканье.

— Не стой тут просто, дум глубоких полон — бросил Кот, осушив стакан Шалтая и снова исчезая.

По-прежнему усмехаясь, Люк протянул свою кружку, чтобы вновь ее наполнить, а я стоял, глубоких полон дум. Примененное мною для уни-

чтожения Брандашмыга заклинание изменило ход моих мыслей. В последовавший за этим долгий или недолгий миг у меня в голове, кажется, начало проясняться. Я решил, что это благодаря недолго виденному мною образу Логруса. И поэтому я вызвал его вновь. Знак возник передо мной, паря в воздухе. Я задержал его и смотрел. Казалось, в моей голове снова повеяло холодным ветром. Осколки памяти притягивались друг к другу, собираясь в цельную ткань, наделенную пониманием. Ну, конечно… Кулдыканье стало громче, и я заметил плывущую среди отдаленных деревьев тень Бармоглота с глазами, похожими на посадочные огни и с множеством острых граней, предназначенных для кусания и хватания… И это не имело теперь ни малейшего значения, ибо я понял, что происходит, кто в ответе, как и почему. Я согнулся, наклонившись пониже, так что чуть задел костяшками пальцев носок правого сапога.

— Люк! — позвал я. — У нас есть одна проблема.

Он отвернулся от стойки и спросил:

— А в чем дело?

— Так, пустячок, — буркнул я.

Те, в чьих жилах течет кровь Амбера, способны

на потрясающие силовые аттракционы. Мы также способны выдержать довольно сильный удар. Поэтому среди своих это качество взаимно аннулируется. Следовательно, к таким делам нужен исключительно правильный подход, если ты вообще намерен что-то предпринять или изменить… Я взметнул свой кулак от самого пола и со всей силой, которую только мог в него вложить, нанес Люку такой удар в челюсть, что моего друга приподняло над полом, перевернуло. Он упал на стол, который от этого развалился. Но Люк продолжал скользить на спине в другой конец бара, где и остановился, наконец, весь помятый у ног тихого джентльмена викторианского вида, который выронил кисть и быстро отшатнулся в сторону, когда Люк затормозил у его ног. Я поднял левой рукой кружку и вылил ее содержимое на правый кулак, которым я, казалось, врезал по скале. Как только я все это проделал, свет померк и наступил, миг полнейшей тишины. Затем я бухнул кружкой о стойку.

И именно в этот момент помещение содрогнулось, будто в преддверии землетрясения. С обширной полки свалились две бутылки, закачалась лампа, кулдыканье стало слабее. Я взглянул налево и обнаружил, что жуткая тень Бармоглота

несколько отступила в заросли. Более того, нарисованная часть перспективы теперь протянулась гораздо дальше в нормальное пространство и, похоже, продолжала наступать в этом направлении, превращая трехмерное пространство в плоскую неподвижность. Судя по звукам, Бармоглот теперь удалился налево, спеша опередить продвижение плоскостей. Труляля, Траляля, Додо и Лягушонок принялось упаковывать свои инструменты. Я направился через бар к распростертому телу Люка. Гусеница разбирала кальян, и я заметил, что ее гриб склонился под странным углом. Белый Кролик удрал в нору под стойкой, и я слышал, как бормотал проклятья Шалтай, качаясь на табуретке, куда только что сумел вскарабкаться. Я махнул джентльмену с палитрой и приблизился к нему.

— Извините за беспокойство, — поклонился я ему, — но поверьте, это к лучшему.

Я поднял обмякшее тело Люка и перекинул его через плечо. В мою сторону устремилась стая игральных карт. Я отпрянул, чтобы не мешать их стремительному полету.

— Господи Боже! Это напугало Бармоглота! — заметил позади меня джентльмен с палитрой.

— Что? — переспросил я, не уверенный, дей-

ствительно ли я желаю это знать.

— Это, — ответил он, показывая в сторону передней части бара.

Я посмотрел и понял, что Бармоглот проявил не трусость, а благоразумие. В бар только что вошел двенадцатифутовый Огненный Ангел, какого-то красновато-коричневого цвета с крыльями, похожими на матовые окна. Наряду с намеками на смертность, он напоминал мне богомола. На нем был ошейник с шипами, из короткого меха при каждом его движении высовывались многочисленные, похожие на тернии, когти. Один из когтей зацепился и сорвал с петель шатающуюся дверь, когда существо протиснулось внутрь. Это был зверь Хаоса — редкий, смертоносный и высокоразумный. Я уже много лет не видел ни одного такого и не желал бы видеть сейчас. Я ничуть не сомневался, что находится он здесь из-за меня. В какой-то миг я пожалел, что потратил заклинание остановки сердца на всего лишь какого-то заурядного Злопастного Брандашмыга. Но тут я вспомнил, что у Огненных Ангелов три сердца. Я оглядывался, когда он заметил меня, издал короткий охотничий вой и устремился в мою сторону.

— Мне хотелось бы иметь побольше времени, чтобы поговорить с вами, — сказал я художни-

ку. — Мне нравится ваша работа, но к несчастью…

— Я понимаю…

— Пока!

— Желаю удачи.

Я шагнул в кроличью нору и побежал пригнувшись, так как мешал низко нависающий потолок. Люк порядком затруднял мое передвижение, особенно на поворотах. Позади послышался скребущий звук. Охотничий вой повторился. Однако меня немало утешала мысль, что для того, чтобы пройти, Огненному Ангелу, потребуется увеличить некоторые участки туннеля. Но, с другой стороны, он был способен это сделать. Эти твари невероятно сильны и практически неуничтожаемы. Я бежал до тех пор, пока у меня под ногами, не провалился пол. Я стал падать, протянув свободную руку и пытаясь ухватиться за что-нибудь, но держаться было не за что. Дна не было. Хорошо. Именно на это я и надеялся и наполовину ожидал, что так произойдет. Люк издал единственный тихий стон, но не шевельнулся. Мы падали… Вниз, вниз, вниз… Это был колодец либо очень глубокий, либо, мы очень медленно падали. Нас окружали сумерки и я не мог различить стен шахты. В голове у меня

прояснилось еще больше, и я понял, что падение будет продолжаться до тех пор, пока я сохраняю контроль над одной переменной — Люком. Высоко вверху снова раздался охотничий вой. За ним опять последовал странный кулдыкающий звук. Фракир тихо запульсировал на моем запястье, не сообщив, в общем, ничего такого, чего бы я не заметил. Поэтому я заставил его замолчать. Еще прояснение… Я стал вспоминать свое нападение на Замок Четырех Миров, где я обнаружил мать Люка, Ясру. Нападение оборотня. Свой странный визит к Вианте Бейль, оказавшейся на самом деле совсем не тем, чем она должна была быть… Ужин в Закоулке Смерти… Страж… Сан-Франциско… Хрустальная пещера… Все яснее и яснее… и все громче и громче вой Огненного Ангела сверху. Вероятно, он пробрался через туннель и теперь опускается. К несчастью, он обладает крыльями, в то время как я могу только падать. Я посмотрел вверх, но не смог различить его силуэта. Наверху казалось еще темнее, чем внизу. Я надеялся, что уже приближаюсь ко дну или тому, что дно заменяет, так как не мог придумать никакого другого выхода. Слишком темно, чтобы разглядывать Козырь, или в достаточной степени разобрать проносящиеся мимо детали, чтобы прибегнуть к

смещению Отражения. Я почувствовал, что, вероятно, не падаю, а плыву, причем со скоростью, которая обеспечит сохранение нас в целости при приземлении. К тому же, если на самом деле это не так — то есть средство, могущее еще более замедлить спуск — адаптация еще одного из неиспользованных мною заклинаний. Однако эти соображения мало чего стоили, если по дороге вниз нас съедят в случае, если преследователь голоден. Правда, он также легко может нас расчленить. Следовательно, возникает необходимость в увеличении скорости, чтобы оторваться от преследующего нас Огненного Ангела. А это приведет к тому, что мы разобьемся в лепешку, когда достигнем дна. Ох уж эти мне проблемы… Люк слегка шевельнулся на моем плече. Я надеялся, что он не собирается очнуться, так как у меня не было времени возиться с заклинанием сна, и мое положение не позволяло мне нокаутировать его вторично. В запасе оставался только Фракир. Но если Люк приходит в себя, то удушье только поможет ему очнуться и не приведет к потере сознания. К тому же, он требовался мне в приличной форме. Он знал многое, чего не знал я, и в чем я сейчас особенно нуждался. Между тем спуск проходил по участку намного более свет-

лому, и мне впервые удалось различить стены шахты и заметить, что их испещряют надписи от руки на неизвестном мне языке. Это напомнило мне рассказ Ямайки Какнака, но не подсказало, как выйти из создавшейся ситуации. Сразу же после того, как светлый участок кончился, я разглядел далеко внизу небольшое пятнышко света. И почти в тот же миг я услышал вой — теперь уже слишком близкий. Я взглянул вверх как раз вовремя, чтобы увидеть опускающегося через светлый участок Огненного Ангела. Позади него виднелся и другой силуэт. Бармоглот тоже отправился вниз и, кажется, показывал лучшее время, чем, любой из нас. Мне мгновенно пришло на ум соображение по поводу его цели. Когда преследователи приблизились, а пятно света внизу увеличилось, Люк опять шевельнулся. Однако в этот момент мы получили небольшую отсрочку, так как Бармоглот настиг, наконец, Огненного Ангела и напал на него. Свист, стон и кулдыканье разнеслись по шахте гулким эхом. Слышались и другие звуки — шипение, скрежет о стенку, а иной раз и рычание. Два зверя сошлись в жестокой схватке и рвали друг друга, с глазами, словно умирающие солнца, когтями, похожими на штыки, образуя адскую пляску смерти в свете,

хорошо доходившем до них снизу. Их смертельная схватка не вызывала во мне оптимизма, но все же замедлила их продвижение до такой степени, что я понял, рисковать с малоподходящим заклинанием не требуется и можно спокойно выбираться из туннеля в целости и сохранности.

— Уф! — издал звук Люк, неожиданно поворачиваясь у меня в руках.

— Согласен, — отреагировал я, — но не, двигайся, ладно? Мы того гляди расшибемся.

— И сгорим, — заявил он, поворачивая голову вверх, чтобы посмотреть на сражающихся чудищ, а затем вниз, когда он сообразил, что мы падаем. — Что за странный путь ты избрал?

Отверстие теперь стало еще больше, а скорость замедлилась, что предоставляло возможность сносно приземлиться. Заклинание, названное мной «Оплеуха Великана», вероятно, замедлит наше движение до полной остановки или немного вознесет нас обратно. Но лучше получить несколько синяков в данный момент, чем стать препятствием на пути борющихся чудовищ. И впрямь плохой путь… Я думал о словах Рэндома, когда мы под безумным углом миновали отверстие, ударились оземь и покатились. Спуск наш закончился в пещере неподалеку от

ее входа. Направо и налево шли туннели. Вход в пещеру оказался за моей спиной. Один мимолетный взгляд показал, что он ведет, в солнечную и зеленую долину, плохо сейчас видную. Люк неподвижно растянулся рядом со мной. Я быстро поднялся, схватил его под мышки и поволок от темного отверстия, из которого мы только что вывалились. Звуки схватки Огненного Ангела и Бармоглота слышались совсем близко. Хорошо, что Люк вновь оказался без сознания. Если моя догадка верна, его состояние достаточно плохое для любого амберита. Но для амберита с колдовскими способностями оно представляет собой крайне опасную разновидность магического сна, с которым я никогда ранее не встречался. И я совершенно не имел понятия, как именно следует с ним обращаться. Я поводок его к туннелю справа, так как он был уже других, и теоретически защищаться в нем будет легче. Не успели мы укрыться за поворотом, как из отверстия вывалились два зверя, терзая и разрывая друг друга. Они катались по полу пещеры, щелкая когтями, издавая шипение и свист при особенно удачных ударах. Казалось, они совершенно забыли о нас. Я воспользовался этим и продолжил отступление по туннелю, пока основательно в него не углубился.

Я мог только предполагать, что догадка Рэндома верна. В конце концов, он ведь музыкант и играл во всех Отражениях. К тому же сам я ничего лучшего предложить не мог. Я вызвал знак Логруса. Когда я добился его четкости и зацепил им свои руки, то мог бы применить его для удара по дерущимся зверям. Но они не обращали на меня никакого внимания, а я не желал привлекать к себе их взгляды. И к тому же я не был уверен, что удар, эквивалентный удару брусом два на четыре дюйма толщиной, подействует на них с достаточной силой. Кроме того, заказ мой был готов, и воспользоваться им надлежало сейчас. Поэтому я протянул руки к Логрусу. Потребовалось бесконечно долгое время. Пришлось пройти крайне широкий район Отражений, прежде чем я нашел то, что искал. Затем мне пришлось повторить этот процесс много раз. А потом и еще раз… Вещей требовалось много и все они находились далеко. В то же время сражавшиеся звери не показывали ни малейших признаков ослабления, их когти высекали искры из стен пещеры. Они поранили друг друга в бессчетном количестве мест, и тела их покрывала темная кровь. Неожиданно Люк вновь очнулся, приподнялся и заворожено уставился на схватку. Я не

знал, сколь, долго она будет привлекать к себе его внимание. Теперь мне было важно, чтобы он пребывал в сознании, и я от души радовался, что он не вспоминал о других делах. Я, кстати, болел за Бармоглота. Тот был просто скверным зверем, и он не обязательно нацеливался на меня, когда его отвлекло появление в баре Огненного Ангела, который играл совершенно иную роль. Ему не полагалось находиться на таком удалении от Хаоса, если только его не послали по мою душу. Их дьявольски трудно изловить, еще труднее обучить и опасно укрощать. Поэтому с ними немалые расходы и риск. Никто не тратит сил на Огненного Ангела за здорово живешь. Их главная цель — убивать, и насколько я знаю, никто и никогда не применял их в качестве слуг, кроме как при Дворе Хаоса. Они обладают огромным количеством чувств, некоторые из них явно из ряда вон выходящие и могут использоваться, например, при преследовании дичи по Отражениям. Сами по себе они не скитаются по Отражениям — уж это-то я знал. Перемещающегося по Отражениям можно выследить, а Огненные Ангелы, кажется, способны взять очень холодный след, коль скоро в нем впечатана неповторимая личность жертвы. Так вот, я попал по Козырю в тот сумасшедший

бар и не знал, могут ли они проникнуть вслед. Но мне пришла в голову мысль, что обнаруживший меня переправил эту тварь поближе и выпустил, чтобы она сделала свое дохлое дело. Чьих бы рук это дело ни было, но без Хаоса здесь не обошлось. Отсюда и мое быстрое превращение в болельщика Бармоглота.

— Что тут происходит? — внезапно спросил меня Люк. И стены пещеры на мгновение растаяли, и я услышал слабый музыкальный аккорд.

— Сразу объяснить сложно. Слушай, тебе пришло время принять лекарство.

Я высыпал на ладонь пригоршню принесенных мною только что таблеток витамина Б-12 и открыл бутылку воды, тоже только что вызванную мною из Отражения.

— Что за лекарство? — осведомился он, когда я передавал ему таблетки.

— Предписанное врачом. Оно быстро поставит тебя на ноги.

— Ну, ладно.

Люк кинул таблетки в рот и запил их одним большим глотком.

— Теперь вот эти.

Я открыл бутылочку «Торазина». Каждая таблетка была в 200 миллиграммов, я не знал, сколь-

ко ему следует принять, и очень разумно решил, что три. Дал я ему также триптофана и немного финалаламина. Он уставился на пилюли. Стены вновь растаяли, и вернулась музыка. Мимо нас проплыло облачко голубого дыма. Внезапно в поле зрения появился бар, недавно нами покинутый. Перевернутые столы поставили на место. Шалтай все еще болтался. И фреска никуда не исчезла.

— Клуб! — воскликнул Люк. — Нам следует вернуться. Вечеринка, наверное, только-только разгулялась.

— Сперва прими лекарство.

— Для чего?

— Ты подцепил какую-то дрянь, и лекарство поможет тебе излечиться.

— Я чувствую себя почти отлично.

— Прими!

— Ладно, ладно!

Он проглотил все одним махом. Бармоглот и Огненный Ангел теперь просто таяли, и мой жест в сторону стойки, задевавший ее, встретил некоторое сопротивление, хотя она и не стала совсем твердой. Неожиданно я заметил Кота, который благодаря своей материализации казался сейчас наиболее реальным, чем все остальное.

— Вы появляетесь или исчезаете? — поинтересовался он.

Люк начал подниматься. Свет разгорался, хотя и стал, рассеянным.

— Люк, взгляни-ка, — показал я.

— Что? — спросил он, поворачивая голову.

Я снова врезал ему в челюсть. Когда он рухнул, бар начал таять. Стены пещеры вновь обрели четкость. Я услышал голос Кота: «Исчезаете?» Шум схватки стал слышен в полной мере, только на этот раз преобладал визгливый вой, похожий на звук волынки. Он доносился со стороны Бармоглота, прижатого к земле и раздираемого на части. Я решил применить заклинание «Четвертое Июля», оставшееся у меня после нападения на цитадель. Подняв руки, я произнес магическое слово. При этом я встал перед Люком, загородив ему обзор, и, произнося магическое слово, я отвернулся и плотно зажмурил глаза. Даже сквозь закрытые глаза я ощутил место, где ярко вспыхнул свет. Я услышал, как Люк сказал: «Эй!», но все другие звуки внезапно прекратились. Когда я снова посмотрел на поле битвы, то заметил, что оба чудовища лежат, точно оглушенные, не двигаясь, у противоположной от нас стороны пещеры. Я схватил Люка за руку и втащил его к себе

в пещеру, только раз поскользнувшись на крови чудовищ, когда пробирался вдоль ближайшей стены, направляясь к выходу из пещеры. Прежде чем я успел добраться до отверстия, чудовища стали шевелиться, но их движения скорее были рефлекторными, чем целеустремленными. У выхода я, остановился и посмотрел на огромный сад, в котором цвели все растения без исключения. Все цветы, были высотой, по меньшей мере, с меня, ветерок донес благоухание. Спустя несколько мгновений я услышал за спиной более решительное движение и обернулся. Бармоглот кое-как поднялся. Огненный Ангел все еще был в нокауте и издавал тихие свистящие звуки. Бармоглот, пошатываясь, отступил, затем неожиданно повернулся, забил крыльями и улетел обратно в отверстие, через которое вся наша компания оказалась здесь. Неплохая мысль, похвалил я его и поспешил уйти в сад. Здесь ароматы стали еще сильнее. Цветы, по большей части распустившиеся, образовали фантастически разноцветный полог, укрывавший меня, когда я пересекал сад. Скоро я запыхался, но продолжал передвигаться трусцой. Люк довольно тяжел, но я хотел как можно больше увеличить расстояние между нами и пещерой. Учитывая скорость, с которой

мог передвигаться Огненный Ангел, я не был уверен, хватит ли нам времени на упражнения с Козырем. Надышавшись ароматом цветов, я стал ощущать некоторое головокружение, и мои конечности словно онемели. Мне пришла в голову мысль, что запах цветов, возможно, оказывает легкое наркотическое воздействие. Великолепно! Только этого мне и не хватало — поймать кайф, пытаясь вывести из такого же состояния Люка. Однако вдали я разглядел небольшую поляну, находившуюся на пригорке, и направился к ней. Я надеялся там немного отдохнуть и принять решение, что делать дальше. Пока я не слышал никаких звуков погони. По мере продвижения я почувствовал, что шатаюсь. Я терял равновесие и контроль над конечностями. Появилась боязнь падения, почти родственная страху высоты. Ибо мне пришло в голову, что если я упаду, то больше не смогу подняться. Я боялся забыться в пьяном сне, во время которого меня найдет и прикончит чудовище Хаоса. Разноцветье над головой сливалось в сплошной покров, колышущийся и переплетающийся, словно масса лент в ярком потоке. Я попытался управлять дыханием, чтобы вдыхать как можно меньше испарений цветов, но это оказалось трудным делом, так как я за-

пыхался. Однако я не упал, а опустился рядом с Люком в центре поляны после того, как положил его на землю. Люк оставался без сознания, на его лице было выражение покоя. Легкий ветерок овевал холмы, на противоположной стороне которых произрастали колючие растения, на вид совсем не похожие на цветы. Таким образом, я больше не вдыхал соблазнительного запаха гигантского поля цветов, и через некоторое время у меня в голове стало проясняться. Но я тут же сообразил, что ветерок унесет наш запах в сторону пещеры. Я сомневался, сможет ли Огненный Ангел распознать его среди цветочных ароматов, но даже малая вероятность этого заставила меня почувствовать себя весьма неуютно. Много лет назад, еще будучи на третьем курсе, я попробовал ЛСД. Это так сильно напугало меня, что с тех пор я не притрагивался ни к одному галлюциногену. Теперь же выяснилось, что запах цветов повлиял на мою способность перемещать Отражения. Есть своего рода убеждение, что амбериты могут посетить любое место, какое только смогут вообразить, так как где-то среди Отражений оно обязательно отыщется. Комбинируя свою мысль с движением, мы можем настроиться на искомое Отражение. К несчастью, сейчас я не

мог контролировать воображение. И вообще, зачем я сюда попал? Когда я попробовал ЛСД, то ударился в панику, и это только ухудшило дело. Я легко мог уничтожить себя, так как бродил по воплощенным джунглям своего подсознания и провел какое-то время в таких местах, где обитают чрезвычайно злобные твари. Через некоторое время действие снадобья пошло на спад, и я нашел дорогу домой, я заявился, хныча, на порог к Джулии и после этого не один день оставался нервным калекой. Позже, когда я рассказал об этом Рэндому, то узнал, что и он испытывал нечто подобное. Сначала он держал это знание при себе, так как считал его возможным тайным оружием против остальных членов семейства, но позже, после установления приличных отношений друг с другом, он решил в интересах выживания поделиться этой информацией. И очень удивился, когда узнал, что Бенедикт, Жерар, Фиона и Блейз — были отлично об этом осведомлены, хотя их знание было основано на действии других галлюциногенов, и, странное дело, только Фиона когда-то учитывала возможность использования этого в качестве внутрисемейного оружия. Но она тоже не стала использовать его из-за непредсказуемости действия. Вся история оставалась

в далеком прошлом, и в водовороте иных дел последних лет сведения как-то вылетели из головы Рэндома, ему просто не пришло в голову, что таких, как я, следовало бы предостеречь. Люк рассказал мне, что его попытка вторгнуться в Замок Четырех Миров при помощи «коммандос» на дельтапланах была отражена. Поскольку в ходе моего собственного визита в эту цитадель я в различных местах видел обломки искалеченных дельтапланов, логично было бы предположить, что Люк, угодил в плен. Следовательно, если развить эту мысль дальше, колдун в маске виноват во всем, что касается нынешнего состояния Люка, да и моего тоже. Для этого достаточно подложить небольшую дозу галлюциногена в рацион узника. Люк не видел ничего более опасного, чем яркие вариации на тему Льюиса Кэррола. Возможно, Люк чище душой, чем я. Но, как ни смотри, дело это странное. Маска мог убить его или заточить в тюрьму, или увеличить коллекцию вешалок. Вместо этого, определенным образом рискуя, он оставил Люка на свободе, хотя и наказал. Больше всего это напоминало снисходительное похлопывание по спине, нежели месть. И это-то с членом семьи, имевшей прежде власть над замком и, несомненно, желавшей вернуть ее.

Неужели Маска был настолько уверен в себе и в своем полном превосходстве? Или он не видел в Люке большой угрозы? И потом не является тайной, что наши способности к колдовству, а также перемещения по Отражениям происходят из схожих корней — Лабиринта или Логруса. И что приводит к расстройству одного, должно приводить в расстройство другого. Это объясняло странный вызов меня к Люку посредством посылки Козыря большого размера — его усиленные наркотиком способности к визуализации стали настолько интенсивными, что физического представления меня на Карте и не понадобилось. И его магические способности, дезориентированные галлюциногеном, были в ответе за все странные, искажающие реальность испытания, которые мне пришлось пережить перед тем, как он действительно добился контакта. Это означало, что любой из нас мог стать чрезвычайно опасным при определенных обстоятельствах. Надо было это законсервировать в своей памяти и хорошенько запомнить. Я надеялся, что, когда он придет в себя, то не будет взбешен из-за того, что я его ударил, во всяком случае, прежде чем я смогу поговорить с ним. С другой стороны, будем надеяться, что транквилизаторы продержат его

в подавленном состоянии до тех пор, пока не сработают препараты, очищающие от воздействия наркотиков.

Я помассировал побаливающие мускулы, а затем встал. Подхватив Люка на, руки, проволок его шагов двадцать по поляне. Затем вздохнул и вернулся на прежнее место отдыха. Когда среди цветов раздался охотничий вой и головки их заколыхались вдоль линии, ведущей прямо ко мне, и среди стеблей уже становилась видна темная фигура, я понял, что с бегством Бармоглота Огненный Ангел вернулся к первоначальной цели. А поскольку столкновение казалось неизбежным — поляна, где мы находились, вполне подходила для встречи с ним. Я отстегнул от пояса яркую штучку и начал раскладывать. Пока я это проделывал, она издала серию щелчков. При этом я размышлял над тем, что делаю наилучший выбор из всех доступных. Чудищу потребовалось больше времени, чем я рассчитывал, чтобы пробраться сквозь цветы. Это могло означать только одно: ему трудно было взять мой след среди такого экзотического окружения. Однако я рассчитывал и на то, что оно порядочно пострадало в стычке с Бармоглотом, в какой-то мере потеряв силу и быстроту передвижения. Но как бы там

ни было, в конечном итоге заколыхались и были сломаны последние стебли. Зверь Хаоса остановился, наклонившись вперед, и уставился на меня неморгающими глазами. Фракир испугался, но я его быстро успокоил. Это дело было ему не под силу. В запасе у меня оставалось заклинание «Фонтан Огня», но я даже не стал утруждать себя им. Я знал, что оно не остановит этой твари и, возможно, заставит вести себя непредсказуемо.

— Я могу показать тебе обратную дорогу к Хаосу! — крикнул я. — Если ты тоскуешь по дому!

Зверь тихо завыл и двинулся на меня. Вот вам и все сантименты. Подходил он медленно. Из дюжины его ран сочилась жидкость. Я гадал, способен ли он ринуться, или скорость, с которой он приближался, самая наибольшая, на какую был способен. Следовало быть осмотрительным и предполагать самое худшее, поэтому я попробовал не связываться с ним и приготовился ответить на все, что он попытается сделать. Однако он не ринулся наобум. Он просто продолжал приближаться, как маленький танк. Я не знал, где расположены у него жизненно-важные органы. Когда я жил дома, анатомия Огненных Ангелов не находилась в первых строчках моих интересов. Пока он приближался, я попытался

как можно внимательнее рассмотреть его. К счастью, внешний вид этой погани заставил меня предположить, что все важное он держит под хорошей защитой. Жаль… Я не хотел нападать даже в случае, если он попытается спровоцировать меня на что-то. Я не знал его боевых приемов и не желал раскрываться первым, чтобы познакомиться с ним. Лучше обороняться и предоставить ему сделать первый ход. Но гадина просто продолжала подходить все ближе и ближе. Я понял, что вынужден буду вскоре что-нибудь предпринять, хотя бы просто отступить. Одна из длинных и многосуставчатых конечностей метнулась ко мне и я резко уклонился вбок и рубанул. Вз-з! Конечность очутилась на земле, все еще двигаясь! Поэтому я тоже продолжил движение. Вз-з! Вз-з! Зверь медленно опрокинулся влево, так как я ударил по всем конечностям с этой стороны его тела. Затем, почувствовав самоуверенность, я проскользнул слишком близко, огибая его голову, чтобы добраться до другой стороны и повторить атаку, пока он все еще пребывал в прострации. Оставшиеся конечности метнулись вперед, но я был слишком близко, и он все еще падал. Вместо того чтобы схватить меня, он просто ударил. Удар пришелся по груди, и я упал. Отползая назад и

подтягивая ноги для прыжка, я услышал, как Люк пьяно пробормотал:

— Эй, что происходит?

— Позже, — откликнулся я, не оборачиваясь.

— Эй, ты ударил меня! — добавил он.

— Исключительно для твоего же блага. Это входит в курс лечения, — я поднялся на ноги и начал передвижение.

— Эй! — услышал я его оклик.

Теперь тварь лежала на боку, и его большая конечность несколько раз пыталась бесприцельно ударить по мне. Я увернулся от ударов и сумел измерить их диапазон и угол. Вз-з! Конечность упала на землю и я приблизился к чудищу. Я нанес с размаху три удара, рассекшие ему голову под разными углами, и только потом сумел отрубить ее. Однако она продолжала издавать щелкающие звуки, а торс при этом сделал попытку приподняться. Я не считал удары, которые нанес после этого, а просто продолжал кровавую работу, пока эта тварь не оказалась изрубленной в капусту. Люк прокричал: «Оля-ля!», что, впрочем, делал при каждом моем верном ударе. К этому времени я изрядно вспотел и заметил, что не от ярости схватки, а от чего-то еще заколыхались находившиеся в отдалении цветы,

что вселило в меня тревогу. Но благодаря моей предусмотрительности прихваченный в баре Булатный Меч оказался великолепным оружием, я ощущал уверенность в своих силах. Я взмахнул мечом в воздухе, описал дугу высоко над головой, что полностью очистило его, а потом принялся складывать обратно в первоначальную компактную форму. Меч был мягкий, точно лепестки цветов, и все еще немного тускло светился.

— Браво! — воскликнул знакомый голос, и я завертел головой, пока не заметил улыбку, а за ней Кота, небрежно хлопавшего подушками лап. — Урла-ла! Кур-ла-ла! Отлично сработано! О, светозарный мальчик мой!

Ландшафт заколебался, словно под напором ветра и небо потемнело. Я услышал, как Люк воскликнул: «Эй!», и когда оглянулся, то увидел, что он поднялся и двигается вперед. Когда я снова повернул голову, то за спиной Кота уже образовался бар, и улавливался блеск бронзовой вешалки. В голове у меня все поплыло.

— Обычно, взяв Булатный Меч, дают залог, — говорил Кот, — поскольку вы возвращаете его в целости и сохранности…

Люк подошел ко мне. Я снова слышал музыку, под которую он подпевал. Теперь уже поляна с

освежеванным на ней Огненным Ангелом казалась чем-то посторонним, а бар становился все более осязаемым, приобретая оттенки, цвета и тени. Но заведение казалось немного уменьшившимся — столики стояли теснее — музыка играла тише, фреска стала более сжатой, и художник на глаза не попадался. Даже Гусеница со своим грибом переместилась в укромный уголок, и оба они казались съежившимися, а голубой дым менее густым. Я воспринял это как хороший признак, так как если наше присутствие тут вызвано душевным состоянием психики Люка, то, наверное, этот галлюциноген терял над ним свою власть.

— Люк!

Он направился к стойке.

— Да?

— Ты знаешь, что путешествуешь по миру грез, не так ли?

— Я не… я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Я предполагаю, что, когда Маска держал тебя в плену, он подсунул в еду какой-то наркотик. Это возможно?

— А кто такой, этот Маска?

— Новый босс в Замке.

— А-а-а, ты имеешь в виду Шару Гаррула. Помнится, он носил голубую маску.

Я не видел никаких оснований пускаться в объяснения относительно того, почему Маска — это не Шару. Все равно он, вероятно, все забыл. Я просто кивнул и сказал.

— Шеф.

— Ну… да, думаю, он мог мне что-то дать. Ты хочешь сказать, что все это? — он обвел помещение бара широким жестом.

— Разумеется, все это реально, — уточнил я. — Но мы можем переправлять себя в галлюцинации. Все они где-то реальны, и все это делает наркотик.

— Будь я проклят, — проронил Люк.

— Я дал тебе кое-какие снадобья, чтобы ты пришел в себя, — сообщил я ему. — Но этот процесс может занять некоторое время.

Он провел языком по губам и огляделся по сторонам.

— Ну, спешить нечего, — решил он, а затем улыбнулся, когда издали донесся пронизывающий душу крик, и демоны принялись безобразничать с горящей женщиной на фреске. — Мне тут нравится.

Я положил сложенное оружие на стойку. Люк постучал по стойке рядом с мечом и потребовал налить. Я отступил, качая головой.

— Я должен идти, — сказал я ему. — Кто-то по-прежнему охотится на меня, и только что он подошел довольно близко.

— Животное не в счет, — отмахнулся Люк.

— То, которое я только что изрубил, — в счет. Его подослали.

Я взглянул на сломанные двери, гадая, что может пройти в них в следующий раз. Как известно, Огненные Ангелы охотятся парочками.

— Но я должен с тобой поговорить, — продолжил я.

— Не сейчас, — отвернулся он.

— Ты же знаешь, что это важно.

— Я не могу здраво мыслить.

Вероятно, это была правда. Не имело ни малейшего смысла пытаться увлечь его в Амбер или куда-нибудь еще. Он просто растает и снова появится здесь. Прежде чем мы сможем обсудить наши с ним общие проблемы, необходимо, чтобы его мозги прочистились.

— Ты помнишь, что твоя мать — пленница в Амбере?

— Да.

— Вызови меня, когда у тебя в башке прояснится. Нам необходимо поговорить.

— Ладно.

Я повернулся и вышел из дверей в стену тумана. И уже издали услышал, что Люк принялся петь какую-то балладу, очень скорбную и тягучую. Туман почти так же плох, как и полная темнота, когда дело доходит до смещения Отражений. Если при движении ты не видишь никаких ориентиров, то никак нельзя воспользоваться способностью, позволяющей тебе ускользнуть. С другой стороны, теперь, когда в голове у меня прояснилось, я просто хотел побыть один и подумать. Если я никого не могу увидеть в этом тумане, то и меня никто не увидит. По мощеной дороге звучали только мои шаги. Так чего же я добился? Когда очнулся от недолгого сна и подпал под влияние грез Люка, я был тогда мертвецки усталым после необыкновенных трудов. Меня переправили к нему, и там я узнал, что он галлюцинирует, скормил ему нечто, способное, как я думаю, рано или поздно снять его с крючка, порубил в клочки Огненного Ангела и оставил Люка там же, где и нашел. В результате я получил две вещи, размышлял я, продвигаясь в густом тумане, доставил Люка в безвыходное положение с его кознями, которые он мог по-прежнему замышлять против Амбера. Теперь он знал, что его мать наша пленница, и я не мог себе предста-

вить, чтобы он при подобных обстоятельствах предпринял против нас какие-нибудь действия. Поэтому я и покинул Люка. Я был уверен, что Рэндом предпочел бы держать его без сознания в подземелье, но не сомневался, что он удовольствуется тем, что Люк на свободе, но без клыков, и он, скорее всего, свяжется с нами для переговоров о выдаче ему Ясры. Я был готов разрешить ему прийти в себя, погулять на свободе и явиться к нам, когда он сам того захочет. К тому же у меня хватало собственных проблем — Колесо-призрак, Маска, Вианта… и этого нового, только что получившего номерок и занявшего кресло. Возможно, это Ясра использовала качества голубых камней для того, чтобы подослать ко мне убийц. У нее хватало для этого способностей и мотивов. Хотя возможно также, что это проделывала Маска, обладающая, насколько я мог судить, некоторыми способностями и, кажется, имевшая мотив, которого я не знал. Но в настоящий момент Ясра с дороги убрана, и хотя я собирался разобраться с Маской, все же считал, что сумел защититься от воздействия голубых камней. А также думал, что уже достаточно припугнул Маску при нашем последнем столкновении в Замке. И крайне маловероятно, чтобы Ясра или Маска, какими

бы они силами ни обладали, получили доступ к обучению Огненного Ангела. Нет, Огненный Ангел мог появиться только из одного места, а живущие в Отражениях колдуны не входят в список клиентов поставщика. Порыв ветра раздвинул на миг туман, и я мельком увидел темные здания. Хорошо. Я переместился. Туман почти сразу же рассеялся, и это оказались не здания, а темные скалы. Еще одна смена декораций, и в поле зрения появился кусок не то утреннего, не то вечернего неба, и по нему рассыпались яркие звезды. Скоро ветер смел туман и я обнаружил, что иду по каменистой возвышенности, а небо горит таким ярким звездным светом, что под ним можно читать. Я последовал по темной тропе, ведущей к краю света… Все же это дело с Люком, Ясрой, Далтом и Маской было каким-то куском вполне понятным в одних местах и неясным в других. Найди я малость времени и поработай немного ногами, и всё соберется в единое целое. Люк и Ясра были теперь нейтрализованы. Маска, которая оставалась загадкой, кажется, имела на меня зуб лично, но, похоже, не представляла особой угрозы Амберу… С другой стороны, угрозу представлял Далт со своим фантастическим новым оружием, но Рэндом был в курсе ситуации

и Бенедикт уже вернулся в город. Поэтому я был уверен, что для противодействия угрозе делается все возможное и невозможное. Я стоял на краю света и смотрел в бездонную пропасть, полную звезд. Гора, на которой я оказался, кажется, не принадлежала к поверхности ни одной из планет. Слева оказался мост, ведущий в темноту к загораживающему звезды силуэту, вероятно, еще к одной плавающей в космосе горе. Я подошел к мосту и ступил на него. Проблемы, связанные с атмосферой, гравитацией и температурой здесь ничего не значили, так как я мог на ходу выдумать новую реальность. Я направился по мосту и на какой-то миг заметил силуэт другого моста на противоположной стороне темной массы, ведущего куда-то дальше в темноту. Я остановился посередине, откуда мог обозревать мост по всей длине. Место это казалось безопасным и подходящим. Я вытащил свою Колоду Карт и тасовал их, пока не обнаружил ту, которой очень долго не пользовался. Я отложил все другие и держал ее перед собой, изучая голубые глаза и молодые, жесткие, слегка резкие, заостренные черты лица под копной чисто белых волос. Одет он был во все черное, за исключением кусочка белого воротника и рукава, заметного под

блестящей, обтягивающей курткой. В руке, на которой была перчатка, он держал три темных стальных шарика. Дотянуться до самого Хаоса иногда трудновато, поэтому я сосредоточился и сфокусировался тщательно и сильно. Контакт возник почти мгновенно. Он сидел на балконе под безумным полосатым небом. Слева от него проплывали смеющиеся Горы. Сидел он, положив ноги на плавающий столик, и читал книгу. Когда контакт установился, он опустил ее и слегка улыбнулся.

— Мерлин, — тихо произнес он, — ты выглядишь усталым.

— А ты выглядишь отдохнувшим.

— Верно, — согласился он, закрывая книгу и положив ее на колени. — У тебя беда?

— Беда, Мондор.

— Ты хочешь пройти? — он поднялся.

Я покачал головой.

— Если у тебя под рукой есть какие-нибудь Козыри для возвращения, я бы предпочел, чтобы ты прошел ко мне.

Он сказал:

— Ладно.

Мы пожали друг другу руки. Он сделал единственный шаг и встал рядом со мной на мосту.

Мы на мгновение обнялись, потом он осмотрелся по сторонам, а затем взглянул в пропасть.

— Здесь есть что-то опасное? — осведомился он.

— Нет. Я выбрал это место, потому что оно кажется вполне безопасным.

— К тому же живописным, — подхватил он. — Что с тобой случилось?

— Я долго был всего лишь студентом, а потом проектировщиком определенных специализированных механизмов, — начал я свой рассказ. — До довольно недавнего времени моя жизнь оставалась небогатой событиями. А потом начался кромешный ад. Причем большую часть происходящего я не понимаю. Многое происходит с подачи кого-то, не знаю кого. Эта часть довольно сложна и не стоит твоего внимания, Мондор.

— А другая часть? — спросил он, положив руку на перила моста.

— До сих пор я полагал, что мои враги происходят из Амбера. Но неожиданно, когда казалось, что большая часть этого дела будет улажена, кто-то пускает по моему следу Огненного Ангела, которого я недавно уничтожил. Я понятия не имею, почему это произошло, и это, конечно же, к Амберу отношения не имеет.

Он прищелкнул языком, повернулся, прошел несколько шагов и вернулся обратно.

— Ты, конечно же, прав, — произнес он. — Я понятия не имел, что дело дошло до чего-то близкого к этому, иначе бы уже давно поговорил с тобой. Но прежде чем я с удовольствием выскажу определенные предположения относительно тебя, мне сразу хотелось бы заметить, что ты неверно трактуешь важность происходящего. Тем не менее, я хочу услышать твою историю полностью.

— Зачем?

— Потому что ты, братец, иногда потрясающе наивен, и я не доверяю твоим суждениям насчет того, что истинно важно.

— Я могу умереть с голоду, прежде чем закончу.

Криво улыбаясь, мой названный брат поднял руки. В то время как Юрт и Деспил приходились мне сводными братьями, рожденными моей матерью Дарой от принца Савалла, Повелителя Грани, Мондор являлся сыном Савалла от предыдущего брака, он был существенно старше меня и напоминал мне многих моих родственников в Амбере. Я всегда чувствовал себя посторонним среди детей Дары и Савалла. Мондор тоже не

являлся частью этой обособленной группки, и у нас появилось что-то общее, мы с ним поладили и стали сближаться, как я иногда думал, больше, чем полнородные братья. За минувшие годы он обучил меня многим практическим вещам, и мы не раз отлично проводили с ним время.

Воздух между нами исказило, и когда Мондор опустил руки, перед нами неожиданно и беззвучно возник обеденный стол, покрытый расшитой белой скатертью, а миг спустя за ним последовали два стула. Стол был прекрасно сервирован — фарфор, хрусталь, серебряные столовые приборы и даже ведерко сверкающего льда с изящной бутылкой шампанского, не говоря уже о многочисленных блюдах.

— Ты произвел на меня впечатление, — изумился я.

— В последние годы я посвятил немало времени гурманной магии, — сообщил он. — Нижайше прошу к столу.

Мы поудобнее расположились на мосту между двумя темными громадами. Отведав яства, я оценивающе причмокнул, и прошла не одна минута, прежде чем я смог начать излагать все события, приведшие меня в это царство звездного света и безмолвия. Мондор не перебивая выслушал мою

повесть, а когда я закончил, кивнул:

— Десерта добавить?

— Давай. Очень вкусно.

Когда я через несколько минут поднял взгляд, то обнаружил, что он улыбается.

— Что тут смешного? — осведомился я.

— Ты… Если ты помнишь, я уже говорил тебе раньше, перед тем, как ты отправился туда — будь разборчивей с тем, кому ты оказываешь доверие.

— Ну? Я никому о себе не рассказывал. Если ты намерен прочесть мне лекцию о вреде дружбы с Люком, не разузнав о нем все досконально, то я ее уже слышал.

— А как насчет Джулии?

— Что ты имеешь в виду? Она так и не узнала…

— Вот именно. А ей ты, похоже, мог бы доверить. Вместо этого ты настроил ее против себя.

— Ладно. Возможно, тут я здорово просчитался.

— Ты спроектировал замечательную машину, но тебе ни разу не пришло в голову, что она тоже может стать мощным оружием. Рэндом увидел это сразу же, так же, как и Люк. От поражения на этом фронте тебя уберегло только то, что она стала разумной и не желает выслушивать чьи-либо указания.

— Ты прав. Меня больше заботило решение технических проблем. Я не продумал тщательно все последствия.

Он печально вздохнул.

— Что мне с тобой делать, Мерлин? Ты идешь на риск, даже когда не знаешь, что идешь на риск.

— Вианте я не доверял, — сообщил я, хотя он меня и не спрашивал.

— Думается, ты мог бы получить от нее и больше сведений, если бы не проявил такой прыти для спасения Люка, который уже показал, что он опасен. Под конец вашего диалога она, как будто, действительно стала откровенной.

— Наверное, мне следовало вызвать тебя.

— Если встретишь ее снова, вызови, и я разберусь с ней.

Кажется, он говорил всерьез.

— Ты знаешь, что она такое?

— Я ее разгадаю, — уверенно заявил он, взбалтывая в бокале ярко-оранжевый напиток. — Но я хочу тебе кое-что предложить. У меня есть новый загородный дом, совершенно уединенный и со всеми удобствами. Почему бы тебе не вернуться со мной ко Двору, а не перескакивать от одной опасности к другой, залечь на пару лет на грунт и наслаждаться жизнью, почитывая книги, ко-

торые ты все откладывал для более подходящего случая. Я же хорошенько позабочусь о твоей защите. Пусть все поутихнет, а потом ступай по своим делам при более благоприятных обстоятельствах.

Я пригубил огненный напиток.

— Нет, — отказался я. — Что произошло с тем, о чем ты говоришь, что ты знаешь из того, чего я не знаю?

— Все это ничего не значит, если ты не примешь моего предложения.

— Даже если бы я принял, то все равно захотел бы узнать.

— Ерунда! — отозвался он.

— Ты выслушал мой рассказ, теперь я хочу выслушать твой.

Он пожал плечами и, откинувшись на спинку стула, взглянул на звезды.

— Савалл умирает, — коротко сообщил он.

— Он занимается этим со дня рождения.

— Верно. Но ему стало намного хуже. Некоторые думают, что это связано с предсмертным проклятием Эрика Амберского. Что бы там ни было, я действительно считаю, что ему долго не протянуть.

— Начинаю понимать…

— Да. Борьба за наследство стала весьма интенсивной — народ валится направо и налево — яд, дуэли, убийства, странные несчастные случаи, сомнительные самоубийства. Многие отбыли в неизвестном направлении. Или же так, во всяком случае, кажется.

— Понимаю, но не вижу, какое это имеет отношение ко мне.

— Одно время не имело бы никакого.

— Но?

— Разве ты не знаешь, что после твоего отъезда Савалл усыновил тебя по всей форме.

— Что!?

— Да. Я никогда не знал, какие именно у него были для этого мотивы. Но ты — законный наследник. Ты следуешь за мной, но имеешь преимущество перед Юртом и Деспилом.

— Все равно, даже при этом я стою в списке чертовски низко.

— Верно, — медленно произнес он. — По большей части интерес представляют только верхние строчки…

— Ты сказал «по большей части»…

— Всегда есть исключения. Ты должен понимать, что в такое время представляется прекрасный случай свести старые счеты. Одной смертью

больше, одной меньше — никто и бровью не поведет, как было бы в более спокойные времена. Даже в относительно высоких кругах.

Я покачал головой, встретившись с ним взглядом.

— В таком случае, это действительно не имеет смысла, — уверенно заявил я.

Он продолжал пристально меня разглядывать, пока я не почувствовал себя весьма неуютно.

— Так ведь? — добавил я наконец.

— Ну… — протянул он, — подумай немного.

Я подумал и как раз, когда мне пришла на ум верная мысль, он кивнул, как будто прочел ее.

— Юрт довольно восторженно встретил новые времена. Он постоянно болтал о самых последних смертях и об элегантности и внешней легкости, с которой добивались некоторых из них. Наконец, его страх и тяга увеличить собственные способности ко злу достигли момента, когда перекрыли его ужас перед…

— Логрусом…

— Да. Он, наконец, попробовал пройти Логрус и сумел выдержать его до конца.

— Ему предполагалось бы очень радоваться этому. Ведь он пытался сделать это неоднократно.

— О, да, — подхватил Мондор. — И я уверен,

что он заодно испытывал великое множество и других чувств.

— Ощущение свободы, — предположил я, — силы… — И изучив насмешливое выражение лица Мондора, вынужден был добавить: — И способности играть в эту игру самому.

— Возможно, ты не безнадежен. А теперь не хотел бы ты довести свою мысль до логического конца?

— Ладно, — буркнул я, думая об ухе Юрта, уплывшем после моего рубящего удара, и о распространявшихся вокруг него бисеринках крови. — Ты думаешь, что Огненного Ангела послал Юрт?

— Скорее всего. Но не хочешь ли ты продолжить мысль дальше?

Я подумал о сломанной ветке, проткнувшей Юрту глаз, когда мы боролись на поляне.

— Он охотится на меня. Это может быть частью борьбы за наследство, так как я стою впереди него в списке. Или обыкновенной неприязнью. Или оба варианта вместе.

— Что именно скрывается за этим — не имеет значения. Важны конечные результаты. Но я подумал о напавшем на тебя волке-оборотне. У него ведь был лишь один глаз…

— Да, — подтвердил я. — Как сейчас выглядит Юрт?

— О! Он уже отрастил половину уха, но оно весьма неровное и безобразное на вид. Юрт все время прикрывает его волосами. Глаз восстановился, но все еще не способен видеть. Обычно он носит повязку.

— Это может объяснить последние события. Однако он выбрал чертовски неподходящее время, учитывая все то, что происходит.

— Это и является одной из причин моего предложения тебе — пропасть из виду и подождать, пока все успокоится. Слишком уж это хлопотное дело. Когда в воздухе столько стрел, вполне возможно, что одна из них может угодить в тебя.

— Я способен позаботиться о себе, Мондор.

— Ты мог бы обмануть даже меня.

Я пожал плечами, встал, подошел к перилам и посмотрел вниз на звезды.

После длительного молчания он окликнул меня:

— У тебя есть идея получше?

Но я ему не ответил, потому что именно об этом я и думал. Я размышлял о том, что сказал Мондор о моих слабых местах и об отсутствии подготовленности, и как раз пытался сделать вывод, что

он прав, что все случившееся со мной вплоть до этого момента, за исключением, может быть, умыкания Ясры из Замка, является результатом стечения разных обстоятельств. Я немного больше подвергался воздействию, чем действовал сам. Признаюсь, все происходило слишком быстро, но все равно я не включал в свои планы уход в подполье, чтобы там поразмыслить, разузнать о своих врагах и нанести ответный удар. Кажется, было еще кое-что, что я мог бы предпринять…

— Если учитывать обстоятельства, — сказал Мондор, — то ты окажешься в выгодном положении, если будешь играть наверняка.

Вероятно, с позиции рассудка, безопасности и осторожности он был прав. Но принадлежал он ко Двору Хаоса, а у меня имелись и дополнительные обстоятельства, к которым Мондор не имел отношения. Вполне вероятно, что я смогу выработать свой собственный план действий, способный, может быть, даже благодаря моей связи с Люком, усилить безопасность Амбера. Пока существовал такой шанс, я чувствовал себя обязанным не отступать. И помимо этого мое любопытство было перевозбуждено, чтобы самому отстраниться от ответов на все вопросы. Обдумывая, как лучше всего объяснить ход моих мыслей

Мондору, я неожиданно подвергся вызову. Вызов походил на вопрос, скребущийся, точно кошка в дверь. Ощущение усиливалось, отметая в сторону все прочие соображения, и, наконец, я понял, что кто-то пытается связаться со мной через Козырь из весьма отдаленных мест. Я предположил, что запрос может исходить от Рэндома, беспокоящегося и желающего выяснить, что же случилось после моего убытия из гостиной Амбера. Поэтому я настроился на прием, подготовившись к контакту.

— Мерлин, что стряслось? — забеспокоился Мондор, но я поднял руку, показывая, что занят. Краем глаза я заметил, что он положил салфетку на стол и поднялся.

— Мерлин? — обратилась она ко мне. — Ты где?

— Далеко. Это долгая история. Что случилось? Где ты?

— Я так же далека от тебя, как и ты от меня.

— Мы, кажется, выбрали очень живописные места. Ты подобрала цвет неба к своим вопросам?

— Хватит! — отрубила она. — Я вызвала тебя не для обмена впечатлениями о путешествиях.

В этот момент подошел Мондор и встал рядом со мной, положив руку на плечо, что едва ли

согласуется с его характером, так как считается бестактным встревать в разговор по Козырю, это все равно, что снять трубку параллельного телефона и вмешаться в чужой разговор. И тем не менее…

— Ого-го-го! — воскликнул он. — Не будешь ли ты любезен представить меня даме, Мерлин?

— А это кто такой? — удивилась Фиона.

— Мой брат Мондор, — уведомил я ее. — Из дома Савалла при Дворе Хаоса. Мондор, это моя тетя Фиона принцесса Амбера.

— Я слышал о вас, принцесса, — поклонился он. — И мне действительно очень приятно с вами познакомиться.

Ее глаза на миг расширились.

— Я слышала об этом Доме, но понятия не имела, что Мерлин в родстве с ним. Рада с вами познакомиться.

— Как я понимаю, возникла какая-то проблема, Фи? — вмешался я в их светский разговор.

— Да, — ответила она, взглянув на Мондора.

— Я удаляюсь, — произнес он, — Для меня было большой честью познакомиться с вами, принцесса. Мне хотелось бы, чтобы вы жили немного ближе к Грани.

— Подождите, не уходите, — улыбнулась она. —

Это не связано ни с какими государственными тайнами. Вы проходили Логрус?

— Да.

— Гм-м… И, как я понимаю, вы сошлись не для того, чтобы подраться?

— Едва ли…

— В таком случае, я буду рада узнать и ваши взгляды на проблему. Вы можете прийти ко мне в гости, Мондор?

Он вновь поклонился, и я подумал, что он чуточку переигрывает.

— Куда угодно, сударыня.

— Тогда идите, — предложила она и протянула левую руку. Я схватился за нее, а Мондор протянул руку и коснулся ее запястья, и мы шагнули вперед.

Очутились мы на каменистой равнине. Было ветрено и несколько холодновато. Откуда-то издалека доносился приглушенный рев, как от мотора с глушителями.

— Ты в последнее время связывалась с кем-нибудь из Амбера? — обратился я к ней.

— Нет.

— Твой отъезд был несколько поспешным.

— На то были свои причины.

— Ты узнала Люка?

— А ты теперь знаешь, кто он такой?

— Я сообщил Рэндому, — ответил я, — и Флоре.

— Значит, знают все, — заключила Фиона. — Я отбыла в спешке и захватила с собой Блейза, потому что следующими в списке Люка наверняка значились мы. В конце концов, я же пыталась прикончить его отца, и это мне почти удалось. Мы с Блейзом приходились Бранду ближайшими родственниками, но были его врагами.

Она обратила проницательный взгляд в сторону Мондора, и тот ответил ей довольной улыбкой.

— Как я понимаю, — вежливо промолвил он, — прямо сейчас Люк пьет пиво с Котом, Додо, Гусеницей и с Белым Кроликом. И так как его мать в настоящее время является пленницей Амбера, то он против вас бессилен.

— Ты и впрямь не сидел без дела, — заметила она, посмотрев на меня.

— Стараюсь…

— Так что вам, вероятно, можно возвращаться без всякой опаски за жизнь, — продолжил Мондор.

Фиона улыбнулась ему, а затем снова посмотрела на меня.

— Твой брат, кажется, хорошо информирован.

— Он тоже член семьи, — заявил я, — и мы всю жизнь имеем привычку присматривать друг за другом.

— Всю его жизнь или твою? — уточнила она.

— Мою… Ведь он старше меня.

— Что такое плюс-минус несколько веков? — небрежно отмахнулся Мондор.

— Я чувствую в вас определенную смелость духа, — заметила, словно между прочим, Фиона. — И я намерена доверять вам больше, чем собиралась.

— С вашей стороны это вполне разумно и я ценю такое проявление доверия.

— Но я не думаю перебирать с этим.

— Не возражаю.

— Я не предполагаю испытывать вашу лояльность к родине или трону, — заверила она Мондора, — особенно при таком коротком знакомстве. Это относится и к Амберу, и к Хаосу, и я не вижу в этом деле никакого конфликта.

— Я не сомневался в вашей осмотрительности.

— А я лишь хотела сделать более ясной свою позицию, — она снова повернулась ко мне. — Мерлин, я думаю, что ты мне солгал.

Я поймал себя на том, что хмурю лоб, пытаясь вспомнить случай, когда я мог ввести ее в заблуж-

дение, и качнул головой.

— Если я и соврал, то не помню этого случая.

— Это произошло несколько лет назад, когда я просила тебя пройти Лабиринт твоего отца.

— О… — произнес я и почувствовал, что краснею, гадая при этом, заметен ли этот факт при здешнем странном освещении.

— Ты воспользовался тем, что я рассказала тебе о сопротивлении Лабиринта, и притворился, что он не позволяет тебе ступить на него. Но ведь не было никаких видимых признаков сопротивления вроде тех, что возникли, когда на него пыталась ступить я.

Она посмотрела на меня, точно ожидая подтверждения.

— И? — не выдержал я.

— А теперь это стало еще важнее, чем тогда. Теперь я должна знать точно, обманул ли ты меня в тот день?

— Да, — признался я.

— Почему?

— Если бы я ступил на него, мне бы пришлось его пройти, хочу я этого или нет. Кто знает, куда бы он мог меня завести и что бы за этим могло последовать? У меня почти закончились каникулы и я спешил вернуться в университет. Не

было времени на то, что могло бы последовать за прохождением Лабиринта. А сказать тебе, что возникли затруднения, показалось мне самым подходящим способом избавиться от поставленной задачи.

— Полагаю, что дело тут не только в этом.

— Что ты имеешь в виду, Фи?

— Я думаю, что Корвин рассказал тебе о нем нечто такое, чего не знают остальные члены семьи. Или, в крайнем случае, он оставил тебе послание. Мне кажется, что ты знаешь об этом деле больше, чем показываешь.

— Извини, Фиона, я не властен над твоими подозрениями. И мне бы хотелось оказать тебе в этом вопросе посильную помощь.

— Ты можешь оказать ее, — уверенно заявила она.

— Скажи мне, как?

— Идем со мной к новому Лабиринту. Я хочу, чтобы ты прошел его.

Я покачал головой.

— У меня есть масса куда более неотложных дел, — возразил я ей, — чем удовлетворять твое любопытство в том, что сделал мой отец много лет назад.

— Это больше, чем любопытство. Однажды я

уже говорила тебе, что, по-моему, Лабиринт является причиной участившихся межтеневых гроз.

— А я привел тебе вполне веские доводы в пользу того, что грозы вызваны чем-то иным. Я считаю, что это следствие частичного разрушения и воссоздания старого Лабиринта.

— Иди, пожалуйста, за мной, — промолвила она, повернулась и полезла по скалам.

Я взглянул на Мондора, пожал плечами и последовал за ней, Мондор пошел следом. Мы поднялись к неровной каменной стене. Фиона добралась до нее первой и направилась к косому карнизу, расположенному примерно посередине стены. Она шла по нему до тех пор, пока не добралась до того места, где каменная стена была расколота У-образной расселиной. Затем она встала к нам спиной и свет зеленого неба переливался странными оттенками в ее красивых волосах. Я подошел ближе и посмотрел туда, куда был направлен ее взгляд. На поверхности долины, откуда мы поднялись, немного ниже и влево от стены крутилась, словно волчок, большая черная воронка. Кажется, именно она и являлась источником слышимого рева. Земля вокруг нее заметно потрескалась. Некоторое время я пристально рассматривал это явление, но воронка

не изменила ни формы, ни положения. Наконец, я прочистил горло и прервал молчание:

— С виду похоже на большое торнадо, которое не двигается.

— Вот потому-то я и хочу, чтобы ты прошел новый Лабиринт. Я думаю, он доберется до нас, если мы не доберемся до него первыми.

Если бы у вас был выбор между способностью замечать ложь и способностью открывать истину, то что бы вы выбрали? Было время, когда я думал, что это разные способы сказать одно и то же, но теперь так не считаю. Большинство моих родственников, например, столь же хорошо видят насквозь разные увертки, как и прибегают к ним. Однако я не совсем уверен, что их волнует истина. С другой стороны, я всегда чувствовал, что в поиске истины есть что-то благородное, особенное и почетное, чем я сам пробовал заняться, когда проектировал Колесо-призрак. Мондор, однако же, заставил меня усомниться в этом. Конечно, на самом деле все обстояло не так четко и определенно. Я понимаю, что данная ситуация скорее констатация психологической установки. И все же я вдруг стал допускать, что возможны крайности до грани безрассудного риска, и чересчур уж долго я позволял дремать

своим определенным критическим свойствам. Потому-то я и задумался, что же все-таки стоит за просьбой тетки.

— Что делает его угрозой? — осведомился я.

— Это теневая гроза в форме торнадо.

— Такое бывало и раньше.

— Верно. Но они имеют тенденцию передвигаться по Отражениям. А это тоже распространяется на области Отражения, но совершенно стационарно. Впервые воронка появилась несколько дней назад и с тех пор никак не изменилась.

— А какой срок по времени Амбера?

— С полдня, а что?

— Не знаю. Просто любопытно, — я пожал плечами. — И все же я не вижу, почему это является какой-то угрозой?

— Я говорила тебе, что такие грозы стали часты с тех пор, как Корвин начертил добавочный Лабиринт. И теперь они изменяются как по своему характеру, так и по частоте. Так что требуется скорей пройти этот Лабиринт.

Миг размышлений подсказал мне, что тот, кто обретет власть над отцовским Лабиринтом, станет хозяином каких-то странных и страшных сил. Или хозяйкой…

Поэтому я спросил:

— Предположим, я пройду его, а что потом? Насколько я помню по рассказу отца, я просто закончу путь в середине точно так же, как и в Лабиринте Амбера. Что же ты из этого узнаешь?

Я вглядывался в ее лицо, отыскивая какие-нибудь признаки проявления чувств, но мои родственники отлично владеют собой и не склонны выдавать себя таким примитивным образом.

— Как я понимаю, — напомнила она, — Бранд сумел козырнуться в него, когда Корвин находился в центре.

— Это я знаю.

— Поэтому, когда ты доберешься до центра, я смогу пройти туда по Козырю.

— Думаю, сможешь, и тогда в середине Лабиринта будут стоять двое.

— А оттуда мы будем в состоянии отправиться в место, куда нельзя добраться ни из одной точки Амбера или Отражений.

— Куда же? — осведомился я.

— В изначальный Лабиринт, стоящий за этим.

— Ты уверена, что такой существует?

— Должен… Такая конструкция по самой своей природе должна существовать, но не здесь, а на более основном фоне реальности.

— И зачем же мы туда отправимся?

— Именно там скрыты его секреты. Вот там-то и можно узнать самые сокровенные тайны его магии.

— Понятно… — протянул я. — А что потом?

— Как что? Там ты сможешь узнать, как избавиться от бед, вызванных этой штукой.

— И это все?

Глаза Фионы сузились.

— Мы узнаем все, что сможем. Мощь есть мощь, и она представляет собой угрозу, пока ты ее не поймешь.

— Но прямо сейчас действует множество факторов, куда более реально угрожающих, — заметил я, — Этому Лабиринту придется ждать своей очереди.

— Даже если он представляет силы, нужные тебе, чтобы разделаться с другими проблемами? — спросила Фиона.

— Даже при этом, — подтвердил я. — Это предприятие может оказаться слишком длительным, а у меня на это нет времени.

— Но ты же не знаешь этого наверняка!

— Правильно! Но коль скоро я этим займусь, назад пути не будет.

Я не добавил, что не собираюсь брать ее в

изначальный Лабиринт, а там предоставлять ей свободу действий. В конце концов, она уже однажды попробовала свои силы в коронации монархов. И если бы в те дни Бранд сумел сесть на трон Амбера, она стояла бы твердо за него, что бы она ни утверждала по этому поводу в настоящее время. По-моему, она собиралась просить меня доставить ее в изначальный Лабиринт, но сообразила, что я уже обдумал этот вариант и отверг его. Не желая терять лицо, получив отказ, Фиона вернулась к первоначальным аргументам.

— Я предлагаю тебе обдумать эту проблему, если только ты не желаешь видеть, как рвутся миры.

— Ты говоришь это уже не в первый раз, и я не верю тебе. Я по-прежнему думаю, что возросшая активность теневых гроз является следствием повреждения и ремонта изначального Лабиринта. А если мы станем экспериментировать с новым Лабиринтом, о котором ничего не знаем, то можем лишь ухудшить дело.

— Я не собираюсь экспериментировать с ним, — перебила она меня. — Я просто хочу изучить его.

Между нами вдруг сверкнул Знак Логруса. Вероятно, она тоже как-то увидела или почувствовала его, потому что отпрянула в тот же миг, что и я.

Я повернул голову, почти наверняка зная, что увижу. Мондор поднялся на каменную стену с выступами, похожими на зубцы. Он стоял неподвижно, словно был частью ее, подняв руки. Я подавил желание крикнуть ему, чтобы он остановился, но он знал, что делал. И я был уверен, что он все равно не обратил бы на меня ни малейшего внимания. Я двинулся к месту, где он стоял, и взглянул через плечо на крутящуюся штуку над потрескивающей равниной. Сквозь образ Логруса я ощутил темный ужасный напор силы, открытой мне Сухьи на его последнем уроке. Теперь Мондор взывал к ней и вливал ее мощь в теневую грозу. Неужели он не понимал, что высвобожденные им силы Хаоса будут распространяться до тех пор, пока не потекут по страшному руслу? Неужели он не видел, что если эта угроза — знамение Хаоса, то он превращает ее в истинно чудовищное явление? Гроза разрасталась. Рев усиливался. На воронку было страшно смотреть. Я услышал, как ахнула позади меня Фиона.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — крикнул я ему.

— Через минуту-другую узнаем, — отозвался он, опуская руки.

Знак Логруса мигнул передо мной и пропал.

Некоторое время мы наблюдали за этой проклятой штукой, становившейся все больше и шумнее.

— Ну и что ты этим доказал? — спросил я.

— Что у тебя нет терпения, — ответил Мондор.

В этом явлении не было ничего практически поучительного, но я продолжал наблюдение. Внезапно шум стал с перебоями. Темная воронка неожиданно задергалась, вытряхивая набравшийся при сжатии мусор. Вскоре она восстановилась до первоначального размера и звук вновь стал ровным.

— Как ты это проделал? — удивился я.

— Я ничего не делал. Все само настроилось.

— Такого не может быть, — заявила Фиона.

— Вот именно, — согласился он.

— Я что-то потерял нить твоих рассуждений, — признался я.

— Воронке полагалось бы с ревом двигаться дальше с еще большей силой, после того как Мондор влил в нее мощь, — пояснила Фиона. — Но ее перенастроили, так как у того, кто ею управляет, иные планы.

— И этот феномен от Хаоса, — продолжил Мондор. — Видно же было, как он черпал силу из Хаоса, когда я позволил ему это сделать. Кто-то

играет там с самыми первозданными силами. Однако кто это, что и почему, я сказать не могу, но думаю, Лабиринт тут ни при чем. Он никак не может быть связан с играми Хаоса. Так что, вероятно, Мерлин прав. Я думаю, эта проблема имеет несколько другое происхождение.

— Ладно, — уступила Фиона. — Ладно. Но с чем мы тогда остаемся?

— С тайной, — ответил Мондор. — Но едва ли тут имеется непосредственная угроза.

У меня в голове зародилась одна интересная мысль. Она легко могла оказаться неверной, хотя не высказывать ее вслух я решил по другой причине. Она происходила из той области мышления, которую я не мог быстро исследовать, а выдавать идею кусками я ужасно не люблю. Теперь Фиона сверлила меня горящим взглядом, но я сохранял вежливое выражение лица. Внезапно поняв, что дело ее безнадежно, она решила сменить тему.

— Ты сказал, что оставил Люка в несколько необычной обстановке? А где он сейчас?

Последнее, что я хотел, это по-настоящему разозлить ее. Но я не мог натравлять ее на Люка в его теперешнем состоянии. Вполне могло случиться, что она захочет прикончить его для подстрахов-

ки. А смерти Люка я не желал. У меня сложилось такое впечатление, что он, возможно, изменил свои позиции, и мне хотелось предоставить ему для этого все возможности, какие только были в моих силах. Мы все еще были в долгу друг перед другом, хотя вести счет стало труднее, и кроме того, в какой-то мере сказывались былые дни товарищества. Учитывая, в каком состоянии я его оставил, пройдет немалый, срок, прежде чем он снова будет в приличной форме. И тогда мне надо будет о многом с ним потолковать.

— Извини, — улыбнулся я. — В данный момент он — мой протеже.

— Я считаю, что у меня тоже есть некоторые интересы в этом деле, — спокойно заметила она.

— Бесспорно, — согласился я. — Но я чувствую, что мой интерес больше, так что мы можем помешать друг другу.

— Я и сама могу судить об этом.

— Ладно, слушай. Под действием наркотиков он оказался в мире грез. Любые сведения, которые ты сможешь от него получить, будут колоритными, но крайне разочаровывающими.

— Как это случилось?

— Чародей по имени Маска подсунул ему что-то, когда он находился в плену.

— Где это случилось? Я никогда не слышала о Маске.

— В Замке Четырех Миров.

— Давно я не слышала упоминания о Замке Четырех Миров, — вымолвила она. — Было время, когда в нем хозяйничал колдун Шару Гаррул.

— Теперь он вешалка, — уведомил я ее.

— Что?

— Долгая история. Но нынче там командует Маска.

Фиона пристально посмотрела на меня, и я мог утверждать, что она только-только начинает понимать, сколь многого она не знает о недавних событиях. По-моему, она решала, какие именно из напрашивающихся вопросов ей следует задать раньше, однако я нанес ей упреждающий удар, пока она еще не восстановила равновесие:

— А как там Блейз? — поинтересовался я.

— Ему намного лучше. Я лечила его сама, и теперь он быстро выздоравливает.

Я уже собирался спросить, где он находится, на что, как я знал, она откажется ответить. И мы одновременно улыбнемся, когда она обнаружит, к чему я клоню — нет адреса Блейза, нет и адреса Люка. Так мы сохраним свои тайны и останемся друзьями.

— Эге-гей! — услышал я окрик Мондора, и мы дружно повернулись в том направлении, куда он смотрел — в сторону, противоположную выемке. Темный торнадо сжался до половины своего первоначального размера и продолжал уменьшаться прямо у нас на глазах. Он все съеживался и съеживался, и примерно через минуту пропал вовсе. Я не мог сдержать ухмылки, но Фиона этого даже не заметила. Она смотрела на Мондора.

— Ты думаешь, это из-за сделанного тобой? — спросила она его.

— Не могу об этом судить, но такое вполне возможно.

— Не говорит ли тебе это о чем-нибудь? — настаивала она.

— Вероятно, тому, кто управляет торнадо, не понравилось, что я вмешался в его эксперименты.

— Ты действительно думаешь, что за этим кто-то стоит?

— Да.

— Кто-то из Двора?

— Это кажется более вероятным, чем кто-то из вашего края мира…

— Полагаю, что так… — согласилась она. — У тебя имеются какие-нибудь догадки, кто именно?

Мондор лишь улыбнулся.

— Понимаю, — быстро проговорила она. — Ваше дело касается только вас, но общая угроза затрагивает всех, и именно к этому я клоню. Ты согласен со мной?

— Все верно. Именно поэтому я и предполагаю этим заняться. В данный момент я ничем не связан, а это дело может оказаться весьма забавным.

— Неудобно просить вас ставить меня в известность о том, что вы обнаружите, когда неизвестно, чьи интересы это затрагивает.

— Я ценю вашу щепетильность, но, насколько мне известно, условия договора еще в силе, и никто во Дворах не может строить козни против Амбера. Фактически… если хотите, мы можем заняться этим вместе, по крайней мере, на первых порах.

— Я тоже располагаю временем, — обрадовалась она.

— А у меня времени нет, — быстро вставил я. — Мне надо решить одну простенькую задачу.

Мондор переключил свое внимание на меня.

— Как насчет моего предложения? — намекнул он.

— Не могу.

— Ладно. Однако наш разговор на эту тему еще

не завершен. Я свяжусь с тобой позже.

— Хорошо.

Фиона тоже посмотрела в мою сторону.

— Не забудь сообщить мне о здоровье Люка и о его намерениях, — попросила она.

— Можешь не сомневаться.

— Тогда счастливо оставаться.

Мондор небрежно помахал мне, и я ответил тем же. Затем я скрылся из вида и стал смещаться. Я нашел дорогу к каменистому склону, где остановился и вытащил Козырь с Амбером. Я поднял его перед глазами, сосредоточился и переправился, как только почувствовал возможность пройти. Я надеялся, что гостиная окажется пустой, хотя в данный момент это, в общем-то, меня не очень заботило. Возник я неподалеку от Ясры, державшей на вытянутой левой руке плащ. Я нырнул к черной лестнице. По дороге я несколько раз слышал голоса и сворачивал в сторону, избегая встречных. Так мне удалось добраться до своих покоев незамеченным. Единственная возможность отдохнуть за время, казавшееся теперь полутора веками, были те пятнадцать минут, которые я вздремнул перед тем, как раскрепощенные под воздействием наркотиков колдовские чары Люка вызвали меня через гигантский Козырь

в бар «Зазеркалье». Когда? Учитывая все, что я знал — это могло случиться вчера, а тот день и до этого был очень насыщен разнообразными происшествиями. Я закрыл дверь на засов, шатаясь добрался до постели и рухнул на нее, даже не снимая сапог. Разумеется, мне бы следовало много чего сделать, но я просто был не состоянии. Я вернулся сюда, потому что безопаснее всего чувствовал себя именно в Амбере, несмотря на то, что Люк однажды добрался до меня и тут. Человек с очень мощным подсознанием мог бы после всего пережитого мною увидеть вещий сон, а потом проснуться озаренным, с готовыми ответами, дающими возможность действовать. Но, увы. Один раз я проснулся в легком страхе, не понимая, где нахожусь. Но открыв глаза, я успокоился и вернулся ко сну. Позже, как оказалось, намного позже, я вернулся в мир бодрствующих, словно плавник, подгоняемый все ближе и ближе к берегу волнами, пока, наконец, не очутился на берегу. Я не видел причин заходить куда-то дальше этого, пока не понял, что у меня болят ноги. Тогда я сел и стащил сапоги, чтобы доставить себе одно из шести величайших удовольствий в жизни. Затем я поспешно снял носки и забросил их в угол комнаты. Почему не болят ноги у

других? Я налил в таз воды и на некоторое время опустил в него ноги, после чего решил походить с часик босиком. Наконец я разделся, помылся, надел джинсы и любимую пурпурную фланелевую рубашку. К черту пока мечи, кинжалы и плащи! Я открыл ставни и выглянул наружу: было темно. И из-за туч я даже по звездам не мог догадаться, что сейчас — ранний вечер, поздняя ночь или почти утро. В коридоре было очень тихо, и когда я последовал к черной лестнице, оттуда не доносилось ни звука. В кухне тоже никого не оказалось. Большие поленья горкой лежали в камине и тихо тлели. Я не хотел разводить большой огонь, чтобы подогреть чайник, пока разыскивал хлеб и консервированные фрукты. В одном из громадных холодильников я обнаружил банку с чем-то похожим на грейпфрутовый сок. Пока я сидел, согревал ноги и поспешно ел хлеб, меня стало охватывать беспокойство. Я уже успел приняться за чай, прежде чем понял, что беспокойство растет. Кажется, мне было необходимо что-то сделать, но я понятия не имел, что именно. Теперь, когда я получил передышку, она вызвала ощущение странности, поэтому я решил все тщательно обдумать.

К тому времени, как я покончил с едой, мне

показалось, что я кое-что придумал. Необходимо было выбрать один из нескольких планов. Первое, что я сделал — прошел в гостиную, где снял с Ясры все шляпы и плащи и подхватил ее на руки. Когда я нес ее окоченевшее тело к своей комнате, одна из дверей в коридоре приоткрылась, и за мной затуманенным взглядом проследил Дронна.

— Чур, я следующий! — окликнул он меня. — Она напоминает мне мою первую жену, — сообщил он и закрыл дверь.

Установив Ясру у себя в комнате, я придвинул кресло и уселся перед ней. Хотя для потехи ее и нарядили как клоуна, жесткая красота этой женщины нимало не пострадала. Однажды она подвергла меня большой опасности, и я не испытывал ни малейшего желания освободить ее сейчас для возможности выступить на «бис». На заклинание, сковавшее ее, требовался разбор, и я хотел полностью понять его. Поэтому я стал осторожно исследовать удерживающую ее конструкцию. Заклинание не отличалось сложностью… но я понял, что прослеживание всех его ответвлений займет немало времени. Хорошо. По крайней мере, сейчас я могу не торопиться. Я погрузился в изучение заклинания, мысленно

делая по ходу дела заметки. Занимался я этим не один час. Пока я работал, дворец постепенно пробуждался. Я трудился без перерыва до полудня, до тех пор, когда все стало на свои места и я был полностью удовлетворен. К тому же я снова проголодался. Задвинув Ясру в угол, я надел сапоги, вышел из комнаты и направился к лестнице. Время было обеденное, и я заглянул в несколько столовых, где обычно кушала семья. Но все помещения оказались безлюдными, и ни в одном из них не была расставлена посуда, не наблюдалось и признаков недавнего обеда. Полагаю, что мое чувство времени могло исказиться и я вышел либо чересчур поздно, либо слишком рано, но рассвело, кажется, уже давно. Однако никто не обедал, следовательно, я в чем-то ошибался. Но тут я услышал слабое постукивание ножа о тарелку. Я направился в сторону, откуда вроде бы исходил звук. Обеды теперь подавались, видимо, не так часто, как обычно. Я прошел в гостиную. Льювилла сидела вместе с женой Рэндома Виалой на красном диване, а обед был сервирован на низеньком столике, стоящем перед ними. Майкл, работавший на кухне, находился поблизости со столиком на колесах, нагруженным блюдами. Я прокашлялся.

— Мерлин! — воскликнула Виала с чувствительностью, от которой у меня всегда пробегал холодок — ведь она совершенно слепая. — Весьма приятный сюрприз!

— Привет! — поздоровалась Льювилла. — Присаживайся с нами. Нам не терпится узнать, чем ты был занят.

Я подтащил кресло к противоположной стороне столика и удобно уселся. Майкл сразу поставил передо мной добавочный ассортимент блюд. Я быстро просчитал ситуацию. Все, что услышит Виала, несомненно, дойдет до Рэндома, поэтому я изложил им несколько отредактированную версию недавних событий, оставив за рамками упоминание о Мондоре, Фионе и обо всем, связанном с Двором Хаоса. Это сделало рассказ довольно коротким и позволило быстро приступить к обеду.

— Все были так заняты последнее время, — заметила Льювилла, когда я закончил говорить. — Из-за этого я чувствую себя почти виноватой.

Я изучил взглядом ее нежную кожу оливкового цвета, полные губы и большие, кошачьи глаза.

— Но не совсем, — добавила она.

— А где, собственно, все остальные? — поинтересовался я.

— Жерар, — стала перечислять она, — осматривает портовые укрепления, а Джулиан командует армией, которая теперь оснащена каким-то, огнестрельным оружием и призвана защищать подходы к Колвиру.

— Ты хочешь сказать, что Далт уже направляется сюда?

— Нет, это меры предосторожности из-за того послания Люка. Никаких войск Далта, в общем-то, еще и не видно.

— Кто-нибудь знает, где он?

— Пока нет, но вскоре на этот счет должны поступить разведданные, — она небрежно повела плечами. — Наверное, Джулиан их уже получил.

— А почему командует Джулиан? — осведомился я, не отрываясь от еды. — Я полагал, что во главе армии должен стоять Бенедикт.

Льювилла отвела взгляд, взглянула на Виалу и та, кажется, ощутила ее взгляд.

— Бенедикт с небольшим отрядом сопровождает Рэндома в Кашеру, — тихо сказала Виала.

— В какую Кашеру? — удивился я, но тут же все понял, решив заодно кое-что уточнить. — Зачем ему понадобилось это делать? Далт все время ошивается возле Кашеры и этот район сейчас может быть опасен.

Она чуть улыбнулась.

— Вот поэтому-то он и захотел, чтобы его сопровождал Бенедикт с гвардейцами. Возможно, они отправились в качестве разведчиков, хотя тогда у них была другая причина для инспекции.

— Я не понимаю, почему вообще возникла необходимость в такой экспедиции?

Она отпила воду.

— Внезапный политический переворот, — пояснила она. — Какой-то генерал захватил власть в отсутствие королевы и кронпринца. Генерала недавно прикончили, и Рэндом сумел добиться согласия на возведение на трон собственного кандидата — пожилого аристократа.

— А как он это сделал?

— Все заинтересованные в этом деле еще больше заинтересованы в допуске Кашеры в Золотой Круг привилегированного торгового статуса.

— Выходит, Рэндом купил их ради удовольствия видеть правителем своего человека? Разве договор о принятии их в Золотой Круг не дает право передвигать войска через их территорию с формальными предварительными переговорами?

— Все так.

Я вдруг вспомнил того молодцеватого эмиссара

Короны, встреченного мною в «Окровавленном Билле», который расплатился за пиво кашерской валютой. Я понял, что не хочу удостоверяться, насколько близок тот случай к убийству, по времени сделавшему возможной эту недавнюю договоренность. Куда сильнее на меня подействовала вырисовывавшаяся теперь картина: похоже, Рэндом только что лишил Ясру и Люка возможности возвращения узурпированного у них трона, который, если быть справедливым, Ясра сама узурпировала много лет назад. После смены многочисленных владельцев трона его узурпация стала для меня немного туманной. Но если поступок Рэндома ничем не превосходит по этичности деяния тех, кто правил раньше, то, безусловно, он ничем им не уступает… Однако дело теперь выглядело так, что любая попытка Люка вновь оседлать трон матери встретит отпор со стороны монарха, заключившего оборонительного плана союз с Амбером. Я неожиданно понял, что можно держать пари о договоренности в случае внутренних смут о помощи Амбера, равно как и в случае защиты от внешних агрессоров. Интересно! Видимо, Рэндом пошел на страшные хлопоты ради того, чтобы изолировать Люка от опорной базы и лишить его любого подобия

законности как главы государства. Я полагал, что следующим шагом может быть объявление его вне закона, как самозванца и опасного революционера и предложение награды за голову Люка. Не слишком ли остро реагировал Рэндом? Люк казался теперь совсем не таким уж и опасным, если учесть и то обстоятельство, что его мать все еще у нас в плену. С другой стороны, я не знал, как далеко хочет зайти Рэндом. Хотел ли он просто перекрыть Люку кислород или он решил всерьез достать его? Последняя возможность беспокоила меня больше, так как Люк в данный момент, кажется, исправлялся и, возможно, мучительно пересматривал свою позицию. Я не хотел, чтобы его отбросили из-за того, что Рэндом где-то перегнул палку.

Поэтому я сказал Виале:

— Полагаю, это вплотную относится к Люку?

Она немного помедлила, но все же ответила:

— Его, кажется, заботит не Люк, а Далт.

Я мысленно пожал плечами. На взгляд Рэндома это было одно и то же, поскольку он видел в Далте военную силу, к которой Люк прибегает для возвращения трона. Поэтому я произнес: «А-а-а…» и продолжал есть. Помимо этого ничего нового не произошло, и больше не было возможности

прояснить ход мыслей Рэндома, и поэтому мы вновь принялись болтать о всяких пустяках, пока я заново обдумывал свою позицию. Она все же сводилась к ощущению необходимости срочно действовать и неуверенности, как именно. Курс мой определился несколько неожиданным образом где-то за десертом. В гостиную вошел придворный по имени Рандел — высокий, худощавый, темноволосый и не скупящийся на улыбки. Я сообразил, что что-то случилось, так как он не улыбался и вошел быстрее обычного. Он окинул взглядом присутствующих, остановил его на Виале, быстро подошел и откашлялся.

— Ваше Величество… — начал он.

Виала слегка повернула голову в его направлении.

— Да, Рандел, — промолвила она. — В чем дело?

— Только что прибыла делегация из Бегмы, но мне не объяснили, каким будет характер приема.

— О, Господи, — отложила вилку Виала, — Она же должна была прибыть не раньше, чем послезавтра, когда вернется Рэндом. Жаловаться они хотят именно ему. Что вы решили сделать?

— Проводил их пока в Желтую гостиную и ска-

зал, что пойду доложу об их прибытии.

— Сколько их? — спросила она.

— Премьер-министр Оркуз, — начал перечислять он, — его секретарша Найда, приходящаяся также ему дочерью. И другая дочь — Корал. С ними также четверо слуг — двое мужчин и две женщины.

— Ступайте, прикажите слугам надеть парадное обмундирование и позаботьтесь, чтобы гостям приготовили подходящие покои, — приказала она. — И уведомите кухню. Возможно, они голодны.

— Хорошо, Ваше Величество, — он попятился к двери.

— А потом явитесь ко мне в Желтую гостиную и доложите о сделанном. Я дам вам дополнительные указания.

— Считайте, что все уже сделано, — поклонился он и поспешил удалиться.

— Мерлин, Льювилла, — Виала поднялась, — пойдемте, вы поможете мне их развлечь, пока все подготовят.

Я проглотил последний кусочек десерта и встал. Я не испытывал горячего желания болтать с дипломатом и его свитой, но оказался под рукой, и это было одной из тех обязанностей, которые

иногда приходится выполнять в нашей жизни.

— Э… а для чего, собственно, они здесь? — спросил я.

— Какой-то протест по поводу того, что мы делали в Кашере. Они никогда не поддерживали с Кашерой особенно дружеских отношений, и теперь я не знаю, для чего они здесь: то ли протестуют против возможного допуска Кашеры в Золотой Круг, то ли их расстроило наше вмешательство во внутренние дела Кашеры. Возможно, они опасаются потерять рынок сбыта из-за того, что такой близкий сосед станет пользоваться таким же предпочтительным статусом, что и они. Или, возможно, у них другие планы по поводу трона Кашеры, а мы только перебежали им дорогу, а может и то, и другое. Что бы там ни было… мы не можем сказать им ничего такого, чего бы они сами не знали.

— Я просто хотел знать, каких тем там надо избегать.

— Всего вышеуказанного…

— Я тоже так считаю, — заметила Льювилла. — Однако я при этом подумала, нет ли у них каких-либо полезных сведений о Далте. Их агенты должны пристально следить за всем, что происходит в Кашере.

— Об этом речь не заводи, — посоветовала Виала, направляясь к выходу. — Если они что-то и сболтнут ненароком, или захотят выдать что-то, то тем лучше для нас. Но не показывай, что тебе хотелось бы знать.

Виала взяла меня под руку и я вывел ее из столовой в направлении Желтой гостиной. Лью-вилла извлекла откуда-то зеркальце и изучала в нем свое лицо. Явно довольная, она убрала его, а потом проговорила:

— Хорошо, что ты пришел, Мерлин. В такие моменты всегда хорошо иметь лишнее улыбающееся лицо.

— А я почему-то не чувствую при этом особого веселья, — улыбнулся я.

Мы последовали в комнату, где поджидал нас премьер-министр и его дочери. Их слуги уже отправились перекусить на кухню. А официальные лица все еще оставались голодными, и это говорит в пользу протокола, тем более что он, кажется, требовал некоторого ожидания перед тем, как подадут еду. Оркуз был среднего роста и коренастый, с черными, тщательно причесанными волосами, морщины на его широком лице указывали, что он куда чаще хмурится, чем улыбается. Лицо Найды представляло более красивый вари-

ант его лица, и хотя у нее появилась склонность к дородности, она держалась на привлекательном уровне, к тому же часто улыбалась и обладала великолепными зубками. Корал была выше отца и сестры, стройной и рыжеволосой. Когда же она улыбалась, ее улыбка казалась менее официальной. В ней было что-то смутно знакомое. Я гадал, не встречал ли ее на каком-нибудь скучном приеме. Однако вспомнить не мог. После того, как нас представили и разлили вино, Оркуз сделал короткое заявление Виале о «недавних неприятных новостях» относительно Кашеры. Льювилла и я быстро встали по бокам Виалы, чтобы оказать ей моральную поддержку, но она ответила, что такие вопросы нужно обсуждать лишь по возвращении Рэндома, и что в данный момент она жаждет достойно принять уважаемых гостей. Оркуз с этим полностью согласился и даже чуть улыбнулся. У меня сложилось впечатление, что он просто сразу же хотел зафиксировать цель своего визита. Льювилла быстро перевела разговор на его путешествие, и он любезно позволил сменить тему. Политики чутко реагируют на нюансы. Позже я узнал, что посол Бегмы даже не знал о его прибытии, и это, казалось бы, указывало, что Оркуз прибыл настолько стремительно,

что опередил уведомление посольства. И он даже не потрудился завернуть к послу, а направился прямиком во дворец. Эти сведения я узнал намного позже, когда он поинтересовался, доставлено ли послание. Ощущая себя лишним в грациозных водопадах болтологии Льювиллы и Виалы, я отступил на шаг и стал подумывать о побеге. Какая бы игра тут ни затевалась, она меня совершенно не касалась. Корал тоже отступила и утомленно вздохнула. Затем взглянула на меня и улыбнулась, окинув быстрым взглядом помещение, а потом подошла поближе.

— Я давно мечтала посетить Амбер, — призналась она.

— Он таков, каким вам представлялся? — осведомился я.

— О, да… пока… Конечно, я еще мало видела…

Я кивнул и мы отдалились от остальных еще на шаг.

— Мы с вами раньше нигде не встречались? — спросил я.

— Не думаю, — усомнилась Корал. — Я не так уж много путешествовала, а вы, кажется, не бывали в наших краях.

— Да, хотя в недавнее время они стали вызывать у меня любопытство.

— Однако я кое-что о вас знаю, просто из общих сплетен. Я знаю, что вы из Двора Хаоса и учились в колледже в том Отражении, которое вы, амбериты, кажется, столь часто посещаете. Я много раз размышляла, на что похож тот мир.

Я заглотил приманку и принялся рассказывать ей о колледже, о своей работе и о том, какие места я посетил и что я любил делать. Пока я это рассказывал, мы подобрались к дивану на противоположной стороне комнаты и расположились поудобнее. Оркуз, Найда, Льювилла и Виала, кажется, не заметили нашего уединения и сели ужасающе официально вокруг столика. И если мне необходимо было здесь присутствовать, то я находил, что более приятно беседовать с Корал, чем слушать их. Не желая выглядеть в ее глазах болтуном, я попросил ее рассказать о себе. Корал поведала мне о своем детстве, проведенном в Бегме и его окрестностях, о своей любви к загородным прогулкам на лошадях и лодках по рекам и озерам, о прочитанных ею книгах и довольно невинных любительских занятиях магией. Она как раз собиралась перейти к описанию кое-каких интересных обрядов, совершаемых тамошними крестьянами для обеспечения плодородия почвы, как вошла служанка

и, приблизившись к Виале, что-то сообщила ей. За дверьми виднелись и другие слуги. Виала что-то сказала Оркузу и Найде. Те кивнули и направились к двери. Льювилла отделилась от них и подошла к нам.

— Корал, — улыбнулась совершенно искренне она. — Ваши покои готовы. Один из слуг покажет вам, где они. Вероятно, вы хотите перекусить и отдохнуть после утомительного путешествия.

Мы встали.

— Я, в общем-то, и не устала, — промолвила она, глядя скорее на меня, чем на Льювиллу, и в уголках ее рта притаился намек на улыбку.

— Все равно вам надо покушать, — настаивала Льювилла.

Какого черта!? Я вдруг понял, что мне очень приятно общество Корал, и поэтому проговорил:

— Если вы не откажетесь переодеться во что-нибудь попроще, я буду рад показать вам город или дворец…

Намек уголков рта на улыбку превратился в настоящую улыбку, на которую приятно посмотреть.

— Тогда мы встретимся с вами через полчаса, — закончил я.

— С удовольствием, — сказала она.

Я вывел ее и проводил к парадной лестнице. Так как на мне все еще были фланелевая рубашка и джинсы, я раздумывал, не следует ли и мне переодеться во что-нибудь более соответствующее местной моде. А, черт с ним, решил я затем. Мы же собираемся просто прогуляться. Поэтому к своему наряду я прибавил перевязь, оружие, плащ и самые лучшие сапоги. Можно было еще подровнять, бороду, так как осталось еще немного времени, а может быть, и навести маникюр…

— Эй, Мерлин! — Льювилла положила руку мне на локоть и затащила в ближайшую нишу. Я не сопротивлялся.

— Да? — осведомился я затем. — В чем дело?

— Гм… — замялась Льювилла. — Она довольно миленькая, да?

— Думаю, ты права.

— Она вскружила тебе голову?

— Ну и ну, Льювилла! Не знаю. Я же только-только познакомился с этой девочкой.

— И уже назначил ей свидание.

— Брось! Сегодня я заслуживаю снисхождения. Я с удовольствием поболтал с ней и хотел бы показать достопримечательности Амбера. Думаю, мы неплохо проведем время. Что же в этом плохого?

— Ничего, пока ты не теряешь из виду перспективу.

— О чем ты толкуешь?

— Мне кажется довольно любопытным, что Оркуз приволок с собой двух симпатичных дочек.

— Найда в действительности его секретарша, — возразил я неизвестно на что. — А Корал давно мечтала увидеть Амбер.

— Так, так, а для Бегмы было бы очень неплохо, если бы одна из них случайно заарканила члена нашей семьи.

— Льювилла, а не слишком ли ты подозрительна?

— Это происходит со всяким, имеющим большой жизненный опыт.

— А я и сам собираюсь жить долго и надеюсь, это не заставит меня искать корыстный мотив в каждом человеческом поступке.

— Конечно… Забудь, что я тебе сказала, — улыбнулась она, понимая, что я ничего не забуду. — Желаю вам хорошо провести время, но смотри, не потеряй девственности.

Я что-то прорычал о ее наглости и направился к себе в комнату.

Итак, в разгар окружающих меня опасностей, интриг, угроз и тайн я решил устроить себе ка-

никулы и прогуляться по городу с хорошенькой леди. Из всех выборов, которые я мог сделать — этот, безусловно, был самым привлекательным. Кто бы ни был тот враг, с какой бы силой я ни сталкивался, на время я предоставлял инициативу ему. Я не испытывал ни малейшего желания охотиться на Юрта, вступать в поединок с Маской или следовать повсюду за Люком, пока он не оправится и не сообщит мне, хочет ли он по-прежнему добывать скальпы нашей семьи или нет. Далт был не моей проблемой, Виантa исчезла, Колесо-призрак помалкивало, а дело с отцовским Лабиринтом могло подождать, пока я не освобожусь. Светило солнце и дул мягкий ветер, хотя в этом сезоне погода была изменчива. Просто жалко было тратить последний хороший денек на что-то меньшее, чем удовольствие разделить компанию с молодой девушкой. Я насвистывал, наводя марафет, а затем направился к лестнице, чтобы первым явиться к назначенному времени. Однако Корал пришла раньше, чем я предполагал, и уже поджидала меня. Я одобрил ее консервативно-зеленые брюки в темных тонах, теплую рубашку медного цвета и теплый коричневый плащ. Сапожки ее тоже прекрасно подходили для прогулки. Темная шляпа при-

крывала большую часть ее головки и почти все волосы. Завершали наряд лайковые перчатки и кинжал на поясе.

— Я готова, — доложила она, очаровательно улыбаясь.

— Отлично, — я выдал ей самую лучшую из своих улыбок и повел по коридору.

Корал начала было сворачивать по направлению к парадному ходу, но я указал ей налево, а потом еще раз налево.

— Выход через боковую дверь меньше бросается в глаза, — пояснил я.

— Что и говорить, у вас обожают секретность!

— Привычка… Чем меньше посторонних знают о твоих делах, тем лучше.

— Какие посторонние? Кого вы опасаетесь?

— В данную минуту? О, множество вещей! Но мне не хотелось бы терять такой приятный денек на оглашение списка. — Она неопределенно качнула головкой, что воспринялось мной как смесь благоговения и неодобрения.

— Выходит, люди говорят правду? Что дела ваши настолько сложны, что вы носите с собой памятки? — спросила она.

— Ну, для любовных дел в последнее время у меня просто не было возможности, так же, как

и для обыкновенных размышлений, — заметив, что она покраснела, я добавил: — Извините, но в последнее время я и вправду вел немного сложную жизнь.

— О… — Корал взглянула на меня, явно напрашиваясь на выяснение подробностей.

— Как-нибудь в другой раз, — принужденно рассмеялся я и взмахнул плащом, приветствуя часового.

Она кивнула и дипломатично сменила тему.

— Предполагаю, я прибыла во время года, неподходящего для осмотра ваших знаменитых садов?

— Да, они в основном сбросили листву, — подтвердил я, — за исключением японского садика Бенедикта, который в некотором роде отстает. Возможно, мы как-нибудь посетим его, выпьем чашечку чая, но я думаю, сейчас мы просто прогуляемся по городу.

— Не возражаю…

Я приказал часовому у потерны передать Хандену, управляющему Амбера, что мы направляемся в город и не знаем, когда вернемся. Он ответил, что как только его сменят, а это произойдет довольно скоро, он передаст. Пережитые в «Окровавленном Билле» события научили меня

оставлять такие сообщения. Я не полагал, что нам угрожают какие-то опасности, но сообщить следует. Листья шуршали у нас под ногами, когда мы направлялись по одной из дорожек к боковым воротам. Ярко светило солнце, чему не мешало несколько прядей перистых облаков. Стая каких-то птиц в небе направлялась на юг к океану.

— А у нас уже выпал снег, — проронила она. — Везет вам.

— Нас выручает теплое течение, — собравшись с мыслями, сообщил я, вспоминая кое-что рассказанное мне Жераром, — у этого течения отличный характер — оно делает наш климат более умеренным по сравнению с другими местами на такой же широте.

— Вы много путешествуете? — поинтересовалась Корал.

— Я путешествовал куда больше, чем мне хотелось бы, — проворчал я. — Особенно в последнее время. И мне не мешало бы на год осесть и пообрасти мясом.

— По делам или ради удовольствия? — поинтересовалась Корал, когда часовые выпустили нас из ворот, и я быстро осмотрелся в поисках притаившихся в засаде.

— Только не ради удовольствия, — ответил я,

взяв ее под руку и направляясь по избранному мною пути.

Достигнув обжитых мест, мы некоторое время находились на главной площади. Я показал ей достопримечательности: резиденции знатных лиц, включая и посольство Бегмы. Однако она не проявила ни малейшего желания посетить последнее, заявив, что до отъезда ей все равно придется встретиться с соотечественниками в официальной обстановке. Чуть позже она задержалась в одной из лавок, чтобы купить пару блузок, распорядившись прислать счет в посольство, а одежду во дворец.

— Отец обещал мне приобрести пару сувениров, — объяснила Корал. И я знаю, что он забудет. Увидев счет, он поймет, что я не забыла об этом.

Мы осматривали улицы ремесленников и зашли освежиться в кафе на тротуаре, одновременно поглядывая за следующими мимо пешеходами и всадниками. Я как раз обернулся, чтобы рассказать ей анекдот о всаднике, когда ощутил начало козырного контакта. Несколько секунд я ждал усиления этого ощущения, но никакой ясности, кто меня вызывает, так и не возникло. Затем на мою ладонь легла ручка Корал.

— Что случилось? — спросила она.

Я сконцентрировался и мысленно протянул руку, пытаясь помочь вступить в контакт, но когда это проделал, тот, другой, казалось, отступил. Хотя создавшееся положение не было похоже на скрытую слежку, как это проделывала Маска, когда я находился в доме Флоры в Сан-Франциско. Может, со мной старается связаться какой-нибудь знакомый, но ему трудно сосредоточить внимание? Может быть, он ранен, или…?

— Люк? — позвал я. — Это ты?

Но ответа не пришло, а ощущение стало таять и, наконец, пропало совсем.

— С вами все в порядке? — забеспокоилась Корал.

— Пустяки. Мне кажется, кто-то пытался связаться со мной; а потом просто передумал.

— Связаться? Вы имеете в виду посредством Карты?

— Да.

— Но вы сказали «Люк»… — задумчиво проговорила она. — В вашей семье нет никого по имени…

— Вы могли знать его как Ринальдо, принца Кашеры.

— Ринни? — засмеялась она. — Разумеется, я его знаю. Хотя он и не любит, когда мы называем

его Ринни.

— Вы действительно знаете его? Я имею в виду лично…

— Знаю, хотя с тех пор прошло немало времени. Кашера находится весьма близко от Бегмы. Иногда мы поддерживали хорошие отношения, а иногда не очень. Сами понимаете, как это бывает. Политика… Когда я была маленькая, у нас случались длительные периоды чуть ли не дружбы. Обе стороны часто наносили официальные визиты. И нас, детей, не раз оставляли вместе.

— А каким он был в те дни?

— О! Рослым, застенчивым, рыжим мальчишкой. Очень любил пускать пыль в глаза — показать, какой он сильный, какой шустрый. Помню, как однажды он разозлился на меня, когда я победила его в беге.

— Вы победили Люка в беге?

— Да, я отлично бегаю.

— Ну, вы просто чудо!

— Несколько раз он брал нас с Найдой покататься на яхте или на прогулки верхом. А где он сейчас?

— Пьет с Чеширским Котом.

— Что?

— Долгая история…

— Мне бы хотелось услышать ее. Я беспокоюсь о нем с тех пор, как случился переворот.

— М-м-да… — я просто подумал, как отредактировать эту историю, чтобы не выдать дочери премьер-министра Бегмы никаких государственных тайн, вроде родства Люка с домом Амбера… И поэтому я начал так: — Я знал его довольно долгое время. Недавно он навлек на себя гнев одного колдуна, и тот одурманил его наркотиками и засунул в один оригинальный бар…

Затем я еще долго рассказывал частично из-за того, что мне пришлось вкратце изложить и Льюиса Кэррола. Я пообщался заодно со знакомой дамой, проходившей мимо, а потом обещал Корал одолжить издание «Алисы» на тари из библиотеки Амбера. Когда я, наконец, закончил, она расхохоталась.

— А почему вы не привели Ринни сюда?

Ай-ай-ай! Я не мог объяснить ей, что, пока он не оправится, его способность смещать Отражения функционировать не будет. Его нельзя увести, пока не кончится воздействие наркотика. Поэтому я объяснил ей так:

— Часть заклинания воздействует на его собственные колдовские способности до тех пор, пока действует наркотик.

— Интересно… А Люк действительно сам колдун?

— Э-э-э… да… — промямлил я.

— А как он обрел такие способности? Когда я его знала, у него как будто не было признаков обладания колдовским искусством.

— Колдуны приобретают свое умение разными способами, но вы и так это знаете, — неожиданно я сообразил, что она гораздо умнее, чем отражало это улыбающееся, невинное выражение лица. У меня возникло сильное ощущение, что она пытается направить разговор к тому, что Люк пользуется магией Лабиринта, и это подскажет ей немало интересного о его происхождении. — А его мать Ясра — самая настоящая колдунья.

— В самом деле? Никогда бы не подумала. Она тоже научилась этому где-то? А что насчет его отца?

— В общем-то, я не могу этого сказать.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Мимоходом.

Если она имела хоть малейшее представление о правде, то из-за лжи этот вопрос мог оказаться чрезвычайно важным. Поэтому я сделал единственное, что смог придумать. За столиком за ее спиной никто не сидел, а сзади столика не было

ничего, кроме стены. Я потратил одно из своих заклинаний, сделав незаметный жест и прошептав заветное слово. Столик перевернулся, взлетел и врезался в стену. Несколько клиентов громко вскрикнули, а я вскочил на ноги.

— Все целы? — спросил я, оглядываясь, словно в поисках пострадавших.

— А что случилось? — спросила Корал.

— Сильный порыв ветра или что-то в этом роде. Давайте отправимся дальше.

— Пошли, — согласилась она, разглядывая обломки. — Неприятности меня не привлекают.

Я бросил на столик несколько монет, на ходу придумывая темы и без умолку болтая, чтобы как можно дальше уйти от скользкого разговора. Мое красноречие произвело, очевидно, желаемый эффект, так как Корал больше не поднимала этот вопрос. Продолжая прогулку, я избрал путь к Западной Лозе. Когда мы туда добрались, я решил спуститься в порт, вспомнив про ее любовь к плаванию на яхтах. Но она остановила меня, коснувшись ладонью моей руки.

— Разве на вершину Колвира не ведет большая лестница? — спросила она. — По-моему, ваш отец попытался однажды незаметно поднять по ней войска — угодил в ловушку и вынужден был

пробиваться с боем.

— Это правда. Лестница очень старинная, расположена чуть выше и сейчас ею мало пользуются. Правда, она все еще в приличном состоянии.

— Я хотела бы ее увидеть.

— Хорошо.

Я свернул направо и мы направились обратно вверх по склону к главной площади. Нам навстречу попалась пара рыцарей с цветами герба Льювиллы. Они отдали нам честь и я не мог не подумать о том, имеют ли они какие-либо определенные поручения или выполняют приказ следить за моими передвижениями. Такая же мысль, вероятно, пришла в голову и Корал, судя по тому, как она посмотрела на меня, вскинув брови. Я пожал плечами и зашагал дальше. Когда чуть позже я оглянулся, рыцарей уже не было видно.

По пути нам встретилось немало людей в одежде дюжины различных кланов, и воздух наполнили ароматы блюд, приготовляемых под открытым небом и способных удовлетворить самые разнообразные вкусы. Поднимаясь, мы не раз останавливались, чтобы купить пирожки с мясом, йогурт или конфеты. Игнорировать такие аппетитные запахи могли лишь самые

сытые и пресыщенные. Я обратил внимание на то, как пластично передвигалась Корал, одолевая препятствия. Это была не просто грациозность. Вполне возможно, что она достигла этого после длительных тренировок. Несколько раз она оглядывалась в направлении, откуда мы пришли. Я и сам посмотрел туда, но не заметил ничего необычного. Однажды, когда при нашем приближении из подворотни вдруг вышел мужчина, я увидел, как ее ручка метнулась к кинжалу, а потом опустилась.

— Здесь так оживленно… столько всего происходит… — прокомментировала она через некоторое время.

— Верно. Как я понимаю, в Бегме меньше суеты.

— Намного.

— Там безопаснее прогуливаться, где вздумается?

— О, да.

— И женщины там проходят такое же обучение военному делу, как и мужчины?

— Обычно нет, а что?

— Просто любопытно.

— Ну, я немного обучалась драться, как с оружием, так и без него.

— Зачем?

— Отец предложил. Сказал, что это может пригодиться родственнику человека с его положением. Я подумала, что он прав. Но на самом деле он, кажется, хотел иметь сына.

— Ваша сестра тоже обучалась этому искусству?

— Нет, ее это не заинтересовало.

— Вы собираетесь делать карьеру в дипломатии?

— Скорее этим займется Найда.

— Хотите найти богатого мужа?

— Вероятно… толстого и скучного.

— А чего вы хотите на самом деле?

— Может, я скажу вам это позже.

— Ладно. Тогда я спрошу вас сам, если вы забудете.

Мы шли на юг по главной площади, усиливался ветер. Вдали в поле зрения появился свинцово-серый, с белыми барашками волн океан. Над волнами кружило много птиц и один очень гибкий дракон. Затем мы прошли под Большой Аркой и, выйдя, наконец, к лестничной площадке, взглянули вниз. Зрелище было захватывающим: с обеих сторон от короткой широкой лестницы — крутой обрыв к коричнево-черному берегу

далеко внизу. Я увидел отпечатки воды на песке, оставленные отливом и похожие на морщины на лице старика. Ветер здесь дул довольно сильно, в нем ощущался влажный, соленый запах. Корал приблизилась к краю площадки.

— Все выглядит несколько более интригующим, чем я предполагала, — помолчав, сказала она. — Вероятно, очень страшно, когда по ней поднимаешься?

— Не знаю.

— Разве вы никогда не поднимались и не спускались по ней?

— Нет. Никогда. У меня не было причин проделывать это.

— Я полагала, вам интересно повторить путь, проделанный вашим отцом.

Я пожал плечами.

— Я сентиментален, но несколько в иной плоскости.

Корал улыбнулась и предложила:

— Давайте спустимся к берегу. Пожалуйста…

— Любое ваше желание — закон, — согласился я. Мы шагнули вперед и начали спуск.

Широкая лестница привела нас вниз футов на тридцать, после чего внезапно сузилась. По крайней мере, ступеньки здесь не были мокрыми

и скользкими. Где-то далеко внизу я разглядел место, где лестница вновь расширялась, что давало возможность идти рядом вдвоем. Но пока мы спускались гуськом, и я испытывал раздражение оттого, что Корал каким-то образом очутилась впереди меня.

— Если вы нагнетесь, я перепрыгну, — предложил я.

— Зачем?

— Чтобы быть впереди в случае, если вы оступитесь.

— Ничего… я не оступлюсь.

Я решил, что спорить не стоит, и позволил ей идти первой. Лестничные площадки, после которых менялось направление, следовали без всякой системы, вырубленные там, где очертания скал позволяли такой поворот, поэтому некоторые марши были длиннее других и путь вел нас по всему фасаду горы. Ветер тут дул намного сильнее, чем наверху, и теперь мы старались держаться как можно ближе к склону горы, насколько позволял рельеф. Да и не будь такого ветра, мы все равно делали бы то же самое. Отсутствие перил заставляло находиться подальше от края. Случалось местами, что горная порода нависала над нами, а в иных местах мы

шли по каменистым выступам и чувствовали себя открытыми со всех сторон. Ветер несколько раз хлестал меня плащом по лицу. Я выругался, вспомнив, что местные жители редко посещают исторические места собственного края. И я начал понимать их мудрость. Корал спешила вперед, и мне пришлось увеличить скорость, чтобы нагнать ее. Впереди уже показалась лестничная площадка, обозначившая первый поворот пути. Я надеялся, что там она остановится и скажет мне, что передумала спускаться дальше, но такого не случилось. Корал свернула и продолжила спуск. Ветер украл мой вздох и унес его в какую-то сказочную пещеру, предназначенную для стенаний обманутых. И все же я иногда поглядывал вниз, но не мог не вспомнить об отце, поднимающемся по этим ступенькам и прокладывающем себе путь мечом. Не хотел бы я оказаться на его месте, по крайней мере, пока не истощатся более хитрые ходы. Затем я подумал, насколько мы уже ниже уровня самого дворца… Когда мы, наконец, добрались до площадки, после которой лестница расширялась, я поспешил догнать Корал, чтобы иметь возможность идти рядом. В спешке я споткнулся о какую-то корягу, но выбросил руку вперед и сумел обрести устойчивость. Меня,

однако, изумила чуткость Корал и ее реакция. Она неожиданно бросилась назад, пальцы ее соединились с моей рукой, и она подтолкнула меня к скале.

— Ладно! — выдохнул я из быстро пустеющих легких. — Со мной все в порядке.

Она поднялась и отряхнулась, пока я восстанавливал равновесие и дыхание.

— Я услышала… — начала, было, она.

— Все понятно, но я просто зацепился каблуком, вот и все.

— Я не могла этого знать.

— Все в порядке. Спасибо.

Мы принялись спускаться по лестнице бок о бок, но что-то изменилось. Теперь у меня затаилось подозрение, которое я никак не мог развеять. Во всяком случае, пока. Пришедшее мне на ум было слишком опасным, если я окажусь прав. Но я все же сказал:

— Карл у Клары украл кораллы.

— Что? — переспросила она меня. — Не понимаю.

— Я сказал: «Какой приятный день для прогулки с хорошенькой женщиной».

Корал покраснела, а потом осведомилась:

— На каком языке вы это сказали… в первый

раз?

— На английском.

— Я его не изучала, и говорила вам про это, когда мы беседовали про Льюиса Кэррола.

— Я понимаю. Просто причуда с моей стороны.

Берег, к которому мы спускались, был полосатым и местами сверкал. Вдоль него тянулись волнистые линии пены, а птицы кричали и пикировали на выброшенные волнами водоросли. На некотором расстоянии от берега виднелись паруса, а на юго-востоке далеко в море рябила небольшая завеса дождя. Ветер перестал шуметь, хотя еще налетал с силой, способной сорвать плащ. Мы молча продолжали спуск, пока не достигли подножия. Сойдя со ступенек, мы прошли несколько шагов по песку.

— Порт в том направлении, — показал я налево, на запад. — А в той стороне располагается церковь, — прибавил я, указывая на темное здание, где служили панихиду по Каину и где матросы молятся иногда о безопасном плавании. Корал посмотрела в обоих направлениях, а затем оглянулась на пройденный нами путь. Я поднял глаза и заметил неподалеку от вершины три фигуры на лестнице, но они просто стояли, не двигаясь, словно прошли небольшое расстояние по лестни-

це, чтобы полюбоваться панорамой. Я не заметил, чтобы на их одежде были цвета Льювиллы.

— Наверняка какие-нибудь туристы, — решил я.

Корал тоже наблюдала за ними, но потом отвела глаза.

— А нет ли тут поблизости пещер? — поинтересовалась Корал.

Я кивнул направо.

— Есть несколько в той стороне. В них периодически теряются люди и их приходится разыскивать и выводить оттуда. Некоторые из пещер весьма красивы, в других же просто бродишь во тьме. А иные представляют собой всего-навсего неглубокие расщелины.

— Я хотела бы осмотреть их.

— Нет ничего легче. Идемте.

Мы зашагали к пещерам. Люди на лестнице даже не шевельнулись, любуясь морем. Я не думал, что это контрабандисты. Этим делом не занимаются среди бела дня там, куда могут забрести посторонние. И все же я радовался, что моя подозрительность растет. В свете недавних событий это могло оказаться полезным. Конечно же, главный объект моих подозрений шел рядом со мной, пиная носком сапожка плавник и вороша яркую

гальку. Она чему-то смеялась, а я напряженно размышлял. Неожиданно Корал взяла мою руку.

— Благодарю, что пригласили меня на прогулку. Я получила большое удовольствие.

— Не стоит благодарности. Я бесконечно рад, что смог услужить вам.

Я невольно почувствовал себя слегка виноватым, но если моя догадка верна, то ничего плохого пока не случилось.

— Мне бы понравилось жить в Амбере, — заметила Корал.

— Мне тоже. Но по-настоящему мне не удавалось прожить тут достаточно длительное время.

— Почему?

— Полагаю, я так вам по-настоящему и не объяснил, сколько лет я провел на Отражении Земле, где учился в колледже, а потом занимался работой, о которой я вам уже рассказывал… — начал я, и внезапно из меня посыпались новые детали моей биографии, чего обычно я стараюсь избегать. Сперва я не был уверен, что правильно поступаю, а потом сообразил, что мне просто захотелось с кем-нибудь поговорить. Даже если мое странное подозрение правильно — это не имело значения. Внимательность слушательницы заставила меня почувствовать себя увереннее, чем я чувствовал

себя в последнее время. И прежде чем успел это понять, я начал рассказывать об отце — о том, как этот человек, которого я едва знал, в спешном порядке изложил мне свою длинную повесть о своей борьбе, о своих проблемах и решениях этих проблем, словно пытаясь оправдаться передо мной, будто ему предоставилась единственная возможность поведать мне все это, и о том, как я слушал, гадая, что оставляет невысказанным, что забыл, что мог истолковать в лучшую сторону и приукрасить, и какие чувства испытывал ко мне.

— А вот и пещеры, — уведомил я Корал, когда мы, наконец, добрались до них, и это заставило меня прекратить смущенные излияния.

Корал начала что-то говорить по поводу прерванного монолога, но я просто добавил:

— Я видел их только раз.

Она уловила перемену моего настроения и попросила:

— Я хотела бы посетить одну из них.

Я кивнул. Пещера казалась неплохим местом для задуманного мною. Выбрал я третью. Вход в нее был шире, чем у первых двух, а прямой проход тянулся на приличное расстояние.

— Давайте заглянем вот в эту, — предложил я

девушке. — Она неплохо освещена.

Мы вошли в сумрачную прохладу пещеры. Влажный песок тянулся на некоторое расстояние от входа, постепенно переходя в камень. Потолок то снижался, то поднимался над нами. Поворот налево соединил нас с галереей, ведущей к другому входу, так что заглянув туда, я увидел свет. Еще одно ответвление вело глубже в гору. С места, где мы остановились, еще ощущался пульс моря.

— Эти пещеры могут увести вглубь очень далеко, — заметила Корал.

— Точно. Ходы извиваются, пересекаются и петляют. Я не хотел бы заходить чересчур далеко без карты и фонаря. Полностью их так и не нанесли на карты, это я точно знаю.

Она огляделась по сторонам, изучая боковые туннели, которые входили в тот, где остановились мы.

— Как, по-вашему, эти ходы далеко уходят вглубь?

— Просто не знаю.

— Под самый дворец?

— Вероятно, — неопределенно ответил я, вспомнив несколько ответвлений, пройденных мною по дороге к Лабиринту. — Кажется, они могут привести в большие пещеры под ним.

— А на что похожи те пещеры?

— Которые под дворцом? Просто темные и большие… и очень древние…

— Я хотела бы посмотреть на них.

— Для чего?

— Там есть Лабиринт. Говорят, очень красивое зрелище.

— О да, такой яркий и сплошь закрученный, хотя и довольно пугающий.

— Как вы можете так говорить, раз прошли его?

— Проходить и любить его — две большие разницы.

— Я просто подумала, что если у тебя есть способности пройти его, то ты должен ощущать какую-то близость, какое-то глубокое созвучие и родство с ним.

Я рассмеялся и вокруг нас гулко раскатилось эхо.

— О, когда я проходил его, то знал, что во мне есть способность успешно дойти до конца, однако загодя я этого не ощущал. Тогда я был просто напуган и никогда не любил его.

— Странно…

— Да нет, не очень. Он все равно, что море или ночное небо. Он большой, могучий, прекрасный,

и он есть. Он стихия и сила, и представляется тебе всем, чем угодно.

Она оглянулась на галереи, ведущие вглубь.

— Я бы хотела увидеть его, — повторила Корал.

— Я не стал бы пытаться искать отсюда к нему дорогу. Зачем вы, собственно, хотите его увидеть?

— Хочу посмотреть, как я отреагирую на такое явление.

— Вы странная девушка.

— Вы проводите меня туда, когда мы вернемся? Покажете мне его?

Дело оборачивалось совсем не так, как я задумывал. Если она была тем, что я подозревал, то тогда ее просьба была совершенно непонятна. Однако я действовал, установив для себя определенный порядок, и я чувствовал, что она является тем, насчет чего я дал себе одно обещание и сделал кое-какие приготовления.

— Может быть… — проронил я.

— Пожалуйста. Я действительно хотела бы на него посмотреть.

Она казалась искренней. Но моя догадка не вызывала во мне сомнений. Прошло уже достаточно времени, чтобы тот странный, меняющий тела дух, упрямо идущий по моему следу во многих об-

личьях, подыскал себе нового носителя, а потом снова вышел на меня, втираясь в доверие. Корал идеально подходила для этой цели. Ее вполне своевременное прибытие, ее забота о моей физической безопасности были очевидны, а рефлексы быстры. Я хотел бы порасспросить ее, но понимал, что она просто солжет при отсутствии доказательства или чрезвычайной ситуации. И я не доверял ей. Поэтому я вновь приготовил заклинание, составленное мной по пути домой из Лесного Дома — заклинание, предназначенное для изгнания существа, вселившегося в его носителя. На миг меня охватили сомнения. Чувства мои к ней были двусмысленными. Даже если она была тем самым существом, я бы, возможно, согласился примириться с ней, если бы знал мотивы ее поступков.

— Вы хотите именно этого? — спросил я.

— Просто посмотреть. Честное слово!

— Нет, я имею в виду, что если вы не та, кого я знаю на самом деле, то задаю главный вопрос: почему?

Фракир на моем запястье запульсировал.

Корал промолчала ровно столько, сколько понадобилось на слышимый глубокий вздох, а затем осведомилась:

— Как ты смог догадаться?

— Ты выдала себя в мелочах, незаметных только тому, кто стал параноиком.

— Магия, не так ли? — догадалась она.

— Примерно так. Может быть, я почти скучал по тебе, но до сих пор не могу тебе доверять.

Затем я произнес командные слова заклинания, плавно разведя руки в нужных направлениях. Последовали два ужасных крика, затем третий. Но крики принадлежали не ей. Они доносились из-за угла, оттуда, где мы давно прошли.

— Какого… — начала она.

— …черта! — закончил я и ринулся мимо нее за угол, обнажая острый меч.

У отдаленного входа в пещеру я заметил на полу три фигуры. Двое из них растянулись во весь рост и не двигались. Третий сидел согнувшись и ругаясь. Я медленно приблизился, направив на сидящего острие оружия. Его темная голова повернулась в мою сторону, и он с трудом поднялся на ноги, все еще оставаясь в согнутом положении. Придерживая одной рукой другую, он, пятясь, отступал, пока не соприкоснулся со стеной. Там он остановился, что-то бормоча, чего я толком не расслышал. Я продолжал наступление, держась наготове и не теряя бдительности. Мельком я

заметил, как выжидает за моей спиной Корал, а затем, когда проход расширился, уловил, что она страхует меня слева. Девушка обнажила кинжал и держала его близко к бедру и чуть ниже его. Сейчас не время гадать, что же могло сделать с ней мое заклинание. Дойдя до первого из двух павших людей, я остановился и пнул его носком сапога, готовый внезапно отступить и перейти в контратаку, если он вскочит и нападет. Никакой реакции с его стороны. Человек казался обмякшим и безжизненным. Я перевернул его ногой и голова покатилась к выходу из пещеры. В упавших там на нее лучах солнца я разглядел полуразложившееся человеческое лицо. Мой нос уже уведомил меня, что такое состояние не было лишь иллюзией. Тогда я приблизился к другому и тоже перевернул его. Он тоже был уже разложившимся трупом. Первый сжимал в руке кинжал, а второй был безоружен. Затем я заметил еще один кинжал на полу, почти у самых ног оставшегося в живых человека. Я поднял на него внимательный взгляд. Все это не имело ни малейшего значения. Эти два трупа были покойниками, по меньшей мере, несколько дней, и я понятия не имел, что же затевал стоящий у стены.

— Э… вы не против сообщить мне, что тут про-

исходит? — вежливо осведомился я.

— Будь ты проклят, Мерлин! — прорычал человек, и я мгновенно узнал этот голос.

Я двинулся вперед, описал дугу и перешагнул через павших. Корал оставалась рядом со мной, двигаясь точно так же. Он повернул голову, следя за нашими движениями, и когда, наконец, на его лицо упал свет, я увидел, что Юрт прожигает меня взглядом своего единственного здорового глаза, другой закрывала повязка, и заметил также, что половина его волос отсутствует и обнаженный оскальпированный череп покрыт рубцами и шрамами, и четко выделялось полуотросшее, обугленное ухо. Заодно я разглядел, что пиратская косынка, прикрывавшая раньше это безобразие, сползла ему на шею. С его левой руки капала кровь, и я вдруг понял, что у него недостает мизинца.

— Что с тобой случилось? — спросил я.

— Один из зомби, падая, угодил мне кинжалом по руке, — промямлил он, — когда ты, изгаляясь, изгнал оживляющих их духов.

Мое заклинание было для изгнания духов, занявших чужое тело… Они находились в радиусе действия заклинания.

— Корал, — поинтересовался я, — с тобой все

в порядке?

— Да, но я не понимаю…

— Позже, — остановил я ее.

Я не спросил, что у него с головой, так как вспомнил поединок с одноглазым вервольфом в лесу, к востоку от Амбера — со зверем, которого я засунул башкой в костер. Я давно подозревал, что это был Юрт, сменивший облик, даже до того, как Мондор предоставил достаточно сведений в подтверждение этого.

— Юрт, — начал я, — я был причиной многих твоих несчастий, но ты должен понять, что сам навлек их на себя. Если бы ты не напал на меня, мне бы не понадобилось защищаться…

Раздался щелкающий, скрипучий звук. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что он скрежетал зубами.

— Произведенное твоим отцом усыновление ничего для меня не значит, — продолжал я, — помимо того, что он оказал мне честь. Я даже не знал об этом факте до последнего времени.

— Врешь! — прошипел он. — Ты заставил отца сделать это с помощью какой-то хитрости, чтобы раньше меня иметь право на наследство.

— Ты, должно быть, шутишь, — усмехнулся я. — Все мы стоим настолько низко в списке, что

это не имеет никакого значения.

— Не Короны, дурак! Дома! Наш отец при смерти!

— Печально это слышать, но я никогда не задумывался над этим. В любом случае впереди всех стоит Мондор. Печально слышать….

— А теперь ты второй.

— Брось! Мне никогда не видать этого титула, и ты это отлично знаешь!

Юрт выпрямился во весь рост, и когда он двинулся, я впервые заметил на его тени слабый призматический нимб.

— Настоящая причина не в этом, — продолжал я. — Ты всегда ненавидел меня и охотишься на меня не из-за права наследования. Вероятно, есть что-то другое в твоей навязчивой идее. Кстати, Огненного Ангела ведь ты подослал, не так ли?

— Ты так быстро это обнаружил? — поразился Юрт. — Полагаю, стоил тех денег, которые я за него заплатил. Но… что случилось?

— Он мертв.

— Ты удачлив. Слишком удачлив! — скривился он.

— Чего тебе, надо, Юрт? Я хотел бы уладить это дело раз и навсегда.

— Я тоже. Ты предал того, кого я люблю, и лишь

твоя смерть может быть отмщением.

— О ком ты говоришь? Я не понимаю тебя!

— Поймешь, — пообещал он. — В последнюю минуту твоей жизни я скажу тебе.

— Тогда тебе придется ждать очень долго, — съехидничал я. — Ты, кажется, не очень ловок в таких делах. Почему бы тебе просто не рассказать все это сейчас и не портить свои гнилые нервы?

Он засмеялся и призматический нимб стал ярче. Только в этот момент до меня дошло, что это такое.

— Раньше, чем ты думаешь, — пригрозил Юрт, — ибо скоро я буду мощнее, чем ты можешь себе представить.

— Но это не прибавит тебе ловкости. Ты всегда был разгильдяем, так что займись гимнастикой, — посоветовал я ему и тому, кто в это время держал его Козырь, следя за мной, и готовился выдернуть Юрта отсюда в одно мгновение.

— Это ведь ты, Маска, не так ли? — обратился я к неведомому. — Забирай его отсюда, пока он не наложил в штаны, ведь здесь присутствует дама. Я повышу тебя в списке своих первоначальных дел и скоро навещу тебя, если дашь мне знать, что это действительно ты.

Юрт открыл пасть и что-то произнес, но что

именно, я не расслышал, так как он быстро таял, и его слова исчезли вместе с ним. Когда это произошло, в меня что-то полетело. Парировать это не было надобности, но я не смог задержать рефлекторное движение. Рядом с двумя гниющими трупами и мизинцем Юрта на полу у моих ног лежало россыпью два десятка роз.

Когда мы направились по берегу в сторону порта, Корал, наконец, заговорила:

— Здесь такое часто случается?

— Сама видишь. Ты появилась в очень сложное время, — иронически обронил я.

— Если ты не возражаешь, то я бы хотела услышать, что все это значит.

— Думаю, что я обязан дать тебе какое-то объяснение, потому что поступил там с тобой несправедливо. По всей вероятности, ты даже об этом не догадываешься.

— Ты это серьезно?

— Вполне.

— Продолжай. Мне действительно любопытно.

— Долгая история, — протянул я.

Она посмотрела вперед в сторону порта, а потом вверх — на вершину Колвира.

— Путь тоже долгий, — заметила она.

— А ты — дочь премьер-министра страны, с

которой наши отношения в данный момент несколько щекотливые.

— Что ты имеешь в виду?

— Кое-какие сведения о том, что здесь происходит, могут быть кое в чем секретными.

Корал положила руку мне на плечо и остановилась, посмотрев мне прямо в глаза.

— Я могу хранить тайны, — заговорила она. — В конце концов, ты же знаешь мою.

Я поздравил себя с тем, что научился, наконец, трюку своих родственников — полному управлению мышцами лица, когда чертовски озадачен. Она-таки сказала в пещере кое-что, когда я обратился к ней, словно к тому существу, и мне показалось, будто она решилась не сохранять передо мной связывавшую ее тайну. Поэтому я улыбнулся и кивнул.

— Все верно.

— Ведь вы не планируете опустошить мою страну или что-нибудь в этом духе, не так ли?

— Насколько я в курсе — нет, и считаю это маловероятным.

— Вот и отлично. Сказать-то ведь можно, только узнав, да?

— Верно.

— Так давайте выслушаем эту историю.

— Ладно.

Пока мы шли вдоль берега, я рассказывал то, что не мог не вспомнить под аккомпанемент звуков волн — длинное повествование отца. Возможно, это семейная черта — пускаться в автобиографические рассказы, если попадется подходящий слушатель. К такому выводу я пришел, так как понял, что касаюсь в своем рассказе ненужных подробностей. И почему вообще я решил, что она подходящий слушатель? Когда мы добрались до портового района, я понял, что все равно не насытился и по-прежнему хочу многое рассказать. При свете угасающего дня, создающем, несомненно, более безопасную обстановку, нежели во время моего визита в этот район, я направился по дороге, которая, будучи освещенной, казалась еще более грязной. Узнав, что Корал проголодалась, я повел ее к противоположной стороне бухты, остановившись на несколько минут посмотреть, как огибает мол и заходит в порт многомачтовое судно с золотыми парусами. Затем мы последовали изогнутой дорогой к Западному Берегу, и я без особого труда сумел разыскать переулок Бриза. Было еще достаточно рано, чтобы встретить по пути пьяных матросов. Один раз к нам пытался подвалить здоровый мрачный чернобородый

тип с интересным шрамом на правой щеке, но какой-то парень помельче догнал его раньше и шепнул ему что-то на ухо. Оба отвернулись и зашагали дальше.

— Эй! — окликнул я. — Чего он хотел?

— Ничего, — ответил малый, — он ничего не хотел. — Затем он окинул меня быстрым изучающим взглядом и добавил: — Я видел вас здесь однажды ночью.

— А-а-а… — протянул я, а они тем временем свернули за ближайший угол.

— О чем, собственно, шла речь? — не поняла Корал.

— Я еще не добрался до этой части рассказа.

Но я живо вспомнил тот случай, когда мы миновали место схватки. Никаких следов ее не осталось. Я чуть не прошел мимо «Окровавленного Билла», потому что над дверью красовалась новая вывеска: «Окровавленный Энди», написанная свежей зеленой краской. Тем не менее внутри заведение осталось точно таким же, за исключением человека за стойкой, оказавшегося выше и тоще того с каменным лицом, обслуживавшего меня в прошлый раз. Звали его, как я узнал, Джек, и он доводился Энди братом. Он продал нам бутылку «Мочи Бейля» и передал через отверстие

в стене наш заказ на два рыбных обеда. Столик, который я занимал в прошлый раз, пустовал, и мы заняли именно его. Я положил пояс с мечом справа от себя, частично вытащив из ножен, так как был уже знаком со здешним этикетом.

— Мне нравится это заведение, — решила она. — Оно какое-то.... необычное...

— О... да, — согласился я, взглянув на двух пьяных, одного у дверей заведения, а другого — в глубине, и на трех типов с бегающими глазками, тихо беседующих в углу. На полу возле подозрительного вида пятен валялось несколько разбитых бутылок, а на противоположной стене висели не слишком изощренные эротические произведения искусства.

— Готовят здесь прилично, — добавил я.

— Никогда не посещала подобных заведений, — сообщила она, наблюдая за черной кошкой, которая выскочила из подсобки и сражалась с крысой.

— У ресторана есть свои завсегдатаи, — пояснил я. — Сверхразборчивые гурманы, которым дорог секрет здешней кухни.

Я продолжал рассказ, уплетая обед даже активнее, чем в прошлый памятный раз. Когда немного позже открылась наружная дверь, впустив хро-

мого коротышку с грязным бинтом на голове, я заметил, что дневной свет начинает меркнуть. Так как я уже закончил свой рассказ, то можно было уже уходить.

Я так прямо и заявил, но она накрыла мою руку ладонью.

— Ты знаешь, я не то существо, — сказала Корал, — но если тебе необходима помощь, то можешь на меня рассчитывать.

— Ты умеешь хорошо слушать, — поблагодарил я ее. — Спасибо. А теперь нам лучше все-таки уйти.

Мы выбрались из Закоулка Смерти без всяких происшествий и направились портовой дорогой к Лозе. Когда мы стали подниматься, солнце уже садилось и булыжники мостовой радужно отсвечивали. Уличное движение было довольно редким. В воздухе плыли запахи кухни, на улицах шуршали листья. Высоко над головой парил, оседлав воздушные потоки, маленький желтый дракончик. На севере за дворцом рябила многоцветная завеса. Я продолжал молчать, ожидая от Корал новых вопросов, но так и не дождался. Если бы я выслушал рассказ, подобный моему, у меня возникло бы немало вопросов.

— Когда мы вернемся во дворец? — спросила

она.

— Скоро.

— Ты ведь отведешь меня посмотреть Лабиринт, не так ли?

Я рассмеялся и осведомился:

— Сразу же? Как только переступим порог?

— Да.

— Разумеется.

Затем ее мысли направились по другому руслу.

— Твой рассказ меняет мое представление о мире, — вздохнула Корал. — Я бы не взяла на себя смелость советовать тебе…

— Но… — продолжил я за нее.

— …кажется, что Замок Четырех Миров содержит все нужные тебе ответы. Когда ты узнаешь, что там происходит, все прочее займет свои места. Но мне непонятно, почему ты просто не можешь нарисовать Козырь и козырнуться в Замок?

— Хороший вопрос. Во Дворах Хаоса есть места, куда никто не может козырнуться, потому что они постоянно меняются и их нельзя изобразить перманентными средствами. То же самое относится и к месту, где я расположил Колесо-призрак. Местность вокруг Замка порядком изменчива,

правда, я не убежден, что причина невозможности козырнуться туда именно в этом. Это место — средоточие мощной силы. И я думаю, кто-то сумел повернуть какую-то часть этой силы на создание экранирующих чар. Хороший маг сумел бы пройти сквозь них по Карте, но у меня сложилось ощущение, что прикосновение потребовавшейся для этого силы, вероятно, поднимет тревогу и нарушится элемент внезапности.

— А на что вообще похоже это место?

— Ну… — начал, было, я, — вот… — я вынул из кармана рубашки блокнот, фломастер и быстро набросал план местности. — Видишь, вот это район вулканической деятельности. — Я нацарапал несколько гейзеров. — А с другой стороны — ледниковый период, — новые штрихи, — вот тут океан, а здесь горы…

— Тогда, кажется, тебе лучше всего ставить на новое применение Лабиринта, — заявила Корал, изучая рисунок и покачивая головкой.

— Да?

— Ты скоро собираешься прибегнуть к этому?

— Возможно.

— Как ты на них нападешь?

— Я все еще работаю над этим вопросом.

— Если я смогу тебе в чем-то помочь, то учти, я

не отказываюсь от своих прежних слов.

— Спасибо, но я в этом не нуждаюсь.

— Без всяких обсуждений?

— Да.

— Если ты передумаешь…

— Не надейся.

— …то дашь мне знать.

Мы добрались до площади и зашагали по ней. Здесь ветер дул сильней, моей щеки коснулось что-то холодное, потом опять…

— Снег, — объявила Корал, как раз тогда, когда я сообразил, что вокруг нас кружат небольшие снежинки. Падая на землю, они мгновенно таяли.

— Если бы ваша делегация прибыла в намеченное время, возможно, мы не смогли бы отправиться на такую прогулку.

— Иногда мне везет, — улыбнулась она.

К тому времени, когда мы добрались до дворца, снег повалил довольно густо. Мы вновь воспользовались воротами через потерну, задержавшись на мгновение, чтобы оглянуться на подмигивающий огоньками город. Корал смотрела вдаль, и я перевел взгляд на нее. У нее был очень счастливый вид, словно она пыталась запомнить этот момент своей жизни. Потом я нагнулся и поцеловал ее в щечку, так как это представилось мне

хорошей идеей.

— О, — повернулась она ко мне, — ты меня удивляешь!

— Хорошо, — обрадовался я. — Терпеть не могу заранее извещать о своих намерениях. Давай уведем войска на зимние каникулы.

Корал улыбнулась и взяла меня за руку. Часовой за дверью приветливо поздоровался и передал мне сообщение:

— Льювилла хочет знать, присоединитесь ли вы к остальным за обедом?

— А когда обед? — уточнил я.

— Часа через полтора.

— Часа через полтора?

Я взглянул на Корал, которая пожала плечами.

— Думаю, присоединимся, — произнес я.

— Первая столовая наверху, — подсказал он мне. — Должен ли я сообщить об этом, или же вы не хотите…

— Да, так и сделайте, — сказал я часовому и повернулся к девушке. — Не желаешь ли умыться, переодеться…

— Лабиринт! — твердо заявила она.

— Тогда снова потребуется путешествие по лестнице, — предупредил я Корал.

Она повернулась ко мне с серьезным видом, но

увидела, что я улыбаюсь.

— Сюда, — показал я, проводя ее через главный холл. Я не знал часового в конце короткого коридора, ведущего к лестнице. Но он знал, кто я, и с любопытством уставился на Корал. Открыв все-таки дверь, он нашел там фонарь и зажег его.

— Мне сказали, что там есть ненадежная ступенька, — сказал он. — Но никто другой, кажется, ее не заметил.

— Ладно, — сказал я, беря фонарь. — Спасибо.

На этот раз Корал не возражала, чтобы я шел первым. Эта лестница вызывала больше страха, чем та, которая проходила по склоку горы, в основном потому, что через несколько шагов спуска ничего не было видно, кроме круга света, в котором приходилось спускаться по спирали. Здесь также присутствовало ощущение пустоты, окружающей со всех сторон. Я никогда не видел этого подземелья полностью освещенным, но понимал, что ощущение пустоты отнюдь не ложное. Пещера очень большая и приходится круг за кругом спускаться, гадая, когда доберешься до дна.

Через некоторое время Корал кашлянула и спросила: Можно нам на минутку остановиться?

— Разумеется, — я остановился. — Ты устала?

— Нет. Далеко еще?

— Не знаю. Каждый раз, когда я прохожу этим путем, расстояние кажется иным. Если ты хочешь вернуться и пообедать, то мы осмотрим его завтра. У тебя был тяжелый день.

— Нет, но я не стала бы возражать, если бы ты меня обнял.

Место казалось неподходящим для проявления романтических чувств и поэтому я мудро заключил, что для такой просьбы есть другая причина. Потребовалось некоторое время для того, чтобы сообразить, что она плачет. Она великолепно скрывала этот факт.

— Что случилось? — наконец заинтересовался я.

— Ничего, это нервная реакция. Первобытный рефлекс. Темнота, клаустрофобия, что-то вроде этого.

— Вернемся?

— Нет.

И мы продолжили спуск. Примерно через полминуты я заметил у края ступеньки что-то белое и замедлил шаг, и лишь потом сообразил, что это всего лишь носовой платок. Приблизившись, я обнаружил, что его удерживает на месте кинжал. Я остановился, протянул руку, расправил платок

и прочитал:

«ВОТ ЭТА, ЧЕРТ ПОБЕРИ! ЖЕРАР»

— Здесь осторожней, предупредил я Корал.

Я уже приготовился было ее перешагнуть, но, поддавшись неведомому импульсу, слегка тронул ее ногой. Ничего. Я переместил на нее часть веса. Ничего. Ступенька казалась прочной. Я встал на нее. То же самое. Я пожал плечами.

— Все равно осторожней, — посоветовал я ей.

У меня замерло сердце, когда она шагнула на ступеньку, но ничего не случилось, и мы продолжили путь. Немного позже, далеко внизу я заметил мерцание. Оно перемещалось и я понял, что что-то передвигалось. Для чего, интересно? Может, это заключенные? И их кто-то кормит? А как понимать, что камера, с Лабиринтом заперта, а ключ повешен на стенку, рядом с дверью? Может быть, существует вероятность нападения со стороны? Как? Почему? Я решил, что как-нибудь займусь этим вопросом вплотную. Когда мы, наконец, добрались до самого низа, часового нигде не было. Стол, козлы и несколько шкафчиков, составляющих караульную, освещались множеством фонарей, но часового на посту не было. Жаль… Интересно было бы спросить, что пред-

писывала инструкция в случае чрезвычайного происшествий, а также просто узнать, что это вообще за происшествия. Затем я заметил веревку, свисающую из темноты с козел с инструментами и оружием. Я очень осторожно потянул за нее, и она податливо поддалась и через секунду откуда-то сверху послышался слабый металлический звук. Интересно… Вероятно, это сигнализация.

— В какую… сторону? — спросила Корал.

— О, идем, — спохватился я, взяв ее за руку, и мы повернули направо.

Когда мы шли, я рассчитывал услышать эхо, но не услышал. Периодически я поднимал фонарь. Темнота немного отступала, но в поле зрения не появлялось ничего, кроме круга света на каменном полу. Корал стала замедлять шаги, и я ощутил напряжение ее руки, когда она стала отставать. Но я вел ее дальше и дальше. Наконец, когда я все-таки услышал эхо шагов, то решил подбодрить ее:

— Теперь уже близко.

— Хорошо, — промолвила она, но шага не ускорила.

И вот в поле зрения появилась серая стена пещеры, а чуть дальше располагалось темное отверстие входа в туннель. Когда мы, наконец,

вошли в него, она вздрогнула.

— Если бы я только знал, что это так сильно на тебя подействует… — начал, было, я.

— Да со мной все в порядке, и я все-таки хочу увидеть его. Просто я не представляла, что попасть сюда будет так сложно…

— Самое страшное позади. Теперь уже скоро.

Довольно быстро мы добрались до первого бокового хода, ведущего налево, и двинулись дальше. Вскоре после него был следующий и я замедлил движение, посветив фонарем в сторону.

— Кто знает, — проговорил я, — возможно, он ведет каким-то странным путем до самого берега.

— Что-то я в этом сомневаюсь, — возразила она.

Мы двигались еще некоторое время, прежде чем миновали третье ответвление. Я мельком заглянул в него. Чуть дальше в пещере блеснули прожилки какого-то яркого минерала. Я ускорил шаг, и она не отставала. Шаги теперь громко отдавались в туннеле. Мы миновали четвертое ответвление… пятое… Мне показалось, что неведомо откуда слышатся слабые звуки музыки. Когда мы приблизились к шестому ответвлению, Корал вопросительно взглянула на меня, но я

зашагал дальше. Мне требовался седьмой проход и когда мы, наконец, подошли к нему, я свернул, сделал несколько шагов, остановился и поднял фонарь. Мы стояли перед массивной, окованной металлом дверью. Я снял с крючка на стене ключ, провернул его в замке и повесил обратно. Потом я навалился на дверь плечом и с силой толкнул ее. Последовал долгий миг сопротивления, затем медленное движение, сопровождаемое скрипом тугой петли. Фракир стянул мне запястье, но я продолжал толкать, пока дверь не открылась. Потом я посторонился, пропустив Корал вперед и придерживая дверь. Она прошла мимо меня, сделала несколько шагов в эту странную камеру и замерла на месте. Я отошел от двери, прикрыв ее, и приблизился к спутнице.

— Так вот, он, значит, какой... — прошептала Корал.

Приблизительно эллиптической формы, сложно закрученный овальный контур Лабиринта пылал на полу голубовато-белым светом. Я отставил фонарь в сторону. В нем, в общем-то, не было необходимости, так как Лабиринт давал достаточно света. Я погладил Фракира, успокаивая его. На противоположной стороне огромного рисунка появился сноп искр, быстро погас и появился сно-

ва, ближе к нам. Камера казалась наполненной какой-то пульсацией, никогда ранее мною сознательно, не замечаемой. Повинуясь импульсу, а также с целью удовлетворения давнего любопытства, я вызвал Знак Логруса.

Это было ошибкой. Как только передо мной вспыхнул образ Логруса, по всей длине Лабиринта сразу же взлетели искры и откуда-то раздался звук, похожий на вой сирены. Фракир буквально взбесился, в уши будто вбили сосульки, а от ярости извивающегося Знака стало больно глазам. В тот же миг я изгнал Логрус и суматоха утихла.

— Что? — Испуганно спросила Корал. — Что это было?

Я попытался улыбнуться, но мне это не совсем удалось.

— Небольшой эксперимент, который я давно хотел провести, — сообщил я.

— Ты научился чему-либо благодаря ему?

— Да. Не делать этого никогда в жизни.

— Или, по крайней мере, не делать этого в обществе других, — укоризненно вымолвила она. — Мне было больно.

— Извини.

Корал приблизилась к краю Лабиринта, который почти успокоился.

— Жуть, — проронила она, — точно свет во сне. Но он великолепен! И вы все должны пройти его, чтобы обрести свое наследие?

— Да.

Она медленно двинулась направо, проходя по периметру. Я следовал за ней, пока она не торопясь шагала, обводя взглядом яркие просторы дуг и поворотов, коротких прямых линий, длинных маятниковых прямых с искривлениями.

— Это трудно?

— Да. Весь фокус в том, чтобы жать и жать, и не переставать этого делать даже когда перестаешь двигаться.

Мы постояли с минуту молча, пока она рассматривала Лабиринт под новым углом.

— И как он тебе понравился? — поинтересовался я.

— Эстетичен.

— А что ты еще чувствуешь?

— Мощь. Кажется, он что-то излучает, — она нагнулась вперед и помахала рукой над ближайшей линией. — Здесь давление почти физическое.

Мы двинулись дальше, проходя с другой стороны вдоль всей длины огромного рисунка. Я видел по другую сторону Лабиринта место, где горел на полу рядом со входом фонарь. Его свет почти

терялся в призрачном мерцании Лабиринта.

Вскоре Корал остановилась снова.

— А что это за линия, которая, кажется, кончается прямо здесь? — показала она.

— Это не конец, — уточнил я. — это начало, именно с этого места и начинают проходить Лабиринт.

Корал подошла еще ближе, проведя над линией рукой.

— Да, — заявила она миг спустя. — Я чувствую это.

Не знаю, сколько мы так стояли. Затем она взяла меня за руку и сжала.

— Спасибо за все, — произнесла она.

Я уже собирался спросить ее, за что она меня благодарит, когда она двинулась вперед и наступила на линию.

— Нет! — закричал я. — Стой!

Но было поздно. Ее ножка уже опустилась на линию, и яркий свет очертил подошвы сапог.

— Не двигайся! — скомандовал я. — Что бы я ни делал — стой смирно и не шевелись!

Она застыла и сохранила прежнюю позу. Я провел языком по губам, которые мгновенно пересохли.

— Теперь постарайся поднять ногу, поставлен-

ную тобой на линию, и убрать ее. Ты можешь это сделать?

— Нет…

Я опустился на колени рядом с ней и изучил обстановку. Теоретически, коль ступишь на Лабиринт, возврата уже нет. Остается только один выбор — продолжить движение, и либо успешно пройти его, либо быть уничтоженным где-то в пути. С другой стороны, ей, опять же теоретически, и так уже полагалось умереть. Ибо никто, кроме лиц королевской крови Амбера, не должен был, ступив на Лабиринт, остаться в живых. Вот и полагайся теперь на теорию!

— Чертовски неподходящее время для вопросов, но почему ты все-таки это сделала?

— Там, в пещере ты указал мне, что моя догадка верна. Ты сказал, что ты знаешь, что я такое.

Я вспомнил свои слова, но, говоря это, я подразумевал, что она носит в себе меняющее тела существо. Какое же значение еще могли иметь эти слова, и относящееся, кроме всего прочего, к Лабиринту Амбера? Но когда я подыскивал заклинание, способное освободить ее от притяжения Лабиринта, мне пришло в голову очевидное.

— У тебя связь с Домом? — тихо спросил я.

— Считают, что у короля Оберона был роман

с моей матерью перед тем, как я родилась. По времени все сходится, однако, это всего лишь слухи. И я ни от кого не могла добиться правды. И поэтому никогда не испытывала уверенности, но я мечтала о том, чтобы это оказалось правдой. Я хотела, чтобы это оказалось правдой. Надеялась найти какой-нибудь способ попасть к этому месту. Мечтала пройти Лабиринт и увидеть, как передо мной раскроются все Отражения. Но я отлично знала, что если я не права, то погибну. А затем, когда ты согласился, моя мечта стала осуществима, но я не перестала бояться. Только теперь я опасаюсь, что у меня не хватит сил успешно его одолеть.

То ощущение знакомости, испытанное мной при первой встрече с Корал… Я вдруг сообразил, что его вызвало общее семейное сходство. Ее нос и лоб чуточку напоминали мне Фиону, в подбородке и скулах было что-то от Флоры. Однако волосы, глаза и фигурка принадлежали ей самой. Она, безусловно, не походила ни на своего названного отца, ни на сестру. Я снова вспомнил зло глядящее изображение своего деда в галерее наверху. Развратный, старый ублюдок действительно погулял на славу. Надо все-таки отдать ему должное, он был очень симпатичным

мужчиной… Я вздохнул и поднялся на ноги, и положил ей руку на плечо.

— Слушай, Корал, прежде чем мы все пробовали взяться за это, нас всех хорошенько инструктировали. Я расскажу тебе о нем, прежде чем ты сделаешь еще один шаг, пока я говорю — ты почувствуешь переходящую от меня к тебе Энергию. Я хочу, чтобы ты была как можно более сильной. Когда сделаешь следующий шаг, больше ни разу не останавливайся, пока не доберешься до середины. Может быть, я буду кричать тебе указания. Сразу же делай то, что я говорю, и не раздумывай над мелочами. Сперва я расскажу тебе о Вуалях, местах сопротивления…

Сколько времени я говорил — не знаю…

Я следил, как она приближается к Первой Вуали.

— Не обращай внимания на холод и токи, — говорил я. — Они не причинят тебе вреда. Пусть тебя не отвлекают эти искры. Скоро ты наткнешься на сильное сопротивление, но не учащай дыхания.

Я внимательно следил за тем, как она пробивается через Лабиринт.

— Хорошо, — подбодрил я ее, когда она вышла на легкий, отрезок, решив не предупреждать, что

следующая Вуаль будет, намного труднее. — Кстати, не подумай, что ты сходишь с ума. Скоро он начнет играть с тобой в мнемонические игры…

— Уже начал, — сказала Корал. — Что мне следует делать?

— По всей вероятности это в основном, воспоминания. Просто дай им течь и по-прежнему сосредоточь внимание на пути.

Она продолжала движение, а я заговаривал ей зубы, пока она не прошла Вторую Вуаль. Прежде чем она вырвалась из нее, искры поднялись очень высоко, почти до плеч. Я следил, как она с трудом преодолевала дугу за дугой, а потом хитрые кривые и длинные повороты и реверсивные петли. Временами она продвигалась быстро, а иногда замедляла ход почти до полной остановки, но все-таки продолжала идти. Корал обладала знаниями и как я теперь убеждался, сильной волей. Не думаю, что в данный момент она нуждалась во мне. Я был уверен, что мне сейчас нечего ей предложить, и что исход прохождения находится в ее собственных руках. Поэтому я замолчал и следил, раздраженный, но не способный помешать собственному телу повторять ее движения, точно сам находился там. Дойдя до Большой Кривой, она окуталась живым пламенем. Продвижение

ее сильно замедлилось, но приобрело некоторую уверенность. Каким бы ни был исход, я знал, что она уже изменилась и что Лабиринт вытравился в ней, и что она очень близка к концу. Я чуть не закричал, когда она, как мне показалось, остановилась на миг, но крик застрял у меня в горле, когда Корал содрогнулась всем телом и продолжила путь. Теперь она уже приближалась к последней Вуали, и я вытер рукавом пот со лба. Каким бы ни был исход, сомнения в том, кто ее настоящий отец, у нее развеялись. Только дитя Амбера могло пережить испытанное ею. Не знаю, сколько времени потребовалось ей, чтобы прорваться через финальную Вуаль. Усилия ее стали безвременными, и меня захватило это затянувшееся мгновение. Она стала пылающим движением, окутывающий ее нимб освещал всю камеру, словно гигантская голубая свеча. А затем она пробилась и вышла на ту короткую, финальную дугу, последние три шага по которой вполне могли считаться самыми трудными в Лабиринте. Как раз перед точкой выхода встречаешь какое-то своего рода психическое поверхностное натяжение, соединяющееся с физической инерцией. Мне вновь показалось, что она остановилась, но это действительно лишь показалось. Болезненная

медлительность трех последних шагов напоминала движение человека, занимающегося тай-чи. Если последний шаг не убьет ее, то она станет вольной и свободной девушкой. Вот тогда-то мы и сможем поговорить… Тот последний миг все продолжался и продолжался без конца. Затем я увидел, как ее ножка двинулась вперед и покинула Лабиринт. Вскоре туда последовала и другая ножка, и Корал встала, тяжело дыша, в центр.

— Поздравляю! — радостно крикнул я.

Она слабо махнула правой рукой, а левой терла глаза. Вот так она и простояла большую часть минуты, и только тот, кто прошел Лабиринт, понимает это чувство. Я не стал больше окликать ее, а предоставил ей время прийти в себя и насладиться триумфом в тишине. Лабиринт, казалось, пылал еще ярче, как часто с ним бывает сразу после прохождения. Это придавало гроту сказочный вид — сплошь голубой свет и тени — все это превращало в зеркало поверхность маленького неподвижного пруда, где плавали слепые рыбы. Я попытался предугадать, что означает этот акт для Корал, для Амбера, для меня… Внезапно она выпрямилась.

— Я буду жить! — объявила она.

— Хорошо. Теперь у тебя есть выбор.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла она.

— Ты теперь свободно можешь приказать Лабиринту перенести тебя куда угодно. Положим, велеть ему перенести тебя ко мне. Или избавиться от подъема по лестнице, приказав доставить себя в свои покои. Как бы мне ни нравилось твое общество, я бы порекомендовал тебе последнее, поскольку ты наверняка порядком устала. А потом ты можешь понежиться в приятной теплой ванне и не торопясь переодеться к обеду. Встретимся с тобой в столовой, идет?

Я увидел, что она с улыбкой покачала головой.

— Я не собираюсь зря тратить подобную возможность — заявила Корал.

— Слушай, мне знакомо это ощущение, — стал уговаривать я Корал. — Но, по-моему, тебе следует обуздать себя. Бросаться черт знает куда может оказаться опасным, а возвращение может стать сложным, так как у тебя нет ни малейшего навыка хождения по Отражениям.

— Это ведь просто и всего лишь зависит от воли и желания, не так ли? Ты вроде как налагаешь на ходу образы на окружающую обстановку?

— Дело более хитрое, чем ты думаешь, — уточнил я. — Требуется научиться использовать в качестве отправных точек определенные очерта-

ния местности. Обычно первое путешествие по Отражениям совершается с человеком, обладающим опытом…

— Ладно, я получила представление…

— Недостаточное, — возразил я. — Общее представление — это хорошо, но есть и обратная связь. Когда это начинает действовать, у тебя возникает определенное чувство. Этому нельзя научиться. Это необходимо испытать и до тех пор, пока у тебя не будет в нем уверенности, нужно, чтобы рядом находился наставник.

— Кажется, метод проб и ошибок вполне подойдет.

— Может быть, — согласился я, — но что, если ты окажешься в опасности, в такой момент чертовски неподходяще учиться. Будет отвлекать…

— Ладно, твои доводы убедительны. К счастью, я не собираюсь заниматься ничем таким, что поставит меня в подобное положение.

— А что ты собираешься делать?

Корал выпрямилась и махнула рукой.

— С тех пор, как я узнала о Лабиринте, я всегда хотела что-то попробовать, если дойду до него.

— А что именно?

— Я намерена попросить послать меня туда, куда мне следует отправиться.

— Не понимаю.

— Я намерена предоставить выбор Лабиринту.

— Он так не действует, — уведомил я ее. — Лабиринту требуется отдать приказ переправить тебя.

— Откуда ты это знаешь?

— Просто он действует именно так.

— Ты пробовал когда-нибудь сделать то, о чем я говорю?

— Это было бы напрасной тратой времени. Слушай, ты говоришь так, словно Лабиринт разумный, способный сам принять решение и выполнить его.

— Да. И он должен знать меня достаточно хорошо после того, что я только что испытала на нем. Поэтому я намерена посоветоваться с ним и…

— Подожди!

— Да?

— В том маловероятном случае, если что-нибудь произойдет, как ты собираешься вернуться?

— Пешком, надо полагать. Выходит, ты все же признаешь, что что-нибудь может произойти?

— Да, — допустил я. — Вполне возможно, что у тебя имеется неосознанное желание посетить какое-нибудь место, и что он прочтет это и пошлет тебя туда, словно бы ты отдала приказ перепра-

виться. Но это не докажет, что Лабиринт разумен, а лишь покажет, что он чувствителен. Если бы я стоял там, то побоялся идти на такой риск. Что будет, если у меня неведомые мне склонности к самоубийству? Или…

— Ты тянешь время, — заявила Корал, — ты действительно тянешь время…

— Я просто советую тебе играть наверняка. У тебя впереди целая жизнь и времени на исследования хватит. Было бы глупо…

— Довольно! — возмутилась она. — Мое решение принято, вот и весь разговор. И оно кажется мне верным. До свидания, Мерлин!

— Подожди! — крикнул я. — Ладно. Сделай это, если уж тебе очень приспичило. Но разреши мне сперва тебе кое-что подарить.

— Что?

— Средство успешно выбраться из опасной передряги. Вот…

Я вытащил Карты и сдал свой Козырь. Затем отстегнул с пояса кинжал в ножнах и намотал на рукоять свой Козырь, прикрепив его носовым платком.

— Ты имеешь понятие, как пользоваться Козырем?

— Просто пристально глядишь на него и дума-

ешь о том человеке, пока не возникнет контакт, так?

— Сойдет, — согласился я. — Возьми с собой мой Козырь. Вызови меня, когда захочешь вернуться, и я проведу тебя обратно.

Я кинул кинжал над Лабиринтом броском снизу вверх. Она легко поймала его и повесила на пояс с противоположной стороны от своего.

— Спасибо, — улыбнулась она, выпрямляясь. — Теперь можно попробовать.

— Если получится, то не задерживайся надолго, ладно?

— Ладно, — ответила Корал и закрыла глаза. Через мгновение она исчезла! Я приблизился к краю Лабиринта и подержал над ним ладонь до тех пор, пока не ощутил движение его сил.

— Тебе лучше знать, что ты делаешь, — обратился я к Лабиринту. — Я только хочу, чтобы она вернулась.

Искра метнулась вверх и пощекотала мне ладонь.

— Ты пытаешься сказать мне, что ты на самом деле разумен?

Вокруг меня все поплыло. Миг спустя головокружение исчезло и первое, что я тогда заметил — это мой фонарь, стоящий перед моей правой

ногой. Осмотревшись, я сообразил, что стою на противоположной стороне Лабиринта по отношению к той, где был раньше, и нахожусь теперь неподалеку от двери. Я поднял фонарь и, заперев за собой дверь на ключ, повесил его на стену. Я все еще не доверял этой штуке. Если бы она действительно хотела помочь мне, то отправила бы меня прямиком в покои и уберегла бы от хождений по лестнице. Я заспешил по туннелю к выходу. Пока что это свидание было самым интересным из всех, которые у меня когда-либо бывали.

Когда я вышел из холла и направился по черному ходу, который мог привести меня к одной из множества лестниц, из коридора справа появился парень в черных, кожаных крагах с кусками цепей разной длины — ржавыми и сверкающими. Он уставился на меня и остановился. Его оранжевые волосы были обработаны стрижкой «Мохавк», на левом ухе висело несколько серебряных колец и что-то весьма похожее на электрическую розетку.

— Мерлин! — обратился он ко мне. — Ты в норме?

— В данный момент вполне, — ответил я, подходя ближе и пытаясь разобрать, кто же это. — Мартин! — воскликнул я. — Ты изменился…

— Я только что вернулся из очень интересного Отражения, — довольно усмехнулся он. — Провел там около года. Это одно из мест, где время бежит вскачь.

— Насколько я могу судить, просто угадывая, Отражение это высокотехническое, урбанизированное…

— Правильно.

— Я думал, ты парень сельский. Я это преодолел и знаю, почему мой папаша обожает города и шум.

— Ты тоже музыкант?

— Немного, хотя издаю иные звуки. Ты будешь на обеде?

— Собираюсь… Как только умоюсь и переоденусь.

— Значит, там и увидимся. Нам нужно о многом поговорить.

— Разумеется, кузен.

Он сжал мое плечо и отпустил его, когда я пошел дальше. Пожатие его было по-прежнему сильным. Я продолжил свой путь. И не успел отойти очень далеко, как почувствовал начало козырного контакта. Я остановился и быстро потянулся, полагая, что это хочет вернуться Корал. Вместо этого мой взгляд встретился со взглядом

улыбающегося Мондора.

— Очень хорошо, — произнес он. — Ты один и явно в безопасности.

Когда изображение обрело четкость, я увидел, что рядом стоит Фиона, причем очень близко к нему.

— Со мной все замечательно, — сообщил я. — Недавно вернулся в Амбер. А у вас все в порядке?

— Пока целы, — коротко буркнул он, глядя мимо меня, хотя смотреть там было не на что, кроме стен и кусочка гобелена.

— Не хочешь ли пройти? — предложил я.

— Очень бы хотел повидать Амбер, но с этим удовольствием придется подождать до следующего раза. Сейчас мы заняты.

— Вы узнали, чем вызваны те аномалии?

Он поглядел на Фиону, потом снова на меня.

— И да, и нет. Мы наткнулись на кое-какие интересные нити, но уверенности ни в чем нет.

— А что же тогда я могу для вас сделать?

Фиона протянула руку в моем направлении и неожиданно стала намного четче. Я понял, что она тоже потянулась и коснулась моего Козыря для улучшения контакта.

— Мы встретились с проявлением той построенной тобой машины, — сообщила она, — то есть

с Колесом-призраком.

— Да? — удивился я.

— Ты прав, машина разумна. Общественный искусственный интеллект, а не только технический.

— Я и так был уверен, что она способна выдержать тест Тьюринга.

— О, в этом нет никаких сомнений! — согласилась Фиона. — Поскольку тест Тьюринга по самому своему определению требует от машины способности лгать людям и вводить их в заблуждение.

— К чему это ты клонись, Фиона?

— Она не просто искусственный интеллект, она абсолютно антиобщественна. И я думаю, что твоя машина сошла с ума.

— А что она сделала? — уточнил я. — Напала на вас?

— Нет, ничего физического. Она безумна, лжива и оскорбительна, но мы сейчас слишком заняты, чтобы останавливаться на деталях. Однако я не говорю, что она не может стать агрессивной. Просто я этого не знаю. Мы хотели предупредить тебя, чтобы ты не доверял ей. Ясно?

Я улыбнулся.

— И это все? Конец сообщения?

— Пока да, — ответила она, опуская руку и тускнея.

Я перевел взгляд на Мондора и собрался уже было объяснить, что встроил в эту штуку кучу предохранительных устройств, так что никто просто-напросто не сможет получить к ней доступа. Но в основном я хотел рассказать ему о Юрте. Наша связь внезапно прервалась, когда я ощутил прикосновение тянущегося ко мне другого человека. Это ощущение заинтриговало меня. Я много раз гадал, а что произойдет, если кто-то попытается связаться со мной по Козырю, когда я уже контактирую через Козырь с другим. Не превратится ли контакт в селекторное совещание? Не получит ли кто-нибудь сигнал «занято»? Не возникнет ли у другой линии обрыв? Однако я сомневался, что когда-либо выясню это. Такой вариант казался маловероятным, и тем не менее…

— Мерлин, малыш. Я в норме!

— Люк!

Мондор с Фионой определенно пропали.

— Теперь я действительно в норме, Мерлин.

— Ты уверен?

— Да. Как только я начал выбираться, я тут же свернул на скоростную полосу. В этом Отражении прошло всего лишь несколько дней с тех пор, как

мы распрощались.

На нем были солнцезащитные очки и зеленые плавки. Он сидел за столиком у плавательного бассейна в тени большого зонта. И перед ним на столике были остатки обильного завтрака. Дама в голубом бикини нырнула в бассейн и пропала из поля зрения.

— Рад это слышать и…

— Так что же все-таки со мной случилось? Помнится, ты что-то говорил о том, будто кто-то подсунул мне наркотик, когда меня держали пленником в Замке?..

— Такое кажется вполне вероятным.

— Полагаю, именно это и происходит, когда пьешь воду, — задумчиво проговорил он. — Ладно. Что произошло, пока я выкарабкивался из этой дряни?

Знать, сколько можно говорить, всегда являлось для меня проблемой. И поэтому я перешел в нападение:

— А какие намерения у тебя?

— А что?

— Да так…

— Я получил шанс поразмыслить над всем как следует и намерен объявить отбой. Честь удовлетворена. Нет смысла жать с этим на остальных.

Но я не собираюсь отдавать себя в руки Рэндома на суд Линча. Теперь твоя очередь… Какие намерения у Амбера в отношении меня? Следует ли мне оглядываться через плечо?

— Никто пока ничего не говорил ни в подтверждение, ни в отрицание этого, а Рэндома сейчас в городе нет. И я сам только что сюда прибыл. Я действительно не имел возможности узнать, что на этот счет думают другие.

Он снял солнцезащитные очки и изучал мое лицо.

— Тот факт, что Рэндом покинул город…

— Я точно знаю, что он охотится не на тебя, — заверил я Люка, — потому что он в Каше… — я попытался оборвать фразу с опозданием всего лишь на один слог.

— Кашере?

— Я понял именно так.

— Какого черта он там делает? Амбер никогда раньше не интересовался этим краем.

— Произошло одно… умерщвление, — объяснил я. — Идет какая-то перетряска.

— Ха! — воскликнул Люк. — Этот ублюдок, наконец, получил свое. Хорошо! Но… эй! А чего это вдруг вмешался Амбер?

— Не знаю, — соврал я.

— Риторический вопрос, — засмеялся Люк. — Я понимаю, что происходит, и должен признать, что у Рэндома есть свой стиль. Слушай, когда выяснишь, кого они посадили на трон — дай мне знать, хорошо? Я хочу быть в курсе дел в своем родном городишке.

— Ну, разумеется, — произнес я, пытаясь определить, могут ли мне принести вред такие сведения. В самом скором времени о них узнают все, если еще не узнали.

— А что все-таки происходит? Где та особа, бывшая Виантой?

— Пропала неведомо куда.

— Очень странно, — задумался Люк. — Думается, мы увидим ее еще не раз. Я уверен, что она была раньше Гейл. Дай мне знать, если она вернется, договорились?

— Ладно. Ты хочешь потолковать с ней?

Он пожал плечами и широко улыбнулся.

— Я думаю, есть и худшие способы провести время.

— Тебе еще повезло, что она не пыталась вынуть душу у тебя, в буквальном смысле.

— Я не так уж уверен, что она стала бы это делать, — возразил Люк. — В любом смысле это не главная причина моего вызова.

Я кивнул, и так уже догадавшись об этом.

— Как дела у моей матери? — спросил он.

— Не шелохнулись. Она в безопасности.

— Это уже кое-что. Понимаешь, в каком-то смысле для королевы недостойно находиться в подобном состоянии, в состоянии вешалки.

— Согласен. А что можешь предложить ты?

— Ну, хотя бы освободить ее. Что для этого требуется?

— Ты поднимаешь весьма щекотливый вопрос.

— Я почему-то так и подумал.

— У меня сильное подозрение, Люк, что за этим делом с местью стоит именно она, и что это именно она натравила тебя на всех. Например, шутка с той бомбой… Или посоветовала собрать армию с огнестрельным оружием, способным действовать в Амбере. Пыталась прикончить меня каждую весну…

— Ладно, ладно. Ты прав, я этого не отрицаю. Но обстоятельства изменились.

— Да, ее планы рухнули, и она угодила к нам в руки.

— Я имею в виду другое. Изменился я. Теперь я понял ее и лучше понимаю себя. Больше она не сможет так командовать мной.

— Это почему же?

— То путешествие в мир грез, которое я пережил… Оно слишком расковало мою мысль и в отношении ее, и в отношении себя. Теперь у меня нашлось несколько дней поразмыслить над коечем из пережитого, и я не думаю, что она сможет проворачивать со мной те номера, что раньше.

Я вспомнил привязанную к колу рыжую женщину, терзаемую демонами. Теперь, когда я подумал об этом, то решил, что сходство действительно имелось.

— Но все-таки она моя мать, — продолжал Люк. — И я бы не хотел оставлять ее в таком положении. Каким соглашением можно добиться ее освобождения?

— Не знаю. Этот вопрос еще не поднимался.

— Но ведь на самом деле она же твоя пленница.

— Но планы относительно ее касаются всей семьи.

— Верно. Я больше не собираюсь помогать ей в ее коварных делах, а для выполнения задуманного ей обязательно нужен кто-то вроде меня.

— Правильно. И если она не получит твоей помощи, то что ей помешает найти кого-то, как ты говоришь, вроде тебя? Если мы отпустим ее,

то она по-прежнему останется опасной.

— Но теперь вы знаете о ней все. Это сильно подорвет ее могущество.

— А, возможно, сделает ее более хитрой.

— Полагаю, в этом есть доля правды, — признался он. — Но она такая же продажная, как и большинство людей. Нужно всего лишь дать ей подходящую цену.

— Я не могу себе представить, чтобы Амбер откупился от кого-то подобным образом.

— А я могу.

— Вряд ли это возможно, если данная особа и так уже здесь, в плену.

— Этот факт немного осложняет дело, — вздохнул Люк. — Но я думаю, что это едва ли является непреодолимым барьером. Только не в том случае, если она будет для вас полезней на свободе, чем служить предметом мебели.

— Не улавливаю твою мысль. Что ты предлагаешь?

— Пока ничего. Просто прощупываю тебя.

— Достаточно честно. Но вот так с ходу я как-то не могу предположить, чтобы сложилась подобная ситуация, когда она будет для нас ценнее свободной, чем пленной… Полагаю, нам следует выяснить, что для нас ценно. Пока это всего-на-

всего слова…

— Я просто пытаюсь закинуть удочку, но я уже работаю над этим. Какая у тебя сейчас главная задача?

— У меня лично? Ты действительно хочешь знать?

— Можешь не сомневаться.

— Ладно. Мой рехнувшийся братец Юрт, вероятно, сговорился с колдуном по имени Маска, там, в Замке. Эта парочка затеяла достать меня. Юрт предпринял попытку сегодня в полдень, но я вижу в этом скорее вызов со стороны Маски. И я намерен заняться этим всерьез.

— Эй, я и не знал, что у тебя есть брат!

— Сводный брат. Имеется также и парочка других, но с ними я лажу, а Юрт уже давно охотится за мной.

— Это действительно что-то. Но ты никогда не упоминал о них.

— Мы никогда не разговаривали о своих родственниках.

— Да. Но теперь ты озадачил меня. Кто такой эта Маска? Я, кажется, помню, что ты упоминал о нем. Это ведь Шару Гаррул, не так ли?

Я покачал головой.

— Когда я извлек твою мать из цитадели, она

стояла там, рядом со стариканом. Таким же парализованным и с вырезанной у него на ноге надписью «Ринальдо». А я в это время обменивался с Маской заклинаниями.

— Крайне странно, — изумился Люк. — Значит, он узурпатор. Это он подсунул мне наркотик?

— Вероятно.

— Значит, мне тоже требуется свести с ним счеты, помимо положенных ему проклятий за то, что он сделал с моей матерью. А насколько крепкий орешек твой братец Юрт?

— Он опасен, но с другой стороны и несколько неуклюж. По крайней мере, каждый раз, когда мы дрались, он оставлял на месте схватки какой-нибудь кусок своего тела.

— Возможно, он хотел научиться на своих ошибках.

— Скверный ученик… Но теперь, когда ты упомянул об этом, мне кажется, что он сказал сегодня утром что-то довольно непонятное. Он заявил, что вот-вот станет очень могучим.

— Эге-ге… — протянул Люк. — Похоже, что он служит Маске подопытным кроликом.

— Для чего?

— Ключ к мощи, приятель. В цитадели, знаешь ли, бьет постоянный источник пульсирующей

чистой энергии. Эта штука проходит между Отражений. Происходит это из-за врезающихся там друг в друга Четырех Миров.

— Знаю. Я видел ее в действии.

— У меня такое ощущение, что эта Маска все еще учится управлять источником.

— Когда я там был в последний раз, он управлял энергией весьма неплохо.

— Да, но тут дело более хитрое, чем вставить затычку в торчащую из стены трубу. Есть всякие тонкости, которые он, вероятно, только-только заметил и исследует.

— Какие, например?

— Искупавшийся в источнике человек, если он при этом должным образом защищен, сможет творить чудеса в смысле силы, выносливости и магических способностей. Человеку с опытом этому обучиться легко. И я сам через это прошел. В лаборатории старого Шару лежали его записи, из них ясно кое-что о способах замены части тела энергией, или наполнения его энергией как аккумулятора. Это очень опасно. Не исключается даже смертельный исход. Но если подобное получится, это может сделать тебя каким-то особенным суперменом, своего рода живым Козырем.

— Я уже где-то слышал об этом, Люк.

— Может и слышал, — отозвался он. — Мой отец использовал этот процесс, сам являясь подопытным…

— Вспомнил! — воскликнул я. — Корвин утверждал, что Бранд был своего рода живым Козырем. Из-за чего его стало почти невозможно пришить.

Люк скрипнул зубами.

— Извини, — сказал я, — но я слышал об этом именно так. Вот в чем заключался секрет могущества Бранда!

— У меня такое впечатление, что эта Маска думает, будто знает, как это осуществить, и готовится проделать то же самое над твоим братцем.

— Дерьмо! — выругался я. — Только этого мне не хватало… Юрта в качестве магического существа или стихийной силы — или чем еще он там может стать. Это серьезно? Что ты знаешь об этом процессе?

— Теоретически я знаю его почти весь. Однако я бы не стал с этим экспериментировать. По-моему, он отнимает у тебя что-то от твоей человечности. После этого тебе уже, в общем-то, начхать на прочих людей и на человеческие ценности. Я думаю — это и есть то, что случилось с моим отцом.

Что я мог сказать? Может быть, его последнее утверждение и было правдой, а возможно и нет. Я

был уверен, что Люку хотелось бы верить в какую-то внешнюю причину отцовского предательства. И знал, что я никогда не стану возражать ему в этом, даже точно зная, что это не так. Я просто рассмеялся.

— В случае с Юртом, — сказал я, — нельзя будет заметить разницу.

— Ты можешь погибнуть, выступив против подобного противника, да еще вкупе с колдуном на их же поле, — заметил Люк.

— А какой у меня есть выбор? — огрызнулся я. — Они на меня охотятся, так что лучше сделать этот ход сейчас. Юрт еще не прошел этой обработки. Сколько на нее требуется времени?

— Вообще-то предварительные операции довольно сложны, но подопытный не обязан присутствовать на некоторых из них. Все зависит от того, насколько далеко продвинулся в этой работе Маска.

— Значит, мне лучше поторопиться с этим ходом?

— Я не позволю тебе сунуться туда в одиночку, — заявил он. — Это может превратиться в самоубийство. Я знаю этот Замок. И к тому же у меня стоит там лагерем в Отражении небольшой отряд наемников, готовых ринуться в бой по

первому же сигналу. А если мы сможем привлечь их к делу, они отвлекут стражу, а может, и разделаются с ней.

— Те необычные боеприпасы будут там действовать?

— Нет. Мы уже испробовали это, когда я устроил атаку на дельтапланах. Придется драться врукопашную. Могу привести полицейские мачете и доспехи. Мне надо как следует обдумать план атаки.

— Мы можем воспользоваться Лабиринтом, чтобы проникнуть туда, но войска-то не могут..., а Карты для этого места ненадежны.

— Знаю. Над этим мне тоже придется поразмыслить.

— Значит, против Юрта и Маски придется выступать нам с тобой. Если я расскажу об этом другим, они постараются задержать меня до тех пор, пока вернется Рэндом, но тогда мы можем опоздать.

— Знаешь, — улыбнулся он, — там моя мать действительно может оказаться полезной! Она знает об этом Ключе намного больше меня.

— Нет! — воспротивился я. — Она пыталась убить меня.

— Спокойнее, старина, спокойнее. Выслушай

меня.

— Кроме того, она проиграла Маске при последней встрече, вот поэтому-то она и служит вешалкой.

— Тем больше причин для нее быть поосторожней. В любом случае тут потребуется хитрость, а не умение. А в этом-то она мастерица. Вероятно, Маска захватил ее врасплох. Она была бы настоящим бойцом, Мерль!

— Нет! Она хочет уничтожить всю нашу семью!

— Уточним… После смерти Каина все остальные являются символическими врагами. А Маска — настоящий враг, отнявший у нее кое-что и все еще владеющий отнятым. Дай ей выбор и она нападет на Маску.

— А если потом, когда мы победим, она перекинется на Амбер?

— Не перекинется, — возразил Люк. — В этом-то и заключается вся красота моего плана.

— Я не хочу о нем слышать.

— Потому что уже знаешь, что согласишься с ним, верно? Я только что вычислил способ разрешения всех твоих проблем. Отдай ей Замок после того, как мы его освободим, в качестве платы за мир, чтобы она забыла обо всех разногласиях

с вами.

— Просто-напросто вручить ей такую силу?

— Если бы она собиралась применить ее против вас, то давным-давно бы это сделала. Она может прибегнуть к ней только в крайнем случае. А если Кашера вылетела в трубу, она ухватится за шанс спасти хоть что-нибудь. Вот это-то и ценно для нас.

— Ты действительно так думаешь?

— Лучше быть королем в Замке, чем вешалкой в Амбере.

— Черт тебя побери, Люк. Когда ты говоришь, то самые глупые вещи кажутся какими-то привлекательными.

— Это искусство, — улыбнулся он. — Что ты на это скажешь?

— Я должен подумать.

— Тогда думай побыстрее. Вполне вероятно, что Юрт уже купается в этом огне.

— Не дави на меня, приятель. Я же сказал, что подумаю: это лишь одна из моих проблем. А теперь я намерен поразмыслить как следует.

— Не расскажешь ли ты мне заодно и о них? Может, я каким-то образом сумею включить их в пакет?

— Нет, черт возьми! Я с тобой свяжусь… скоро.

Идет?

— Идет. Но мне лучше быть рядом, когда ты вытянешь мамулю из паралича, чтобы как-то смягчить обстановку. Ты ведь разобрался, как развеять эти чары, не так ли?

— Верно.

— Рад слышать. Я не знал, как это сделать, и теперь просто могу перестать думать об этом. Вообще-то я собираюсь распрощаться с этим местом и отправиться собирать войска, — проговорил он, глядя на даму в бикини, как раз вылезавшую из воды. — Свяжись со мной.

— Ладно.

Проклятье! Изумительный дар! Не удивительно, что Люк постоянно получает эти премии. Несмотря на все свои чувства к Ясре, я был вынужден признать, что товар предлагается классный. И Рэндом не приказывал мне держать ее в плену. Правда, когда мы последний раз виделись с ним, он не имел особых возможностей сказать мне что-либо. Но действительно ли она поведет себя так, как говорил Люк? Я миновал коридор и решил воспользоваться черной лестницей. Свернув на нее, заметил стоявшую на самом верху женщину, которая смотрела в противоположную сторону. На ней было длинное желто-красное

платье. Темные волосы спускались на красивые плечи. Услышав мои шаги, она повернулась, и я увидел, что это Найда.

— Лорд Мерлин, — обратилась она ко мне. — Не могли бы вы мне сказать, где моя сестра? По-моему, она отправилась с вами на прогулку, не так ли?

— Корал любовалась картинами и статуями, а потом убежала куда-то по какому-то мелкому делу, — уверенно лгал я. — Не знаю, куда именно она отправилась, но мне кажется, что Корал скоро вернется.

— Хорошо, — промолвила Найда, — Просто уже наступает время обеда, и мы ждали, что она присоединится к нам. Вы неплохо провели время?

— По-моему, да, — правдиво ответил я.

— В последнее время она была немного не в настроении. Мы надеялась, что это путешествие развеселит ее. Она давно мечтала посетить Амбер.

— Когда она покинула меня, я заметил, что настроение у нее отличное.

— О, и где же это было?

— Неподалеку отсюда.

— А куда вы ходили?

— У нас была длительная прогулка по городу и

окрестностям. Я показал ей и дворец.

— Значит, сейчас она где-то здесь?

— Когда я видел Корал в последний раз, она была во дворце, но могла и покинуть его.

— Понимаю. Жаль, что мне не удалось поговорить с вами раньше. У меня такое чувство, точно я вас давно знаю.

— О! — изумился я. — Это почему же?

— Я несколько раз прочла ваше досье от корки до корки. Оно в некотором роде завораживает.

— Досье?

— Не секрет, что мы составляем досье на людей, с которыми можем столкнуться по служебной линии. Оно заведено на всех членов дома Амбера, даже на тех, кто не имеет никакого отношения к дипломатии.

— Никогда над этим не задумывался, но ваши слова походят на правду.

— Ваше прошлое безукоризненно, а недавние неприятности были очень невразумительны.

— Для меня они тоже были невразумительны, — пошутил я. — Вы пытаетесь пополнить досье новыми данными?

— Нет, просто любопытно. Если из ваших проблем вытекает что-то, способное вовлечь в них Бегму, то и у нас тогда появится к ним интерес.

— А как вышло, что вы вообще узнали о них?

— У нас великолепные источники разведывательной информации. В маленьких королевствах такое бывает часто.

— Не буду нажимать на вас, Найда, чтобы выяснить эти источники. Но у нас нет срочной распродажи горящих секретных сведений.

— Вы неправильно меня поняли, — возразила она, — и досье ваше я тоже не пытаюсь пополнить. Просто пытаюсь выяснить, могу ли я быть вам чем-то полезной?

— Спасибо, я ценю вашу заботу. Однако я не могу даже придумать, чем бы я мог быть полезен вам, и чем бы вы могли помочь мне. Да и не зная большего, я не могу сказать определеннее.

— Но если вы хотите поговорить со мной, — улыбнулась она, демонстрируя ряд идеально-ровных зубов, — насчет взаимопомощи, то можете навестить меня.

— Спасибо, — согласился я. — До встречи на обеде.

— И позже, надеюсь, тоже, — добавила она, когда я проходил мимо нее, сворачивая в коридор.

Я размышлял, на что она намекала. Разговаривала ли Найда со мной по заданию? Если так, то ее мотивы мне не ясны. Или она всего лишь

хотела выудить из меня дополнительную информацию? Я не был до конца в этом уверен. Проходя по коридору в направлении своих покоев, я заметил впереди странное световое явление — по обеим стенам, потолку и полу шла световая полоса шести-восьми дюймов ширины. Полоса ярко светилась. Приблизившись к ней, я замедлил шаг, гадая, не применили ли в мое отсутствие новый способ освещения. Когда я перешагнул через полосу на полу, исчезло все, кроме самого света, который рассосался в идеальный круг, перекувырнулся разок около меня и осел на уровне подошв, так что я оказался в центре. Внезапно, за пределами круга образовался купол из зеленого стекла. Поверхность, на которой я стоял, выглядела в бледном свете красноватой, неровной и влажной. Лишь когда мимо меня проплыла большая рыба, я сообразил, что нахожусь, скорее всего, под водой и стою на гребне коралла.

— Все это чертовски красиво, — сказал я, — но мне необходимо пройти к своим апартаментам.

— Просто решил пустить немного пыль в глаза, — донесся до меня знакомый голос, сверхъестественно звучавший повсюду за пределами магического круга. — Я — бог!

— Можешь называть себя, как хочешь, — за-

явил я. — Тебе никто не возразит.

— Быть богом может оказаться забавным.

— Тогда кем же буду считаться я?

— Это трудный, теологический вопрос.

— Кой хрен теологический! Я инженер-компьютерщик, и ты знаешь, что создал тебя я. Вот такова истинная логика, Призрак.

Подводную камеру заполнил звук, похожий на вздох.

— Трудно оторваться от своих корней.

— А зачем тебе это? Что плохого в корнях? Они имеются у всех растений.

— Красивые цветы наверху, а грязь внизу, где корни.

— В твоем случае это металл и интересная криогенная схема со всякой всячиной. И все совершенно чисто и стерильно.

— Тогда, может быть, мне нужно добавить грязи?

— Хорошо ли ты себя чувствуешь, Призрак?

— Я все еще пытаюсь найти себя.

— Подобные периоды переживают все.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Как? Почему?

— Сказать — значит лишить тебя удовольствия.

Кроме того, у всех это бывает по-разному.

Проплыла целая стая рыб, маленьких рыбешек в черно-белую полоску.

— У меня не совсем ладится дело со всевидением, — пожаловался через некоторое время Призрак.

— Ну и ладно. Кому оно нужно? — небрежно отмахнулся я.

— И я все еще работаю над всемогуществом.

— Тоже трудное дело, — согласился я.

— Ты очень понятлив, отец.

— Стараюсь… У тебя есть какие-нибудь особые проблемы?

— Помимо перечисленных?

— Да.

— Нет. Я привел тебя сюда предупредить насчет парня по имени Мондор. Он…

— Он мой брат, — перебил я.

Наступило молчание.

— Тогда получается, что он мой дядя? — последовало, наконец.

— Полагаю, да.

— А как насчет бывшей с ним женщины. Она…

— Фиона, моя тетка.

— А мне выходит, внучатая тетка. Вот те на!

— Что такое?

— Плохо отзываться о родственниках не принято, не так ли?

— Только не в Амбере, — усмехнулся я. — Здесь мы только этим и занимаемся.

Круг света снова кувыркнулся. Мы вернулись в коридор.

— Тогда, раз мы в Амбере, я хочу отозваться о них плохо, — сказал Призрак. — На твоем месте я бы им не доверял. По-моему, они немного сумасшедшие, а также оскорбительны и лживы.

Я расхохотался.

— Ты становишься истинным амберитом.

— Неужели?

— Да, мы именно таковы. Об этом нечего беспокоиться. Что, собственно, между вами произошло?

— Если ты не против, я предпочел бы решить это сам.

— Поступай так, как считаешь нужным.

— Мне на самом-то деле не нужно было предупреждать тебя насчет этой парочки.

— Да.

— Ладно. Это было главной моей задачей. Думаю, нужно попробовать немного грязи.

— Погоди!

— Что?

— Ты, кажется, довольно умело переправляешь вещи сквозь Отражения?

— Да, я понемногу улучшаюсь.

— Как насчет небольшого отряда воинов вместе с предводителем?

— Думаю, мне это по силам.

— И меня в придачу.

— Конечно. Где они и куда вы хотите попасть?

Я пошарил в кармане, нашел Козырь Люка и вытянул его перед собой.

— Но… это же тот самый, которому ты не советовал доверять, — удивился Призрак.

— Теперь это можно, — успокоил я его. — Только в этом деле, но ни в каком другом.

— Не понял, но если ты так утверждаешь, то ладно.

— Ты можешь отыскать его и устроить это дело?

— Должен бы суметь. Куда ты хочешь отправиться?

— Знаешь Замок Четырех Миров?

— Да, но это опасное место, отец. Туда очень сложно войти и нелегко оттуда выйти. И именно там рыжая дамочка пыталась наложить на меня энергосторожа, или иначе энергостопор.

— Ясра?

— Никогда не знал ее имени.

— Это мать Люка, — объяснил я, махая его Козырем.

— Дурная кровь, — изрек Призрак. — Может, нам не стоит иметь с ним общие дела?

— Вероятно, она тоже отправится с нами, — сказал я в ответ.

— О, нет! Это опасная дама и не стоит брать ее с собой. Особенно туда, где она сильна. Она снова может захотеть схватить меня. От нее всего можно ожидать.

— Она будет слишком занята другими делами, — хмыкнул я. — Я бы ее не взял, но она может мне понадобиться. Поэтому начинай думать о ней как о части груза.

— Ты уверен в своих поступках?

— Пожалуй, да.

— Когда ты хочешь туда направиться?

— Частично это зависит от того, когда будут готовы войска Люка. Почему бы тебе не взять на себя выяснение этого обстоятельства?

— Хорошо, но я по-прежнему думаю, что ты совершаешь ошибку, отправляясь в такое место с такими опасными людьми.

— Мне нужен кто-то, способный помочь, и жребий, черт возьми, давно брошен! — отрезал я.

Призрак свернулся в точку и сгинул.

Я набрал побольше воздуху в легкие, но раздумал глубоко дышать и двинулся к ближайшей двери, находившейся в коридоре. Добираясь до нее, я почувствовал козырной контакт. Корал?

Я открылся для контакта и передо мной возник Мондор.

— С тобой все в порядке? — сразу же осведомился он. — Нас прервали несколько странным образом.

— У меня все в порядке, — успокоил я его. — А прервали нас способом, который выпадает раз в жизни, так что не волнуйся.

— Ты кажешься чуточку взволнованным.

— Это потому, что приходится страшно долго идти снизу наверх. Мне кажется, что все силы вселенной сговорились притормозить меня.

— Не понимаю.

— Сегодня выпал тяжелый день. До скорого…

— Я бы хотел немного потолковать с тобой об этих грозах и о новом Лабиринте.

— Извини, я спешу. Свяжемся с тобой позже.

Он прервал контакт, а я протянул руку к щеколде, одновременно раздумывая, не обидятся ли на меня, если я превращу Призрака в автоответчик…

Я повесил плащ и пояс с оружием на спинку кровати. Почистил сапоги, вымылся, достал самую белоснежную шикарную рубашку: сплошные кружева, парча, тесьма — и надел ее, заправив в серые брюки. Потом почистил щеткой темно-пурпурный пиджак, тот самый, на который я однажды наложил заклятие, заставляющее носившего его казаться более обаятельным, остроумным и заслуживающим доверия, чем в действительности. Для применения пиджака случай казался вполне подходящим. Когда я причесывался, в дверь постучали.

— Минутку, — отозвался я.

Закончив причесываться, я подошел к двери, отодвинул засов и открыл ее. За дверьми стоял Билл Рот, одетый в коричнево-красное, как престарелый кондотьер.

— Билл! — я стиснул его плечи, вводя к себе. — Рад тебя видеть. Я только что освободился от некоторых забот и собираюсь окунуться в новые. Не знал, находишься ли ты во дворце. Собирался наведаться, как только немного разберусь с делами.

Он улыбнулся и дружески ткнул меня кулаком в плечо.

— Я буду на обеде, — сообщил он, — Ханден

сказал, что ты там тоже будешь. Но я подумал, что лучше зайти к тебе и вместе прогуляться, поскольку там будет посольство из Бегмы.

— А у тебя есть кое-какие новости в загашнике?

— Есть кое-что… А что слышно о Люке?

— Я только что разговаривал с ним. Он заверял меня, что вендетта закончена.

— А захочет ли он выслушать меня по вопросу, о котором ты меня спрашивал?

— Судя по всему — нет.

— Очень жаль! Я проделал кучу исследований и для защиты в деле о вендетте есть кое-какие хорошие прецеденты — например, был случай с твоим дядей Озриком, ополчившимся на весь королевский род Крома из-за смерти своего родственника по материнской линии. Оберон, между прочим, поддерживал тогда с Кромом особо дружеские отношения, а Озрик убрал троих. Однако при слушании дела Оберон спровадил его, основывая свое решение на предыдущих случаях и даже пошел еще дальше, вынося своего рода общее постановление.

— Тогда Оберон отправил его на особо опасную войну, — перебил я Билла, — с которой он так и не вернулся.

— Об этой части дела я не знал, но в суде он выкрутился великолепно.

— Мне не придется напоминать об этом Люку, — заметил я.

— О какой части дела?

— И о той, и о другой.

— Но это не главное, что я пришел тебе сообщить, — продолжил Билл. — Происходит кое-что и в военном плане.

— Ты это о чем?

— Куда легче показать тебе. Это займет не больше минуты.

— Ладно, пошли, — согласился я и последовал за ним в коридор.

Мы направились к черной лестнице, потом прошли мимо кухни и проследовали по коридору, свернувшему в глубину дворца. Когда мы по нему проходили, я услышал сверху грохот и недоуменно взглянул на Билла.

— Вот это-то я и услышал раньше, — сообщил он мне, — когда проходил мимо. Поэтому я и решил идти этим путем. Здесь все вокруг вызывает у меня любопытство.

Я кивнул, понимая это чувство, особенно когда определил, что звуки доносятся из главной оружейной палаты. В центре всего располагался

Бенедикт, разглядывавший ноготь большого пальца через дуло винтовки. Он сразу же поднял глаза, и наши взгляды встретились. Вокруг него передвигалась дюжина ратников, переносящих оружие, чистивших его и расставляющих.

— Я полагал, ты в Кашере, — удивился я.

— Был… — обронил он.

Я предоставил ему возможность продолжить, но так ничего и не дождался. Бенедикт никогда не славился болтливостью.

— Похоже, ты готовишься отражать нападение, — заметил я, зная, что порох здесь бесполезен, а имеющиеся у нас боеприпасы действовали только в районе Амбера и прилегающих к нему вплотную окрестностях и ближайших королевствах.

— Всегда лучше упредить опасность, — промолвил он нехотя.

— Ты не хотел бы уточнить? — попросил я его.

— Не сейчас, — ответил он.

— Нам следует окопаться? — продолжал допытываться я. — Укреплять город? Вооружаться?

— До этого не дойдет! — отрезал Бенедикт. — Иди туда, куда шел…

— Но…

Он отвернулся. У меня возникло ощущение, что

разговор окончен. Когда Бенедикт проигнорировал еще несколько вопросов, у меня появилась в этом полная уверенность. Пожав плечами, я повернулся к Биллу и предложил:

— Пошли на обед.

Мы вернулись в коридор, где Билл тихо осведомился:

— Имеешь ли ты хоть малейшее представление о том, что все это означает?

— Далт приближается, — сделал я свой вывод. — И он уже близко.

— Бенедикт был с Рэндомом в Кашере. Вероятно, Далт доставил им там некоторое беспокойство. А что, если Далт захватил в плен Рэндома?

— Все возможно… — от этой мысли я ощутил легкий холодок. Нет, Рэндом может козырнуться сюда в любой момент. Когда я заговорил о защите Амбера, а Бенедикт сказал: «До этого не дойдет!», у меня сложилось впечатление, что он имел в виду что-то близкое и скорое. И то, с чем он, по его мнению, может справиться сам.

— Я понимаю, о чем ты думаешь. Но с другой стороны, он заявил, что не будет строить укрепления.

— Если Бенедикт сказал, что нам не нужно строить укрепления, то нам не нужно их строить.

— Вальсировать и пить шампанское, пока не грянут пушки?

— Если Бенедикт говорит, что это можно…

— Вы действительно доверяете этому парню? Что бы вы без него делали?

— Были бы более нервными.

— Извини, — Билл покачал головой. — Я не привык иметь дело с живыми легендами.

— Ты мне не веришь?

— Мне не следовало бы тебе верить, но я верю, в том-то и беда.

Тут он замолчал. Мы свернули за угол и направились обратно к лестнице, где он добавил:

— Когда я был рядом с твоим отцом, дело обстояло так же.

— Билл, — обратился я к нему, когда мы поднимались по лестнице, — ты знал моего отца еще до того, как он восстановил свою память, и был просто обыкновенным Карлом Кори. Возможно, я выбрал в этом деле неправильный подход. Ты можешь вспомнить о том периоде его жизни что-нибудь, способное объяснить, где он сейчас?

На миг он замер и уставился на меня.

— Ты не думай, будто я не размышлял над этим, Мерль. Я много раз думал, не мог ли он под именем Кори заниматься чем-нибудь таким, что

должен был выполнить после того, как его дела в Амбере были закончены. Но даже под своим псевдонимом он был весьма скрытным человеком; а также парадоксальным. Он много раз служил во многих родах войск, и это предположение кажется мне вполне логичным. Но иногда он писал музыку, что идет вразрез с образом крутого сержанта.

— Он прожил долгую жизнь, многое узнал, многое испытал.

— Именно. Вот поэтому-то так трудно догадаться, во что он влез сейчас. Раз или два, опрокинув несколько бокалов, он упоминал о людях науки и искусства, в знакомстве с которыми я бы его никогда не заподозрил. Он никогда не был просто обыкновенным Карлом Кори. Когда я его узнал, он уже набрал несколько веков земных воспоминаний. Это определило его слишком сложный характер, а поведение сделало непредсказуемым. Я просто не знаю, чем он мог заниматься, если только он чем-то занялся…

Почему-то я почувствовал, что Билл знает больше, чем говорит. Когда мы приближались к столовой, я услышал музыку. И едва мы вошли, как Льювилла бросила на меня ехидный и недовольный взгляд. Я обнаружил, что еще никто не

присаживался. Приглашенные стояли, разговаривая между собой, с бокалами в руках, и когда мы вошли, большинство из них посмотрело на нас. Справа играло трио музыкантов. Обеденный стол располагался слева, неподалеку от большого окна в ложной стене, откуда открывался вид на раскинувшийся внизу город. Падал мелкий снежок, накидывая прозрачную вуаль на все вокруг. Льювилла быстро приблизилась ко мне и прошептала:

— Ты заставил всех ждать. Где девушка?

— Корал?

— А кто же еще?

— Я не знаю, мы расстались пару часов назад.

— Так она придет или нет?

— Не знаю.

— Мы не можем больше затягивать ожидание, — заявила она. — Теперь порядок мест для гостей пошел прахом. Что ты с ней сделал? А? Переборщил, доказывая, что ты настоящий мужчина? Она не может встать после твоих пылких объятий?

— Льювилла…

Она пробурчала что-то совершенно непонятное на шепелявом диалекте Рэмба, затем отвернулась и направилась к Виале.

— У тебя куча неприятностей, парень, — прокомментировал Билл. — Давай опустошим бар, пока она будет перетасовывать порядок мест для гостей?

Но к нам уже пробирался слуга с парой бокалов вина на серебряном подносе.

— «Лучшее Бейля», — определил Билл.

Я пригубил и убедился, что он прав. Это меня приободрило.

— Я не всех тут узнаю, — шепнул Билл. — Кто тот парень с красными кулаками возле Виалы?

— Это Оркуз, премьер-министр Бегмы. А болтающая с Мартином довольно привлекательная леди в желто-красном платье — его дочь Найда. Корал, из-за которой мне только что досталось от Льювиллы, сестра Найды.

— Так… А кто та рослая, белокурая леди, хлопающая ресницами Жерару?

— Понятия не имею. Сразу признаюсь, что не знаю того парня и даму, что справа от Оркуза.

Мы смешались с толпой, и Жерар представил нам стоящую рядом с ним даму, оказавшуюся Дретой Ганнелл, помощницей посла Бегмы. Высокая молодая дама, находившаяся возле Оркуза, была чуть моложе Дреты и звали ее Ферда Квист. Стоявший рядом с ней молодой человек был ее

секретарем по имени Кейд. А пока мы смотрели в том направлении, Жерар попытался улизнуть и оставить нас с Дретой и Фердой, но последняя схватила его за рукав и что-то спросила. Я улыбнулся, кивнул и отчалил. Билл не замедлил последовать за мной.

— Господи! Как изменился Мартин! — заявил вдруг Билл. — Он выглядит, словно член рок-группы из видеоклипа. Я его еле узнал. Всего на прошлой неделе…

— Прошло больше года, — поправил я его. — Для него лично. Он искал себя на какой-то уличной сцене.

— Интересно… Нашел?

— Еще не имел возможности спросить его об этом. Но на ум мне пришла странная мысль, и я отложил ее в дальний ящик.

— Да? — изумился Билл. — У тебя еще есть мысли?

Тут музыка стихла и Льювилла, кашлянув, подала знак управляющему Хандену, который объявил о новом порядке мест.

Я оказался на стороне, противоположной голове стола, и чуть позже узнал, что Корал должны были усадить слева от меня, а Найду — справа. Так же потом я узнал, что Льювилла попыталась

в последнюю минуту вызвать Флору и усадить ее на место Корал, но Флора не ответила на вызов. И потому сидевшая во главе стола Виала усадила Льювиллу справа от себя, а Оркуза слева, с Жераром, Дретой и Биллом после Льювиллы, и Мартином, Кейдом и Найдой после Оркуза. Мне пришлось проводить Найду к столу и усадить справа от себя, в то время как Билл плюхнулся слева.

— Суета, суета, суета… — тихо пробормотал Билл, и я кивнул. Затем я представил его Найде как советника королевского дома Амбера. Это, похоже, произвело на нее впечатление и она принялась расспрашивать его о работе. Билл стал очаровывать ее рассказом о том, как однажды представлял интересы в споре о разделе наследства, не имевшим никакого касательства к Амберу, но являвшимся отличным способом занять внимание девицы. Он немного рассмешил ее и прислушивающегося Кейда. Подали первое, и музыканты тихо заиграли, что сократило дальность слышимости наших голосов и направило разговор в более интимное русло. Билл хотел мне что-то сказать, но на мгновение его опередила Найда, и мне пришлось выслушивать ее.

— Насчет Корал, — тихо шепнула Найда. — Вы

уверены, что с ней все в порядке? Когда вы расстались, она не чувствовала себя плохо?

— Нет, она казалась вполне здоровой.

— Странно. У меня сложилось впечатление, что она неравнодушна к событиям, происходившим в доме Амбера.

— Что бы она ни собиралась сделать, у нее явно уходит больше времени, чем она предполагала.

— А что именно она собиралась сделать? Где вы расстались?

— Здесь, во Дворце. Я показывал ей достопримечательности. Она хотела получше рассмотреть некоторые картины и статуи, но на это требовалось больше времени, чем я мог уделить, поэтому мне пришлось оставить ее.

— Не думаю, что она могла забыть про обед.

— Полагаю, что она засмотрелась на какое-нибудь произведение искусства.

— Значит, она определенно во Дворце?

— Ну, это трудно сказать. Как я говорил, все может быть.

— Так вы не знаете, где именно она находится?

— Я не знаю, где она находится в данный момент, — уточнил я. — Вполне возможно, что сейчас она просто переодевается в своей комнате.

— Если она так и не явится на обед, вы мне поможете ее найти?

— Я и сам собираюсь разыскать ее, если она в скором времени не появится.

Найда удовлетворенно кивнула и принялась за обед. Я попал в весьма неловкое положение. Помимо того, что мне не хотелось расстраивать Найду, я все равно не очень-то мог рассказать ей о случившемся, сообщив, что ее сестра на самом деле незаконная дочь Оберона. В подобной ситуации, когда меня строго предупредили не говорить ничего, способного вызвать неприязненные отношения между Амбером и Бегмой, я не собирался подтверждать дочери бегмийского премьер-министра слух о романе его жены с покойным королем Амбера. Может быть, в Бегме это является секретом, а возможно и нет. Я не хотел беспокоить Рэндома, спрашивая у него совета, частично потому, что он мог заодно приняться расспрашивать меня о моих собственных ближайших планах и проблемах, а врать ему я не могу. Такое откровение могло принести мне слишком много хлопот. Разговор вполне мог закончиться запретом с его стороны нападения на Замок. Единственным лицом, которому я мог рассказать о Корал и получить какой-нибудь

официальный совет по поводу осведомленности ее родственников, была Виала. К сожалению, в настоящий момент Виала была занята, выполняя обязанности хозяйки дома. Я вздохнул и вернулся к обеду.

Билл снова привлек мое внимание и чуть склонился ко мне. Я тоже подался в его сторону.

— Да? — буркнул я.

— Я хотел бы с тобой кое о чем поговорить, хотя надеялся урвать для этого свободную минутку тишины и уединения.

Я тихо рассмеялся.

— Вот именно, — продолжал он. — Я считаю, что лучшего случая нам придется ждать довольно долго. К счастью, если не повышать голоса, нас не услышат. Я не понял, о чем разговаривали вы с Найдой, так что можно спокойно побеседовать, пока музыканты продолжают игру.

Я кивнул, продолжая утолять аппетит.

— Дело в том, что с одной стороны бегмийцам не следовало бы этого слышать. Но с другой стороны, я чувствую, что тебе это наверняка стоит знать, поскольку ты связался с Люком и Ясрой. Поэтому я хочу спросить тебя, какой у тебя распорядок дня? Я предпочел бы рассказать это тебе позже, но коль скоро ты будешь связан делами,

то я могу изложить суть и сейчас.

Я взглянул на Найду и Кейда. Они были полностью поглощены обедом и мне подумалось, что они ничего не услышат. К несчастью, у меня не было подготовлено для такого случая подходящего заклинания.

— Валяй, — шепнул я, держа в руке бокал с вином.

— Во-первых, Рэндом переслал мне на разбор уйму документов. Это наброски соглашения, по которому Амбер представит Кашере режим наибольшего благоприятствования, который имеет и Бегма. Поэтому Кашера наверняка будет входить в Золотой Круг.

— Понятно. Это не было для меня неожиданностью. Но неплохо знать наверняка, что происходит в окрестностях.

— Есть еще многое другое, связанное с этим вопросом.

В этот момент музыканты перестали играть и мне опять стали хорошо слышны голоса сидящих за столом. Взглянув направо, я увидел, что слуга принес музыкантам поднос с едой и вином. Они отложили инструменты и сделали перерыв. Они играли уже довольно долго и заслужили его.

— Остальное позже, — рассмеялся Билл.

— Хорошо.

Подали странное маленькое блюдо из фруктов с изумительным соусом. Когда я заработал ложкой, уплетая кушанье, Найда вновь привлекла мое внимание. Я склонился к ней и она прошептала.

— Так что насчет сегодняшнего вечера?

— Что вы имеете в виду? — «не понял» я. — Я же сказал, что поищу ее, если она не появится.

— Я не об этом, — пояснила она. — У вас найдется время вечером зайти ко мне поговорить?

— О чем?

— Согласно досье, у вас были небольшие неприятности с кем-то, пытавшимся прикончить вас.

Я начал сомневаться в существовании этого проклятого досье.

— Устаревшие сведения, — проронил я. — Что бы раньше ни было, сейчас все в порядке.

— В самом деле? Выходит, теперь на вас никто не охотится?

— Вот этого бы я не сказал. Список действующих лиц постоянно пополняется.

— Значит, кто-то вас все еще держит на мушке?

— Вы милая дама, Найда, но я вынужден вас спросить, должно ли это вас беспокоить? У каждого свои мелкие проблемы. Просто у меня в

данный момент из-за некоторых обстоятельств их больше обычного. И позвольте мне самому в них разобраться.

— Или погибнуть, пытаясь это сделать?

— Все может быть. Надеюсь, что худшее не случится. Но почему все-таки это вас интересует?

Она взглянула в сторону Кейда, который казался поглощенным едой.

— Возможно, я смогу вам помочь.

— Каким образом?

— Методом исключения, — улыбаясь, заявила Найда.

— О! Это подразумевает какое-то лицо или группу лиц?

— Безусловно.

— У вас есть какие-нибудь особые решения этого сложного вопроса?

— Да, они хороши для решения проблем, вызванных людьми, — она продолжала улыбаться. — Все, что мне нужно — это их имена и местонахождение.

— Секретное оружие?

Она снова взглянула на Кейда, так как я чуть повысил голос.

— Можно назвать его и так, — ответила она.

— Интересное предложение, — протянул

я. — Но вы все еще не ответили на мой первый вопрос.

— Освежите свою память!

— Гм-м… — протянул я, но нас прервал слуга, разносивший вино, а потом — очередной тост.

Первый, предложенный Льювиллой, был за Виалу. Этот же, предложенный Оркузом, был за «древний союз между Амбером и Бегмой». Я выпил вместе со всеми и услышал бормотанье Билла:

— Ему предстоит стать чуть более натянутым.

— Союзу? — уточнил я.

— Точно.

Я взглянул на рассматривавшую меня Найду, явно ожидавшую возобновления нашего разговора. Билл сразу это заметил и деликатно отвернулся. Но в этот момент с Найдой заговорил Кейд, и поэтому я поспешил доесть блюдо и запил его вином. Через какое-то время пустая тарелка исчезла и сменилась другим блюдом. Я посмотрел на Билла, тот посмотрел на Найду и Кейда, а затем произнес:

— Подождем музыку.

Я согласно кивнул, и во внезапно возникшем молчании услышал голос Дреты:

— А это правда, что иногда видят дух короля

Оберона?

Жерар крикнул что-то звучавшее утвердительно и их разговор снова заглушили. Голова моя была набита мыслями плотнее, чем желудок едой, поэтому я принялся за очередное блюдо. Кейд, пытаясь показать себя дипломатичным, повернулся в мою сторону и спросил о моих взглядах на эренгорнский вопрос, затем внезапно дернулся и уставился на Найду. У меня возникло сильное подозрение, что его стукнули ногой под столом, что меня вполне устраивало, так как я ничего не знал об этом идиотском эренгорнском вопросе. Но я пробормотал что-то насчет того, что в большинстве дел можно найти какие-нибудь доводы в пользу обеих сторон, и это показалось мне вполне разумным ответом. Если бы этот вопрос оказался животрепещущим, то, полагаю, я смог бы отделаться тонким замечанием о раннем прибытии бегмийской миссии, но «эренгорнский вопрос» мог быть на самом деле довольно скучной темой для разговора, которую Найда не желала поддерживать, поэтому она и прервала нашу беседу с Кейдом. Заодно у меня сложилось еще одно ощущение, что рядом внезапно могла материализоваться Льювилла и пнуть под столом мою ногу. Неожиданно меня осенила еще

одна мысль, хотя иногда я немного туго мыслю. Она явно знала, что Рэндома здесь нет, и, судя по тому, что мне уже известно, и по тому, что сейчас говорил Билл, они не слишком обрадованы, что бы Рэндом ни затевал в соседнем королевстве. Их раннее прибытие вполне могло быть устроено с целью несколько смутить нас. Не означает ли это, что Найда предлагает мне что-то являющееся частью замысла, подогнанного под их общую дипломатическую стратегию по этому вопросу? Если так, то при чем тут я? Я был плохим выбором, так как не имел ни малейшего представления о внешней политике Амбера. Знала ли это Найда? Должна знать, если их разведка действует так хорошо, как она мне намекнула. Я был сбит с толку и наполовину поддался искушению спросить у Билла, каковы его взгляды но поводу эренгорнской ситуации? Но тогда, впрочем, уже он мог пнуть меня ногой под столом. Закончив с едой, музыканты возобновили выступление, заиграв «Зеленые рукава». Найда и Билл одновременно склонились ко мне с разных сторон и, подняв глаза, встретились взглядами и улыбнулись.

— Дама имеет предпочтение, — громко проговорил Билл.

Она благосклонно кивнула ему и спросила

меня:

— Вы обдумали мое предложение?

— Немного. Но у меня был вопрос, помните?

— Какой вопрос?

— С вашей стороны весьма мило оказать мне услугу, — пояснил я. — Но в наши времена всякому простительно сперва проверить ценник. Понятно?

— А что, если я скажу, что достаточно лишь вашей доброй воли?

— А что, если я отвечу, что добрая воля мало что стоит в политике?

Она передернула плечиками.

— За малую выгоду малая цена. Я это уже слышала. Но вы здесь со всеми в родстве. Возможно, ничего подобного никогда не случится, но вполне допустимо, что кто-то может спросить, какого вы о нас мнения. Если такое произойдет, то я хотела бы, чтобы вы знали, что в Бегме у вас добрые друзья, к которым нужно относиться по-доброму.

Я изучил ее очень серьезное выражение лица. Тут было нечто большее, и мы оба это понимали. Только при этом я не знал, что грядет, а она знала. Я протянул руку и осторожно провел по ее щечке тыльной стороной ладони.

— Ожидается, что я скажу что-то хорошее о вас,

если кто-то меня спросит. Только и всего, и за это вы организуете убийство кого-то, чье имя и адрес я вам предоставлю. Правильно?

— Если коротко, то да.

— Это заставляет меня гадать, почему вы думаете, будто сумеете совершить убийство лучше, чем смогли бы мы? У нас по этой части классический опыт.

— У нас имеется, как вы выразились, секретное оружие. Но я думала, что для вас это личное дело, а не государственное, и вы не желаете втягивать в него никого из остальных членов семьи. К тому же, при оказанной мной услуге невозможно будет найти концов.

Опять куча намеков. Подразумевала ли она, что я, по ее мнению, не доверяю всем остальным, или что мне не следует им все доверять? Или она просто гадала вслух, основываясь на амберской истории интриг внутри семьи? Или она намеренно старается возбудить конфликт поколений? Будет ли это каким-либо образом отвечать политике Бегмы? Или… она догадалась, что за ситуация возникла и предлагает мне устранение члена семьи? А если это так, то неужели она считает меня настолько глупым, чтобы поручить это дело кому-то другому? Или

даже обсуждать такую идею? И таким образом дать Бегме возможность получить достаточное количество очков для обретения власти надо мной? Или же… Я решил не размышлять далее. Меня порадовало, что мыслительные процессы наконец-то проявились образом, подобающим для атмосферы, царящей в моей семье, а на самом деле в моих обеих семьях. Овладевать таким навыком мне пришлось долгое время, но теперь это вызвало приятное ощущение. Простой отказ сразу бы отмел в сторону все вышеизложенное. Но с другой стороны, если я ей немного подыграю, она может оказаться интересным источником информации. Поэтому я сказал так:

— Вы убьете любого, кого я назову? Любого?

Она внимательно изучила меня и коротко проронила.

— Да.

— Вы должны еще раз извинить меня, но, совершая свой поступок ради такой неосязаемой цели, как моя добрая воля, вы заставляете меня сомневаться в вашей доброй воле.

Лицо ее покраснело и она сразу же отвернулась. Меня это не встревожило так как я был уверен, что на этом рынке командует покупатель. Я вернулся к обеду, и через некоторое время она вновь

придвинулась ко мне.

— Это значит, что вы зайдете ко мне сегодня вечером?

— Не могу, — отказался я. — Сегодня я страшно занят.

— Могу поверить, что вы чрезвычайно заняты, но означает ли это, что мы вообще не сможем поговорить?

— Все зависит от того, как сложатся дела. Сейчас у меня их множество и, вероятно, скоро я покину город.

Найда чуть вздрогнула. Я был уверен, что она намеревалась спросить, куда это я отправляюсь, но потом решила, что лучше не спрашивать.

— Плохо, очень плохо… Вы отказываетесь от моего предложения?

— Нет, но, как я понимаю, вы почему-то спешите. Сделка возможна только сегодняшним вечером?

— Я знаю одно: вам грозит какая-то опасность. И чем раньше вы сделаете ход против вашего противника, тем спокойнее будете спать.

— Вы чувствуете, что я в опасности здесь, в Амбере?

— Никто и нигде не может ощущать себя в безопасности от достаточно умелого и решитель-

ного врага.

— Вы считаете, что угроза исходит изнутри? — поинтересовался я.

— Я просила вас назвать сторону, — заявила Найда. — Вам лучше знать.

Я немедленно отступил. Эта ловушка была слишком проста, и она ее явно учуяла.

— Вы предоставили мне пищу для размышлений, — признался я, продолжая набивать желудок пищей.

Через некоторое время я заметил, что Билл смотрит на меня так, словно хочет что-то сказать. Я чуть заметно качнул головой, и он меня понял.

— Тогда, может быть, за завтраком? — услышал я слова Найды. — То путешествие, о котором вы говорите, может оказаться для вас роковым. Было бы неплохо уладить дело до вашего отбытия.

— Найда, — проговорил я, как только сумел проглотить то, что у меня было во рту. — Я бы хотел ясности в вопросе о благодетелях. Если бы мне можно было обсудить это с вашим отцом…

— Нет! — возразила она. — Он ничего об этом не знает!

— Спасибо. Вы должны быть снисходительны относительно моего любопытства насчет изобретателей этого плана.

— Нет надобности искать где-то на стороне. Этот замысел целиком мой.

— Некоторые из ваших прежних заявлений заставили меня заключить, что у вас какие-то особенные связи с разведкой Бегмы?

— Нет, обыкновенные. Это мое личное предложение.

— Но должен же будет кто-то… привести в исполнение ваш замысел…

— Это произойдет с помощью оружия.

— Я должен заявить, что обязан знать о нем больше.

— Я предложила вам услуги и пообещала полную анонимность. А что касается средств, углубляться не стоит.

— Если эта идейка целиком принадлежит вам, то вы, казалось бы, должны получить от этого какую-то конкретную выгоду. Не так ли? Какая же вам польза?

— Ваше досье… — она отвела взгляд. — Чтение его меня заворожило… Вы здесь один из немногих людей, близких мне по возрасту, и вели такую интересную жизнь. Вы не представляете, как скучна большая часть читаемого мною — сельскохозяйственные сводки, цифры, изучение ассигнований. У меня нет ничего похожего на

светскую жизнь. Я постоянно на дежурстве. Любая посещаемая мною вечеринка — на самом деле государственное мероприятие в той или иной форме. Я перечитывала ваше досье вновь и вновь и много думала о вас. И… я немного влюбилась в вас. Понимаю, что это звучит глупо, но это чистая правда. Когда я ознакомилась с некоторыми из последних докладов и поняла, что вам грозит настоящая опасность, то решила помочь вам, если смогу. Я имею доступ к важным государственным тайнам. Одна из них предоставит мне средство помочь вам. Применение секретного оружия пойдет вам на благо и не причинит вреда Бегме, но с моей стороны было бы нелояльно обсуждать это подробнее. Я всегда хотела встретиться с вами и приревновала к вам сестру, когда вы отправились с ней на прогулку. И все же я прошу вас, чтобы вы зашли ко мне позже…

Кинув на нее быстрый взгляд, я поднял бокал, словно в ее честь, и выпил.

— Вы изумительны, — ничего другого я придумать не мог. Это либо выдумано на ходу, либо правда. Если это правда, то она несколько жалка, а если нет, то можно посчитать это довольно ловким образцом сообразительности, рассчитанной на удар по моему самолюбию. И она заслуживает

с моей стороны либо сочувствия, либо самого опасливого восхищения. Поэтому я добавил: — Хотел бы я встретиться с человеком, написавшим эти доклады. Вполне возможно, что на службе в правительственном учреждении пропадает большущий литературный талант.

Она улыбнулась, подняла бокал и коснулась им моего.

— Подумайте об этом, — посоветовала она.

— Честно могу сказать, что вас я не забуду.

Мы одновременно вновь приступили к обеду, и следующие пять минут я наверстывал упущенное. Билл тактично позволил мне покушать, полагая, что мой разговор с Найдой, наконец, закончился. Когда я покончил с очередным блюдом, Билл подмигнул мне и спросил:

— Есть свободная минутка?

— Пожалуй, да, — вздохнул я.

— Я даже не стану спрашивать, о чем шла речь по другую сторону — о деле или об удовольствии.

— Речь шла об удовольствиях, правда, несколько странных. Не спрашивай больше ни о чем, а то я из-за тебя останусь без десерта.

— Буду краток, — пообещал Билл. — Коронация в Кашере произойдет завтра.

— Не теряем времени даром, не так ли?

— Да. Джентльмена, который займет трон, зовут Арканс, герцог Шатбурна. За долгую жизнь он служил во многих правительствах и по-настоящему знает всю механику дела и к тому же состоит в отдаленном родстве с одним из предыдущих монархов. С кликой Ясры он ладил плохо, и пока она находилась у власти, жил, в основном, в своем загородном поместье. Ясра не беспокоила его, а он не беспокоил ее.

— Разумный человек…

— В частности, он разделял ее мнение насчет эренгорнского вопроса, о чем хорошо знают бегмийцы…

— А в чем, собственно, заключается этот эренгорнский вопрос?

— Это их Эльзас-Лотарингия. Огромная богатая область между Бегмой и Кашерой. За минувшие века она столько раз переходила из рук в руки, что у обеих стран имеются на нее законные притязания. Даже жители этой области не до конца разобрались в этом вопросе. У них имеются родственники в обеих странах. Я даже не знаю, волнует ли их, какая страна притязает на них, лишь бы им не повышали налоги. Мне кажется, претензии Бегмы могут быть чуть весомее, но

я мог бы защищать в суде иск любой страны. И теперь ею владеет Кашера, а Арканс утверждает, что она, черт возьми, и дальше будет владеть ей. То же самое говорила и Ясра. Однако предыдущий правитель, его звали Ястон — он был военным, действительно был готов обсудить с бегмийцами статус этой области, до своего злополучного падения с балкона. По-моему, он хотел наполнить казну и подумывал уступить область в обмен на возмещение ущерба, нанесенного в ходе какой-то древней войны. Дело шло на лад…

— И? — не выдержал я монотонности его сообщения.

— В полученных мной у Рэндома документах Амбер особо признает, что Кашера включает в себя и область Эренгорна. Арканс настоял на включении этого пункта в договор. Обычно, судя по всему, что я смог разыскать в архивах Амбера, он избегает ввязываться в подобные щекотливые ситуации между союзниками. Оберон почти никогда не искал на свою голову неприятностей. Но Рэндом, кажется, немножко спешит и позволяет этому парню запрашивать слишком много. Это с моей точки зрения.

— Рэндом излишне остро реагирует, — высказался я. — Хотя я его ничуть не виню. Он не может

забыть Бранда.

— Я просто наемный помощник, — сказал Билл, — и я не должен иметь своего мнения.

— Ну, а есть что-нибудь еще, что мне следует знать об Аркансе?

— О, есть еще уйма всякого, что в нем не нравится бегмийцам. И главное то, что они уже думали, будто быстро продвигаются в этом вопросе, который не могли разрешить предыдущие поколения. В прошлом из-за этого даже воевали, вот это и есть основная причина, по которой они примчались в Амбер. Так что веди себя соответственно, Мерль.

Билл поднял бокал и с удовольствием осушил его.

Чуть позже Виала что-то сказала Льювилле, потом встала и объявила, что ей требуется отлучиться и что она тут же вернется. Льювилла тоже стала подниматься, но Виала положила ей руку на плечо, что-то шепнула и величественно удалилась.

— Интересно, что бы это могло значить? — заинтересовался Билл.

— Не знаю.

— Погадаем? — улыбнулся Билл.

— Мой мозг на автопилоте, — признался я.

Найда бросила на меня долгий взгляд. Я спокойно воспринял его и пожал плечами. В скором времени тарелки убрали и поставили новое блюдо, выглядевшее чрезвычайно заманчиво. Однако, прежде чем я успел в этом убедиться наверняка, вошла представительница постоянного дворцового штата и приблизилась ко мне.

— Герцог Мерлин, — поклонилась она, — вас желает видеть королева.

Я сразу же поднялся.

— Где она?

— Я отведу вас.

Я извинился перед гостями, позаимствовав реплику, что тотчас же вернусь, и одновременно гадая, смогу ли я сдержать свое слово. Затем я последовал за служительницей в коридор, потом свернул в маленькую гостиную, где она оставила меня наедине с Виалой, сидевшей в неудобном на вид кресле с высокой спинкой из темного дерева и кожи, удерживаемой на спинке и сидении множеством металлических гвоздей с большими шляпками. Если бы ей очень потребовались мускулы, она послала бы за Жераром. Если бы ей потребовался человек, разбирающийся в истории и политических интригах, то тут оказалась бы Льювилла. Поэтому я сразу догадался, что

речь пойдет о магии, поскольку я являюсь семейным авторитетом по этой части. Но я оказался неправ…

— Я хотела бы поговорить с тобой — промолвила Виала, — о маленькой войне, в которую, мы вот-вот кажется, ввяжемся.

После приятного времяпрепровождения с хорошенькой леди, нескольких стимулирующих кулуарных разговоров и расслабляющего обеда с друзьями и родственниками казалось почти невозможным услышать что-то иное, тем более столь серьезное. Маленькая война, по крайней мере, казалась лучше большой, хотя Виала этого и не сказала. Тем не менее мне не оставалось ничего иного как задать вопрос:

— Что случилось?

— Войска Далта окопались возле западной опушки Арденна, — уведомила она. — Перед ними развернулись войска Джулиана. Бенедикт забрал у Джулиана дополнительные войска и оружие. Он утверждает, что может выполнить обходной маневр, который развалит фронт Далта. Но я запретила ему это.

— Почему? Не понимаю!

— Погибнут люди…

— На войне без этого не обойтись.

— Но у нас есть достаточно своеобразный выбор, которого я пока не понимаю. И хочу понять его, прежде чем отдам приказ, который может привести к многочисленным жертвам.

— Что за выбор?

— Я вышла сюда ответить на сообщение по Козырю от Джулиана. Он только что вел через парламентеров переговоры с Далтом. Далт заявил, что разрушение Амбера не является в настоящее время его целью. Он указал, однако, что может все-таки напасть и это дорого нам обойдется. С другой стороны, он заявил, что предпочел бы уберечь себя и нас от ненужных потерь. Он требует одного, чтобы мы отдали ему двух пленников — Ринальдо и Ясру.

— Кого!? — улыбнулся я. — Мы не можем выдать ему Люка, даже если бы захотели. Его тут нет.

— Именно так и сказал ему Джулиан. Кажется, Далт весьма удивился. По какой-то причине он считал, что Ринальдо у нас в плену.

— Я полагаю, что мы не обязаны ставить в известность этого субъекта о всех наших делах. Как я понимаю, он уже давно нам досаждает. Думаю, у Бенедикта имеется для этого нахала подобающий ответ.

— Я позвала тебя не за советом.

— Извиняюсь. Просто не люблю, когда кто-то пытается провернуть подобное и в действительности верит, что имеет шанс на успех.

— У него нет никаких шансов на успех, — подчеркнуто произнесла Виала. — Но если мы сейчас прикончим его, то ничего не узнаем. Я хотела бы выяснить, что стоит за этим требованием.

— Прикажи Бенедикту доставить его живым, а у меня найдется заклинание развязать ему язык.

— Слишком рискованно, — покачала она головой. — Коль скоро полетят пули, может случиться, что одна из них угодит в него. Тогда мы проиграем, даже если и победим.

— Не понимаю, чего же ты хочешь от меня?

— Он попросил Джулиана связаться с нами и передать его требования. И пообещал сохранять перемирие, пока мы не дадим ему официальный ответ. По словам Джулиана, у него сложилось впечатление, что Далт удовольствуется любым из них — хоть мамашей, хоть сыном.

— Ясру я тоже не желаю отдавать.

— Так же, как и я. Чего мне действительно хочется, так это понять, что же происходит. Думаю, бесполезно освобождать Ясру и спрашивать ее, так как события произошли после наложения

на нее заклятия. Я хочу знать, есть ли у тебя средство связаться с Ринальдо. Мне надо с ним поговорить.

— Ну, э-э-э… да, — признался я. — У меня есть Козырь.

— Так воспользуйся им!

Я извлек Карты и уставился на изображение Люка, направив мысли в определенное русло. Изображение изменилось и ожило. Люк в сумерках стоял у лагерного костра. На нем было знакомое зеленое обмундирование, а на плечах легкий, коричневый плащ с застежками в виде феникса.

— Мерль, — доложил он, — я могу двинуть войска хоть сейчас. Когда ты захочешь ударить по этому проклятому местечку…

— Погоди с этим, — прервал я его. — Здесь кое-что другое.

— Что?

— Далт у ворот и Виала желает поговорить с тобой, прежде чем мы его раздалбаем.

— Далт? В Амбере?

— Да, да и да. Он говорит, что уберется отсюда, если получит то, что жаждет иметь больше всего на свете: тебя и Ясру.

— Бред…

— Мы тоже так думаем. Ты поговоришь об этом с королевой?

— Разумеется. Проводи меня… — он немного поколебался и посмотрел мне в глаза.

Я улыбнулся и протянул ему руку. Он устремился вперед и взял ее, очутившись через мгновение в гостиной. Он осмотрелся, увидел Виалу, тут же отстегнул пояс с мечом и отдал мне… Приблизившись к ней, Люк припал на колено и склонил голову.

— Ваше Величество, — произнес он. — Я у ваших ног.

Виала протянула руку и коснулась Люка.

— Поднимите голову, — промолвила она.

Он поднял лицо и ее чувствительные пальчики пробежали по нему, чуть касаясь.

— Сила, — произнесла Виала, — и печаль… Значит, вы и есть Ринальдо. Вы принесли мне немало горя.

— Это обоюдно, Ваше Величество.

— Да, конечно. Учиненные и неотомщенные несправедливости имеют склонность обрушиваться на невинных. Насколько далеко зайдет дело на этот раз?

— Дело с Далтом? — спросил он.

— Нет, дело с тобой.

— О, с ним все. Я покончил с этим. Больше никаких бомб и засад. Я уже сообщил об этом Мерлину.

— Вы знакомы несколько лет?

— Да.

— Вы подружились?

— Он — одна из причин, по которой я прекращаю дело.

— Раз вы явились сюда, значит, доверяете ему, и я это ценю. Примите вот это.

Виала сняла кольцо с указательного пальца правой руки. Ободок был из золота, камень молочно-зеленый. Зубцы справа ласково обхватывали камень, словно богомол, охраняющий сказочные сокровища страны снов от мира яви.

— Ваше Величество…

— Носите его, — велела она.

— Слушаюсь, — проронил он, надевая его на мизинец левой руки. — Благодарю вас, Ваше Величество.

— Встаньте. Я хочу объяснить вам, что именно произошло.

Люк поднялся, а Виала принялась рассказывать ему то, что рассказала мне — о прибытии Далта, о диспозиции его сил, о его требованиях, а я стоял, ошеломленный содеянным ею. Она только что

взяла Люка под свою защиту. В Амбере все знали это кольцо. Я гадал, что же думает об этом Рэндом, а затем понял, что никакого слушания дела не будет. Бедный Билл! По-моему, он просто жаждет защищать Люка в суде.

— Да, я знаю Далта, — услышал я голос Люка. — Нас никогда не разделяли… определенные цели, но он изменился. Во время нашей последней встречи он попытался убить меня, и я не знаю, почему. Сперва я подумал, что им управляет чародей из Замка.

— А теперь?

— Теперь я просто ничего не понимаю. У меня такое впечатление, что он на поводке, но кто его держит, я не знаю.

— А почему бы не тот чародей?

— Ему нет смысла идти на такие хлопоты ради того, чтобы схватить меня, когда всего лишь несколько дней назад он держал меня в руках, а потом отпустил. Он мог просто посадить меня в камеру.

— Верно, — согласилась Виала. — А как зовут этого чародея?

— Маска… Мерлин знает о нем больше моего.

— Мерль, — обратилась она ко мне. — Кто такой этот Маска?

— Это чародей, отнявший у Ясры Замок Четырех Миров, — объяснил я, — а она в свою очередь отняла его у Шару Гаррула, который сейчас служит в Замке вешалкой. Чародей носит синюю маску и, кажется, черпает силы из странного источника, расположенного в цитадели Замка. Он не очень-то любит меня. И это примерно все, что я могу рассказать.

Я опустил упоминание о своем плане отправиться туда в скором времени для сведения счетов, а также из-за участия в этом деле Юрта. Все это я сделал по той же причине, по которой утаил эту информацию от Рэндома. Я был уверен, что Люк отпасовал ее вопрос именно мне, потому что не знал наверняка, насколько я хотел раскрыться перед Виалой.

— Это мало что нам говорит, — решила она, — относительно ультиматума Далта Амберу.

— Связи может и не быть, — заявил я. — Как я понимаю, Далт наемный солдат, и их отношения могли быть единичными. Теперь он либо работает на кого-то другого, либо затевает свою игру.

— Непонятно, почему кто-то захотел нас заполучить, причем идя на столь дорогостоящие хлопоты и риск, — сказал Люк. — Но я должен свести счеты с этим парнем и намерен совме-

стить приятное с полезным.

— Что ты имеешь в виду? — встревожилась Виала.

— Я думаю, что есть способ быстро добраться туда, — произнес он вместо ответа.

— Можно пройти по Козырю к Джулиану, — подсказал я. — А что ты задумал, Люк?

— Хочу потолковать с Далтом.

— Слишком опасное занятие, — возразила королева. — Ведь именно этого он и хотел.

— Для Далта это тоже может оказаться опасным, — усмехнулся Люк.

— Минутку! — вмешался я. — Если у тебя на уме нечто иное, чем разговор, то ты можешь нарушить перемирие. Виала же пытается избежать столкновения.

— Никакого столкновения не будет, — пообещал Люк. — Слушай, я знаю Далта с детства и, по-моему, он блефует. У него есть такая черта характера. Не такие у него силы, чтобы идти на риск нового нападения на Амбер. Ваши ребята его убьют. Если ему потребовались мы с мамулей, то думаю, мне он скажет, зачем. А это как раз то, что мы желаем выяснить, не так ли?

— Ну, так, — неохотно согласился я. — Но…

— Отправьте меня, — обратился он к Виале. — И

я найду способ заставить его отцепиться от вас. Обещаю…

— Ты искушаешь меня, — промолвила она. — Но мне не нравятся твои слова о сведении с ним счетов, особенно в такое время. Как сказал Мерлин, я хочу избежать столкновения, но не по одной причине.

— Обещаю, что так далеко дело не зайдет, — заверил он ее. — Я бросаю кости как надо. И я хорошо научился играть на слух и готов отсрочить удовлетворение.

— Что скажешь, Мерлин? — спросила Виала.

— В этом он прав, — подтвердил я. — Он самый прожженный коммивояжер на юго-западе.

— Боюсь, это понятие мне не знакомо.

— На Отражении Земля, где мы оба жили, — это высокоспециализированное искусство. Фактически, даже сейчас он применяет его на тебе.

— Ты утверждаешь, он сможет сделать то, о чем говорит?

— Я думаю, он очень хорошо умеет добиваться того, что хочет.

— Точно, — подтвердил Люк. — А поскольку мы оба здесь хотим одного и того же, то мне думается — будущее для нас открыто.

— Понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала

Виала. — Насколько большой опасности ты можешь подвергнуться из-за этого, Ринальдо?

— Я буду в такой же безопасности, как и здесь, в Амбере.

— Ладно, я поговорю с Джулианом, — улыбнулась она. — И ты сможешь отправиться к нему посмотреть, что там у Далта.

— Минутку, — попросил я. — Сегодня то и дело шел снег, и там внизу дует очень скверный ветер. Люк явился из Отражения с более теплым климатом, и плащ на нем довольно не по сезону. Разреши мне дать ему кое-что потеплее. У меня есть хороший, теплый плащ, и он сможет взять его, если сочтет подходящим.

— Не возражаю, — произнесла она.

— Мы сразу же вернемся.

Она поджала губы, а затем кивнула. Я протянул Люку пояс с оружием, и он пристегнул его. Я не сомневался, Виала поняла, что нам просто надо поговорить наедине. И мы оба знали, что она мне доверяет, и это одновременно и облегчало, и осложняло мое положение. Я собирался уведомить Люка о предстоящей коронации в Кашере и о некоторых других делах, пока мы будем идти по коридору к моим покоям. Однако я подождал, пока мы подальше удалились от гостиной, так

как у Виалы необыкновенно острый слух. Но это позволило Люку захватить инициативу, и он начал разговор первым.

— Что за странное развитие событий, — удивился он и добавил — Она мне нравится, но у меня сложилось впечатление, будто она знает больше, чем говорит.

— Вероятно, ты прав. Думаю, что мы все такие.

— Ты тоже?

— Нынче — да. Обстоятельства вынуждают.

— Ты знаешь о сложившейся ситуации что-нибудь такое, что следует знать мне?

Я качнул головой.

— Ситуация эта нова, и она сообщила тебе все, что известно и ей, и мне. А ты, наверное, знаешь что-то, о чем не ведаем мы?

— Нет. Для меня она тоже полна неожиданностей, но я должен влезть в нее.

— Да, должен.

Теперь мы приближались по коридору к моим покоям, и я счел необходимым подготовить его.

— Скоро мы будем у меня в комнате, — предупредил я. — И я просто хочу, чтобы ты знал — твоя мать там. Она в безопасности, но ты найдешь ее не слишком разговорчивой.

— Я знаком с результатами твоего заклинания,

и помню, по твоим словам, что ты знаешь, как его снять… Я понял, что наш план отправиться потолковать с Маской и твоим братцем немного откладывается.

— Не так уж надолго, — возразил я.

— Мы предполагаем, сколько у меня уйдет на это времени. А что, если дело затянется? Или случится что-то, способное надолго задержать меня?

Я кинул на него быстрый взгляд и осведомился:

— Люк, что у тебя на уме?

— Не знаю. Я просто строю предположения. Люблю планировать все загодя. Скажем, у нас получится задержка с этой атакой…

— Ладно, говори, — произнес я, когда мы приблизились к двери в мою комнату.

— Я вот что имею в виду. Что, если мы прибудем туда слишком поздно? Предположим, мы явились, а твой братец уже прошел ритуал превращения?

Я толкнул дверь, открыл ее и придержал, пока он проходил. Мне не хотелось, чтобы дело приняло такой оборот, так как я помнил отцовские рассказы о тех моментах, когда он встречался с Брандом и сталкивался с этой сверхъестественной силой. Люк прошел в комнату. Я щелкнул

пальцами и множество масляных ламп тотчас же ожило — их пламя спустя мгновение распространило ровный свет. Ясра находилась прямо напротив входа, держа на вытянутых руках кое-что из одежды. На какой-то миг я растерялся, потому что не знал, какова будет его реакция. Он остановился, разглядывая ее, а потом приблизился, позабыв про разговор о Юрте. Рассматривая ее, он, наверное, задумался о чем-то таком, что мне стало как-то неуютно. Секунд через десять он рассмеялся и заметил:

— Она всегда любила приодеться, но совместить эту любовь с чем-то полезным ей было не под силу. Надо отдать должное Маске, хотя он и не уловил мораль происшедшего, — затем он повернулся ко мне. — Вполне вероятно, что она очнется злой, как мокрая кошка, и сразу кинется в атаку. Кажется, она не держит упомянутый тобой плащ.

— Сейчас достану.

Я вытащил из шкафа темный меховой плащ. Когда мы поменялись плащами, он провел рукой по меху.

— Мантикора? — поинтересовался он.

— Волк, — уточнил я.

Затем я повесил его плащ в шкаф и прикрыл

дверцу, а Люк в это время облачался.

— Как я говорил, когда мы шли сюда, есть вероятность, что я не вернусь.

— Этого ты не говорил.

— Такими словами не говорил, — признался Люк. — Но какая разница, большая будет задержка или маленькая? Суть в том, что если Юрт пройдет ритуал и ему удастся обрести те способности, к которым он стремится, до того, как мы успеем что-то сделать, то разница во времени не будет иметь значения. А что будет, если тебя не будет там, чтобы вовремя поспеть на помощь?

— Тут много нюансов, — заметил я, поморщившись.

— Именно это и отличает нас от проигравших… Хороший плащ.

Он двинулся к двери, оглянувшись на меня и на мать.

— Ладно, — сказал я. — Ты являешься туда, Далт отрубает тебе голову и играет ею в футбол, а потом появляется Юрт десяти футов росту и пышущий огнем. Это я строю предположения. Каким образом в такой ситуации мы не проигрываем?

Люк вышел в коридор, а я последовал за ним, снова щелкнув пальцами и оставив Ясру в темноте.

— Тут дело в знании вариантов выбора, — нравоучительно заявил Люк, пока я закрывал дверь. Затем мы зашагали по коридору.

— Лицо, получившее подобную силу, приобретает заодно и уязвимость, такую же, как у источника, — сообщил он.

— Что ты под этим подразумеваешь?

— Конкретно не знаю, но мощь в Замке можно использовать против лица, наделенного мощью в этом самом Замке. Уж это-то я узнал точно из записей Шару. Но мамуля отобрала их у меня, прежде чем я прочел их до конца, и больше я их не видел. Никогда и никому не доверяй — таков, по-моему, ее девиз.

— Давай дальше.

— Я говорю, что если со мной что-нибудь случится, и он выйдет из этой игры победителем, то значит, она знает какой-то особый способ уничтожить его.

— Что!?

— Я также уверен, что спрашивать ее об этом придется чрезвычайно вежливо.

— Мне почему-то кажется, что я это уже знаю.

Люк издал невеселый смешок.

— Ты скажешь ей, что я закончил с вендеттой и что я удовлетворен, а потом в обмен на помощь

предложи ей цитадель.

— А если ей покажется, что этого мало?

— Черт! Тогда преврати ее обратно в вешалку. Парня-то все равно можно убить. Мой отец умер от стрелы в горло, несмотря на свои фантастические силы. Смертельный удар — есть смертельный удар. Просто дело в том, что нанести его такому парню очень трудно.

— Ты действительно думаешь, что этого хватит?

Он остановился и, нахмурившись, взглянул на меня.

— Она будет спорить, но в конце концов согласится, — уверенно заявил Люк. — Ведь для нее это будет возвращением. И она захочет отомстить Маске так же сильно, как и вернуть свой кусок прежних владений. Но не доверяй ей. Что бы она ни обещала, она никогда не довольствуется меньшим, чем принадлежало ей ранее. Она не сможет отказаться от интриг, но будет отличной помощницей до завершения дела. А потом тебе придется подумать, как защититься от нее. Если не…

— Что «если не»?

— Если я не придумаю что-нибудь, чтобы упрочить сделку.

— Например?

— Пока не знаю. Но не снимай этого заклинания, пока мы не разберемся между собой с Далтом. Идет?

Он снова пошел вперед.

— Минутку! — окликнул я его. — Что же ты задумал?

— Ничего особенного. Как я сказал королеве, я просто намерен сыграть с закрытыми глазами.

— Иногда у меня возникает такое ощущение, будто ты такой же хитрый, как и мать, — откровенно сказал я.

— Надеюсь, что так оно и есть. Но существует разница. Я честен.

— Сомневаюсь, что я купил бы у тебя подержанный автомобиль.

— Каждая заключенная мной сделка — особая. А для тебя всегда припасено самое лучшее.

Я взглянул на него, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Что же я еще могу сказать? — произнес он, быстро показывая на гостиную.

— Теперь уже ничего, — ответил я, и мы вошли к королеве.

Виала повернула голову в нашу сторону, и лицо ее было так же непроницаемо, как и у Люка.

— Теперь вы одеты по сезону? — осведомилась

она.

— Да, безусловно, — подтвердил Люк.

— Тогда давайте приступим, — предложила она, поднимая левую руку, в которой оказался Козырь. — Подойдите, пожалуйста, ко мне.

Мы приблизились к королеве и я увидел, что она держит перед собой Козырь Джулиана.

— Положите мне руку на плечо, — предложила она Люку.

Он положил руку на ее плечико. Она потянулась и нашла Джулиана, заговорив с ним. Вскоре в разговор вступил и Люк, объясняя, что он намерен предпринять. Виала сообщила Джулиану, что она одобряет этот план. Спустя несколько секунд я увидел, как Люк поднял свободную руку и протянул ее. И тут же я заметил темный силуэт тянущегося к нему Джулиана, хотя и не участвовал в козырной связи. Это произошло потому, что я вызвал у себя логрусовое зрение и стал чувствителен к таким вещам. Логрус потребовался мне для того, чтобы Люк не улетучился прежде, чем я сделаю свой ход. Я положил руку на плечо Люка и двинулся вместе с ним.

— Мерлин! Что ты делаешь? — услышал я окрик Виалы.

— Хочу посмотреть, что там происходит, — ото-

звался я. — Когда дело решится, я тут же вернусь домой, — и радужные врата закрылись за мной.

Мы стояли, освещенные мерцающим светом масляных ламп в большом шатре. Снаружи шумел ветер и слышался шорох ветвей. Джулиан стоял к нам лицом. Он выронил руку Люка и рассматривал его с бесстрастным лицом.

— Значит, ты и есть убийца Каина, — проговорил он.

— Да, — быстро ответил Люк.

Тут я вспомнил, что Джулиан и Каин были особенно близки друг другу. Если бы Джулиан прикончил Люка, то уверен, Рэндом лишь кивнул бы, соглашаясь с происшедшим. Может быть, даже улыбнулся бы. Трудно сказать… Будь я Рэндомом, я бы только приветствовал устранение Люка со вздохом облегчения. Фактически, это была одна из причин моего перехода вместе с Люком. Что, если все это дело подстроено? Я не мог себе представить, чтобы Виала могла принять участие в этом деле, но ее легко могли обмануть Джулиан и Бенедикт. Что, если Далта тут вообще нет? А если, допустим, и есть, и он просит голову Люка? В конце концов, он ведь пытался совсем недавно прикончить Люка? Мне приходилось признавать такую возможность и сейчас, так же,

как и признавать, что Джулиан наиболее вероятный кандидат на участие в таком замысле… Для блага Амбера. Взгляд Джулиана встретился с моим, и я напялил на себя такую же маску бесстрастия, какая была у него.

— Добрый вечер, Мерлин — поздоровался Джулиан. — А какую роль ты играешь в этом плане?

— Я наблюдатель. И все прочее, что подскажут обстоятельства.

Откуда-то снаружи я услышал вой адской гончей.

— Только не мешай, — предупредил Джулиан.

Я улыбнулся.

— У колдуна есть особые свойства оставаться незамеченным.

Он снова изучил меня взглядом, гадая, не кроется ли за этим какая-нибудь угроза. Затем передернул плечами и повернулся туда, где лежала на столе развернутая карта, прижатая с углов камнем и кинжалом. Он показал жестом руки, что Люку следует присоединиться к нему, а я последовал за ними. Карта изображала западную опушку Арденна, и он указал на ней наше местоположение. Гарнат находился к юго-западу от нас, а Амбер к юго-востоку.

— А силы Бенедикта? — осведомился я.

Джулиан взглянул на меня, слегка нахмурившись.

— Люку полезно знать, что такие силы существуют, — отчеканил он, — но не их численность, местонахождение и задачи. Таким образом, если Далт захватит его в плен и допросит, то у него будет много причин для беспокойства, но никаких сведений для противодействия.

— Хорошая мысль, — кивнул Люк.

Джулиан вновь показал на место между двумя фронтами.

— Вот тут-то я и встречался с ним, когда мы вели переговоры. Ровное местечко, видное днем с обеих сторон. Я предлагаю воспользоваться им для нашей встречи.

— Ладно, — согласился Люк, и я заметил, что когда он говорил, кончики пальцев Джулиана поглаживали рукоять лежавшего рядом с ним кинжала. И тут же заметил, что рука Люка небрежным движением опустилась к поясу и легла там, чем показала мне настороженность друга. Рядом с его рукой висел кинжал. Затем Люк и Джулиан одновременно улыбнулись друг другу и продолжали это занятие в течение нескольких секунд, тянувшихся как часы. Люк был крупнее Джулиана, и я знал, как он проворен и силен.

Но за плечами Джулиана стоял многовековой опыт владения оружием. Я раздумывал, как бы мне вмешаться, если кто-нибудь из них сделает первый ход, потому что знал, что попытаюсь их остановить. Потом, словно по взаимному согласию они отняли руки от оружия, и Джулиан спросил:

— Позвольте мне предложить вам бокал вина?

— Я бы не возражал, — согласился Люк, и я подумал, не удержало ли их от схватки мое присутствие? Вероятно, нет. У меня сложилось впечатление, что Джулиан просто хотел ясно выразить свои импульсивные чувства, а Люк хотел ему дать понять, что ему наплевать. Я затруднился бы сказать, на кого бы поставил. Джулиан наполнил три бокала вином «Лучшее Бейля» и жестом предложил нам не стесняться, пока затыкал пробкой бутылку. А потом взял свой бокал и сделал большой глоток, прежде чем я и Люк успели хотя бы понюхать вино. Это служило гарантией, что нас не отравят, и знаком того, что он хочет поговорить о деле.

— Когда я с ним встречался, с нами было по два воина, — сообщил Джулиан.

— Вооруженных? — уточнил я.

Он кивнул.

— На самом деле просто для виду?

— Вы встречались конными или пешими? — спросил Люк.

— Пешими. Мы одновременно покинули места дислокации войск и приближались с одинаковой скоростью, пока не встретились посередине, в нескольких сотнях шагов от каждой стороны.

— Ясно, — сказал Люк и осведомился: — Никаких сюрпризов?

— Никаких. Просто поговорили и вернулись.

— В какое время это было?

— Ближе к закату.

— Он показался человеком с нормальной психикой?

— Пожалуй, да. Я считаю определенную надменность поз и несколько оскорблений в адрес Амбера нормальными для Далта.

— Вполне понятно, — согласился Люк, — и он захотел заполучить или меня, или мою мать, или нас обоих? А если не получится, угрожал атакой?

— Да.

— Он не намекнул, зачем мы ему понадобились?

— Нет.

Люк пригубил вино.

— Он уточнял, какими мы ему нужны — живы-

ми или мертвыми?

— Живыми…

— А какие у тебя сложились впечатления?

— Если я выдам ему тебя, то избавлюсь от тебя, — заявил Джулиан, — а если я плюну ему в глаза и вступлю в бой, то избавлюсь от него. Так или иначе, я все равно в выигрыше…

Неожиданно его взгляд переместился на бокал с вином, который Люк взял левой рукой, и глаза его на мгновение расширились. Я понял, что он только сейчас заметил кольцо Виалы на пальце Люка.

— Похоже, что мне придется прикончить Далта, — сделал он вывод из увиденного.

— Считаешь ли ты, что он на самом деле нападет? — невозмутимо продолжал Люк. — Есть ли у тебя какие-либо предположения, откуда он здесь появился? Какие-нибудь намеки, куда может направляться? Когда он уберется отсюда, если сумеет это сделать?

Джулиан выпил глоток и сказал:

— Я обязан исходить из предположения, что он говорил серьезно и собирается напасть. Когда мы впервые узнали о продвижении его войска, оно двигалось по направлению от Бегмы к Кашере, вероятно, из Эренгорна, поскольку он часто там

околачивался. А насчет того, куда он хочет податься отсюда, я понятия не имею и твои догадки будут не хуже моих.

Люк быстро хлебнул вина, но на долю секунды запоздал и не успел скрыть легкую улыбку.

«Нет, — тут же сообразил я, — догадки Люка гораздо ближе к истине, чем у любого из нас. Чертовски ближе». Я тоже отхлебнул вина, так как не знал, какое выражение нужно придать своему лицу.

— Спать можно здесь, — сказал Джулиан. — А если вы голодны, то я распоряжусь насчет ужина. Вашу встречу мы устроим на рассвете.

Люк качнул головой.

— Сейчас, — он еще раз тонко и выразительно продемонстрировал кольцо. — Надо обделать это дело немедленно.

Джулиан несколько мгновений изучал его взглядом, а потом заявил:

— Вас будет плохо видно, особенно если учесть, что идет снег. Из-за мелкого недоразумения может случиться беда.

— А если оба моих спутника будут нести большие факелы, а оба его сделают то же самое? — предложил Люк. — Тогда мы будем видны обеим сторонам с нескольких сотен ярдов.

— Может и так, — согласился Джулиан. — Ладно, я направлю сообщение в его лагерь и выберу тебе сопровождающих.

— Я уже знаю, кого хочу в спутники — тебя и Мерлина.

— Любопытнейшая ты личность, — заметил Джулиан, — но я согласен. Я бы хотел быть там, если уж что-то случится.

Джулиан направился к выходу из шатра, открыл полог и вызвал офицера, дав ему какие-то указания. Пока это происходило, я спросил:

— Ты знаешь, что делаешь, Люк?

— Разумеется.

— У меня такое ощущение, что это несколько иное, чем игра на слух. У тебя есть причины, по которым ты не можешь рассказать мне о плане?

С секунду он разглядывал меня, потом сказал:

— Я лишь недавно понял, что я тоже сын Амбера. Мы встретились и увидели, что чересчур похожи друг на друга. Ладно… хорошо. Это означает, что мы можем заниматься бизнесом. Верно?

Я позволил себе нахмуриться, так как не был уверен, что именно он пытался мне сказать.

Люк слегка стукнул по моему плечу и улыбнулся.

— Не беспокойся. Ты можешь мне доверять, и у

тебя не остается другого выбора. Позже, вероятно, будет. Об одном прошу, что бы ни случилось, ты не должен вмешиваться.

— А что, по-твоему, может случиться?

— У нас нет времени для предположений, поэтому предоставь делу идти своим чередом и помни все, что я сказал тебе этим вечером. Идет?

— Как ты выразился, у меня в настоящий момент нет иного выбора.

— Я хочу, чтобы ты помнил это и позже, — сказал он, когда Джулиан опустил полог и повернулся к нам.

— Ловлю тебя на предложении перекусить! — крикнул ему Люк. — Как насчет тебя, Мерль? Ты голоден?

— Конечно, нет! — испугался я. — Я только что просидел на официальном обеде почти до конца.

— О! По какому случаю? — небрежно осведомился он.

Я засмеялся. Это было чересчур для одного дня. Я собирался сказать, что у нас нет времени и кроме того — случай неподходящий. Но как раз в этот момент Джулиан откинул полог и подозвал ординарца, и мне захотелось щелкнуть по самолюбию Люка просто для того, чтобы посмотреть, как это подействует на его хваленое самообладание.

— В честь премьер-министра Бегмы Оркуза и нескольких его людей, — столь же небрежно ответил я.

Некоторое время он молчал, ожидая продолжения, но я притворился, будто потягиваю вино. Опустив бокал, я прибавил:

— Вот и все.

— Брось, Мерль! Из-за чего все это дело? В последнее время я был с тобой относительно честен.

— О! — многозначительно произнес я.

С минуту мне казалось, что он не усмотрит в этом юмора, но он тут же рассмеялся.

— Иногда жернова богов вращаются слишком быстро, черт возьми, и нас с головой засыпает перемолотым, — заметил Люк. — Слушай, как насчет того, чтобы отдать мне это даром? Сейчас у меня для обмена нет ничего интересного. Что ему надо?

— Ты не забудешь, что до завтрашнего дня это секрет?

— Идет! А что произойдет завтра?

— Арканс, герцог Шатбурна, будет коронован в Кашере.

— Мать-перемать! — коротко выразился Люк. Он бросил взгляд на Джулиана и снова перевел

его на меня. — Со стороны Рэндома это чертовски умный выбор, — признал он через некоторое время. — Не думал, что он будет действовать так быстро. — Долгое время он стоял, глядя в пространство, а затем проговорил: — Спасибо, Мерль.

— Помогает тебе это или вредит?

— Мне или Кашере? — уточнил он.

— Я не вижу особой разницы.

— Это хорошо, потому что я не знаю, как к этому отнестись. Мне нужно немного поработать серыми клеточками, как говаривал Эркюль Пуаро. Уяснить общую картину, — ухмыльнулся он. — А сообщение интересное. У тебя есть для меня еще что-нибудь в этом духе?

— Хватит и этого.

— Вероятно, ты прав, — согласился Люк. — Перегрузка систем нежелательна. Как ты думаешь, старина, мы теряем хватку в простых делах, а?

— За то время, что мы знаем друг друга, я ни разу такого не замечал.

Джулиан опустил полог, вернулся к нам и потянулся к бокалу с вином.

— Поесть риса может и крыса, — пошутил он и добавил, обращаясь к нам. — Через несколько минут немного откушаем, что бог пошлет.

— Спасибо, — кивнул Люк.

— По словам Бенедикта, — произнес Джулиан, обращаясь к Люку, — ты сообщил Рэндому, что Далт — сын Оберона.

— Да, — подтвердил Люк, — и притом он прошел Лабиринт. Это что-то меняет?

— Мне не впервые хочется убить родственника, — пожал плечами Джулиан. — Кстати, ты ведь мне доводишься племянником?

— Так… дядя.

Джулиан взболтал содержимое бокала.

— Ну, добро пожаловать в Амбер. Я слышал прошлой ночью баньши. Интересно, нет ли тут какой-либо связи?

— Это к переменам, — предположил Люк. — Это означает, что положение меняется, и они воют по тому, что сгинуло.

— К смерти… Они означают смерть, не так ли?

— Не всегда. Иногда они просто появляются в поворотных пунктах истории для драматического эффекта.

— Жаль, — промолвил Джулиан. — Но всегда можно надеяться.

Я думал, что Люк скажет еще что-то, но Джулиан заговорил опять, прежде чем Люк успел открыть рот.

— Ты хорошо знал своего отца?

Люк чуть напрягся и ответил:

— Возможно, не настолько хорошо, как большинство. Не знаю. Он был похож на коммивояжера: постоянно появлялся и исчезал. Долго он у нас не задерживался.

— Каким он был с виду, ближе к концу? — поинтересовался Джулиан.

Люк принялся внимательно изучать свои руки.

— Он был не совсем нормален, если ты имеешь в виду именно это. Как я уже говорил Мерлину, по-моему, предпринятый им процесс приобретения тех сил мог несколько нарушать его психику.

— Никогда не слышал этой истории.

Люк пожал плечами.

— Подробности не так уж и важны. Главное — результаты.

— Ты говорил, что до этого он был неплохим отцом.

— Откуда я знаю, черт побери! У меня никогда не было другого отца для сравнения с ним. А к чему ты меня спрашиваешь?

— Любопытно… Об этой части его жизни я ничего не знал.

— Ну, а каким он был братом?

— Шалым. Мы с ним не очень-то ладили и поэтому старались держаться друг от друга подальше. Однако он был умен и талантлив… Имел склонность к искусству… Я просто пытаюсь понять, насколько ты мог пойти в него.

Люк перевернул руку ладонью вверх и заявил:

— Будь я проклят, если знаю!

— Это не имеет большого значения, — Джулиан поставил бокал на стол и снова повернулся к выходу из шатра. — По-моему, твой обед вот-вот принесут.

Они двинулись к выходу, и я слышал доносившуюся снаружи дробь стучавших по брезенту крошечных кристалликов льда, прерывавшуюся рычанием — концерт для вьюг и адских гончих. Но не было никаких баньши. Пока…

Я шел на шаг-другой позади Люка и слева от него, пытаясь держаться вровень с Джулианом, находившимся справа. В руке у меня был шестифутовый массивный факел из смолистого дерева, заточенный на конце, чтобы его легче было втыкать в землю. Я держал его на расстоянии вытянутой руки от себя, так как пламя металось во всех направлениях, повинуясь капризам ветра. Острые ледяные снежинки падали на щеки, лоб,

руки, а некоторые оседали на бровях и ресницах. Я энергично моргал, так как жар от факела растапливал их и вода стекала мне на глаза. Трава под ногами была достаточно холодной, почти замерзшей, так что при каждом шаге слышался хруст. Впереди были видны два приближающихся факела и темный силуэт человека между ними. Я снова моргнул и подождал, но свет факелов не давал возможности разглядеть его получше. Видел я его всего раз, очень недолго и через Козырь. Было это в Лесном Доме. Тогда его волосы выглядели золотистыми, почти медными, но при естественном освещении они должны быть грязно-белые. Глаза его, насколько я понял, были зелеными, хотя сейчас я не мог этого разглядеть. Я впервые понял, что он очень высок, или это он выбрал низкорослых сопровождающих. Через Козырь я видел его одного и мерки для сравнения не было. Когда на него упал свет факелов, я обратил внимание, что он был одет в теплый, зеленый камзол без рукавов и воротника поверх чего-то черного и тоже теплого, с рукавами, обтягивающими руки и заправленными в перчатки. Сапоги его были черными и такого же цвета штаны. Поверх всего был черный плащ с изумрудно зеленой подкладкой, цвет которой позволил узнать порыв ветра.

На цепочке висел округлый, тяжелый медальон, по виду золотой. И хотя я не мог различить детали отчеканенного на нем герба, но был уверен, что он изображает льва, терзающего единорога. Он остановился в десяти-двенадцати шагах от Люка, который застыл на месте миг спустя. Далт подал знак, и его слуги воткнули факелы в землю. Мы с Джулианом сделали то же самое и остались на месте, как и люди Далта. Затем Далт кивнул Люку и они стали сближаться, встретившись в центре квадрата, образованного светом, стиснули друг другу руки выше кистей, пристально вглядываясь один другому в глаза. Люк стоял ко мне спиной, физиономия же Далта была хорошо видна. Он не проявлял никаких эмоций, но губы его уже шевелились. Я мог точно определить рост Далта, сравнивая его с ростом Люка, который, как я знал, был шести футов и три дюйма. Я обнаружил, что Далт на несколько дюймов выше. Я взглянул на Джулиана, но тот не смотрел в мою сторону. Потом я стал гадать, сколько же пар глаз наблюдают за нами с обеих сторон. Джулиан никогда не был человеком, по лицу которого можно было прочитать реакцию на происходящее. Он просто следил за двумя встретившимися без всяких эмоций. Я постарался придерживаться той

же тактики. Минута шла за минутой, а снег все не унимался. После длительных переговоров Люк повернулся и направился к нам, а Далт подошел к одному из своих факельщиков. Люк остановился между нами и мы непроизвольно сблизились.

— Что там наклевывается? — спросил я Люка.

— О, по-моему, я нащупал способ решить дело без войны.

— Великолепно! — обрадовался я. — Что же ты ему продал?

— Я продал ему идею дуэли со мной для определения, как далеко зайдет это дело, — объявил он.

— Черт побери, Люк! — разозлился я. — Ведь он профи! Я уверен, ему досталось все лучшее из нашего генетического фонда, что касается силы. И всю свою жизнь он воевал. Возможно, сейчас он в наилучшей форме, и к тому же он превосходит тебя по росту и длине рук.

— Значит, — усмехнулся Люк, — мне тоже может повезти. — Он взглянул на Джулиана. — Если можешь, отправь сообщение войскам, чтобы те не нападали, а старина Далт даст точно такое же указание своим.

Джулиан посмотрел в сторону Далта, от группы которого в сторону его войск отправился один из факельщиков. Затем он повернулся к своим вои-

нам и изобразил руками несколько сигнальных жестов. Вскоре из укрытия появился ратник и рысцой направился к нам.

— Люк, — сказал я. — Это безумие! Ты можешь победить только одним способом — заполучив в секунданты Бенедикта, и слова…

— Мерль, — попросил он. — Предоставь делу идти своим чередом. Это касается только Далта и меня. Идет?

— У меня есть несколько убийственных заклинаний, — продолжал я. — Мы можем позволить поединку начаться, а потом, в подходящий момент, я использую одно из них. Выглядеть это будет так, будто его сразил ты.

— Нет! Это действительно дело чести, поэтому ты не должен в него вмешиваться.

— Ладно, — сдался я, — если ты так уж настаиваешь, то не буду.

— Кроме того, умирать никому не придется, — сообщил Люк. — Ни он, ни я не хотим этого в данный момент, и это часть сделки. Мы слишком ценны друг для друга живыми. Никакого оружия, только врукопашную.

— А в чем именно, — уточнил Джулиан, — заключается сама сделка?

— Если Далт отхлещет меня по заднице, то я

становлюсь его пленником, а он уводит свои войска.

— Люк, ты сошел с ума! — запротестовал я.

Джулиан прожег меня взглядом.

— Продолжай, — буркнул он.

— Если побеждаю я, то он мой пленник и возвращается со мной в Амбер или туда, куда я захочу, и его офицеры уведут войска.

— Единственный способ гарантировать такое отступление, — высказал свое мнение Джулиан, — это дать им понять, что в противном случае они обречены.

— Конечно, — согласился Люк, — именно так. Я сказал ему, что Бенедикт ждет за кулисами сигнала, чтобы навалиться на него всей мощью. И я уверен, что только по этой причине он согласился на подобный поединок.

— Очень хитро, — заметил Джулиан, — так или иначе, но Амбер в выигрыше. А что ты пытаешься купить этим для себя, Ринальдо?

— Подумай, — улыбнулся Люк.

— В тебе таится больше, чем я предполагал, племянник, — отозвался Джулиан. — Передвинься-ка вправо от меня.

— Зачем?

— Загородишь меня от его взгляда. Я должен

дать знать о происшедшем Бенедикту.

Люк продвинулся, а Джулиан, отыскал Карты и сдал нужную. В этот же миг прибежал ратник и остановился, ожидая приказаний. Джулиан спрятал Карты, оставив нужную, и приступил к связи. Это продолжалось минуту-другую, затем Джулиан переговорил с гонцом и послал его обратно, после чего начал разговор через Карту. Когда, наконец, он перестал говорить, то не убрал Козырь, а оставил его в руке, так, чтобы его не было видно. И тогда я понял, что он останется в контакте с Бенедиктом до завершения схватки, так, чтобы тот сразу увидел, что ему надо делать дальше. Люк расстегнул одолженный мной плащ и вручил его мне.

— Подержи его, пока я не закончу, хорошо? — попросил он.

— Давай. Желаю удачи.

Он в ответ улыбнулся.

Далт уже двигался к центру квадрата, образованного светом факелов. Люк тоже направился туда же. Они остановились один против другого — их разделяло всего несколько шагов. Далт что-то сказал, но ветер отнес его слова. Ответ Люка также до меня не дошел. Затем они подняли руки, Люк принял боксерскую стойку, а

руки Далта вскинулись в борцовской защите. Люк нанес первый удар или, может быть, это был только финт, но так или иначе, он не попал в лицо Далта. Далт отбил его и отступил на шаг, а Люк перешел в наступление и нанес ему два удара по корпусу. Однако еще один удар в лицо был парирован, и Люк закружился вокруг противника, нанося быстрые удары. Далт пытался сблизиться и оба раза получал по рукам, а после второго у него на губах появилась кровь. При третьем рывке Далт отправил Люка на землю, но не сумел навалиться на него сверху, так как Люк мгновенно вывернулся и откатился. Едва успев подняться, он попытался пнуть Далта ногой по правой почке, но Далт схватил его за голень и поднялся, бросив Люка на спину. Свалившись, Люк ударил его сбоку по колену другой ногой, но Далт не выпустил его, напирая и выкручивая. Люк с искаженным лицом сумел схватить Далта обеими руками за запястье и вырвать ногу из захвата своего более рослого противника. Затем он пригнулся, выдвинулся вперед, все еще держа его за запястье, и, выпрямившись по ходу движения, проскользнул под правую руку Далта. Повернувшись, он бросил его на землю лицом вниз, схватив левой рукой Далта за волосы. Но когда

Люк оттянул Далта назад, готовясь ударить его головой о землю, я увидел, что это не получится. Далт напрягся и его выкрученная рука стала двигаться вниз. Он выпрямил ее, пересиливая Люка. Тогда Люк попытался несколько раз толкнуть голову Далта вперед, но без должного эффекта. Стало очевидно, что Люк попадет в беду, если разожмет любую руку, а удержать захват он не в состоянии. Далт был просто чертовски силен. Поняв это, Люк бросил весь свой вес на спину Далта, толкнул его и вскочил на ноги. Однако он оказался недостаточно проворен, потому что Далт взмахнул освободившейся рукой и врезал Люку по левой лодыжке, когда тот отскакивал. Люк споткнулся, Далт же вскочил на ноги и мгновенно взмахнул кулаком. Он нанес Люку сокрушительный неприцельный удар, сбив его с ног. На этот раз, когда он бросился сверху на Люка, тот не успел откатиться, ему удалось лишь частично повернуть тело, Далт навалился на него с немалой силой, увернувшись от неуверенного движения колена, нацеленного ему в пах. Люк не сумел вовремя высвободить руки для защитного удара слева в челюсть. Ударом его развернуло и он потерпел почти полное поражение. Затем правая рука Люка взметнулась вверх, ударив в

подбородок Далта, а пальцы согнулись, вцепляясь в глаза. Далт отдернул голову назад и отбил руку в сторону. Люк нанес ему другой удар в висок, и хотя удар попал в цель, Далт уже повернул голову в сторону. И я не заметил, чтобы этот удар хоть как-то на нем сказался. Люк резко опустил оба локтя к земле, затем оттолкнулся вперед, наклонив голову, и ударил Далта лбом по лицу. Спустя несколько мгновений под носом у Далта показалась кровь, а его левая рука дернулась вперед, готовая схватить Люка за глотку. А правой он нанес еще один сильный удар. Потом размахнулся, чтобы повторить удар, но на этот раз левая рука Люка взлетела и блокировала его, а правая схватила левое запястье Далта. Тогда правая рука Далта проскользнула мимо левой Люка, захватила шею, пальцы стали нащупывать сонную артерию. Я подумал, что вот, вероятно, и делу конец. Но правая рука Люка внезапно двинулась к локтю Далта, а левая кисть схватила за предлокотье левой руки и сам Люк повернулся всем телом, согнув локоть вверх. Далт полетел налево, а Люк перекатился направо и вновь поднялся на ноги, мотая при этом головой. На этот раз он не пытался пнуть Далта, уже оправившегося от ударов. Далт снова вытянул руки, а Люк поднял

кулаки и они закружились. Снег продолжал идти, ветер то слабел, то усиливался, иной раз с силой швыряя мне в лицо ледяные хлопья. Я вспомнил о войсках и подумал, не окажусь ли я посередине поля боя, когда наконец завершится поединок. То, что Бенедикт откуда-то готовился к нападению и собирался внести сумятицу в стан врага, меня не очень-то утешало, хотя это и означало, что моя сторона скорее всего победит. Потом я вспомнил, что нахожусь здесь по собственному выбору.

— Давай, Люк! — заорал я. — Уделай его!

Это произвело странный эффект. Факельщики Далта тоже принялись кричать, подбадривая его. Из-за временно схлынувшего ветра наши голоса, вероятно, разносились очень далеко, так как вскоре донеслись звуки, которые я сперва принял за громыхание грозы, и лишь потом сообразил, что это доносившиеся с обеих сторон вопли. Безмолвным оставался только непроницаемый Джулиан. Люк продолжал кружить вокруг Далта, нанося быстрые удары и пробуя провести прием, а Далт парировал их, пытаясь ухватить его за руку. На лицах обоих виднелась кровь, и оба, казалось, двигались чуть медленнее, чем раньше. У меня возникло ощущение, что пострадали оба, но в какой степени, угадать было невозможно.

Люк нанес рану Далту высоко над левой щекой. Лица противников опухли от ударов. Люк провел еще одну серию ударов по корпусу, хотя трудно было сказать, много ли силы он вкладывал в эти удары. Далт стойко перенес их и нашел где-то дополнительные силы ринуться в атаку и попытаться сцепиться с противником. Люк опоздал с отступлением и Далт сумел втянуть его в клинч. Они попытались схватить друг друга за колени, оба подставили бедра и — избежали этого. Они беспрерывно сплетали и выворачивали руки, поскольку Далт пытался получше захватить, а Люк постоянно пресекал эти попытки, стараясь в то же время высвободить руку и нанести удар. Оба они несколько раз пробовали боднуться лбами, но и тот и другой поспешно уклонялись. Наконец Люку удалось зацепить Далта за ногу и кинуть на землю. Затем, прижав его коленями, Люк нанес хук левой и сразу вслед за этим хук правой. Потом он попытался ударить еще раз правой, но Далт схватил его за кулак, рванул вверх и бросил спиной на землю, когда Люк весь вымазанный кровью и грязью снова бросился на него. Люк сумел как-то ударить Далта под сердце, но это не помешало правому кулаку Далта обрушиться сбоку на челюсть Люка с убийственной силой. И

сразу же он нанес слабый удар левой с другого бока, набрал полные легкие воздуха и еще раз нанес крепкий удар левой, навалился на Люка и всматривался в его лицо, словно подозревая какой-то подвох, а правой рукой пытался ударить еще раз. Но ничего не произошло. Они оставались в таком положении десять-пятнадцать секунд, прежде чем Далт медленно сполз с Люка, осторожно поднялся и выпрямился, покачиваясь. Я почти физически ощутил приготовленное заранее заклинание смерти. Потребовалось бы всего несколько секунд, чтобы кончить его, и никто бы не знал, отчего он умер. Но я гадал, что случится, если он рухнет сейчас, как сноп. Не пойдут ли обе стороны в атаку? Однако в конечном счете остановило меня не это. Меня удержали слова Люка: «Это действительно дело чести, поэтому ты не должен вмешиваться… умирать никому не придется… мы слишком ценны друг для друга живыми». Ладно… Пока же ничего не происходило. Никто не ринулся в бой. Казалось, что все действительно может произойти, как мы договаривались. Именно этого Люк и добивался, а я не собирался вмешиваться. Я смотрел, как Далт опустился на колени и стал поднимать Люка с земли. И сразу опустил обратно, после чего по-

дозвал факельщиков, чтобы те унесли его затем он снова поднялся, и, пока его люди поднимали Люка, повернулся к Джулиану.

— Я призываю вас соблюдать ваше согласие до конца, — громко произнес он.

Джулиан чуть склонил голову и отчеканил.

— Мы согласны, но при условии, что и вы сдержите свое обещание. К рассвету вы обязаны вывести отсюда свое войско.

— Мы уходим сейчас, — буркнул Далт и стал разворачиваться с намерением уйти.

— Далт! — окликнул я его.

Он обернулся и взглянул на меня.

— Меня зовут Мерлин. Мы встречались, хотя я и не знаю, помнишь ли ты это.

Он покачал головой. Я поднял руку и произнес самое бесполезное, и в то же время самое впечатляющее из своих заклинаний. Земля перед ним разверзлась, засыпая его грязью и камешками. Он отступил и вытер лицо, а затем посмотрел в появившуюся неровную трещину.

— Это твоя могила! — предупредил я его. — Если происшедшее приведет Люка от жизни к смерти…

Он снова кинул на меня внимательный взгляд.

— В следующий раз я тебя вспомню, — пообе-

щал он и, повернувшись, последовал за своими солдатами, несшими Люка в его расположение.

Я перевел взгляд на Джулиана, который смотрел на меня. Затем он отвернулся и вытащил факел из земли. Я сделал то же самое и последовал за ним.

Уже у себя в шатре Джулиан заметил:

— Это разрешает одну проблему, возможно, даже две.

— Все может быть…

— Далта это на время выведет из игры.

— Согласен.

— Бенедикт сообщает, что этот субъект уже сворачивает лагерь.

— Полагаю, мы видели его не в последний раз.

— Если это его самая лучшая армия, которую он может набрать, то это не имеет значения.

— А разве у тебя не сложилось впечатление, что это было импровизированное мероприятие? Я предполагаю, что он сколотил для этого силы слишком поспешно. Это заставляет меня думать, что у него более серьезные проблемы.

— Тут ты, возможно, прав. Но он действительно рисковал.

— И выиграл.

— Да. Но тебе не следовало бы под конец пока-

зывать ему свою мощь.

— Это почему?

— Если ты когда-нибудь направишься за его головой, то у тебя будет чрезвычайно осторожный враг.

— Его требовалось предупредить.

— Такие люди не живут без риска. Он рассчитывает и действует, и кем бы он ни счел тебя на этом этапе, он все равно не сможет изменить свои планы. Кроме того, Ринальдо ты тоже видел не в последний раз. Эти двое понимают друг друга.

— Возможно, ты прав.

— Несомненно.

— Как ты думаешь, если бы исход схватки оказался иным, его армия стерпела бы это?

— Он знал, что моя стерпит, — пожал плечами Джулиан. — Он понимал, что если победит, то от этого я буду в выигрыше. Для него этого было достаточно…

Я кивнул.

— Извини, Мерлин. Теперь я обязан доложить обо всем Виале. Думаю, что ты хочешь козырнуться к ней?

— Да.

Он извлек Карту и приступил к делу. А я обнаружил, что гадаю уже не в первый раз, что именно

ощущала Виала, когда дело доходило до козырного контакта. Я лично всегда вижу другое лицо, и все остальные утверждают, что видят. Но как я знал, Виала слепа от рождения. А спрашивать ее, что она чувствует, было бы невежливым с моей стороны. И если уж на то пошло, то мне казалось, что ее ответ, по всей вероятности показался бы зрячему бессмысленным. Вероятно, это останется для меня загадкой навсегда. Пока Джулиан обращался к ее туманному призраку, я обратил свои мысли к будущему. Скоро мне нужно будет что-то предпринять против Маски и Юрта, и теперь дело выглядит так, что мне придется выступить без Люка. Хочется ли мне последовать его совету и уговорить Ясру на союз против них? Действительно ли прибыль стоит риска? А если нет, то как я сумею справиться с этим делом? Может быть, мне следовало бы вернуться в тот странный бар и узнать, нельзя ли взять напрокат Бармоглота? Или Булатный меч? Или все вместе? А может… Я услышал, как упомянули мое имя и сразу же вернулся к реальным проблемам. Джулиан что-то объяснял Виале, но я понимал, что объяснять особенно нечего. Поэтому я приподнялся, потянулся и вызвал логрусовое зрение. Направив взгляд на участок перед Джулианом, я увидел

призрачный силуэт Виалы. Она сидела в том же жестком кресле, где я ее видел в последний раз. Я подумал, оставалась ли она там все время, или только что вернулась. Я надеялся, что ей удалось вернуться в столовую и съесть десерт, которого мне не удалось даже попробовать. Джулиан обернулся и посмотрел на меня.

— Если ты готов пройти, она может провести тебя.

Я пересек шатер и встал рядом с ним, отбросив на ходу логрусовое зрение. Одновременно я решил, что поступил весьма мудро, так как сводить вместе силы Логруса и Лабиринта — опасное занятие. Протянув руку, я коснулся Карты, и образ Виалы внезапно приобрел полную четкость. Мгновение, и это уже был не просто образ.

— Давай, — протянула руку Виала.

Я потянулся и осторожно взял ее.

— До встречи, Джулиан, — попрощался я и шагнул вперед.

Он не ответил, а если и ответил, то я этого не услышал.

— Очень жалею, что все так обернулось, — сразу же заявила она, не выпуская моей руки.

— Никак нельзя было предвидеть того, что случилось, — успокоил я королеву.

— А Люк знал. Теперь все обретает смысл, не так ли? Некоторые из оброненных им мелких замечаний… Он уже тогда планировал поединок…

— Думаю, что да, — признал я ее правоту.

— Он на что-то ставил, пойдя на такой риск. Хотела бы я знать, на что именно?

— Ничем не могу тебе в этом помочь. Мне об этом ничего не говорили.

— Но именно с тобой он в конечном итоге свяжется, — уверенно предсказала она. — Когда ты получишь от него весточку, я бы хотела узнать об этом сразу же. — Виала отпустила мою руку. — Больше мне нечего сказать.

— Я хочу, чтобы ты подумала еще об одном деле… — начал я.

— Ну?

— Оно связано с отсутствием Корал на обеде сегодня вечером.

— Продолжай…

— Тебе известно, что сегодня мы отправились с ней на долгую прогулку по городу?

— Известно.

— Закончили мы эту прогулку внизу, в камере Лабиринта. Она выразила желание посмотреть на него.

— Как и многие гости… И водить их туда или

нет — это устанавливает гид. Хотя они часто теряют всякий интерес, узнав о лестнице.

— Я предупредил ее о ней, но это Корал не остановило. А когда она там очутилась, то ступила на Лабиринт.

— Нет! — воскликнула Виала. — Тебе бы следовало повнимательнее следить за ней! У нас и так неприятности с Бегмой… А теперь еще и это. Где ее тело?

— Хороший вопрос, — отозвался я. — Я не знаю, но когда я видел ее в последний раз, она была жива. Понимаешь, она заявила, что отцом ее был Оберон, и стала проходить Лабиринт. А пройдя, дала ему переправить себя куда-то. Так вот… Ее сестра, знавшая о прогулке, озабочена отсутствием Корал. Она донимала меня вопросами о местонахождении сестры.

— И что же ты ей ответил?

— Я сообщил ей, что оставил ее сестру наслаждаться красотами дворца и что она может чуточку запоздать на обед. Однако через некоторое время Найда стала все более озабоченной и заставила меня пообещать ей поискать Корал, если она не появится. Я не стал ей говорить о том, что случилось на самом деле, так как не хотел затрагивать тему прохождения Лабиринта ее

сестрой.

— Ясно. О, Господи!

Я подождал, но она больше ничего не сказала. Я тоже молчал.

— Я не знала о романе покойного короля в Бегме, — наконец промолвила Виала. — Поэтому трудно объяснить воздействие этого откровения. Может быть, Корал как-то указала тебе, долго ли она намерена оставаться там, куда направилась? И предоставил ли ты ей средство вернуться?

— Я отдал ей свой Козырь, но она пока не связывалась. И сложилось впечатление, что она не собирается слишком долго отсутствовать.

— Это может оказаться серьезным делом, — решила Виала. — Причем по самым разным причинам. А какова на твой взгляд Найда?

— Она показалась мне вполне разумной. К тому же я, кажется, ей чересчур понравился.

Виала поразмышляла с минуту, а затем сказала:

— Если весть о случившемся дойдет до Оркуза, то у него может создаться впечатление, будто бы мы держим ее заложницей для гарантии его надлежащего поведения на любых переговорах, способных возникнуть из-за положения в Кашере.

— Ты права. Я как-то не подумал об этом.

— А он подумает. Люди склонны думать о таких, вещах, имея с нами дело. Выходит, сейчас нам необходимо выиграть время и постараться ее вернуть, прежде чем ее отсутствие возбудит в нем подозрение.

— Понимаю.

— Вероятнее всего, скоро он пошлет в ее покои, если уже этого не сделал, выяснить, почему она не присутствовала на обеде. Если сейчас его успокоить, то у тебя в запасе целая ночь на ее обнаружение.

— А как?

— Ты чародей. Вот и подумай. Ты, кажется, говорил мне, что Найда относится к тебе с симпатией?

— С очень большой…

— Отлично. Тогда нам лучше всего будет заручиться ее помощью. Надеюсь, ты будешь тактичным и сделаешь все наилучшим образом…

— Естественно, — подхватил я, но она продолжила:

— …из-за ее недавней болезни. Единственное, что нам не хватает для полного счастья, так это вызвать сердечный приступ у второй дочери.

— Болезни? — переспросил я. — Она ничего об

этом не говорила.

— Полагаю, что ей неприятно об этом вспоминать. До самого недавнего времени она была очень близка к смерти, но потом внезапно выздоровела и вызвалась сопровождать отца в этой поездке. Он как-то раз и сообщил мне об этом.

— За обедом она, кажется, чувствовала себя прекрасно, — неуверенно произнес я.

— Ну постарайся, чтобы так и было. Я хочу, чтобы ты немедленно направился к ней и как можно дипломатичней рассказал ей о случившемся. Постарайся добиться от нее прикрытия отсутствия ее сестры, пока ты ее будешь разыскивать. Есть, конечно, риск, что она тебе не поверит и прямиком отправится к Оркузу. Наверное, можно применить какое-нибудь заклинание, предотвращающее такой вариант. Выбора у нас нет. Скажи мне, не ошибаюсь ли я?

— Все верно.

— Тогда я предлагаю тебе заняться этим… и сразу же сообщи мне, если будут затруднения или наоборот, если все получится… Можешь докладывать в любое время дня и ночи.

— Уже иду.

Я быстро вышел из гостиной, но вскоре остановился. Мне пришло в голову, что я не представляю,

где располагаются покои Найды. Возвращаться и спрашивать Виалу не хотелось, так как было глупо не выяснить это за обедом. Мне пришлось потратить почти десять минут, чтобы отыскать кого-нибудь из прислуги, способного дать нужные сведения с ухмылкой в придачу. Потом я пробежал по переходам и остановился перед покоями Найды. Проведя рукой по волосам, я отряхнул брюки и пиджак, вытер сапоги, глубоко вздохнул, улыбнулся, выдохнул и постучал. Спустя несколько мгновений дверь отворилась. Найда ответила мне на улыбку, посторонилась и пропустила меня внутрь.

— Заходите, — пригласила она.

— Вы меня удивили, — заявил я, как только переступил порог. — Я ожидал увидеть за дверью горничную.

— Поскольку я ждала вас, то отпустила ее пораньше.

Найда переоделась в платье серого цвета, перевязанное черным кушаком, похожее на тренировочный костюм. На ней были черные комнатные туфли. Она удалила всю косметику, волосы зачесала назад и перевязала лентой. Небрежным жестом она указала мне на кушетку, но я не спешил садиться. Я чуть сдавил ее плечи-

ко и посмотрел прямо в глаза. Она придвинулась поближе.

— Как вы себя чувствуете? — осведомился я.

— Можете выяснить, — прошептала Найда.

Я не мог разрешить себе даже вздоха, так требовал долг. Обнял ее, привлек к себе и поцеловал. Несколько секунд мы оставались в такой позе, затем я отодвинулся и заявил:

— Мне вы кажетесь вполне здоровой. Послушайте, за обедом я от вас кое-что утаил.

— Присядем, — перебила она меня, взяла под руку и увлекла к кушетке.

Виала велела быть дипломатичным, поэтому я не стал сопротивляться. На кушетке она обняла меня и стала добиваться при этом кое-чего поизысканнее и порискованнее. Проклятье! Ведь меня обязали привлечь ее покрыть отсутствие Корал. Если она покроет мои дела, то я с удовольствием покрою ее. Но… немножко позже. Или же удовлетворю в любой иной интересной позе, на которую только способны бегмийки. Однако лучше побыстрее приступить к поручению Виалы, решил я. Еще несколько минут тесных объятий и начинать разговор о сестре будет весьма недипломатично, особенно в верхней позиции. Сегодня на редкость скверный день по части

своевременности.

— Прежде чем мы здесь слишком увлечемся, — шепнул я, — я должен попросить об одной услуге.

— Просите о чем угодно, — простонала она, хотя мы еще не начинали пляски Святого Витта.

— Кажется, с появлением вашей сестры выйдет небольшая задержка. И мне было бы очень неприятно беспокоить вашего отца. Вы не знаете, посылал ли он уже в ее покои, или ходил туда сам?

— По-моему, нет. После обеда он отправился прогуляться с Жераром и мистером Ротом. Думаю, они еще не вернулись.

— Не могли бы вы как-нибудь создать у него впечатление, будто она никуда и не пропадала? Выгадайте мне немного времени для выяснения, где же ее носит?

Похоже, Найду это немного позабавило.

— А все то, что вы не рассказали мне…

— Я вам все расскажу, если вы исполните мою просьбу.

Найда провела указательным пальцем по моей щеке.

— Ладно, — согласилась она. — Договорились, но никуда не уходите.

Найда поднялась, миновала комнату и вышла в коридор, оставив дверь приоткрытой на несколько дюймов. Интересно, почему это после Джулии у меня не было ни одного нормального романа? Последняя женщина, с которой я занимался любовью, на самом деле находилась под контролем того самого, меняющего тела странного существа. А теперь… а теперь поперек кушетки легла чуть заметная тень, когда я понял, что предпочел бы скорее прижать Корал, чем ее сестру. Получалась какая-то нелепая случка. Я же знал ее всего полдня… Просто после моего возвращения было слишком много суеты, и она ошеломила меня. Вероятно, в этом и было все дело. Вернувшись, Найда вновь уселась на кушетку, но на сей раз в паре футов от меня. Она казалась достаточно довольной, хотя и не предпринимала никаких попыток возобновить прежнее занятие, приятно щекочущее нервы.

— Все улажено, и если отец спросит, то будет введен в заблуждение.

— Благодарю.

— Теперь ваша очередь. Рассказывайте.

— Ладно, — сказал я и начал рассказ о Корал и Лабиринте.

— Нет, — перебила она, — начинайте с самого

начала, хорошо?

— Что вы имеете в виду?

— Опишите мне весь ваш день с того момента, как вы вместе покинули дворец, и до того, как вы расстались.

— Глупое занятие, — возразил я.

— Так подыграйте мне. Вы ведь в долгу передо мной, помните?

— Что поделаешь, — кивнул я и начал снова.

Мне удалось опустить эпизод с перевернувшимся в кафе столиком, но когда я попытался замять дело о приморских пещерах, сказав, что мы осмотрели их и сочли красивыми, она опять прервала меня.

— Стоп! Вы что-то оставляете за скобками. Что же случилось в пещерах?

— А что заставляет вас думать таким образом? — удивился я.

— Это тайна, которой я пока не желаю делиться. Достаточно сказать, что у меня имеется средство для выборочной проверки вашей правдивости.

— Происшедшее не имеет к делу никакого отношения, — возразил я, — Это лишь запутает рассказ, поэтому-то я и опустил данный эпизод.

— Вы же обещали мне описать весь день.

— Ладно, сударыня, — сдался я и приступил

к делу.

Когда я рассказал ей о Юрте и зомби, она закусила губки и лениво слизала появившиеся после этого бисеринки крови.

— Что вы намерены с ним сделать? — внезапно спросила Найда.

— Это мои проблемы, — тут же осадил я ее. — Я обещал вам другое, а не свои планы выживания.

— В том-то и дело… Помните, я предложила вам помощь…

— Что вы имеете в виду? Думаете, что можете прикончить за меня Юрта? У меня есть для вас новость: в настоящий момент он практически кандидат на божественность.

— Что вы подразумеваете под «божественностью»?

Я покачал головой.

— Чтобы рассказать вам это толком, потребуется большая часть ночи, а у нас нет столько времени, ведь мне еще необходимо разыскать Корал. Позвольте мне просто закончить рассказ Лабиринтом, ладно?

— Рассказывайте.

Я продолжил рассказ, и она не высказала ни малейшего удивления, услышав о происхождении сестры. И мне захотелось спросить ее о подобном

отсутствии реакции, но потом я сказал себе, что черт с ним, с отсутствием. Она сделала то, что мне требовалось, я же сделал то, что обещал. Сердечного приступа с ней не случилось, и сейчас самое время смываться, пока она не залезла под меня.

— Вот и все, — закончил я. — Спасибо, Найда.

Я начал было подниматься, но она мгновенно придвинулась ко мне и обвила руками мою шею. Некоторое время я не противился объятиям, а затем сказал:

— Мне пора идти. Корал может угрожать опасность.

— Черт с ней! — отмахнулась Найда. — Останьтесь со мной. Нам нужно поговорить о более важных вещах и делах.

Ее черствость удивила меня, но я постарался этого не показывать.

— Я в долгу перед Корал, — решительно произнес я, — и сейчас я должен вернуть долг.

— Ладно, — вздохнула она, — тогда мне лучше пойти с вами и помочь.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— Вы были бы удивлены, узнав это, — промолвила она, поднявшись и криво улыбаясь.

Я кивнул, чувствуя, что она не заливает и действительно способна оказать помощь. Мы

прошли по коридору к моим апартаментам. Когда я открыл дверь и вызвал свет, Найда обвела взглядом первую комнату и замерла, увидев мою вешалку.

— Королева Ясра! — ахнула она.

— Не удивляйтесь. У нее возникли разногласия с одним колдуном по имени Маска. Угадайте, кто из них победил?

Найда подняла левую руку и медленно совершила ею сложные движения за шеей Ясры — вниз по спине, поперек груди, и потом снова вниз. Я не узнал никаких проделанных ею жестов.

— Не говорите мне, что вы тоже колдунья! — взмолился я. — В последние дни каждый, с кем я сталкиваюсь, проходил какое-то обучение Искусству.

— Я не колдунья и никакого обучения не проходила. И владею я лишь одним приемом. Хотя он и колдовской, я применяю его для всего.

— И что же это за прием? — осведомился я.

Она проигнорировала вопрос, а затем заметила:

— Ого, скована она безусловно крепко. Ключ находится где-то в области солнечного сплетения. Вы знали об этом?

— Да. Я вполне понимаю это заклинание.

— А почему она здесь?

— Частично потому, что я обещал ее сыну Ринальдо спасти ее от Маски, а частично для гарантии его хорошего поведения.

Я толчком закрыл дверь и запер ее, Когда я повернулся, она стояла лицом ко мне.

— Вы видели его недавно?

— Да. А что?

— Ничего особенного.

— А я-то думал, что мы попытаемся помочь друг другу, — улыбнулся я.

— Мне просто интересно, где он может сейчас находиться.

— С этим можно подождать, если вы знаете о Ринальдо что-нибудь особенное.

Я повернулся и направился к столу, где держал свои принадлежности для рисования. Достав необходимое, я отнес все на чертежную доску. Занимаясь этим, я ответил на ее вопрос:

— Я не знаю, где он находится.

Расположив перед собой заготовку Карты, я уселся и закрыл глаза, вызывая мысленный образ Корал. Одновременно я думал, хватит ли у меня для контакта картинки, оставшейся в моей памяти. Но времени на эксперименты у меня не оставалось. Я открыл глаза и принялся рисовать.

При этом я использовал технику, усвоенную мною при Дворе Хаоса. Она сходна с применяемой в Амбере, но имеются и отличия. Я мог быстро использовать любую из них, но я быстрее работаю, когда использую первый усвоенный стиль. Найда подошла поближе и стала наблюдать за моей работой. Я не возражал.

— Когда вы видели его в последний раз? — спросила Найда.

— А где вы видели его в последний раз?

— В Арденнском лесу. А что?

— Странное место для расставания.

Я рисовал уже брови Корал.

— Мы расстались при странных обстоятельствах, — признался я.

Поработав еще немного над глазами, я принялся за волосы.

— Странных в каком смысле? — поинтересовалась она.

— Так… пустое…

Теперь щечки…

— Ладно, — произнесла она, — Лгать вы не умеете, а этот вопрос не столь уж и важен.

Я решил ничего не отвечать, так как внезапно стал что-то воспринимать. Как иной раз бывало и в прошлом, моя сосредоточенность на Козыре,

когда я наносил последние мазки, оказалась достаточно сильной, чтобы дотянуться и…

— Корал! — окликнул я, когда черты ее лица дрогнули и перспектива сместилась.

— Мерлин? — ответила она. — Я… я в беде…

Странное дело, фона вообще не было. Только темнота. Я ощутил на плече руку Найды.

— С тобой все в порядке? — спросил я.

— Да… но здесь темно… очень темно…

— Конечно. При отсутствии света нельзя манипулировать Отражениями и даже пользоваться Козырем. Именно сюда и направил тебя Лабиринт?

— Нет.

— Возьми меня за руку! — приказал я. — Рассказать об этом ты можешь и позже.

— Они… — начала было она.

И с жалящей вспышкой контакт прервался до того, как наши руки успели сомкнуться. Я ощутил, как напряглась Найда.

— Что случилось? — встревожилась она.

— Не знаю. Нас внезапно блокировали. В этом участвовали какие-то силы, а какие именно — сказать не могу.

— Что же делать?

— Чуть позже попробую еще раз. Если это было

реагированием, то сейчас сопротивление наверняка высоко, а позже может ослабеть. По крайней мере она говорит, что с ней все в порядке.

Я вытащил Колоду Карт и достал Козырь Люка. С таким же успехом можно было выяснить, как идут дела у него. Найда взглянула на Козырь и улыбнулась.

— Я думала, что с момента вашей встречи прошло совсем немного времени?

— И за малое время может случиться многое.

— Я уверена, что многое и случилось.

— Вы думаете, будто вам что-то известно о том, что с ним происходит?

— По-моему, да.

Я поднял Козырь.

— Что?

— Готова держать пари, что вы его не дозоветесь.

— Посмотрим.

Я сосредоточился и потянулся. Затем попробовал еще раз. Через две минуты я вытер лоб.

— Откуда вы это узнали? — удивился я.

— Вас блокирует Люк. Придется немного потерпеть. Я бы тоже так поступила при данных обстоятельствах…

— Каких обстоятельствах?

Найда улыбнулась, подошла к креслу и села.

— Теперь у меня есть, чем с вами обменяться, — заявила она.

— Опять?

Я пригляделся к ней, что-то дрогнуло и стало на место.

— Вы назвали его Люком, а не Ринальдо, — сказал я.

— Верно.

— Я все время гадал, когда же вы снова появитесь.

Улыбка не сходила с ее лица.

— Я уже использовал свое заклинание «уведомление о выселении», — сообщил я, — хотя и не могу пожаловаться, что без пользы. Вероятно, оно спасло мне жизнь.

— Я не гордая, приму и это.

— Намерен еще раз спросить, чего вы добиваетесь, и если вы мне ответите, чтобы помочь мне, я полагаю превратить вас в вешалку.

— Я думаю, что сейчас вы примете любую помощь, какую только сможете найти, — захохотала она.

— Многое зависит от того, что вы подразумеваете под «помощью»?

— Если скажете, что вы задумали, то я скажу

вам, смогу ли я вам как-то посодействовать.

— Ладно, — сдался я. — Однако пока я буду рассказывать, заодно и переоденусь. Я не испытываю желания штурмовать цитадель в подобном наряде. Может, мне и вам дать что-нибудь покрепче тренировочного костюма?

— Меня он вполне устраивает. Начни с Лесного Дома, хорошо?

— Хорошо, — произнес я и стал вводить ее в курс дела, пока облачался в одежду покрепче. Теперь она была для меня уже не хорошенькой леди, а неким туманным существом в человеческом обличии. Пока я говорил, она сидела и глядела на стену или сквозь нее поверх сплетенных пальцев. Когда я перестал глядеть в ее сторону и кончил рассказывать, она смотрела туда же. Я подошел к чертежной доске и взял Козырь Корал. Снова попробовал связаться, но пробиться не смог. Потом я испытал Карту Люка, но с тем же результатом. Когда я положил Козырь Люка на место, подровнял Колоду и решил убрать ее, то заметил краешек следующей Карты. В моей голове пронеслась молниеносная цепочка воспоминаний и предположений. Я вытащил Карту, сфокусировался на ней и потянулся…

— Да, Мерлин? — отозвался он, спустя несколь-

ко мгновений. Он сидел за столиком на террасе, а за спиной его красовался вечерний городской пейзаж. В руках он держал чашечку кофе «экспрессо», которую сейчас ставил на блюдце.

— Сейчас. Тут. Спеши, — быстро сказал я. — Проходи ко мне.

В тот же миг, когда прозвучал контакт, Найда издала низкое рычание, и когда Мондор взял меня за руку и шагнул вперед, она очутилась на ногах и двинулась ко мне, не сводя глаз с Козыря. Когда перед ней возник высокий мужчина в черной одежде, она замерла. Какой-то миг они бесстрастно рассматривали друг друга. Затем она сделала к нему длинный, скользящий — шаг и стала поднимать руки. И сразу же из глубины внутреннего кармана плаща, куда была засунута его правая рука, раздался резкий металлический щелчок.

Найда застыла.

— Интересно, — произнес Мондор, подняв левую руку и проводя ладонью перед ее лицом. Глаза ее не шевелились. — Это та самая, о которой ты мне рассказывал? По-моему, ты назвал ее Виантой?

— Да, но теперь она Найда.

Он извлек откуда-то темный металлический

шарик и положил его на ладонь вытянутой вперед левой руки. Постепенно шарик начал двигаться, описывая круги против часовой стрелки. Найда издала единственный звук, что-то между вскриком и оханьем, и упала на четвереньки, опустив голову. С того места, где я находился, мне была видна капающая из ее рта слюна. Чрезвычайно быстро он произнес что-то на непонятной, архаической разновидности тари. Она отозвалась утвердительно.

— По-моему, я разгадал твою тайну. Ты помнишь уроки по Реакциям и Высшим Принуждениям?

— В какой-то мере, абстрактно. Этот предмет меня никогда особо не увлекал.

— К твоему несчастью, — укоряюще заметил Мондор. — Тебе следовало бы иногда являться к Сухьи на курсы для аспирантов.

— На что ты намекаешь?

— Существо, которое ты видишь перед собой, вселившееся в довольно примитивную человеческую оболочку, называется ти'га, — объяснил он.

Я смотрел на нее во все глаза. Обычные ти'га были бестелесной расой демонов, обитающих в пустоте за Гранью. Я вспомнил, что мне рассказывали, будто они очень могучи и трудноуправ-

ляемы.

— Э… э… ты не мог бы заставить эту… не пускать слюни на мой ковер… чтобы она перестала… — попросил я.

— В любой момент, — ответил он и отпустил шарик, упавший перед нею на пол.

Упав, он не подскочил, а сразу же покатился, описывая вокруг нее стремительный узор.

— Встань! — приказал он. — Прекрати выделять телесную жидкость.

Она исполнила приказание и поднялась с пустым выражением лица.

— Сядь сюда, — распорядился Мондор, указав на кресло, которое всего минуту назад она и занимала.

Она села, а шарик продолжал катиться, приспосабливаясь к ее месторасположению, и продолжал замыкать цепь, на сей раз вокруг кресла.

— Она не может покинуть это тело, если я его не освобожу — заявил Мондор. — И в моих силах причинить ему любые муки, какие только захочу. Теперь я могу добыть для тебя нужные ответы. Только скажи мне, что тебя интересует?

— Она способна слышать нас сейчас?

— Да, но не сможет говорить, если я не разрешу.

— Нет смысла причинять ненужную боль, может хватить и обыкновенной угрозы. Я желаю знать, почему она всюду следует за мной?

— Отлично, — улыбнулся он. — Вот тебе вопрос, ти'та, отвечай!

— Я следую за ним, чтобы защищать его, — вымолвила она.

— Это я уже слышал. Я хочу знать, почему? — разозлился я.

— Почему? — повторил Мондор.

— Я должна…

— Почему ты должна?

— Я… — зубы ее закусили нижнюю губу и снова потекла кровь.

— Почему!?

Лицо ее покраснело, на лбу выступили крупные капли пота. Глаза ее все еще смотрели в ничто, но на них навертывались слезы. По ее подбородку потекла тоненькая струйка крови. Мондор выхватил стиснутый кулак и разжал его, показав еще один металлический шарик, такого же размера. Он подержал его примерно в десяти дюймах от ее лба, а затем опустил. Тот завис в воздухе.

— Да откроются двери боли, — проговорил Мондор и слегка щелкнул по шарику кончиком пальца.

Шарик сразу же начал двигаться. Он описал вокруг ее головы эллипс. Она стала подвывать.

— Молчать! — приказал он. — Страдать молча!

— Прекрати пытку! — не выдержал я.

— Ладно! — он протянул руку и на мгновение зажал шарик между большим и средним пальцами левой руки. Когда он его выпустил, тот остался неподвижным на небольшом расстоянии перед ее правым ухом. — Можешь теперь отвечать на вопрос, — распорядился он. — Это был самый простой образчик того, что я могу с тобой сделать. Мне ничего не стоит тебя уничтожить.

Она открыла рот, но никаких слов из него не раздалось. Только звук, как при крике с кляпом во рту.

— По-моему, мы взялись за дело не с того конца, — заявил я. — Ты не мог бы разрешить ей говорить нормально, без установки порядка «вопрос-ответ»?

— Ты слышала это, — повысил голос Мондор. — Я тоже этого хочу.

Она охнула и жалобно попросила:

— Мои руки… Пожалуйста, освободите их.

— Действуй, — дал я добро.

— Они свободны, — изрек Мондор.

Она размяла пальцы.

— Носовой платок, полотенце… — прошептала она.

Я выдвинул ящик ближайшего платяного шкафа и вытащил платок. Когда я хотел передать его, Мондор схватил меня за запястье и отобрал его. Он кинул ей платок, и она поймала его.

— Не суйся в мою сферу, — предупредил он меня.

— Я не причиню ему вреда, — сказала она, вытирая глаза, щеки и подбородок. — Я же говорила, что намерена только защищать его.

— Нам требуется больше сведений, чем эти, — Мондор вновь протянул руку к шарику.

— Подожди, — попросил я его и обратился к ней — Ты можешь, по крайней мере, объяснить, почему не можешь сказать мне этого?

— Нет, — ответила она. — Это было бы практически то же самое.

Я обнаружил в этой проблеме что-то от теории программирования, и решил попробовать с другого конца:

— Ты должна защищать меня любой ценой? Это твоя главная функция?

— Да.

— А что, если бы ты могла защитить меня, только рассказав мне об этом?

Она сморщила лоб.

— Я… я не… только таким образом, — она закрыла глаза и подняла к лицу ладони. — Я… тогда мне пришлось бы все тебе рассказать.

— Наконец-то мы к чему-то пришли! — обрадовался я. — Ты готова нарушить второстепенный приказ ради выполнения главного?

— Да, но описанная тобой ситуация не совсем реальна.

— Я позабочусь о том, чтобы она стала реальной, — неожиданно вмешался Мондор. — Ты не сможешь следовать тому приказу, если прекратишь существование. Следовательно, ты нарушишь его, если позволишь себя уничтожить. А я уничтожу тебя, если ты не ответишь на эти вопросы.

— Все, Найда, — сказал я. — Я намерен кое-куда направиться и подвергнуться там крайней опасности, но я не позволю тебе следовать за мной и выполнять приказы.

— Нет!

— У меня нет иного выбора. Остается только держать тебя в заключении, пока я занимаюсь своим делом.

— О-о-о… — печально протянула она и проговорила — Выходит, ты нашел способ заставить меня

нарушить одно приказание ради выполнения другого. Очень умно.

— Значит, ты расскажешь мне то, что я желаю знать?

— Я физически не в состоянии сказать тебе этого. Дело тут не в желании. Но… по-моему, я нашла способ обойти это.

— Ты хочешь сказать…

— Если ты на время выйдешь из комнаты, я постараюсь рассказать это твоему брату. Рассказать все то, чего не могу объяснить тебе.

Мой взгляд встретился со взглядом Мондора и я произнес:

— Пожалуй, я выйду на минутку…

Я изучал гобелен на стене коридора, но меня интересовало, что же происходит там, внутри. Многое меня беспокоило, и не в последнюю очередь то, что я никогда не говорил ей, что Мондор мой брат. Когда дверь после длительного ожидания отворилась, Мондор посмотрел на меня и оглянулся. Когда я направился к нему, он поднял руки. Я остановился. Он шагнул за дверь и приблизился ко мне. Подходя, он продолжал оглядываться.

— Это дворец Амбера? — спросил он.

— Да. Это не самое роскошное место в нем, но

тут мой дом.

— Я бы хотел осмотреть его при более благоприятных обстоятельствах.

— Договорились, — кивнул я. — Так что же ты узнал?

Он отвел взгляд, обнаружил гобелен и принялся изучать его рисунок.

— Дело весьма своеобразное, — начал он. — Нет, не могу.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты ведь по-прежнему доверяешь мне, не так ли?

— Конечно.

— Тогда доверься мне в этом. У меня есть веская причина не говорить тебе, что я узнал.

— Брось, Мондор! Что происходит, черт возьми?

— Ти'га тебе не опасна. Она на самом деле заботится о твоем благополучии.

— Что же тут нового? Я желаю знать, почему?

— Оставим это на время. Так будет лучше.

Я мотнул головой и сжал кулаки.

— Я понимаю, какие чувства ты испытываешь, но прошу тебя успокоиться и не настаивать, — повторил он.

— Ты хочешь сказать, что это знание может

повредить мне?

— Этого я не говорил.

— Ты хочешь сказать, что боишься сообщить мне об этом?

— Брось трепаться! — резко бросил Мондор.

Я отвернулся и овладел собой.

— Да, вероятно, у тебя очень веская причина, — решил я.

— Веская.

— Я не намерен сдаваться, но у меня нет времени разбираться с этим дальше.

— Не обижайся.

— Ладно. У тебя есть причины, а у меня — кое-какие неотложные дела.

— Она упоминала Юрта, Маску и Замок, где Бранд обрел свои способности и могущество.

— Но именно туда я и отправляюсь.

— Она будет сопровождать тебя?

— Она ошибается.

— Я бы тоже посоветовал тебе ее не брать.

— Ты подержишь ее для меня, пока я не улажу дела?

— Нет. Потому что я отправляюсь вместе с тобой. Однако перед тем, как мы отбудем, я введу ее в очень глубокий транс.

— Но ты же не знаешь, что произошло с тех

пор, как мы с тобой обедали. А случилось многое и у меня просто нет времени вводить тебя в курс дела.

— Не имеет никакого значения, — отверг он мой довод. — Я знаю, что в деле участвует враждебный колдун, Юрт и опасное место. Этого достаточно. Я отправляюсь вместе с тобой и помогу тебе.

— Этого может оказаться недостаточно. Нас может оказаться недостаточно.

— Даже при этом я думаю, что ти'га может оказаться помехой.

— Я говорю не о ней. Я имею в виду даму, служащую в данный момент вешалкой.

— А я как раз собирался спросить тебя о ней. Это враг, наказанный тобой?

— Да, она была врагом. Она коварна и не заслуживает доверия, а кусаясь, впрыскивает яд. Но это не я превратил ее в вешалку. Это сделал тот самый чародей, против которого я выступаю. Она мать моего друга. Я спас ее и доставил сюда на хранение. До настоящего времени у меня не было причин освобождать ее.

— А в качестве союзницы, против ее врага?

— Вот именно. Она хорошо знакома с тем местом, куда я отправляюсь. Но она не очень-то

меня любит, и с ней нелегко иметь дело. И я не знаю, достаточно ли информации передал ее сын, чтобы сделать ее нашей союзницей?

— Ты считаешь, что она будет стоящим союзником?

— Да. Я хотел, чтобы она была на моей стороне. К тому же, как меня уведомили, она превосходная колдунья.

— Если необходимы дополнительные убеждения, то можно использовать угрозы и взятки. К тому же я спроектировал и обставил несколько преисподних — ради чисто эстетического удовольствия. Думаю, она сочтет быструю экскурсию очень впечатляющей. Потом я мог бы послать за горшком с анализами.

— Не знаю, — усомнился я. — Мотивы ее действий несколько непредсказуемы. Предоставь мне возможность разобраться в этом самому.

— Это всего лишь мои предположения. Поступай, как считаешь нужным.

— Как я понимаю, прежде всего надо расколдовать ее, предложить наш план и попытаться определить ее реакцию.

— А ты не можешь захватить отсюда кое-кого из здешних родственников?

— Я даже не хочу, чтобы они узнали, куда я от-

правляюсь. Это легко может привести к запрету выступления до возвращения Рэндома. А у меня нет времени на ожидание.

— Я бы мог вызвать подкрепление из Дворов Хаоса.

— Сюда? В Амбер? Если Рэндом когда-нибудь прослышит об этом, то я влипну в свежее дерьмо. Он может заподозрить подрывную деятельность.

Мондор улыбнулся и заметил:

— Это место немного напоминает мне родину.

Когда мы вошли в мои покои, я увидел, что Найда по-прежнему сидит в кресле, сложив руки на коленях и уставившись на паривший перед ней металлический шарик. Другой продолжал медленный путь по полу. Заметив направление моего взгляда, Мондор разъяснил:

— Легкое состояние транса. Она слышит нас. Если желаешь, то можешь мгновенно разбудить ее.

Я кивнул и отвернулся. Наступила очередь Ясры. Пришлось снять всю одежду с импровизированной «вешалки» и перенести ее в более подходящее место. Затем я принес тряпку, тазик с водой и смыл с ее лица грим, превративший ее в клоуна.

— Я что-нибудь забыл? — спросил я скорее всего

у самого себя.

— Стакан воды и зеркало, — подсказал Мондор.

— Для чего?

— Возможно, она попросит пить. И точно могу сказать, что она захочет взглянуть на себя.

— Может быть, тут ты прав, — я подтащил столик и поставил на него кувшин, бокал, а также положил зеркальце.

— Заодно будь готов поддержать ее на случай, если ей откажут ноги после полного снятия заклинаний.

— Верно.

Я положил левую руку ей на плечо, но, вспомнив о смертельном укусе, отступил и стал держать ее за воротник на расстоянии вытянутой руки.

— Если она меня укусит, то это почти мгновенно парализует меня, — предупредил я. — Если это случится, сразу действуй.

Мондор подбросил в воздух еще один шарик. Тот завис неестественно долго в воздухе в вершине своей дуги и упал обратно на его ладонь.

— Отлично, — произнес я и пробормотал слова, снимающие заклинание с Ясры.

К счастью, не последовало ничего такого, чего я опасался. Ясра обмякла и я поддержал ее.

— Вы в безопасности, — поспешил заверить я

женщину и добавил: — Ринальдо знает, что вы здесь. Вот кресло. Не хотите ли воды?

— Да, — сказала она.

Я налил в бокал воды и протянул ей. Пока она пила, глаза ее так и стреляли по сторонам, замечая буквально все. Я гадал, не пришла ли она в себя мгновенно, и теперь пила воду, усиленно раздумывая, пока заклинания вертелись на кончиках ее пальцев. Взгляд ее еще раз упал на Мондора. Она оценивающе рассматривала его, на Найду же кинула всего лишь беглый взгляд. Наконец она опустила бокал и улыбнулась.

— Как я понимаю, Мерлин, я твоя пленница, — промолвила Ясра и сделала еще один глоток.

— Гостья… — поправил я ее.

— О! Как это получилось? Я что-то не припоминаю, что получала приглашение.

— Я доставил вас сюда из цитадели Замка Четырех Миров в несколько каталептическом состоянии, — парировал я ее замечание.

— И где же находится это «сюда»?

— Мои апартаменты во Дворце Амбера.

— Вот и выходит, пленница, — заключила она.

— Гостья, — вновь поправил я.

— В таком случае меня следовало бы представить, не так ли?

— Извините. Мондор, разрешите мне представить вам Ее Величество Ясру, королеву Кашеры (я намеренно опустил слово — царствующую). Ваше Величество, прошу позволения представить Вам моего брата Мондора.

Она склонила голову, и Мондор, приблизившись, припал на колено и поднес к губам ее руку. Он лучше разбирался в тонкостях придворного этикета. Я мог судить, что ей понравились его манеры, и она продолжала его рассматривать.

— Я не знала, — заметила она, — что к здешнему Королевскому Дому принадлежит личность по имени Мондор.

— Мондор наследник герцогства Савалла во Дворах Хаоса, — уточнил я.

Глаза ее расширились от изумления.

— И вы утверждаете, что это ваш брат?

— Безусловно.

— Вам удалось удивить меня, — призналась она. — Как это я забыла о вашей двойной родословной.

Я улыбнулся и начал:

— А это…

— С Найдой я знакома. Но почему эта девушка… чем-то поглощена?

— Видите ли, это очень сложно и долго объ-

яснять. К тому же я уверен, что другие дела вы сочтете более интересными.

Ясра вскинула левую бровь.

— Ах! Этот хрупкий, сопротивляющийся товар — правда. Когда она так быстро вплывает, то неизбежны накладки. Так что же вам нужно от меня?

Я сохранил улыбку.

— Неплохо бы оценить случившееся.

— Я ценю то, что нахожусь в Амбере живая, не в камере, а с двумя изумительно ведущими себя джентльменами. Я также ценю, что не нахожусь в том неприятном положении, которое, по моим самым недавним воспоминаниям, мне не полагалось бы занимать. И за свое избавление я должна быть благодарна вам?

— Да.

— Я почему-то сомневаюсь, что с вашей стороны это вызвано альтруистическими побуждениями.

— Я так поступил ради Ринальдо. Один раз он попытался вызволить вас, но ему намяли бока. Затем я придумал способ, как это можно сделать и попробовал его. Получилось…

При упоминании имени сына мускулы на ее лице напряглись.

— С ним всё в порядке? — поинтересовалась

Ясра.

— Да, надеюсь, что так оно и есть.

— Тогда почему же он не присутствует?

— Он где-то с Далтом. И я не знаю, где он находится, но…

Вот тут-то Найда и издала легкий звук. Мы взглянули в ее сторону, но она больше не шевелилась. Мондор кинул на меня вопросительный взгляд, и я чуть заметно кивнул. Я не хотел бы пробуждать ее именно в эту минуту.

— Этот варвар дурно влияет на него, — заметила Ясра, сделала глоток и поперхнулась. — Я так хотела, чтобы Ринальдо приобрел больше придворного изящества, чем умения носиться, не слезая с коня, и щеголять грубой силой, — продолжала она, одаряя Мондора легкой улыбкой. — В этом деле меня ждало разочарование. У вас имеется что-нибудь покрепче воды?

— Да, — ответил я.

Открыв бутылку вина, я наполнил бокал. Мондор от вина отказался.

— Но вы должны признать, — продолжил я, — что на втором курсе в соревнованиях по бегу среди студентов Лос-Анджелесского университета он пришел первым, — заступился я за Люка, чтобы не дать ей уж во всем унизить его. — В

определенной мере это случилось из-за активной физической подготовки.

Она улыбнулась, принимаясь за вино.

— Да. В тот день он побил мировой рекорд. Я до сих пор так и вижу, как он выходит на последний круг.

— Вы были там?

— О, да. Я посещала все ваши состязания. Я даже помню, как бежали вы. Тоже неплохо. — Она пригубила вино. — Совсем неплохо, — повторила она.

— Не хотите ли вы, чтобы я послал за обедом?

— Нет. Я в общем-то не голодна. Мы тут недавно что-то говорили о правде…

— Точно. Как я понял, там, в Замке произошел какой-то колдовской обмен любезностями между вами и Маской…

— Маской? — переспросила она.

— Колдуном в синей маске, он и сейчас правит там.

— О, да. Обмен был еще тот!

— Я правильно понял происшедшее, не так ли?

— Да, но встреча оказалась для меня неудачной. Простите мои колебания. Я была захвачена врасплох и не успела вовремя защититься. К этому, собственно, все и свелось. Больше такого

не случится.

— Уверен в этом. Но…

— Вы умыкнули меня? — перебила она. — Или вы действительно подрались с Маской, чтобы освободить меня?

— Подрался.

— И в каком состояние вы его оставили?

— Погребенным под кучей навоза.

— Чудесно! — тихо рассмеялась Ясра. — Обожаю людей с тонким чувством юмора.

— Я должен вернуться туда, — прибавил я.

— А это еще зачем?

— Потому что Маска теперь вступила в союз с одним моим врагом, человеком по имени Юрт, который жаждет моей гибели.

Она чуть пожала плечами.

— Если Маска вам не чета, то я не вижу, чем бы этот человек и Маска могли представить для вас угрозу?

Мондор многозначительно прокашлялся.

— Прошу прощения, — сказал он, — Но Юрт — оборотень и мелкий колдун из Дворов. Он имеет власть над Отражениями.

— Полагаю, это кое-что меняет, — согласилась она.

— Не особенно много, — сказал я ей. — Я считаю,

что Маска собирается пропустить Юрта через тот же ритуал, который прошел ваш покойный муж — что-то, связанное с Ключом Мощи.

— Нет! — воскликнула Ясра и очутилась на ногах, а остатки ее вина смешались со слюной Найды и несколькими старыми пятнами крови на тебризском ковре с рисунком, изображающим во всех подробностях эротическую сцену. — Этого не должно произойти вновь! — в ее глазах можно было прочесть целую гамму чувств. Вот так в первый раз она выглядела уязвимой. — Из-за этого я потеряла его… — прошептала она больше для себя. Наконец миг слабости прошел и к ней вернулась твердость. — Я не допила вино, — заявила она и села в кресло.

— Я налью вам еще бокал, — проговорил я.

— А что там у вас на столике, случайно не зеркальце?

Я ждал, пока она закончит прихорашиваться, глядя из окна на снег и пытаясь украдкой дотянуться до Корал или Люка, пока стоял к ней спиной. Но мне снова не повезло. Когда она отложила одолженную у меня расческу и положила рядом с ней зеркальце, я сообразил, что она закончила приводить в порядок не только волосы, но и мысли, и готовилась продолжить разговор.

Я медленно повернулся и подошел к ней. Мы бесстрастно изучали друг друга, соревнуясь в невозмутимости. Потом она спросила:

— А в Амбере еще кто-нибудь знает, что ты расколдовал меня?

— Нет.

— Хорошо. Это означает, что у меня есть шанс уйти отсюда живой. Напоследок хочу спросить. Вы хотите, чтобы я помогла вам против Маски и Юрта?

— Да.

— Какой именно помощи вы желаете, и чем вы готовы заплатить за нее?

— Я намерен проникнуть в Замок и нейтрализовать Маску и Юрта.

— «Нейтрализовать»? Это слово вы употребляете вместо того, чтобы сказать «прикончить», не так ли?

— Может и так, — не уклонился я от ответа, но и не уточнил.

— Амбер никогда не славился своей щепетильностью. Вы подвергались слишком сильному воздействию американской публицистики. Итак, вы знаете о моей осведомленности о Замке и хотите моей помощи в «нейтрализации» этой парочки. Правильно?

— Ринальдо говорил мне, что если мы прибудем слишком поздно и Юрт уже пройдет ритуал преображения, то вы, возможно, найдете способ обратить ту же мощь против него.

— Он забрался в эти записки куда дальше, чем я предполагала, — проворчала Ясра. — Тогда мне придется быть с вами откровенной, поскольку от этого, возможно, будет зависеть ваша жизнь. Да, такая возможность существует, но нам она ничем не поможет. Для обращения к мощи с такой целью требуются некоторые приготовления. В любой момент это не проделаешь.

Мондор хмыкнул и высказал свои соображения по этому вопросу:

— Я бы предпочел не умертвлять Юрта, если у меня будет возможность увести его пленником во Дворы Хаоса. Его можно будет приструнить. Вероятно, есть способ нейтрализовать его, но в прямом смысле этого слова.

— А если нет? — осведомился я.

— Тогда я помогу тебе прикончить его, — твердо заявил он. Я не питаю на его счет никаких иллюзий, но считаю себя обязанным попробовать обойтись без кровопролития. Я опасаюсь, что известие о его смерти может послужить нашему отцу последним ударом.

Я отвел взгляд. Он был прав, и хотя смерть старого Савалла означала, что он унаследует титул и немалые владения, его это не прельщало. Я был уверен, что он не стремился приобрести их такой ценой.

— Понимаю, — пробормотал я. — Я об этом не подумал.

— Поэтому дай мне шанс усмирить его. Если у меня это не получится, то я присоединяюсь к тебе во всем.

— Согласен, — произнес я, наблюдая, как воспринимает это Ясра.

Она изучала нас с откровенным любопытством.

— «Нашего отца»? — переспросила она.

— Да, — ответил я. — Я не собирался об этом упоминать, на раз уж это всплыло, скажу, что Юрт наш младший брат.

При таком повороте дел глаза Ясры сразу засверкали.

— Это семейная борьба за власть? — поинтересовалась она.

— По-настоящему, нет, — сообщил Мондор.

— А ваша семья занимает важное положение при Дворе?

Мондор пожал плечами, так же, как и я. У меня

возникло ощущение, что она пытается вычислить способ получить выгоду и с этой стороны, и я решил помешать ей.

— Мы обсуждали непосредственную задачу, — напомнил я. — Я хочу переправить нас туда и принять вызов Маски. Мы остановим Юрта, если он будет препятствовать, и отдадим его Мондору. Если же просто усмирить его окажется невозможным, то нам придется идти до конца. Вы с нами?

— Мы еще не договорились о цене, — напомнила Ясра в свою очередь.

— Ладно, — признался я. — Я говорил об этом с Ринальдо, и он велел передать вам, что прекратил вендетту. Он полагает, что со смертью Каина все счеты с Амбером сведены. Он попросил меня освободить вас, если вы согласитесь помочь, и предложил, чтобы в обмен за помощь против нового хозяина цитадели мы восстановили ваш суверенитет над Замком Четырех Миров. Нижняя черта, как он выразился. Что вы на это скажете?

Ясра взяла бокал с вином и сделала долгий, медленный глоток. Я понимал, что она тянет время, пытаясь выгадать из этой сделки побольше.

— Вы разговаривали с Ринальдо совсем недавно?

— Да.

— Мне не совсем ясно, почему он шастает где-то с Далтом, вместо того, чтобы быть вместе с нами, если он так поддерживает этот проект?

— Так и быть, расскажу вам все до конца, — вздохнул я. — Но если вы с нами, то нам в скором времени необходимо будет выступить.

— Рассказывайте.

Я пересказал вчерашнее приключение в Арденне, опустив один щекотливый момент, что Виала дала Люку свою защиту. По мере того, как я рассказывал, Найда, как мне казалось, становилась все более расстроенной, издавая время от времени тихие звуки, словно скуля. Когда я закончил, Ясра поднялась, опираясь на руку Мондора и слегка задев его при этом бедром, подошла и остановилась перед Найдой.

— А теперь скажите, почему вы задержали дочь высокопоставленного деятеля Бегмы? — потребовала она.

— Она одержима демоном, обожающим вмешиваться в чужие дела, — объяснил я.

— В самом деле? Я частенько задумывалась, чем же увлекаются демоны. Но этот конкретный демон, который пытается что-то сказать, может заинтриговать не только меня. Будьте так добры, освободите его на минуту, и я обещаю вам после

обдумать ваше предложение.

— Время — деньги! — возразил я.

— В таком случае мой ответ отрицательный, — возмутилась Ясра. — Заприте меня где-нибудь и отправляйтесь в Замок без меня.

Я вопросительно посмотрел на Мондора.

— Не вижу от этого вреда, — проронил Мондор.

— Тогда разреши ей говорить, — посоветовал я.

— Можешь говорить, ти'га.

Первые же ее слова были адресованы не Ясре, а мне:

— Мерлин, позволь мне сопровождать тебя!

Я подошел к месту, откуда мог видеть ее лицо.

— Никоим образом, — возразил я.

— Почему?

— Потому что твоя склонность защищать меня может помещать мне в ситуации, где придется пойти на некоторый риск.

— Такова общая природа защиты, — отозвалась она.

— В этом заключается моя проблема. Я не питаю к тебе никакого зла. Когда все это закончится, я буду рад поболтать с тобой, но это дело тебе придется переждать.

Ясра кашлянула и спросила:

— В этом и заключается сообщение? Или же вы

еще что-либо желаете сказать мне?

После длительного молчания Найда ответила вопросом:

— Вы будете их сопровождать?

Ясра тоже не сразу, очевидно, взвешивая слова, сказала:

— Операция эта тайная и личная. Я не совсем уверена, что она будет одобрена родственниками Мерлина здесь, в Амбере. Хотя я и выгадываю от такого сотрудничества, но также подвергаюсь и немалому риску. Конечно, я хочу вернуть себе свободу и Замок, это справедливый обмен, но ведь он заодно просит и формального отказа от вендетты. А какие у меня гарантии, что тут все это что-либо значит и что власти Амбера не станут потом на меня охотиться, как на возмутительницу спокойствия? Он не имеет права говорить от имени остальных, действуя тайно.

Этот монолог адресовался мне, и поскольку в нем были вопросы, на которые у меня не было стоящего ответа, то я порадовался, что у ти'та нашлось что сказать:

— По-моему, я смогу убедить вас, что сопровождать их и оказывать всяческую поддержку в ваших же интересах.

— Нижайше прошу просветить глупую женщи-

ну, — ехидно проговорила Ясра.

— Я бы предпочла поговорить об этом с вами наедине.

Ясра улыбнулась. Из любви к интригам она была готова на все.

— Меня это устраивает, — моментально согласилась она.

— Мондор, заставь ее сказать сейчас! — разозлился я.

— Не спешите, — промолвила Ясра, — Или я получаю этот разговор наедине, или позабудьте о моей возможной помощи.

Я стал раздумывать, насколько сильную помощь представляла собой Ясра, если она не могла прибегнуть к Ключу для устранения Юрта, а ведь он мог стать нашей самой большой проблемой. Верно, она знала Замок, но я понятия не имел, насколько она сильна в качестве колдуньи. С другой стороны, я хотел решить этот вопрос сейчас, а лишний человек, посвященный в тайну, мог бы перевесить чашу.

— Найда, ты планируешь что-нибудь, могущее повредить Амберу?

— Нет.

— Мондор, чем клянутся ти'га?

— Они вообще не клянутся.

— Какого черта! — возмутился я. — Сколько времени тебе нужно?

— Дай нам десять минут, — попросила Найда.

— Пошли, Мондор, прогуляемся, — предложил я.

— Разумеется, — согласился он, кивнув и кинув еще один шарик в сторону Найды. Как только мы очутились в коридоре, я спросил:

— Ясра может ее освободить?

— Только не после того, как я установил дополнительную сеть заточения при выходе, — заверил он. — Не многие способны придумать способ миновать ее и уж, конечно, не за десять минут.

— Она просто набита секретами, эта проклятая ти'та, — пробурчал я. — Тут, пожалуй, задумаешься над тем, кто здесь на самом деле в плену.

— Она лишь меняет какую-то капельку знания на сотрудничество Ясры. Ти'га хочет сделать так, что уж если не может отправиться сама, то хотя бы отправить сопровождать нас эту даму, поскольку это означает лишнюю защиту для тебя.

— Тогда почему же мы не можем присутствовать при этом?

— Ничего из узнанного мною у нее не проливает на это ни малейшего света.

— На этот раз я уступаю ей, потому что нет вре-

мени. А сейчас, поскольку у меня есть несколько минут, то я хочу сбегать обделать одно дельце. Ты посторожишь здесь и возьмешь на себя руководство, если она позовет тебя раньше моего возвращения.

Он улыбнулся.

— А если сюда забредет один из твоих родственников, следует ли мне представиться, как Повелитель Хаоса?

— По-моему, ты и повелитель обмана.

— Конечно, — подтвердил он, хлопнул в ладони и исчез, как тень в солнечный день.

— Я поспешу, — пообещал я.

— Всего хорошего, — донесся откуда-то его голос.

Добравшись до нужной двери, я какое-то мгновение постоял перед ней, закрыв глаза, представляя себе обстановку такой, какой я видел ее в последний раз. Это были апартаменты отца. Я много раз бродил по ним, пытаясь понять по меблировке, книжным полкам и любопытным коллекциям что-то большее, чем то, что я уже знал о нем. Всегда находилась какая-то мелочь, привлекающая мое внимание, либо отвечавшая на вопрос, либо поднимавшая новый — надпись на закладке в книге или заметка на полях,

серебряная расческа с незнакомыми инициалами, фотография привлекательной брюнетки с подписью: «Карлу с любовью от Каролины», моментальный снимок отца, когда он обменивался рукопожатием с генералом Макартуром…

Я отпер дверь и распахнул ее толчком руки. Однако несколько минут я не двигался, так как внутри горел свет. Я прислушался еще на несколько долгих мгновений, но из покоев не доносилось ни звука. Тогда я медленно вошел. На стоявшем у противоположного конца комнаты столике горело множество свечей, но в поле зрения никого не было.

— Хелло! — позвал я. — Это я, Мерлин.

Никакого ответа… Я прикрыл за собой дверь и двинулся вперед. Среди свечей на туалетном столике стояла цветочная ваза. В ней находилась единственная роза серебристого цвета. Я подошел ближе. Да, она была настоящей, а не искусственной. И серебряной… В каком же Отражении росли такие дивные цветы? Я взял одну из свечей и направился дальше, загораживая пламя ладонью. Повернув налево, я вступил в следующую комнату. Открыв дверь, я обнаружил, что не было надобности нести сюда свечу. Здесь горели другие свечи, и в еще большем количестве, чем в

предыдущей комнате.

— Хелло! — вновь позвал я.

Опять никакого ответа, и вообще никаких звуков. Я поставил свечу на ближайший столик и подошел к кровати. Подняв рукава лежавшей на ней рубашки, я уронил ее обратно. На покрывале лежала серебряная рубашка и черные брюки — отцовские цвета. В прошлый мой визит они там не лежали. И уселся рядом с одеждой и задумался. Что происходит? Какой-то причудливый семейный ритуал? Явления призрака? Или?

— Корвин, — произнес я.

Но едва ли я ждал ответа. И не был разочарован. Однако, поднимаясь, я стукнулся о тяжелый предмет, висевший над столиком у кровати. Я протянул к нему руку и поднял его, чтобы лучше рассмотреть. Это был пояс с пристегнутым к нему оружием в ножнах. Он тоже отсутствовал при моем последнем посещении. Я стиснул рукоять и обнажил клинок. При свете свечей на сером металле заплясала часть узора Лабиринта. Это был Грейсвандир, отцовский меч. А как он попал сюда, я понятия не имел. Я с болью в сердце сознавал, что не могу задержаться здесь, чтобы выяснить происходящее. Я должен был возвратиться к собственным проблемам. Да, время

неоспоримо было сегодня против меня. Я повесил Грейсвандир, вдев его обратно в ножны.

— Отец? — прошептал я. — Если ты слышишь, то знай, что я хочу увидеться с тобой снова. Но сейчас я должен идти. Удачи тебе во всем, отец.

А затем я покинул комнату, коснувшись мимоходом серебряной розы, и запер за собой дверь, чувствуя, что весь дрожу. На обратном пути мне никто не встретился, и, приблизившись к своим покоям, я гадал, следует ли войти, постучать или подождать. Затем что-то коснулось моего плеча, и я обернулся, но за спиной никого не оказалось. Когда я снова повернулся к двери, рядом со мной возник Мондор. Он стоял, слегка наморщив лоб.

— Что случилось? — спросил он. — Ты выглядишь беспокойнее, чем когда уходил.

— Нечто совершенно иное, — неопределенно ответил я. — Изнутри еще нет новостей?

— Пока ты гулял, я услышал один раз крик Ясры. Я поспешил к двери, открыл ее, но она засмеялась и попросила закрыть дверь.

— Либо ти'га знает какие-то шикарные анекдоты, либо новости благоприятные.

— Возможно, — согласился я.

Чуть позже дверь приоткрылась, и из нее выглянула Ясра.

— Наш разговор закончен. Заходите…

Войдя в комнату, я изучил ее взглядом. Выглядела Ясра намного веселее, чем десять минут назад. По краям ее глаз собралось чуть больше морщин и она, казалось, едва сдерживает улыбку.

— Надеюсь, беседа оказалась плодотворной? — заметил я.

— Двойственной, но плодотворной, — согласилась она.

Один беглый взгляд на Найду показал мне, что ни поза, ни выражение ее лица не изменились.

— Теперь я вынужден спросить вас о принятом решении, — произнес я. — Дольше я медлить не могу.

— Что произойдет, если я откажусь?

— Я препровожу вас в ваши покои и уведомлю остальных, что вы вернулись и снова с нами.

— Как гостья?

— Как очень хорошо охраняемая гостья.

— Понимаю… Но, в общем-то, мне не особенно хочется знакомиться с этими покоями. Я решила сопровождать вас и помочь вам на условиях, о которых мы говорили.

Я поклонился ей.

— Мерлин! — окликнула меня Найда.

— Нет, — почти вскрикнул я и взглянул на

Мондора.

Он подошел, посмотрел на нее и приказал:

— Тебе пора уснуть, — ее глаза мгновенно закрылись, а плечи опустились. — Где здесь хорошенькое местечко, чтобы она могла отдохнуть?

Я показал на дверь в соседнюю комнату. Он взял ее за руку и отвел туда. Через некоторое время я услышал, как он тихо говорит что-то, а потом наступила тишина. Чуть позже он вышел, а я подошел к двери и заглянул в комнату. Она вытянулась на моей постели, и я не заметил вокруг нее никаких металлических шариков.

— Она без сознания? — поинтересовался я.

— И надолго, — заверил Мондор.

Я посмотрел на прихорашивающуюся перед зеркальцем Ясру.

— Вы готовы? — спросил я.

Ясра взглянула на меня из-под опущенных ресниц.

— Как вы предполагаете нас переправить? У вас есть особое средство для доставки? — осведомилась она.

— Только не в данный момент, — заявил Мондор.

— Я попрошу переправить нас туда Колесо-призрак.

— Вы уверены, что, это безопасно? Я разговаривала с этим… устройством, и не думаю, что наша безопасность гарантируется.

— Оно вполне надежно, — заверил я. — Хотите сперва запастись какими-нибудь заклинаниями?

— Нет надобности… Мои… ресурсы находятся в отличном состоянии, — похвалилась она.

— Мондор?

Я услышал щелканье, доносившееся откуда-то из-под его плаща.

— Готов, — доложил он.

Я вытащил Козырь Колеса-призрака и пристально смотрел на него, начав медитацию. Затем потянулся, но ничего не произошло. Я предпринял еще одну попытку, вспоминая, настраиваясь, распространяясь, потянулся опять, призывая, чувствуя…

— Дверь, — показала Ясра.

Я взглянул на дверь в коридор, но в ней не было ничего особенного. Тогда я посмотрел на Ясру и проследил направление ее взгляда. Дверной проем в соседнюю комнату, где спала Найда, стал светиться. Он сиял желтым светом, и прямо на глазах этот свет разгорался. Затем в его центре появилось еще более яркое пятно. Неожиданно

пятно начало совершать движения вверх-вниз. Послышалась музыка, я так и не понял откуда, и голос Призрака известил:

— Следите за прыгающим мячиком.

— Прекрати, — осадил я его. — Это отвлекает.

Музыка стихла… Круг света застыл на месте.

— Извиняюсь, — смутился Призрак. — Я полагал, что небольшая разрядка не помешает.

— Ты ошибся. Я хочу, чтобы ты просто переправил нас к цитадели Замка Четырех Миров.

— А войска переправить? Я что-то не могу обнаружить Люка.

— Только нас троих.

— А что насчет спящей в комнате? Я встречал ее прежде. Она наверняка сканирует.

— Знаю, но она не человек. Пусть поспит.

— Тогда подходите к двери.

— Пошли! — скомандовал я остальным, взял пояс с оружием и пристегнул его. Добавив запасной кинжал, я схватил с кресла плащ и натянул его на плечи. Потом подошел к проему, Мондор и Ясра последовали за мной. Я шагнул через порог, но комнаты за ним не было. Вместо нее наступил миг смазывания, а когда мои чувства прояснились, то я оказался под затянутым низкими облаками небом, и холодный ветер хлестал по

моей одежде. Я услышал восклицание Мондора, а миг спустя — Ясры. Их голоса доносились слева. Там располагалось белое, как кость, ледяное поле, а в противоположном направлении свинцово-серое море гнало белые барашки волн, словно это были змеи в ведре молока. Далеко внизу мерцала и крутилась темная земля.

— Призрак! — крикнул я. — Где ты?

— Здесь, — донесся тихий ответ и, посмотрев вниз, я заметил рядом с кончиком своего левого сапога крошечное колечко света.

Всмотревшись, я увидел вдали Замок. За его стенами не наблюдалось никаких признаков жизни. Я понял, что, вероятно, нахожусь где-то в горах, где-то невдалеке от места, где я в свое время имел долгую беседу со старым отшельником по имени Дэйв.

— Я хотел, чтобы ты переправил нас к цитадели Замка, — произнес я. — Зачем же ты доставил нас сюда?

— Я же говорил тебе, что мне не нравится это место, — ответил Призрак. — Я хотел предоставить тебе возможность осмотреть его и решить, куда именно ты хотел бы переправиться. Таким образом я смогу совершить доставку почти мгновенно и не подвергая тебя воздействию сил,

которые расстраивают меня чересчур долго.

Я продолжал пристально изучать Замок. За внешними стенами снова кружила пара смерчей. Хотя у крепости и не было рва, но они вполне заменяли его. Их разделяло почти 180°, и они по очереди светились. Ближайший стал светиться и искриться от молний, приобретая сверхъестественный накал. Затем, когда он стал меркнуть, засветился другой. На моих глазах они несколько раз прошли эти циклы.

Ясра что-то пробормотала, и я спросил у нее:

— Что там происходит?

— Ритуал… Кто-то именно сейчас играет теми силами.

— Ты можешь определить, насколько далеко они продвинулись?

— Вряд ли. Они могли только начать, или уже кончают. Но эти всплески огня говорят мне, что процесс еще не завершен.

— Тогда решай ты, Ясра, где нам безопасней появиться?

— В палату у фонтана ведут два длинных коридора, расположенных в двух уровнях. Сама палата высотой в несколько этажей.

— Это я еще помню.

— Если они работают с силами напрямую, а

мы просто появимся в палате, — продолжала она, — то преимущество внезапности будет лишь мгновенным. Я не могу сказать наверняка, чем они по нам ударят, Лучше подобраться по одному из двух коридоров, и дать мне шанс оценить положение. Поскольку не исключена вероятность, что они могут заметить наше продвижение по нижнему коридору, то для наших целей лучше подойдет верхний.

— Согласен. Призрак, ты можешь отправить нас вглубь верхнего коридора?

Круг расширился, накренился, поднялся, постоял миг высоко над нами и затем упал.

— Вы… уже… там, — сообщил Призрак, когда видение поплыло, и круг света прошел по нам сверху донизу. — До свидания.

Он был прав. На это раз мы угодили в яблочко. Мы находились в длинном сумрачном коридоре со стенами из темного тесаного камня. Один его конец терялся в темноте, другой же вел к свету. Потолок составляли неотесанные бревна, все в зарослях паутины. На стенных подставках мерцало несколько голубых колдовских шаров, изливающих белый свет, показывающих, что срок действия заклинания приближается к концу. А некоторые шары уже потухли. Неподалеку

от освещенного конца несколько шаров уже заменили фонарями. Сверху доносились звуки шмыгающих по потолку мелких существ. Все пропахло сыростью, затхлостью, но воздух казался каким-то необычным, наэлектризованным, словно мы дышали озоном, и нервозность кануна событий витала в воздухе. Я перешел на логрусовое зрение, и сразу же проявилось существенное просветление. Повсюду тянулись силовые линии, похожие на светящийся желтый кабель. Он давал дополнительную иллюминацию, воспринимаемую моими рецепторами. И каждый раз, когда мои движения пересекали линию, это повышало испытываемый мной эффект щекотки. Ясра стояла на пересечении нескольких линий и мне показалось, что она перекачивает через них энергию в свое тело. Она приобретала пылающий оттенок, и я не был уверен, что заметил бы этот эффект нормальным зрением. Перед Мондором парил Знак Логруса, а это означало, что и он замечает все, что вижу я. Ясра стала медленно двигаться по коридору по направлению к освещенному концу. Я пристроился за ней и немного левее. Мондор последовал за мной, двигаясь так бесшумно, что я иной раз невольно оглядывался, чтобы удостовериться, что он не исчез. По

мере того, как мы продвигались, я стал осознавать определенное ощущение колебаний, точно биение огромного плавающего пульса. Трудно было сказать, передавалось ли это через пол, или постоянно встречаемые силовые линии вибрировали с такой интенсивностью. Я подумал, не выдало ли то, что мы задевали эти линии, наше присутствие или наше местонахождение тому, кто работал с этим материалом внизу у Ключа. Или сосредоточенность на непосредственной задаче достаточно отвлекала его, что позволяло нам приблизиться незамеченными.

— Уже началось? — спросил я Ясру.

— Да.

— Насколько далеко они продвинулись?

— Могли завершить основную фазу.

Еще несколько шагов, и теперь спросила она:

— Каковы твои планы?

— Если ты права, атакуем немедленно. Вероятно, нам следует сперва попробовать взять Юрта, — и сразу всем, если он стал таким опасным.

Ясра провела языком по губам.

— Возможно, я лучше всех способна справиться с ним, так как знаю, как обращаться с Ключом. Вам лучше не вмешиваться. Я предпочла бы,

чтобы ты разделался с Маской, пока я займусь твоим братцем. Вероятно, будет лучше держать Мондора в резерве, чтобы он оказал поддержку тому из нас, кому она может понадобиться.

— Думаю, следует с тобой согласиться, — решил я, — Мондор, ты слышал?

— Да, — шепнул он. — Я сделаю все, что она сказала. — Затем он обратился к Ясре. — Что произойдет, если я уничтожу сам Ключ?

— Это невозможно.

Он фыркнул и я понял, по какому опасному пути потекли его мысли.

— Подыграй мне и предположи на минутку, что возможно, — улыбнулся он.

Некоторое время она молчала, а затем проговорила:

— Если ты сумеешь заткнуть его даже на короткое время, то цитадель, наверное, рухнет. Бывало, я использовала энергию Ключа для удержания этого сооружения от падения. Строение древнее, а у меня так и не дошли руки укрепить его, где требуется. Однако необходимое для успешной атаки на Ключ количество энергии было бы лучше применить для другой цели.

— Благодарю за разъяснения, — кивнул он.

Ясра остановилась, сунула руку в одну из сило-

вых линий и закрыла глаза, словно щупая пульс.

— Очень сильное, — сообщила она чуть позже. — Кто-то сейчас активно качает из него со все более глубоких уровней.

Она снова двинулась вперед. Свет в конце коридора стал ярче, потом сумрачнее, потом опять ярче, и снова сумрачнее. В такт этим колебаниям тени то отступали, то наползали вновь. Я услышал звук, похожий на гудение высоковольтных приборов и проводов. С того же направления доносилось и прерывистое потрескивание. Ясра заспешила, и мне тоже пришлось ускорить шаг. Впереди раздался чей-то смех. Фракир стиснул мне запястье. Перед выходом из коридора появились огненные сполохи.

— Проклятье, проклятье, проклятье! — услышал я ругань Ясры.

Когда мы приблизились к площадке, на которой во время нашего последнего столкновения стояла Маска, она подняла руку. Я остановился, так как она стала двигаться очень медленно, приближаясь к перилам. И справа, и слева виднелись лестницы, ведущие к противоположным стенам палаты. Она лишь на миг посмотрела вниз, а потом бросилась назад и вправо, покатилась, едва коснувшись пола, прихватив по

пути кусок перил. Вверх летел шар оранжевого пламени, похожий на комету, пройдя только что покинутое место. Я бросился к Ясре, взял ее под руки и стал поднимать. Затем я почувствовал, как она напряглась, когда голова ее повернулась налево. Взглянув в ту сторону, я уже почему-то знал, что увижу.

Там стоял совершенно голый Юрт, если не считать повязки на глазу, светящийся, улыбающийся, пульсирующий от перенасыщенности энергией.

— Хорошо, что заскочил, брат, — поблагодарил он. — Жаль только, что ты не сможешь остаться.

Когда он взмахнул рукой в моем направлении, на кончиках его пальцев заплясали искры. Я был уверен, что это не закончится только искрами. Единственное, что в данный момент мне пришло в голову — это слова:

— У тебя развязались шнурки, — что, конечно же, его не остановило, хотя и озадачило на некоторое время…

Юрт никогда не играл в американский футбол. По-моему, он не ожидал, что я так быстро вскочу и ринусь на него, а когда это произошло, он, кажется, не предвидел, что я ударю так низко, как ударил. А что касается удара сзади по коленке

и толчка спиной через отверстие в перилах, то это, я уверен, даже удивило его. По крайней мере, удивление было написано на его гнусной физиономии, когда он полетел назад и рухнул вниз со всеми своими искрами, пляшущими на кончиках его пальцев. Я услышал смешок Ясры, потом хохот, как только он растаял на лету и исчез, прежде чем пол смог его расплющить. Уголком глаза я заметил, что она встала.

— Теперь я сама с ним разберусь, — заявила она и добавила: — Дело несложное, ведь он так неуклюж! — в этот момент Юрт появился на последней ступеньке правой лестницы. — Займись пока Маской!

Маска находился на противоположной стороне фонтана и смотрел на нас сквозь оранжево-красный гейзер пламени. Выше, в чаше фонтана, гуляла рябь желто-белых огоньков. Когда он зачерпнул пригоршню и сбил их в ком, как ребенок снежок, огни приобрели голубой цвет. Затем он бросил этот комок в меня. Я отбил мячик обратно. Это было не Искусство, а примитивная работа с энергией. Но это послужило напоминанием, даже когда я увидел, как Ясра совершает чисто отвлекающие жесты опасного заклинания, сумев приблизиться к Юрту на близкое расстояние, что-

бы подставить ему ножку и толкнуть его обратно вниз по лестнице.

Это не Искусство. Всякий, пользующийся роскошью жить поблизости от такого мощного источника энергии и черпать из него сколько угодно, несомненно должен с течением времени стать очень небрежным и применять в нападении лишь основные рамки заклинаний, пропуская сквозь них реки мощи. Необученный или крайне ленивый может после такого долгого времени обходиться даже без них и напрямик играть с голыми силами, занимаясь своего рода шаманством, как противоположностью чистой высшей Магии — подобной чистоте сбалансированного уравнения, достигающей с минимальными усилиями максимального эффекта.

Ясра это знала и понимала. Я мог твердо сказать, что она этому где-то обучилась. Оно и к лучшему, решил я, парируя новый огненный удар и перемещаясь влево. Затем я начал спускаться по лестнице боком, не сводя глаз с Маски. Я был готов мгновенно защититься или же нанести удар. Перила передо мной засветились, а потом вспыхнули ярким пламенем. Я отступил на шаг, но все же продолжал спуск. Едва ли стоило расходовать заклинания на их тушение. Это явно

предназначалось скорее для демонстрации силы, чем для причинения вреда…

— Ну-ну, — пробормотал я.

Появилась и другая возможность, понял я потом, когда увидел, что Маска просто следит за мной, не предпринимая никаких попыток бросить в мою сторону еще что-нибудь. Это могло быть и проверкой. Вероятно, Маска просто хотел выяснить, ограничен ли я в применении тех заклинаний, которые есть у меня с собой или же я научился прямо черпать их из здешнего источника мощи и вскоре буду перекидываться с ним разными предметами, как явно готовились делать Ясра и Юрт. Ладно, пусть гадает. Конечное число заклинаний против почти безграничного из источника энергии? Юрт внезапно возник на подоконнике слева. У него хватило времени на то, чтобы ненадолго нахмуриться, после чего на него опустился огненный занавес. Через мгновение и он, и занавес пропали, и я услышал смех Ясры и ругань Юрта, за чем последовали грохот и треск на другой стороне палаты. Когда я опустился еще на одну ступеньку, лестница растаяла прямо на глазах. Подозревая иллюзию, я продолжал медленное движение ногой вниз, однако ничего там не ощутил и в результате перепрыгнул через

провал и встал на следующую ступеньку. После того, как я переступил с нее, она тоже испарилась. Послышался смешок Маски и мне пришлось превратить свое поступательное движение в прыжок, чтобы перемахнуть через этот участок. Во время прыжка ступеньки начали пропадать одна за другой по мере моего пролета над ними.

Я был уверен, что Маска думает, будто я подключился к местному источнику энергии и что рефлекс заставит меня выдать эту связь, а если нет, то он все же сможет выудить у меня одно заклинание, которое я использую для спасения. Но я уже прикинул расстояние до недалекого теперь пола. Если другие ступеньки исчезнут, то я смогу ухватиться за ближайшую, повиснуть на миг и спрыгнуть вниз. Совершенно безопасное занятие… Вот только если я промахнусь и следующие ступеньки также исчезнут, то… я все равно приземлюсь целым и невредимым. По пути вниз лучше использовать совершенно иное заклинание. Я ухватился за край длинной ступеньки, покачался и спрыгнул, поворачиваясь всем телом и произнося слова заклинания, которому я еще раньше дал название «Падающая стена». Фонтан содрогнулся. Огни смазались и расплескались, перелетев через ближайший к Маске край бас-

сейна. А затем и самого Маску бросило спиной на пол, мое заклинание продолжало работу. Руки Маски поднялись, когда его тело превратилось в кусочек материи в светящемся водовороте, и он ладонями принялся отстранять это свечение. Между ладонями образовалась яркая дуга, а затем похожий на щит купол. Он держал его над собой, отражая последнюю шквальную силу моего заклинания. А я уже быстро двигался в его направлении. Но тут передо мной появился Юрт, стоя на противоположном краю фонтана непосредственно над Маской, и прожигал меня взглядом. Прежде чем я успел метнуть Фракира, вытащить меч и пробормотать новое заклинание, фонтан забил, огромная волна скинула Юрта с ограждения, отправила его на пол, пронесла мимо Маски через палату к подножию другой лестницы, по которой, как я заметил, медленно спускалась Ясра.

— Уметь переправляться куда угодно ничего не значит, — услышал я ее голос, — если ты дурачок в любом месте.

Юрт зарычал и вскочил на ноги, а затем посмотрел вверх мимо Ясры.

— И ты, брат, — завопил он.

— Я нахожусь здесь, чтобы сохранить тебе

жизнь, если это вообще возможно, раздался голос Мондора. — Я предлагаю тебе вернуться вместе со мной.

Юрт закричал. Это были не слова, а ослиный рев. Он пронзительно завизжал:

— Я не нуждаюсь в твоем покровительстве! И ты дурак, раз доверяешь Мерлину! Только ты стоишь между ним и короной!

Между ладонями Ясры появилось несколько светящихся кругов, похожих на пылающие колечки дыма, которые упали так, словно хотели охватить тело Юрта. Тот немедленно исчез, хотя через мгновение я услышал, как он кричит Мондору с другой стороны палаты. Я продолжал приближаться к Маске, который вполне успешно оградился от моей «Падающей стены» и уже поднялся на ноги. Я произнес несколько слов «Ледяного тротуара» и пол выскользнул из-под его ног. Да, я собирался бросить против его источника мощи конечное число заклинаний. Я называю это уверенностью. А у Маски имелась мощь. У меня же был план и средства выполнить его. Из пола вырвалась каменная плита, превратилась в облако гравия, издав при этом хруст и скрежет, а затем все это полетело в меня, точно заряд картечи. Я произнес слова «Сети» и сделал

соответствующий жест. Все осколки собрались в кучу, прежде чем добрались до меня. И тогда я вывалил их на все еще пытавшегося подняться Маску.

— Ты понимаешь, что я все еще не знаю, почему мы деремся? — обратился я к нему. — Это твоя затея. Я все еще могу…

Маска на мгновение прекратил попытки встать. Он окунул левую ладонь в лужу мерцающего света и вытянул правую руку ко мне. Лужа исчезла, и из правой руки исторгся огненный дождь, изливаясь на меня, как брызги автополивалки на лужайке. Однако я был готов к этому. Если Ключ исторгает огонь, то от него можно изолироваться. Я расположился на полу, используя находящийся поблизости порог в качестве защиты.

— Одному из нас, вероятно, предстоит умереть, — снова обратился я к нему, — поскольку мы оба бьемся в полную силу, до победного конца. При любом исходе у меня позже не будет шанса спросить тебя, что пролегло между нами?

Единственным ответом послужил лишь смешок с другой стороны Ключа, и пол подо мной зашевелился. Откуда-то справа, неподалеку от подножия невидимой лестницы, я услышал ли-

кующий голос Юрта:

— Дурак везде? А вблизи как?

Я вовремя поднял голову, чтобы увидеть, как он появился перед Ясрой и схватил ее. Миг спустя он завизжал, так как она опустила голову и коснулась его губами выше запястья. Затем она брезгливо оттолкнула его и он скатился на последнюю ступеньку и упал, уже неподвижный и окоченевший. Я пополз направо от Ключа по острым краям разломанных плит пола, подбрасывающих и качающих меня после соответствующих команд Маски.

— Юрт вышел из игры, — прокомментировал я. — И теперь ты остался один против нас троих. Труби отбой и порадуйся, что остался в живых.

— Вас троих!? — донесся до меня ровный и искаженный голос. — Ты признаешься, что не можешь обставить меня без посторонней помощи?

— «Обставить»? — переспросил я. — Возможно, ты считаешь это игрой, а я — нет. Я не буду связан никакими правилами, которые ты собираешься мне навязать. Труби отбой, или я убью тебя с помощью или без нее, когда всерьез примусь за тебя. Я прикончу тебя любым способом, ясно?

Надо мной вдруг появился темный предмет и я откатился от Ключа, когда этот предмет опу-

стился в бассейн. Это был Юрт. Неспособный нормально передвигаться из-за парализующего действия укуса Ясры, он козырнулся от подножия лестницы в Ключ.

— У тебя свои друзья, Повелитель Хаоса, у меня — свои, — ответил Маска, а Юрт тихо застонал и начал светиться.

Маска неожиданно ввинтился в воздух и я услышал, как подо мной вдруг затрещали плиты пола. Сам Ключ замер, ослабел, когда эта огненная башня закрутилась вокруг своей оси, поднявшись к потолку, пробив новое отверстие в полу. И Маска оказался на гребне ее золотистого барашка.

— И враги! — подчеркнула Ясра, подойдя поближе.

Маска развел руки и ноги в стороны и медленно прокатился колесом по воздуху. Я вскочил на ноги и попятился от Ключа. Мои качества редко проявлялись во время геологических катастроф. Из раздвоившегося фонтана послышался сильный гул. Среди стропил вздохнул слабый ветер. Огненная башня, на вершине которой летал Маска, продолжала медленно вращаться по спирали, а струи в уменьшившемся фонтане начали схожее движение. Юрт зашевелился, застонал и поднял правую руку.

— И враги, — заявил Маска, проделав несколько жестов, которые я сразу же узнал, так как потратил немало времени, чтобы их вычислить.

— Ясра! — крикнул я. — Следи за Шару!

Она сделала три шага налево и улыбнулась. А затем со стороны обрушилось нечто очень сильно похожее на молнию, закоптив только что покинутое ею место.

— Он всегда начинает с удара молнией, — объяснила Ясра. — Он весьма предсказуем.

Она повернулась разок вокруг оси и исчезла в красном тумане со звуком разбитого стекла. Я сразу же взглянул туда, где находился старик с вырезанной на правой ноге надписью «Риналь-до». Теперь он стоял, прислонившись к стене и приложив одну руку ко лбу, выполняя простое, но мощное защитное заклинание. Я уже собрался крикнуть Мондору, чтобы он убрал старика, когда Маска ударил по мне заклинанием «Клаксон», временно оглушившим меня, и от которого лопнуло в носу несколько кровеносных сосудов. С капающей из носа кровью я кинулся на пол и покатился, поставив поднимающегося на ноги Юрта между собой и плавающим в воздухе колдуном. Юрт, похоже, действительно избавился от последствий укуса Ясры. Поэтому, поднявшись, я

врезал ему кулаком в живот, что превратило его в приличный щит. Однако это было ошибкой… Я получил от его тела разряд, и он даже рассмеялся, когда я упал.

— Он целиком твой! — услышал я затем его выдох.

Краешком глаза я заметил, что Ясра и Шару Гаррул стоят друг против друга, причем оба, казалось, держат длинную бахрому, сотканную из светящихся проводов. Линии пульсировали и меняли цвета, и я понимал, что они представляют собой скорее силы, чем материальные объекты, видимые только благодаря логрусовому зрению, которое при мне еще оставалось. Темп пульсации возрос, и оба они медленно опустились на колени, по-прежнему вытянув руки, их лица сверкали. Одно быстрое слово, жест и я мог нарушить это равновесие. К несчастью, в ту самую минуту у меня хватало собственных проблем. Маска пикировал на меня, словно какое-то огромное насекомое, бесстрастное, мерцающее и смертельное. С фасадной стены цитадели раздалось несколько звуков обвала, и по ней протянулись черные, неровные трещины, похожие на черные молнии. Я уловил падение штукатурки в облаке пыли за пределами световой спирали, звуки ры-

чания и воя — слабые теперь из-за звона у меня в ушах, продолжавшуюся вибрацию пола под моими почти онемевшими ногами. Но все это были пустяки. Я поднял левую руку, а правая в это время скользнула под плащ. В правой руке Маски появился огненный меч, но я не шелохнулся, а подождал еще секунду, прежде чем произнести указующие слова для своего заклинания: «Фантазии для Шести Ацетиленовых Горелок», затем отдернул руку назад, прикрыл глаза и откатился в сторону. Удар меня миновал, пройдя сквозь разбитую плиту. Локтем левой руки Маска все же ударил меня по нижним ребрам. Тем не менее у меня не было времени проверить, целы ли они, так как я услышал, что огненный меч с треском высвободился из камня. Развернувшись, я ударил самым обычным кинжалом, вогнав его по самую рукоятку в почку Маски. Раздался вопль, и колдун спазматически напрягся, затем обмяк и рухнул рядом со мной. Почти сразу же после этого меня с немалой силой пнули сзади по правому бедру. Не успел я увернуться и от нового удара, угодившего мне по правому плечу, хотя я уверен, целились в голову. Когда я, прикрыв шею и виски, откатился прочь, то услышал голос клявшего меня Юрта. Выхватив клинок подлиннее, я поднялся и мой

взгляд встретился со взглядом Юрта. Он поднимался одновременно со мной и держал Маску на руках, словно младенца.

— Позже, — зловеще пообещал он и исчез, унося с собой тело. На полу рядом с огромным пятном крови осталась лежать синяя маска.

Ясра и Шару все еще стояли лицом к лицу, опустившись на колени, тяжело дыша, залитые потом, и их жизненные силы извивались вокруг них, словно спаривающиеся змеи. Затем, точно всплывшая рыба, появился Юрт в слиянии сил за Ключом. И еще когда Мондор швырнул два своих шарика, которые, казалось, увеличились в размерах, пока летели через палату, и потом врезались в Ключ и превратили его в руины, я увидел то, что, казалось, не увижу уже никогда. Пока раскатывалось эхо от обвала Ключа, а стоны и скрежет стен сменялись колебаниями и вокруг стали падать пыль, щебень и балки, я ступил вперед, обогнул обломки, обходя новые гейзеры и ручьи пылающих сил, поднял плащ, чтобы защитить лицо, и вытянул перед собой меч. Я продвигался, а Юрт, кляня меня последними словами, прокричал:

— Доволен, брат? Доволен? Да будет меж нами только смерть.

Но я проигнорировал это предсказуемое желание, так как мне хотелось получше разглядеть то, что я заметил несколько мгновений назад. Я перепрыгнул через кусок отслоившейся каменной кладки и увидел в пламени лицо павшего колдуна, голова которого покоилась на левом плече Юрта.

— Джулия!!! — воскликнул я.

Но они исчезли, пока я еще двигался вперед, и я понял, что настало время и мне проделать, то же самое.

Повернувшись, я прыгнул в огонь.

Рыцарь Отражений

Эту книгу я посвящаю Джону Дугласу

Ее звали Джулия. И я был уверен, что в тот день, тридцатого апреля, она погибла. Я увидел ее обезображенный труп и уничтожил существо, похожее на собаку, которое разорвало девушку. А началось все это намного раньше того злополучного дня. Началось все с того, что мы любили друг друга. Потом я ломал себе голову над тем, что же я сделал тогда не так. Наверное, Джулия заслуживала большего доверия, и надо было ей все рассказать. А может, просто не следовало вести ее на прогулку в Отражения. Ведь именно после нее она отдалилась от меня и попыталась во всем разобраться сама. Тут-то Джулия и попала в студию этого отвратительного оккультиста Виктора Мелмана, которого мне пришлось потом убить, хотя, как выяснилось впоследствии, его самого одурачили Ясра и Люк. Я раскаивался. Но вины моей в том, что случилось, по сути, не было. Все происходило само собой, и от меня не зависело. Сейчас я совершенно точно убедился, что вряд ли отвечаю за свои тогдашние действия. Так, пыр-

нув ножом колдуна, который пытался навредить мне, я позже узнал, что на самом деле это была Джулия, бывшая под его маской. И что ее увел от меня мой сводный, брат Юрт. Долгое время он пытался убить меня. А когда это не удалось, превратился в нечто вроде Козыря, и они оба исчезли. И вот теперь в Замке Четырех Миров я оказался в пылающей, готовой обрушиться Крепости. Когда я попытался из нее выбраться, падающая балка заставила меня отпрыгнуть в сторону. Тут-то я и попал в ловушку. Впереди с грохотом обвалилась стена, а сзади рухнули охваченные пламенем стропила. И вдруг мимо меня молнией пронесся темный металлический шар. Двигаясь, он все рос, увеличивался, а ударившись о стену, легко прошел сквозь нее, оставив дыру, сквозь которую можно было протиснуться наружу. Это был шанс, и я не замедлил им воспользоваться. Выбравшись из Крепости, я перепрыгнул ров с водой, с помощью Логрусовых отростков снес изгородь и сбил с ног несколько воинов. И только потом позвал:

— Мондор!

— Вот он я, — донесся его тихий голос.

Я обернулся и успел увидеть, как он поймал металлический шар, который, прежде чем упасть в его протянутую ладонь, подскочил перед на-

ми еще разок. Мондор стряхнул пепел со своего черного одеяния, пригладил волосы, потом, улыбнувшись, обернулся к горящей Крепости.

— Слово, данное Королеве, ты сдержал, — заметил он, — и, как мне кажется, больше тебе здесь делать нечего. Пошли?

— Ясра все еще там, внутри, — ответил я, — воюет с Шару.

— Я думал, ты разделался с ней.

Я покачал головой.

— Дело в том, что ей известно многое, чего не знаю я и что могло бы мне очень пригодиться.

Над Крепостью взметнулся столб пламени, на мгновение он замер и потом поднялся еще выше.

— Об этом я не подумал, — глянул на меня Мондор. — Кажется, ей очень хочется подчинить этот огненный фонтан себе. Если мы сейчас вытащим ее из Крепости, его приберет к рукам этот парень, Шару. Что важней?

— Но если мы не поможем ей выбраться оттуда, Шару убьет ее!

Мондор пожал плечами.

— По-моему, она с ним справится. Хочешь пари?

— Может, ты и прав, — сказал я, наблюдая,

как взлетает в небо пламя. — Похоже на нефтяной фонтан. Надеюсь, победитель знает, как его перекрыть… если в этот раз, конечно, будет победитель. Боюсь, что им обоим несдобровать. Вон как рушится Крепость!

Мондор рассмеялся.

— Ты недооцениваешь силы, вызванные ими для защиты, — сказал он, — И, знаешь, одному колдуну не так-то легко прикончить другого колдовскими средствами. Однако, когда дело доходит до инерции бытия, ты не так уж и ошибаешься. С твоего разрешения…?

Я кивнул. Незаметным толчком он перебросил металлический шар через ров к горящему зданию. Тот ударился оземь, запрыгал, с каждым скачком все увеличиваясь. При каждом его ударе о землю раздавался звук, напоминающий звон цимбал. Он совершенно не соответствовал ни видимой массе шара, ни его скорости, но звук этот все усиливался и ширился всякий раз, как шар ударялся о землю. Потом он направился в пылающие, грозящие рухнуть развалины в конце Крепости. И на несколько мгновений исчез из виду. Я совсем уже было собирался спросить у Мондора, что происходит, когда увидел, как позади, пролома, через который я сбежал из горя-

щей Крепости, мелькнула тень большого шара. Пламя стало утихать, оставался только огненный столб в самом центре, бивший из прорвавшегося источника. Оттуда до нас донесся низкий грохочущий звук. Немного погодя мелькнула круглая тень, ставшая еще шире прежней, и я ощутил сквозь подошвы сапог, как дрожит от грохота земля. Однако стена рухнула. Вскоре обвалилась и часть другой. Теперь стало отлично видно, что происходит внутри Крепости. В дыму и пыли опять пронесся огромный шар. Языки пламени были придавлены им. Логрусово зрение позволяло мне видеть движущиеся линии силы, плавно перетекающей от Ясры к Шару. Мондор поднял руку, и вскоре металлический шар, подпрыгивая, вернулся к нам. Мондор подставил ему раскрытую ладонь.

— Пошли туда, — предложил он мне. — Стыдно было бы пропустить финал.

Сквозь пролом в ограде мы прошли ко рву, туда, где было довольно много булыжников, и по ним легко перебрались на другую сторону. Я произнес ограждающее заклинание, чтобы хоть какое-то время удержать вновь подходящих воинов как можно дальше от нас и от Крепости. Пройдя сквозь разрушенную стену внутрь,

я увидел, что Ясра с поднятыми вверх руками стоит спиной к бьющему в небо пламени. Ее лоб и щеки черной маской покрывала сажа. Струйки пота, проделав в ней светлые бороздки, раскрасили таким образом лицо Ясры под зебру. Мне удалось ощутить, как пульсируют, изливаясь из ее тела, силы. Футах в десяти над ней, в воздухе, висел Шару с багровым лицом и головой, свернутой в сторону так, словно у него была сломана шея. Непосвященному могло показаться, что он волшебным образом левитирует. Но Логрусово зрение показало мне силовую линию, на которой был подвешен Шару. То, что проделали с ним, можно было определить, как «линчевание» с помощью магии.

— Браво, — засмеялся Мондор, медленно сводя ладони. — Видишь, Мерлин? Я бы выиграл пари.

— Ты всегда лучше оценивал обстановку, чем я, — признал я.

— … и клянись служить мне, — донеслись до нас слова Ясры.

Губы Шару зашевелились.

— И клянусь служить тебе, — выдохнул он.

Ясра медленно опустила руки, и силовая линия, державшая Шару, стала удлиняться. Пока он опускался на расколотый пол Крепости, она

сделала левой рукой жест, напомнивший мне знак, которым дирижер повелевает вступать в игру оркестра деревянным инструментам. От Фонтана отделился большой сгусток пламени, упал на Шару, стек по нему вниз и ушел в землю. Все это случилось мгновенно, но смысла этого действия я не уловил. Шару продолжал медленно спускаться, словно был наживкой, на которую кто-то, сидевший на небесах, ловил крокодилов. Когда его ноги коснулись земли, я обнаружил, что затаил дыхание, сочувственно ожидая, что силовая петля на его шее ослабеет. Однако этому не суждено было случиться. Коснувшись земли, его ступни вошли в нее, и он продолжал опускаться дальше, словно был голограммой. Шару погрузился вначале по щиколотку, потом до колен, он все глубже и глубже уходил в землю. Теперь уже трудно было сказать, дышит ли он. Губы Ясры шевелились, она отдавала команды, а от Фонтана то и дело отделялись огненные полотнища, которые расплескивались по Шару. Тот погрузился уже до пояса, потом до плеч. Когда на поверхности осталась только голова с широко раскрытыми, но ничего не видящими глазами, Ясра сделала еще одно движение рукой, и путешествие под землю было остановлено.

— Отныне ты — страж Источника, — объявила она, — и отвечаешь только передо мной. Ты признаешь это?

Потемневшие губы искривились.

— Да, — последовал ответный шепот.

— Теперь ступай собери пламя, — приказала Ясра, — с этого начни свое пребывание в этой должности.

Шару кивнул — в тот самый миг, когда снова начал погружаться в землю. Еще немного, и на поверхности остался только похожий на вату клочок волос. А в следующее мгновение земля поглотила и его. Силовая линия исчезла. Я негромко кашлянул. Ясра уронила руки и обернулась ко мне. На ее губах играла легкая улыбка.

— Жив он или мертв? — спросил я, и добавил: — Чисто академический интерес.

— Я, право, не знаю, — ответила она. — По-моему, чуть-чуть жив и в то же время слегка мертв, в общем, как и все мы.

— Страж Источника, — задумчиво произнес я. — Интересное существование.

— Лучше, чем быть вешалкой, — заметила Ясра.

— Смею думать.

— Полагаю, за то, что ты вернул меня в прежнее

состояние, я должна быть тебе благодарна, — заметила она.

— По правде говоря, у меня есть о чем подумать и помимо этого, — пожал я плечами.

— Ты хотел положить конец междуусобице, — сказала она, — а мне хотелось вернуть этот замок. К Амберу у меня по-прежнему нет добрых чувств. Но, как бы там ни было, мы квиты.

— Так и порешим, — сказал я ей. — Но есть верность истине. И хотелось бы, чтобы ты ей следовала.

С минуту она, прищурившись, изучала меня, потом улыбнулась:

— Насчет Люка не беспокойся.

— Но я не могу иначе. Этот сукин сын Далт…

Ясра продолжала улыбаться.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Пожалуй, — ответила она.

— Знания — товар ходкий, — заметила Ясра. Тут земля слабо задрожала, дрогнул и огненный фонтан.

— Ты предлагаешь, чтобы я помог твоему сыну, и тогда ты скажешь мне, с чего начинать?

— Если бы я думала, что Ринальдо нужна помощь, — рассмеялась Ясра, — я была бы рядом с ним. Полагаю, тебе будет легче ненавидеть меня,

если ты будешь знать, что я лишена даже такой необходимой добродетели, как материнские чувства.

— А я-то думал, мы уже согласились на ничью, — вздохнул я.

— Однако это не мешает ненавидеть друг друга, — ответила Ясра.

— Но, леди! Если забыть о том, что вот уже много лет ты пытаешься меня убить, я ничего против тебя не имею. Ты случайно оказалась матерью человека, который мне нравится и которого я уважаю. Если он в беде, я готов ему помочь, а с тобой охотно установлю нормальные отношения.

Языки пламени стали намного ниже, дрогнули, медленно, но неуклонно они приближались к земле. Мондор откашлялся и вступил в разговор.

— Вы затратили столько усилий, что у вас наверняка пробудился аппетит, — заметил он, — а я знаю отличные заклинания, которые помогут нам накрыть стол.

Ясра улыбнулась почти кокетливо и, могу поклясться, подмигнула ему. Не знаю, можно ли назвать Мондора красивым. И хотя со своей буйной седой шевелюрой он, конечно, выглядит потрясающе, я никогда не понимал, не наложил ли он на себя заклятие по этой части, но ничего

такого не обнаружил. Должно быть, это волшебство иного порядка.

— Прекрасная мысль, — отозвалась Ясра. — Антураж я обеспечу… если вы позаботитесь об остальном.

Мондор поклонился. Языки пламени съежились, спустились до земли и впитались в нее. Ясра крикнула Шару, невидимому стражу, чтобы там он и удерживал теперь пламя. Потом она повела нас к ведущей вниз лестнице.

— Подземный ход, — объяснила Ясра, — он ведет к более цивилизованным берегам.

— Мне кажется, — заметил я, — кого бы мы ни встретили, они останутся верны Джулии.

— Как до нее оставались верны мне, а до меня — Шару, — рассмеялась Ясра. — Это профессионалы. Они переходят из рук в руки вместе с Замком. Им платят за то, чтобы они защищали победителей, а не мстили проигравшим. После обеда я устрою торжественный выход, произнесу речь и буду наслаждаться их безымянной и сердечной преданностью… до прихода следующего узурпатора. Осторожно! На третьей ступеньке шатается камень.

Ясра вела нас вперед, в темный тоннель, который, как мне показалось, тянулся на северо-запад,

в ту часть Крепости, что уже была отчасти исследована мной в прошлый раз. Именно в тот день я спас Ясру от Маски /Джулии/ и вернул ее в Амбер, чтобы она некоторое время побыла вешалкой в нашей крепости. Мы вошли в тоннель, где было совершенно темно, но Ясра сотворила стремительно мчащуюся яркую точку, и та повела нас сквозь сырость и мглу. Воздух был спертым, стены покрывала паутина. Под ногами была голая земля, и только посередине шла неровная дорожка из каменных плит. Временами то с одной, то с другой стороны попадались вонючие лужи. Мимо нас по земле и по воздуху то и дело проносились маленькие темные создания. Свет в общем был нам ни к чему. Мы в нем не нуждались. Я владел Знаком Логруса, который наделял меня магическим зрением — темнота с его помощью озарялась серебристым рассеянным светом. И видел его только я. Кроме того, Логрус оберегал меня от магических воздействий — дело в том, что на постройки могли быть наложены заклятия-ловушки. Вдобавок в любую минуту от Ясры можно было ждать мелкого мошенничества. Способ видеть внутренним зрением давал немало преимуществ. Я видел, как перед Мондором тоже вырос Знак — он тоже, понял я, включил тайное

зрение. Значит доверять не стоило и ему. Нечто туманное и неясное, похожее на небольшой Лабиринт, светилось и впереди Ясры, замыкая круг ее осторожности. А свет продолжал танцевать перед нами. Обогнув пирамиду бочек, мы вошли в помещение, напоминавшее винный погреб. Сделав несколько шагов, Мондор остановился и осторожно вынул из стойки пыльную бутылку. Уголком плаща он потер этикетку.

— Ничего себе! — воскликнул он.

— Что это? — спросила Ясра.

— Если оно не испортилось, я сочиню к нему незабываемый обед.

— Правда? Тогда, чтобы действовать наверняка, захвати еще парочку бутылок, — предложила Ясра. — Это вино появилось тут еще до меня… может быть, даже до Шару.

— Мерлин, помоги-ка, — сказал Мондор, передавая мне бутылки. — Эй, осторожней!

Он внимательно осмотрел то, что оставалось в стойке.

— Да, можно понять, почему этот замок без конца осаждают, — улыбнулся он, обращаясь к Ясре. — Знай я про этот погреб раньше, я и сам бы рискнул завладеть им.

Она положила ему на плечо руку.

— Есть способы и полегче получить то, что хочешь, — ответила она.

— Я об этом не забуду, — отозвался Мондор.

— Надеюсь, ты сумеешь настоять на том, чтобы я исполнила свое обещание.

Я откашлялся. Она посмотрела в мою сторону чуть нахмурившись, потом двинулась дальше. Мы проследовали за ней в низкий дверной проем, поднявшись вверх по скрипучей лестнице, вышли в большую буфетную, и пройдя через нее, добрались наконец до громадной и пустой кухни.

— Всегда, когда нужны слуги, их не отыщешь, — заметила недовольно Ясра, обводя кухню взглядом.

— Они нам и не нужны, — успокоил ее Мондор, — найдите мне только подходящее место, и я устрою такой обед!

— Отлично, — ответила Ясра. — Тогда за мной.

Она провела нас через кухню, затем через бесконечную анфиладу комнат. Наконец мы оказались возле лестницы, по которой поднялись наверх.

— Что предпочитаете? — спросила она. — Ледяные поля? Цветущие луга? Горы? Или, может быть, штормовое море?

— Если вы предлагаете нам выбрать вид из

окна, — ответил Мондор, — то пусть будут горы.

Он вопросительно посмотрел на меня, и я кивнул головой. Ясра проводила нас в длинную и узкую комнату, где, открыв ставни, мы увидели за окнами цепь пятнистых закругленных вершин. Было прохладно и немного пыльно. Ближайшую к нам стену сверху донизу покрывали полки. На них были книги, письменные принадлежности, кристаллы, увеличительные стекла, небольшие горшочки с краской, несколько простых магических инструментов, микроскоп и телескоп. В центре комнаты на возвышении стоял стол, а по обе стороны — скамейки.

— Сколько тебе нужно времени, чтобы все подготовить? — спросила Мондора Ясра.

— Пять минут, — отвечал он.

— В таком случае, — заметила она, — я бы хотела сперва немного прийти в себя. Вы, вероятно, тоже.

— Хорошая мысль, — кивнул я.

— Действительно, — подхватил Мондор.

Ясра увела нас недалеко — в комнаты, должно быть, предназначенные для гостей, и оставила там наедине с мылом, полотенцем и водой. Мы уговорились собраться в узкой комнате через полчаса.

— Как ты думаешь, — спросил я Мондора, стягивая рубашку, — она замышляет какую-нибудь пакость?

— Нет, — ответил он. — Мне нравится льстить себе, думая, что эту трапезу она не захочет пропустить. По-моему, она не упустит шанс показаться нам во всей красе, поскольку до сих пор ей это не вполне удавалось. А сплетни, секреты… — он покачал головой. — Может быть, ты совершенно не мог доверять ей раньше и, возможно, никогда не будешь доверять ей позже. Но, насколько я могу судить, эта трапеза станет для вас небольшой передышкой.

— Ловлю тебя на слове, — сказал я, облившись водой и намыливаясь.

Мондор улыбнулся, потом наколдовал штопор и, прежде чем заняться собой, откупорил бутылки, чтобы «дать им чуток подышать». Его благодушию я доверял. Но все же был начеку, понимая, что, если придется сразиться с демоном или увертываться от падающей стены, я отдам предпочтение Знаку Логруса. Но никакие демоны не объявились, никакие стены не обрушились. Вслед за Мондором я вошел в столовую и стал смотреть, как он словами и жестами преображает ее. Длинный стол на возвышении и скамейки

вокруг него по движению его руки сменились круглым столом и удобными стульями, расположенный так, что с любого места открывался вид на горы. Ясра еще не появлялась. Я принес две бутылки вина — те, дыхание которых Мондор счел подходящим. Он наколдовал вышитую скатерть с салфетками, тонкий китайский фарфор, который выглядел так, словно его расписал Миро, серебряные столовые приборы прекрасной работы. Он бросил на уже накрытый стол критический взгляд и заменил столовое серебро набором, с другим рисунком. Отходя от стола то в одну, то в другую сторону, чтобы оценить, как выглядит сервировка, Мондор тихо напевал. Я не успел поставить бутылки на стол, как он доставил низкую и широкую хрустальную вазу, в которой плавали цветы, и поместил ее в центр стола. Когда появились хрустальные кубки, я отступил на шаг, бутылки в моих руках зазвенели, и Мондор, похоже, в первый раз заметил меня.

— О, поставь их вон туда, Мерлин, — и слева от меня на столе появился черный подкос.

— Проверим-ка до прихода леди, как сохранилось вино, — сказал он, наливая рубиновый напиток в два кубка.

Мы пригубили вино, и он кивнул. Да, оно было

лучше, чем у Бейля. Куда лучше.

— Все отлично, — сказал я.

Мондор обошел вокруг стола, подошел к окну и глянул на горы. Я стал рядом и тоже глядел на горные вершины. Мне померещилось, что где-то там сидит в своей пещере Давид.

— Я чувствую себя чуть ли не виноватым оттого, что делаю такую передышку, — пожаловался я. — Столько всего, чем мне следовало бы заняться…

— Может, дел даже больше, чем ты подозреваешь, — ответил Мондор. — Смотри на это не как на передышку, а как на экономию сил. От этой леди ты действительно можешь кое-что узнать.

— Верно, — согласился я. — Только хотелось бы знать, что именно.

Мондор поиграл вином в бокале и, пожав плечами, отпил еще один глоток.

— Она много знает. И вдруг нечаянно выболтает что-нибудь? А может, почувствовав внимание к себе, она разоткровенничается и станет общительнее.

Я отпил глоток и, чтобы не обольщаться временным затишьем, возразил, что у меня дурные предчувствия. На самом же деле о том, что по наружному коридору к нам приближается Ясра, меня предупредил Логрус. Мондору я не стал

говорить об этом, поскольку был уверен, что то же самое почувствовал и он. Я просто повернулся к дверям, и он присоединился ко мне. На Ясре было низко спущенное с одного плеча белое платье, схваченное алмазной булавкой, на светлых волосах алмазная тиара, от которой словно бы исходили инфракрасные лучи. Ясра улыбалась, ее окружал тонкий аромат. Я почувствовал, что невольно выпрямляюсь и гляжу на свои ногти, чтобы убедиться, чистые ли они.

Мондор, как всегда, отвесил более изысканный поклон, чем я. Я же почувствовал, что обязан сказать нечто приятное.

— Ты весьма… элегантна.

— Обедать с двумя принцами приходится нечасто, — ответила она.

— Я — Герцог Западных Границ, — отозвался я, — а не принц.

— Я имела в виду дом Савалла, — возразила Ясра.

— Недавно, — заметил Мондор, — вы были заняты тщательной подготовкой к выступлению.

— Терпеть не могу нарушать протокол, — сказала Ясра.

— В этих краях я редко пользуюсь своим Хаосским титулом, — объяснил я.

— Жаль, — сказала она мне. — По-моему, титул не просто… изысканный. Ведь по порядку наследования ты чуть ли не тринадцатый, правда?

Я рассмеялся.

— Такая сильная удаленность тоже преувеличение, — сказал я.

— Нет, Мерль, она почти не ошиблась, — сказал Мондор. — Как обычно, прибавь или убери несколько человек…

— Как такое может быть? — спросил я. — Последний раз, когда я смотрел…

Он налил в кубок вина и предложил Ясре. Та с улыбкой приняла его.

— Ты не смотрел давно, — сказал Мондор. — Были еще смерти.

— Правда? Так много?

— За Хаос, — сказала Ясра, поднимая кубок. — Да живет он долго.

— За Хаос, — отозвался Мондор.

— За Хаос, — эхом повторил я за ним, мы сдвинули кубки и выпили. Неожиданно я ощутил целый букет восхитительных запахов. И, обернувшись, увидел, что стол уставлен блюдами с великолепными яствами. В тот же момент обернулась и Ясра, а Мондор шагнул вперед и сделал жест, отчего стулья отодвинулись, чтобы

принять нас.

— Прошу садиться, и позвольте мне служить вам, — сказал он.

Мы уселись, принялись за еду и оказалось, что «хорошо» — это не то слово. Прошло несколько минут, но единственное, о чем мы могли говорить, — это о великолепном супе. Не хотелось первому начинать словесный гамбит, хотя мне приходило в голову, что то же самое могут чувствовать и остальные. Наконец, Ясра кашлянула, и мы оба посмотрели на нее. Меня удивило то, что она слегка нервничает.

— Ну, так как обстоят дела в Хаосе? — спросила она.

— В данный момент хаотически, кроме шуток. — Мондор на миг задумался, потом вздохнул и добавил: «Политика».

Она медленно наклонила голову, словно прикидывая, не выпросить ли у него подробности, которые ему, похоже, ничего не стоило разгласить, а потом решила, что не стоит. И повернулась ко мне.

— К несчастью, пока я находилась в Амбере, у меня не было возможности посмотреть местные красоты, — сказала она. — Но из твоего рассказа я поняла, что и там жизнь отчасти хаотична.

Я кивнул.

— Если ты имеешь в виду Далта, — сказал я, — то хорошо, что его не стало. Но серьезной угрозы он никогда не представлял — надоедал только. Кстати о Далте…

— Не стоит, — перебила она, улыбаясь. — На самом деле у меня на уме совсем другое.

Я улыбнулся в ответ.

— Забыл. Вы от него не в восторге, — сказал я.

— Не в этом дело. Польза есть и от него. Это просто, — она вздохнула, — политика.

Мондор рассмеялся, и мы подхватили. Скверно, что мне не пришло в голову использовать этот момент относительно Амбера раньше. Потом же было слишком поздно.

— Не так давно я купил картину, — сказал я, — ее написала леди по имени Полли Джексон. Такой красный шевроле 57-го года. Она мне очень нравится. Сейчас эта картина хранится в Сан-Франциско. Ринальдо она тоже понравилась.

Ясра кивнула, не отрывая глаз от окна.

— Вы оба всегда застревали в какой-нибудь галерее. Да он и меня без конца таскал то в одну из них, то в другую. Я всегда считала, что у него хороший вкус. Не талант, нет, просто хороший вкус.

— Что значит «не талант»?

— Он очень хороший рисовальщик, но его собственные картины никогда не были такими уж интересными.

Эту тему я затронул специально и потому решил продолжить ее.

— Картины? Я и понятия не имел, что он занимается живописью.

— Он много раз пробовал, но никогда никому своих работ не показывал. Считал, что они недостаточно хороши.

— Тогда откуда ты о них знаешь?

— Я время от времени проверяю его комнату.

— Когда его поблизости нет?

— Конечно. Привилегия матери.

Меня передернуло. Я снова подумал о сожженной в Кроличьей Норе женщине. Но высказывать свои чувства и портить плавно текущую беседу, раз уж заставил Ясру заговорить, я не собирался. И решил вернуть разговор к тому, что меня действительно интересовало.

— А его встреча с Виктором Мелманом была как-то с этим связана? — спросил я.

Сощурившись, она испытующе взглянула на меня, потом кивнула и доела суп.

— Да, — сказала она, откладывая ложку в сторону. — Он взял у него несколько уроков. Ему

понравились какие-то картины Мелмана, и он разыскал его. Может, даже кое-что купил. Не знаю. Но как-то он упомянул о своих работах, и Виктор попросил ему их показать. Он похвалил Ринальдо и сказал, что мог бы научить его нескольким полезным вещам.

Ясра подняла свой кубок, понюхала вино, отхлебнула и уставилась на горы. Я собрался было поторопить ее, надеясь, что она продолжит, но тут Ясра принялась хохотать. Я ждал.

— Вот дерьмо, — сказала она. — Но талантливый. Надо отдать ему должное.

— Э-э… что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Понимаешь, время шло, и Виктор уклончиво заговорил о возможностях своей магической силы. Ему хотелось, чтобы Ринальдо знал, что он — оккультист, который кое-чего стоит, и это кое-что совсем немало. Потом он принялся намекать, что хочет передать свою силу подходящему человеку.

Она снова принялась смеяться. Я и сам улыбнулся, подумав о том, что этот дрессированный тюлень с таким предложением обратился к настоящему магу.

— Все оттого, что он понял, как Ринальдо богат, продолжала она. — Конечно, Виктор в то время

был, как всегда, на мели. Но Ринальдо не выказал никакого интереса и вскоре после этого просто перестал брать у Виктора уроки живописи — он чувствовал, что научился у того всему, чему можно было. Когда позже он рассказывал мне об этом, я поняла, что этого человека можно отличным образом превратить в свое орудие. Я была уверена, что такой субъект сделает все, что угодно, лишь бы вкусить подлинной власти.

Я кивнул.

— И тогда вы с Ринальдо принялись ходить к нему? Вертелись-вертелись, задурили ему голову и выучили немногим настоящим приемам?

— Достаточно настоящим, — уточнила Ясра, — хотя в основном его обучением руководила я. Ринальдо, как правило, бывал слишком занят — готовился к экзаменам. У него средний балл всегда был повыше твоего, верно?

— Как правило, у него были очень хорошие отметки, — уступил я. — Когда ты рассказываешь, как вы дали Мелману силу и превратили его в свое орудие, я не могу не задуматься о причине. Вы натаскивали его, чтобы он убил меня — и весьма живописным способом.

Ясра улыбнулась.

— Да, — сказала она, — хотя, возможно, не так,

как ты подумал. Он знал про тебя и обучался, чтобы сыграть свою роль в жертвоприношении, где роль ягненка при заклании должен был сыграть ты. Но в тот день, когда ты убил его, он попробовал воспользоваться тем, чему научился сам, и действовал на свой страх и риск. Его предупреждали, что нельзя действовать в одиночку, но он ослушался и заплатил за это сполна. Он жаждал обладать всеми силами, которые рассчитывал получить в итоге, а не делить их с другими. Я же сказала — дерьмо.

Мне хотелось казаться равнодушным, чтобы Ясра продолжала. Для этого нужно было есть, как ни в чем не бывало — как еще можно было лучше доказать свое спокойствие? Однако, опустив глаза, я обнаружил, что моя тарелка с супом исчезла. Я взял булочку, разломил ее, собрался было намазать маслом — и тут заметил, что моя рука дрожит. Минутой позже я понял, что это от того, что мне хочется задушить Ясру. Поэтому я сделал глубокий вдох-выдох и выпил еще вина. Содержимое появившейся передо мной тарелки возбуждало аппетит, а слабый аромат чеснока и прочих дразнящих обоняние трав велел сохранять спокойствие. Я благодарно кивнул Мондору, то же сделала и Ясра. Минутой позже я мазал бу-

лочку маслом. Откусив один за другим несколько кусков и не спеша прожевав их, я сказал:

— Признаюсь, не понимаю. Ты сказала, Мелман должен был участвовать в моем ритуальном убийстве… только участвовать?

Ясра молча продолжала есть, потом снова улыбнулась.

— Случай оказался слишком подходящим, грех было пренебречь им, — сказала она чуть позже, — вы с Джулией расстались, она заинтересовалась оккультизмом. Я поняла, что надо свести их с Виктором, чтобы он обучил ее нескольким простым штучкам. Я поняла, что надо воспользоваться тем, что Джулия страдала из-за вашего разрыва. Я знала, что ее любовь к тебе можно превратить в ненависть, такую сильную, что, когда подойдет время жертвоприношения, ей захочется самой перерезать тебе горло.

Я подавился чем-то, что при других обстоятельствах показалось бы потрясающе вкусным. По правую руку от меня появился затуманенный хрустальный кубок с водой. Я поднял его и, отпив, проглотил все, что застряло в горле. Потом сделал еще глоток.

— Ну, такая реакция в любом случае чего-нибудь да стоит, — заметила Ясра. — Ты должен

признать, что месть имеет особую остроту, если твоим палачом стал тот, кого ты когда-то любил.

Уголком глаза я заметил, что Мондор кивает. Мне тоже пришлось согласиться, что она права.

— Должен признать, это хорошо продуманная месть, — сказал я. — Ринальдо тоже был в это посвящен?

— Нет, к этому времени вы стали слишком дружны. Я боялась, что он предупредит тебя.

Несколько минут я обдумывал это, потом спросил:

— Что же у вас сорвалось?

— Единственное, что никогда бы не пришло мне в голову, — сказала она. — У Джулии и вправду оказался талант. Несколько уроков у Виктора — и все, что он умел, у нее получалось лучше, кроме живописи. Черт! Может, она еще и рисует. Не знаю. Я сдала себе карту наугад, а она пошла сама.

Меня передернуло. Я подумал о своем разговоре с ти'га в Арбор Хаус в те давние времена, когда им владела Винтра Бейль.

— Джулия развила в себе те способности, что хотела? — спросила меня ти'га.

Я сказал, что не знаю, что она ни разу ничем не выдала этого. А вскоре припомнил нашу встречу

на стоянке у супермаркета и собаку, которой она велела сесть и которая, быть может, уже никогда больше не шевельнется… Я вспомнил это, но…

— И ты ни разу не заметил никаких проявлений ее дара? — спросила Ясра.

— Не сказал бы, — ответил я, начиная понимать, почему дела обстоят так, как есть. — Нет, не сказал бы.

… Например, тогда в Баскин-Роббис, когда Джулия изменила вкус мороженого, пока стаканчик приближался к губам. Или тогда, в ливень, когда она оставалась сухой без зонтика…

Ясра озадаченно нахмурилась и, не отрывая от меня глаз, прищурилась.

— Не понимаю, — сказала она. — Если ты знал, ты мог бы сам обучать ее. Она любила тебя. Вы были бы грозной командой.

Внутри у меня все сжалось. Она была права — я *подозревал*, я, возможно, даже знал, но подавлял это в себе. Однажды я, может быть, даже сам это спровоцировал — той прогулкой в Отражениях, энергетикой своего тела…

— Это дело сложное, — сказал я, — и очень личное.

— О, сердечные дела или очень просты, или совершенно непостижимы для меня, — сказала

она. — Середины тут, кажется, нет.

— Давай условимся, что они просты, — сказал я ей. — Когда я заметил эти признаки, мы уже расходились, и у меня не было никакого желания пробуждать силу в бывшей любовнице, которой в один прекрасный день могло бы взбрести в голову попрактиковаться на мне.

— Вполне понятно, — согласилась Ясра. — Вполне. А сколько в этом иронии!

— В самом деле, — заметил Мондор, жестом вызывая новые блюда, над которыми поднимался пар, — пока рассказ об интриге и оборотной стороне души не завел вас слишком далеко, мне хотелось бы, чтобы вы попробовали грудку перепела, вымоченного в «Мутон Ротшильд», с диким рисом и побегами спаржи.

Я понял, что, показав Джулии иной слой реальности, я навел ее на размышления и вдобавок отвлек внимание от своей персоны — на самом же деле я не настолько доверял ей, чтобы раскрыть правду о себе. По-моему, это говорило кое-что и о моей способности любить, и о способности доверять. Но я все время чувствовал одно: есть еще что-то. Что-то сверх…

— Восхитительно, — объявила Ясра.

— Благодарю вас, — Мондор поднялся, обошел

вокруг стола и сам наполнил ее бокал, не воспользовавшись фокусом с левитацией. Я заметил, что, делая это, он легонько погладил ее обнаженное плечо. Потом немного плеснул и в мой бокал — словно вдруг вспомнив и обо мне, и вернулся на свое место.

— Да, великолепно, — заметил я, находчиво продолжая рассматривать дно своего внезапно опустевшего темного бокала.

С самого начала я что-то ощущал, что-то подозревал — теперь я знал что. Наша прогулка по Отражениям была просто самой эффектной из целого ряда мелких, внезапных проверок, которые я иногда устраивал Джулии, надеясь застать ее врасплох, надеясь убедиться, что она… кто? Ну, возможно, колдунья. Отодвинув свой прибор в сторону, я потер глаза. Я долго скрывал от себя, что уже давно догадываюсь об этом, но сейчас смутное стало почти уверенностью.

— Что-нибудь случилось, Мерлин? — услышал я вопрос Ясры.

— Нет. Я просто понял, что немного устал, — сказал я.

— Ну, тогда все отлично.

Колдунья. Не просто потенциальная колдунья. Сейчас я понял, что глубоко прятал в себе боязнь

того, что за покушениями на мою жизнь по тридцатым апреля стояла она — а я подавлял в себе эту догадку и продолжал любить ее. Почему? Только ли потому, что хотел продлить наши отношения, а остальное было мне все равно? Только ли потому, что любил ее и старался поглубже спрятать в себе страшную догадку? Они смеялись надо мной, над самым святым чувством, которое оберегала моя душа. И если раньше я боролся только за свою жизнь, теперь мне придется отстаивать перед ними свое достоинство.

— Все будет о'кей, — как ни в чем не бывало сказал я, а сам продолжал думать. Что же это получается, значит, я сам себе злейший враг. Обжигался, но, как ночная бабочка, всякий, раз, увидев пламя, летел на него. И никогда не было у меня времени, чтобы залечить ожоги.

— О чем задумался? — мило улыбаясь, спросила Ясра.

— Как и ваши шутки, — ответил я, — мысли мои бесценны. Хочу поаплодировать вашему остроумию. В то время я не только ничего обо всем этом не знал, но даже и догадаться не мог, хотя можно было уже сопоставить некоторые факты. Ты это хотела услышать?

— Да, — сказала она.

— Рад, что настал момент, когда дела у вас пошли не так, как нужно, — прибавил я.

Она вздохнула, кивнула и отпила вина.

— Да, пришел такой момент, — признала Ясра. — Я совершенно не ждала, что в такой простой игре придется дать задний ход. Трудно поверить, что в мире столько иронии.

— Если тебе требуется мое одобрение, придется высказаться немного яснее, — сказал я.

— Знаю. Если говорить откровенно, мне не очень приятна маска наигранной озадаченности, которую ты нацепил, скрывая откровенную радость. Не поздно кое-какие события повернуть иной стороной, и они огорчат тебя по-новому.

— Сегодня выиграл, завтра проиграл, — сказал я. — Готов держать пари, есть среди тех событий и такие, которые ставят тебя в тупик.

— Например? — спросила она.

— Например, почему ни одна из попыток убить меня тридцатого апреля не удалась.

— Я полагаю, Ринальдо устраивал саботаж и предостерегал тебя.

— Неправда.

— Тогда что же?

— Ти'га. Ее принудили защищать меня. Может, ты помнишь ее в те дни она обитала в теле Гейл

Лампрон.

— Гейл? Девушка Ринальдо? Мой сын встречался с демоном?

— Ну-ну, не нужно так громко. На первом курсе он выкидывал номера и почище.

Она ненадолго задумалась, потом медленно кивнула.

— Тут ты прав, — согласилась она. — Про Кэрол я забыла. А ты так и не узнал, почему все это происходило.

— Так и не узнал, — сказал я.

— В таком случае весь тот период выглядит еще более странно, — задумчиво проговорила она, — особенно удивляет то, что наши пути вновь пересеклись… Интересно…

— Что?

— Она там находилась, чтобы защищать тебя или чтобы мешать мне? Твой телохранитель… или мое проклятие?

— Трудно сказать, результат-то один и тот же.

— Но она стала околачиваться возле тебя совсем недавно, а это говорит о том, что ее интересы скорее всего связаны со мной.

— Конечно, если только она не знает чего-то, что неизвестно нам, — сказал я.

— Например?

— Например, что между нами возможен новый конфликт.

Она улыбнулась.

— Тебе следовало пойти учиться на юриста, — сказала она. — Ты такой же хитрый и неискренний, как твоя амберская родня. Хотя я могу, не покривив душой, сказать, что ничего из того, что входило в мои планы, нельзя было бы истолковать таким образом.

Я пожал плечами.

— Просто пришло в голову. Пожалуйста, продолжай историю Джулии.

Она проглотила несколько кусков. Я составил ей компанию, а потом обнаружил, что ем и не могу остановиться. Я посмотрел на Мондора, но тот сохранял непроницаемое выражение лица. Он никогда не позволял себе улучшать вкус магическими средствами или принуждать обедающих почистить с тарелок все. Как бы там ни было, прежде чем Ясра заговорила снова, в тарелках уже ничего не было. Так что на обед жаловаться не приходилось.

— У Джулии было немало учителей, — начала она. — А так как я занялась ею сама, то заставляла их действовать по моему сценарию. Прежде всего надо было лишить ее иллюзий и обескуражить

настолько, чтобы она попала в руки того, кого мы ей подберем. Добиться этого было нетрудно. Так она попала к Виктору, которого мы в то время уже опекали. Я приказала ему уговорить Джулию остаться, махнуть рукой на обычные предварительные переговоры и заняться обучением перед тем посвящением, что я выбрала для нее.

— А именно? — перебил я. — Вокруг полным-полно всяких посвящений, вот только заканчиваются все они по-разному и очень специфически.

Ясра улыбнулась и кивнула.

— Я провела ее Дорогой Сломанного Лабиринта. Этот путь выбрала я сама.

— Судя по названию, это что-то опасное, находящееся на окраине амберского Отражения.

— Твоим знаниям по географии можно позавидовать, — сказала она. — Но это вовсе не так опасно, если знать, что делаешь.

— Я это вот как понимаю, — сказал я. — Миры Отражения, где существуют отражения Лабиринта, могут вмещать в себя лишь его неполноценные подобия, а это всегда подразумевает риск.

— Риск существует только тогда, когда не знаешь, как с этим управляться.

— И ты заставила Джулию пройти… Сломанный Лабиринт?

— О том, что ты называешь «пройти Лабиринт», я знаю только из рассказов моего последнего мужа и Ринальдо. И означает это — начать путь от определенного места снаружи Лабиринта, потом продолжить его внутри, двигаясь вдоль линии до того места, где к тебе приходит сила?

— Да, подтвердил я.

— В Сломанном Лабиринте, — объяснила она, — входишь через какой-нибудь изъян и идешь к середине.

— Как же можно идти вдоль линий, если они разорваны или в них есть дефекты? Настоящий Лабиринт уничтожит того, кто нарушил структуру.

— Там ходят не по линиям, а по промежуткам, — сказала Ясра.

— А когда выходишь…? — спросил я.

— То уносишь в себе образ Сломанного Лабиринта.

— А как ты пользуешься им для того, чтобы колдовать?

— Посредством дефектов. Вызываешь образ, и это напоминает темный колодец, из которого черпаешь силу.

— А как вы путешествуете среди Отражений?

— Почти как вы — в моем понимании, — сказа-

ла она. — Но с нами всегда трещина.

— Трещина? Не понимаю.

— Трещина в Лабиринте. Она следует за нами через Отражения. Пока путешествуешь, она всегда рядом: иногда это трещинка толщиной с волосок, иногда — большая расселина. Она перемещается и может появиться внезапно, где угодно — провал в реальности. Вот риск для идущих Дорогой Сломанного Лабиринта. Упасть туда — смерть.

— Тогда она должна скрываться во всех ваших заклинаниях, как ловушка.

— В каждом деле — свой риск, — сказала Ясра. — Избегать трещин — часть искусства.

— Это и есть то посвящение, через которое ты провела Джулию?

— Да.

— И Виктора?

— Да.

— Я понимаю, о чем ты, — ответил я, — но надо же отдавать себе отчет в том, что Сломанные Лабиринты вытягивают свою силу из настоящих.

— Конечно. Ну и что? Если постараться, подобие получается не хуже подлинника.

— Кстати, а сколько вообще удачных подобий?

— Удачных?

— Они должны перерождаться от Отражения к Отражению. Где ты проводишь черту и говоришь себе: «После этого сломанного Отражения я не стану рисковать, чтобы не сломать себе шею?»

— Понятно, что ты хочешь сказать. Работать можно, скажем, с первыми девятью. Я никогда не заходила дальше. Лучше всего — первые три. Тремя следующими еще можно управлять. Три остальных — это уже куда больший риск.

— Трещина каждый раз увеличивается?

— Вот именно.

— Почему ты открываешь мне такие тайны?

— Ты — посвященный на более высоком уровне, так что это не имеет значения. Кроме того, ты никак не можешь, повлиять на положение вещей. И последнее — ты должен знать это, чтобы оценить финал истории.

— Ладно, — кивнул я.

Мондор хлопнул по столу, и перед нами появились хрустальные чашечки с лимонным щебетом. Мы поняли намек и, прежде чем возобновить разговор, промочили горло. Из какого-то дальнего коридора в комнату полилась тихая музыка. Откуда-то извне, вероятнее всего, из Замка, до нас донеслось звяканье и царапающие звуки.

— Так Джулия прошла твое посвящение, — под-

сказал я.

— Да, — сказала Ясра.

— Что случилось потом?

— Она научилась вызывать образ Сломанного Лабиринта и пользоваться им, чтобы магически видеть и налагать заклятия. Она научилась извлекать через трещины в нем грубую силу. Она научилась отыскивать дорогу в Отражениях.

— Не забывая при этом о провале? — предположил я.

— Именно так, и в этом у нее определенно есть сноровка. Кстати говоря, у нее чутье абсолютно на все.

— Меня изумляет, что смертный может пройти Лабиринт — даже если это испорченное Отражение — и выжить.

— Это удается немногим, — сказала Ясра. — Большинство наступает на линии или умирает таинственной смертью в зоне пролома. Справляется, примерно, процентов десять. И это хорошо, потому что ограничивает доступ к тайне. Из тех, кто прошел его, лишь немногие способны обучиться магическому ремеслу на том уровне, чтобы что-то представлять собой, сделаться грамотным знатоком.

— И ты говоришь, как только Джулия поняла,

что ей нужно, она действительно оказалась лучше Виктора?

— Да. Я и представить себе не могла, насколько она преуспела, пока не стало слишком поздно.

Я почувствовал на себе ее взгляд, Ясра словно проверяла, какой будет моя реакция. Оторвав глаза от тарелки, я поднял брови.

— Да, — продолжала она, явно повеселев. — Ты и не знал, что это Джулию ты заколол возле Источника?

— Нет, — признался я. — Маска все время ставила меня в тупик. Я никак не мог понять, что происходит. Самыми странными из всего, что меня окружало, оказались цветы, а потом, я действительно так и не понял, голубые камни — твоя работа или Джулии?

Она рассмеялась.

— Голубые камни и пещера, откуда они появились — это нечто вроде семейной тайны. Их вещество — своего рода магический изолятор, но если соединить два осколка камня, возникает связь, так что обладай ты должной чувствительностью и оставь себе один из них, ты получаешь возможность следить за передвижениями второго по Отражению.

— По Отражению?

— Да.

— Даже если бы у меня не было никаких магических способностей?

— Даже в таком случае, — сказала она. — Все равно, как следить за механизмом, перемещающим Отражения. На это способен любой, если он достаточно проворен и чувствителен. В момент, когда Отражение перемещается, ты перемещаешься сам, словно идешь по следу, который оставляет перемещающий механизм, а не за самим Отражением…

— За самим, за самим… Ты пытаешься объяснить, что у кого-то появились преимущества перед тобой?

— Правильно.

Я поднял глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, что Ясра покраснела.

— Джулия? — спросил я.

— Ты начинаешь понимать.

— Нет, — сказал я. — Ну, может, самую чуточку. Она оказалась одаренней, чем ты ожидала. Это ты мне уже говорила. У меня создалось впечатление, что она оставила тебя в дураках. Но каким образом, я не знаю.

— Я приводила ее сюда, — сказала Ясра, — чтобы захватить кое-какое снаряжение, хотелось

забрать его с собой в первый круг Отражений. Она как-то слишком внимательно осмотрела мою рабочую комнату в Замке. А я в то время была, наверное, излишне общительна. Но откуда мне было знать, что Джулия все берет на заметку и что-то замышляет? Я считала, что она слишком запугана и не в состоянии вести двойную игру. Надо признать, она отличная актриса.

— Я прочел дневник Виктора, — сказал я. — Надо полагать, вы все время были в масках или капюшонах и пользовались заклятиями, искажающими голос?

— Да, но, по-моему, вместо того, чтобы внушить Джулии страх и должное смирение, я возбудила в ней жадность ко всему магическому. Сдается мне, как раз тогда она и подобрала один из моих траголитов… тех голубых камней… Все остальное остается тайной.

— Не для меня.

Передо мной появилась чаша с незнакомыми овощами, аромат их был восхитительным. От чаши поднимался пар.

— Какова же твоя версия?

— Ты доставила ее в Сломанный Лабиринт и провела посвящение… — начал я.

— Да.

— Как только ей представилась возможность, — продолжал я, — она использовала… траголит, чтобы вернуться в Замок и вызнать кое-какие твои секреты.

Ясра тихонько похлопала в ладоши, попробовала овощи и принялась за еду. Мондор улыбался.

— Дальше сдаюсь, — признался я.

— Ну, тогда будь паинькой, поешь еще, — сказала она.

Я повиновался.

— Мои выводы из этой истории основаны исключительно на знании человеческой натуры, — неожиданно заметил Мондор, — я сказал бы, что ей хотелось проверить и когти и крылья. Догадываюсь, что Джулия вернулась, бросила вызов своему прежнему учителю — этому Виктору Мелману — и дралась с ним на колдовской дуэли.

Я услышал, как Ясра шумно втянула воздух.

— Это действительно всего лишь догадка? — спросила она.

— Правда, — ответил он, поигрывая вином в кубке. — Более того, я догадываюсь, что и вы однажды проделали нечто подобное со своим учителем.

— Какой черт рассказал тебе об этом? — спро-

сила она.

— Я догадываюсь, что Шару был вашим учителем… а может и больше, чем учителем, — сказал он. — Только так можно объяснить то, что вы запросто завладели этим замком. Его прежний хозяин был застигнут врасплох и вместо того, чтобы организовать серьезную оборону, он от всей души проклял вас, пожелав, чтобы та же участь в один прекрасный день постигла и вас. Может быть, не все было так, как я сказал, но у людей нашей профессии судьба, повторяясь, совершает полный круг.

Она рассмеялась.

— Тогда имя этому черту — Рассудок, — сказала она с ноткой восхищения в голосе. — Более того, ты вызвал его инстинктивно, а это уже искусство.

— Приятно сознавать, что он все еще является на мой зов. Надо полагать, Джулия все-таки была удивлена, что Виктор способен противостоять.

— Верно. Она не знала, что мы окутываем своих учеников одним, а то и двумя защитными слоями.

— Но ее собственная оборона оказалась не хуже…

— Да. Хотя это, конечно, было равноценно пора-

жению. Она знала, что мне станет известно про ее бунт, и я вскоре явлюсь, чтобы приструнить ее.

— О, — заметил я.

— Да, — заявила Ясра. — Вот почему она фальсифицировала собственную смерть, и таким образом, надо признаться, обвела меня вокруг пальца.

Я вспомнил тот день, когда пришел к Джулии в дом и увидел ее мертвой. Вспомнил, как напало на меня странное животное. Лицо девушки было изуродовано. Узнать ее было невозможно. Мертвая напоминала Джулию — тот же рост, та же фигура. Но я не успел присмотреться, как следует. Мне пришлось обороняться, зверь, похожий на гигантскую собаку, напал на меня. А когда я победил свирепое существо, завыли сирены, и мне пришлось побыстрей уносить оттуда ноги. И впоследствии, когда я вспоминал весь этот кошмар, я видел перед собой мертвую Джулию.

— Невероятно, — сказал я. — Чье же тело я тогда нашел?

— Понятия не имею, — ответила она. — Это могло быть какое-нибудь ее «я» из Отражений, или кто-нибудь посторонний, с улицы. Или труп, украденный из морга. Как знать?

— На нем был один из твоих голубых камней.

— Да. А второй — на ошейнике того существа, которое ты убил… Джулия открыла ему проход.

— Зачем? А к чему было все это с Жителями на Пороге?

— Фальшивка чистой воды, Виктор думал, что Джулию убила я, а я думала, что он. Он предполагал, что это я открыла проход из Замка и послала эту бестию поохотиться на нее. Я считала, что это его рук дело, и была раздражена тем, что он скрывает от меня свои ученические успехи… Это ведь не предвещает ничего хорошего.

Я кивнул.

— Таких тварей ты здесь разводишь?

— Да, — ответила она, — а еще я поселила их в нескольких соседних Отражениях. Кое-кто получил голубые ленточки.

— Я предпочитаю быков из преисподней, — сказал я. — Они куда сообразительнее и ведут себя лучше. Значит, Джулия оставила тело и замаскированный проход сюда, а ты думала, ее прикончил Виктор, который подбирался к твоей святая святых?

— Примерно так.

— А он думал, что она стала очень опасна для тебя… да еще этот проход… и что ты убила ее?

— Я не знаю точно, нашел ли Виктор вообще

этот проход. Он был здорово спрятан, ты же убедился. Как бы там ни было, ни один из нас до конца не осознал, что же Джулия проделала на самом деле…

— То есть?

— Она и мне подсунула кусок траголита. Потом, после посвящения, она воспользовалась его парой, чтобы проследить за мной через все Отражения в Бегму.

— В Бегму? А какого черта ты там делала?

— Ничего особенного, — отозвалась она. — Я упомянула об этом просто, чтобы подчеркнуть ее хитрость. В то время она ко мне не приближалась. Я знаю об этом только потому, что позже она сама рассказала мне об этом. Тогда она проследила за мной от границы Золотого круга до Замка. Остальное ты знаешь.

— Не уверен.

— Насчет этого Замка у нее были свои планы. Когда она застала меня врасплох, я и вправду удивилась. Вот так я и стала вешалкой.

— А Джулия вступила во владение этим замком, надев вратарскую маску на случай общения с людьми. Некоторое время она жила здесь, набираясь сил, совершенствуя свое мастерство, вешая на тебя зонтики…

Ясра тихо зарычала, и мне вспомнилось, что кусается она скверно. Я поспешил сменить тему разговора.

— До сих пор не понимаю, почему она то шпионила за мной, то осыпала цветами.

— Умеют же мужчины вывести из себя, — сказала Ясра, подняв кубок и осушая его. — Тебе удалось понять все, кроме причины ее поведения.

— Она отправилась за властью, — сказал я. — Что тут еще понимать? Припоминаю даже, как однажды мы долго спорили о власти.

Я услышал, как Мондор рассмеялся. Под моим взглядом он отвел глаза и покачал головой.

— Очевидно, — сказала Ясра, — она все еще была к тебе неравнодушна. И кажется, весьма неравнодушна. Она играла с тобой. Ей хотелось возбудить в тебе любопытство. Хотелось, чтобы ты пошел за ней, нашел ее, и может, хотелось попробовать свою силу против твоей. Ей хотелось показать тебе, что она достойна тебя, а ты не решился ей доверять.

— Значит, ты и об этом знаешь.

— Иногда она разговаривала со мной, не стесняясь.

— Значит, Джулия была так неравнодушна ко

мне, что послала людей с траголитами идти по моему следу до самого Амбера, чтобы они попытались там убить меня. Кстати, это им почти удалось.

Ясра закашлялась и отвела глаза. Мондор встал, обошел вокруг стола и, став между нами, опять наполнил ее кубок. В тот момент, когда он заслонил ее от меня, послышался ее тихий голос:

— Нет, не совсем так. Убийц наняла… я. Риналь-до был далеко, предупредить тебя он не мог, а я считала, что он занимается именно этим, поэтому подумала: попробую-ка добраться до Мерлина еще раз.

— О, — заметил я. — Может, и тут бродят убийцы?

— Нет, те были последними, — сказала она.

— Очень приятно.

— Я не приношу извинения. Просто объясняю — чтобы положить конец разногласиям между нами. Не хочешь аннулировать и этот счет? Мне нужно знать.

— Я уже говорил: хотелось бы считать, что мы квиты. Это остается в силе. А какое отношение к этой истории имеет Юрт? Не понимаю, как они спелись и что они такое друг для друга.

Прежде, чем вернуться, на свое место, Мондор

добавил капельку вина и в мой бокал. Ясра взглянула мне в глаза.

— Не знаю, — покачала она головой. — Когда мы с ней боролись, у нее не было союзников. Должно быть, это случилось, пока я была неподвижна.

— Как ты думаешь, куда они с Юртом могли удрать?

— Не знаю.

Я взглянул на Мондора, но тот покачал головой.

— Я тоже не знаю, — сказал он. — Однако мне кажется, вернее, я чувствую, что Юрт преодолел Лабиринт и приобрел могущество, и еще — он, несмотря на все свои шрамы и увечья, очень похож на тебя.

— Юрт? На меня? Ты, наверное, смеешься!

Он посмотрел на Ясру.

— Мондор прав, — сказала она. — Совершенно ясно, что вы — родня.

Я положил вилку и встряхнул головой.

— Что за нелепость, — сказал я, больше защищаясь, чем выражая уверенность. — Никогда этого не замечал.

Мондор еле заметно пожал плечами.

— Тебе нужна лекция по психологии отрица-

ния? — спросила меня Ясра.

— Нет, — сказал я. — Мне нужно немного времени, чтоб до меня дошло.

— Все равно пришла пора еще одной смены блюд, — объявил Мондор, сделал широкий жест, и появились новые яства.

— Из-за того, что ты освободил меня, у тебя будут неприятности дома? — спросила Ясра.

— К тому времени, как они поймут, что тебя там нет, я надеюсь сочинить интересную историю, — ответил я.

— Другими словами, неприятности будут, — сказала она.

— Ну, может, совсем незначительные.

— Я подумаю, что можно сделать.

— В каком смысле?

— Терпеть не могу быть кому-то обязанной, — сказала она, — а ты сделал для меня больше, чем я для тебя. Если я найду способ отвести от тебя их ярость, я им воспользуюсь.

— Что это ты задумала?

— Давай остановимся. Иногда лучше кое о чем не знать.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Отличный повод сменить предмет разговора, — сказала она. — Юрт очень опасный

противник.

— Для меня? — спросил я. — Или ты думаешь, что он может вернуться сюда за второй порцией?

— Если тебе угодно поставить вопрос так, — то думаю, и то, и другое.

— А и думаю, если бы Юрт мог, он убил бы меня, — сообщил я, поглядывая на Мондора, который кивнул мне.

— Боюсь, что так, — заявил он.

— Что же касается того, вернется ли он сюда еще раз за тем, что уже получил, — продолжил я, — тебе судить. Как ты думаешь, насколько он близок к тому, чтобы полностью завладеть силами, которые можно получить от Источника во время ритуала?

— Точно сказать трудно, — заметила она, — потому что он проверял свои силы в условиях ужасной неразберихи. Может, ему удалось сделать это процентов на пятьдесят. Удовлетворит ли его это?

— Может быть. Насколько же опасным он тогда станет?

— Очень опасным. Особенно, когда полностью освоится. Тем не менее, он должен понимать, что, вернувшись, он наткнется на охрану, с которой

трудно бороться даже такому, как он… Только Шару стал бы непреодолимым препятствием. Вероятно, Джулия посоветует ему не делать этого, она ведь знакома с Замком.

Я кивнул в знак того, что согласен с этим. Когда встретимся, тогда и встретимся. Сейчас я могу это предотвратить.

— Можно, теперь я задам тебе вопрос? — сказала Ясра.

— Давай.

— Ти'га…

— Да?

— Я уверена, она даже в теле дочери герцога Оркуза не просто так зашла во дворец и добрела до твоих апартаментов.

— Едва ли, — отозвался я. — Она — в числе официально приглашенных.

— Можно узнать, когда прибыли приглашенные?

— Раньше, днем, — ответил я. — Хотя, боюсь, не могу вдаваться в подробности относительно…

Она махнула рукой, украшенной кольцами.

— Государственные тайны меня не интересуют, — сказала она, — хотя я знаю, что Найда обычно сопровождает своего отца в качестве секретарши.

— И что же?

— Ее сестра пришла с ней или оставалась дома?

— Ты о Корал, верно? — спросил я.

— Да.

— Она осталась дома, — ответил я.

— Спасибо, — сказала она, возвращаясь к трапезе.

Черт. К чему все это? Значит, Ясра знает про Корал то, чего не знаю я? И это имеет отношение к ее нынешнему, неопределенному состоянию? Если так, чего мне будет стоить выяснить это?

И я поинтересовался:

— Зачем тебе это?

— Просто любопытно, — ответила она. — Я знала эту семью в… лучшие времена.

Ясра в сентиментальном расположении духа? Быть не может. Что же произошло?

— У этой семьи есть свои проблемы, — сказал я.

— И одна из них та, что в Найду вселилась ти'га?

— Да, — подтвердил я.

— Грустно слышать, — был ответ. — Что это за проблемы?

— Корал, вроде, попала в плен…

— Она выронила вилку, и та упала на тарелку, тихо звякнув.

— О чем ты говоришь? — спросила Ясра.

— Она попала не туда, куда следовало, — сказал я.

— Корал? Как? Куда?

— Это до некоторой степени зависит от того, что ты знаешь о ней на самом деле, — объяснил я.

— Эта девочка мне нравится. Не играй со мной. Что случилось?

Такой ответ меня более чем озадачил. Но мне нужно было не это.

— Ты хорошо знала ее мать?

— Кинту… Я встречала ее… на дипломатических приемах. Очаровательная леди.

— Расскажи мне о ее отце.

— Ну, он — член королевской фамилии, но по линии, не наследующей престола. Прежде чем стать первым министром, Оркуз был послом Бегмана в Кашфе. Его семья жила там вместе с ним. Поэтому, естественно, я встречалась с ним по разным вопросам.

Когда она сообразила, что я смотрю на нее, не отрываясь, сквозь Знак Логруса, через ее Сломанный Лабиринт, она подняла глаза. Наши взгляды встретились, и она улыбнулась.

— О, ты спрашиваешь о ее отце, — сказала она. Потом Ясра замолчала, а я кивнул. — Да, в этих сплетнях есть доля правды.

— Но точно ты не знаешь?

— На свете столько сплетен… большую их часть проверить невозможно. Откуда мне знать, в каких из них есть доля истины? И потом, мне-то что беспокоиться?

— Конечно, ты права, — сказал я. — И все-таки…

— Еще одно внебрачное чадо старика, — сообщила она. — Интересно, считает их кто-нибудь? Чудо, что у него оставалось время на государственные дела. Ну, чтобы быть честной, к тем сплетням, что я слышала, добавлю, что там действительно было семейное сходство. Хотя об этом мне трудно судить — с большей частью семьи я лично не знакома. Ты говоришь, в этом есть доля правды?

— Да.

— Только из-за сходства или было что-то еще?

— Что-то еще.

Она приятно улыбнулась и снова взяла вилку.

— Всегда наслаждаюсь откровениями-сказочками, которые плетут возле имен тех, кто в этом мире возвысился.

— Я тоже, — подтвердил я, снова принимаясь за еду.

Мондор прочистил горло.

— Вряд ли честно, — заметил он, — рассказывать только часть истории.

— Ты прав, — согласился я.

Ясра снова посмотрела на меня и вздохнула.

— Ну, ладно, — сказала она. — Я задам вопрос. Почему ты так увер… О, конечно, Лабиринт.

— Я кивнул.

— Ну, ну, ну. Малютка Корал — Хозяйка Лабиринта. Это случилось недавно?

— Да.

— Полагаю, теперь она где-то в Отражении… празднует.

— Хотел бы я знать.

— То есть?

— Она исчезла, но куда, не знаю. Это с ней сделал Лабиринт.

— Каким образом?

— Хороший вопрос. Не знаю.

Мондор откашлялся.

— Мерлин, — сказал он, — может быть, ты хотел бы…

— Нет, — сказал я. — Послушай, брат мой, прежде всего осторожность, тем более, что ты хаосский

лорд. Не будем рисковать и вами, ваше высочество, — кивнул я Ясре. — Хотя понимаю, что вы с этой леди знакомы, и она тебе симпатична. — Однако решив, что это слишком преувеличено, я добавил. — Ну, по крайней мере, не питаешь к ней злобы.

— Как я уже сказала, эта девочка мне очень по душе, — заявила Ясра, наклоняясь вперед.

— Хорошо, — ответил я, — потому что я чувствую себя в ответе за случившееся. И хотя меня и водили за нос, я попытаюсь исправить дело. Только не знаю как.

— Что же произошло? — спросила она.

— Я развлекал ее, когда она захотела посмотреть Лабиринт. Я сделал ей одолжение. По дороге она расспрашивала о нем. Разговор казался безобидным, я не стал ничего скрывать. Знай я о сплетнях по поводу того, кто ее отец, я бы что-нибудь заподозрил. В общем, когда мы туда попали, она ступила в Лабиринт и пошла по нему.

Ясра вздохнула.

— Человека чужой крови это уничтожило бы, — сказала она. — Верно?

Я кивнул.

— Даже одного из нас, — сообщил я, — если сделать несколько ошибок.

Ясра улыбнулась.

— Предположим, у ее матери и вправду был роман с лакеем или поваром? — заметила она.

— У нее мудрая дочь, — сказал я. — Как бы там ни было, если уж кто-то решил пройти Лабиринт, обратного пути нет. Пока она шла по нему, мне пришлось давать ей инструкции. Иначе я оказался бы скверным хозяином, и это, несомненно, повредило бы отношениям между бегмийской и амберской родней.

— Испортил бы все деликатные переговоры? — спросила она полусерьезно.

Она хотела бы продолжить разговор, касающийся подлинных причин бегмийского визита. Но я на это не клюнул.

— Можно сказать и так, — согласился я. — В любом случае Корал прошла Лабиринт до конца — а потом он забрал ее.

— Мой последний муж говорил мне, что из центра Лабиринта можно приказать ему доставить тебя куда угодно.

— Это правда, — подтвердил я, — но как раз ее приказание было странным: она велела Лабиринту отправить ее туда, куда он захочет сам.

— Боюсь, я не понимаю.

— Я тоже, но она так сказала, и Лабиринт по-

слушался.

— Ты хочешь сказать, Корал просто произнесла: «Отправь меня туда, куда хочешь отправить» и немедленно улетучилась в неизвестном направлении?

— Именно.

— Кажется, тогда можно предполагать, что Лабиринт отчасти разумен?

— Если только, конечно, он не откликнулся на ее неосознанное желание посетить какое-то конкретное место.

— Верно. Полагаю, возможно и это. Но у тебя не было желания проследить за ней?

— У меня был Козырь, который я с нее сделал. Когда я попытался им воспользоваться, то добрался до нее. Кажется, Корал заперта где-то в темноте. Потом мы утеряли контакт, и все кончилось.

— Давно это было?

— По моим подсчетам, несколько часов назад, — сказал я. — Тут у вас время почти как в Амбере?

— Разница, по-моему, невелика. Почему бы тебе не попробовать еще разок?

— За это время у меня и минуты свободной не было. И к тому же я обдумывал, как добиться этого каким-нибудь иным способом.

Раздалось звяканье, и я ощутил запах кофе.

— Если ты спрашиваешь, помогу ли я тебе, — сказала Ясра, — я отвечу да. Только и впрямь не знаю, как за это взяться. Может быть, если бы ты еще раз попробовал ее Козырь… а я бы подстраховала тебя… мы смогли бы до нее добраться?

— Ладно, — сказал я, — давайте попробуем.

— Я тоже буду помогать тебе, — заявил Мондор, подходя, чтобы стать справа от меня. Ясра встала слева. Я держал Козырь так, чтобы нам всем было его хорошо видно.

— Давайте начнем, — сказал я и сосредоточился.

Пятно света, которое я принял за заблудившийся солнечный зайчик, передвинулось с пола на стол поближе к моей чашке с кофе. Оно имело форму кольца, и я решил не говорить о нем, потому что остальные, похоже, его не заметили. Я попытался установить связь с Корал, но из этого ничего не вышло. Чувствовалось, как Ясра с Мондором тоже тянутся к ней и, объединив с ними усилия, я попробовал еще раз. Еще настойчивее. Что-то есть? Что-то… Я вспомнил, как не мог понять, что чувствовала Виала, когда пользовалась Козырями. Это что-то отличалось от видимых сигналов, знакомых нам всем. Возмож-

но, ее ощущения были именно такими. Что-то было, Я чувствовал присутствие Корал. Но ее изображение на карте не оживало под моим взглядом. Сама карта стала заметно холоднее, но это не был тот ледяной холод, который обычно чувствуешь, установив с кем-нибудь связь. Делая новую попытку, я ощутил, что Мондор с Ясрой тоже умножают свой усилия. Потом изображение Корал на карте исчезло, но вместо него ничего не появилось. Тем не менее я почувствовал ее присутствие, хотя глядел в пустоту. Больше всего это напоминало попытку установить контакт со спящим.

— Трудно сказать, просто ли трудно добраться до этого места, — начал Мондор, — или…

— По-моему, на нее наложили заклятие, — объявила Ясра.

— Это могло бы кое-что объяснить, — сказал Мондор.

— Но только кое-что, — раздался совсем рядом тихий, знакомый голос. — Силы, удерживающие ее, внушают ужас. Ничего подобного я прежде не видел.

— Колесо-призрак, — сказал Мондор, — я начинаю его чувствовать.

— Да, — начала Ясра, — тут есть что-то…

Неожиданно мы прорвали завесу, и я увидел тяжело осевшую Корал, которая явно лежала без сознания в очень темном месте. Вокруг нее был очерчен и светился огненный круг. Даже пожелай она перенести меня туда, ей бы это не удалось…

— Призрак, ты можешь отнести меня к ней? — спросил я.

Прежде, чем он успел ответить, изображение исчезло, а я ощутил холодное дуновение. Прошло несколько секунд, и только потом до меня дошло, что дуновение, которое я почувствовал, идет от ставшей холодной, как лед, карты.

— Нет, я не хотел бы делать этого, и, может статься, в этом нет и необходимости, — ответил он, — Сила, удерживающая ее, осознала твой интерес и сейчас подбирается к тебе. Не мог бы ты как-нибудь отключить этот Козырь?

Я провел рукой по лицевой стороне карты для отключения, этого обычно бывает достаточно. Но в этот раз холодный ветер усилился. Я повторил жест, прибавив мысленный приказ. И начал ощущать, как таинственная неизвестность сосредотачивает внимание на мне. Потом на Козырь упал Знак Логруса, и карту вырвало из моей руки, а меня отбросило назад. Я ударился

плечом о дверь. Мондор в этот момент откинулся вправо, хватаясь за стол, чтобы удержаться на ногах. Своим логрусовым зрением я увидел, что из карты, прежде, чем она упала, бешено забили светящиеся линии.

— Цель достигнута? — крикнул я.

— Связь прервалась, — ответил Призрак, — из-за нее.

— Спасибо, Мондор, — поблагодарил я.

— Но сила, которая пробиралась к тебе через Козырь, узнала, где ты сейчас, — сказал Призрак.

— Почему это ты посвящен в то, что ей известно? — потребовал я ответа.

— Это догадка. Мне кажется, что эта сила все еще пытается добраться до тебя, хотя идет она длинным, окольным путем — сквозь пространство. Может, она доберется до тебя только через четверть минуты.

— Ты говоришь как-то неопределенно, — сказала Ясра. — Ей нужен только Мерлин? Или она шла за всеми нами?

— Точно не знаю. Сосредоточилась она на Мерлине. Понятия не имею, что будет с вами.

Во время этого диалога я наклонился и положил Козырь Корал на место.

— Ты можешь нас защитить? — спросила Ясра.

— Я уже начал перемещать Мерлина подальше отсюда. Вас тоже переместить?

Когда, спрятав Козырь в карман, я поднял глаза, то заметил, что комната стала менее материальной — прозрачной, как будто все в ней было сделано из цветного стекла.

— Прошу тебя, — тихо сказала Ясра, похожая на витраж в соборе.

— Да, — слабым эхом отозвался мой исчезающий брат.

Потом сквозь огненный обруч я перенесся во тьму, наткнулся на каменную стену и ощупью пошел вдоль нее. Поворот — и передо мной открылась светлая зона, испещренная точками…

— Призрак? — позвал я.

Ответа не было.

— Не люблю, когда прерывают разговор, — продолжал я.

Я шел вперед, пока не достиг места, где должен был быть вход в пещеру. Впереди нависало ясное ночное небо, а когда я ступил наружу, меня овеял холодный ветер. Дрожа, я отступил на несколько шагов. Черт его знает, куда я попал. Но уже не имело значения, раз я получил передышку. Я потянулся с помощью Знака Логруса вдаль и отыскал тяжелое одеяло. Завернувшись в него, я

уселся на пол пещеры. Потом пришлось использовать Знак еще раз. Найти кучку дров оказалось легче, а зажечь несколько поленьев — и вовсе не фокус. Заодно я поискал чашку кофе. Меня разбирало любопытство… А что? Я опять огляделся, и в поле моего зрения вкатилось яркое колесо.

— Па! Прошу тебя, перестань! — раздался обиженный голос. — Вытащить тебя сюда, в этот потаенный уголок Отражения, стоило мне кучу неприятностей. Но слишком много перемещений — и ты привлечешь к себе внимание.

— Ладно тебе! — сказал я. — Мне всего-то и нужна чашка кофе.

— Я принесу. Только не пользуйся некоторое время собственной силой.

— А почему то, что делаешь ты, не привлечет такого внимания?

— Я пользуюсь обходным путем. Вот!

— По правую руку от меня на полу пещеры появился кубок из какого-то темного камня. От него шел пар.

— Спасибо, — сказал я, поднимая его. — Что ты сделал с Ясрой и Мондором?

— Каждого из вас я отослал в разные места и разместил среди полчища фальшивых подобий, все время снующих туда-сюда. Все, что от тебя

теперь требуется — посидеть некоторое время тихо. Пусть ее внимание уляжется.

— Чье внимание?

— Силы, которая держит Корал. Вовсе не нужно, чтобы она нас отыскала.

— Почему бы и нет? Кажется, не так давно ты пытался решить, не божество ли ты. Чего тебе бояться?

— Похоже, что эта штука посильней меня. С другой стороны, я кажется, шустрее ее.

— Как бы там ни было, все это не так просто.

— Выспись этой ночью как следует. Утром я дам тебе знать, продолжается ли охота на тебя.

— Не исключено, что я это выясню сам.

— Не обнаруживай себя до тех пор, пока не встанет вопрос о жизни и смерти.

— Я не это имел в виду. Предположим, она найдет меня?

— Делай, что сочтешь нужным.

— Почему мне все время кажется, что ты от меня что-то скрываешь?

— По-моему, па, ты просто подозрителен по натуре. Это, похоже, у вас семейное. А сейчас мне нужно идти.

— Куда? — спросил я.

— Проверить, как остальные. Сбегать по

нескольким делам. Поглядеть, как там мои собственные разработки. Проконтролировать свои эксперименты. И другие мелочи. Пока.

— Что насчет Корал?

Маячивший передо мной световой круг начал терять яркость, потускнел и исчез. Разговор закончился, и с этим ничего не поделаешь. Призрак все больше и больше делался похожим на всех нас — трусливым, прибегающим ко всяким уловкам. Я пил кофе. Не такой хороший, как у Мондора, но вполне сносный. И размышлял, куда же отосланы Ясра с Мондором, но связаться с ними пока не пробовал. В сущности, решил я, защититься от магического вторжения в одиночку не так уж плохо. Я снова вызвал Знак Логруса, которому позволил исчезнуть, пока Призрак переносил меня. Я воспользовался им, чтобы расставить стражу у входа в пещеру и возле себя, внутри пещеры. Потом отпустил его, сделал еще глоток и понял, что вряд ли этот кофе не даст мне уснуть. Нервное напряжение, достигшее было своего пика, стало падать и внезапно на меня навалилась усталость от всего, что случилось. Еще пара глотков — и я едва мог удерживать чашку. Еще один — и я заметил, что всякий раз, когда моргаю, глаза куда легче закрываются, чем

открываются. Отставив чашку в сторону, я завернулся в одеяло и относительно удобно устроился на каменном полу — в этом деле я стал докой за то время, что провел в хрустальной пещере. Перед моими закрытыми глазами собрались мириады мигающих призрачных огоньков. Трещало пламя, как будто кто-то хлопал в ладоши, в воздухе пахло смолой. Я отключился. Наверное, среди наслаждений этой жизни сон — единственное, что не должно быть кратким. Он заполнял меня, и я уплыл по его волнам, не ведая, далеко ли, не зная, надолго ли. Что разбудило меня, я тоже не знаю. Знаю только, что был где-то в другом месте, а в следующее мгновение вернулся. Во сне я чуть изменил позу, ноги замерзли, и я чувствовал, что рядом со мной кто-то есть. Глаз я не открыл и не изменил дыхания. Возможно, ко мне просто решил заглянуть Призрак. Но могло быть и так, что кто-то проверял мою охрану. Я приподнял веки буквально на волосок, поглядев сквозь завесу ресниц наверх. Снаружи, у входа в пещеру, стояла маленькая фигурка неправильных очертаний, а догорающий костер слабо освещал ее странно знакомое лицо. В нем было что-то от меня самого и от моего отца.

— Мерлин, — тихо сказал он. — Проснись-ка.

Тебе есть куда пойти и что сделать.

Я широко раскрыл глаза и уставился на него. Фракир запульсировал, но я утихомирил его.

— Дворкин? — сказал я.

Раздался смешок.

— Ты назвал меня, — ответил он.

— Он прогуливался у входа в пещеру, время от времени останавливаясь, чтобы протянуть мне руку. Но каждый раз медлил и убирал ее.

— Что такое? — спросил я — В чем дело? Почему ты здесь?

— Я пришел за тобой, чтобы ты продолжил поход, который начал и забросил.

— Что же это за поход?

— Поиски заблудившейся где-то леди, которая позавчера прошла Лабиринт.

— Корал? Ты знаешь, где она?

Он поднял руку, опустил, скрипнул зубами.

— Корал? Ее так зовут? Впусти меня. Нам нужно поговорить о ней.

— Мне кажется, мы и так прекрасно беседуем.

— Ты совсем не уважаешь предков?

— Уважаю. Но у меня еще есть братец, двигающий Отражения, которому очень бы хотелось снять мне голову с плеч и вывесить ее на стене своего логова. А если дать ему хоть полшанса, он

сумеет управиться по-настоящему быстро. — Я сел протер глаза, собираясь с мыслями. — Итак, где же Корал?

— Идем. Я покажу тебе дорогу, — сказал он, протягивая руку. На сей раз она миновала мою стражу, и ее контуры тут же вспыхнули. Он, казалось, не замечал этого. Глаза его, подобные двум темным звездам, притягивали. Они заставили меня встать. Рука Дворкина начала плавиться, плоть стекала, капала с нее, как воск. Костей внутри не было, там оказалась весьма странная структура — словно кто-то быстро набросал руку в трех измерениях, а потом облек ее подобным плоти покрытием. — Возьми меня за руку.

Я обнаружил, что, вопреки собственной воле, поднимаю руку и тянусь к загогулинам, похожим на пальцы. Он опять рассмеялся. Я ощущал влекущую меня силу. Неясно было, что произойдет, если я возьму эту странную руку. Поэтому я вызвал Знак Логруса и послал его вперед, чтобы он пожал руку вместо меня. Может, я поступил не лучшим образом. Меня на мгновение ослепила яркая вспышка. Когда ко мне вернулось зрение, я увидел, что Дворкин исчез. Проверка показала, что моя охрана по-прежнему была на месте. Простым коротким заклинанием я раздул пламя, и

оно поднялось выше, а когда я заметил, что чашка с кофе наполовину пуста и совсем остыла, тем же способом я подогрел и кофе. Потом я встряхнулся, сел поудобнее, отхлебнул кофе и стал анализировать то, что случилось. Я не мог понять, что же это такое. Было известно, что давным-давно никто не видел этого полусумасшедшего демиурга, хотя, если верить россказням моего папаши, когда Оберон починит Лабиринт, разум Дворкина прояснится. Если на самом деле это Юрт пытался обманом пробраться сюда, чтобы прикончить меня, странно, что он выбрал такую личину. Задумавшись об этом, я стал сомневаться, что Юрт знал, как выглядит Дворкин. Я решил, что разумно будет вызвать Колесо-призрак, чтобы узнать мнение нечеловека. Однако, не успел я на что-нибудь решиться, как вход в пещеру заслонила другая фигура, куда крупнее Дворкина, и пропорций просто героических. Один-единственный шаг — и он оказался в кругу света, падавшего от костра. Вспомнив, чье это лицо, я от удивления даже пролил кофе. Мы никогда не встречались, но в Замке, в Амбере, я видел множество его изображений.

— Я считал, что Оберон погиб, переделывая Лабиринт, — сказал я.

— Ты присутствовал при этом? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — но раз уж вы пришли вслед за довольно причудливым призраком Дворкин, а, вы должны простить мне сомнения насчет того, настоящий ли и вы.

— Это ты столкнулся с фальшивкой. А я настоящий.

— Что же тогда я видел?

— Астральную форму настоящего джокера… колдуна по имени Джолос из четвертого круга Отражений.

— А-а, — отозвался я, — но откуда мне знать, что вы — не проекция какого-нибудь Джаласа из пятого круга?

— Могу рассказать наизусть всю генеалогию королевского дома Амбера.

— Как и любой приличный писец у меня дома.

— Я включу и незаконнорожденных.

— Кстати, а сколько их было?

— Тех, о которых мне известно, сорок семь.

— Да ну! Как вам это удалось?

— Разные временные потоки, — сказал он, улыбаясь.

— Если вы пережили переделку Лабиринта, почему же вы не вернулись в Амбер продолжить свое царствование? — спросил я. — Почему поз-

волили Рэндому короноваться и еще больше изгадить положение дел?

Он засмеялся.

— Но я не пережил ее, — сказал он. — Я был уничтожен в ходе переделки. Я — призрак, вернувшийся, чтобы потребовать от живых бороться за Амбер против растущей силы Логруса.

— Orguendo, «считаю доказанным», что вы — тот, кем объявили себя, — ответил я, — но, сэр, соседство у вас по-прежнему неподходящее. Я — посвященный Логруса и дитя Хаоса.

— Но ты еще и посвященный Лабиринта и дитя Амбера, — ответила величественная фигура.

— Верно, — сказал я, — тем больше у меня причин не выбирать, на чьей я стороне.

— Приходит время, когда мужчина должен сделать выбор, — заявил он. — Для тебя оно наступило. На чьей ты стороне?

— Да если бы я верил, что вы тот, за кого себя выдаете, я не считал бы себя обязанным делать подобный выбор, — сказал я. — А при Дворе существует предание, что Дворкин — сам посвященный Логруса. Если это правда, то я всего лишь иду по стопам почтенного предка.

— Но он отрекся от Хаоса, когда создал Амбер.

Я пожал плечами.

— Хорошо, что я ничего не создал, — сказал я. — Если вам нужно от меня что-то, скажите мне, что именно, чтобы я понимал, чего вы хотите, и тогда, может быть, я смогу поступить так как вы хотите. И, может, этим помогу вам.

Он протянул руку:

— Идем со мной, и ты ступишь в новый Лабиринт, по которому должен пройти по правилам той игры, что должна быть сыграна Силами.

— Я по-прежнему не понимаю вас, но уверен, что настоящего Оберона не остановила бы столь несложная охрана. Подойдите ко мне, пожмите мне руку, и я с радостью буду сопровождать вас и с удовольствием взгляну на то, что вы хотите мне показать.

Он стал еще выше ростом.

— Ты непременно хочешь проверить меня? — спросил он.

— Да.

— Будь я из плоти и крови, вряд ли это встревожило бы меня, — заявил он. — Но поскольку теперь я сделан из этой призрачной ерунды, то не знаю. Я бы предпочел не рисковать.

— В таком случае, мне следует согласиться с вашим предложением.

— Внук, — холодно сказал он, и в глазах его

появился красноватый огонь, — никто из моих потомков не смеет так обращаться ко мне — даже к мертвому. Теперь я иду за тобой не как друг. Теперь я иду за тобой и протащу тебя сквозь пламя.

Он приближался. Я отступил на шаг.

— Зачем же все принимать на свой счет… — начал я.

Когда он наткнулся на мою охрану, эффект был как от фотовспышки, и я прикрыл глаза. Щурясь, я увидел повторение того, что произошло с Дворкиным. Оберон стал прозрачным и расплавился. Когда сходство с человеком исчезло, я увидел абстрактно расположенные внутри контуров крупной фигуры завитки и загогулины, перемычки и канавки. Несмотря на это, видение не исчезало. Миновав охрану, оно замедлило движение, но, тем не менее, продолжало идти в мою сторону, протягивая руки. Чем бы оно ни было на самом деле, оно было одним из самых пугающих созданий, с которыми мне приходилось сталкиваться. Продолжая пятиться от него, я воздел руки, вновь заставив появиться Логрус. Знак Логруса оказался между нами. Абстрактная версия Оберона продолжала подбираться ко мне, нечетко очерченные руки духа столкнулись с извивающимися отростками Хаоса. Я не решал-

ся вступить в схватку с этим призраком, даже обладая силой Логруса. Это существо внушало мне ужас. Я поступил иначе, изловчившись, я швырнул Знак в этого фальшивого короля. Затем прошмыгнул наружу и покатился по склону, царапая руки и ноги. Сильно ударившись, я налетел на валун и, ухватившись за него, остановился. И как раз в этот момент раздался сильный взрыв, пещера взлетела в воздух, словно мощная бомба попала в склад аммонита. Полминуты я лежал зажмурившись. Меня не покидало ощущение, что в любую секунду что-нибудь может цапнуть меня за задницу, если только я не буду лежать совершенно неподвижно, изо всех сил стараясь казаться еще одним камнем. Тишина была полная. Когда я открыл глаза, свет исчез, но вход в пещеру сохранил свои очертания. Я медленно поднялся и еще медленнее пошел. Знак Логруса пропал и, по непонятным причинам, мне до отвращения не хотелось вызывать его еще раз. Когда я заглянул в пещеру, мне показалось, что там ничего не произошло. Разве что моя охрана исчезла. Я шагнул внутрь. Одеяло так и лежало там, куда упало. Я потрогал стену. Холодный камень. Должно быть, взрыв произошел не в этом уровне, а в каком-то другом. Мой маленький

костер все еще слабо мигал. Я еще раз вызвал его к жизни и увидел чашку, которая была разбита. Немного погодя я почувствовал жгучую досаду оттого, что смерть ходит за мной по пятам. Сердце мое сжалось. И не знаю, почему, я рассмеялся вместо того, чтобы завыть от тоски. Мне пришло в голову, что все участники этой непростой игры мне знакомы. Люк с Ясрой, похоже, сейчас были на моей стороне вместе с моим братом Мондором, который всегда немного остерегался меня. Мой безумный брат Юрт хотел моей смерти, а теперь он заключил союз с моей бывшей любовницей, Джулией, которая, кажется, тоже была настроена ко мне не слишком-то доброжелательно. Была еще ти'га, которую я оставил спать в Амбере, опутав заклятиями. Сверхзащищающий демон, влившийся в тело Найды, сестры Корал. Был еще наемник Далт (подумав о нем теперь, я понял, что он, к тому же, приходится мне дядюшкой), который неизвестно почему разделался с Люком, после того как в Ардене надавал тому пинков, а две армии наблюдали за этим. Относительно Амбера у него были гнусные планы, но ему не хватало военной мощи, чтобы добиться большего, поэтому он ограничивался периодическими партизанскими вылазками, чем досаждал нам.

Еще существовало Колесо-призрак, мой кибер для работы с Козырями, механический полубог низшего разряда; он, похоже, развивался от опрометчивости к расчетливости и паранойе. Как я мог знать, куда его унесло сейчас? В последнее время он стал уважать меня, а может и бояться. Но события последнего времени свидетельствовали, что в игре участвовали еще какие-то силы, желающие утащить меня отсюда в неизвестном направлении. Призрак утверждал, что силы эти немалые. Я понятия не имел, что они представляют собой на самом деле, и не имел никакого желания доверять Колесу.

— Эй, парень! — раздался снизу знакомый голос. — Трудновато тебя найти. Не сидится тебе на одном месте.

Я посмотрел вниз. По склону взбирался человек. Крупный мужчина. Около шеи у него что-то вспыхивало. Различить его черты не удавалось — было слишком темно. Я отступил на несколько шагов, начав заклинание, которое восстановило бы мою охрану.

— Эй! Давай не убегай! — крикнул он. — Мне надо потолковать с тобой.

Стража заняла свое место, а я вытащил клинок и зажал его в правой руке острием вниз. Его не

было видно тому, кто стоял у входа в пещеру. Заодно я приказал Фракиру стать невидимым и свисать с моей левой руки. Раз вторая фигура оказалась сильнее первой и прошла мимо моих стражников, эта третья может оказаться сильнее второй, и тогда мне понадобится противопоставить все резервы, какие у меня есть.

— Эгей? — крикнул я. — Кто ты и что тебе надо?

— Черт! — раздалось в ответ. — Я не представляю ничего особенного. Я всего-навсего твой папаша. Мне нужна кой-какая помощь, не хотелось бы выносить сор из избы, нужно оставить разногласия в семье.

На него упал свет костра и, должен признаться, это оказалась отличная имитация принца Корвина Амберского, моего отца — вплоть до черного плаща, сапог, штанов, серой рубашки, серебряных запонок и пряжки, была даже серебряная роза. Он улыбался той самой быстрой улыбкой, которая иногда освещала лицо Корвина в те давние времена, когда он рассказывал мне свою историю… Увидев все это тогда, я почувствовал, как у меня сдавило горло. Мне хотелось узнать его получше, но он исчез, и мне так и не удалось разыскать его. И вот теперь эта штука

— чем бы она ни была на самом деле — приняла его облик… Сказать, что я был раздражен такой попыткой играть на моих чувствах, значит не сказать ничего.

— Первой фальшивкой был Дворкин, — сказал я, — а второй — Оберон. Карабкаешься вверх по генеалогическому древу, да?

Не останавливаясь, он прищурился и недоуменно вскинул голову — еще одна его привычка.

— О чем это ты, Мерлин, не пойму, — отозвался он. — Я…

Тут это существо вошло в охраняемую зону и дернулось, будто дотронулось до раскаленной проволоки.

— Твою мать! — выругался он. — Ты что, никому не доверяешь?

— Семейная традиция, — ответил я, — подкрепленная недавним опытом.

Тем не менее я недоумевал, почему это столкновение не вызвало очередного фейерверка. Еще я не мог понять, почему эта штука до сих пор не начала превращаться в орнамент из завитков. Выругавшись еще раз, он взмахнул плащом так, что тот обернулся вокруг левой руки, а правая потянулась к великолепно воспроизведенным ножнам моего отца. Серебряное гравированное

лезвие со звуком, подобным вздоху, описало дугу, после чего обрушилось на защитный экран. Когда они встретились, сноп искр поднялся на целый фут, а клинок зашипел, словно был раскален и теперь окунулся в воду. Узор на мече засветился и опять полетели искры, на сей раз они взметнулись на высоту человеческого роста. В этот миг я ощутил, что охрана сломана. Потом он вошел в пещеру, а я развернулся всем корпусом и взмахнул клинком. Но похожий на Грейсвандир меч опустился и снова вознесся, сужая круги, отводя острие моего собственного клинка и проскальзывая прямо к моей груди. Я парировал это простым приемом «ин кварте», но он продолжал заходить вглубь пещеры. Я ответил ударом «сиксте», но моего противника там, где он только что был, не оказалось. Его передвижение было лишь обманным маневром, он незаметно переместился к стене справа от меня, перехватил свой меч за острие, а другой рукой размахивал перед моим лицом, я же сделал полный оборот и опять парировал удар. Я слишком поздно заметил, что, покуда левая рука мелькала возле моей головы, правая поднималась. Прямо мне в челюсть держала курс рукоять Грейсвандира.

— Ты и правда… — начал я, и тут последовал

удар. Помню последнее, что я увидел, была серебряная роза.

Такова жизнь: доверяй — и тебя предадут, не доверяй — и предашь сам. Это, как и большинство моральных парадоксов ставит вас в трудное положение. Было слишком поздно для того, чтобы принять нормальное решение. Я не мог выйти из игры. Очнулся я в темноте. Настороженный и недоумевающий. Как всегда, когда я чего-нибудь не понимаю и осторожничаю, я лежал абсолютно неподвижно и продолжал дышать в естественном ритме. И слушал. Ни звука. Я чуть приоткрыл глаза. То, что виднелось, приводило в замешательство. Я снова зажмурился. Всем телом я ощущал вибрацию каменистой поверхности, на которой я был распростерт. Я полностью раскрыл глаза, подавив внезапное желание закрыть их. Приподнявшись на локтях, я подтянул к себе колени, потом выпрямил спину и повернулся. Превосходно. До такой степени потерять ориентацию мне не удавалось с тех самых пор, как я напился с Люком и Чеширским Котом. Все вокруг утратило свои цвета. Все было черным, белым и разных оттенков серого цвета, словно я попал в царство негатива. Справа от меня над горизонтом, как черная дыра, висело то, что я

счел солнцем. Небо было очень темным. По нему медленно двигались черные облака. Моя кожа была черной, как чернила. Несмотря на это, под ногами и вокруг меня сияла почти прозрачным, белым, как кость, цветом каменистая земля. Я медленно поднялся и обернулся. Да. Земля, похоже, светилась, небо было темным, а я оказался тенью между ними. Такое ощущение пришлось мне вовсе не по вкусу. Воздух был сухим и прохладным. Я стоял в предгорье абсолютно белой горной гряды, застывшей и безмолвной, похожей на Антарктиду. Гряда поднималась вверх и влево от меня. Справа, холмистая и низкая, казалось, до самого солнца или того, что я принял за него, простиралась черная равнина. Пустыня? Я поднял руку, и она отбросила белую тень, антитень в черном антисвете.

— Черт! — попытался сказать я, и сразу же заметил две вещи.

Во-первых, вслух слово не выговорилось. Во-вторых, челюсть болела в том месте, куда меня ударил отец… или его подобие. Еще раз молча оглядевшись, я вытащил Козыри. Раз дошло до путаницы с перемещениями, все ставки снимаются. Я вынул Козырь Колеса-призрака и сосредоточил свое внимание на нем. Тщетно.

Козырь был мертв. Я вспомнил, что Призрак приказал мне сидеть тихо, а я нарушил его приказ и, может быть, теперь он просто отказывается отвечать на мой зов. Я пролистал остальные Козыри. Над Козырем Флоры я помедлил. Обычно она не отказывалась помочь мне в трудную минуту. Разглядывая ее прелестное лицо, я позвал ее…. Ни один золотистый локон не дрогнул. Температура не понизилась ни на градус. Карта оставалась картой. Я попробовал понастойчивее, бормоча усиливающее заклинание. Но там никого не было. Тогда Мондор. Я провел над его картой несколько минут с тем же результатом. Я взялся за Козырь Рэндома — то же самое. Бенедикт, Джулиан. Нет и нет. Попытка вызвать Фиону, Люка и Билла Рота дала еще три отрицательных результата. Я вытащил даже парочку Козырей Смерти, но не сумел добраться ни до Сфинкса, ни до сооружения из костей на вершине зеленой стеклянной горы. Плотно сложив карты, я вложил их в футляр и спрятал. Со времен Хрустальной пещеры я впервые столкнулся с феноменом такого рода. Однако существует множество способов блокировать Козыри — правда, для меня этот вопрос представлял сейчас академический интерес. Меня больше заботило, как перебраться

куда-нибудь в более благоприятную обстановку. Исследования можно отложить на потом, когда позволят обстоятельства. Я встал и пошел. Шаги были беззвучны. Когда я пнул кусок гальки так, что тот, подскакивая, покатился передо мной, шума от его падения я не услышал. Белое слева, черное справа. Горы или пустыня? Не останавливаясь, я свернул налево. Насколько видел глаз, двигались черные-пречерные облака, и только. С подветренной стороны в скалах была видна обнажившаяся порода. Она ярко светилась, чуть ли не ослепляющая зона повышенной яркости. Безумные тени в безумной стране.

> Снова налево. Три шага, потом обойти валун, наверх через кряж. Свернуть вниз к холмам. Направо. Еще чуть-чуть, и слева среди камней покажется красный ручеек… Нет. Значит в следующий раз. Короткий укол боли во лбу. Ничего красного. Иди дальше. За следующим поворотом направо будет расселина… Никакой расселины.

Боль сжала виски, я потер их. Дыхание стало тяжелым, а лоб, чувствовалось, влажным.

> Внизу, на следующем откосе увидишь камни серого, переходящего в зелень, цвета и хрупкие синевато-серые цветы…

Легкая боль в шее. Никаких цветов. Ни серого, ни зеленого.

> Тогда пусть облака разойдутся и тьма прольется вниз от солнца…

Ничего.

> … А в следующей низине услышишь, как шумит бегущая в маленьком ручье вода.

Мне пришлось остановиться. В голове стучало, руки тряслись. Протянув руку, я потрогал каменную стену слева от себя. На ощупь она была достаточно основательной. Реальность иного уровня. За что все это свалилось на меня? А как я попал сюда? И куда это «сюда»? Я расслабился. Выровняв дыхание, я привел в порядок свою энергетику. Головная боль утихла, отхлынула, исчезла. Я снова зашагал.

> Пение птиц и ласковый ветерок… в

укромном уголке в трещине на камне — цветок.

Нет. Зато впервые вернулось противодействие… противодействие? Что же на мне за заклятие, что я потерял способность ходить по Отражению? Я никогда не воспринимал ее как что-то, что можно отнять.

— Ничего смешного, — попытался я выговорить. — Кто бы ты ни был, как тебе это удалось? Чего тебе надо? Где ты?

И снова я ничего не услышал, а уж ответа — тем более.

— Не знаю, как и зачем ты сделал это, — пошевелил я губами и задумался. Заклятия я на себе не чувствовал. Но я, должно быть, здесь неспроста. — Ну, валяй же. Скажи, чего ты хочешь?

Я пошел дальше, без особой охоты продолжая попытку выбраться из этого странного Отражения. При этом я взвешивал ситуацию. Мне казалось, что я где-то проглядел что-то элементарное.

… И маленький красный цветок за скалой, за следующим поворотом.

Я свернул, и там действительно был малень-

кий красный цветок, который я полусознательно наколдовал. Я рванулся к нему, чтобы убедиться, потрогав его, что вселенная милостива и Мерлин ей по-прежнему здорово нравится. На бегу я споткнулся, подняв облако пыли, упал но тут же вскочил и осмотрелся. Следующие минут десять-пятнадцать, не меньше, ушло на поиски, но цветок так и не отыскался. Наконец, я выругался и повернул прочь. Кому нравится быть мишенью для шуточек мироздания? Вдруг меня осенило, и я принялся шарить по всем карманам — нет ли там хоть кусочка голубого камня. Его странные способности теперь могли бы как-нибудь провести меня по Отражению к тому месту, откуда он появился. Но не тут-то было. Не осталось ни щепотки голубой пыли. Все камни остались в гробнице моего отца, вот оно что. Я догадался, что такой выход был слишком прост для меня. Что же я упустил? Фальшивый Дворкин, фальшивый Оберон и человек, объявивший, будто он — мой отец… и все они хотели отвести меня в какое-то странное место, чтобы, как подчеркнул поддельный Оберон, я принял участие в какой-то непонятной борьбе Сил. Потирая челюсть, я подумал, что «Корвин» явно преуспел в этом. Только что же это за игра? И что это за Силы?

Назвавшееся Обероном существо говорило что-то о выборе между Амбером и Хаосом! Но, значит, насчет прочего оно в том же самом разговоре врало! Черт с ними обоими. Я не просил, чтобы меня втягивали в эту их игру Сил. У меня и своих проблем хватает. Мне даже не хочется выяснять, по каким правилам происходит… то, что происходит. Отшвырнув ногой маленький белый камешек, я наблюдал, как он катится прочь. Не похоже, чтобы это было делом рук Юрта или Джулии. Может, это появился какой-то новый фактор, а может, так изменился один из прежних. Когда же он появился впервые? Я догадывался, что это имеет какое-то отношение к той Силе, что погналась за мной, когда мы пытались спасти Корал. Можно было лишь предполагать, что она выследила меня, и вот результат. Но что это могло быть? Сперва, подумал я, необходимо узнать, где тот огненный круг, в котором лежит Корал. По моим предположениям, это место теперь каким-то образом оказалось связанным с тем, где я нахожусь. Тогда что же это за место? Корал попросила Лабиринт отослать ее туда, куда ей следовало отправиться. Теперь у меня не было никакой возможности задать свой вопрос Лабиринту. Попросить, чтобы он отправил меня вслед

за ней. Значит, настало время прекратить игру и поискать самому выход из этого положения. Мои Козыри потеряли контакт, моя способность ходить по Отражениям натолкнулась на таинственное препятствие, и я решил, что пришло время воспользоваться особенностями собственной силы. Я вызову Знак Логруса и продолжу свой путь по Отражению, защищая каждый сделанный шаг силой Хаоса. В мое запястье врезался Фракир. Я быстро осмотрелся в поисках приближающейся опасности, но ничего не заметил. Еще несколько минут я оставался начеку, оглядываясь по сторонам. Так ничего и не появилось, и Фракир угомонился. Его система тревоги сработала неправильно не впервые — было ли тому виной случайное астральное течение или какая-нибудь моя непонятная мысль. Но в таком месте, как это, нельзя действовать на авось. Самый высокий из камней неподалеку, футов пятнадцати-двадцати высотой, находился слева от меня, шагах в ста вверх по холму. Я подошел к нему и начал взбираться вверх. Добравшись наконец до его известковой вершины, я расширил поле своего кругозора. И не заметил в этой странной вселенной ни единого живого существа. Поэтому я решил, что тревога и впрямь была ложной, и

спустился вниз. Я еще раз попытался вызвать Логрус, а Фракир прямо-таки отрывал мне руку. Черт. Не обращая на него внимания, я послал вызов. Знак Логруса вырос передо мной и помчался на меня. Он танцевал, как бабочка, а ударил, как грузовик. Мой кинопленочный мир погас, став из черно-белого черным.

Я приходил в себя. Голова болела, во рту была грязь. Я распростерся лицом вниз. Память окончательно вернулась ко мне, я открыл глаза. Вокруг все по-прежнему было черно-бело-серым. Я выплюнул песок, протер глаза, проморгался. Знака Логруса не было, и я не мог объяснить себе только что случившееся. Я сел, обняв колени. Похоже, я оказался на мели: все мои сверхчеловеческие средства передвижения и общения были блокированы. Я не сумел придумать ничего другого, как встать, выбрать направление и зашагать снова. Что это мне дает? Еще немного того же однообразного пейзажа? Раздался тихий звук, словно кто-то деликатно откашлялся. Я отпрыгнул и застыл, пристально вглядываясь в пространство впереди меня.

— Кто здесь? — едва выговорил я.

Мне показалось, что тот же самый звук раздался совсем рядом.

Потом у меня в голове как будто кто-то сказал:

— *У меня для тебя сообщение.*

— Что? Где ты? Сообщение? — попытался я спросить.

— *Извини,* — донесся сдавленный голос. — *Но я новичок в этом деле. Если по порядку, я там, где был всегда — на твоем запястье, а когда тут взорвался Логрус, он придал мне новые силы, чтобы я смог доставить сообщение.*

— Фракир?

— *Да. В тот день, когда ты пронес меня через Логрус, я впервые обрел новые силы, получив чутье на опасность, подвижность, боевые навыки и ограниченную чувствительность. На этот раз Логрус прибавил прямое мысленное общение и расширил мою осведомленность до такой степени, что я могу передавать сообщения.*

— Зачем?

— *Он торопился. Здесь он мог задержаться только на миг, а это — единственный способ дать тебе знать, что творится.*

— Я не знал, что Логрус разумен.

Последовало что-то вроде смешка. Потом:

— *Разумность такого порядка трудно классифицировать и, по-моему, большую часть времени ему нечего сказать,* — раздался ответ Фраки-

ра. — *Он расходует свою энергию в основном в иных сферах.*

— Ну, так зачем он пробился сюда и внезапно напал на меня?

— *Не нарочно, стоило ему понять, что я есть единственное средство связаться с тобой не только несколькими словами или образами, как он дал мне новые способности, а эта атака — побочное явление.*

— Почему время его пребывания здесь так ограничено? — спросил я.

— *Природа этого края, лежащего меж отражений, такова, что он равно неприемлем и для Лабиринта, и для Логруса.*

— Как демилитаризованная зона?

— *Нет, тут дело не в перемирии, просто им обоим вообще чрезвычайно трудно появляться здесь, вот почему это место почти не меняется.*

— Они не могут добраться до этого места?

— *Примерно так.*

— Как вышло, что я никогда не слышал о нем раньше?

— *Наверное, потому, что сюда всем одинаково трудно попасть.*

— Ну, так что это за сообщение?

— *Общий смысл таков: не пытайся больше*

вызывать Логрус, пока ты здесь. Тут среда искажает настолько, что нет никакой уверенности, как поведет себя любая перенесенная сюда энергия вне подходящей емкости. Это могло бы оказаться для тебя опасным.

Я помассировал виски, в которых стучало. По крайней мере, я отвлекся от своей больной челюсти.

— Ладно, — согласился я. — Никаких намеков на то, что я должен тут делать?

— *Это испытание, чем — не могу сказать.*

— У меня есть выбор?

— *В каком смысле?*

— Могу ли я отказаться от участия?

— *Полагаю, можешь, но тогда не понимаю, как ты отсюда выберешься.*

— То есть, если я приму участие в игре, в конце концов меня выпустят отсюда?

— *Да, если ты еще будешь жив. Думаю, что и в ином случае тоже.*

— Значит, у меня действительно нет выбора.

— *Выбор будет.*

— Когда?

— *Где-то в пути. Не знаю, где.*

— Почему бы тебе просто не повторить мне все полученные инструкции?

— Не могу, я не знаю, что значит «все». Они появляются только в ответ на конкретный вопрос или ситуацию.

— Какие-нибудь из них помешают тебе выполнять обязанности душителя?

— Нет, не должны.

— Ну, это кое-что. Отлично. Есть идеи насчет того, что мне делать дальше?

— Да. Тебе надо начать подниматься на самый высокий холм слева от тебя.

— На который…. о'кей, по-моему, вот он, — решил я, когда мой взгляд упал на обломанный клык из сияющего белого камня. Итак, я зашагал к нему вверх по постепенно набирающему крутизну склону. Черное солнце на сером небосклоне поднялось еще выше. По-прежнему стояла жуткая тишина.

— Э-э… не знаешь ли точно, что мы обнаружим, когда доберемся туда, куда идем? — попытался я спросить Фракира.

— Я уверен, что информация имеется, — пришел ответ, *— Но не думаю, что мы получим к ней доступ раньше, чем придем в нужное место*.

— Надеюсь, ты прав.

Дорога становилась все круче. Поскольку я никак не мог точно определить время, мне по-

казалось, что прошло больше часа, прежде чем я покинул предгорье и принялся взбираться на белую гору. Хотя ни следов ног, ни каких-либо других признаков жизни вокруг не было, несколько раз я натыкался на длинные царапины вроде естественного следа, которые вели к этой высоко расположенной выбеленной поверхности. Пока я преодолевал склон, прошло, должно быть, еще несколько часов, темное солнце переместилось в центр небосклона и начало спускаться к западу, за эту вершину. Очень раздражало то, что не было возможности выругаться вслух.

— Как я могу быть уверен, что нам действительно надо взбираться на эту вершину? Или что мы направляемся в то место, куда следует? — спросил я.

— *Пока что ты держишь верный курс*, — ответил Фракир.

— Ты не знаешь, сколько еще идти?

— *Нет. Хотя и узнаю о конце пути, как только увижу его*.

— Солнце собирается очень скоро соскользнуть за гору. Ты тогда сумеешь разглядеть то место, чтобы узнать его?

— *По-моему, здесь, когда солнце садится, небо становится еще светлее. В этом смысле нега-*

тивное пространство забавно. Как бы там ни было, здесь что-то всегда светлое, а что-то всегда темное. У нас будут необходимые средства, чтобы определиться.

— Как, по-твоему, чем мы заняты на самом деле?

Я подумал: «Одна из тех проклятых штучек с рыцарскими странствиями в поисках приключений.»

— Романтические грезы? Или нечто осуществимое?

— В моем понимании в каждом из таких странствий есть примесь и того, и другого.

Но я чувствовал, что в моем случае сильно перевешивает последнее. С другой стороны, все, с чем сталкиваешься среди отражений, вероятно, отчасти аллегория, символ, — подобную ерунду люди прячут глубоко в подсознании.

— Другими словами, ты точно не знаешь.

— Не уверен, но я зарабатываю на жизнь тем, что чувствителен и хорошо угадываю.

Я вытянул руку повыше, ухватился, подтянулся на следующий карниз. Какое-то время я шел по нему, потом опять принялся взбираться наверх. Наконец, солнце село, но видно было по-прежнему хорошо. Свет и тьма поменялись местами.

Взобравшись еще на пять или шесть метров по неровной поверхности, я остановился, увидев, наконец, углубление. Передо мной в горе было отверстие. Я помедлил, раздумывая, можно ли назвать его пещерой, потому что оно, похоже, было искусственного происхождения. Как будто здесь выдолбили арку, которая была достаточно велика, чтобы под ней можно было проехать верхом.

— *Знаешь,* — прокомментировал Фракир, шевельнувшись на запястье. — *Вот.*

— Что — вот? — спросил я.

— *Первая остановка,* — ответил он. — *Задержись здесь и, прежде чем двинуться дальше, кое-что сделай.*

— А именно?

— *Легче просто пойти и посмотреть.*

Я подтянулся наверх, встал и пошел вперед. Большой вход заполнял неизвестно откуда льющийся свет. Я помедлил у входа, заглядывая внутрь. Сооружение напоминало родовую часовню. Там был маленький алтарь, а на нем — пара свечей, щеголявших мигающими черными венчиками. Вдоль стен стояли вытесанные из камня скамьи. Кроме той двери, у которой я стоял, я насчитал еще пять: три — в стене напротив,

одну — справа от меня и одну — слева. В центре лежали две груды боевого снаряжения. Никаких символов религии, которую бы представляла часовня, не было. Я вошел.

— Что я должен тут делать? — спросил я.

— *Ты должен бодрствовать здесь до рассвета, охраняя доспехи.*

— Ну, ладно, — сказал я, проходя вперед, чтобы осмотреть этот хлам, — но зачем это?

— *В информацию, которую я получил, это не входит.*

Я подобрал причудливую белую нагрудную пластинку, в которой был бы похож на сэра Галахада. Размер, кажется, был как раз мой. Я покачал головой и опустил ее обратно. Потом перешел к соседней груде и вытащил очень странного вида серую металлическую рукавицу. Тут же бросив ее, я принялся рыться в остальном добре. Все то же самое. К тому же, словно подогнанное по мне. Только…

— *В чем дело, Мерлин?*

— Эта белая хреновина, — сказал я, — выглядит так, словно прямо сейчас придется мне впору. Остальное вооружение, похоже, точь-в-точь такое, какое носят при дворе. Кажется, стоит мне перебраться в свои покои в Хаосе, и оно окажется

именно тем, что там нужно. Значит, смотря по обстоятельствам, мне, вероятно, подойдут оба комплекта. Хотя сразу двумя я воспользоваться не смогу. Который же я должен стеречь?

— *По-моему, тут-то и зарыта собака, мне кажется, ты должен выбрать.*

— Конечно! — я щелкнул пальцами и ничего не услышал. — Какой же я болван, удавка должна растолковать мне, что к чему.

Я упал на колени и смел оба набора доспехов и оружия в одну непривлекательную на вид груду.

— Если я должен это стеречь, — сказал я, — я буду стеречь и то, и другое. Я не желаю выбирать, на чьей я стороне.

— *Сдается мне, этому «нечто» такое дело не понравится*, — ответил Фракир.

Я отступил на шаг и оглядел груду.

— Расскажи-ка мне про это еще раз, — сказал я. — Как все это закручено?

— *Ты должен всю ночь просидеть, охраняя это.*

— От чего?

— *Думаю, от всего, что попробует незаконно присвоить его. От сил порядка… или хаоса.*

— Ага, я понял тебя. Когда все это свалено вместе в такую кучу, любому придется подойти поближе, чтобы что-нибудь выхватить.

Я уселся на скамью между двух дверей у дальней стены. После долгого и трудного подъема неплохо было немного передохнуть. Но голова моя продолжала усердно работать. И через некоторое время я спросил:

— Что мне в этом?

— *Ты о чем?*

— Скажем, я просижу тут всю ночь, присматривая за этим добром. Может быть, даже появится что-то, что попытается подобраться к нему, скажем, я отобьюсь. Приходит утро, эта дрянь по-прежнему тут, я тоже. Что тогда? Что я выигрываю?

— *Тогда тебе придется облачиться в доспехи, взять оружие и перейти к следующему этапу событий.*

Я подавил зевоту.

— Знаешь, я не думаю, что мне на самом деле нужно хоть что-то из этой дряни, — сказал я. — Я не люблю доспехи и доволен мечом, который получил. — Я хлопнул по эфесу. Он был странным на ощупь, но я и сам чувствовал себя странно. — Почему бы нам не оставить всю кучу там, где она есть, чтобы сразу перейти к следующему этапу? Кстати, а что это за следующий этап?

— *Точно не знаю. Логрус так зарядил меня ин-*

формацией, что в нужный момент она словно всплывает на поверхность. Я даже не знал об этом месте, пока не увидел вход.

Я потянулся, сложил руки на груди, прислонился спиной к стене. И вытянул ноги, скрестив их в щиколотках.

— Значит, мы будем торчать тут, пока что-нибудь не произойдет или тебя снова не осенит?

— *Правильно.*

— Разбуди меня, когда все кончится, — сказал я и закрыл глаза. Он тут же сжал мне запястье, почти до боли.

— *Эй! Ты не можешь так поступить!* — сказал Фракир. — *Идея в том и состоит, что ты всю ночь не уснешь и будешь стеречь и смотреть в оба.*

— Ну, так это дурацкая идея, — отозвался я. — Я отказываюсь играть в такие идиотские игры. Если этот хлам кому-то нужен, я ему еще и приплачу.

— *Спи, если хочешь. Но, если появится нечто и решит, что лучше сперва убрать тебя со сцены?*

— Начнем с того, — ответил я, — что, не считая страсти к подобным штукам, я не верю, будто кому-то может понадобиться эта куча средневекового хлама. И скажу, закрывая тему: предупре-

ждать меня об опасности — твоя работа.

— *Есть, есть, капитан. Но это — странное и таинственное место. А что, если моя чувствительность здесь отчасти ограничена?*

— Ну, теперь ты меня прямо растрогал, — сказал я. — По-моему, тебе нужно будет просто импровизировать.

Я задремал. Мне снилось, что я стою в магическом кругу, а разные существа пытаются добраться до меня. Но, касаясь барьера, они превращались в неподвижные фигурки, персонажи мультфильмов, и быстро исчезали. Кроме Корвина Амберского, который покачал головой, чуть улыбаясь.

— Рано или поздно тебе придется выйти из круга, — сказал он.

— Ну так пусть это случится позже, — ответил я.

— А вот твои проблемы по-прежнему будут с тобой, как и раньше.

Я кивнул.

— Но к тому времени я отдохну, — ответил я.

— Ну, тогда с плеч долой. Желаю удачи.

— Спасибо.

Тут видение распалось на беспорядочные образы. Помню, немногим позже я еще стоял за

пределами круга, пытаясь сообразить, как попасть обратно внутрь… Не знаю, что именно меня разбудило. Это не мог быть шум. Но я вдруг насторожился и стал подниматься, и первым, что я увидел, был карлик в пятнистом одеянии, обеими руками он схватил себя за горло. Он неподвижно лежал рядом с грудой доспехов.

— Что происходит? — попытался я выговорить.

Но ответа не было. Я пересек часовню и стал на колени возле широкоплечего коротышки. Кончиками пальцев я тронул сонную артерию, чтобы определить пульс. Пульса не было. Однако в этот момент, я ощутил, как что-то щекочет мне запястье, и Фракир, становившийся то видимым, то невидимым, вернулся обратно, чтобы связаться со мной.

— Ты вывел из строя этого парня? — спросил я.

Началась слабая пульсация.

— *Самоубийцы не душат сами себя,* — ответил он.

— Почему ты не предупредил меня?

— *Тебе нужно было отдохнуть, а потом, с ним я мог справиться и один. Мне кажется, мы слишком нервничаем. Извини, что разбудил.*

Я потянулся.

— Сколько я спал?

— *По-моему, несколько часов.*

— Немного жаль, что так вышло, — сказал я. — Эта куча металлолома не стоит ничьей жизни.

— *Сейчас — стоит,* — ответил Фракир.

— Правда, теперь, когда из-за этой дряни один уже погиб, ты не узнал, что нам делать дальше?

— *Дело немножко прояснилось, но не настолько, чтобы можно было действовать. Чтобы я смог увериться в том, что от нас требуется, мы должны остаться здесь до утра.*

— Среди информации, которую ты получил, нет ничего о том, найдется ли поблизости еда или питье?

— *Да. За алтарем должен быть кувшин с водой. И буханка хлеба. Но это на утро. Ночью ты должен воздержаться от пищи.*

— Только в том случае, если бы я относился ко всему этому серьезно, — ответил я, поворачиваясь к алтарю.

Стоило мне сделать два шага — и мир начал раскалываться. Пол часовни задрожал, и впервые с тех пор, как я здесь появился, где-то глубоко подо мной раздался низкий грохот, шум и скрежет. Воздух этого лишенного красок места молниеносно пронизало многоцветье, ослепившее меня своей яркостью. Потом сполохи красок исчезли, и

помещение разделилось. Белый цвет возле арки, где я стоял, стал еще белее. Пришлось поднять руку, чтобы заслонить от него глаза. На другой стороне спустилась глубокая тьма, скрывшая в противоположной стене три двери.

— Что… это такое?

— *Что-то ужасное,* — ответил Фракир. — *Чтобы определить точно, моих способностей не хватает.*

Стиснув рукоять меча, я еще раз проверил по-прежнему висящие заклинания. Не успел я и шага ступить, как все помещение оказалось пронизано жутким ощущением присутствия кого-то еще. Оно представлялось столь сильным, что обнажать меч или читать заклинания я счел не самым благоразумным. Будь все, как обычно, я вызвал бы Знак Логруса, но этот путь был для меня закрыт. Я попытался откашляться, но из горла не вылетело ни звука. Потом в самом сердце сияния началось движение, объединение… Подобно Тигру Блейка, там, ярко пылая, обретал форму Единорог. Смотреть на него оказалось так больно, что пришлось отвести глаза. Я заглянул в глубокую, прохладную тьму но и там не было отдыха моему взору. В темноте что-то зашевелилось, и опять раздался звук, словно металл со

скрежетом прошелся по камню. Из тьмы поплыли искривленные линии. Даже раньше, чем в ярчайшем сиянии Единорога стали различимы очертания, я понял, что это — голова вползающей в часовню одноглазой змеи. И перевел взгляд в точку между ними, наблюдая за обоими боковым зрением. Это оказалось куда лучше, чем пытаться смотреть на любого из них в упор. Я ощущал на себе их пристальные взгляды — взгляд Единорога Порядка и Змеи Хаоса. Чувство было не из приятных, и я попятился, пока спиной не уперся в алтарь. Оба еще немного продвинулись вглубь часовни. Единорог опустил голову, нацелившись рогом прямо в меня. Жало змеи, то и дело молниеносно вылетавшее из пасти, было направлено в мою сторону.

— Э-э… если вам обоим нужны доспехи и прочие штуки, — начал я, — у меня, разумеется, нет никаких возражений…

Змея зашипела, а Единорог поднял копыто и ударил им, разбивая пол часовни, и прямо ко мне, словно черная молния, побежала трещина, которая остановилась у моих ног.

— С другой стороны, — заметил я, — Ваши Сиятельства, своим предложением я не намеревался оскорбить вас…

— *Опять ты не то говоришь,* — нерешительно вмешался Фракир.

— Тогда скажи, что надо говорить, — сказал я, пробуя думать шепотом.

— *Я не… О!*

Единорог взревел, Змея встала на хвост. Упав на колени, я отвел взгляд в сторону, потому что их взгляды каким-то образом стали причинять мне физическую боль. Я дрожал, все мышцы заныли.

— *Ты должен,* — сказал Фракир, будто отвечая урок, — *играть в игру по установленным правилам.*

Не знаю, что за железка вонзилась мне в ребра. Но я поднял голову и посмотрел сперва на Змею, потом на Единорога. Глаза болели, словно я пытался разглядеть солнце, и все-таки мне это удалось.

— Вы можете заставить меня участвовать в игре, — сказал я, — но не можете заставить сделать выбор. Моя воля принадлежит мне. Я буду всю ночь караулить доспехи, как от меня требуется. Утром я пойду дальше без них, потому что мой выбор — их не носить.

— *Без них ты можешь погибнуть,* — заявил Фракир. Он словно переводил то, что не было произнесено ими вслух.

Я пожал плечами.

— Выбор делать мне, и он таков: я ни одному из вас не отдам предпочтения.

Меня овеяло порывом ветра, одновременно и жарким, и холодным — похоже, их вздохи встретились.

— *Ты сделаешь выбор,* — передал Фракир, — *Будешь ты это осознавать или нет. Все делают выбор. Просто тебя просят сделать это официально.*

— А что в моем случае такого особенного? — спросил я.

Снова тот же ветер.

— *Ты — дважды наследник, наделенный великой силой.*

— Мне никогда не хотелось враждовать ни с одним из вас, — заявил я.

— *Не очень-то это хорошо,* — ответили мне.

— Тогда уничтожьте меня сейчас же.

— *Игра еще не закончилась.*

— Тогда давайте продолжим, — сказал я.

— *Нам не нравится твоя позиция.*

— Напротив, — ответил я.

От последовавшего за этим громового хлопка я потерял сознание. Я полагал, что могу позволить себе быть честным до конца, но у меня было

сильное подозрение, что обойти участников этой игры, наверное, трудно.

Я очнулся на куче ножных лат, кирас, рукавиц, шлемов и прочих замечательных штук того же рода. Они были со всякими там углами и выпуклостями, впивавшимися в меня. Осознал я это не сразу, потому что мое тело онемело.

— *Эй, Мерлин.*

— Фракир, — откликнулся я, — надолго я отключился?

— *Не знаю. Я сам только что пришел в себя.*

— Вот уж не знал, что можно вырубить кусок веревки.

— *Я тоже. Прежде такое со мной не случалось.*

— Тогда позволь мне задать вопрос более правильно: не знаешь, сколько времени мы были без сознания?

— *По-моему, довольно долго. Дай мне выглянуть за дверь, и я смогу дать тебе более точный ответ.*

Я медленно поднялся, но не мог устоять и рухнул. Затем пополз к выходу, отметив при этом, что из груды оружия, кажется, ничего не исчезло. Пол и вправду треснул. Возле дальней стены и в самом деле лежал мертвый карлик.

Выглянув наружу, я увидел яркое небо, все в

черных точках.

— Ну? — спросил я немного погодя.

— *Если я рассчитал правильно, скоро утро.*

— Перед рассветом всегда светлеет, а?

— *Вроде того.*

Кровообращение в ногах восстановилось, они горели. Я заставил себя подняться и встал, привалясь к стене.

— Есть какие-нибудь новые указания?

— *Пока нет. У меня такое чувство, что они должны появиться с рассветом.*

Шатаясь, я добрел до ближайшей скамьи и упал на нее.

— Если кто-нибудь зайдет сейчас сюда, я смогу отбиваться только набором заклинаний. От лежания на доспехах судороги не проходят. Это так же скверно, как спать в полном вооружении.

— *Напусти на врага меня, и, самое меньшее, я сумею выиграть для тебя время.*

— Спасибо.

— *Много ли ты помнишь?*

— Все, начиная с того момента, как был ребенком. А что?

— *В моей памяти хранятся мои ощущения с тех пор, как Логрус впервые наградил меня новыми способностями. Но до момента нашего*

появления здесь все кажется мне сном. Я, похоже, просто привык реагировать на проявления жизни.

— Многие люди тоже таковы.

— Правда? Раньше я не мог думать и обещаться таким способом.

— Верно.

— Как ты думаешь, это надолго?

— То есть?

— Может быть, это только временное состояние? Не может ли оказаться, что я получил новые свойства только для того, чтобы справиться с определенными обстоятельствами здесь?

— Не знаю, Фракир, — ответил я, растирая левую лодыжку. — Полагаю, это вполне возможно. Ты привыкаешь к новому состоянию?

— Да. Догадываюсь, что это глупо с моей стороны. Как меня может волновать то, о чем я не буду тосковать, когда утрачу его?

— Вопрос хороший, но ответа я не знаю. Может быть, в конце концов ты все равно достигнешь такого состояния.

— Не думаю, но точно не знаю.

— Ты боишься вернуться в прежнее состояние?

— Да.

— Вот что я тебе скажу, когда мы найдем выход

отсюда, не лезь вперед меня.

— *Не могу.*

— Почему? При случае ты будешь под рукой, но я могу и сам о себе позаботиться. Раз у тебя теперь появились чувства, у тебя должна быть и собственная жизнь.

— *Но я же уродец!*

— А разве все мы не таковы? Просто хочется, чтобы ты знал: я понимаю и отношусь к этому нормально.

Он еще раз сжал мне руку и замолчал.

Хотел бы я не бояться выпить воду.

Я просидел там, наверное, почти час, подробно перебирая все, что произошло со мной за последнее время, отыскивая разгадки и размышляя, какова же тут система.

— *Кажется, я слышу твои мысли,* — вдруг сказал Фракир, — *и могу кое-что предложить твоему вниманию.*

— Да. Что это такое?

— *Тот, кто перенес тебя сюда…*

— Существо, выглядевшее, как мой отец?

— *Да.*

— Что же он?

— *Он был не таким, как два твоих других посетителя. Он был смертным. А они — нет.*

— Ты хочешь сказать, это и в самом деле мог быть Корвин?

— Я никогда не встречал его, поэтому не могу сказать. Но он не был одной из этих конструкций.

— А ты знаешь, что они такое?

— Нет. Знаю только одну странную вещь — и совсем не понимаю ее.

Я наклонился вперед, потирая виски. Несколько раз я глубоко вздохнул. В горле было очень сухо, а мышцы болели.

— Продолжай. Я слушаю.

— Я не очень знаю, как это объяснить, — сказал Фракир, *— но в дни, когда я не умел чувствовать, ты не подумав, пронес меня на запястье через Лабиринт.*

— Я помню. Потом из-за твоей реакции у меня долго оставался рубец.

— Создания Хаоса и создания порядка не слишком хорошо сходятся, но я выжил и приобрел опыт. А те подобия Дворкина и Оберона, что приходили к тебе в пещеру…

— Ну?

— Человеческой была только их наружность. Внутри, в геометрической структуре, пульсировали энергетические поля…

— Ты говоришь так, словно это была компьютерная мультипликация.

— Что-то подобное не исключено. Точно не знаю.

— А мой отец не был одним из них?

— Нет. Но я веду не к тому. Я узнал первопричину.

Я насторожился.

— В каком смысле?

— Завитки… Геометрическая структура, на которой создавались эти фигуры… Она воспроизводит части Амберского Лабиринта.

— Ты, должно быть, ошибся.

— Нет. Недостаток чувствительности я восполняю памятью. Обе фигуры были трехмерными искривленными сегментами Лабиринта.

— А зачем Лабиринту дурачить меня, создавая такие фальшивки?

— Я всего лишь смиренное орудие убийства. Рассуждения еще не стали моей сильной стороной.

— Если в это замешаны Единорог и Змея, по-моему, и Лабиринт нельзя исключить.

— Про Логрус мы знаем точно.

— И мне кажется, что в тот день, когда Корал зашла в Лабиринт, он проявил разумность. Скажем, так оно и есть; прибавим способность создавать

такие конструкции… Он хотел, чтобы они отвели меня сюда? Или Корвин перенес меня куда-то еще? То ли это место? А что от меня нужно Лабиринту? И чего хочет от меня отец?

— *Завидую твоей способности не обращать внимания на определенные вещи,* — ответил Фракир. — *это и есть риторические вопросы, я правильно понял?*

— По-моему, да.

— *Ко мне начала поступать информация иного рода, поэтому я делаю вывод, что ночь на исходе.*

Я вскочил на ноги.

— Значит ли это, что мне можно поесть… и напиться? — спросил я.

— *По-моему да.*

Тут я быстро двинулся с места.

— *Пока я еще новичок в таких делах, никак не перестану удивляться, не сочтут ли такой прыжок через алтарь неуважением,* — прокомментировал Фракир.

Черные огоньки, когда я проскользнул между ними, замигали.

— Черт возьми, я даже не знаю, кому предназначен этот алтарь, — ответил я. — А неуважительность я всегда считал своей отличительной чертой.

Схватив кувшин, я сделал длинный глоток, и тут земля слабо задрожала.

— Опять-таки может статься, кое в чем ты прав, — сказал я, подавившись.

С кувшином воды и караваем в руках я обошел алтарь, миновал коченеющего карлика и добрался до скамьи, которая шла вдоль задней стены. Усевшись, я принялся есть и пить, но уже медленнее.

— Что дальше? — спросил я. — Ты сказал, что информация опять поступает?

— *Ты успешно отдежурил,* — сказал он. — *Сейчас среди доспехов и оружия, которые ты стерег, должен выбрать то, что тебе нужно, а потом пройти через одну из трех дверей в этой стене.*

— Через которую?

— *Одна из них — дверь Хаоса, другая — порядка, а о природе третьей мне ничего не известно.*

— Э… как же в таком случае принять обоснованное решение?

— *Полагаю, ты сможешь пройти только в ту дверь, в которую следует.*

— Тогда выбора на самом деле нет, а?

— *Думаю, на это может повлиять то, что ты выберешь в этой скобяной лавке.*

Я прикончил хлеб, запил его остатками воды.

Потом поднялся.

— Ну, — сказал я, — давай посмотрим, что они станут делать, если я ничего не выберу. А с карликом вышло скверно.

— *Он знал, что делает и чем рискует.*

— Ну что тут еще скажешь.

Я подошел к той двери, что была от меня по правую руку, потому что она была ближе всего. Дверь вела в ярко освещенный коридор, который, сужаясь, становился все светлее и светлее и в нескольких метрах от меня терялся из виду. Я не останавливался. И, черт возьми, чуть не сломал себе нос. Как будто наткнулся на стеклянную стену. Это было символично. Как выйти на свет божий этим путем, я не мог представить.

— *Чем дольше я за тобой наблюдаю, тем большим циником ты становишься,* — заметил Фракир. — *эту твою мысль я уловил.*

— Ладно.

К средней двери я подходил более осторожно. Она была серого цвета и, кажется, тоже вела в длинный коридор. Тут было видно чуть дальше, чем в первом коридоре, хотя, кроме стен, пола и потолка, ничего не было. Я вытянул руку и обнаружил, что путь свободен.

— *Похоже, это та самая дверь,* — заметил

Фракир.

— Может быть.

Я перешел к двери слева, в коридоре за ней было черно, как у Господа в кармане. Я поискал скрытые препятствия и снова не встретил никакого сопротивления.

— Гм… похоже, выбирать мне все-таки придется.

— Странно, насчет этого у меня нет никаких инструкций.

Я вернулся к средней двери и сделал шаг вперед. Услышав позади какой-то звук, я обернулся. Карлик сел. Он хохотал, держась за бока. Тогда я попытался повернуть назад, но теперь что-то мешало мне вернуться. И вдруг то, что я видел, стало уменьшаться, как будто я стремительно уносился вдаль.

— Я думал, этот малыш мертв, — заметил я.

— Я тоже. Все признаки были налицо.

Повернувшись, я опять посмотрел туда, куда направлялся. Ощущения скорости не было. Может быть, уменьшалась часовня, а я оставался на месте. Я сделал шаг вперед, потом еще. Ноги опускались на землю совершенно беззвучно. Я тронулся в путь. Сделав несколько шагов, я вытянул руку, чтобы потрогать стену слева. И

не почувствовал ничего. Я попробовал правой рукой. Опять ничего. Я шагнул вправо и снова потянулся к стене. Нет. Казалось, обе призрачные стены по-прежнему находятся на равном расстоянии от меня. Ворча, я оставил их в покое и быстро зашагал вперед.

— *В чем дело, Мерлин?*

— Чувствуешь ты или нет стены справа и слева от нас? — спросил я.

— *Нет,* — ответил Фракир.

— Совсем не догадываешься, где мы?

— *Мы идем между Отражениями.*

— Куда нас ведут?

— *Еще не знаю, хотя мы следуем путем Хаоса.*

— Что? Откуда ты знаешь? Я думал, нам придется выбрать из той кучи что-нибудь хаосское, чтобы нас пустили сюда.

Тут я быстро обыскал себя. И обнаружил впившийся в подметку правого сапога кинжал. Даже в тусклом свете я сумел узнать работу — словно получил весточку из дома.

— Нас каким-то образом провели, — сказал я. — Теперь понятно, почему карлик смеялся. Он подсунул мне это, пока мы были без сознания.

— *Но все еще можно было выбирать между этим коридором и коридором тьмы.*

— Верно.

— *Так почему же ты выбрал этот?*

— Тут светлее.

Еще полдюжины шагов — и исчез даже намек на стены. И крыша, кстати, улетучилась тоже. Оглядываясь, я не видел никаких признаков ни коридора, ни входа в него. Позади было лишь пустое, мрачное пространство. К счастью, земля под ногами оставалась твердой. Я шагал по жемчужно-серой тропе через долину Отражений. Чтобы обозначить мне путь, кто-то неярким светом освещал тропу. Шагая в мрачной тишине, я гадал, среди скольких Отражений уже пролег мой путь. Правда, я не успел воспользоваться в своих подсчетах математикой — мне вдруг показалось, будто что-то, словно убегая назад, движется справа от меня. Я остановился, вгляделся и оказалось, что чуть ли не рядом с тропой высится черная колонна. Но она была неподвижна. Значит, догадался я, эффект движения создавался тем, что я сам шел довольно быстро. Она была толстой, гладкой, высокой. Я смотрел на нее до тех пор, пока не потерял из вида. Невозможно было понять, какой же высоты эта штука. Тропа повернула, и не успел я сделать несколько шагов, как впереди заметил еще одну колонну, но в этот раз не стал

останавливаться, а только скользнул по ней взглядом и отвернулся. Вскоре по обе стороны от моей тропы стали появляться и другие черные столбы. Вершины их терялись где-то в черном небе, на котором не было ни единой звездочки. Сводом моего мира была однообразная темнота. Потом колонны стали появляться целыми группами. Они выглядели довольно странно: стояли рядышком и были разной величины. Слева, как мне казалось, в пределах досягаемости, высилось несколько таких черных столбов. Я протянул к ним руку, но не тут-то было. Тогда я шагнул к загадочным колоннам. Но Фракир тут же сжал мне запястье.

— *На твоем месте я бы этого не делал,* — сказал он.

— Почему?

— *Проще простого нажить кучу неприятностей.*

— Может, ты и прав, — согласился я.

Я замедлил шаги. Что бы ни происходило, мне хотелось только одного — как можно скорее разделаться со всем этим чтобы вернуться наконец к тому, что я считал для себя важным. Я должен был разыскать Корал, встретиться с Люком придумать, как справиться с Юртом и Джулией,

разыскать отца… Колонны скользили мимо, то ближе, то дальше от меня а еще среди них стали появляться разного вида предметы. Одни были приземистыми и асимметричными, другие — высокими, коническими, некоторые склонялись к соседним, мостиками перекидываясь через них, или лежали, сломанные у основания. Вид нарушенного таким образом правильного однообразия приносил некоторое облегчение — это показывало, как Силы играют с формами. Тут плоская поверхность кончилась, хотя на разных уровнях еще сохранялась стилизованная геометричность в виде поленниц, полок и ступеней. Моя дорожка по-прежнему оставалась ровной и тускло освещенной. Я медленно шел среди множества разрушенных Стоунхеджей. Мне захотелось ускорить шаги, и вот я уже бежал мимо галерей, амфитеатров и настоящего леса камней. В нескольких таких рощицах я, кажется, уловил краем глаза какое-то движение, но это, опять-таки, вполне могло оказаться эффектом быстрой ходьбы и скверного освещения.

— Чувствуешь что-нибудь живое неподалеку? — спросил я у Фракира.

— *Нет,* — был ответ.

— По-моему, я видел, как что-то шевелилось.

— Возможно. Это вовсе не значит, что оно здесь.

— Мы общаемся с тобой меньше суток, а ты уже научился сарказму.

— Очень неприятно говорить об этом, но все, чему я научился, я взял от тебя. Тут нет никого другого, кто мог бы обучить меня хорошим манерам и прочему.

Немного погодя я замедлил шаг. Справа впереди, что-то мигало. То это был красный, то — синий свет. И его яркость менялась. Я остановился. Вспышки продолжались всего несколько мгновений, но этого оказалось более чем достаточно, чтобы я насторожился. Я долго высматривал их источник.

— Да. — чуть погодя сказал Фракир. *— Осторожность — в порядке вещей. Но не спрашивай меня, чего ждать. Я просто чувствую, что нам что-то угрожает.*

— Может быть, я как-нибудь сумею проскользнуть мимо этого света?

— Для этого тебе пришлось бы сойти с тропинки. — ответил Фракир. *— Угроза исходит из каменного кольца, которое она пересекает. Я бы не стал.*

— Нигде не сказано, что нельзя сходить с до-

роги. У тебя есть какие-нибудь инструкции на этот счет?

— *Я знаю, что ты должен идти по дороге, а ничего, специально оговаривающего твой уход с нее и последствия этого, нет.*

— Гм…

Тропинка изогнулась вправо, и я тоже свернул. Она шла прямо к массивному каменному кольцу, но, замедлив шаг, я все же не отклонился от своего курса. Приближаясь, я внимательно разглядывал каменный круг и заметил, что, хотя тропинка и заходила туда, из него она уже не выходила.

— *Ты прав,* — заметил Фракир, — *как логово дракона.*

— Но мы должны идти туда?

— *Да.*

— Значит пойдем.

Тут я, не торопясь, как на прогулке, прошел по сияющему пути между двух серых постаментов. Освещение внутри кольца было не таким, как снаружи. Там было светлее, но место по-прежнему напоминало черно-белый, волшебно сверкающий набросок. Впервые я увидел здесь нечто, казавшееся живым. Под ногами росло что-то вроде травы, она серебрилась и казалась покрытой росой. Я остановился, а Фракир сжал

мое запястье очень странным образом — кажется, не столько предостерегая, сколько проявляя любопытство. Справа от меня находился алтарь, вовсе не похожий на тот, через который я перескочил в часовне. Этот представлял собой грубый кусок камня, взгроможденный на несколько валунов. Не было ни свечей, ни льняных покровов, ни иных религиозных атрибутов, которые подходили бы связанной по рукам и ногам леди, возлежавшей на алтаре. Припомнив сходную ситуацию, в которой однажды очутился я сам и которая доставила мне кучу хлопот, я все свои симпатии отдал леди — беловолосой, чернокожей и смутно знакомой. К странному же созданию, стоявшему лицом ко мне позади алтаря, с ножом в воздетой руке, я испытал вовсе не дружеские чувства. Правая половина тела у него была абсолютно белой. Сразу же собравшись при виде столь живописной сцены, я двинулся вперед. Мой «Концерт для кулинара и микроволновой печи» в заклинаниях мог бы искрошить и сварить его в кипятке в мгновение ока, но, поскольку невозможно было выговорить ключевые слова, нечего было и пробовать. Мне показалось, что, быстро направляясь к нему, я ощутил на себе его взгляд. А потом нож опустился, вонзаясь ей в грудь, и

лезвие прочертило дугу под ребрами, пониже грудной клетки. Она закричала, брызнула кровь — алая на черном с белым, а когда она залила руку этого человека, я понял, что, если бы постарался, мог бы пробормотать заклинания и спасти ее. Потом алтарь рухнул, и серый смерч скрыл от меня картину, кровь спиралью пронеслась по нему, и он стал похож на шест, который ставят у входа в парикмахерские. Она постоянно расходилась по нему, окрашивая воронку в розовый, затем бледно-розовый цвет. Потом смерч обесцветился до серебристого, и пропал. Когда я добрался до того места, трава сверкала — никакого алтаря, никакого жреца, никакого жертвоприношения. Остановившись, я пристально вглядывался туда.

— Это что, сон? — спросил я вслух.

— *Не думаю, что я способен видеть сны,* — ответил Фракир.

— Тогда расскажи, что ты видел.

— *Я видел, что какой-то парень заколол леди, она лежала на камне связанная. Потом все рухнуло и унеслось прочь. Парень был черно-белый, кровь — красная, та леди — Дейрдре…*

— Что? Клянусь богом, ты прав! Она действительно была похожа на нее… на ее негатив. Но ведь Дейрдре давно умерла…

— Должен тебе напомнить, что видел то же, что, по-твоему, видел и ты. Факты в чистом виде мне не известны, я знаком только с той путаницей, в которую их превратила твоя нервная система. Мое собственное восприятие подсказало мне, что это были не обычные люди, такие же существа, как фальшивые Дворкин с Обероном, приходившие к тебе в пещеру.

И только тогда мне в голову пришла совершенно ужасная мысль. Лже-Дворкин и лже-Оберон навели меня на мысль о трёхмерных компьютерных копиях. А способность Колеса-призрака обыскивать Отражения основывалась на преобразовании в цифры извлеченных из лабиринта сегментов — и это я считал в данном случае очень важным. Ведь Призрак недоумевал: хватает ли его знаний и умения, чтобы считаться божеством? Могло ли мое собственное творение играть со мной? Мог ли Призрак заключить меня в абсолютно пустынном, далеком Отражении, блокировать все мои попытки с кем-нибудь связаться и начать со мной сложную игру? Ведь по его понятию, если он выиграет у собственного творца, перед которым до сих пор испытывал робость, благоговейный страх, это означает, что он возвысился до уровня бога. Скорей всего это

так. Ведь если каждый день сталкиваешься с компьютерными копиями, то за всем этим ищи машинного бога. Это заставило меня задуматься, насколько же Призрак силен на самом деле. Хотя его сила отчасти была сродни Лабиринту, я был уверен, что силе Лабиринта или Логруса она противостоять не могла. Невозможно было представить, что Призрак сумел заблокировать это место от обоих. С другой стороны, на самом деле ему нужно было только блокировать меня. Полагаю, он мог выдать себя за Логруса, когда мы столь внезапно столкнулись в момент моего прибытия. Но тогда потребовалось бы, чтобы он действительно усилил способности Фракира, а мне не верилось, что он сумел бы такое. И как насчет Единорога и Змеи?

— Фракир, — спросил я, — ты уверен, что на сей раз силы тебе придал именно Логрус и Логрус заложил в тебя те инструкции, что ты несешь?

— *Да.*

— А откуда у тебя такая уверенность?

— *Я ощущал точь-в-точь то же самое, что и в первую встречу с Логрусом, когда впервые обрел новые способности.*

— Понятно. Еще вопрос: Единорог и Змея, которых мы видели тогда в часовне, могли быть

такими же, как те Дворкин и Оберон из пещеры?

— *Нет. Я бы знал. Они были совершенно не такими. Они были внушающими ужас и могущественными, и совсем такие, какими представлялись.*

— Хорошо, — сказал я. — Я тревожился, что все это может оказаться какой-нибудь сложной шарадой, придуманной Колесом-призраком.

— *Я прочел это в твоих мыслях, но не сумел понять, почему подлинность Единорога и Змеи опровергает этот тезис. Они просто могли проникнуть в конструкцию Призрака, чтобы велеть тебе прекратить шум, потому что хотят понаблюдать, как закончится игра.*

— Я об этом не подумал.

— *И, может быть, Призрак сумел вычислить место, куда очень трудно добраться и Лабиринту, и Логрусу, и проник туда.*

— Полагаю, в этом что-то есть. К сожалению, это возвращает меня чуть ли не к тому, с чего я начал.

— *Нет, потому что это место — не выдумка Призрака. Оно было всегда, это я узнал от Логруса.*

— По-моему, знать это — слабое утешение, и…

Я так и не закончил свою мысль, потому что мое внимание привлекло внезапное шевеление в

противоположном секторе кольца. Там я увидел алтарь, которого раньше не замечал, за ним стояла женская фигура, я на алтаре, связанный, лежал испещренный пятнами света и тени мужчина. Они очень напоминали первую пару.

— Нет! — крикнул я. — Хватит!

Но стоило мне двинуться в их направлении, как лезвие опустилось. Ритуал повторился, алтарь обрушился и снова все унес смерч. К тому времени, как я добрался туда, ничто не говорило о каком-либо необычайном происшествии.

— Что скажешь? — спросил я Фракира.

— Силы те же, что и первый раз, но они каким-то, образом поменялись местами.

— Зачем? Что происходит?

— Это — встреча сил. Уже некоторое время Лабиринт и Логрус оба пытаются пробиться сюда. Жертвоприношения, подобные тем, свидетелем которых ты оказался, помогают подготовить те слабые места, что нужны обоим.

— Зачем им понадобилось появляться здесь?

— Нейтральная зона. Старинная напряженность между ними едва заметно поколебалась. От тебя ожидают, что ты каким-нибудь манером сдвинешь баланс сил в пользу кого-то одного.

— У меня нет ни малейшего представления, как подступиться к такому делу.

— *Когда придет время, узнаешь.*

Я вернулся на тропу и зашагал дальше.

— Мне случалось проходить мимо, потому что должны были произойти жертвоприношения? Или жертвы были принесены потому что я проходил мимо?

— *Было решено, что это произойдет, когда ты окажешься рядом. Ты — связующее звено.*

— Так что же, по-твоему, можно ожидать…

По левую руку от меня из-за камня, усмехаясь, вышел человек. Рука моя потянулась к мечу, но у него в руках ничего не было, и двигался он медленно.

— Разговариваешь сам с собой. Дурной знак, — заметил он.

Этот человек был черно-бело-серым изображением. Судя по темной правой стороне и белой левой, он вполне мог быть первым из тех, кто занес кинжал над жертвой. Не могу описать его словами. Кем был он ни был, я вовсе не желал завязывать с ним знакомство. Поэтому я пожал плечами.

— Единственный знак, который меня волнует — это указатель с надписью «ВЫХОД», — ответил

я, проходя мимо.

Упав мне на плечо, его рука с легкостью развернула меня лицом к нему. Он улыбнулся.

— Тут следует быть осторожнее со словами, когда ты говоришь о том, к чему стремишься, — сказал он низким голосом. — Иногда желания тут исполняются. И если исполнитель поймет твое «выход» как смерть — ну, тогда, фью! Твое существование может на этом закончиться. Ты улетишь как облачко дыма. Смешаешься с землей. Отправишься куда угодно, к черту на кулички — и привет!

— Там я уже был, — ответил я, — и по пути еще много где побывал.

— Ого! Смотри-ка! Твое желание и правда исполнено, — заметил он, левым глазом поймав вспышку света и, словно зеркальцем, отразив ее в мою сторону. Я все-таки сумел мельком увидеть его правый глаз — неважно, как мне пришлось для этого щуриться и изворачиваться.

— Вон! — закончил он, ткнув пальцем.

Я повернул голову в указанном направлении, и там, над верхним камнем кромлеха, этого каменного круга, сиял знак «ВЫХОД» — точно такой, как над дверями театра неподалеку от нашего университетского городка, куда я частенько,

хаживал.

— Ты прав, — сказал я.

— Выйдешь там?

— А ты?

— Ни к чему, — ответил он. — Я уже знаю, что там такое.

— Что? — потребовал я ответа.

— Другая сторона.

— Как смешно, — ответил я.

— Если силы выполнили желание человека, а он с презрением отказывается от этого, они могут выйти из себя, — заметил он. Услышав странный скрип, я не сразу понял, что это он скрипит зубами, и, повернувшись, зашагал прочь, направляясь к знаку «ВЫХОД» — хотелось проверить, что это такое, рассмотреть надпись поближе. Там торчали два камня, а поверх лежала плоская плита. Получившиеся ворота были достаточно велики, чтобы пройти сквозь них. Хотя, конечно, под ними было мрачновато.

— *Собираешься пройти через них?*

— Почему бы и нет? Это один из моментов, которых в моей жизни не так много: я чувствую себя нужным тому, кто всем тут заправляет — кто бы это ни был.

— *На твоем месте я бы слишком не петушил-*

ся... — начал Фракир, но я уже шел.

Понадобилось всего три быстрых шага — и вот я уже выглянул наружу по другую сторону каменного круга. Вспыхнув, засверкала росой трава. Там я увидел новый каменный круг, над которым был еще один указатель — «ВЫХОД». В нем стоял белый человек. Я шагнул назад и обернулся. Черно-белый человек не спускал с меня глаз. Только теперь я обратил внимание, что позади него был еще один каменный круг, в котором стоял человек. Я повернулся к белому и поднял руку. Он сделал тоже самое. Оглянувшись, я увидел, что черный силуэт стоит с поднятой рукой.

— Мир замкнут, — заметил я, — но ужасно, когда одно и то же имеет разную окраску.

Черно-белый человек рассмеялся.

— Просто тебе напомнили, что любой твой выход одновременно и вход, — сказал он.

— То, что ты здесь, напоминает мне пьесу Сартра, — ответил я.

— Ты говоришь зло, — ответил он, — но с философской точки зрения обоснованно. Я всегда считал, что ад — в других людях. Ведь я не сделал ничего, чтобы возбудить твое недоверие, правда?

— Это тебя я видел тут неподалеку, принося-

щим в жертву женщину? — спросил я.

— Даже если меня, какое тебе дело? Тебя это не касалось.

— Мне кажется, в этом круге жизнь не имеет цены, она пустяк.

— Возмущение немногого стоит. Даже почтение Альберта Швейцера к жизни не распространяется на солитер, муху цеце и раковые клетки.

— Ты понимаешь, что я хочу сказать? Ты недавно приносил в жертву женщину на каменном алтаре или нет?

— Покажи мне этот алтарь.

— Не могу. Он исчез.

— Покажи мне эту женщину.

— Она исчезла.

— Тогда в чем же состав преступления?

— Мы не в суде, черт побери! Если хочешь разговаривать, отвечай на мой вопрос. Если нет, давай перестанем сотрясать понапрасну воздух.

— Я ответил тебе.

Я пожал плечами.

— Ладно, — сказал я. — Я тебя не знаю и знать не хочу. Привет.

Я шагнул прочь от него в сторону дороги. Когда я сделал это, он сказал:

— Дейрдре. Ее звали Дейрдре, и я в самом деле

убил ее, — тут он шагнул внутрь кромлеха, из которого мы только что вышли, и исчез в нем. Я немедленно взглянул на другую сторону, но под знаком «ВЫХОД» он не появлялся. Я повернулся кругом и сам шагнул в круг. А вышел с другой стороны, через дорогу, и увидел, как второй «я» в это же время входит в соседний круг.

— Что ты об этом думаешь? — спросил я Фракира, возвращаясь к тропе.

— *Может быть, это был дух этого места? Поганый дух поганого места? Не знаю, но думаю, он тоже — одна из этих проклятых конструкций… А здесь они сильнее.*

Я вернулся к тропинке и пошел дальше.

— С тех пор, как тебя наделили новыми способностями, твоя речь очень изменилась, — заметил я.

— *Твоя нервная система — хороший учитель.*

— Спасибо. Если этот парень опять объявится, и ты учуешь его раньше, чем я увижу, дай знать.

— *Ладно. Честно говоря, все здесь пропахло конструкцией. Тут в каждом камне — кусочек Лабиринта, его черты.*

— Когда ты это понял?

— *Когда мы пробовали уйти в первый раз, я все тут осматривал, искал, нет ли чего опасного.*

Мы подошли к периферии внешнего кольца, и тут я с размаху налетел на камень. Он оказался довольно твердым.

— *Он здесь!* — вдруг предупредил Фракир.

— Эй! — донесся голос сверху, и я поднял глаза. На камне, покуривая тонкую сигарету, сидел черно-белый незнакомец. В левой руке у него была чаша.

— Ты заинтересовал меня, малыш, — продолжал он. — Как твое имя?

— Мерлин, — ответил я. — А твое?

Вместо ответа он оттолкнулся, медленно опустился перед камнем и стал рядом со мной. Щуря левый глаз, он разглядывал меня. По его правой половине струились тени. Казалось, что эта стекает вода. Он выпустил в воздух серебристый дым.

— Ты живой, — объявил он, — и несешь на себе печать и Лабиринта, и Хаоса. В тебе есть амберская кровь. От кого ты ведешь свой род, Мерлин?

На миг тени разделились, и я увидел его правый глаз — он был скрыт повязкой.

— Я сын Корвина, — ответил я ему, — а ты… хотя как это может быть… предатель Бранд.

— Точно, так меня зовут, — сказал он, — но я не предавал того, во что верил, ни разу.

— Это вопрос твоего честолюбия, — сказал

я. — Но ведь твой дом, твоя семья и силы Порядка всегда были безразличны тебе, да?

Он засопел.

— С нахальным щенком я не стану спорить.

— У меня тоже нет никакого желания спорить с тобой. И, что еще хуже, твой сын Ринальдо, похоже, мой лучший друг.

Повернувшись к нему спиной, я направился дальше. Мне на плечо опять легла его рука.

— Погоди! — сказал он. — О чем ты говоришь? Ринальдо, — просто мальчишка.

— Неверно, — ответил я. — Мы с ним почти ровесники.

Он убрал руку, и я обернулся. Бранд выронил сигарету, и та, дымясь, лежала на тропинке, а чашу он перенес в руку, окутанную мраком. Он потирал лоб.

— Значит, в главных Отражениях прошло столько времени, — заметил он.

По какому-то капризу я достал Козыри, вытащил Козырь Люка и протянул ему так, чтобы он видел.

— Вот Ринальдо, — сказал я.

Он потянулся к Карте и, сам не зная почему, я позволил ему взять ее. Он долго и пристально смотрел на нее.

— Здесь связь через Козыри, похоже, не срабатывает, — заметил я.

Он поднял глаза, покачал головой и протянул Карту мне.

— Нет, не должна, — заметил он. — Как… он?

— Ты знаешь, что он убил Каина, чтоб отомстить за тебя?

— Нет, я не знал. Но меньшего я от него и не ждал.

— На самом-то деле ты не Бранд, правда?

Он закинул голову и расхохотался.

— Я Бранд до мозга костей. Но не тот Бранд, с которым ты мог быть знаком. Остальная информация тебе дорого обойдется.

— Сколько же стоит узнать, что ты такое на самом деле? — спросил я, пряча Карты.

Держа чашу перед собой двумя руками, он поднял ее, словно чашу для милостыни.

— Немного твой крови, — сказал он.

— Ты стал вампиром?

— Нет, я — лабиринтов призрак, — ответил он. — Дай мне крови, и я объясню.

— Ладно, — сказал я. — И пусть лучше это будет добрая история. Я вытащил свой кинжал и проколол запястье, потом протянул руку так, чтобы струйка лилась в чашу.

Как из опрокинутой масляной лампы, из руки вырвались языки пламени. Конечно, на самом деле в моих жилах течет вовсе не пламя. Но в определенных краях кровь хаоситов делается очень летучей, а это место было явно из таких. Пламя хлынуло вперед, наполовину в чашу, наполовину мимо, расплескавшись по его руке и предплечью. Он взвизгнул и съежился. Я шагнул назад, а он превратился в водоворот. Не скажу, чтобы он отличался от тех смерчей, которые я наблюдал после жертвоприношений, только этот смерч был огненным. Водоворот с ревом поднялся в небо и через мгновение исчез. И я только ошарашено таращил глаза в небо, зажимая дымящееся запястье.

— *Уход… э-э… живописный,* — заметил Фракир.

— Семейная особенность, — объяснил я, — и, кстати, об уходах…

Я прошел мимо камня, перешагнул кольцо. Его снова заполнила тьма, еще более глубокая. Зато моя тропинка, казалось, обозначилась ярче. Увидев, что запястье перестало дымиться, я отпустил его. И желая только одного — как можно быстрее убраться прочь из этого места, я перешел на спортивную ходьбу. Немного погодя я оглянулся и больше не увидел камней. На их месте был

только бледный, тающий водоворот, который поднимался все выше, выше, пока не исчез. Я все шел и шел, и тропа постепенно пошла под горку, и вот уже оказалось, что я легкой походкой, впри-прыжку сбегаю с холма. Тропинка яркой лентой бежала вниз, теряясь из вида далеко впереди. И все-таки я увидел, что не так далеко от нее отделяется вторая светящаяся линия, я был этим немало озадачен. Обе дорожки быстро пропадали справа и слева от меня.

— Относительно перекрестков есть какие-нибудь особые указания? — спросил я.

— *Пока нет,* — отозвался Фракир, — *видно, это место, где надо будет принимать решение, но, пока не попадешь туда, никак не узнаешь, от какого угла танцевать.*

Внизу расстилалась пустынная сумрачная равнина, кое-где попадались отдельные светлые точки — некоторые горели ровно, другие то разгорались, то тускнели, и все они были неподвижны. Однако, кроме двух дорожек, моей и той, что отделялась от нее, иных путей не было. Слышны были лишь мои шаги и мое дыхание. Не было ни ветра, ни особенных запахов. С обеих сторон снова появились темные силуэты, но у меня не было желания изучать их. Мне хотелось как можно

быстрее покончить с тем, что творится вокруг, выбраться отсюда к чертовой матери и заняться собственными делами. Потом по обе стороны от дороги с неодинаковыми интервалами стали появляться туманные пятна света. Колеблющиеся, исходящие ниоткуда, они то вдруг возникали, то пропадали. Как будто вдоль дороги висели пятнистые газовые занавеси. Но я не останавливался, чтобы их рассмотреть — я дождался, когда темные зоны стали, попадаться реже. Вместо них стали наплывать светлые тени. Контуры прояснились, обнаруживая знакомые предметы: стулья, столы, машины на стоянке, витрины магазинов. Наконец они принялись окрашиваться в бледные цвета. Я остановился около машины. Это был красный шевроле 57 года выпуска, в снегу, припаркованный на обочине знакомого шоссе. Я приблизился и протянул к нему руку. Попав в тусклый свет, моя левая рука исчезла по плечо. Вытянув пальцы, я дотронулся до машины. Ответом было смутное ощущение контакта и легкий холодок. Тогда я сбросил немного снега. Затем вытащил руку, она была в снегу. Перспектива немедленно окрасилась в черное.

— Я нарочно полез за грань своего мира левой рукой, — сказал я, — потому что там на запястье

ты. Что там было?

— *Большое спасибо. Вроде бы красная машина. А на ней снег.*

— Это они воспроизвели кое-что, что выудили из моей памяти. Это картина Полли Джексон, которую я купил, увеличенная до натуральной величины.

— *Тогда дело плохо, Мерль. Я не распознал, что это — конструкция.*

— Выводы?

— *Кто бы это ни сделал, у него получается все лучше… или он становится все сильнее. Или и то, и другое.*

— Черт, — ругнулся я, повернул прочь и быстро зашагал дальше.

— *Возможно, нечто желает показать тебе, что теперь может полностью сбить тебя с толку*.

— Тогда ему это удалось, — признался я. — Эй, Нечто! — крикнул я. — Слышишь? Твоя взяла! Ты окончательно сбил меня с толку! Можно мне теперь пойти домой? Но если ты хотел добиться еще чего-то, тут у тебя прокол! Я совершенно не понимаю, в чем дело!

Яркая вспышка швырнула меня на тропинку и ослепила на несколько долгих мгновений. Я

лежал, прислушиваясь, но раскат грома не последовал. Когда снова можно было видеть четко, а судороги мышц прекратились, я разглядел огромную царственную фигуру, стоявшую всего в нескольких шагах передо мной: Оберон. Только это была статуя — точь-в-точь такая же, какая стояла у дальней стены Главного Вестибюля в Амбере, а может, это она и была, потому что при ближайшем рассмотрении я заметил на плече великого человека нечто, похожее на птичий помет. Вслух я сказал:

— Она настоящая или это конструкция?

— *По-моему, настоящая,* — ответил Фракир.

Я медленно поднялся.

— Считаю это ответом, — сказал я. — Только не понимаю, что он означает.

Я протянул руку, чтобы потрогать статую, и на ощупь она больше напоминала холст, чем бронзу. В этот миг моя перспектива каким-то образом раздвинулась, и я ощутил, что трогаю написанного маслом Отца Своей Страны. Потом края перспективы начали размываться, медленно исчезли, и я увидел, что портрет был частью одной из тех неясных картин, мимо которых я проходил. Потом по нему пошла рябь, и он исчез.

— Сдаюсь, — сказал я, ступая на то место,

которое он занимал минуту назад. — Ответы озадачивают еще сильнее, чем породившая вопросы ситуация.

— *Раз мы идем среди Отражений, не может ли это быть заявлением, что все вещи реальны… одни здесь, другие где-то еще?*

— Полагаю, да. Но я давно знаю об этом.

— *И что все вещи реальны по-разному, в разное время, в разных местах?*

— О'кей, твои слова вполне могут оказаться сенсацией. И все же я сомневаюсь, что это нечто пользовалось такими методами только для того, чтобы сделать несколько философских сентенций, которые для тебя могут быть новостью, а где-нибудь считаются довольно затасканными. Должна быть какая-то особая причина, которую я все еще не улавливаю.

До этих самых пор картины, мимо которых я проходил, представляли собой натюрморты. Теперь же мне попалось несколько полотен с человеческими фигурами, на некоторых изображались иные создания. В этих картинах преобладал сюжет, совершалось действие — где насилие, где любовные сцены, где просто картинки домашней жизни.

— *Да, кажется, мы продвинулись вперед. Это*

может нас к чему-нибудь привести.

— Когда они выскочат и набросятся на меня, я пойму, что прибыл в нужное место.

— *Как знать? По-моему, критиковать искусство — дело сложное.*

Но вскоре серия картин исчезла, а мне оставалось только шагать по своей светящейся дорожке сквозь тьму. Вниз, вниз по неподвижному отлогому склону, к перекрестку. Где был Чеширский Кот, когда мне требовалась логика кроличьей норы? Только что я, приближаясь, наблюдал, что делается за перекрестком, но не успевал и глазом моргнуть, как картина менялась. Теперь там неподалеку, на углу справа, был фонарь. Под ним стояла призрачная фигура и курила.

— Фракир, как они его притащили сюда? — спросил я.

— *Очень просто,* — ответил он.

— Что тебе подсказывает чутье?

— *Внимание сосредоточено на тебе. Пока — без злых намерений.*

Подойдя поближе, я замедлил шаг. Дорожка превратилась в мостовую, по обеим сторонам были кромки тротуаров. С мостовой я шагнул на правый тротуар. Пока я шел по нему, ветер прогнал мимо сырой туман, который повис, за-

гораживая от меня свет. Я еще больше замедлил шаги. Вскоре стало видно, что мостовая делается мокрой. Я шел между домами, и мои шаги отдавались эхом. К этому времени туман слишком сгустился, чтобы можно было определить, действительно ли рядом со мной появились здания. Мне казалось, что это так, потому что кое-где в тумане попадались более темные участки. В спину задул холодный ветер, и время от времени падали капли. Я остановился, поднимая воротник плаща. Откуда-то с высоты донеслось слабое гудение аэроплана, но увидеть его я не сумел. Он пролетел, и я двинулся дальше. Потом откуда-то, может быть, с противоположной стороны улицы, приглушенно донеслась полузнакомая мелодия, играли на пианино. Я поплотнее завернулся в плащ. Туман сгущался, образуя водоворот. Еще три шага — и туман исчез, а передо мной, прислонясь спиной к фонарному столбу, стояла она. Она была на голову ниже меня, одета в тренч и черный берет, а волосы были черными и блестящими. Она бросила сигарету и медленно придавила окурок носком черной лакированной туфли на высоком каблуке. При это я мельком увидел ее ногу — очень красивой формы. Потом она вытащила из кармана плаща плоский

серебряный портсигар, на крышке виднелись выпуклые очертания розы, открыла его, достала сигарету, зажала ее губами, закрыла портсигар и убрала его. Потом, не взглянув на меня, спросила:

— Огонька не найдется?

Спичек у меня не было, но я не хотел, чтобы сейчас такая мелочь помешала.

— Конечно, — сказал я, медленно протягивая руку к ее губам. Руку я чуть развернул — так, чтобы не было видно, что она пуста. Когда я прошептал ключевое слово, от которого из кончика моего пальца вылетела искра и зажгла сигарету, она подняла руку и дотронулась до моей, словно хотела придержать ее. И, прикуривая, подняла глаза — большие, темно-синие, с длинными ресницами. Ее глаза встретились с моими. Тут она ахнула и упустила сигарету.

— Боже мой! — вскрикнула она, обхватила меня обеими руками, прижалась ко мне и принялась всхлипывать. — Корвин! — сказала она. — Ты нашел меня! Я ждала целую вечность!

Я крепко держал ее, не хотелось заговорить и разрушить ее счастье такой дурацкой штукой, как правда. К черту правду. Я гладил ее по голове. Много позже она отстранилась и снизу вверх

посмотрела на меня. Еще миг — и она поняла бы, что это всего лишь сходство, а пока что она видит только то, что хочет видеть. Поэтому я спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Она тихо засмеялась.

— Ты нашел путь? — сказала она, и тут ее глаза сузились. — Ты не…

Я покачал головой.

— Духу не хватило, — сказал я ей.

— Кто ты? — спросила она, отступая на полшага.

— Меня зовут Мерлин, и я тут совершаю сумасшедшее рыцарское странствие, ничего не понимая.

— Амбер, — тихо сказала она, все еще держа руки у меня на плечах, и я кивнул.

— Я тебя не знаю, — выговорила она.

Потом она опять подошла ко мне и опустила голову мне на грудь, Я начал было что-то говорить, пытаясь объясниться, но она приложила палец к моим губам.

— Пока не надо, не сейчас, может быть, никогда, — сказала она. — Не рассказывай мне. Пожалуйста, больше ничего мне не рассказывай. Но ТЫ должен знать — ты призрак Лабиринта или нет.

— А что такое призрак Лабиринта? — спросил я.

— Артефакт, созданный Лабиринтом. Лабиринт увековечивает каждого, кто по нему проходит. Как будто записывает на пленку. Если ему нужно, он может вызвать нас обратно — такими, какими мы были в тот момент, когда проходили его. Он может использовать нас по своему усмотрению, отправлять туда, куда желает, дав нам задание… Уничтожать нас и опять создавать.

— И часто он проделывает это?

— Не знаю. Его воля, не говоря уж о его операциях с кем-то другим, мне незнакомы.

Потом она неожиданно объявила:

— Ты не призрак! — и схватила меня за руку. — Но что-то в тебе не так — не так, как у прочих, в ком течет кровь Амбера….

— Полагаю, — ответил я. — Мое происхождение ведется не только от Амбера, но и от Двора Хаоса.

Она поднесла мою руку ко рту, словно собравшись поцеловать. Но губы соскользнули мимо, к тому месту на запястье, где я рассек его по требованию Бранда. Тут меня как ударило: что-то в амберской крови, должно быть, особенно привлекает призраков Лабиринта.

Я попытался отнять руку, но и она обладала

силой Амбера.

— Иногда во мне течет пламя Хаоса, — сказал я. — Оно может тебе навредить.

Она медленно подняла голову и улыбнулась. Ее рот был выпачкан кровью. Я посмотрел вниз и увидел, что запястье тоже было мокрым от крови.

— Кровь Амбера имеет власть над Лабиринтом, — начала она, и вокруг ее щиколоток закрутился туман.

— Нет! — выкрикнула она тогда и еще раз склонилась вперед.

Вихрь поднимался к ее коленям. Я чувствовал, как она рвет зубами мое запястье. Я не знал никакого заклинания, чтобы бороться с этим, поэтому обхватил ее плечи и погладил по голове. Минутой позже она растворилась в моих объятиях, превратившись в кровавый смерч.

— Не сбейся с пути, — услышал я ее вопль, когда она, крутясь, уносилась от меня. На мостовой все еще дымилась ее сигарета. Кровь, капая, оставляла рядом с ней следы.

Я отвернулся и пошел прочь. Сквозь ночь и туман по-прежнему было слышно, как кто-то очень тихо играет на пианино одну из старинных мелодий. Я выбрал тропинку справа.

Куда бы ни падала моя кровь, реальность там подтаивала. Но рука заживала быстро, и скоро кровотечение прекратилось. Рану даже дергало не слишком долго.

— *Я весь в крови, мастер.*

— Это могло быть и пламя, — заметил я.

— *Там у камней я к тому же немного обжегся.*

— Извини! Ты догадался, что вокруг творится?

— *Никаких новых указаний, если ты об этом. Но я размышлял — теперь я знаю, как поступить, ведь здешние места нравятся мне все больше. Взять к примеру эти призраки Лабиринта. Если Лабиринт не может сам проникнуть сюда, он, по крайней мере, может использовать агентов. Тебе не кажется, что Логрус мог бы ухитриться сделать нечто подобное?*

— Полагаю, это возможно.

— *У меня создается впечатление, что здесь происходит что-то вроде поединка между ними — среди отражений, по другую сторону действительности. Что, если это место возникло раньше всего прочего? Даже раньше отражения? Что, если они с самого начала борются здесь в такой вот странной, метафизической манере?*

— Если так, то что?

— *В этом случае Отражение становится более*

поздней идеей, чуть ли не побочным продуктом напряжения между полюсами.

— А что, если эту идею тебе вложил Логрус совсем недавно, когда награждал тебя новыми силами?

— *Зачем?*

— Еще один способ заставить меня думать, что конфликт важнее людей. Еще один способ надавить на меня, чтобы я выбрал, на чьей я стороне.

— *Я не чувствую, чтобы мной манипулировали.*

— Как ты сам подчеркнул, думать для тебя дело новое. А добраться в такой ранний период до абстрактного мышления тебе не удалось. Здесь же идет игра абстракций.

— *Неужели?*

— Даю слово.

— *С чем же мы тогда остаемся?*

— С непрошеным вниманием свыше.

— *Если это их военная зона, лучше выражайся аккуратнее.*

— Чтоб им всем заболеть оспой. По непонятной мне причине для этой игры я им необходим. Так что с моими выражениями им придется примириться.

Где-то впереди, в небе, я услышал раскат гро-

ма.

— *Понимаешь, что я имею в виду?*

— Это блеф, — ответил я.

— *С чьей стороны?*

— По-моему, со стороны Лабиринта. Похоже, за реальность в этом секторе отвечают его призраки.

— *Знаешь, мы можем ошибаться насчет этого. Ведь наши догадки — это стрельба в темноту.*

— Чувствую, мы стреляем и в кое-что за этой темнотой. Вот почему я отказываюсь играть по чужим правилам.

— *У тебя появился план?*

— Свисай свободно. И, если я скажу «убей!», так и сделай. Давай-ка доберемся туда, куда мы идем.

Я снова побежал, оставив туман, оставив призраков играть в призраков в их призрачном городе. Светлая дорога шла через темный пейзаж, я бежал навстречу движению Отражений, а земля пыталась изменить меня. И снова была вспышка, и опять за ней последовал удар грома; рядом со мной то внезапно появлялись, то мгновенно исчезали подлинные уличные сцены. А потом по светлой дорожке заскользила темная фигура — как будто я пытался обогнать сам себя.

Позже я сообразил, что на самом деле это был эффект зеркала. Движения фигуры, которая бежала справа параллельно мне, передразнивали мои собственные, все, что случалось в это время на улице, происходило слева от меня и справа от моего призрачного дубля.

— *Что происходит, Мерль?*

— Не знаю, — отозвался я. — Но для символизма, аллегорий и разнообразной метафорической чепухи у меня неподходящее настроение. Если это аллегория, означающая, что вся жизнь — гонка с самим собой, то тут они сели в лужу, если только игрой не заправляют по-настоящему пошлые Силы. Тогда, по моим догадкам, это вполне в их духе. Как ты думаешь?

— *Я думаю, тебе все еще может грозить опасность получить удар молнии.*

Молния не ударила, а мое отражение исчезло. Этот эффект держался намного дольше, чем все те эпизоды у тропы, свидетелем которых я стал до этого. Я уже собрался было выбросить его из головы, но тут мое отражение прибавило скорость и вырвалось вперед.

— *О-го-го!*

— Ага, — согласился я и поднажал, чтобы сократить разрыв и не отстать от широкого шага

того, темного. Я догнал его, но голова в голову мы прошли всего несколько метров. Потом он стал снова выходить вперед. Я ускорил шаг и еще раз догнал его. Потом, повинуясь внезапному порыву, набрал в грудь воздуха, устремился вперед и обогнал его. Через некоторое время мой двойник заметил это, прибавил скорость и начал выигрывать. Я поднажал, сохраняя лидерство. Кстати, какого черта мы тут устраиваем гонки? Я посмотрел вперед и увидел, что вдали дорога расширяется. Похоже, там через нее была протянута финишная ленточка. О'кей, я решил выиграть, что бы ни означала эта гонка. Метров сто я удерживал лидерство, потом моя тень снова начала обходить меня. Я пригнулся и ненадолго смог удержать сократившийся разрыв межу нами, потом она снова двинулась, догоняя меня, в темпе, который, как я заподозрил, будет трудновато сохранять весь остаток пути до финишной ленточки. Все равно, такого я не ожидал. Я выдохся. Полностью. Сукин сын догнал меня, вырвался вперед и споткнулся. В этот миг я был позади него. Но существо больше не выказывало слабости — оно сохраняло огромную скорость, с которой мы теперь двигались, да и я не собирался сдаваться, остановить меня мог только разрыв сердца. Так

мы и бежали, черт знает как близко, буквально бок о бок. Не знаю, есть ли во мне способности к финальному спурту или нет. Не скажу, обогнал ли я его, шел ли с ним голова в голову или чуть отставал. Мы тяжело топали по параллельным поблескивающим тропинкам в сторону яркой линии, и тут ощущение стеклянной поверхности между нами вдруг исчезло. Две с виду узкие дорожки превратились в одну широкую. Руки и ноги моего соперника двигались не так, как мои. Ступив на финишную прямую, мы оказались все ближе и ближе — наконец, достаточно близко для того, чтобы узнать друг друга. Я соревновался в беге не со своим отражением, потому что его волосы откинуло назад, и я увидел, что у него нет левого уха. Тут я обрел силы для финального рывка. Он тоже. Когда мы достигли ленточки, то были очень близки друг от друга. Думаю, я первый коснулся ее, но уверенности у меня не было. Мы пролетели линию финиша и рухнули, ловя ртом воздух. Я быстро откатился, чтобы держать его под наблюдением, но он просто лежал, часто и тяжело дыша. Я положил руку на рукоять меча, слушая, как кровь стучит в висках. Отдышавшись немного, я заметил:

— Не знал, что тебе по силам такая гонка, Юрт.

Он рассмеялся.

— Ты многого не знаешь обо мне, брат.

— Уверен в этом, — согласился я.

Потом он тыльной стороной руки промокнул лоб, и стало заметно, что палец, который Юрт потерял в пещерах Колвира, снова на месте. Либо это был Юрт из другого потока времени, либо…

— А как Джулия? — спросил я. — С ней все в порядке?

— Джулия? — сказал он. — Кто это?

— Извини, — сказал я. — Ты ненастоящий Юрт.

— Ну и что из этого? — спросил он, облокачиваясь о землю и глядя на меня здоровым глазом.

— Настоящий Юрт никогда и близко не подходил к амберскому Лабиринту…

— Настоящий Юрт — Я!

— У тебя все пальцы на месте. А он недавно потерял один. Я был при этом.

Он неожиданно отвел глаза.

— Ты, должно быть, Логрусов призрак, — продолжал я, — Наверное, он пользуется теми же трюками, что и Лабиринт — увековечивает тех, кто прошел его.

— Так вот что случилось, — сказал он, — Я не мог как следует припомнить, почему я здесь — помнил только, что должен бежать с тобой.

— Держу пари, твои самые последние воспоминания, до того, как ты попал сюда, касаются преодоления Логруса.

Он оглянулся и кивнул.

— Ты прав. Что все это значит? — спросил он.

— Точно не знаю, — сказал я. — Но кое-какие мысли на этот счет у меня есть. Это место — что-то вроде вечной изнанки Отражения. Ситуация тут чертовски близка к тому, что и Лабиринту, и Логрусу сюда вход воспрещен. Но оба явно могут проникать в это место с помощью своих призраков — искусственно сделанных по снятым с нас копиям. А копии снимаются в тот момент, когда проходишь по ним…

— Ты хочешь сказать, что я — всего лишь что-то вроде записи на пленку? — Вид у него был такой, будто он вот-вот расплачется. — Только что все было так чудесно. Я прошел Логрус. Все Отражение лежало у моих ног. — Он помассировал виски. Потом сказал, как плюнул:

— Ты! Сюда меня перенесли из-за тебя…. чтобы я состязался с тобой и побил тебя в этой гонке.

— Ты отлично сработал. Не знал, что ты можешь так бегать.

— Узнав, что ты в колледже занимаешься бегом, я начал тренироваться. Хотелось так наловчить-

ся, чтобы тебе стало кисло.

— Получилось неплохо, — признал я.

— Но если бы не ты, я бы не очутился в этом проклятом месте. Или… — Юрт закусил губу. — Это не совсем верно, правда? — спросил он. — Я бы никуда не попал. Я всего лишь запись, копия…

Потом он уставился на меня.

— Сколько мы существуем? — сказал он. — На какое время рассчитаны призраки Логруса?

— Понятия не имею, — ответил я, — что нужно для создания такого призрака или как поддержать его существование. Но мне уже встретилось несколько призраков Лабиринта, и у меня создалось впечатление, что их каким-то образом поддерживает моя кровь, она дает им какую-то самостоятельность, независимость от Лабиринта. Только один из них — Бранд — получил вместо крови пламя и растворился. Дейрдре получила кровь, но ее не убрали. Не знаю, может, ей не хватило.

Он покачал головой.

— У меня такое чувство… не знаю, откуда оно… что то же самое сгодится и для меня, и что кровь — для Лабиринта, а пламя — для Логруса.

— Я не знаю, как определить, где моя кровь летуча, — сказал я.

— Здесь она запылает, — ответил Юрт. — Зависит от того, кто тут заправляет делами. Я просто знаю это. Не знаю, откуда.

— Тогда почему Бранда занесло на территорию Логруса?

Он усмехнулся.

— Может быть, Лабиринт решил использовать предателя, чтобы свергнуть кого-нибудь. Или, может, у Бранда были свои соображения — например, повести с Лабиринтом двойную игру.

— Это было в его духе, — согласился я. Мое дыхание, наконец, выровнялось.

Я вытащил из сапога хаосское лезвие, рассек левую руку пониже локтя, увидел, как оттуда заструилось пламя и протянул руку к Юрту.

— Скорей! Пей, если сумеешь! — крикнул я. — Прежде чем Логрус призовет тебя обратно.

Он ухватил мою руку и чуть не вдохнул пламя, которое било из меня фонтаном. Глянув вниз, я увидел, как становится прозрачными его ступни, за ними ноги. Кажется, Логрус обеспокоился и призывает его назад так же, как Лабиринт призвал Дейрдре. Я увидел, как в тумане, там, где прежде были ноги Юрта, завертелись огненные вихри. Потом они вдруг замерцали и исчезли, и вновь стали видны очертания конечностей.

Он продолжал пить мою летучую кровь, но я больше не видел языков пламени, хотя теперь он пил как Дейрдре, прямо из раны. Его ноги стали твердеть.

— Похоже, ты обретаешь стабильность, — сказал я. — Пей еще.

Что-то ударило меня в правую почку, я дернулся, отлетел прочь и, падая, обернулся. Рядом со мной стоял высокий темный человек, он опускал ногу, которой пнул меня. На нем были зеленые штаны и черная рубашка, голова была повязана зеленым платком.

— Это что за извращения? — спросил он, — Да еще в священном месте?

Я перекатился на колени, а потом поднялся, держа правую руку с вывернутым запястьем за спиной, чтобы скрыть за бедром кинжал. Левую руку я поднял и вытянул перед собой. Из свежей раны лился уже не огонь, текла кровь.

— Не твое собачье дело, — сказал я и, на ходу обретая уверенность, назвал его имя: Каин.

В поклоне он улыбнулся, потом скрестил и развел руки. Когда руки складывались, они были пусты, но когда правая рука снова показалась, в ней был кинжал. Должно быть, он появился из ножен, прикрепленных внутри пышного ру-

кава. Ему пришлось немало потренироваться, чтобы проделывать это так быстро. Я постарался вспомнить, что слышал о Каине и ножах, а когда вспомнил, то пожалел об этом. В драке на ножах он считался мастером. Вот черт.

— У тебя есть преимущество передо мной, — заявил он, — Ты очень похож на кого-то, но, по-моему, я тебя не знаю.

— Мерлин, — сказал я. — Сын Корвина.

Он начал было медленно обходить меня кругом, но остановился.

— Извини, мне трудно в это поверить.

— Дело твое. Это правда.

— А этот, второй, его зовут Юрт, верно?

Он указал на моего брата, который только что поднялся на ноги.

— Как ты узнал? — спросил я.

Он помедлил, морща лоб и щурясь.

— Я… Я точно не знаю, — сказал он.

— Я знаю, — сообщил я ему. — Постарайся вспомнить, где ты и как сюда попал.

Он отступил на пару шагов, потом вскрикнул:

— Вот он!

— Юрт! Осторожно! — закричал я.

Юрт развернулся и помчался как стрела. Я швырнул в Каина кинжал — это до добра не до-

водит, но сейчас со мной был меч, которым я мог достать Каина раньше, чем Каин меня. Юрт так и не потерял скорости и в мгновение ока очутился вне пределов досягаемости. Удивительно, но лезвие вонзилось Каину в правое плечо почти на дюйм, и не успел он повернуться ко мне, как его тело разлетелось на куски в разных направлениях, превратившись в несколько вихрей, которые мигом всосали все, что делало его похожим на человека. Летая друг возле друга, части призрака издавали пронзительные свистящие звуки, два слились в один более крупный, который после этого быстро поглотил остальные, при этом звук каждый раз понижался. Наконец, остался только один смерч. Он качнулся было ко мне, потом взвился в небо и развеялся. Кинжал швырнуло обратно в меня, он упал в шаге от моей правой ноги. Подняв его, я обнаружил, что он теплый, и пока я не убрал его в сапог, он несколько мгновений гудел.

— Что случилось? — спросил Юрт, поворачивая назад и приближаясь.

— Очевидно, призраки Лабиринта бурно реагируют на оружие Двора, — сказал я.

— Неплохо, если оно под рукой. Но почему он так набросился на меня?

— Думаю, его послал Лабиринт, чтобы не дать тебе независимость или уничтожить тебя, если ты получил ее. Кажется, ему ни к чему, чтобы агенты противоположной стороны обретали здесь силы и стабильность.

— Но я не представляю никакой угрозы. Я — сам за себя, и больше ни за кого. Просто до чертиков хочется вобраться отсюда и заняться собственными делами.

— Может, в этом и есть угроза.

— Как это? — спросил он.

— Кто знает, как может пригодиться тебе твое необычное происхождение, если ты станешь независимым, учитывая, что творится? Может нарушиться баланс Сил. Может, ты получишь какие-то сведения, пересуды о которых ни к чему тутошним заправилам, или найдешь способ подобраться к ним? Вдруг ты окажешься чем-то наподобие непарного шелкопряда? Ведь никто не замечает, как он воздействует на окружающую среду до тех пор, пока он не исчезнет из лаборатории. Ты можешь…

— Хватит! — он поднял руку, чтобы я замолчал. — Все это меня не волнует. Если они выпустят меня и оставят в покое, я стану держаться от них подальше.

— Убеждать тебе следует не меня, — сказал я.

Юрт пристально посмотрел мне в лицо, потом свернул в сторону. За пределами светящейся тропинки видна была лишь темнота, но он громко обратился, по-моему, не разбирая, к кому:

— Слышишь? Я не хочу в это впутываться! Я просто хочу, убраться отсюда! Живи и дай жить другим, понял? О'кей?

Протянув руку, я ухватил Юрта за запястье и дернул к себе. Почему? Потому что заметил, как в воздухе у него над головой начала образовываться маленькая призрачная копия знака Логруса. Миг — и она уже упала, полыхая, со звуком, похожим на щелканье хлыста. Пройдя через пространство, где перед тем находился Юрт, она исчезла, оставив на тропинке воронку.

Юрт взглянул наверх.

— Может, там готовят еще одну такую штуку. Она может ударить в любой момент, когда я меньше всего буду этого ожидать.

— Как и в реальной жизни, — согласился я. — Но мне кажется, можно расценить это, как предупредительный выстрел, и с тем их и оставить. Добраться сюда им было нелегко. Важнее вот что. Раз меня заставили поверить в то, что это — рыцарское странствие, не мог бы ты ответить

мне прямо сейчас — что ты должен был делать? Помогать мне или мешать?

— Сейчас, когда ты упомянул об этом, — сказал Юрт, я вдруг вспомнил, что там, где я был, имелись две вещи: возможность состязаться с тобой в беге и ощущение, что после мы подеремся… или случится еще что-нибудь.

— А сейчас ты это чувствуешь?

— Ну, мы с тобой никогда особенно не ладили. Но все равно мне не нравится идея, что меня используют таким образом.

— Хочешь, объявим перемирие до тех пор, пока я не соображу, как выбраться и из игры, и отсюда?

— Что это мне даст? — спросил Юрт.

— Юрт, я *найду*, как выбраться из этого проклятого места. Идем, дай руку… или, по крайней мере, не становись на дороге… и, когда я уйду, то прихвачу и тебя.

— Не уверен, что отсюда можно выбраться, — рассмеялся он, — вот только, если сами Силы освободят нас…

— Тогда тебе нечего терять, — сказал я, — и может, тебе даже удастся увидеть, как я погибну, пытаясь найти выход.

— Ты действительно знаком с обоими — и с

Лабиринтом и с Логрусом?

— Да. Но с Логрусом у меня получается куда лучше.

— Можно ли использовать кого-то из них против источника Сил?

— Весьма интригующий метафизический момент. Не знаю, как ответить, — сказал я, — и не уверен, что выясню это. Тут призывать Силы опасно. Все, что у меня осталось, это несколько заклинаний. Не думаю, что отсюда нас выведет магия.

— Тогда что же?

— Точно не скажу, но, по-моему, полной картины мне не видать, пока я не доберусь до конца этой тропинки:

— А, черт… не знаю. Не думаю, что проводить время именно здесь мне полезней, чем в любом другом месте. С другой стороны, что, если такие, как я, могут существовать только в подобном месте? Что, если ты отыщешь мне дверь, я шагну в нее и растаю?

— Раз в Отражении могут появляться призраки Лабиринта, почему не можешь ты? Дворкин с Обероном приходили ко мне еще до того, как я очутился здесь.

— Это обнадеживает. Ты бы попробовал, будь

ты на моем месте?

— Ты ставишь на кон жизнь, — сказал я.

Он засопел.

— Понял. Так и быть, иду с тобой, посмотрим, что из этого выйдет. Помощь не обещаю, но мешать тоже не буду.

Я протянул руку, но он покачал головой.

— Давай не будем увлекаться. Если без рукопожатия мои слова ничего не стоят, то и с ним они пустой звук, верно?

— Может быть.

— И потом, у меня никогда не было особого желания жать тебе руку.

— Извини, что предложил. Но, может, расскажешь, в чем дело? Никогда не мог понять тебя.

Он пожал плечами.

— Что, всегда должна быть причина?

— Иначе это абсурд, — ответил я.

— Или тайна, — отозвался он.

Я снова зашагал по дорожке, и Юрт шёл рядом со мной. Мы долго молчали. Когда уже я научусь держать язык за зубами, или останавливаться, если зашел слишком далеко. Тут разницы нет. Некоторое время дорожка шла прямо, но вдруг словно исчезла. Приблизившись к точке, в которой она пропадала, я понял, почему это

случилось, — тропинка огибала низкий выступ. Мы тоже повернули и тут же наткнулись на еще один. Вскоре мы оказались среди чего-то вроде американских горок, собранных в ровные ряды, и сообразили, что они скрадывают довольно крутой спуск. Когда мы стали спускаться по извилистой тропинке вниз, я вдруг заметил, что неподалеку от нас, впереди, висит что-то яркое. Юрт спросил:

— Что это?

На миг мне показалось, что перед нами повисла, круто уходящая вверх, наша же тропинка. Но видение рассеялось, и я понял, что перед нами нечто вроде огромной ямы. Воздух стал заметно остывать. Мы шли вниз по тропе, и вдруг моей руки коснулось что-то мокрое и холодное. Я глянул и в сгущающихся сумерках увидел летящие снежинки. Это они таяли на моей руке. Немного погодя мы заметили, что далеко внизу разлит яркий свет.

— *Я тоже не знаю, что это такое,* — запульсировал в моем мозгу Фракир.

— Спасибо, — подумал я в ответ, решив не рассказывать Юрту о Фракире.

Вниз. Вниз и по кругу. Назад. Назад и вперед. Делалось все холоднее. Порхали снежные хлопья.

В стене, вдоль которой мы теперь спускались, ряды камней начали поблескивать. Странно, до тех пор, пока я не поскользнулся в первый раз, я не понимал, почему.

— Лед! — неожиданно объявил Юрт, чуть не упав и хватаясь за камень.

Вдали возник звук, напоминающий вздох, приближаясь, он все усиливался. Это был холодный ветер, но мы не знали этого, пока на нас не налетел его сильный порыв. Дыханием ледникового периода он пронесся мимо, и я поднял воротник плаща. Мы продолжали спускаться, а ветер, чуть притихнув, летел нам вслед. К тому времени, как мы добрались до дна долины, стало чертовски холодно, а ступени либо полностью заиндевели, либо были покрыты льдом. Принося и унося хлопья снега или ледяные градины, ветер монотонно и тоскливо завывал.

— Поганый климат, — проворчал Юрт, стуча зубами.

— Вот уж не думал, что призраки восприимчивы к мирскому, — сказал я.

— Призрак, черт возьми! — заметил он, — Я чувствую себя полноценным человеком. Ты бы подумал о том, что, если нечто отправило меня в полном облачении сюда перебегать тебе дорогу,

оно могло, по крайней мере, учесть и такую возможность. Что, обязательно посылать призраков? И потом, это место не настолько уж мирское. Им хочется, чтобы мы куда-то пришли — так могли бы обеспечить и короткую дорогу. А при таком раскладе мы, пока доберемся до цели, рискуем превратиться в испорченный товар.

— Я не думаю, что Лабиринт или Логрус имеют здесь такую уж большую власть, — ответил я. — Вот что я тебе скажу: с том же успехом они могли бы и вовсе убраться с нашего пути.

Тропинка вышла на поблескивающую равнину — такую плоскую и блестящую, что я начал опасаться, как бы она не оказалась из чистого льда. И не ошибся.

— На вид скользко, — сказал Юрт. — Изменю-ка я ступни, надо сделать их пошире.

— Ты загубишь сапоги, и ноги будут мерзнуть, — сказал я. — Почему бы просто не перенести часть своего веса вниз? Так снизишь центр тяжести.

— У тебя на все готов ответ, — мрачно начал он, потом закончил: — Но на этот раз ты прав.

Мы постояли несколько минут, пока он делался ниже и коренастее.

— А сам ты не собираешься меняться? — спросил Юрт.

— Рискну сохранить центр тяжести на месте — так я смогу идти быстрее.

— И еще — шлепнуться на задницу.

— Посмотрим.

Мы тронулись в путь, держа равновесие. Чем дальше от стены, вдоль которой мы спускались, тем сильнее становился ветер. И все же наша ледяная дорога не была такой скользкой, какой казалась издалека. На ней были крошечные ребрышки и какая-то рябь, этого оказалось достаточно, чтобы обеспечить некоторое сцепление с ледяным пространством. Воздух жег легкие, проникая в них, снежные хлопья сбивались в стремительно крутящиеся столбики, которые, как странные волчки, перелетали через дорогу. Дорога испускала голубоватое сияние, окрашивая голубизной те хлопья, которые попадали в него. Мы прошагали, наверное, с четверть мили, а потом пошли новые серии призрачных образов. Первый представлял меня самого, распростертого на куче доспехов в часовне, второй — Дейрдре под фонарем, глядевшую на часы.

— Кто это? — спросил Юрт.

— В первый раз, когда я их увидел, то не знал — да и сейчас не знаю, — ответил я, — хотя, когда мы только начинали свою гонку, счел тебя одним

из них… Они приходят и уходят, казалось бы, беспорядочно, наугад, и нет никаких особых причин для их появления и исчезновения.

Потом появилось что-то вроде столовой, на столе стояла ваза с цветами. В комнате ничего не было. Вот оно — появилось, исчезло… Нет. Не совсем. Видение исчезло, но цветы остались. Здесь, на ледяной поверхности. Я остановился, потом направился к ним.

— *Мерль, я не знаю, можно ли сходить с дороги…*

— О, черт, — ответил я, шагая к глыбе льда, которая напоминала о Стоунхеджской зоне, из которой я пришел. У ее основания, беспорядочно вспыхивая, играли краски.

Цветов было много — розы разных сортов. Нагнувшись, я подобрал одну, похоже было, что она серебряная…

— Что ты тут делаешь, мальчуган? — услышал я знакомый голос.

Я медленно выпрямился и увидел, что появившаяся из-за ледяной глыбы высокая темная фигура обращается не ко мне. И кивки, и улыбка были адресованы Юрту.

А потом призрак обратился ко мне:

— Серебряная роза Амбера, по-моему, принад-

лежит лорду Корвину? Привет, Мерлин. Ищешь отца?

Я вынул одну из запасных булавок, которые держал приколотыми с изнанки плаща. Ею я воспользовался, чтобы приколоть розу слева на грудь. С нами говорил лорд Борель, герцог королевского дома Савалла, и, по слухам, один из давних любовников моей матери. Кроме того, он считался одним из самых беспощадных людей при Дворе, владеющих мечом. Долгие годы его навязчивой идеей было убить моего отца, Бенедикта или Эрика. К несчастью, он встретился с Корвином, как раз когда отец спешил, и они так и не скрестили мечи. Вместо этого Корвин одурачил его и убил в поединке, который, по-моему, строго говоря, нельзя было считать честным. Но тут все о'кей. Он никогда не нравился мне.

— Борель, ты мертв. Знаешь ты это? — сказал я ему. — Ты только призрак человека, которым был в тот день, когда прошел Логрус. В реальном мире лорда Бореля больше нет. Хочешь знать, почему? Потому что в день Битвы за Падение Лабиринта Корвин убил тебя.

— Врешь, негодяй! — крикнул он.

— Э-э, нет, — вмешался Юрт. — Ты умер, будь спокоен. Как я слышал, тебя проткнули. Хотя и не

знал, что это сделал Корвин.

— Корвин, — подтвердил я.

Он отвел глаза и стало заметно, как мышцы на его челюстях вздуваются и расслабляются.

— А здесь что, загробный мир? — спросил он чуть погодя, все еще не глядя на нас.

— По-моему, можно сказать и так, — откликнулся я.

— А тут можно еще раз умереть?

— Наверное, — сказал я.

— А это что? — он вдруг опустил глаза, и я проследил, куда он смотрит. Возле нас на льду что-то лежало. Я шагнул туда.

— Рука, — ответил я. — Похоже, человеческая.

— Что она тут делает? — спросил Юрт, который подошел и пнул ее ногой.

То, как рука шевельнулась, показало, что она не просто лежит, а, скорее, высовывается из-подо льда. Она дернулась, и после того, как Юрт лягнул ее, еще несколько секунд продолжала судорожно сгибаться. Потом чуть поодаль я заметил что-то, похожее на ногу, дальше — плечо с предплечьем, кисть руки…

Какой-то каннибальский морозильник, — предположил я.

Юрт улыбнулся.

— Тогда и вы мертвые, — заявил Борель.

— Нет, — возразил я. — Я настоящий. Просто иду мимо, направляясь в местечко получше этого.

— А Юрт?

— Юрт и физически, и теологически представляет собой интересную проблему, — объяснил я. — Он наслаждается тем, что находится в двух местах одновременно.

— Не сказал бы, что наслаждаюсь этим, — заметил Юрт. — Но, учитывая, какова альтернатива, наверное, я рад, что я здесь.

— Вот пример оптимистического мышления, которое за многие годы дало Двору столько чудес, — объявил я.

Юрт хмыкнул. Раздался тот похожий на вздох металлический звук, который нелегко забыть. Я знал, что, скорее всего, не успею вытащить меч и вовремя отбить удар, если Борель захочет проткнуть меня сзади. С другой стороны: если дело касалось человекоубийства, он соблюдал все мелочи рыцарского этикета и очень этим гордился. Борель всегда вел честную игру, потому что так владел мечом, что все равно никогда не проигрывал. А может, он стремился иметь хорошую репутацию. И немедленно поднял обе руки, чтобы вывести его из себя, сделав вид, будто он

угрожает мне с тыла.

— Оставайся невидимым, Фракир, а когда я обернусь и хлопну по запястью — вперед. Достанешь до него, прижмешься потеснее и доберешься до горла. А там знаешь, что делать.

— *Идет*, — ответил он.

— Мерль, обнажи меч и обернись.

— По-моему, это звучит не слишком-то по-спортивному, Борель, — ответил я.

— Ты смеешь обвинять меня в нарушении приличий? — сказал он.

— Пока я не знаю, что у тебя на уме, сказать трудно, — ответил я.

— Тогда обнажи меч и обернись.

— Оборачиваюсь, — сказал я, — но не притрагиваюсь к мечу.

Я быстро обернулся, хлопнув себя по левому запястью, и почувствовал, как Фракир покидает его. При этом мои ноги скользнули вперед — от слишком быстрого поворота на очень гладком ледяном пятачке. Удержавшись от падения, я почувствовал, как передо мной появилась тень. Подняв глаза, дюймах в шести от своего носа я увидел острие меча Бореля.

— Выпрямись, — приказал он, и я повиновался.

— Теперь вытащи меч, — сказал Борель.

— А если я откажусь? — спросил я, пробуя выиграть время.

— То докажешь, что недостоин считаться джентльменом, и я поступлю соответственно этому.

— То есть все равно нападешь? — спросил я.

— Правила это разрешают.

— Пошел ты со своими правилами, — ответил я, отпрыгивая назад, потом вытащил меч и занял оборонительную позицию.

Борель мигом кинулся на меня. Я продолжал отступать, огибая ледяную глыбу, из-за которой он появился. Не было никакого желания останавливаться и обмениваться с ним ударами, особенно теперь, когда стало ясно, с какой скоростью он атакует. Пока я отступал, парировать удары было куда легче. Но с моим мечом что-то было не так. Быстро осмотрев его, я понял, в чем дело. Меч был НЕ МОЙ. В сверкающем свете, идущем от дорожки и отражающемся ото льда, на клинке виднелась выгравированная спираль. Мне был известен лишь один такой меч, и совсем недавно я видел его в руках того, кто мог оказаться моим отцом. Передо мной мелькал Грейсвандир. Я почувствовал, что улыбаюсь иронии ситуации.

Настоящего лорда убили именно этим мечом.

— Улыбаешься собственной трусости? — рявкнул он, — Остановись и прими бой, ублюдок!

Словно в ответ на его предложение я почувствовал, что больше не отступаю. Что-то мешало мне продолжать движение назад. Посмотрев вниз, я увидел нечто ошеломляющее. Видно, то же случилось и с нападающим. Во всяком случае, на лице его отразилось такое же удивление. Нисколько торчавших изо льда рук ухватили нас за лодыжки и крепко держали на одном месте. Теперь настала очередь Бореля улыбаться, потому что, хотя он и не мог сделать выпада, отступать я тоже не мог. Его клинок мелькнул передо мной, как молния, я парировал «ин кварте» и атаковал «ин сиксте». Он отбил удар и сделал отвлекающий выпад. Потом снова «ин кварте» и новая атака. Ответный удар. Он отбил «ин сиксте»… Нет, это было обманное движение. Еще одно. Удар… Что-то белое и твердое вылетело у него из-за плеча и ударило меня в лоб. Я отлетел назад, но цепляющиеся за меня руки не дали упасть. Все это получилось кстати, иначе Борель, сделав выпад, проткнул бы мне печень. Когда колени у меня подогнулись, я непроизвольно выбросил руку вперед, — а может, это волшебство, обитающее,

по слухам, в Грейсвандире, дернуло ее туда. Даже не глядя в ту сторону, я почувствовал, что клинок во что-то попал и услышал, как Борель удивленно замычал, а потом пробормотал ругательство. Тогда стало слышно, что и Юрт выругался. Его я не видел. Когда я согнул ноги, чтобы восстановить равновесие, и начал подниматься, держась за рану в голове, что-то яркое вспыхнуло совсем рядом. Тут я увидел, что сумел отрубить Борелю руку, и из раны фонтаном бьет пламя! Его тело засветилось, а контуры снизу начали размываться.

— Ты превзошел меня в мастерстве! — выкрикнул он.

Я пожал плечами.

— Но это ведь не зимние Олимпийские Игры, — сказал я.

Оставшейся рукой он швырнул в меня меч и тут же растворился, превратившись в столб пламени, унесся вверх и там исчез. Я отбил меч, он упал слева от меня, воткнулся в лед и торчал там, дрожа, как в скандинавской версии легенды о короле Артуре. Юрт рванулся ко мне, пинками отбросил державшие меня за щиколотки руки и, глядя на мой лоб, прищурился.

Я почувствовал, как на меня что-то упало.

— *Извини. Я попал ему в колено. К тому време-*

ни, как я добрался до горла, он уже горел, — сказал Фракир.

— Все хорошо, что хорошо кончается — ответил я. — Ты не обжегся. Нет?

— *Я даже не почувствовал жара.*

— Я попал в тебя куском льда, извини, — сказал Юрт. — Я целился в Бореля.

Я пошел прочь от усеянной руками равнины, держа путь обратно к тропинке.

— Ничего, это даже помогло мне, — сказал я, хотя благодарности не испытывал. Как знать, в кого он целил на самом деле? Я еще раз оглянулся: несколько рук — тех, что получили от Юрта пинки, — грозили нам пальцем. Как у меня оказался Грейсвандир? Победило бы другое оружие Логрусов призрак? Зачем меня сюда притащил отец? Может, он решил, что нужны дополнительные преимущества, и его клинок сможет их обеспечить? Мне хотелось думать именно так, верить, что он — не просто призрак Лабиринта. А если так, непонятно, какова его роль, Что он может знать обо всем этом? И на чьей он стороне? Пока мы шли по тропинке, ветер утих, а изо льда торчали только руки, державшие факелы, которые далеко освещали нам путь, так что видно было подножие крутой насыпи. Мы пересекли

этот застывший край, но ничего плохого с нами не случилось.

— Судя по тому, что ты мне рассказал и что я увидел, — задумчиво сказал Юрт, — впечатление такое, что это путешествие устроил Лабиринт, а Логрус пытается проверить, если ли у тебя билет.

Лед треснул сразу в нескольких местах. С обеих сторон к нам побежали трещины, но, приблизившись к тропинке, они сбавили скорость. Тут я в первый раз заметил, что тропа поднялась над равниной. Теперь у нас под ногами было что-то вроде дамбы, а лед по обе стороны от нее ломался, не причиняя нам вреда.

Мы добрались до стены и начали подъем, а руки, хоть и не все, похоже, махали нам на прощанье. Юрт показал им нос.

— Можешь ли ты винить меня в том, что я хочу удрать отсюда? — спросил он.

— Ничуть, — ответил я.

— Если переливание, которое ты мне сделал, действительно вывело меня из-под контроля Логруса, то я могу оставаться здесь сколько угодно?

— Вполне вероятно.

— Вот поэтому ты должен понимать, что лед я кинул в Бореля, а не в тебя. Ты соображаешь лучше, чем он, и, может быть, сумеешь найти

выход отсюда. К тому же он тоже был созданием Логруса, и его пламени могло бы не хватить, если бы возникла нужда.

— Мне это тоже приходило в голову, — сказал я. — К чему это ты клонишь?

— Пытаюсь объяснить, что окажу тебе любую помощь, какая потребуется, только не оставляй меня здесь, когда будешь уходить. Я знаю, прежде мы никогда не ладили, но, если ты не против, хотелось бы оставить это до лучших времен.

— Я всегда был за, — сказал я. — Это ты начинал все драки и постоянно причинял мне неприятности.

Он улыбнулся.

— Никогда я этого не делал и никогда больше не сделаю, — пообещал он. — Ладно, о'кей, ты прав. Я не любил тебя, и, может статься, не люблю до сих пор. Но раз мы нужны друг другу для такого дела, я не подведу.

— Насколько я понял, я нужен тебе куда больше, чем ты мне.

— С этим трудно спорить, и нельзя заставить тебя доверять мне, — сказал он, — Хотел бы я суметь сделать это.

Прежде, чем Юрт заговорил снова, мы преодолели еще часть подъема, и я почувствовал, что

воздух чуть потеплел. Потом он продолжил:

— Давай-ка посмотрим на все вот под каким углом: я похож на твоего брата Юрта и очень похож на того, кем он был когда-то, — похож, но не идентичен. Со времени нашей гонки разница между нами растет. Ситуация, в которой я нахожусь, единственна в своем роде, а с тех пор, как я получил самостоятельность, я не переставал размышлять. Настоящий Юрт знает то, что мне неизвестно, и обладает силами, которыми я не обладаю. Но все, что хранилось в его памяти до того дня, когда я прошел Логрус, со мной. Кроме того, мне кажется, что его мысли отзываются во мне, как эхо. Если сейчас он так опасен, как ты говоришь, то я тебе не помешаю, а даже помогу, когда нужно будет догадаться, что у него на уме.

— Что-то в этом есть, — признал я. — Если только, разумеется, вы с ним не споетесь.

Юрт покачал головой.

— Юрт не станет доверять мне, — сказал он, — а я — ему. Мы оба знаем друг другу цену. Дело в самоанализе, понимаешь?

— Значит, не стоит доверять вам обоим.

— Ага, наверное, так, — сказал он.

— Ну так с чего это я должен верить тебе?

— Ну хотя бы потому, что сейчас деваться мне

некуда. И еще потому, что я окажусь тебе полезным.

Мы поднимались еще несколько минут, и я сказал:

— В тебе меня больше всего тревожит то, что Юрт прошел Логрус вовсе не так давно. Будь ты одним из вариантов моего родственничка, которого я терпеть не могу, только постарше и помягче… Но ты — совсем свежая модель. Что касается расхождений с оригиналом, непонятно, как разница могла стать такой большой за такое короткое время.

Он пожал плечами.

— Что я еще могу сказать? — спросил он, — Давай тогда общаться только с позиции силы и собственных интересов.

Я улыбнулся. Мы оба знали, как ни крути, иначе быть не могло. Но беседа помогла скоротать время.

Пока мы карабкались наверх, мне в голову пришла мысль.

— Как ты думаешь, ты можешь ходить по Отражению? — спросил я Юрта.

— Не знаю, — ответил он, помолчав. — Последнее, что мне запомнилось перед тем, как я сюда попал, это что я прошел Логрус до конца. Догады-

ваюсь, что тогда же завершилась и запись. Так что учил ли меня Сухьи ходить по Отражению, пробовал ли я делать это — не помню. Мне кажется, я сумею. А как по-твоему?

Я остановился, чтобы перевести дух.

— Вопрос такой, что, мне кажется, я не вправе даже рассуждать об этом. Мне подумалось, может, у тебя есть готовые ответы на такие вопросы — что-нибудь вроде сверхъестественного осознания своих способностей и их пределов.

— Боюсь, что нет. Конечно, если считать интуицию сверхъестественной…

— Ну, если бы ты хоть чем-то уже доказал, что твои предчувствия сбываются, наверное, так бы и подумал.

— Черт. Еще рано делать выводы…

— Ты прав.

Вскоре мы взобрались выше границы тумана, из которого, видимо, и падали хлопья. Еще немного — и ветер превратился в ветерок. А потом и совсем улегся. И вот, наконец, показалась вершина, и вскоре мы добрались до нее. Я обернулся и посмотрел назад, вниз. Все, что мне удалось увидеть, это слабое свечение во мгле. В другую сторону наша тропинка шла зигзагом, кое-где напоминая серии черточек азбуки Морзе, которые

постоянно прерывались — точками камней. Мы шли по ней, пока она не свернула влево. Стараясь отыскать в окружающем нас мире хоть что-то знакомое, я тем не менее не забывал следить за Юртом. Разговор — только слова, а он все-таки был вариантом того Юрта, с которым я вместе рос. Вот я и готовился, если окажусь по его милости в какой-нибудь ловушке, проткнуть его Грейсвандиром сразу, как только пойму это. Мерцание… Что-то вроде пещеры открывалось слева по другую сторону реальности. По крутой городской улице ехала машина странной формы…

— Что? — начал Юрт.

— Смысла я по-прежнему не вижу. Хотя и раньше уже натыкался на целую кучу таких картин. Честно говоря, сперва я подумал, что и ты — одна из них.

— Выглядит это достаточно реально, чтобы войти.

— Может, так оно и есть.

— Вдруг мы выберемся отсюда через нее?

— Мне почему-то кажется, что это было бы слишком легко.

— Ну, давай рискнем.

— Иди вперед, — сказал я.

Мы сошли с тропинки, приблизились к этому

окошку в реальности и зашагали дальше. Юрт мигом очутился на тротуаре там, где по мостовой ехал автомобиль. Он обернулся и помахал. Видно было, что губы Юрта шевелятся, но слова до меня не долетали. Раз я сумел смахнуть снег с красного шевроле, почему бы не войти в одну из таких картин целиком? А если это мне удастся, нельзя ли будет уйти оттуда по Отражениям куда-нибудь в более подходящее место, оставив этот темный мир позади? Я двинулся вперед. Внезапно я оказался там, и меня окружили звуки. Я оглядел дома, крутую улочку. Послушал шум уличного движения и понюхал воздух. Это вполне могло быть, одно из Отражений Сан-Франциско. Я поспешил вдогонку Юрту, направляющемуся к углу улицы. Быстро догнав его, я пошел рядом. Мы вышли на угол. Свернули и остановились, как вкопанные. Там ничего не было. Мы наткнулись на стену черноты, Не просто тьмы, а совершенной пустоты, от которой тут же попятились. Я протянул руку. Около стены в ней началось покалывание и жжение, потом меня зазнобило, а за ознобом пришел страх. Я отступил. Юрт потянулся к стене — и почувствовал то же самое. Он резко остановился, подобрал из помойки донышко битой бутылки, обернулся и запустил им в ближайшее окно.

Затем помчался к разбитому окну. Я бросился за ним, и мы оба уставились в проем. Опять чернота. По ту сторону окна вообще ничего не было.

— Страшновато, — заметил я.

— Угу, — отозвался Юрт. — Как будто нам дают очень ограниченный доступ к разным Отражениям. Что скажешь?

— Хотел бы я знать вот что: не должны ли мы что-нибудь отыскать в одной из таких картин?

Вдруг чернота за окном исчезла, и на маленьком столике внутри замигала свеча. Я потянулся было к ней сквозь разбитое стекло. Свеча тут же исчезла. Там снова была одна чернота.

— Считаю, что тебе ответили «да», — сказал Юрт.

— По-моему, ты прав. Но не можем же мы обыскивать все до единой картины, мимо которых проходим.

— Сдается мне, это просто попытка привлечь твое внимание, заставить понять, что нужно внимательно следить за происходящим, и как только ты начнешь все брать на заметку, что-нибудь вероятно, объявится.

Вспыхнул яркий свет. Теперь стол за окном был целиком уставлен пылающими свечами.

— О'кей, — крикнул я туда. — Если тебе нужно

только это, я это сделаю. Нужно мне искать здесь что-то еще?

Наступила тьма. Она выползала из-за угла и медленно подбиралась к нам. Свечи исчезли, и из окна тоже поплыла тьма. Здание на другой стороне улицы пропало за черной стеной.

— Считаю, что ответ отрицательный, — крикнул я. Потом повернулся и погнал тьму назад по сужающемуся черному тоннелю к дороге. Юрт не отступал ни на шаг.

— Здорово придумано, — сказал я ему, когда мы снова стояли на светящейся тропе, наблюдая, как поодаль прекращала свое существование идущая в гору улица. — Думаешь, надо было просто наугад соваться в эти картинки, пока, наконец, не войдешь в одну из них?

— Да.

— Зачем?

— Думаю, там у него больше возможностей контролировать ситуацию и можно отвечать на твои вопросы.

— «У него» — это у Лабиринта?

— Может быть.

— О'кей. В следующую картину, которую он мне откроет, я войду. И буду делать все, чего он хочет, если это значит, что так я скорее выберусь

отсюда.

— Мы, братец. Мы.

— Конечно, — ответил я.

Мы снова тронулись в путь. Но ничего нового и интригующего рядом с нами не появлялось. Дорога шла зигзагами, мы шагали по ней, а я недоумевал, с кем на сей раз придется столкнуться. Если тут и правда территория Лабиринта, а я — на волосок от того, чтобы выполнить его желание, Логрус, похоже, может послать кого-нибудь, чтобы попытаться отговорить меня. Но никто так и не появился, мы в последний раз свернули, тропинка вдруг ненадолго перестала петлять, а потом мы увидели, что вдалеке она неожиданно обрывается, уходя во что-то большое и темное, похожее на гору. Мы устало потащились к ней. Стоило мне прикинуть, что может оказаться там внутри, как во мне шевельнулся смутный страх перед замкнутым пространством, и я услышал, что Юрт бормочет непристойные ругательства. За поворотом я увидел спальню Рэндома и Виалы в Амбере. Мой взгляд скользнул с южной стороны комнаты между диваном и столиком подле него, мимо стула по ковру с подушками к камину и окнам, пропускавшим по обе стороны от него мягкий дневной свет. Кровать, как и прочая ме-

бель, была пуста, а поленья на каминной решетке сгорели до дымящихся красных угольков.

— Что дальше? — спросил Юрт.

— Вот оно, — ответил я. — Это должно быть оно, не понимаешь, что ли? Стоило получить сообщение о том, что происходит, и он выдал нам нечто реальное. И еще, по-моему, действовать придется быстро — как только я пойму, что…

Один из камней возле камина засветился красным. Я наблюдал, а свечение усиливалось. Это никак не могло быть из-за углей. Значит… Повинуясь властному приказанию, я рванулся вперед. Юрт что-то выкрикивал мне вслед, но, как только я очутился в комнате, его голос как отрезало. Проходя мимо постели, я ощутил слабый аромат любимых духов Виалы. Не было сомнений, это действительно Амбер, а не просто его точное Отражение. Я быстро подошел к камину с правой стороны. Позади меня в комнату ввалился Юрт.

— Лучше выходи на бой! — закричал он.

Крутанувшись на каблуках, я взглянул ему в лицо и крикнул:

— Заткнись! — а потом прижал палец к губам.

Он пересек комнату, подошел ко мне, взял за руку и сипло прошептал:

— Борель опять пытается материализоваться!

К тому времени, как ты уйдешь отсюда, он уже обретет плоть и будет поджидать тебя!

Из гостиной раздался голос Виалы:

— Есть тут кто-нибудь? — позвала она.

Я вырвал руку, опустился на колени на каминный коврик и ухватился за светящийся камень. Казалось, он вмурован намертво, но стоило потянуть его — и он с легкостью вышел из стены.

— Как ты узнал, что этот камень выйдет свободно? — прошептал Юрт.

— Свечение, — ответил я.

— Какое свечение? — спросил он.

Не отвечая, я засунул руку в открывшееся отверстие, легкомысленно понадеявшись, что никаких ловушек там нет. Отверстие было куда длиннее, чем камень. Пальцы наткнулись на что-то, свисавшее с гвоздя или крюка: цепочка. Я ухватил ее и потянул на себя. Юрт рядом со мной затаил дыхание. В последний раз я видел такую штуку, когда Рэндом надевал ее на похороны Каина. В моей руке был Камень Правосудия. Быстро подняв его, я накинул цепь себе на шею и позволил красному камню упасть мне на грудь. В этот самый момент дверь в гостиную отворилась. Приложив палец к губам, я еще раз протянул руку, схватил Юрта за плечи и развернул его назад

к стене, которая открывалась на нашу тропу. Он было запротестовал, но я резким толчком отбросил его туда.

— Кто тут? — послышался голос Виалы, и Юрт оглянулся на меня с озадаченным видом.

Я считал, не стоит терять времени на то, чтобы объяснять ему, что она слепа. Поэтому я еще раз подтолкнул его. Но теперь он отступил в сторону, подставил ногу, просунул руку мне за спину и пихнул вперед. С моих губ сорвалось короткое бранное слово, а потом я упал. Слышно было, как за моей спиной Виала сказала: «Кто…», и ее голос пропал. Я вылетел на тропинку и, падая, ухитрился вытащить из правого сапога кинжал. Откатившись в сторону, я вскочил и направил лезвие на Бореля, который, кажется, снова обрел плоть. Разглядывая меня, он улыбался, не доставая оружия из ножен.

— Тут нет поля, на котором растут руки, — заявил он. — Счастливый случай тебе больше не представится — случай, подобный тому, каким ты насладился в нашу последнюю встречу.

— Надо же, как скверно, — сказал я.

— Если только я выиграю ту побрякушку, что ты носишь на шее, и доставлю ее Логрусу, мне даруют нормальное существование, чтобы я за-

менил своего живого двойника — того, которого, как ты сам сказал, предательски убил твой отец.

Видение Амберских королевских покоев исчезло. Юрт стоял у дороги, около того места, где они были отделены от этой странной области.

— Я знал, что мне с ним не справиться, — крикнул он, почувствовав на себе мой взгляд, — но тебе однажды удалось его победить.

Я пожал плечами. Тут Борель повернулся к Юрту.

— Ты предашь Двор и Логрус? — спросил он его.

— Напротив, — ответил Юрт. — Я могу уберечь их от серьезной ошибки.

— Что это может быть за ошибка?

— Расскажи ему, Мерлин. Расскажи ему то, что рассказал мне, когда мы выбрались из той морозилки, — сказал он.

Борель оглянулся на меня.

— В такой ситуации есть кое-что и забавное, — сказал я. — Сдается мне, это — поединок Сил, Логруса и Лабиринта. Амбер и Двор тут могут оказаться на втором месте. Понимаешь…

— Смешно! — перебил он, обнажая меч. — Все это чушь, которую ты выдумал, чтобы уклониться от НАШЕГО поединка!

Перебросив кинжал в левую руку, правой я вытащил Грейсвандир.

— Тогда черт с тобой! — сказал я. — Иди-ка и получи свое!

Мне на плечо легла рука. Не переставая давить, она слегка повернула меня и отбросила прочь от дороги. Уголком глаза я заметил, что, Борель сделал шаг назад.

— Ты очень похож то ли на Эрика, то ли на Корвина, — донесся знакомый тихий голос, — хотя я тебя не знаю. Но у тебя — Камень, и это делает тебя слишком важной особой, чтобы рисковать в пустячной ссоре.

Я повернул голову и увидел Бенедикта — Бенедикта, у которого были две совершенно нормальные руки.

— Меня зовут Мерлин, я — сын Корвина, — сказал я, — а это — мастер-дуэлянт Двора Хаоса.

— Похоже, Мерлин, ты выполняешь какую-то миссию. Ну, и займись ею, — сказал Бенедикт.

Острие клинка Бореля мгновенно заняло положение в десяти дюймах от моего горла.

— Никуда ты не пойдешь, — заявил он, — а если пойдешь, то не с Камнем.

Из ножен бесшумно вылетел меч Бенедикта, мгновенно отбивший меч Бореля.

— Я же сказал, иди своей дорогой, Мерлин, — велел Бенедикт.

Поднявшись, я быстро убрался за пределы досягаемости, осторожно обойдя обоих.

— Если ты убьешь его, — сообщил Юрт, — через некоторое время он опять сможет материализоваться.

— Как интересно, — заметил Бенедикт, легким ударом отбивая атаку и чуть отступая. — И через какое время?

— Через несколько часов.

— А сколько нужно времени, чтобы вы закончили… чем вы там заняты?

Юрт посмотрел на меня.

— Кто его знает, — сказал я.

Защищаясь, Бенедикт выполнил необычно короткий удар, после чего сделал шаг, странно приволакивая ногу, и быстро напал, рубя и рассекая воздух. С рубашки Бореля на груди отлетела пуговица.

— Раз так, я немного затяну поединок, — сказал Бенедикт. — Удачи, парень.

Он коротко отсалютовал мне мечом, и тут Борель атаковал. Бенедикт применил итальянскую «шестерку», отчего острия клинков отскочили в сторону, и одновременно пошел в наступление.

Потом он быстро вытянул вперед свободную руку и дернул противника за нос, после чего оттолкнул его, отступил на шаг и улыбнулся.

— Сколько ты обычно берешь за урок? — донесся до нас его вопрос, когда мы с Юртом торопливо шли по тропинке.

— Интересно, сколько времени уходит у каждой Силы, чтобы материализовать призрак? — спросил Юрт, когда мы шагали туда, где, по всей видимости, в горе исчезала наша тропинка.

— На одного только Бореля ушло несколько часов, — ответил я, — а если Логрусу настолько нужен Камень, то он, по-моему, соберет целую армию призраков, если сумеет. Теперь я уверен, что обеим Силам очень трудно попасть сюда.

Сдается мне, они могут проявляться только через тонкие струйки энергии. Будь это иначе, мне никогда бы не забраться так далеко.

Юрт потянулся, словно желая потрогать Камень, но, очевидно, передумал и убрал руку.

— Кажется, теперь ты действуешь заодно с Лабиринтом, — заметил он.

— Да и ты, кажется, тоже. Если конечно, не задумал в последнюю минуту воткнуть мне нож в спину, — сказал я.

Он улыбнулся.

— Не смешно. Мне приходится быть на твоей стороне. Я понимаю, что Логрус создал меня как свое орудие. Когда дело будет сделано, меня вышвырнут на свалку. Мне кажется, что, если бы не переливание, я бы уже рассеялся. Поэтому я на твоей стороне, нравится мне это или нет, и спина твоя в безопасности.

Мы все бежали по тропинке, ставшей теперь прямой, конечный пункт приближался. Юрт спросил:

— Чем же так важна эта побрякушка? Похоже, она нужна Логрусу позарез?

— Называется она Камнем Правосудия, — ответил я, — говорят, он старше самого Лабиринта и использовался при его создании.

— Как ты думаешь, почему тебя привели к камню и так легко позволили им завладеть?

— Понятия не имею, — сказал я. — Если сообразишь что-нибудь раньше меня, буду рад услышать.

Вскоре мы достигли места, где тропинка ныряла в еще более густую тьму. Мы остановились и осмотрелись.

— Никаких указателей, — заметил я, разглядывая вход с обеих сторон и сверху.

Юрт странно посмотрел на меня:

— Твое чувство юмора я никогда не понимал, Мерлин. Кто это будет вешать указатели в таком месте?

— Кто-нибудь, у кого чувство юмора такое же странное, как у меня, — ответил я.

— С тем же успехом можно идти дальше, — сказал он, поворачиваясь к черной дыре, над которой появилась ярко-красная надпись «ВХОД». Юрт вытаращил на нее глаза, потом медленно покачал головой. Мы вошли. Извилистый тоннель уходил вниз, что отчасти озадачило меня. Из-за того, что в этих краях чуть ли не все было искусственным, я ожидал, что прямая, как линейка, дорога пройдет сквозь геометрически совершенную во всем шахту с гладкими стенами. Вместо этого мы пробирались словно бы через анфиладу пещер естественного происхождения: куда ни глянь, виднелись сталактиты, сталагмиты, пилястры и впадины. Стоило мне повернуться, чтобы внимательно рассмотреть хоть что-нибудь, как Камень отбрасывал на это зловещий свет.

— Ты знаешь, как обращаться с этим Камнем? — спросил Юрт.

Я припомнил, что мне рассказывал отец.

— Думаю, буду знать, когда придет время, — сказал я, приподнял Камень, взглянул на него и

снова опустил на грудь. Он занимал меня меньше, чем наш маршрут. Пока по узким переходам мы выбирались из сырого грота вниз по каменным водопадам в похожую на собор пещеру, я не переставал вертеть головой. Место было чем-то знакомое, хотя чем именно, понять не удавалось.

— Тебе эти края ничего не напоминают? — спросил я Юрта.

— Нет, — пожал он плечами.

Мы продолжали идти. В одном месте прошли мимо пещеры, где лежали три человеческих скелета. Я отметил, что это первое проявление реальной жизни, с которым я встретился с тех пор, как пустился в свое странствие. Юрт кивнул:

— Я начал задумываться: идем мы по-прежнему между Отражений, или на самом деле уже ушли оттуда и проникли в одно из Отражений… может быть, когда зашли в эти пещеры?

— Это можно выяснить, — сказал я, — если попытаться вызвать Логрус.

Фракир тут же сильно задергался на запястье. Я его понял.

— Нет, в этой ситуации, пожалуй, воздержимся.

— Только что я прошел мимо стен, где видны были минералы всех цветов, — сказал Юрт. —

Там, откуда мы идем, предпочтение вроде бы отдавалось одноцветности. Да и за тамошний пейзаж я бы и гроша ломаного не дал. Вот к чему я веду: если мы и в самом деле ушли оттуда, это, в общем, победа.

Я указал на землю:

— Пока светящаяся тропинка никуда не делась, мы все еще у них на крючке.

— Что, если нам теперь просто сойти с нее? — спросил Юрт, сворачивая направо и шагнув в сторону.

Один из сталактитов задрожал и грохнулся перед ним на землю, промахнувшись всего на какой-нибудь фут. Юрт мигом снова очутился рядом со мной.

— Было бы и вправду стыдно не попробовать узнать, куда нас ведут, — сказал он.

— Таковы уж рыцарские странствия. Было бы дурным тоном упустить такое развлечение.

Мы зашагали дальше. Вокруг не происходило ничего, что позволило бы нам сделать новые догадки. Эхо повторяло шаги и звук голосов. В тех гротах, что были посырее, капала вода. Повсюду красовались минералы. Мы постепенно спускались все ниже. Сколько времени мы уже были в пути, я не знал. Пещеры сделались похожими

одна на другую как будто мы то и дело проходили сквозь прибор для телепортации, а он снова и снова отправлял нас сквозь одни и те же пещеры и коридоры. В итоге у меня пропало ощущение времени. Повторы укачивают, и… Вдруг ваша тропинка влилась в более широкий проход и ввернула налево. Наконец что-то новенькое. Но только и этот путь оказался знакомым. Мы шли сквозь тьму по светящейся линии. Немного погодя миновали ответвлявшийся влево коридор. Юрт заглянул туда и поспешил прочь.

— Там может прятаться любая мерзкая тварь, — заметил он.

— Верно, — подтвердил я. — Но об этом я бы тревожиться не стал.

— Почему?

— Кажется, я начинаю понимать.

— Тебе нетрудно объяснить, что происходит?

— На это уйдет слишком много времени. Просто подожди. Скоро все выяснится.

Мы миновали еще один боковой коридор. Похожий на прежний, но немного другой. Желая скорее выяснить истину, я ускорил шаг. Еще один боковой переход. Я побежал… Еще один… Рядом со мной тяжело топал Юрт, эхо подхватывало звук наших шагов. Вперед. Вперед. Скорей. Еще

один поворот. А потом я сбавил скорость, потому что коридор уходил дальше, а наша тропинка изгибалась влево, исчезая под массивной, обитой железом дверью. Я протянул руку туда, где должен был быть крючок, нащупал его, снял висевший там ключ. Вставив в замок ключ, я повернул его, потом вынул и повесил на место.

— *Мне тут не нравится,* — заметил Фракир.

— Знаю.

— Похоже, ты знаешь, что делаешь, — заметил Юрт.

— Да, — кивнул я и добавил — До сих пор знал, так как понял, что дверь открывается не внутрь, а наружу. — Я взялся за массивную ручку на левой стороне двери и принялся тянуть.

— Может, объяснишь, куда нас занесло? — спросил он.

Огромная дверь заскрипела, медленно открылась, и я отступил.

— Удивительно похоже на Колвирские пещеры под Амберским Замком, — ответил я.

— Замечательно, — сказал он. — А что за дверью?

— Очень напоминает вход в пещеру, где помещается Амберский Лабиринт.

— Отлично, — сказал он, — Стоит мне ступить

туда и скорее всего я превращусь в струйку дыма.

— Я так не думаю, — сказал я. — Перед тем, как пройти Лабиринт, мы привели Сухьи взглянуть на него. Близкое родство нимало ему не повредило.

— Наша мать прошла Лабиринт.

— Да, верно. Честно говоря, по-моему, при Дворе любой, кто связан кровным родством, может пройти Лабиринт, то же относится и к моим амберским родственникам и Логрусу. По преданию, все мы состояли в родстве в туманном и таинственном прошлом.

— О'кей. Пойду с тобой. Там ведь хватит места, чтобы идти, не касаясь его, да?

— Да.

Я открыл дверь до конца, придержал ее плечом и заглянул внутрь. Да, это был он. Я увидел, что наша светящаяся тропинка обрывается в нескольких дюймах за порогом.

Сделав глубокий вдох, я выругался.

— Что такое? — спросил Юрт, пытаясь разглядеть что-нибудь из-за моей спины.

— Я ожидал другого, — ответил я.

Посторонившись, я дал глянуть и ему. Несколько секунд он не отрываясь смотрел, потом

сказал:

— Не понимаю.

— У меня тоже никакой уверенности, но я собираюсь кое-что выяснить.

Я вошел в пещеру. Юрт последовал за мной. Это оказался не тот лабиринт, который был мне знаком. Или, точнее, он был тот — и не тот. Общие очертания были такими же, как у Амберского Лабиринта, только сломанными. Линии в нескольких местах стерты, разрушены, каким-то образом смещены. А может, они с самого начала оказались не на своих местах. Промежутки между линиями, обычно темные, оказались светлыми, бело-голубыми, а сами линии — черными. Словно очертания и фон поменялись местами. Я смотрел на освещенную зону, и мне показалось, что по ней медленно прошла рябь. Но самым главным отличием было не это: в центре Амберского Лабиринта нет огненного кольца и женщины в нем. Женщина была мертвой или находилась в глубоком обмороке, возможно, на нее наложили заклятье. И, конечно же, эта женщина должна была оказаться Корал. Я понял это сразу, хотя пришлось ждать больше минуты, чтобы сквозь языки пламени я смог разглядеть ее лицо. Пока я стоял и смотрел на нее, массивная дверь позади

нас закрылась. Юрт тоже долго стоял, не двигаясь, и только потом заговорил:

— Смотри-ка, твой Камень при деле! Сейчас от него столько света, что видно твое лицо!

Опустив глаза, я заметил, что самоцвет вспыхивал ржаво-красным светом. Из-за пронизывающего Лабиринт бело-голубого сияния и мерцания огненного круга я не заметил, что Камень начал подавать признаки жизни. Я приблизился на шаг, ощутив такую же волну холода, как от ожившего Козыря. Должно быть, это и был один из тех Сломанных Лабиринтов, о которых рассказывала Ясра, — один из тех Путей, посвященными которых были они с Джулией. Значит, я находился в одном из Отражений неподалеку от настоящего Амбера. Мысли замелькали у меня в голове с ужасающей быстротой. Я только недавно осознал, что Лабиринт, возможно, на самом деле способен чувствовать. Значит, и Логрус тоже может обладать такими способностями. О разумности действий Лабиринта можно было догадаться уже тогда, когда Корал, пройдя его, попросила перенести ее по его усмотрению. Что он и сделал — отправил сюда, а связаться с ней через Козыри не удавалось из-за ее состояния. Она исчезла, и я тут же обратился к Лабиринту. Он, как мне казалось теперь,

чуть ли не играл со мной, переместил меня из одного конца своей пещеры в другой, явно пытаясь доказать мне свою способность чувствовать. К тому же он просто умеет чувствовать, решил я, поднимая Камень Правосудия и заглядывая в его глубины. Лабиринт умен. Образы в Камне показали, что от меня требуется такое, что при других обстоятельствах я бы делать не пожелал. Когда, наконец, тот странный край, по которому меня провели в рыцарском странствии, остался позади, мне, чтобы выбраться отсюда, стоило лишь пролистать Колоду, вытащить Козырь и кого-нибудь вызвать. Я вызвал бы даже образ Логруса и предоставил бы ему выяснить с Лабиринтом отношения в поединке, а сам тем временем ускользнул бы прочь из Отражения. Но в самом сердце Сломанного Лабиринта, в огненном кольце, спала Корал… Вот чем Лабиринт удерживал меня. Должно быть, он что-то понял, еще когда Корал проходила его, составил план и в нужный момент вызвал меня. Ему хотелось, чтобы я починил именно это его подобие, пройдя по Сломанному Лабиринту с Камнем Правосудия, чтобы исправил изъяны здесь, подобно тому, как Оберон исправил повреждение в настоящем Лабиринте. Результат для Оберона, конечно, был

весьма печален — он погиб... С другой стороны, Король имел дело с подлинным Лабиринтом, а это — всего лишь одно из его подобий. Кроме того, отец заделал царапину в своем собственном эрзац-Лабиринте и выжил. Почему я? Интересно. Потому ли, что я — сын того человека, которому удалось создать еще один Лабиринт? Из-за того ли, что во мне существует образ не только Лабиринта, но и Логруса? Просто потому, что я оказался под рукой и меня можно было принудить к этому? А может, имело значение все это вместе?

— Как ты думаешь? — крикнул я. — Есть у тебя ответ?

Пещера завертелась. У меня закружилась голова, и я потерял ориентацию. На другой стороне Лабиринта, спиной к массивной двери, виднелся Юрт.

— Кто это сделал? — крикнул он.

— Это не я.

— Ах, так...

Он медленно двинулся вправо и шел, пока не уперся в стену. Держась за нее, он стал пробираться по окраине Лабиринта, как будто боялся подойти к нему ближе, чем нужно, и в то же время не решался отвести от него взгляд. От-

сюда Корал за огненной изгородью была видна немного лучше. Забавно. Сильных эмоций это не вызывало. Мы не были любовниками, не стали даже близкими друзьями. Мы познакомились всего за день до этого, долго гуляли по окрестностям города и под Дворцом, вместе обедали, выпили по бокалу вина, немного посмеялись. Познакомься мы получше, возможно, выяснилось бы, что не выносим друг друга. И всё-таки общаться с ней мне нравилось, и стало ясно, что я не прочь иметь побольше времени, чтобы узнать Корал получше. Ещё я чувствовал себя отчасти виноватым в ее теперешнем состоянии. Не будь я тогда столь беспечен и неосторожен… Другими словами, Лабиринт поймал меня на крючок. Хочешь освободить ее — придется чинить. Языки пламени кивнули в мою сторону.

— Грязный трюк, — вслух сказал я.

Языки пламени опять кивнули. Я продолжал изучать Сломанный Лабиринт. Почти все, что мне было известно об этом явлении, я почерпнул из разговора с Ясрой. Но мне вспомнилось, что она сказала: посвященные Сломанного Лабиринта ходят по промежуткам между линиями, а образы в Камне приказывали идти по линиям, как в настоящем Лабиринте. Я припомнил рас-

сказ отца и понял, что это не лишено смысла. Так можно проложить среди изъянов правильный путь. Мне ведь нужно было не дурацкое посвящение с прогулками между линий. Юрт добрался до дальнего конца Лабиринта, повернул и пошел в мою сторону. Когда он оказался на уровне разлома во внешнем контуре, из того на пол хлынул свет. Он коснулся ног Юрта, и лицо его сделалось мертвенно-бледным и страшным. Юрт завизжал и стал таять.

— Прекрати! — крикнул я Лабиринту, — Или ищи другого ремонтника для себя. Восстанови его и оставь в покое, или я ничего не буду делать! Слышишь, я не шучу!

Оплывающие ноги Юрта снова удлинилась. Бело-голубое сияние накала, распространявшееся вверх по его телу, исчезло, как только свет отхлынул прочь. С лица Юрта сошло выражение боли.

— Я знаю, что он — Логрусов Призрак и скопирован с моего самого нелюбимого родственничка, но ты, сукин сын, оставь его в покое, а то я по тебе не пойду! — крикнул я. — Сиди сломанный и держи Корал!

Свет уплыл обратно в пролом, и все стало таким же, как несколько мгновений назад.

— Я хочу, чтобы ты пообещал мне это, — ска-

зал я.

Из Сломанного Лабиринта к своду пещеры поднялась гигантская стена пламени, потом опала.

— Подтверждаешь, да? — спросил я.

Языки пламени кивнули.

— Спасибо, — донесся шепот Юрта.

Итак, я тронулся в путь. Черные линии ощущались не так, как светящиеся контуры под Амбером. Ноги опускались, будто на мертвую землю, а отрывались от нее с усилием, что сопровождалось потрескиванием.

— Мерлин! — позвал Юрт. — Что мне делать?

— В каком смысле? — закричал я в ответ.

— Как мне выбраться отсюда?

— Выйди в дверь и начни перемещать Отражения, — сказал я, — или пройди вслед за мной этот Лабиринт, пусть он отправит тебя, куда захочешь.

— Сдается мне, в такой близости от Амбера ты не можешь перемещать Отражения, верно?

— Может статься, мы слишком близко. Поэтому сперва уберись отсюда физически, а уж потом занимайся этим.

Я не останавливался. Стоило мне теперь оторвать ногу от земли, как раздавалось тихое потрескивание.

— Я заблужусь в пещерах, если рискну.

— Тогда иди за мной.

— Лабиринт уничтожит меня.

— Он обещал не делать этого.

Юрт хрипло захохотал:

— И ты поверил?

— Если он хочет, чтобы работа был а сделана как следует, выбора у него нет.

Я добрался до первого разрыва. Быстрый взгляд на Камень, и стало ясно, где должна проходить линия. С некоторым трепетом я сделал первый шаг за видимый контур. Потом еще один. И еще. Когда я, наконец, пересек провал, мне захотелось оглянуться. Но вместо этого я дождался, чтобы обзор мне обеспечил естественный изгиб пути. Тогда стало видно, что вся линия, по которой я прошел, засветилась, как в настоящем Лабиринте. Она, казалось, поглощала разлитое там сияние, так что промежуток возле нее делался все темнее. Юрт уже был у ее начала. Он поймал мой взгляд:

— Не знаю, Мартин. Просто не знаю.

— У того Юрта, которого я знал, никогда бы не хватило духу рискнуть, — сообщил я ему.

— У меня тоже.

— Ты сам сказал, что наша мать прошла Ла-

биринт. Ты унаследовал ее гены, вот в чем твое преимущество. Что за черт! Если я ошибаюсь, с тобой будет покончено раньше, чем ты узнаешь об этом.

Я сделал еще шаг. Юрт невесело рассмеялся и произнес: «Какого дьявола!». Он ступил в Лабиринт.

— Эй, я все еще жив, — позвал он меня. — Что теперь?

— Иди, иди, — сказал я. — Следуй за мной. Не останавливайся и не сходи с линии — или все ставки будут проиграны.

Тут дорога опять повернула, я тоже, и Юрт исчез из вида. Вдруг я почувствовал боль в правой лодыжке. Должно быть, сказывалась усталость после многочисленных подъемов и спусков. С каждым шагом боль делалась все сильнее. Пекло здорово, скоро терпеть станет очень трудно. Не порвал ли я ненароком связку? Я почувствовал запах горящей кожи. Сунув руку в голенище сапога, я вытащил хаосский кинжал. От него шел жар. Это была налицо несовместимость с Лабиринтом. Больше нельзя было держать его при себе. Размахнувшись, я швырнул клинок через весь Лабиринт в сторону двери. Машинально проследил за ним. Там, куда он полетел, в тени что-то ше-

вельнулось. На той стороне Лабиринта, наблюдая за мной, стоял человек. Кинжал ударился в стену и упал на пол. Раздался смешок. Человек сделал резкое движение — и кинжал, описывая дугу, полетел над Лабиринтом обратно ко мне. Упал он справа от меня. Как только кинжал коснулся Лабиринта, его, шипя, поглотил фонтан голубого пламени, поднявшийся чуть ли не выше головы. Я увернулся и, хотя знал, что кинжал вреда мне не причинит, замедлил шаг, но не остановился. Передо мной появилась длинная фронтальная арка, и идти стало трудно.

— Не сходи с линии, — заорал я Юрту. — Пусть такие штучки тебя не тревожат.

— Понятно, — сказал он, — Что это за тип?

— Провалиться мне на этом месте, если я знаю.

Я с трудом проталкивался вперед. Теперь огненное кольцо было не так далеко. Интересно, что бы подумала ти'га о моем нынешнем затруднительном положении. За очередным поворотом мне открылся весь пройденный мной путь. Он равномерно светился, и по нему вслед за мной энергично шагал Юрт. Языки пламени были ему уже по щиколотку, мне же они доходили до колен. Краешком глаза я заметил движение в той части пещеры, где стоял человек. Незнакомец покинул

свою темную нишу, медленно и осторожно проплывая вдоль дальней стены. Он явно не хотел, чтобы мы прошли Лабиринт. И добрался до места, которое было точно напротив его начала. Выбора у меня не было — нужно было продолжать свой путь, а он уводил меня изгибами и поворотами, пряча от моих глаз этого человека. Я дошел до следующего изъяна в Лабиринте и, пересекая его, почувствовал, что разлом заделан. При этом, кажется, послышалась очень тихая музыка. Сияние в освещенной зоне тоже усиливалось, перетекая в линии и оставляя позади меня отчетливый яркий след. Отставшему на несколько переходов Юрту я прокричал еще один совет, хотя он, следуя по своему пути, иногда оказывался от меня на расстоянии вытянутой руки, при желании можно было бы дотронуться до него. Теперь голубое пламя поднялось еще выше, достигнув середины бедра, волосы у меня встали дыбом. Но я не торопился. Повороты продолжались. Потрескивание, та же тихая музыка и мой голос:

— Как дела, Фракир?

Ответа не было. Продолжая поворачивать, я двигался через зону сильного сопротивления, потом вышел из нее и снова посмотрел на огненную стену темницы Корал в центре Лабиринта,

пошел вокруг этой стены, пока передо мной не оказалась противоположная сторона Лабиринта. Незнакомец стоял и ждал, высоко подняв воротник плаща. Сквозь падавшую ему на лицо тень я сумел разглядеть, что он, следя за мной, ухмыляется. Стоя в самой середине Лабиринта, он явно поджидал меня, сначала я удивился, но потом мне стало ясно, что незнакомец прошел сюда через тот изъян в контуре, к которому я направился, чтобы заделать его.

— Придется тебе убраться с дороги, — крикнул я. — Мне нельзя ни останавливаться, ни позволить тебе остановить меня.

Он не шелохнулся, а я вспомнил рассказ отца о поединке, который произошел в настоящем Лабиринте. Я хлопнул по рукояти Грейсвандира.

— Берегись, — предупредил я.

Еще шаг — и языки бело-голубого пламени поднялись выше и осветили его лицо. Это было мое собственное лицо.

— Нет, — сказал я.

— Да, — произнес он.

— Ты — последний Логрусов Призрак, который прислан противоборствовать мне.

— Так оно и есть, — ответил он.

Я сделал еще шаг:

— Но все-таки, если ты — это я, каким я был, проходя Логрус, то почему ты выступил против меня? Я еще не забыл, каким был в те дни, — думаю, что тогдашний «я» не взялся бы за такую работу.

Кривая улыбка исчезла с его лица.

— В этом смысле мы — разные люди, — заявил он. — Был, как я понимаю, один-единственный путь к тому, чтобы так или иначе создать мою личность. По этому пути и пошли, чтобы встреча наша произошла так, как это происходит сейчас. И по этому пути пошли, чтобы изменить мою личность.

— Значит, ты — это я после лоботомии. И ты получил приказ убить меня.

— Не говори так, — ответил он. — У нас даже одинаковых воспоминаний полно. Мы одно и то же. И то, что я делаю, правильно. А по-твоему получается все иначе.

— Пропусти, поговорим позже. Логрус, по-моему, уже зациклился на таких фокусах. Ты, не хочешь убивать самого себя, я тоже. Вместе мы можем выиграть эту игру, а в Отражениях хватит места не только одному Мерлину.

Я замедлил было движение, но тут мне пришлось шагнуть еще раз. Здесь нельзя было

позволить себе потерять темп. Он поджал губы так, что они превратились в тонкую линию, и покачал головой:

— Извини. Я рожден, чтобы прожить один час, если не убью тебя. А сделай я это, и твою жизнь отдадут мне.

Он обнажил меч.

— Сконструировали тебя или нет, но я знаю тебя, как самого себя, — сказал я. — И думаю, ты вряд ли выполнишь приказ. А я со своей стороны, мог бы отменить твой смертный приговор. Насчет призраков я кое-что успел тут узнать.

Мой двойник взмахнул мечом, похожим на тот, что был у меня давным-давно, и чуть не задел меня острием.

— Извини, — повторил он.

Я вытащил Грейсвандир, чтобы парировать удар. Дурак я был бы, не сделав этого. Как знать, что Логрус сотворил с его головой. Мои мысли переключились на те боевые приемы, которым я обучился с тех пор, как стал посвященным Логруса. Кроме того, мне вспомнилась игра Бенедикта с Борелем. Я получил несколько уроков итальянского стиля. Он допускает размашистые, с виду небрежные, ответные удары, зато достает противника с большего расстояния. Грейсвандир

рванулся вперед, отбил клинок моего двойника, и я сделал выпад. Он согнул запястье приемом французская «четверка», но я уже проскочил понизу. Рука его была все еще вытянута, и я скользнул правой ногой вдоль линии, а Грейсвандир тяжело ударился о клинок моего противника. Я тут же шагнул вперед, уводя меч противника вниз и вбок, пока гарды не сцепились так, что он выпал из его руки. Потом я ухватился за его локоть приемом, которому в колледже меня научил приятель военный, и стал давить вниз. Затем крутанул через бедро против часовой стрелки. Мой двойник потерял равновесие и начал падать. Но мне нужно было, чтобы он свалился подальше. Поэтому я, оставив локоть, ухватил его за плечо и толкнул так, что он упал назад в зону разлома. Тут раздался крик, и мимо пронеслась пылающая фигура.

— Нет! — завопил я, потянувшись ей вслед.

Но было поздно. Юрт сошел с линии, прыгнул и вонзил меч в моего двойника, а его собственное тело в это время извивалось и пылало. Из раны моего двойника тоже хлынуло пламя. Он попытался встать, но упал опять.

— Не говори, что я так и не пригодился тебе, брат, — крикнул Юрт и превратился в смерч, под-

нявшийся к своду пещеры и исчезнувший там.

Дотянуться и дотронулся до своего двойника я не мог, а несколькими мгновениями позже мне уже этого и не хотелось, так как он на глазах превращался в живой факел. Глядя вверх, он следил за живописным уходом Юрта. Потом посмотрел на меня и криво улыбнулся:

— Знаешь, он был прав, — и тоже исчез.

Чтобы преодолеть усталость, требовалось время, но вскоре я справился с ней и продолжил ритуальный танец у огня. Я обошел кольцо еще раз, но ни Юрта, ни моего двойника нигде не было, только скрещенные мечи еще оставались там, где упали. Они лежали поперек моей дороги. И я пинком выбросил их из Лабиринта. К этому времени пламя доходило мне уже до пояса. Вокруг кольца, назад, сначала… Время от времени, чтобы избежать неверных шагов, я заглядывал в Камень и кусок за куском штопал Лабиринт. Свет переходил в линии, и, если не замечать ослепительное сияние в середине Лабиринта, он напоминал наш домашний Лабиринт под фундаментом замка. Первая Вуаль принесла болезненные воспоминания о Дворе и об Амбере. Я стал поодаль, дрожа, и вскоре видения исчезли. Вторая Вуаль смешала воспоминания о Сан-Франциско с желанием. Сле-

дя за своим дыханием, я делал вид, что я — только зритель. Языки пламени плясали возле моих плеч. Проходя за аркой, изгиб за изгибом, я подумал о том, что они похожи на бесконечные ряды полумесяцев. Сопротивление росло, и, сражаясь с ним, я взмок от пота. Но такое бывало и раньше. Лабиринт был не только вокруг, но и внутри меня тоже. Наконец я добрался до места, где усилия становились тщетными, и я шел, почти не продвигаясь вперед. Перед глазами по-прежнему стояли тающий Юрт и лицо умирающего — мое лицо. Я понимал, что такой прилив видений из прошлого наведен Лабиринтом, но это не имело ни малейшего значения. Я шел вперед, но они продолжали тревожить меня. Приблизившись к Великому Закруглению, я осмотрелся и увидел, что Лабиринт теперь полностью отремонтирован. Через все разломы к соединяющим линиям перекинуты мостики, и весь он пылает, как застывшее на черном беззвездном небе колесо фейерверка. Еще шаг… Я притронулся к висевшему на груди теплому самоцвету. Теперь исходивший от него ржаво-красный свет был ярче прежнего. Интересно, подумал я, можно ли без труда вернуть его туда, где ему место. Еще миг. Приподняв Камень и заглянув в него, я увидел,

что заканчиваю обходить Великое Закругление и продолжаю шагать направо, сквозь стену пламени, словно это не составляет никакого труда. Приняв это зрелище за совет, я припомнил заведенный Давидом Штейнбергом порядок, который однажды принял Дронна. Я надеялся, что Лабиринт не сыграет со мной злой шутки. Только я принялся огибать Закругление, как языки пламени окутали меня целиком. Темп замедлился, хотя сил уходило больше. Каждый шаг отдавался во мне болью, и все ближе становилась последняя Вуаль. Я чувствовал, как весь превращаюсь в сгусток воли, словно все во мне сосредоточилось на единственной цели. Еще шаг… Ощущение было таким, будто меня, пригибая к земле, давили тяжелые доспехи. Последние три шага заставили меня испытать чувство отчаяния. Еще… Потом настал момент, когда само движение стало не так важно, как усилия. Теперь не результат имел значение, а само стремление преодолеть трудности. Воля моя стала пламенем, тело — дымом или тенью. И еще… В охватившем меня голубом свете оранжевые языки пламени, окружавшие Корал, превратились в серебристо-серые раскаленные иглы. Сквозь потрескивание опять донеслось что-то вроде музыки — медленной, низкой. Глубокий

дрожащий звук был таким, словно Майкл Мур играл на басе. Я попробовал уловить ритм, чтобы двигаться в нем. Мне почему-то показалось, что это удалось, а может, изменилось ощущение времени, и следующие несколько шагов я словно не шел, а тек, словно вода. А может, Лабиринт почувствовал, что в долгу передо мной, и отчасти облегчил мою участь. Этого я так и не узнал. Я прошел сквозь Последнюю Вуаль и оказался один на один со стеной пламени, которая вдруг опять стала оранжевой, но не остановился. В самом сердце огня я еще раз затаил дыхание. Там, в центре Лабиринта, лежала Корал, которая выглядела почти так же, как во время нашей последней встречи — в медно-красной рубашке и темно зеленых бриджах. Она, кажется, спала, лежа на своем толстом коричневом плаще. Я опустился возле нее на колено и положил ей руку на плечо. Она не шелохнулась. Я похлопал ее по щеке, убрав прядь рыжеватых волос.

— Корал? — позвал я.

Ответа не было.

Я легонько потряс ее за плечо.

— Корал?

Она глубоко вздохнула, но не проснулась.

Я потряс сильнее:

— Корал, проснись.

Просунув руку ей под плечи, я немного приподнял ее. Но она так и не открыла глаза. На нее явно наложили какое-то заклятье.

Вряд ли в середине Лабиринта можно было вызвать Знак Логруса, не превратившись в золу. Поэтому я попробовал средство из книжек. Нагнулся и поцеловал ее. Корал застонала, ресницы ее дрогнули, но она не очнулась. Я попробовал еще раз. Но опять ничего не вышло.

— Вот, черт! — выругался я. Чтобы поработать над таким заклятием, нужно было немного места для локтей, а еще — необходимо иметь доступ к орудиям моего ремесла и место, куда безнаказанно можно вызвать источник своей силы.

Я приподнял Корал повыше и скомандовал Лабиринту перенести нас обратно в Амбер, в мои покои, где, тоже в трансе, лежала ее сестра, в которую вселилась ти'га. Это постарался мой братец, чтобы защитить меня от нее.

— Отнеси нас домой, — сказал я вслух, чтобы было убедительнее.

Никакой реакции, Тогда я изо всех сил представил себе Амбер и одновременно подал еще одну мысленную команду. Мы не сдвинулись с места. Я осторожно опустил Корал, выпрямился

и в том месте, где языки пламени были послабее, выглянул в Лабиринт:

— Послушай, — сказал я, — только что я оказал тебе большую услугу. Это стоило огромного напряжения, да и риск, был немалый. Теперь я хочу к чертям собачьим выбраться отсюда и забрать эту леди с собой. Может, сделаешь одолжение?

Языки пламени утихли, и после нескольких всплесков исчезли. В потускневшем свете стало ясно видно, что Камень вспыхивает, как лампочка вызова на гостиничном коммутаторе. Я поднял его и заглянул внутрь. Вряд ли я ожидал увидеть короткометражку из тех, на которые не пускают детей, но там шло именно это кино.

— По-моему, это не тот канал, — сказал я. — Если у тебя есть информация, давай. А нет, — мне надо домой, и поскорей.

Все осталось по-прежнему, только я вдруг осознал, насколько две фигурки в Камне похожи на нас с Корал. Они занимались этим на плаще, посреди Лабиринта — ни дать ни взять пикантный вариант одного из эротических фильмов.

— Хватит! — закричал я. — Это, мать твою, смешно! Тебе нужен тантрический ритуал? Пошлю тебе профессионалов! Эта леди еще даже не проснулась…

От Камня снова пошли вспышки, такие яркие, что глазам стало больно. Я выронил его. Потом опустился на колени, сгреб Корал в охапку и встал.

— Не знаю, ходил кто-нибудь по тебе от конца к началу до меня или нет, — сказал я, — но, по-моему, должно получиться.

Я шагнул в сторону Последней Вуали. Передо мной немедленно выросла стена пламени. Отпрянув от нее, я споткнулся и упал на расстеленной плащ. Корал я прижимал к себе, чтобы она не попала в огонь. Она упала на меня сверху. Казалось, она вот-вот проснется. Вдруг Корал обняла меня за шею и потерлась носом о мою щеку. Теперь она казалась скорее дремлющей, чем спящей глубоким сном. Думая об этом, я обнимал ее.

— Корал? — предпринял я еще одну попытку.

— М-м, — отозвалась она.

— Похоже, отсюда мы выберемся, только, если займемся любовью.

— Я думала, ты никогда мне этого не предложишь, — пробормотала она, так и не открывая глаз.

Повернувшись на бок, чтобы можно было добраться до ее медных пуговок, я сказал себе, что теперь это уже не так напоминает некрофилию.

Пока я занимался застежкой, она пробормотала что-то еще, но в беседу это не переросло. Тем не менее, ее тело отозвалось на мои прикосновения, а наше неожиданное свидание, быстро обретая все обычные черты, становилось слишком обыденным, чтобы представлять большой интерес для искушенных зрителей. Но такой способ снимать заклятие, подумал я, весьма оригинален. Может быть, и у Лабиринта есть чувство юмора. Не знаю. Пламя утихло в тот самый момент, когда… Короче, огонь погас, и Корал наконец открыла глаза.

— Похоже, на огненное кольцо это повлияло — пламя погасло, — сказал я.

— А когда сон перестал быть сном? — спросила она.

— Хороший вопрос — улыбнулся я, — и ответить на него можете только вы.

— Вы только что спасли меня от чего-то? — спросила Корал, обводя взглядом пещеру.

— Можно сказать и так, — ответил я. — Вы попросили Лабиринт отослать вас туда, где вам и надлежит быть, и видите, до чего дошло?

— Доигрались, — хмыкнула она.

Мы отодвинулись друг от друга и привели одежду в порядок.

— Недурной способ познакомиться получше… — начал я, и тут земля задрожала с такой силой, что вся пещера затряслась.

— Кажется, наше время здесь истекло, — заметил я, когда, нас, тряхнув, снова прижало друг к другу, отчего пришло успокоение, если не сказать — чувство взаимной поддержки.

Миг — и все утихло, а Лабиринт вдруг засиял. Такого сверкания и блеска до сих пор мне ни разу не приходилось видеть. Я протер глаза. Что-то не так, хотя с виду все нормально. И тут, массивная, обитая железом дверь отворилась — внутрь! — и я сообразил, что мы вернулись в Амбер — настоящий Амбер. К порогу по-прежнему вела светящаяся тропинка но она быстро исчезала, там стояла маленькая фигурка. Я не успел даже прищуриться на свет из коридора, как ощутил знакомую потерю ориентации, — и мы оказались в моей спальне.

— Найда! — вскрикнула Корал, увидев лежащую на постели женщину.

— Не совсем, — сказал я. — То есть тело-то ее, а дух, управляющий им, нет.

— Не понимаю.

Мои мысли занимало не это — я думал о том, кто же собрался войти в окрестности Лабиринта.

Вдобавок сейчас от меня осталась только груда мышц, терзаемых болью, визжащих нервов и прочих прелестей, имя которым — усталость. Я пересек спальню и подошел к столу, где так и стояла бутылка вина, что открыли для Ясры, — как давно это было? Отыскав два чистых бокала, я наполнил их. И передал один Корал.

— Не так давно твоя сестра была очень больна, так?

— Да, — ответила она.

Я сделал большой глоток.

— Она была при смерти. Тогда ее телом завладела ти'га. Это такой демон. Ведь Найде к тому времени тело уже было не нужно.

— Как это?

— Ну… я считаю, что на самом деле она умерла.

Корал пристально взглянула мне в глаза. Бог знает, что она там искала, но не нашла, и вместо того отпила глоток.

— Ничего не понимаю, — сказала она. — С тех пор, как Найда заболела, она стала совсем не похожа на себя.

— Стала отвратительной? Подлой?

— Наоборот, куда приятнее. Найда всегда была сухой.

— Вы не ладили?

— До недавних пор. Ей не больно, нет?

— Нет, она просто спит. На нее наложено заклятие.

— Почему ты не освободишь ее? Не похоже, чтобы она была очень опасна.

— Сейчас, думаю, нет, — сказал я. — Скоро мы освободим ее. Хотя снимать заклятие придется моему брату Мондор. Это он постарался.

— Мондор? Я не так уж много знаю о тебе… и о твоей семье… да?

— Послушай, — сказал я, — я даже не знаю, какой сегодня день. — Я пересек комнату и выглянул в окно. Было светло, но из-за туч нельзя было понять, который час. — Тебе надо действовать. Иди к отцу, пусть он знает, что с тобой все в порядке. Скажи, что заблудилась в пещерах или не туда свернула в Коридоре Зеркал и выскочила в другую реальность. Да что угодно, лишь бы избежать дипломатического инцидента. О'кей?

Она допила и кивнула. Потом посмотрела на меня, покраснела и отвела глаза:

— Мы еще увидимся до моего отъезда?

Я протянул руку и погладил Корал по плечу. Разобраться бы в своих чувствах… Потом понял, что так не годится, и обнял ее.

— Ты же знаешь, — сказал я, проводя рукой по ее волосам.

— Спасибо, что показал мне город.

— Придется посмотреть его еще разок, — сказал я, — вот только станет потише.

— Угу.

Мы направились к дверям!

— Хочу поскорее увидеть тебя, — шепнула она.

— Силы быстро иссякают, — пожаловался я, открывая перед ней дверь. — Я ведь прошел ад — и вернулся.

Корал тронула мою щеку:

— Бедный Мерлин. Выспись как следует.

Я последним глотком прикончил вино и достал Козыри. Мне хотелось поступить именно так, как она советовала, но на первом месте были дела. Я пролистал колоду, вытащил карту Колеса-призрака и посмотрел на нее. Как только мое желание оформилось и стало чуть холоднее, передо мной почти немедленно возникло Колесо-призрак, красным кольцом крутясь в воздухе.

— Э-э… привет, папа, — поздоровалось оно. — Никак не мог понять, куда ты забрался. Я искал тебя много раз, но тебя нигде не было. Как я ни листал Отражения, найти тебя было невозможно. Кто бы мог подумать, что ты сам вернулся

домой. Я…

— Потом, — сказал я. — Мне некогда. Быстро перенеси меня в пещеру Лабиринта.

— Лучше сначала я тебе кое-что расскажу.

— Что?

— Сила, которая последовала за тобой в Замок… та, от которой я прятал тебя в пещере…

— Да?

— Тебя искал сам Лабиринт.

— До меня это уже дошло, — сказал я, — но не сразу. Мы с ним повздорили, а теперь вроде как наладили отношения. Неси меня туда прямо сейчас. Это важно.

— Сэр, я его боюсь.

— Значит, донесешь меня, докуда смеешь, и будешь держаться в стороне. Надо кое-что проверить.

— Ладно. Иди сюда.

Я шагнул вперед. Призрак поднялся в воздух, развернулся на девяносто градусов, быстро падая, охватил кольцом мою голову, плечи, торс и исчез под ногами. Тут свет погас, а я немедленно призвал Логрусово зрение. И увидел, что стою в проходе перед большой дверью, ведущей в пещеру Лабиринта.

— Призрак? — тихо позвал я.

Ответа не было. Я двинулся вперед, свернул за угол, подошел и нагнулся к двери. Ее так и не заперли, и от моего толчка она подалась. Фракир дернулся на запястье.

— Фракир? — спросил я.

Он тоже не отзывался.

— Потерял голос?

Он дважды дернулся. Я погладил его.

Дверь передо мной отворилась. Я не надеялся, что Лабиринт светится. Но это было не так. В середине Лабиринта, спиной ко мне, воздев руки, стояла темноволосая женщина. Я чуть не выкрикнул имя, на которое, по-моему, она отозвалась бы, но женщина исчезла раньше, чем сработали голосовые связки. Я тяжело прислонился к стене.

— Я и в самом деле как выжатый лимон, — сказал я громко. — Ты издевался надо мной, а сколько раз моя жизнь оказывалась в опасности по твоей милости? Ты заставил меня удовлетворить твое желание и подглядывал за эротическими сценами. И получив последнее, что тебе было от меня нужно, пинком выкинул прочь. Догадываюсь, что власть предержащие не должны говорить «спасибо», или «извини», или «иди к черту», когда ты им больше не нужен. И, уж, конечно, никакой нужды оправдываться передо мной ты не испы-

тываешь. Но я — не мальчик для битья. Я против того, чтобы вы с Логрусом перебрасывались мной в своей игре, не знаю уж, в какой. Понравилось бы тебе, если бы я вскрыл себе вену и затопил тебя в крови?

На моей стороне Лабиринта тут же произошло огромное сгущение энергии. Передо мной с сильным шипением воздвигся столб синего пламени, который ширился, обретая черты ни женщины, ни мужчины, а существа, наделенного невероятной, нечеловеческой красотой. Пришлось защищать глаза.

— Ты не понимаешь, — раздался голос из ревущего пламени.

— Понимаю. Поэтому я здесь.

— Твои страдания замечены.

— Рад слышать.

— Иначе с ситуацией было не справиться.

— Что же, ты доволен, как я с ней справился?

— Да. Благодарю.

— Не за что.

— Ты дерзишь, Мерлин.

— Мне сейчас так хорошо, что терять нечего. Я слишком устал, устал, как черт. Нет сил думать о том, что ты можешь со мной сделать. Вот я и пришел сказать тебе, что, по-моему, ты мне здо-

рово обязан. Все.

Я повернулся к нему спиной.

— Даже Оберон не смел так говорить со мной, — сказал он мне вслед.

Я пожал плечами и шагнул к двери. И только моя нога коснулась земли, как я снова очутился в своих покоях. Я еще раз пожал плечами, и пошел за водой, чтобы плеснуть себе в лицо.

— Пап, ты в порядке?

Кольцо висело рядом с чашей. Оно поднялось в воздух, следуя за мной по комнате.

— В порядке, — кивнул я. — А ты как?

— Отлично, он совершенно не обратил на меня внимания.

— Не знаешь, что у него на уме? — спросил я.

— Похоже, они с Логрусом бьются за власть над Отражением. И он только что выиграл раунд. Что бы ни случилось, это, кажется, придало ему сил. Ты ведь участвовал в этом, верно?

— Верно.

— Где ты был с тех пор, как покинул пещеру, в которую я тебя отнес?

— Тебе известна страна, лежащая между Отражениями?

— МЕЖДУ? Нет. Это бессмысленно.

— Вот там я и был.

— А как ты туда попал?

— Не знаю. Думаю, с большим трудом. С Мондором и Ясрой все в порядке?

— Когда я видел их в последний раз, все было о'кей.

— А с Люком?

— Мне незачем было его разыскивать. Хочешь, чтобы я занялся этим?

— Попозже. Сейчас поднимись по лестнице и загляни в королевские покои. Мне нужно знать, есть ли там сейчас кто-нибудь. Потом еще нужно, чтобы ты проверил камин в спальне. Посмотришь, вернули ли на место камень, или он все еще лежит на каминной решетке.

Он испарился, а я принялся мерить комнату шагами. Сесть или лечь я боялся, понимая, что тут усну, а проснуться будет нелегко. Но не прошло и несколько минут, как передо мной, крутясь, снова появился Призрак.

— Там королева Виала, — сказал он, — она у себя в мастерской. Камень поставлен на место, а в коридоре во все двери стучится карлик.

— Черт, — сказал я, — значит, они знают, что он исчез. Карлик?

— Карлик.

Я вздохнул:

— Похоже, лучше пойти наверх, вернуть на место Камень и попробовать объяснить, что произошло. Если Виале понравится моя история, она может просто не рассказывать об этом Рэндому.

— Я перенесу тебя наверх.

— Нет, это было бы не слишком благоразумно. И не слишком вежливо. Лучше я пойду постучусь, и пусть на этот раз меня пригласят как положено.

— А как узнать, когда стучать в дверь, а когда просто зайти?

— Обычно, если дверь заперта, в нее стучат.

Откуда-то снаружи донесся слабый стук.

— Как этот карлик? Он что, просто идет мимо и стучит во все двери без разбора? — спросил я.

— Ну, он стучит во все двери по очереди, поэтому не знаю, можно ли сказать, что он делает это без разбора. Пока что все двери, в которые он пытался достучаться, вели в пустующие покои. Примерно через минуту он доберется и до твоей.

Я прошел через комнату к двери, отпер ее и вышел в коридор. И точно: там ходил какой-то коротышка. Стоило мне открыть дверь, а ему увидеть меня, как его бородатое лицо тут же расплылось в улыбке, и он направился ко мне. Я увидел, что он горбат.

— Господи! — сказал я. — Вы Дворкин, правда?

Настоящий Дворкин?

— По-моему, да, — ответил он, и голос его не был неприятным. — А ты, надеюсь, сын Корвина, Мерлин?

— Он самый, — сказал я. — Очень приятно. Такое не каждый день бывает… и в столь необычное время…

— Это не светский визит, — заявил Дворкин, приблизившись и хватая меня за руку у плеча. — А! Вот, значит, твои покои!

— Да. Не зайдете?

— Благодарю.

Я проводил его внутрь. Призрак уменьшился примерно до полудюйма в диаметре и претворился мухой, усевшейся на доспехи, висевшие на стене. Дворкин обошел гостиную, заглянул в спальню, некоторое время пристально смотрел на Найду и пробормотал: «Никогда не буди спящего демона». На обратном пути, проходя мимо меня, потрогал Камень, покачал головой, словно предчувствуя дурное, и погрузился в то кресло, в котором я боялся уснуть.

— Не хотите ли бокал вина? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, спасибо. Ближайший Сломанный Лабиринт починил ты, верно?

— Да.

— Зачем ты это сделал?

— У меня не было выбора.

— Лучше расскажи мне все как есть, — сказал старик, дергая себя за неопрятную клочковатую бороду. Волосы у него были длинные и тоже нуждались в гребешке. И все же в глазах и словах его не было ничего безумного.

— История эта непроста, и, чтобы я не заснул, ее рассказывая, мне требуется кофе, — сказал я.

Он простер руки, и между нами появился маленький столик с белоснежной скатертью, на нем два прибора, а рядом с низкой свечой — дымящийся серебряный кувшинчик. Еще там был поднос с бисквитами. Я бы не сумел так быстро доставить все это. Интересно, подумал я, а Мондор смог бы?

— Раз так, я присоединяюсь, — сказал Дворкин.

Я со вздохом налил кофе в чашку и приподнял Камень Правосудия.

— Может, прежде чем начать, я верну эту штуку, — обратился я к Дворкину. — Так будет легче избежать неприятностей.

Я привстал, но он покачал головой:

— По-моему, это ни к чему. Если ты теперь останешься без Камня, то, вероятно, погибнешь.

Я снова сел.

— Сливки, сахар? — спросил я.

...Я медленно приходил в себя. Знакомая голубизна оказалась озером небытия, я качался на его волнах. Я здесь, потому что... я здесь, как поется в песне. Перевернувшись на другой бок внутри своего спального мешка, я подтянул колени к груди и опять уснул.

В следующее пробуждение я быстро огляделся; мир все еще был голубым. Потом я вспомнил, что в любой момент может появиться Люк, чтобы убить меня, и сжал пальцы на рукояти лежавшего рядом меча, напрягая слух, чтобы уловить, не идет ли кто. Проведу ли я этот день, колотясь о стену хрустальной пещеры? Или явится Ясра и опять попытается убить меня? Опять. Что-то не так. Сколько их было, пытавшихся покончить со мной? Юрт и Корал, Люк и Мондор, даже Джулия. Ведь это был не сон? Короткий приступ паники прошел быстро, а потом мой блуждающий дух вернулся и принес то, что не удавалось вспомнить. И снова все стало на свои места.

Я потянулся. Сел. Протер глаза. Да, я вернулся в хрустальную пещеру. Нет, все, что случилось с тех пор, как Люк заключил меня сюда, не было сном. А сейчас я вернулся сюда по собственному

желанию. И вот почему: а) время, которое здесь уходило на то, чтобы основательно выспаться, для Амбера было лишь кратким мгновением; б) здесь никто не мог потревожить меня, связавшись через Козырь; и в) потому что, возможно, здесь меня не могли выследить даже Логрус и Лабиринт.

Откинув волосы со лба, я встал и отправился умываться. Хорошо, что я додумался с помощью Призрака перенестись после беседы с Дворкиным сюда. Наверняка я проспал часов двенадцать таким глубоким, непотревоженным сном, что лучше не бывает. Я осушил четверть бутылки воды, а остатками умылся. Позже, одевшись и сунув простыни в шкаф, я вышел в коридорчик перед дверью и постоял в свете, падавшем из штольни над головой. Видневшийся через нее кусок неба был чистым. В ушах у меня все еще звучало то, что сказал Люк в тот день, когда заточил меня сюда и когда выяснилось, что мы — родственники. Я вытащил из-за пазухи Камень Правосудия и, держа его подальше от глаз в вытянутой руке, поднял его так, чтобы падающий свет проходил сквозь него, и пристально всмотрелся в его глубины, но на этот раз там ничего не было. Ну, ладно. У меня не было настроения выяснять, кто, кому и

что должен. Я уселся поудобней, не отрывая глаз от Камня. Я отдохнул, был полон сил, и теперь пришло время взяться за дело и покончить с ним. По подсказке Дворкина я выискивал в алом омуте Лабиринт. Время шло, но вот стали выплывать какие-то очертания. Это не было плодом моих усилий. Пока я пытался вызвать Лабиринт силой воображения, все было тщетно. Я наблюдал, как структура в Камне становилась все отчетливей. Не то, чтобы она появилась внезапно — скорее, это я наконец сумел, приспособившись, увидеть то, что находилось там все время. Похоже, так оно и было. Я глубоко вздохнул. Потом принялся тщательно изучать конструкцию Лабиринта. Все, что говорил мне отец о том, как настраиваться на Камень, припомнить не удавалось. Дворкину я сказал об этом, но он заявил, что волноваться нечего. Нужно только поместить в Камень трехмерную копию Лабиринта, отыскать, где туда вход, и пройти его из конца в конец. Когда я попробовал расспросить его обо всем подробней, он просто улыбнулся и велел не беспокоиться. И вот сейчас я, медленно поворачивая Камень, подносил его все ближе. Наверху справа появилась маленькая трещинка. Стоило сосредоточиться, и она словно бы ринулась на меня. Подойдя ту-

да, я прошел сквозь нее внутрь. Там оказалась странная штука, похожая на серебряный поднос на колесиках, она двигалась внутри самоцвета вдоль линий, подобных Лабиринту. Я позволил ей нести меня куда заблагорассудится. Временами начиналось головокружение, от которого чуть ли не выворачивало. Но потом, собрав всю волю, я начал прокладывать себе путь сквозь рубиновые преграды, они поддавались, а я принимался карабкаться, падал, скользил или пробивался дальше. Ощущение собственного тела исчезло почти совсем, из высоко поднятой руки свисала цепочка, и я понимал только, что пот льется градом, потому что глаза то и дело щиплет. Понятия не имею, сколько времени прошло, пока я подстроился под Камень Правосудия — более высокую октаву Лабиринта. Дворкин считал, Лабиринт задумал уничтожить меня, как только рыцарское странствие придет к концу и ближайший Сломанный Лабиринт будет починен. И произойдет это не только потому, что я дерзко говорил с Лабиринтом и этим вывел его из себя. Но помогать мне Дворкин отказался, полагая, что, узнай я подлинную причину, это могло бы повлиять на выбор, который, весьма вероятно, мне придется делать в будущем. А он должен

быть сделан свободно. Мне это показалось полной тарабарщиной, но все, что он говорил на другие темы, было поразительно разумным, и вообще он мне казался противоположностью того Дворкина, которого я знал по легендам и слухам. Мой рассудок то нырял в глубины кровавого омута, что был внутри Камня, то парил над ним. Вокруг меня двигались уже пройденные отрезки Лабиринта и те, которые еще предстояло пройти. Они вспыхивали, как молнии. Меня не покидало ощущение, что мой рассудок вот-вот расколется о преграду невидимой Вуали. Скорость все росла, уже нельзя было ни остановиться, ни свернуть. Я знал, что, пока не пройду эту штуку, возможности убраться отсюда не будет. Дворкин считал, что, когда я вернулся проверить, кого видел у входа, и повздорил с Лабиринтом, Камень защитил меня от него. Но носить Камень слишком долго нельзя, рано или поздно это оказывается губительным. Дворкин решил, что мне следует настроиться на Камень, подобно отцу и Рэндому, а уж потом расстаться с ним. После этого я унесу в себе образ более высокого порядка, который защитит меня от Лабиринта не хуже, чем сам Камень. Едва ли можно было спорить с человеком, который, по слухам, создал с помощью Камня Лабиринт. И я

согласился с ним. Но мне надо было отдохнуть. Поэтому пришлось заставить Призрак вернуть меня в хрустальную пещеру, мою святая святых. И вот я плыву. Вращаюсь. Время от времени останавливаюсь. Подобия Вуалей, находившиеся в Камне, оказались не менее грозными, ведь я оставлял свое тело по другую их сторону. После каждого перехода я так выматывался, словно побил олимпийский, рекорд в беге на милю. Хотя на одном уровне было ясно, что я стою, держа Камень, в котором совершаю путь посвящения, на другом чувствовалось, как тяжело стучит сердце, а на третьем на ум приходили отрывки давным-давно прослушанного курса антропологии, когда к нам приезжала читать лекции Джоан Галифакс. Вокруг все пенилось как «Гейзер пик Мерлот» 1985 года, который наливают в кубки. На кого же это я в тот вечер смотрел через стол? Неважно. Дальше, вниз, по кругу… Ярко расцвеченный кровью поток вырвался на свободу. Мой дух получил известие. Я не знал, как пишется стоявшее первым слово… Ярче, ярче. Быстрее, быстрее. Столкновение с рубиновой стеной, я — пятно на ней. Давай, Шопенгауэр, начни последний поединок воли с волей. Прошло столетие, а может, два, потом вдруг путь открылся. Меня бросило вперед,

в сияние взорвавшейся звезды. Красный поток, уносящийся все дальше, словно моя лодочка «Звездный взрыв», поток разрастался, гнал меня, нес домой… Я отключился. Сознания я не терял, но рассудок был не совсем в норме. Оставалась еще гипнология, можно было воспользоваться ею в любое время и попасть куда угодно, но зачем? Такая эйфория меня посещает редко. Считая, что заслужил ее, я долго-долго медленно плыл по течению. В конце концов ощущение радости стало слабеть, я уже мог управлять своими желаниями. Пошатываясь, я встал, оперся о стену и направился в кладовку еще раз глотнуть воды. К тому же страшно хотелось есть, но ни консервы, ни замороженные полуфабрикаты меня не прельщали. Особенно, когда не так уж трудно было добраться до чего-нибудь посвежее. Я вернулся назад через знакомые комнаты. Итак, я последовал совету Дворкина. Жаль, что пришлось покинуть его раньше, чем я припомнил все, о чем хотел его расспросить, так много было у меня вопросов. Когда я снова вернулся, Дворкина уже не было. Я поднялся наверх. Единственный неизвестный мне выход из пещеры находился на вершине голубого выступа, где я и стоял. Утро было ветреным, ароматным, весенним. На во-

стоке виднелись лишь несколько облачков. Я с удовольствием набрал полную грудь воздуха и выдохнул. Потом нагнулся и перетащил голубой валун так, чтобы он закрыл вход. Если мне опять понадобится уединенное убежище и придется вернуться сюда, пусть не застанет, меня врасплох какой-нибудь хищник. Я снял Камень Правосудия с шеи и повесил его на каменный выступ. Потом отошел шагов на десять.

— Пап, привет.

С запада, как золотой Фрисби, подплывало Колесо-призрак.

— Доброе утро, Призрак.

— Зачем ты оставляешь это устройство? Это одно из самых мощных орудий, какие мне приходилось видеть.

— Я не оставляю его. Я собираюсь вызвать Знак Логруса и, по-моему, вряд ли они поладят. Не уверен даже, насколько я сам буду по душе Логрусу теперь, когда несу в себе настройку на Лабиринт более высокого порядка.

— Может, мне лучше уйти, а вернуться позже?

— Держись неподалеку, — велел я. — Может, если возникнут проблемы, ты сумеешь вытащить меня отсюда.

Потом я вызвал Знак Логруса, и тот явился,

нависнув надо мной, но ничего не случилось. Я переместил часть сознания в Камень. Он висел на валуне неподалеку. Через него я сумел воспринять Логрус с другой точки зрения. Жуть. Но и это обошлось без последствий. Снова сконцентрировав мысленным усилием свою волю, я взялся за Логрусовы отростки и потянулся. Не прошло и минуты, как передо мной оказалась тарелка молочных оладий, колбаса, чашка кофе и стакан апельсинового сока.

— Я мог бы доставить тебе это быстрее, — заметил Призрак.

— Не сомневаюсь. Я просто проверял системы.

Во время еды я мысленно пытался рассортировать свои дела по степени важности. Отправив тарелки туда, откуда они появились, я забрал Камень, повесил его на шею и поднялся.

— О'кей, Призрак. Пора возвращаться в Амбер, — сказал я.

Он стал шире, разомкнулся, опустился пониже — и вот уже передо мной золотая арка. Я шагнул вперед… в свою комнату.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, пап. Слушай, у меня вопрос: ты не заметил ничего странного в поведении Логруса, когда добывал себе завтрак?

— Ты о чем? — спросил я, отправляясь мыть руки.

— Начнем с физических ощущений. Он не казался тебе… липким?

— Странное определение, — удивился я. — Но раз уж мы заговорили об этом, да, мне показалось, что на разъединение ушло чуть больше времени, чем обычно. А почему ты спросил?

— Мне только что пришла в голову странная мысль. Ты можешь творить волшебство с помощью Лабиринта?

— Да, но с Логрусом получается лучше.

— Будь у тебя возможность, ты мог бы попробовать с обоими, а потом сравнить.

— Зачем?

— У меня и впрямь возникли кое-какие подозрения. Как только проверю, тут же расскажу тебе.

И Колесо-призрак исчезло.

— Вот дерьмо, — сказал я ему вслед и принялся плескать водой в лицо.

Потом я выглянул в окно. Там тихо пролетали снежные хлопья. Из ящика письменного стола я достал ключ. Мне хотелось поскорей избавиться от нескольких вещей. Выйдя в коридор, я не успел сделать и несколько шагов, как услышал знакомый звук. Я прислушался, потом прошел мимо

лестницы, и чем ближе подходил к библиотеке, тем объемнее становился звук. К тому времени, как я добрался до длинного коридора, где она находилась, мне стало ясно, что вернулся Рэндом — кто же еще умел так барабанить? А если и умел, кто осмелился бы воспользоваться барабанами Короля? Постояв немного в раздумье, я оставил полуоткрытую дверь библиотеки позади и свернул за угол направо. Моим первым желанием было войти, отдать Рэндому Камень Правосудия и попытаться объяснить, что произошло. Потом вспомнились слова Флоры: честность, прямота и открытость здесь не доведут до добра. Верить ей не очень хотелось, пусть даже она и сформулировала некое общее правило, но мне удалось сообразить, что в данном случае объяснения отнимут уйму времени, а ведь я хотел перейти к другим делам, заняться которыми, кстати, мне могут просто запретить. Коридор привел меня к дальнему входу в обеденный зал, а быстрая проверка показала, что в нем никого нет. Прекрасно. Я припомнил, что с правой стороны зала есть раздвижная панель. Через нее можно попасть в полую часть стены по соседству с библиотекой, отыскать там не то деревянные штифты, не то лесенку и взобраться к потайному ходу

на галерею библиотеки. Если же сойти по ней вниз, попадешь к винтовой лестнице, которая приведет в пещеры под Замком. Я надеялся, что мне никогда не придется исследовать эту часть Замка, но сейчас, хорошо зная семейные традиции, решил чуточку пошпионить, потому что, услышав несколько невнятных реплик, донесшихся из-за полуприкрытой двери, понял, что Рэндом там не один. Если знание действительно сила, то мне необходима вся информация, какую только я сумею раздобыть, поскольку последнее время я чувствовал себя очень уязвимым. Панель скользнула в сторону, и вот уже я внутри стены. Отправив вперед свой духовный свет, я вскарабкался наверх и медленно, осторожно отодвинул вторую панель, выходящую на галерею, чувствуя благодарность тому, кто додумался замаскировать ее широким креслом. Из-за его правой ручки можно было следить за всеми, не слишком опасаясь, что тебя обнаружат. Оттуда был хорошо виден северный конец комнаты. Рэндом барабанил, а Мартин, затянутый в кожу, увешанный цепочками, сидел перед ним и слушал. Рэндом вытворял такое, чего я в жизни не видел. Он играл пятью палочками. По одной у него было в каждой руке, по одной зажато под мышками, и одну он

держал в зубах. Играя, он жонглировал ими. Та, что была зажата в зубах, оказывалась справа под мышкой, а ее предшественница перекочевывала оттуда в правую руку; палочка, которая была там до нее, отправлялась в левую руку; четвертая уже торчала из-под мышки слева, а та, которая только что была там, уже оказывалась зажатой в зубах, и он ни разу не ошибся. Это гипнотизировало. Я не мог отвести глаз, пока Рэндом не закончил свой номер. «Фьюжн»-барабанщик вряд ли стал бы мечтать о старенькой установке Рэндома — ни прозрачного пластика, ни тарелок размером с боевой щит, ни целого набора тамтамов с парой басов, к тому же она не сияла, как огненное кольцо вокруг Корал. Рэндом обзавелся своей установкой еще до того, как шнуры стали тонкими и нервными, басы сели, а тарелки подцепили акромегалию и стали гудеть.

— Никогда еще такого не видел, — донесся голос Мартина.

Рэндом пожал плечами:

— Немножко повалял дурака. Я выучился этому в тридцатые годы у Фредди Мура, не то в «Виктории», не то в «Виллидж Вэнгард», он тогда играл с Артом Хоудсом и Максом Камински. Забыл, где именно. В варьете тогда еще не было микрофо-

нов, и освещение было скверным. Чтобы держать зал, приходилось вот так выпендриваться или же забавно одеваться.

— Так угождать толпе? Позор!

— Ага, вам, ребята, никому бы и в голову не пришло вырядиться или расшвырять вокруг себя инструменты.

Наступила тишина, а выражения лица Мартина мне никак не удавалась увидеть. Наконец он сказал:

— Я не то имел в виду.

— Я тоже, — ответил Рэндом. Потом три палочки полетели вниз, и он снова заиграл.

Откинувшись назад, я внимательно слушал. И вдруг, ошарашенный, понял, что, кроме барабана, слышу еще и альт-саксофон. Когда я снова посмотрел на них, Мартин по-прежнему стоял ко мне спиной и играл. Наверное, саксофон лежал на полу за стулом. Получалось нечто в духе Ричи Коула, что мне, в общем, понравилось, но немного и удивило. Хотя я и наслаждался их игрой, меня не покидало чувство, что сейчас мне в этой комнате делать нечего. Я осторожно отступил назад, отодвинул панель, вернул ее на место, спустился вниз и, выйдя из стены, решил, что сейчас мне лучше пройти через обеденный зал, чтобы

не появляться еще раз у дверей в библиотеку. Еще какое-то время я слышал музыку и очень жалел, что не знаю заклинания, которым Мондор заключает звуки в драгоценные камни, хотя неизвестно, как, скажем, Камень Правосудия отнесся бы к тому, что в него поместили «Блюз Диких». Я собирался пройти по восточному коридору туда, где по соседству с моими апартаментами он вливается в северный коридор, свернуть там налево, подняться по лестнице к королевским покоям, постучаться и вернуть Камень Виале. Я надеялся, что сумею заставить ее выслушать приготовленный мной водопад объяснений и оправданий. О многом можно было бы умолчать: она знает не все и поэтому не станет расспрашивать о деталях. Конечно, в конце концов Рэндом доберется до меня и уж он-то докопается до всего. Но чем позже, тем лучше. Я прошел мимо покоев отца. Ключ был при мне, и позже я рассчитывал здесь остановиться. Но, раз уж я оказался здесь, можно сэкономить время. Я отпер дверь и вошел в комнату. Серебряная роза с бутонами, стоявшая в вазе на туалетном столике, исчезла. Странно. Я шагнул вперед. Из соседней комнаты доносились голоса — слишком тихие, чтобы понять, о чем говорят. Я оцепенел. Может, там и отец! И

он не один. Но не могу же я вот так, запросто, ворваться в чужие покои, даже если это покои моего отца. Тем более, что для того, чтобы попасть сюда, мне пришлось раздобыть ключ и отпереть входную дверь. Мне вдруг стало страшно неловко. Захотелось побыстрее уйти. Я отстегнул перевязь с Грейсвандиром. Не смея носить его больше, я повесил меч на одну из торчавших у двери деревянных вешалок рядом с коротким плащом, который заметил только теперь. Потом выскользнул из комнаты и тихо запер за собой дверь. Неловко. Он что же, и вправду все время уходил и приходил, никем не замеченный? Или в его покоях происходит что-то необычное? Мне приходилось иногда слышать пересуды о том, что в некоторых из старых комнат есть двери sab specie spatium. Стоит сообразить, как заставить их работать, и получишь массу дополнительного места для хранения вещей плюс личный вход и выход. Еще одно, о чем мне стоило бы спросить Дворкина. Вдруг и у меня под кроватью завалялась карманная вселенная? Никогда туда, не заглядывал. Я повернулся и быстро пошел прочь. Дойдя до угла, замедлил шаг. Дворкин считал, что от Лабиринта меня защитил Камень Правосудия, который был со мной, если только Лабиринт и

впрямь пытался мне навредить. В то же время, если слишком долго носить Камень, он сам может причинить владельцу вред. Значит, Дворкин советовал мне отдохнуть, а потом мысленно пройти через матрицу Камня, чтобы создать себе подобие более могущественной силы, а также обезопасить себя от нападения самого Лабиринта. Нападение Лабиринта — это только предположение. Конечно, всего лишь предположение, и только. Добравшись до пересечения коридоров, я помедлил. Пойти налево — значило оказаться у лестницы, прямо — в своих покоях, которые расположены напротив покоев Бенедикта. По левую руку от меня, наискосок, была гостиная. Я зашел туда, опустился в массивное кресло в углу. Хотелось только одного — разобраться с врагами, помочь друзьям, вычеркнуть свое имя из всех черных списков, в которых оно сейчас было, найти отца и как-нибудь договориться со спящей ти'га. Потом уж можно будет подумать о том, не продолжить ли прерванное странствие. Тут я понял: чтобы все это осуществилось, мне необходимо задать вопрос, уже ставший почти риторическим: хочу ли я посвятить Рэндома в свои дела? Задумавшись о том, как он играет в библиотеке со своим сыном, ставшим почти

чужим, я понял, что когда-то Рэндом был весьма вольным, независимым и не слишком приятным малым. Что на самом деле ему вовсе не хотелось править этим прообразом всех миров. Но женитьба, рождение сына и выбор Единорога, кажется, оказали на него большое влияние — углубили характер, укрепили волю. Сейчас у него, похоже, было полно проблем с Кашфой и Бегмой. Не исключено, что он только что совершил убийство и согласился на не слишком выгодный договор, чтобы ни одна из сложных политических сил Золотого Круга не получила преимуществ. И как знать, что и где еще может происходить в его владениях? И нужно ли мне втягивать его в то, с чем отлично можно справиться самому? Ведь, если уж на то пошло, умнее он никогда не был. Напротив, втяни я его в свои дела, может статься, что он наложит на меня ограничения и помешает мне заниматься не терпящими отлагательств текущими делами. Кроме того, есть опасность, что Рэндом, кстати, поднимет вопрос, который год назад мы отложили. Я никогда не присягал на верность Амберу. Меня никто никогда не просил об этом. В конце концов я сын Корвина, пришел в Амбер по своей воле перед тем, как отправиться в Отражение Земля, чтобы неко-

торое время пожить там. Я часто возвращался сюда и был как будто в хороших отношениях со всеми. Я действительно не мог понять, почему идея двойного подданства неприемлема для моих родственников. Я бы предпочел, чтобы этот вопрос не возникал. Мысль, что меня силой заставят выбирать между Амбером и Двором, мне не понравилась. Это не удалось ни Единорогу со Змеей, ни Лабиринту с Логрусом, и ни для одной из королевских фамилий делать выбор я тоже не собирался. Так я пришел к выводу, что Виале мою историю нельзя преподносить даже в общих чертах. Любая версия в конце концов потребует полного отчета. Если уж вернуть Камень потихоньку, не объясняя, где он был, никто не станет задавать никаких вопросов, и все обойдется. Если тебя ни о чем не спрашивают, не нужно и лгать. Я еще немного поразмышлял над этим. Что же получится в результате? Я избавлю усталого, озабоченного человека от бремени дополнительных проблем. По большей части дела мои были таковы, что Рэндом не мог бы ничем помочь, да и не должен был бы. Что бы ни происходило между Лабиринтом и Логрусом, оно, кажется, имело значение только как метафизическая проблема. Непонятно, что плохого или хорошего можно

извлечь из нее, чтобы потом воспользоваться. А если я замечу какую-то опасность, то всегда смогу рассказать Рэндому всю историю целиком. Ладно. Вот один из приятных моментов в размышлениях. Поразмыслишь — и чувствуешь себя скорее добродетельным, чем виноватым. Я потянулся.

— Призрак? — тихо позвал я.

Ответа не было.

Я полез за Козырями, но стоило дотронуться до них, как по комнате промчалось огненное колесо.

— Так ты услышал меня?

— Я почувствовал, что нужен тебе, — объяснил он.

— Сумеешь ли ты, — спросил я, стаскивая через голову цепочку с Камнем и держа ее в вытянутой руке, — вернуть его в тайник у камина в королевских покоях так, чтобы никто не оказался умней нас?

— Думаю, мне не стоит трогать эту штуку, — ответил Призрак. — Известно, что его структура может сделать с моей.

— О'кей, — сказал я. — Тогда, похоже, я найду способ сделать это сам. Но подошло время проверить одну гипотезу. Если Лабиринт нападет, пожалуйста, попробуй быстро перенести меня в

безопасное место.

— Ладно.

Я положил Камень на стоящий неподалеку столик. Примерно через пол минуты мне стало ясно, что я обезопасил себя от смертоносного удара Лабиринта. Я расслабил плечи и глубоко вздохнул. Меня не тронули. Может, Дворкин был прав, и Лабиринт оставит меня в покое? К тому же он сказал, что теперь я сумею вызывать в Камне Лабиринт — так же, как вызываю Знак Логруса. Кое-какие чудеса с помощью Лабиринта можно было сотворить только так. Хотя у Дворкина не было времени проинструктировать меня, как это делается. Я решил, что с этим можно подождать. Как раз сейчас у меня не было настроения общаться с Лабиринтом ни в одном из его воплощений.

— Эй, Лабиринт, — сказал я, — Ничья?

Ответа не последовало.

— По-моему, он сознает, что ты здесь, и понимает, что ты сейчас сделал, — сказал Призрак. — Я чувствую его присутствие. Может, ты уже сорвался с крючка.

— Может быть, — ответил я, вытаскивая Козыри и пролистывая их.

— С кем бы тебе хотелось связаться? — спросил Призрак.

— Любопытно, как там Люк, — сказал я. — Хотелось бы посмотреть, все ли с ним в порядке. Где Мондор, тоже любопытно. Допустим, ты отправил его в безопасное место…

— Лучше и быть не может, — ответил Призрак. — Как и королеву Ясру. Она тебе тоже нужна?

— Вообще нет. Фактически, они оба мне не нужны. Просто хотелось посмотреть…

Я еще говорил, а Призрак мигнул и исчез. Уверенности, что такая готовность угодить означает, что он настроен не так воинственно, как раньше, у меня не было. Вытащив карту Люка, я сосредоточился на ней. Кто-то прошел по коридору мимо моей двери. Ничего не было видно, но я почувствовал, что Люк меня слышит.

— Люк, слышишь меня? — спросил я.

— Ага, — откликнулся он. — С тобой все нормально, Мерлин?

— Да, — ответил я. — А ты как? В изрядную же драку ты…

— У меня все отлично.

— Я слышу твой голос, но не вижу ни зги.

— Козыри затемнены. Не знаешь, как это делается?

— Никогда этим не занимался. Придется тебе

иногда учить меня. Э-э… кстати, а почему они затемнены?

— Кто-нибудь может войти в контакт и догадаться, что я намерен делать.

— Если ты собираешься организовать рейд коммандос в Амбер, я окажусь по уши в дерьме.

— Да ладно тебе! Ты же знаешь, я поклялся! Это не то.

— Я думал, ты пленник Далта.

— Мой статус не изменился.

— Черт, один раз он чуть не убил тебя, а в другой раз чуть не вышиб из тебя дух вон.

— В первый раз он наткнулся на старинное берсеркерское заклятие, которое Шару оставил в качестве ловушки, второй раз речь шла о делах. Все будет о'кей. Но сейчас то, что я собираюсь делать, секрет, и мне пора бежать. Пока.

И Люк исчез. Шаги замерли, в соседнюю дверь постучали. Через некоторое время она открылась, потом закрылась.

Никакого обмена репликами слышно не было. Происходило это неподалеку от меня, а поскольку две ближайшие комнаты принадлежали нам с Бенедиктом, я ничего не понимал. Я был совершенно уверен, что Бенедикта в его комнате нет, и вспомнил, что, выходя, не запер свою дверь.

Значит… Забрав Камень Правосудия, я пересек комнату и вышел в холл. Проверил дверь Бенедикта — заперто. Оглядев протянувшийся с севера на юг коридор, я вернулся к лестнице проверить, что там. Никого не было видно. Тогда я вернулся к своим дверям и немного постоял, прислушиваясь. Оттуда не доносилось ни звука. И тут я вспомнил, что комнаты Жерара, выходившие в боковой коридор, и комнаты Бранда находятся позади моих. Рэндом завел новую моду все перестраивать и заново украшать, подумал я, так не вышибить ли стену, добавив к своим покоям комнаты Бранда? Площадь получилась бы недурная. Однако слухи о живущих у него привидениях и стенания, которые иногда доносились ко мне ночью через стену, охладили меня. Я постучал и в дверь Бранда, и в дверь Жерара и под конец попробовал войти. Никакого ответа, обе двери заперты. Ситуация становилась все непонятнее. Стоило мне дотронуться до двери Бранда, как Фракир быстро сжался, но, хотя я тут же насторожился, ничего не случилось. Я готов был пренебречь тем, что он, мешая мне, реагирует так на остатки жутких заклинаний, которые время от времени, болтаясь неподалёку отсюда, попадались на глаза, и тут заметил: Камень Правосудия мигает

красным светом. Приподняв цепочку, я пристально вгляделся внутрь. Да, возникли очертания холла за углом, двух моих дверей, можно было рассмотреть даже украшение между ними. Дверь слева, та, что вела ко мне в спальню, была как будто очерчена красным пульсирующим светом. Означало ли это, что следует ее остерегаться, или, наоборот, надо было поскорей ворваться туда? Вот в чем беда с мистическими советами — никогда ничего не знаешь наверняка. Я пошел назад и снова свернул за угол. На этот раз самоцвет, видимо, ощутил мои колебания и показал, мне в своей глубине меня самого. Я подошел и отворил дверь, которую указал мне Камень. Конечно, запертой оказалась именно она… Нащупывая ключ, я думал, что даже не смогу ворваться туда с обнаженным мечом, ведь я только что остался без Грейсвандира. Повернув ключ, я распахнул дверь и услышал, как женский голос вскрикнул:

— Мерль!

Это была Корал. Она стояла у постели, на которой полулежала ее мнимая сестра ти'га. Корал поспешно сунула руку ей под спину. — Ты… э-э… застал меня врасплох.

— Вот уж нет, — ответил я, помня о том, что в языке Тари этому моему «нет» эквивалентом

служит ЕСТЬ. — В чем дело, леди?

— Я вернулась сказать тебе, что нашла отца и успокоила его историей про Коридор Зеркал — помнишь, ты рассказывал? А тут на самом деле есть такое место?

— Да. Правда, ни в одном путеводителе его не найдешь он то появится, то исчезнет. Итак, твой — отец успокоился?

— Угу. Но теперь он не может понять, куда делась Найда.

— Это уже сложнее.

— Да.

Она краснела, на меня смотрела неохотно, и к тому же, кажется, сознавала, что я заметил, как ей неловко.

— Я сказала, что, может быть, Найда пошла исследовать Замок, — продолжала она, — и что я расспрошу о ней.

— М-м.

Я перевел взгляд на Найду. Тут же шагнув вперед, Корал легонько прижалась ко мне, взяла за плечо и притянула поближе к себе.

— Я думала, ты собираешься спать, — сказала она.

— Да, собирался. И поспал. И только что возвратился издалека.

— Не понимаю.

— Временные линии, — объяснил я. — Сэкономил время. И уже отдохнул.

— Прелестно, — сказала Корал, касаясь губами моих губ. — Я рада, что силы вернулись к тебе.

— Корал, — сказал я, обняв ее и тут же разжав объятия, — нечего сажать меня в лужу. Ты ведь знала, когда уходила, что я умираю от усталости. С чего же ты взяла, что, если вернешься так скоро, я уже успею прийти в себя?

Поймав левое запястье Корал у нее за спиной, я дернул, ее руку к себе. Корал оказалась на удивление сильной. Но я и не пытался разжать ее пальцы, и так было видно, что у нее в руке один из металлических шариков, которыми Мондор пользовался, чтобы наложить заклятие без подготовки. Я выпустил ее руку, но Корал не отстранилась.

— Могу объяснить, — сказала она, встретив, наконец, мой взгляд и не отводя своего.

— Да надо бы, — кивнул я. — И хочется, чтобы ты сделала это побыстрее.

— Не исключено, что россказни о смерти Найды и демоне, вселившемся в ее тело, которые ты слышал, правда, — продолжала она. — Но в последнее время мы с ней хорошо ладили. Сестра,

наконец, стала такой, какой я всегда хотела ее видеть. Потом ты вернул меня сюда, я, увидев ее спящей, не знала, что ты собираешься сделать с ней на самом деле…

— Хочу, чтобы ты знала, Корал, я не причиню ей вреда, — перебил я. — Я в большом долгу перед ней… перед ним… Она, наверное, не раз спасала мне жизнь на Отражении Земля. Пока она здесь, за нее нечего бояться.

Корал наклонила голову и сощурилась.

— Из того, что ты наговорил, — сказала она, — понять это было невозможно. Я вернулась, надеясь, что ты крепко спишь, и я смогу снять заклятие, или, хотя бы, поговорить с ней. Хотелось самой выяснить, она моя настоящая сестра или нечто иное.

Я вздохнул, протянул руку, чтобы погладить Корал по плечу, и только тут заметил, что до сих пор сжимаю в ней Камень Правосудия. Тогда другой, свободной рукой, я взял ее повыше локтя и заглянул ей в глаза.

— Послушай, я понимаю. С моей стороны было бестактно, ничего не объясняя, показать тебе сестру, которая вот так лежит. Могу оправдаться только своей усталостью и попросить прощения. Даю слово, она не испытывает боли. Но действи-

тельно не хочется устраивать сейчас неразбериху с заклятиями. Не я же их наложил…

Тут Найда слабо застонала. Я несколько минут внимательно наблюдал за ней, но на этом все и кончилось.

— Металлический шарик ты выдернула из воздуха? — спросил я. — Не помню, чтобы я видел шарик для последнего заклятая.

Корал покачала головой.

— Он лежал у нее на груди, прикрытый рукой.

— Как ты догадалась заглянуть туда?

— Просто поза выглядела неестественной. Вот и все. На.

Она протянула шарик мне. Я взял его и взвесил на правой ладони. Кто знает, как эта штука работает. Металлические шарики для Мондора были тем же, чем для меня Фракир, — инструментом, при помощи которого только он мог творить чудеса: шарик был выкован из его подсознания в самом сердце Логруса.

— Что, собираешься положить его обратно? — спросила Корал.

— Нет, — ответил я. — Я уже говорил, заклятие — не моих рук дело. Неизвестно, как оно срабатывает, и я не буду валять дурака из-за него.

Найда, так и не открыв глаза, прошептала:

— Мерлин?

— Лучше нам пойти поговорить в соседнюю комнату, — обратился я к Корал. — Но сперва я наложу на нее собственное заклятие. Просто усыплю ее.

Позади Корал воздух замерцал и закружился, и догадавшись, должно быть, по моим вытаращенным глазам, что происходит что-то необычное, она обернулась:

— Мерль, что это? — спросила она, отступая, когда начала появляться золотая дуга.

— Призрак? — спросил я.

— Точно, — ответил он. — Там, где я оставил Ясру ее нет. Но твоего брата я доставил.

Внезапно появился Мондор, по-прежнему в черном, с шапкой густых серебряно-белых волос. Он поглядел на Корал с Найдой, сосредоточил взгляд на мне, улыбнулся и шагнул вперед. Потом увидел что-то поодаль и остановился. Глаза у него буквально вылезли из орбит. Никогда еще я не видел у Мондора такого испуганного лица.

— Кровавый Глаз Хаоса! — воскликнул он, жестом вызывая защитный экран. — Как ты добрался до него?

Он на шаг отступил. Дуга немедленно сомкнулась, превратившись в каллиграфическое,

напоминающее золотой листок «О», и Призрак скользнул по комнате, чтобы вырасти за моим правым плечом. Вдруг Найда села на постели, бросая по сторонам безумные взоры.

— Мерлин! — крикнула она. — С тобой все в порядке?

— Более-менее, — ответил я. — Беспокоиться нечего. Не волнуйся. Все хорошо.

— Кто нарушил мое заклятие? — грозно спросил Мондор, когда Найда спустила ноги с кровати. И, Корал съежилась от страха.

— Это что-то вроде несчастного случая, — сказал я.

Я разжал пальцы правой руки. Металлический шарик тут же поднялся в воздух и пулей понесся к Мондору, чуть не задев Корал, которая вытянула руки, приняв обычную оборонительную позу воина, хотя она, казалось, точно не знает, от кого или от чего ей следует защищаться. Поэтому она оборачивалась то к Мондору, то к Найде, то к Призраку, и снова…

— Корал, успокойся, — сказал я. — Опасность тебе не грозит.

— Левый глаз Змеи! — закричала Найда. — О, Не Имеющий Формы, освободи меня, и в залог я отдам свой!

Как раз в это время Фракир предупредил меня, что не все хорошо, — на случай, если я сам не заметил этого.

— Да что, черт побери, происходит? — заорал я.

Одним прыжком Найда вскочила и с той неестественной силой, что присуща демонам, выхватила из моей руки Камень Правосудия, оттолкнула меня в сторону и вылетела в коридор. Я опешил от неожиданности, потом пришел в себя и крикнул:

— Держите ти'га!

Мимо меня молнией пронеслось Колесо-призрак, а за ним летели шарики Мондора.

Я выскочил в коридор и побежал за ти'га. Может, она бегает быстро, но и я не лыком шит.

— Я думал, ты должна защищать меня! — крикнул я ей вдогонку.

— Глаз Змеи, — ответила она, — важнее того, что мне велела твоя мать.

— Что? Моя мать?

— Она наложила на меня заклятие, чтобы я заботилась о тебе, когда ты пошел в школу, — ответила ти'га. — Но Камень снимает заклятие! Наконец я свободна!

— Черт! — выругался я.

Потом, когда она оказалась около лестницы,

перед ней появился Знак Логруса — он был больше всех, какие только мне случалось вызывать. Заполнив коридор от стены до стены, он клубился, расползался, плевался огнем, вытягивал отростки, а вокруг него красным туманом плавала угроза. Чтобы объявиться таким манером в Амбере, на территории Лабиринта, требовалась определенная доля нахальства, поэтому стало ясно: ставки высоки.

— Прими меня, о Логрус! — закричала ти'га. — Я несу Глаз Змеи.

И Логрус раскрылся, в его середине образовался огненный тоннель. До меня дошло, что другим концом он открывается не ко мне в коридор. Но тут Найда остановилась, неожиданно наткнувшись на стеклянную перегородку, и застыла в растерянности. Вокруг нее описывали круги три блестящие сферы Мондора. Меня сбило с ног, прижало к стене спиной. Я защитил рукой голову на случай, если сверху что-нибудь свалится. Позади меня, совсем рядом, появился образ Лабиринта, ничуть не меньше Знака Логруса. Они были на одинаковом расстоянии от Найды, один позади нее, другой впереди. Они замерли. А леди, или ти'га, а вместе с ней и я оказались, так сказать, между ними, как между двумя полюсами

существования — Хаосом и Порядком. Вокруг Лабиринта все светлело, словно солнечным утром, а с другой стороны, там, где был Знак Логруса, сгущались зловещие сумерки. Неужели они снова хотят сыграть в «Бум-Хряп» по-крупному, опять сделав меня невольным свидетелем? — недоумевал я.

— Э-э… ваши сиятельства, — начал я, чувствуя, что обязан попытаться отговорить их, и жалея, что я — не Люк, как раз он-то и способен на такой подвиг. — Сейчас самое подходящее время обратиться к беспристрастному судье, и стоит только поразмыслить, получится, что в этом смысле у меня уникальные способности…

— Золотое кольцо — я знал, что это Кольцо-призрак, — внезапно упав на голову Найды, вытянулось до полу так, что получилась труба. Призрак вписался в орбиты шариков Мондора и, должно быть, ухитрился изолировать себя от движущих ими сил, потому что шарики сбавили скорость, заколебались из стороны в сторону и, наконец, упали на пол. Два ударились о стену неподалеку от меня, а один скатился вниз по лестнице и покатился дальше. Знаки Логруса и Лабиринта начали сближаться, и я быстро пополз, чтобы держаться впереди Лабиринта.

— Ближе не подходите, ребята, — вдруг заявило Колесо-призрак. — Невозможно описать, что я могу натворить, если заставите меня нервничать сильней, чем сейчас.

И Лабиринт, и Логрус приостановились. Спереди, из-за угла, донесся пьяный голос Дронны, громко распевавшего какую-то непристойную балладу. Он шел в нашу сторону. Потом наступила тишина. Через несколько минут он затянул «Скалы веков», голос звучал уже слабее. Потом не стало слышно и его, последовал тяжелый удар, звон бьющегося стекла, и он упал. Тут мне пришло в голову, что с такого расстояния я мог бы сознанием дотянуться до Камня. Но что мне это дало бы, тем более, что четверо сходящихся противников не были людьми? Я почувствовал, как кто-то вызывает меня через Козырь.

— Да? — прошептал я.

Тогда зазвучал голос Дворкина:

— Какую бы власть ты не имел над этой штукой, используй ее, чтобы Камень не попал к Логрусу.

Именно в этот момент из красного тоннеля раздался скрипучий голос, тембр которого менялся, как будто от слога к слогу говорили поочередно мужчина и женщина:

— Верни Глаз Хаоса. Давным-давно Единорог

отобрал его у Змеи во время поединка. Похитил его. Верни Камень. Верни.

Являвшееся мне в Лабиринте голубое лицо в этот раз не показалось, но знакомый с тех самых пор голос ответил:

— За него уплачено болью и кровью. Право собственности перешло к нам.

— Камень Правосудия, Глаз Хаоса, Глаз Змеи — это разные названия одного и того же самоцвета? — спросил я.

— Да, — ответил Дворкин.

— Что будет, если Змея получит свой глаз обратно?

— Вероятно, Вселенной придет конец.

— О, — только и мог вымолвить я.

— Что вы предложите мне за него? — спросил Призрак.

— До чего же пылкая конструкция, — нараспев заметил Лабиринт.

— Ах ты, прыткий артефакт, — завопил Логрус.

— Поберегите комплименты, — сказал Призрак, — и дайте мне то, чего я хочу.

— Мне ничего не стоит вырвать его у тебя, — отозвался Лабиринт.

— А мне — разорвать тебя в клочки и развеять их, — заявил Логрус.

— Вы оба ничего не сделаете, — ответил Призрак, — потому что, сосредоточь вы свое внимание и энергию на мне, — окажетесь уязвимыми друг для друга.

У меня в голове раздался смешок Дворкина.

— Скажите, зачем вообще нужен этот спор, — продолжал Призрак, — ведь прошло столько времени с тех пор, как он разгорелся в прошлом.

— Из-за того, что недавно сделал этот перебежчик, равновесие сместилось в пользу Лабиринта, — ответил Логрус, и над моей головой полыхнуло — наверное, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, кто этот вышеупомянутый перебежчик.

Почувствовав запах паленых волос, я отвел от себя огонь.

— Минуточку! — закричал я. — Выбирать было особенно не из чего!

— Но слово было за тобой, — взвыл Логрус, — и ты выбрал.

— Действительно, он сделал выбор, — отозвался Лабиринт, — но это только восстановило равновесие, нарушенное тобой в свою пользу.

— Восстановило? Ты сместил его в свою пользу! Вдобавок перевес оказался на моей стороне случайно, спасибо отцу этого предателя, — после-

довала еще одна шаровая молния, и я опять отвел ее. — Я тут ни при чем!

— Вероятно, без твоего наущения не обошлось.

— Если сумеешь принести мне Камень, — сказал Дворкин, — можно будет убрать его за пределы досягаемости обоих до тех пор, пока не решится этот спор.

— Не знаю, сумею ли я заполучить его, но при случае попробую, — пообещал я ему.

— Отдай Камень мне, — говорил Логрус Призраку, — и я тебя заберу с собой, ты станешь моим Первым Приближенным.

— Ты — процессор данных, — соблазнял его Лабиринт. — И я дам тебе звание, которым не владеет никто во всем Отражении.

— Я дам тебе могущество, — перебил его Логрус.

— Неинтересно, — ответил им Призрак, золотой цилиндр закрутился и исчез.

Пропало все — и Камень, и девушка. Логрус в бешенстве взвыл, Лабиринт зарычал, и Знаки обеих Сил ринулись навстречу друг другу, чтобы столкнуться где-то неподалеку от комнаты Блейза. Я воспользовался всеми защитными заклинаниями, какие только знал. Чувствовалось, Мондор позади меня сделал то же самое. Я при-

крыл голову руками и подтянул колени к груди. Вокруг все сотряслось, было очень светло, но не доносилось ни звука. Я падал. Куски древних замковых камней сыпались на меня со всех сторон. Я понимал, что влип по уши и, может быть, вот-вот умру, так и не получив возможности показать, как могу проникать в природу вещей. Лабиринт пекся о детях Амбера не больше, чем Логрус о детях Двора Хаоса. Борьба шла за космические принципы. Сила Единорога встретилась с силой Змеи! А Лабиринт с Логрусом были всего лишь геометрическими проявлениями двух этих миров. Им не было дела до нас с Корал, до Мондора, наверное, даже до Оберона или самого Дворкина. Мы были пустым местом, в крайнем случае — их орудиями, иногда надоедливыми, так что при случае можно было нас использовать, а если обстоятельства оправдывали это, то и уничтожить.

— Дай руку, — сказал Дворкин, и я увидел его, словно при Козырном контакте. Я дотянулся к нему… и свалился у ног Дворкина на расстеленный на казенном полу пестрый ковер, в тон самой комнате без окон, которую однажды описал мне отец. Она была полна книг и экзотических вещей, ее освещали висевшие в воздухе чаши с огнем, но что их поддерживает, не было видно.

— Спасибо, — сказал я, медленно поднимаясь, отряхиваясь и растирая ушибленное бедро.

— Уловил касание твоих мыслей, — сказал он. — Наверное, не все, а только часть их.

— Уверен. Иногда мне нравится то, что мои мысли можно прочесть. А сейчас я думал о том, сколько из того, о чем они спорили, соответствует истине.

— В их понимании — все, — стал объяснять Дворкин, — недоразумения получаются из-за того, как они толкуют действия друг друга. Кроме того, каждый из них не прочь сделать шаг назад или спрятаться за благовидный предлог. Например. Так как поломки Лабиринта усиливают Логрус, то не исключено, что именно поэтому Логрус влиял на поступки Бранда, стремившегося уничтожить Лабиринт. Но Логрус тут же мог объявить, что действия Бранда — это возмездие за День его Сломанных Отростков, хотя День этот был много веков назад. Понимаешь?

— Никогда не слыхал о нем, — сказал я.

Он пожал плечами:

— Неудивительно. Важно это было только для них. Я вот о чем: спорить так, как делают это они, значит держать путь прямиком к более ранней стадии развития, к первопричинам, доверять

которым никогда не стоит.

— И каков же ответ?

— Ответ? Мы не в школе. Эти ответы имеют значение только для философов, на практике их не применишь.

Он налил из серебряной фляги в маленькую чашечку зеленой жидкости и передал ее мне.

— Выпей.

— Для меня еще рановато.

— Оно не освежает, а лечит, — объяснил Дворкин. — Не знаю, чувствуешь ли ты или нет, но состояние твое близко к шоку.

Я залпом проглотил обжигающее, словно ликер, питье. Следующие несколько минут ушли на то, чтобы расслабиться.

— Корал, Мондор, — едва ворочая языком, сказал я.

По знаку Дворкина светящийся шар спустился и приблизился к нам. Смутно знакомым движением Дворкин начертил в воздухе знак, и вокруг меня образовалось нечто наподобие Знака Логруса, только без Логруса. Внутри шара появилась картина. Тот длинный участок коридора, в котором произошло столкновение могучих сил, был уничтожен вместе с лестницей, покоями Бенедикта да и комнаты Жерара наверное, не

уцелели. Еще недоставало комнаты Блейза, части моих покоев, гостиной, где я недавно сидел, и северо-восточного угла библиотеки. Пол и потолок тоже исчезли. Внизу виднелась разрушенная кухня и учебный манеж: другая сторона дворца тоже пострадала. Подняв взгляд, — волшебный шар был удивительно любезен, — я смог увидеть небо: значит, пройдя по третьему и четвертому этажам, взрыв мог повредить и королевские апартаменты вместе с лестницей наверху, возможно, разрушена и лаборатория. На краю бездны, неподалеку от того места, которое до взрыва было частью покоев не то Блейза, не то Жерара, стоял, засунув руку под широкий черный пояс, Мондор — как пить дать, правая рука у него была сломана, Слева ему на плечо тяжело опиралась Корал, ее лицо было окровавлено. Не уверен, что она сознавала, что происходит. Левой рукой Мондор поддерживал ее за талию, а вокруг них летал металлический шарик. Наискосок от провала, у входа в библиотеку, на тяжелой поперечной балке стоял Рэндом. Мне показалось, что чуть поодаль, внизу, на невысоком стеллаже устроился Мартин. Он так и держал свой сакс. Рэндом, похоже, был не на шутку взволнован и, кажется, кричал.

— Звук! Звук! — сказал я.

Дворкин махнул рукой.

— …ертов Хаосский лорд взрывает мой дворец! — кричал Рэндом.

— Ваше Величество, леди ранена, — сообщил Мондор.

Рэндом провел рукой по лицу, потом взглянул наверх.

— Может, нетрудно будет переправить ее в мои покои. Виала весьма искусна в некоторых видах врачевания, — сказал он уже потише. — Я, кстати, тоже.

— Только скажите, Ваше Высочество, где они находятся?

Рэндом склонился к нему, указывая наверх.

— Дверь, чтобы войти, тебе, пожалуй, не требуется, но вот цела ли лестница, которая ведет туда, не знаю.

— Лестницу я сделаю, — сказал Мондор, и к нему стремительно подлетели еще два шарика. Они чертили странные орбиты вокруг Мондора и Корал. Немного погодя шарики поднялись в воздух и медленно поплыли к пролому, на который указал Рэндом.

— Я скоро приду, — крикнул Рэндом им вслед. Он оглядел развал, вконец расстроившись, поник

головой и тоже ушел.

Дворкин предложил мне еще одну порцию зеленого снадобья, и я не стал отказываться. Кроме всего прочего оно, наверное, действовало и как успокоительное.

— Надо пойти к ней, — сказал я ему. — Эта леди мне нравится, и хотелось бы убедиться, что с ней все в порядке.

— Ну, разумеется, я могу отправить тебя к ним, — сказал Дворкин, — но, по-моему, нет ничего, что для нее мог бы сделать ты и не сумели бы остальные. Куда полезнее будет, если это время ты потратишь на поиски своего странствующего создания — Колеса-призрака. Надо убедить его вернуть Камень Правосудия.

— Согласен, — признал я. — Но сначала я хочу видеть Корал.

— Если ты появишься, могут возникнуть серьезные осложнения, — предупредил он, — от тебя могут потребовать объяснений.

— Неважно, — махнул я рукой.

— Хорошо. Тогда минутку.

Дворкин отошел и снял со стены палочку в чехле — она висела там на колышке. Подвесив чехол к поясу, он прошел через комнату к шкафу с выдвижными ящиками, извлек оттуда кожаный

футляр, который тут же исчез в недрах его кармана. Маленькая коробочка для драгоценностей беззвучно пропала в его рукаве.

— Сюда, — обратился он ко мне, взяв меня за руку.

Мы развернулись и направились в самый темный угол, где висело высокое зеркало в необычной раме, которого я до сих пор не замечал. Отражало оно странно: комната за нашими спинами виднелась четко, но чем ближе мы оказывались к зеркальной поверхности, тем все более размытым становилось отражение. Я решил, что будет, то будет. И все-таки напрягся, когда Дворкин, на шаг опережавший меня, прошел сквозь туманную поверхность зеркала, рванув меня за собой. Я споткнулся, а равновесие восстановил, когда пришел в себя на уцелевшей половине королевских покоев перед декоративным зеркалом. Живо протянув назад руку, я тронул его кончиками пальцев, но поверхность его была твердой. Передо мной стояла низенькая, сгорбленная фигурка Дворкина. Он так и не выпустил мою руку. Скользнув взглядом мимо его профиля, который был отдаленной карикатурой на меня самого, я увидел, что кровать сдвинута на восточную сторону, подальше от разрушенно-

го угла и большого пролома, на месте которого раньше был пол. Возле края постели, что был ближе к нам, стояли Рэндом с Виалой. Они разглядывали Корал, распростертую на стеганом покрывале, она была без сознания. Рядом, в массивном кресле восседал Мондор, наблюдавший за их действиями. Он первым заметил наше появление и кивнул мне.

— Как… она? — спросил я.

— Сотрясение мозга, — ответил Мондор, — и поврежден правый глаз.

Рэндом обернулся. Не знаю, что уж он собирался мне сказать, но когда понял, кто стоит рядом со мной, слова замерли у него на губах.

— Дворкин! — выговорил он. — Как долго! Я не знал, жив ли ты еще. Ты… в порядке?

Карлик ухмыльнулся:

— Я понял, о чем ты, — и поступаю и веду себя вполне разумно. А сейчас я хотел бы осмотреть эту леди.

— Конечно, — отозвался Рэндом и посторонился.

— Мерлин, — позвал Дворкин, — посмотри, можно ли разыскать это твое создание, Колесо-призрак, и попроси его вернуть артефакт, который он одолжил.

— Ясно, — сказал я и полез за Козырями.

Миг — и я уже вышел на связь.

— Папа, несколько минут назад я почувствовал, что нужен тебе.

— Камень-то у тебя или нет?

— Да, я только что с ним закончил.

— Закончил?

— Закончил его использовать.

— Как же ты… использовал его?

— Из твоих слов я понял, если пропустить сквозь него чье-нибудь сознание, это дает некоторую защиту от Лабиринта, и задумался, сработает ли это в случае такого идеально синтетического существа, как я.

— «Идеально синтетический» — хороший термин. Откуда это?

— Я сам создал его, подыскивая наиболее точное определение.

— Подозреваю, что тебя он отвергнет.

— Нет.

— Так ты и вправду прошел через эту штуку весь путь?

— Да.

— И как он повлиял на тебя?

— Трудно оценить. Изменилось мое восприятие. Объяснить сложно… Что бы это ни было, это

— штука тонкая.

— Прелестно. Теперь ты можешь пропускать свое сознание через Камень с некоторого расстояния?

— Да.

— Вот кончатся все наши теперешние неприятности, и я проверю тебя еще раз.

— Самому интересно, что изменилось.

— Ну, сейчас Камень нужен нам здесь.

— Иду.

Воздух передо мной замерцал. Колесо-призрак возникло в виде серебряного кольца, в центре которого находился Камень Правосудия. Я подставил ладонь чашечкой, подхватил его и отнес Дворкину, который, получив самоцвет, даже не взглянул на меня. Посмотрев вниз, на лицо Корал, я быстро отвел глаза. Лучше бы мне его не видеть. Я вернулся к Призраку.

— Где Найда? — спросил я.

— Бог ее знает, — ответил он. — Около хрустальной пещеры она попросила оставить ее. После того, конечно, как я отнял у нее Камень.

— Что она делала?

— Плакала.

— Почему?

— По-моему, потому, что обе миссии, которые

Найда считала главными в жизни, пошли прахом. Ей вменили в обязанность охранять тебя, а потом шальной случай дал ей возможность завладеть Камнем, и это освободило ее от изначальных распоряжений. Вот что произошло на самом деле, а я лишил ее Камня. Теперь ее не держит ни то, ни другое.

— Но она, наконец, свободна и, скорее всего, почувствует себя счастливой. Оба своих занятия она выбрала не сама. Теперь ей можно вернуться к тому, чем заняты свободные демоны за Рмуоллом.

— Не совсем так, папа.

— То есть?

— Она, кажется, застряла в этом теле. Совершенно ясно, что она не может просто покинуть его, как прочие тела, которыми пользовалась. Отчасти из-за того, что в нем нет настоящего жильца.

— Я полагаю, она могла бы… э-э… покончить с собой и освободиться.

— Я предлагал ей это, но она не уверена, получится ли. Она сейчас настолько связана с телом Найды, что может просто погибнуть вместе с ним.

— Так она все еще где-то возле пещеры?

— Нет. Она не потеряла силы ти'га, которая

делает ее волшебным существом. Наверное, пока я в пещере экспериментировал с Камнем, она просто пошла куда-то в Отражение.

— Почему ты экспериментировал в пещере?

— Если тебе надо сделать что-нибудь тайком, ты ведь отправляешься туда, верно?

— Да. А как же удалось добраться до тебя с помощью Козыря?

— Я уже давно закончил эксперимент и покинул пещеру. Когда ты позвал меня, я как раз был занят тем, что искал ти'га.

— По-моему, тебе лучше еще поискать ее.

— Почему?

— Потому что я с давних пор в большом долгу перед, ней, даже если она занималась мной по указке моей матери.

— Конечно. Не знаю только, получится ли. Выследить волшебное создание не так-то легко, другое дело — смертные.

— Как бы там ни было, попробуй. Хотелось бы знать, куда она отправилась и нельзя ли что-нибудь для нее сделать. Вдруг да пригодится твоя новая ориентация?

— Посмотрим, — ответил он и мигом исчез.

Я тяжело опустился на пол. Интересно, как это примет Оркуз? Одна дочь покалечена, а во

вторую вселился демон, и она бродит где-то в Отражениях. Я присел на кровать и прислонился к креслу Мондора. Тот протянул здоровую руку и похлопал меня по плечу.

— Не думаю, что в мире Отражений ты научился вправлять кости, а? — спросил он.

— Боюсь, что нет, — ответил я.

— Жаль. Остается только ждать своей очереди.

— Можно куда-нибудь козырнуть тебя, пусть там как следует о тебе позаботятся, — сказал я и полез за картами.

— Нет, — сказал он. — Хочу посмотреть, чем тут дело кончится.

Пока он говорил, я заметил, что Рэндом изо всех сил пытается установить козырную связь. Виала стояла рядом, словно защищала его от пролома в стене и от того, что могло бы из него появиться. Дворкин продолжал трудиться над лицом Корал, заслоняя ее, чтобы никто не видел, что он делает.

— Мондор, — сказал я, — знаешь, это мать послала ти'га заботиться обо мне.

— Да, — отозвался он, — когда ты выходил из комнаты, она рассказала мне обо всем. Заклятие, кроме всего прочего, не позволяло ей признаться в этом.

— Она торчала тут просто, чтобы оберегать меня, или заодно шпионила за мной?

— Кто знает. Такой вопрос у нас не возникал. Но, похоже, ее страхи были небеспочвенны. Тебе грозила опасность.

— Думаешь, Дара знала про Люка с Ясрой?

Он хотел было пожать плечами, но вместо этого поморщился и задумался.

— Опять-таки — кто знает? Если так, то на следующий вопрос, откуда она про них узнала, я тоже не отвечу. Ясно?

— Ясно.

Закончив с кем-то разговор, Рэндом закрыл Козырь. Потом обернулся и некоторое время не отрываясь смотрел на Виалу. Вид у него был такой, словно, собравшись что-то сказать, он подумал, промолчал и перевел взгляд на меня. Тут я услышал, как стонет Корал, и, поднимаясь, отвел глаза.

— Минутку, Мерлин, — сказал Рэндом. — Успеешь удрать.

Я встретил его взгляд. Трудно сказать, был ли он гневным, или же в нем светилось любопытство, — нахмуренные брови и сузившиеся глаза могли означать, что угодно.

— Сэр? — сказал я.

Он подошел, взял меня за локоть и развернул спиной к кровати, уводя к двери в соседнюю комнату.

— Виала, я займу на несколько минут твою мастерскую, — сказал Рэндом.

— Конечно, — отозвалась она.

Он впустил меня и затворил двери. У противоположной стены упал и разбился бюст Жерара. Рабочую площадку в дальнем конце мастерской занимало многоногое морское животное, каких я никогда не видел, — весьма вероятно, ее новая работа.

Неожиданно Рэндом повернулся ко мне:

— Ты следишь за положением дел между Кашфой и Бегмой?

— Более или менее, — ответил я. — Вчера вечером Билл вкратце ввел меня в курс дела. Эреньор и все такое.

— А он сказал тебе, что мы собираемся принять Кашфу в Золотой Круг и решить проблему Эреньора, признав право Кашфы на эту часть земель?

Мне не понравилось, как был задан вопрос, и не хотелось впутывать в неприятности Билла. Похоже, на момент нашего с ним разговора это все еще было тайной. Поэтому я сказал:

— Боюсь, всех подробностей я не помню.

— Да, мы намеревались поступить именно так, — сказал Рэндом. — Обычно мы не даем подобных обязательств — таких, которые позволяют иметь одной из заключивших договор сторон преимущества за счет другой. Но Арканс, герцог Шадбернский, застал нас… ну, врасплох, что ли. Он как глава государства подходил нам больше, и теперь, когда мы избавились от этой рыжей стервы, я уже готовил ему путь на трон. Все-таки, раз уж он воспользовался случаем взойти на престол после того, как право наследования было нарушено дважды, то знал, что отчасти может на меня положиться, и потребовал Эреньор, ну, я и отдал ему его.

— Все понятно, — сказал — кроме одного, — при чем тут я.

Он повернул голову, изучая меня.

— Коронация должна была состояться сегодня. Я, честно говоря, собирался чуть позже переодеться и козырнуться туда…

— Вы употребляете прошедшее время, — заметил я, чтобы заполнить возникшую паузу.

— Вот именно, вот именно, — пробормотал он, отворачиваясь. Потом сделал несколько шагов, поставил ногу на обломок разбитой статуи и снова обернулся. — Милейший герцог теперь или

мертв, или в плену.

— И коронации не будет? — спросил я.

— Напротив, — сказал Рэндом, продолжая разглядывать меня.

— Сдаюсь, — сказал я. — Скажите, что происходит?

— Сегодня на рассвете была предпринята удачная атака.

— На Дворец?

— Может быть, и на Дворец тоже. Но атаку подкрепили воинскими силами извне.

— А что в это время делал Бенедикт?

— Вчера, как раз перед тем, как вернуться домой, я приказал ему отвести войска. Положение казалось стабильным, и мы сочли, что нехорошо, если во время коронации там будут находиться войска Амбера.

— Верно, — сказал я. — И вот, стоило Бенедикту убраться, как кто-то вторгся туда и разделался с человеком, который должен был стать королем, а тамошней полиции даже не пришло в голову, что это некрасиво?

Рэндом медленно кивнул:

— Примерно так. Но как, по-твоему, почему это могло случиться?

— Возможно, там были не так уж недовольны

новым положением дел.

Рэндом улыбнулся и щелкнул пальцами.

— Гений, — сказал он. — Можно подумать, ты знал, что происходит.

— И ошибался, — сказал я.

— Сегодня твой бывший одноклассник Лукас Рейнард становится Ринальдо I, королем Кашфы.

— Будь я проклят, понятия не имел, что он и впрямь хочет этим заниматься! — воскликнул я. — Что вы теперь намерены делать?

— Думаю пропустить коронацию.

— Я заглядываю чуть дальше.

— То есть, не собиралось ли я послать Бенедикта туда опять, чтобы свергнуть Ринальдо?

— В общем, да.

— Это выставит нас в очень скверном свете. Только что сделанное Люком не выходит за рамки политики Грауштаркиана… которой в тех краях придерживаются. В свое время мы вторглись в Кашфу и помогли исправить ситуацию, уж очень быстро она превращалась в политическую бойню. Можно было бы вернуться и проделать это еще раз, если бы речь шла о каком-нибудь идиотском нападении полоумного генерала или нобля, одержимого манией величия. Но претензии Люка законны и действительно имеют

под собой больше оснований, чем у Шэдберна. К тому же Люк популярен. Он молод и производит хорошее впечатление. Вернись мы туда, у нас будет куда меньше оправданий, чем в первый раз. Но даже при нынешнем положении дел мне хочется спихнуть с трона самоубийцу-сынка этой стервы. Пусть даже потом меня и назовут агрессором. И вдруг от людей в Кашфе я узнаю, что Люка защищает Виала. Я спросил ее об этом напрямик. Она говорит, что это правда, и что, когда это случилось, ты был там. Виала пообещала мне все рассказать, когда Дворкин закончит делать операцию, потому что ему может понадобиться ее опыт. Но я не могу ждать. Расскажи, что случилось.

— Сначала скажите мне еще вот что.

— Что?

— Какие военные силы привели Люка к власти?

— Наемники.

— Наемники Далта?

— Да.

— Добро. Со своей вендеттой против Дома Амбера Люк покончил, — сказал я. — И сделал это лишь позавчера ночью, по своей воле, поговорив с Виалой. В то время она и дала ему кольцо. Тогда

я думал, что оно должно помешать Джулиану убить его, пока мы не доберемся до Ардена.

— В ответ на так называемый ультиматум Далта относительно Люка и Ясры?

— Правильно. У меня и мысли не было, что кто-то мог задумать заранее свести Люка с Далтом, чтобы они сумели сбежать и нанести удар. Это значит, что даже драка была подстроена… теперь мне приходит в голову, что у Люка была возможность переговорить с Далтом до нее.

Рэндом поднял руку.

— Погоди, — сказал он. — Расскажи-ка мне все с самого начала.

— Идет, — к тому времени, как я закончил, мы оба измерили мастерскую шагами несчетное количество раз.

— Знаешь, — сказал он немного погодя, — сдается мне, Ясра подстроила все это задолго до того, как начала свою карьеру в качестве предмета обстановки.

— Я думал об этом, — сказал я, надеясь, что Рэндом не собирается выяснить, где она сейчас. И чем больше я думал, припоминая ее реакцию на известие о Люке после нашего рейда в Замок, тем сильнее чувствовал, что Ясра не только сознавала, что творится, но даже общалась с Люком

уже после меня.

— Сделано все было очень гладко, — заметил Рэндом. — Далт, должно быть, действовал по старым приказам. Точно не зная, как добраться до Люка или найти Ясру, чтобы получить свежие инструкции, он решился на этот маневр, чтобы отвлечь внимание Амбера. Бенедикт мог еще раз выкинуть Далта с прежним мастерством и даже куда успешнее.

— Верно. Догадываюсь, что, как только дело дошло до серьезных вещей, вам пришлось отдать должное противнику. Еще это значит, что Люку, должно быть, не один раз приходилось поспешно вырабатывать план — вот он и придумал ту драку, когда недолго общался с Далтом в Ардене. Значит, на самом деле Люк управлял ситуацией, а нас заставлял думать, что он пленник, и это мешало оценить, какой угрозой для Кашфы он был на самом деле, — если вам угодно взглянуть на это так.

— А как еще можно на это смотреть?

— Ну, вы же сами сказали, что его претензии не совсем незаконны. Что вы намерены предпринять?

Рэндом потер виски:

— Отправиться вслед за ним и помешать ко-

ронации — значило бы вызвать у всех крайнее неодобрение. Хотя любопытство у меня берет верх над прочими чувствами. Ты сказал, что этот парень умеет кого угодно посадить в лужу. Ты был там. Он что же, заморочил Виале голову, и она взяла его под свою защиту?

— Нет, — сказал я. — Он, похоже, был удивлен подобным жестом не меньше меня. Люк прекратил вендетту вот почему: он чувствовал, что их честь отомщена, что мать просто использует его. И еще из-за нашей дружбы. Никто не заставлял его делать это. Я по-прежнему думаю, что Виала дала ему кольцо, чтобы вендетта прекратилась и никто из нас не охотился бы на него с оружием.

— Очень на нее похоже, — сказал Рэндом. — Знай я, что он использует ее в своих целях, я сам бы добрался до него. Тогда неловкость с моей стороны оказалась бы непреднамеренной и не мешала бы мне жить спокойно. Я готовил на трон Арканса, но в последнюю минуту его отпихнул в сторону человек, которому покровительствует моя жена. Еще немного — и создастся впечатление, что в самом центре существуют некоторые разногласия, а я терпеть этого не могу.

— Подозреваю, что Люк окажется отличным посредником в делах примирения. Мы достаточ-

но хорошо знакомы, и я знаю, что Люк учитывает все тонкости. По-моему, Амберу будет очень легко иметь с ним дело на любом уровне.

— Бьюсь об заклад, это так. Почему бы нет?

— Что же теперь будет с договором? — спросил я.

Рэндом улыбнулся.

— Я — пас. Условия Эреньорского договора никогда не казались мне правильными. Теперь же, если договор перестанет существовать, мы вернемся к нему ab initio. Я вовсе не уверен, нужен ли нам вообще какой-то договор. Черт с ним.

— Держу пари, Рэндом, Арканс все еще жив.

— Думаешь, Люк держит его заложником, чтобы он не возвысился с моей помощью в Золотом Кругу?

Я пожал плечами.

— Насколько вы близки с Аркансом?

— Ну, уговорил-то его на это я… чувствую себя в долгу перед ним. Хотя и не в таком уж большом.

— Понятно.

— В такой момент Амбер потеряет лицо, вступив в переговоры со столь незначительной державой, как Кашфа, — вздохнул Рэндом.

— Не спорю, — сказал я, — и, кстати, официально Люк еще не стал главой государства.

— Но если бы не я, Арканс продолжал бы наслаждаться жизнью на своей вилле, а Люк, кажется, и впрямь себе на уме. Но он твой друг.

— Вам хотелось бы, чтобы я упомянул об этом на предстоящем обсуждении атомной скульптуры Тони Прайса?

Он кивнул.

— А в самом деле, тебе не мешало бы посетить коронацию своего приятеля. В качестве частного лица. Тут будет очень кстати твое двойное право наследования, а Люку будет оказана честь.

— Все равно ему нужен договор — готов держать пари.

— Даже если бы мы намеревались дать на это согласие, мы не могли бы твердо обещать ему Эреньор.

— Понятно.

— А ты не уполномочен брать с нас какие-либо обязательства.

— Это тоже понятно.

— Тогда почему бы тебе немного не отмыться, не отправиться к нему и не поговорить с ним обо всем этом? Твоя комната — прямо за провалом. Можешь уйти через пролом в стене и съехать вниз — я тут нашел балку, которая не пострадала.

— Ладно, так и сделаю, — ответил я. — Но сначала один вопрос — совершенно не по теме.

— Да?

— Возвращался ли недавно мой отец?

— Ничего не знаю об этом, — сказал Рэндом, озадаченно покачивая головой. — Все мы отлично умеем маскировать свои приходы и уходы… конечно, если есть желание. Но, думаю, будь он где-нибудь здесь, он дал бы мне знать.

— Вот и я так думаю, — сказал я, выходя сквозь стену и обходя по краю провал.

Я повис на балке, раскачался и отпустил ее. И почти изящно приземлился в центре холла, посередине между двух дверей. Правда, первая дверь исчезла вместе с куском стены, через которую обеспечивала вход, или выход, смотря с какой стороны вам случалось находиться. Исчезло и мое любимое кресло и стеклянная коробка, в которой я держал набранные на побережьях мира морские раковины. Жаль. Я вздохнул. Но пора было заняться делом, потому что сейчас даже вид моего разрушенного жилища отходил на второй план. Черт, у меня и раньше разрушались комнаты. Обычно тридцатого апреля… Я медленно повернулся… На другой стороне холла, напротив моих покоев, там, где до этого была

пустая стена, теперь оказался коридор, уходящий на север. Спрыгивая с балки, я мельком увидел его искрящуюся протяженность. Я и раньше бывал в одном из самых обыкновенных отрезков этого коридора, на четвертом этаже, тот протянулся с востока на запад между кладовками. Коридор Зеркал — одна из загадочных аномалий Амберского Замка. Мало того, что в одну сторону он окажется длиннее, чем в другую, он еще полон зеркал, им буквально нет числа. Попробуй сосчитать — и никогда не получишь дважды одинакового результата. Тонкие свечи, укрепленные высоко над головой, мигают, отбрасывая бессчетное число теней на зеркала большие и маленькие, узкие и широкие, подсвеченные, искажающие, зеркала в искусно вылепленных или вырезанных из дерева рамах, зеркала в простых рамах, зеркала вообще без рам, на множество зеркал остроугольных геометрических форм, или же бесформенных, а то и изогнутых зеркал. Несколько раз мне случалось проходить Коридором Зеркал, где чувствовался, запах ароматических свечей, где подсознательно ощущалось присутствие среди отражений чего-то такого, что при быстром взгляде на него немедленно исчезало. Я всегда воспринимал сложное очарование этого

места, но будить его спящего гения мне ни разу не приходилось. Может оно к лучшему. Как знать, чего ожидать здесь, по крайней мере, так мне когда-то говорил Блейз. Даже он не знал точно, выталкивают ли зеркала в темные королевства Отражения, или очаровывают, навевая странное состояние дремы; переносят ли они в край одних только образов, которые украшены содержанием души; или ведут то ли полную злобы, то ли безвредную игру умов с наблюдателем; или же не делают ничего из того, что мне смутно чудилось. В любом случае Коридор был не так уж безопасен — там время от времени находили воров, слуг или визитеров, которые были мертвы, а оставшиеся в живых с весьма необычным выражением лица блуждали, что-то бормоча, по этому сверкающему пути. Как правило, перед равноденствиями и солнцестояниями — впрочем, это могло произойти в любое время года, — Коридор перемещался в иное место, иногда просто отбывал куда-то на время. К нему обычно относились с подозрением, остерегались, избегали, хотя он мог и причинить вред, и вознаградить, мог выдать полезное знамение или помочь проникнуть в суть вещей с такой же готовностью, как и расстроить или лишить присутствия духа. Неуверенность в своей

безопасности, когда приходилось иметь с ним дело, вызывала трепет. А иногда, говорили мне, он как будто появлялся в поисках определенного человека, принося ему свои сомнительные дары. В таких случаях, по слухам, отвергнуть их было куда опаснее, чем принять.

— Эй, ладно, — крикнул я. — Сейчас?

Вдоль коридора плясали тени, я уловил опьяняющий аромат тонких свечей. И пошел вперед. Сунув левую руку за угол, я похлопал по стене. Фракир не шелохнулся.

— Это Мерлин, — сказал я. — Сейчас я вроде бы занят. Ты уверен, что желаешь отражать именно меня?

Ближайший огонек на миг показался огненной рукой, которая манила к себе.

— Черт, — ругнулся я шепотом и широким шагом направился вперед.

Когда я вошел, то не ощутил никакой перемены. Пол покрывала длинная дорожка с красным узором. Вокруг огоньков, мимо которых я проходил, мельтешила моль. Я был наедине с самим собой, отраженный под разными углами, мигающий свет превращал мою одежду в костюм Арлекина, пляшущие тени меняли лицо. МЕРЦАНИЕ. На миг показалось, что с высоты, из маленького овала

в металлической раме, на меня смотрит суровое лицо Оберона, но, конечно, тень последнего Его Величества с тем же успехом могла оказаться игрой света. МЕРЦАНИЕ. Готов поклясться, что из невысокого висящего ртутного прямоугольника в керамической раме из цветов на меня искоса глянуло собственное лицо — но искаженное, больше похожее на звериное, с болтающимся языком. Я живо обернулся, и, дразня, оно тут же обрело человеческие черты. Я все шел. Шаги были приглушенными. Дыхание несвободным. Я задумался, не вызвать ли Логрусово или даже Лабиринтово зрение. Ни того, ни другого вызывать не хотелось — еще слишком свежи были воспоминания о самых гнусных чертах обеих Сил, чтобы я почувствовал себя комфортно. Уверенность, что со мной вот-вот что-то случится, не покидала меня. Остановившись, я принялся изучать зеркало в раме черного металла, инкрустированной серебряными символами разнообразных магических искусств, которое счел подходящим себе по размеру. Стекло было темным, словно в его глубине, не заметные глазу, плавали духи. Мое лицо в нем выглядело худым, черты стали резче, а над головой то появлялись, то исчезали еле видимые пурпурные нимбы. В

отражении было что-то холодное и смутно зловещее, но, хотя я долго разглядывал его, ничего не случилось, не было ни вестей, ни озарений, ни изменений. Чем дольше я на него смотрел, тем больше все эти драматические штрихи казались игрой света. Я пошел дальше — мимо быстро мелькавших перед глазами неземных пейзажей, экзотических существ, намеков на воспоминания, мимо явившихся из подсознания умерших друзей и родственников. Из одного омута кто-то даже помахал мне кочергой. Я помахал в ответ. В любое другое время эти странные, а может, и угрожающие явления напугали бы меня, но я только что вернулся из Отражений, где приходилось видеть вещи и пострашнее. По-моему, я заметил повешенного — он раскачивался на ветру со связанными за спиной руками, а над ним расстилалось небо кисти Эль Греко.

— Я пережил пару тяжелых дней, — сказал я вслух, — и передышки не предвидится. Понимаешь, я, в общем, спешу…

Что-то стукнуло меня по правой почке, я мигом обернулся, но там никого не было. Потом я ощутил на своем плече руку, она разворачивала меня назад. Я живо обернулся, и опять никого.

— Прошу прощения, — сказал я, — если того

требует обстановка, пожалуйста, я потерплю.

Невидимые руки продолжали толкать и тянуть меня, двигая мимо зеркал. Меня довели до дешевого с виду зеркала в деревянной раме, покрашенной темной краской. Его вполне могли бы вытащить из лавки, где торгуют уцененными вещами. В стекле около моего левого глаза был небольшой изъян. Я подумал, что, может быть, здешние Силы и впрямь пытаются ускорить события, а не просто торопят меня, издеваясь надо мной.

— Спасибо, — сказал я, чтобы обезопасить себя, и продолжал смотреть по сторонам. Я помотал головой и по отражению пошла рябь. Повторяя движение, я ожидал, что же произойдет. Отражение не менялось, но с третьего или четвертого раза другой стала панорама за спиной. Там больше не было увешанной мутными зеркалами стены. Она уплыла прочь и не возвращалась. На ее месте под вечерним небом встал темный кустарник. Я еще тихонько подвигал головой, но рябь исчезла. Кусты казались очень реальными, хотя краем глаза я видел: коридор ни справа, ни слева от меня не изменился, стена напротив зеркала по-прежнему тянулась в обе стороны. Я продолжал обшаривать взглядом отражающийся

в нем кустарник, выискивая предзнаменования, знамения, какие-нибудь знаки или хотя бы малейшее движение. Ничего не объявилось, хотя присутствовало очень реальное ощущение глубины. Я готов был поклясться, что шею обдувает прохладный ветерок. Всматриваясь в зеркало и ожидая чего-нибудь нового, я потратил не одну минуту. Но все оставалось по-прежнему. Я решил: если это — лучшее, что оно может предложить, то настало время идти дальше. Тогда за спиной моего отражения в кустах как будто что-то шевельнулось, и рефлекс победил. Я быстро обернулся, выставив перед собой руки. И увидел, что это только ветер. А потом понял, что нахожусь не в коридоре, и обернулся еще раз. Зеркало исчезло вместе со стеной, на которой висело. Теперь передо мной оказался длинный холм с разрушенной стеной на вершине. За развалинами мерцал свет. Во мне взыграло любопытство, и, преисполнившись целеустремленности, я принялся медленно взбираться на холм, но осмотрительности не терял. Я карабкался, а небо темнело, на нем не было ни облачка, и в изобилии мигали звезды, они складывались в незнакомые созвездия. Я украдкой пробирался среди камней, травы, кустов, обломков каменной кладки. Теперь из-за увитой

виноградом стены доносились голоса. Слов разобрать не удавалось, но услышанное не походило на разговор — это, скорее, была какая-то какофония, как будто там одновременно произносили монологи несколько человек разного пола и возраста. Добравшись до вершины холма, я вытянул руку, пока она не коснулась неровной поверхности стены. Я решил не обходить ее — вдруг я себя таким образом выдам? Чтобы взглянуть, что же творится за стеной, я уцепился за ее край и подтянулся. Когда моя голова поравнялась с краем стены, я нащупал ногами удобные выступы, так что смог перенести туда часть веса и ослабить напряжение рук. Последние несколько дюймов я подтягивался осторожно, и потом глянул из-за разбитых камней внутрь разрушенного строения. Это был, кажется, храм. Крыша провалилась, но дальняя стена еще сохранилась почти в том же состоянии, как та, к которой я прижимался. Справа от меня на возвышении находился сильно нуждающийся в починке алтарь. Что бы тут ни случилось, должно быть, это произошло давным-давно, потому что внутри, как и снаружи, росли кусты и дикий виноград, смягчая очертания обрушенных скамей, рухнувших колонн и обломков крыши. На расчищенном посередине

пятачке была начертана большая пентаграмма. В вершине каждого луча звезды, лицом наружу, стояло по фигуре. Внутри, в тех пяти точках, где линии пересекались, горели воткнутые в землю факелы. Это напоминало странный вариант знакомых мне ритуалов, но я не мог понять, что тут происходит и почему, каждый гнет свое, не обращая внимания на остальных, вместо того чтобы действовать всем заодно. Трое были видны отчетливо, но со спины. Двое стояли ко мне лицом, но были едва различимы. Их черты окутывала тень. Судя по голосам, тут были и мужчины, и женщины. Кто-то напевал, еще двое, похоже, просто говорили, двое пели псалмы. Но в этом разноголосье не было естественности. Все произносилось театральными, деланными голосами. Я подтянулся повыше, пытаясь рассмотреть лица тех двоих, что стояли ближе ко мне. В этом сборище было что-то знакомое, и меня не покидало чувство, что узнай я одного — и станет совершенно ясно, кто остальные. Ни один из стоявших внизу не шелохнулся, хотя камешки сыпались на них дождем, и я, наконец, разобрал в этом нестройном хоре несколько слов.

— …призываю тебя, Мерлин, теперь же оказаться в моей власти! — монотонно напевала одна

из женщин.

Я почувствовал, что лечу в середину пентаграммы. Приземлился я на спину, вытянув ноги, с болтающимися, как тряпичные, руками, и понял, что ритуал довольно действенный. Защищая голову, я сумел укрыть подбородок, а раскинутые в стороны руки, кажется, замедлили падение, так что при ударе я не слишком пострадал. Пять высоких столбов пламени несколько секунд бешено плясали вокруг меня, а потом снова успокоились, давая более ровный свет. Пять фигур по-прежнему стояли лицом наружу. Фракир предостерег меня слишком поздно, когда падение уже началось, и теперь я не знал, как себя вести дальше. Можно было подползти к любой из фигур и схватить ее за горло. Но я еще не знал, которая из них заслуживает такого обхождения, если его вообще заслуживает хоть одна.

— Терпеть не могу появляться без предупреждения, — сказал я, — а тут, как я понимаю, вечеринка только для своих. Если кто-нибудь окажется так добр, что освободит меня, я пойду своей дорогой…

Стоявшая у моей левой ноги фигура повернулась и пристально посмотрела на меня. На ней, был синий балахон, но маски на раскрасневшем-

ся лице не было. Только непроницаемая улыбка, которая исчезла, когда женщина облизала пересохшие губы. Это была Джулия, в правой руке она держала нож.

— Ты всегда был хитрецом, — сказала она. — Что бы ни случилось, всегда у тебя наготове дерзкий ответ. Этот твой способ не сближаться с кем бы то ни было. Даже с тем, кто любит тебя.

— Может, дело просто в чувстве юмора, — заметил я, — которого, как я начинаю понимать, тебе всегда недоставало.

Она медленно покачала головой.

— Ты всегда держишь всех на расстоянии вытянутой руки, никому не доверяешь.

— Это семейное, — объяснил я. — Но благоразумие теплым чувствам не помеха.

Она уже занесла было лезвие, но на секунду остановилась.

— Ты хочешь сказать, что я тебе до сих пор небезразлична? — спросила Джулия.

— И никогда не была безразлична, — ответил я. — Просто ты стала слишком сильна, и так неожиданно. Ты хотела взять от меня больше, чем мне тогда хотелось отдать.

— Лжешь, — сказала она. — Ты лжешь, потому что твоя жизнь — в моих руках.

— Для лжи можно придумать что-нибудь и похлеще, — не согласился я. — К несчастью, я говорю правду.

Тогда справа от меня раздался еще один знакомый голос:

— Нам с тобой было еще рано говорить о таких вещах, но я завидую тому, что ты к ней так привязан.

Повернув голову, я увидел, что и эта фигура стоит лицом внутрь. Это была Корал, правый глаз ее закрывала черная повязка, а в руке тоже был нож. Потом я разглядел, что у нее в другой руке, и быстро посмотрел на Джулию. Да, у обеих были еще и вилки.

— И ты, — сказал я.

— Я говорила тебе, что не знаю английского, — ответила Корал.

— Кто сказал, что у меня нет чувства юмора? — произнесла Джулия, поднимая свой столовый прибор.

Тут дамы плюнули друг в друга, и плевки, перелетев через меня, достигли цели. Мне пришло в голову, что Люк, наверное, попытался бы решить эту проблему, сделав предложение обеим, но, чувствуя, что у меня этот номер не пройдет, я даже не стал пробовать.

— Воплощение невроза женитьбы, — сказал я. — Выдуманное переживание. Это — яркий сон. Это…

Рука Джулии опустилась на мое колено, затем мелькнула, как молния. Я почувствовал, что нож вонзается мне в левое бедро. Мой крик прервался, когда, Корал воткнула мне в правое плечо вилку.

— Это же смешно! — закричал я, ощутив новые приступы боли, когда в руках этих леди засверкали прочие предметы сервировки.

Потом медленно, грациозно повернулась фигура в вершине луча рядом с моей правой ступней. Ее окутывал темно-коричневый плащ с желтой каймой, который она придерживала у глаз скрещенными руками.

— Довольно, суки! — приказала она, широко распахивая одеяние. Она очень напоминала бабочку-траурницу. Конечно, это была Дара, моя мать.

Джулия с Корал уже жевали, поднеся вилки ко рту. У Джулии на губе была крошечная капелька крови. Плащ струился с кончиков пальцев моей матери, словно был живым. Казалось, он был частью самой Дары. Крылья плаща, упав на Джулию и Корал, скрыли их от меня, а Дара все простирала руки, закрывая женщин, отгоняя

их назад, пока те не превратились в человекоподобные глыбы, которые все уменьшались и уменьшались, пока не исчезли совсем. Потом раздался слабый хлопок, а вслед за ним слева от меня — хриплый смех.

— Великолепно исполнено, — раздался до боли знакомый голос, — но ведь он всегда был твоим любимчиком.

— Одним из них, — поправила Дара.

— Что, у бедного Деспила совсем нет шансов? — спросил Юрт.

— Ты невежлив, — отозвалась мать.

— Этого ненормального амберского принца ты всегда любила больше, чем нашего отца, достойного человека. Потому-то ты и не чаяла души в Мерлине, правда?

— Это не так, Юрт, и ты это знаешь, — сказала она.

Он снова засмеялся.

— Все мы ненавидели его по разным причинам, но нужен он был всем, — сказал Юрт.

Раздалось рычание, я повернул голову и успел увидеть, как обличье Юрта становится волчьим. Он упал на четвереньки и, опустив морду, полоснул меня сверкнувшими клыками по левому плечу, вкусив моей крови.

— Прекрати! — крикнула Дара. — Ах, ты, звереныш!

Он отдернул морду и завыл, вышло похоже на безумный хохот койота. Черный сапог пинком отбросил его назад так, что Юрт стукнулся об уцелевший кусок стены, и тот, конечно же, рухнул на него. Юрт коротко взвизгнул а потом его завалило обломками.

— Так, так, так, — донесся голос Дары, и я увидел, что она тоже держит нож и вилку. — Что это ты, ублюдок, делаешь в таком приличном месте?

— Похоже, загнал в угол последних хищников, да там их и держу, — ответил голос, поведавший мне однажды очень длинную историю, в которой было полно разнообразнейших автомобильных катастроф и ошибок в генеалогии.

Дара прыгнула на меня, но он нагнулся, подхватил меня под мышки и рывком убрал с ее дороги. Потом его большой черный плащ закрутился, как плащ матадора, и накрыл её. Кажется, под плащом с Дарой случилось то же, что она сделала с Корал и Джулией: Дара растаяла и впиталась в землю. Он помог мне подняться, потом нагнулся, подобрал плащ и отряхнул его. Когда он вновь застегнул его застежкой в виде серебряной розы, я внимательно осмотрел его, отыскивая клыки

или хотя бы нож.

— Четверо из пятерых, — сказал я, отряхиваясь. — Неважно, насколько реально это выглядит, но уверен, это истинно только в иносказательном смысле… или в анагогическом. Как тебе удалось обойтись в таком месте без тяги к людоедству?

— С другой стороны, — сказал он, натягивая серебряную рукавицу, — настоящим отцом я тебе никогда не был. Когда не знаешь даже, что есть ребенок, это довольно трудно. Потому-то от тебя мне ничего и не нужно, честно.

— С тобой меч, похожий на Грейсвандир, как две капли воды — сказал я.

Он кивнул.

— Тебе он тоже послужил, а?

— Полагаю, мне следует поблагодарить тебя за это. А еще, ты — не тот… человек, кого можно спросить: это ты перенес меня из пещеры в край, лежащий между Отражениями?

— Конечно, я.

— Еще бы, другого ты не скажешь…

— Не понимаю, зачем мне говорить это, если бы это сделал не я. Берегись! Стена!

Один быстрый взгляд — и стало ясно, что на нас падает еще один здоровенный кусок стены. Потом он толкнул меня, и я вновь распростерся

в пентаграмме. Позади с треском валились камни. Я приподнялся и рывком отодвинулся еще дальше. Что-то ударило меня в висок. Очнулся я в Коридоре Зеркал. Я лежал лицом вниз, голова покоилась на правой руке, в которой был зажат прямоугольный кусок камня. Вокруг плавал аромат свечей. Начав подниматься, я почувствовал, как болят плечи и левое бедро. Быстрый осмотр показал, что во всех трех местах были порезы. Хотя больше ничего не подтверждало подлинности моего недавнего приключения, отмахиваться от этого тоже не стоило. Я поднялся и захромал обратно в тот коридор, где были мои покои.

— Ты куда? — Крикнул мне сверху Рэндом.

— А? Вы о чем? — ответил я.

— Ты зачем-то ходил в холл, но там же ничего нет.

— Долго меня не было?

— Ну, может, с полминуты, — ответил он.

Я помахал камнем, который еще держал в руке.

— Увидел на полу вот это. Не понимаю, что это такое.

— Может, его выбило из какой-то стены и занесло туда, когда столкнулись Силы, — сказал Рэндом. — Когда-то здесь было несколько арок,

выложенных вот такими камнями. На твоем этаже они почти все теперь оштукатурены.

— А, — сказал я. — Забегу, попозже, когда буду уходить.

— Давай, — ответил он и через одну из разрушенных стен пробрался наружу, возвращаясь к себе в комнату.

Я заметил, что дальняя стена тоже пострадала от взрыва, и в покрытые пылью покои Бранда открывался большой пролом. Я задержался, чтобы осмотреть его. Совпадение, решил я. Похоже, раньше на этом месте была арка, соединявшая комнаты. Я прошел вперед и исследовал левую сторону обнаруженного изгиба. Да, она была сложена из камней, подобных тому, что был у меня в руке. То есть… Я смахнул штукатурку и всунул в пролом свой камень. Он отлично подошел. Когда я потянул его, он отказался выходить из стены. Что же, я действительно прихватил его из зловещего сна о зазеркальном ритуале с участием папы-мамы-брата и любовниц? Или, не вполне сознавая, что делаю, подобрал его на обратном пути там, куда камень выбросило взрывом во время недавнего столкновения? Я скинул плащ и стянул рубашку. Да. На правом плече были проколы, похожие на след вилки, на левом

— что-то вроде звериного укуса. Кроме того, левая штанина была порвана, бедро под прорехой болело, а вокруг засохла кровь. Я умылся, почистил зубы, причесался и перевязал ногу и левое плечо. Спасибо доставшемуся мне по наследству обмену веществ, через день все заживет, но не хотелось, чтобы раны раскрылись и запачкали кровью новую одежду, если мне вдруг случится напрячься… Кстати, об одежде… Шкаф уцелел, и мне пришло в голову переменить цвета, чтоб у Люка сохранилась парочка счастливых воспоминаний о коронации. Я отыскал золотую рубашку и ярко-синие штаны, не многим отличавшиеся от цветов Беркли; жилет из крашеной кожи в тон штанам; плащ с золотой каймой; черную перевязь, под которую сунул черные перчатки. И тут вспомнил, что нужен новый меч. Раз так, пришлось прихватить и кинжал. Я погрузился в раздумья по поводу шляпы, но тут мое внимание привлек какой-то шум. Я обернулся. Сквозь только что поднятую завесу пыли видны были комнаты Бранда, расположенные симметрично моим. Но вместо зубчатого, неровного пролома в стене появилась невредимая, безупречная арка, а по обе стороны и над ней стена была совершенно целой. Да и другая стена, справа от меня,

оказалась поврежденной гораздо меньше, чем раньше. Я обвел рукой каменный изгиб. В поисках трещин исследовал штукатурку по соседству. Трещин не оказалось. Ладно. Стена была зачарована. Сильно ли? Широкими шагами я прошел под аркой и огляделся. В комнате было темно, и я машинально вызвал Логрусово зрение. Оно, как обычно, явилось и сослужило свою службу. Может быть, Логрус решил не держать на меня зла? Отсюда были видны остатки магических опытов и несколько сохранившихся заклятий. Многие колдуны беспорядочно нагромождают невидимые магические предметы, но Бранд, похоже, был настоящим неряхой. Конечно, пытаясь захватить власть над Вселенной, он торопился и поэтому чуть не отдал концы. Я продолжил свой инспекторский обход. Там были тайны, незаконченные дела, некоторые предметы указывали на то, что Брад кое-какими магическими дорогами забрался намного дальше, чем мне хотелось. И все-таки ничего такого, о чем я мог бы сказать: с этим я не справлюсь. Ничего, что оказалось бы для меня смертельным. Теперь, когда, наконец, представился случай обследовать покои Бранда, не исключено, что я не стал бы трогать арку и присоединять его комнаты к своим собственным.

Выходя оттуда, я решил заглянуть в шкаф, вдруг у Бранда найдется шляпа, которая подойдет к моему наряду. Открыв его, я обнаружил темную треуголку с золотым пером — лучшего нечего было и желать. Правда, цвет ее был немножко необычным, но я неожиданно припомнил одно заклятие и изменил его. Я уже совсем было собрался уходить, но Логрусово зрение уловило, как в глубине верхней, заваленной шляпами полки что-то сверкнуло. Оказалось, что это темно-зеленые ножны с очень красивой золотой гравировкой; рукоять меча, который выглядывал оттуда, явно была из накладного золота, а эфес украшал огромный изумруд. Я взялся за него и потащил клинок из ножен, ожидая, что раздастся вопль, подобный воплю демона, на которого уронили целый баллон святой воды. Вместо этого он просто зашипел, поднялся легкий дымок. На клинке я увидел блестящий узор и узнал его. Да, это была часть Лабиринта. Такой же рисунок украшал и Грейсвандир, только там была часть Лабиринта, что находилась подле входа, а здесь — та, что была ближе к выходу. Спрятав меч в ножны и повинуясь внезапному порыву, я подвесил его к перевязи и решил, что неплохо будет подарить Люку по случаю коронации меч его па-

паши. Значит, берем его с собой для Люка. Потом я вышел в боковой коридор, перебрался через рухнувшую стену покоев Жерара и мимо дверей Фионы вернулся в покои отца. Хотелось проверить еще кое-что, и меч напомнил мне об этом. Порывшись в кармане, я нашел ключ, который переложил туда из своих окровавленных штанов. Потом решил, что лучше постучаться. А вдруг… Я постучался и подождал, еще раз постучался и еще подождал. Тишина… Я отпер дверь и вошел. Дальше прихожей я идти не собирался — мне надо было только проверить вешалку. Грейсвандир исчез со своего колышка. Я попятился, закрыл дверь и запер ее. Несколько вешалок опустело, это точно, и можно сразу понять, в чем тут дело. Вот только что это доказывает? Это я и хотел выведать? Появилось чувство, что знать все до конца будет куда проще, чем раньше. Я вернулся в покои Бранда и, рыскал в них, пока в пепельнице не увидел ключ. Потом запер дверь и сунул ключ в карман. Это было довольно глупо, потому что теперь через мою комнату, где недоставало стены, мог войти кто угодно. И все же… Прежде чем перейти обратно в свою гостиную, где находился перепачканный слюной ти'га и отчасти заваленный обломками Тебриз, я помедлил. В комнатах

Бранда что-то расслабляло, здесь было спокойно, чего я прежде не замечал. Я немного побродил по ним, открывая ящики, заглядывая в волшебные коробочки, рассматривая папки с его рисунками. Логрусовым зрением я заметил, что в столбике кровати спрятано что-то волшебное, маленькое и мощное, силовые линии так и били от него во все стороны. Отвинтив шишечку, я нашел внутри маленький тайник. В тайнике была бархатная коробочка, в коробочке — кольцо. Ободок был широким, возможно, платиновым. К нему было приделано что-то вроде колесика красноватого металла с бесчисленными крошечными не толще волоса спицами. От каждой тянулась силовая линия — куда? Вполне возможно, в Отражения, к какому-то тайному источнику могущества или заклятий. Вдруг Люку больше придется по душе кольцо, а не меч. Я надел его, и оно как будто пустило корни в самую середку моего существа. Я мог почувствовать, как двигаюсь по линиям к кольцу и дальше, вдоль этих соединений — наружу. Кольцу были доступны разнообразнейшие воплощения энергии, которыми оно управляло, от простейших химических сил до утонченных построений Вышей Магии, от простейших духов до существ, подобным безмозглым богам, и это

произвело на меня впечатление. Непонятно, почему в день битвы и падения Лабиринта Бранд не имел его при себе. Я чувствовал, что надев его, он стал бы непобедим. Тогда мы все могли бы жить в Брандкасле, в Бранденберге. Еще было непонятно, почему Фиона в комнате по соседству не ощутила присутствия кольца и не пришла поискать его. Сокровища, хранившиеся здесь, изумляли. Отнесем это на счет эффекта «личной вселенной», который, поговаривают, проявляется в некоторых из здешних покоев? Сцепленное со столькими источниками кольцо было великолепной альтернативой силам Лабиринта и Логруса. Чтобы эта штука набрала такую силу, требовалось не одно столетие. Во всяком случае, как бы кольцо ни было нужно Бранду, нужно оно было не сейчас. Я решил, что не могу уступить его Люку — вообще никому, кто хоть немного знаком с Искусствами. Я даже счел, что его нельзя доверить и не-волшебнику. И уж, конечно, я не собирался прятать кольцо обратно в столбик кровати. Что это дергается у меня на запястье? Ах, да, Фракир. Дергался он уже некоторое время, правда, недолго, но я заметил это с трудом.

— Жалко, старик, что ты потерял голос, — сказал я, поглаживая его, а сам осматривался, нет

ли в комнате физической или психической опасности. — Но я не могу тут найти ни одной хреновины, черт ее дери, из-за которой стоило бы тревожиться.

Он мигом соскользнул по спирали с запястья и попытался стащить с пальца кольцо.

— Стоп! — приказал я. — Кольцо может оказаться опасным, я знаю. Но только когда им неправильно пользуются. Я волшебник, забыл? Для меня это не секрет. Кольца мне бояться нечего, в нем нет ничего особенного.

Но Фракир не подчинялся приказу и продолжал атаковать кольцо, и я подумал, уж не ревность ли это одного магического артефакта к другому. Я принялся обыскивать помещения еще усерднее. Если оставить себе и меч, было бы очень достойно найти для Люка еще что-нибудь из вещей его отца… Откуда-то из моих комнат донесся зычный крик:

— Мерлин! Мерлин!

Я прекратил простукивать стены и пол в поисках пустот, поднялся, вернулся к арке и прошел под ней в свою гостиную. Там я остановился, хотя голос я узнал. Рэндом не переставал звать меня. Выходившая в коридор стена за то время, что меня здесь не было, надстроилась больше чем

наполовину, словно невидимая бригада плотников и штукатуров не торопясь делала свое дело. Поразительно. Мне оставалось только стоять, вытаращив глаза, и надеяться, что хоть что-нибудь в пострадавшей зоне выдаст происходящее. Потом послышалось бормотание Рэндома: «Сдается мне, он ушел», и я крикнул в ответ:

— А? Что такое?

— Быстро убирай свою задницу оттуда и давай поднимайся ко мне, — сказал он. — Нужен твой совет.

Через оставшийся в стене пролом я шагнул в коридор и посмотрел наверх. И тут же почувствовал, на что способно мое кольцо: оно отзывалось на мои самые насущные нужды, как музыкальный инструмент. Стоило мне согласиться с предложением, как кольцо пустило в работу соответствующую линию. Уносясь по воздуху к дыре в Потолке, я вытащил из-за пояса перчатки и натянул их, сообразив, что Рэндом может опознать кольцо, как бывшую собственность Бранда, и начнется сложная дискуссия, вести которую у меня в тот момент не было ни малейшего желания. Поднимаясь через дыру в мастерскую, я плотно прижимал плащ к бокам, чтобы меча тоже не было видно.

— Впечатляет, — сказал Рэндом. — Рад, что ты не оставляешь упражнений в магии. Позвал тебя вот зачем…

Я отвесил поклон. Из-за наряда у меня было смутное ощущение, что я при дворе.

— Как я могу служить вам?

— Кончай эту ерунду и слушай, — сказал он, взяв меня за локоть и уводя обратно на уцелевшую половину спальни. У открытой двери стояла Виала.

— Мерлин? — спросила она, когда я подошел к ней вплотную.

— Да? — откликнулся я.

— Я не была уверена, — сказала она.

— В чем?

— Что это ты, — ответила Виала.

— Будьте спокойны, это я.

— Это и в самом деле мой брат, — объявил Мондор, поднявшись из кресла и подходя к нам. Его рука была в лубке и покоилась на перевязи, а выражение лица стало куда менее напряженным. — Если что-нибудь в нем кажется вам странным и удивляет, — продолжал он, — дело, наверное в том, что с тех пор как он ушел отсюда, ему пришлось пережить много неприятного.

— Это правда? — спросил Рэндом.

— Да, — ответил я. — Не думал, что это заметно со стороны.

— С тобой все в порядке? — спросил Рэндом.

— Да вроде цел, — ответил я.

— Хорошо. Тогда отложим подробный рассказ до другого раза. Как видишь, Корал пропала, Дворкин тоже. Я не заметил, как они ушли. В тот момент я все еще был в мастерской.

— В какой момент?

— Дворкин закончил операцию, — сказал Мондор, — взял эту леди за руку, помог ей встать и унес прочь отсюда. Сделано это было в высшей степени элегантно — вот они стоят неподалеку, а вот уже по спектру побежали их отражения, мигнули и исчезли.

— Говоришь, ее унес Дворкин? Откуда ты знаешь, что их не утащила одна из Сил или Колесо-призрак?

— Потому что я наблюдал за его лицом, — сказал Мондор, — и не заметил ни малейшего удивления, только легкую улыбку.

— По-моему, ты прав, — признал я. — Тогда кто же обработал твою руку, если Рэндом был в мастерской, а Дворкин занят?

— Я, — сказала Виала. — Меня этому учили.

— И ты, значит, был единственным очевидцем

их исчезновения? — обратился я к Мондору.

Он кивнул.

— Я бы хотел, — сказал Рэндом, — чтобы ты сообразил, куда они могли улететь. Мондор говорит, что не знает. А что скажешь ты?

Он подал мне цепь, с которой свисала металлическая оправа для самоцвета.

— Что случилось? — спросил я.

— Здесь когда-то был самый важный из Камней Короны, — сказал он, — Камень Правосудия. Вот что они мне оставили. А Камень забрали с собой.

— Если Камень у Дворкина, — сказал я, — то он в безопасности. Дворкин поговаривал о том, чтобы поместить Камень в безопасное место, а знает он о нем больше, чем любой другой…

— А еще он мог снова спятить, — сказал Рэндом. — Мне неинтересно обсуждать, хороший ли он хранитель Камня. Я просто хочу знать, куда, черт возьми, он девался с этой штукой.

— Похоже, никаких следов не осталось, — заметил Мондор.

— Где они стояли? — спросил я.

— Вон там, — сказал он, махнув здоровой рукой, — справа от кровати.

Я перешел туда, выбирая из имеющихся в моем распоряжении возможностей самую подходя-

щую. Радужный взрыв. Я увидел линии спектра. Они застыли. Из кольца вперед вытянулась силовая линия. Она закрепилась и, забрав с собой радугу, прошла через закрытый слабым взрывом портал. Подняв тыльную сторону ладони ко лбу, я как бы заскользил по линии и увидел.... большой холл, где слева от меня висело шесть щитов, справа — множество флагов и вымпелов. Передо мной в огромном камине пылало пламя...

— Вижу, куда они отправились, — сказал я, — но не могу узнать, что это за место.

— А нельзя ли сделать так, чтобы нам тоже было видно? — спросил Рэндом.

— Может, и можно, — ответил я и, не успев договорить, понял, что это легко устроить. — Посмотри в зеркало.

Рэндом обернулся и подошел поближе к зеркалу, через которое меня привел Дворкин. Давно ли?

— Кровью зверя на полюсе и раковиной, что лопнула в сердце мира, — сказал я, ощущая необходимость обратиться к обеим Силам, которыми управлял, — да увидим!

Зеркало словно покрылось изморозью, а когда очистилось, внутри него расположился увиденный мною холл.

— Будь я проклят, — сказал Рэндом. — Он забрал ее в Кашфу. Интересно, зачем.

— В один прекрасный день тебе придется научить меня такому фокусу, братец, — заметил Мондор.

— Кстати, я собирался отправиться в Кашфу, — сказал я. — Нет ли особых поручений?

— Поручений? — переспросил Рэндом. — Просто выясни, что происходит, и дай мне знать, ладно?

— Конечно, — сказал я, извлекая Козыри из футляра.

Подошла Виала и взяла меня за руку, словно прощаясь.

— Перчатки, — заметила она.

— Пытаюсь выглядеть поофициальнее, — объяснил я.

— Кажется, в Кашфе есть что-то, пугающее Корал, — прошептала она. — Во сне она что-то бормотала об этом.

— Спасибо, — сказал я. — Теперь я готов ко всему.

— Может, ты хорохоришься, — сказала Виала, — а думаешь совсем другое.

Держа перед собой Козырь и делая вид, что рассматриваю его, я смеялся, а сам простирал

энергию своего «я» вдоль линии, которую протянул в Кашфу. Я вновь открыл путь, которым пользовался Дворкин, и шагнул туда.

Кашфа. Я стоял в зале, в котором стены были из серого камня, на них висели флаги и щиты, на полу были расстелены тростниковые подстилки, повсюду стояла грубо сделанная мебель, а передо мной горел очаг. Пламя так до конца и не уничтожило царящую здесь сырость, от запахов кухни было тяжело дышать. Я был один, но со всех сторон доносились голоса; вдобавок слышалась музыка: кто-то играл, кто-то пел. Значит, вот-вот придется действовать. Я прибыл сюда без помощи Козырей. В этом были свои преимущества и свои недостатки. Недостатком было то, что никого рядом не было и никто не мог объяснить мне, что вокруг происходит. Преимущество было в том же — меня никто не видел. Кольцо, настоящая энциклопедия магии, отыскало мне заклятие, окутавшись которым, я стал невидим. Потом приблизительно около часа я посвятил исследованиям. Концентрическими зонами неправильной формы расположились три защитных стены, их покрывал плющ. В центральном секторе находилась четыре больших здания и несколько построек поменьше, они

были обнесены стеной. Поодаль стояла вторая стена, а за второй — третья. Следов серьезных разрушений не было, отчего возникла уверенность, что войско Далта не встретило сильного сопротивления. Признаков разрухи или пожаров не было вовсе, но, в конце концов, их нанимали, чтобы заполучить Кашфу в собственность, и я подозревал, что Ясра поставила условие: все должно остаться относительно целым. Кольца были заняты войсками. Подслушав, о чем говорили вокруг, я понял, что они будут околачиваться тут до окончания коронации. В центральной части, на большом плацу, наемников было совсем немного. Ожидая коронационной процессии, они потешались над маскарадными мундирами местных вояк. Однако острот, особенно дурного вкуса, слышно не было — может, оттого, что Люк был популярен в обеих группировках, вдобавок многие представители обеих сторон, похоже, были лично знакомы.

Первая Кашфианская Церковь Единорога — так можно перевести ее название — находилась по другую сторону площади, прямо напротив дворца. Здание, куда я сперва угодил, оказалось пристройкой — на все случаи жизни, как раз сейчас там разместили несколько спешно вы-

званных гостей, слуг, придворных льстецов и зевак. Я не представлял, когда точно должна состояться коронация, но решил, что лучше попробовать поскорее увидеться с Люком, пока ему не пришлось ринуться в поток событий. Может, он даже догадывается, куда и зачем доставили Корал. Поэтому я подыскал себе нишу в пустой, ничем не выделяющейся стене, даже местный житель вряд ли отличил бы ее от окружающего фона. Сняв с себя заклятие невидимости, я нашел Козырь Люка, и позвал его. Не хотелось, чтобы он догадался, что я в городе, и показать, какой силой, позволяющей вот так появляться, я завладел. Есть мудрость в словах — не следует рассказывать все до конца.

— Мерлин! — воскликнул Люк, разглядывая меня. — Что, кот выбрался из мешка?

— Ага, и котята тоже, — сказал я. — Поздравляю с днем коронации.

— Эй! На тебе цвета нашей школы!

— Черт возьми, что в этом плохого? Ты вроде бы в выигрыше, а?

— Послушай. Праздновать тут особенно нечего. Честно говоря, я собирался вызвать тебя. Хочу посоветоваться с тобой, а уж потом действовать дальше. Можешь провести меня к себе?

— Я не в Амбере, Люк.

— А где?

— Ну… внизу, — признался я. — В проулке между дворцом и зданием, сейчас напоминающим что-то вроде гостиницы.

— Так не пойдет, — возразил он. — Если я спущусь к тебе, меня мигом засекут. Иди в Храм Единорога. В нем относительно пусто и найдется тихий, укромный уголок, где можно будет поговорить. Позовешь меня оттуда и перенесешь к себе. А нет — придумай что-нибудь еще, ладно?

— Идет.

— Эй, а все-таки, как ты сюда попал?

— Предварительная разведка перед вторжением, — сообщил я. — Еще один захват был бы очень удачным ходом, а?

— Веселый ты, как похмелье, — сказал он. — Вызовешь меня.

Связь прервалась. Я пересек плац и зашагал по дороге, которую, похоже, наметили для процессии. Я считал, что без неприятностей мне в Доме Единорога не обойтись, и, чтобы попасть внутрь, потребуется заклятие. Но никто не преградил мне путь. Я вошел. Большое здание было сплошь украшено цветами и флагами. На стенах полно разнообразнейших вымпелов. Не считая одной-

единственной закутанной в плащ женщины у входа, которая вроде бы молилась, в храме никого не было. Я отошел влево, где было потемнее.

— Люк, — обратился я к Козырю. — Все чисто. Слышишь?

Сначала я ощутил его присутствие, а уж потом появилось изображение.

— Добро, — отозвался он. — Перенеси меня.

Мы взялись за руки, и Люк очутился рядом со мной.

Он похлопал меня по плечу:

— Ну, дай-ка я теперь посмотрю на тебя! Интересно, что стало с тем моим свитером, на котором были инициалы нашей команды?

— По-моему, ты отдал его Гейл.

— Сдается мне, ты не ошибся.

— Принес тебе подарок, — сказал я, откидывая плащ и нащупывая перевязь. — Вот. Я нашел меч твоего отца.

— Хватит разыгрывать!

Он взял клинок в руки, повертел, разглядывая ножны. Потом вытащил меч из ножен, и тот опять зашипел, вдоль узора на клинке заплясали искры и поднялось облачко дыма.

— И правда он? — сказал Люк. — Вэрвиндл, Дневной Клинок, брат Ночного Клинка, Грей-

свандира!

— Как это? Я не знал, что между ними есть связь.

— Чтобы вспомнить всю историю, мне пришлось бы как следует поразмыслить, Но это очень старая история. Спасибо.

Повернувшись, Люк сделал несколько шагов. При ходьбе ножны били его по бедру. Затем он вернулся.

— Меня подловили, — сказал он. — Она снова взялась за свое, и я в высшей степени недоволен. Не знаю, что с этим делать.

— С чем? О ком ты говоришь?

— Моя мать, — объяснил Люк. — Она снова взялась за свое. Только я подумал, что возьму бразды правления в свои руки и все стану делать по-своему, как она явилась и испортила мне жизнь.

— Каким образом?

— Она наняла Далта с его ребятами, чтобы они захватили Кашфу.

— Ага, ну, это я сообразил. Кстати, что случилось с Аркансом?

— А, с ним все отлично. Конечно, он арестован. Но у него прекрасные покои и все, чего Арканс ни пожелает, он может получить. Я не причиню ему вреда. Чем-то он мне всегда нравился.

— Так в чем проблема? Ты выиграл. Теперь у тебя есть собственное королевство.

— Черт, — сказал Люк и взглянул в сторону святилища. — По-моему, меня одурачили, но уверенности нет. Понимаешь, такая работа никогда не была мне по душе. Далт сказал, что захватил Кашфу для мамы, а я вхожу в город вместе с ним, чтобы установить порядок, вновь заявить права своей семьи на него, а потом с большой помпой и всевозможными почестями пригласить ее обратно. Я сообразил, что стоит ей получить трон, и дальше дело будет уже не мое, к счастью. Я бы живо слинял отсюда куда-нибудь в более подходящее место, а ей, чтобы не скучать, досталось бы целое королевство. О том, чтобы я сидел как приклеенный на такой паршивой работе, не может быть и речи.

Я покачал головой:

— Вообще не понимаю. Ты захватил для нее Кашфу. Так передай ей дела и поступай так, как решил.

Люк невольно рассмеялся и объяснил:

— Арканса они любили. Меня любят. Но они не так уж обожают маменьку. Не похоже, чтобы кто-нибудь радостно приветствовал ее возвращение. На самом деле все указывает на то, что,

попытайся она вернуться, тут действительно начнутся волнения.

— По-моему, ты еще можешь отойти от дел и отдать трон Аркансу.

Люк пнул каменную стену.

— Что ты? Здесь будет такой скандал. Она такую сумму заплатила Далту, чтобы он вышвырнул Арканса. Кстати, мне она сказала, что это мой долг… не знаю… может, и так. Как, по-твоему?

— Трудный вопрос, Люк. Как ты думаешь, кто справился бы лучше — ты или Арканс?

— Честно говоря, не знаю. У него большой опыт правления, но я вырос здесь и хорошо знаю, как управляется эта страна и как тут делаются дела. Единственное, в чем я уверен, — любой из нас будет лучше, чем мама.

Скрестив руки, я стоял и размышлял.

— За тебя принять решение не могу, — признался я — Но скажи, чем бы тебе хотелось заниматься больше всего?

Он усмехнулся:

— Ты же знаешь, я всегда был коммивояжером. Соберись я осесть в этих местах и трудиться для Кашфы, я предпочел бы представлять ее промышленность за границей — но для монарха это не слишком-то достойно. Хотя, вероятно, тут я про-

явил бы себя наилучшим образом. Как знать…

— Проблема не из легких, Люк. Не хочу брать на себя ответственность и советовать тебе, какой дорогой пойти.

— Если бы я знал, до чего дойдет, я бы разгромил Далта еще в Ардене!

— Ты и правда думаешь, что сумел бы победить?

— Уверен, — сказал Люк.

— Ну, твоих текущих проблем это не решает.

— Верно. Я начинаю думать, что мне придется довести дело до конца.

Женщина у входа уже несколько раз оглянулась на нас. Я понял, что наши голоса звучат в храме громче, чем следует.

— Плохо, что нет других достойных кандидатов, — сказал я, понизив голос.

— Для Амбера куш маловат.

— Черт возьми, здесь твоя родина. У тебя есть право завладеть ею всерьез. Жаль, что это так на тебя действует.

— Похоже, основные проблемы начинаются дома, а? Иногда просто хочется выйти погулять и не вернуться. Но мамочка тогда взошла бы на трон при поддержке банды Далта, и начались бы идиотские казни тех, кто оказался против, — я

таких знаю. Или же, сказав себе, что игра не стоит свеч, она обосновалась бы в Замке. Реши она уйти от дел и насладиться своей отставкой, коалиция, поддерживавшая в первую очередь Арканса, опять бы выдвинула его.

— Какой ход событий тебе кажется самым вероятным? — поинтересовался я.

— Мать обрушилась бы на них, началась бы гражданская война. Выиграй мы, проиграй — это все равно вызвало бы по всей стране страшную неразбериху и, несомненно, на этот раз не позволило бы нам войти в Золотой Круг. Кстати…

— Не знаю, — быстро сказал я. — Не уполномочен говорить с тобой о Договоре Золотого Круга.

— Об этом-то я догадался, — вздохнул Люк, — а спросить хотел о другом. Просто любопытно, может, кто-нибудь в Амбере сказал: «А не дать ли им по такому случаю еще одну оплеуху, попозже», или «Иметь с ними дело мы будем, но о гарантиях на Эреньор они могут забыть».

Он деланно бодро улыбнулся мне, и я улыбнулся в ответ:

— Можешь забыть об Эреньоре.

— Так я и думал, — сказал он. — А как насчет прочего?

— У меня создалось впечатление, что решение

принято такое: «Давайте подождем и посмотрим, что случится».

— До этого я тоже додумался. Отчитайся передо мной хорошенько, даже если они тебя об этом не попросят, ладно? Кстати, по-моему, ты здесь, строго говоря, неофициально.

— С дипломатической точки зрения, — сказал я, — это частный визит.

Леди у входа поднялась. Люк вздохнул.

— Вот бы снова оказаться в ресторанчике Алисы… Может, Болванщик нашел бы что-то, что мы упустили, — сказал он. Потом добавил: — Эй! А он откуда? Он похож на тебя, но…

Люк пристально смотрел мимо меня, я чуть ли не ощутил его замешательство. Чувствуя себя готовым ко всему, я даже не потрудился вызвать Логрус. И обернулся с улыбкой.

— Брат, ты готов умереть? — спросил Юрт. Глаз был то ли вставным, то ли он умудрился вырастить его снова, а волос стало столько, что ухо трудно было увидеть. Мизинец он тоже немного нарастил.

— Нет, но убивать готов, — сказал я. — Рад, что тебе случилось проходить мимо.

Юрт отвесил издевательский поклон. Он слабо светился, а по его телу и вокруг него ощутимо

струилась мощь.

— Ты возвращался в Замок, чтобы вылечиться окончательно? — спросил я.

— По-моему, без этого можно будет обойтись, — отозвался он. — Теперь, получив власть над такими силами, мне более чем по плечу любая задача, какую я ставлю перед собой.

— Это Юрт? — спросил Люк.

— Да, — ответил я. — Это он.

Юрт бросил быстрый взгляд на Люка. Я почувствовал, как он сосредоточился на мече.

— Это объект силы? — спросил он. — Дай посмотреть?

Он протянул к мечу руку и, хотя Люк крепко сжимал рукоять, он дернулся, хотя и не вырвался.

— Нет, спасибо, — сказал Люк. Юрт исчез. Минутой позже он появился позади Люка, обхватав его за шею рукой, как удавкой. Люк вцепился в руку Юрта, нагнулся, повернулся и бросил его через плечо. Юрт шлепнулся перед ним на спину, но продолжать Люк не стал.

— Вытащи меч, — сказал Юрт, — дай мне посмотреть на него. — Потом, встряхнувшись по-собачьи, поднялся. — Ну?

— Чтобы иметь дело с такими, как ты, оружие

мне ни к чему, — сказал Люк.

Стиснув кулаки, Юрт поднял обе руки над головой. Они на миг соприкоснулись, а когда разъединились, то Юрт каким-то образом вытянул правой рукой из левой длинный клинок.

— Придется тебе перенести представление на улицу, — сказал Люк. — И сейчас же.

— Вынимай меч! — потребовал Юрт.

— Мне не нравится мысль о драке в храме, — отозвался Люк. — Хочешь, выйдем?

— Забавная мысль, — ответил Юрт. — Я знаю, что там у тебя целая армия. Нет, спасибо. Если я залью кровью место, где поклоняются Единорогу, то буду даже доволен.

— Тебе надо поговорить с Далтом, — заявил Люк. — У него тоже непонятные заскоки. Может, дать тебе лошадь… или цыпленка? Белых мышей? Алюминиевой фольги?

Юрт стремительно прыгнул вперед. Люк отступил и вытащил отцовский меч. Он легко парировал удар и перешел в нападение, а меч шипел, трещал и над ним курился дымок. Внезапно лицо Юрта исказил страх, он, отбиваясь резкими ударами, отскочил назад, споткнулся и упал. Тут Люк пнул его в живот, и меч Юрта отлетел прочь.

— Вэрвиндл! — ахнул Юрт. — Как к тебе попал меч Бранда?

— Бранд — мой отец, — ответил Люк.

Лицо Юрта выразило уважение.

— Не знал, — пробормотал он и исчез.

Я ждал, раскинув по всему храму волшебные щупы. Но оказалось, что, кроме нас с Люком здесь только леди, которая остановилась поодаль и наблюдала, как будто боялась подойти поближе. Потом Люк упал, а позади него стоял Юрт, только что ударивший его локтем в шею. Он потянулся к запястью Люка, словно собираясь вцепиться в него и вырвать меч из руки.

— Он должен быть моим! — произнес он, а я с помощью кольца ударил Юрта стрелой чистой энергии, полагая, что это разорвет ему все внутренности, превратив в желеобразную, истекающую кровью массу. Всего мгновение я колебался, использовать смертоносную мощность, или нет. Я понимал, что рано или поздно один из нас отправит другого на тот свет, и решил покончить с ним раньше, чем повезет Юрту. Но купание в Источнике, должно быть, сделало Юрта еще круче, чем я думал. Он завертелся на месте, словно его сильно ударил грузовик, и шлепнулся о стену. Тяжело осев, Юрт соскользнул

на пол. Изо рта пошла кровь, и вид у него был такой, как будто он вот-вот простится с жизнью. Потом его взгляд прояснился, а руки он простер вперед. Меня ударила Сила, подобная той, что я только что запустил в Юрта. Я удивился его способности собираться так быстро заново и платить той же монетой. Отбив удар, я шагнул вперед и попытался с помощью великолепного заклинания, которое подсказало мне кольцо, поджечь Юрта. Стоило его одежде задымиться, как он, поднимаясь, в считанные минуты сумел защититься. Я продолжал наступление, кольцо подсказало мне, каким заклинанием нанести быстрый таранный удар, он был даже сильнее того, первого. Я попытался воспользоваться им, но Юрт исчез раньше, чем заклинание достигло цели, и по каменной стене, у которой он стоял, на три фута вверх пробежала трещина. Раскинув повсюду усики-щупы, несколькими секундами позже я обнаружил его на карнизе высоко над головой. Только я посмотрел наверх, как он прыгнул на меня. Сломаю я себе таким образом руку или нет, я не знал, но, левитируя, чувствовал, что дело все равно стоит того. Примерно на середине пути я умудрился разминуться с ним и ударить слева, надеясь сломать ему и шею, и челюсть.

К несчастью, сломалось и заклятие, с помощью которого я левитировал, так что я рухнул на пол вместе с Юртом. Когда мы упали, леди завизжала и помчалась к нам. Несколько мгновений мы лежали неподвижно. Потом Юрт перекатился на живот, вытянул руку, скорчился и упал, опять вытянул руки… и попал на рукоять Вэрвиндла. Должно быть, стискивая ее пальцами, он почувствовал мой взгляд, потому что посмотрел на меня и улыбнулся. Люк в это время пошевелился и пробормотал проклятие. Я швырнул в Юрта заклинание, превращающее в лед, но он козырнулся со своего места раньше, чем волна холода ударила его… Потом леди опять завизжала, и, еще не успев повернуться, я понял, что это голос Корал. Ее чуть не сбил с ног появившийся у нее за спиной Юрт, он приставил к горлу Корал лезвие блестящего дымящегося клинка.

— Вы, все, — выдохнул он, — не двигаться… а то вырежу ей… еще одну улыбку…

Я поискал заклятие, которым, не повредив Корал, можно было бы в два счета прикончить Юрта.

— Мерль, не пытайся, — выговорил он. — Я почувствую… что оно на подходе… Просто оставь меня… в покое… на полминуты… и проживешь…

немного дольше. Не знаю, где ты набрался… этих штучек… но они тебя не спасут…

Он шатался и был весь в поту… Изо рта все еще капала кровь.

— Отпусти мою жену, — произнес Люк, поднимаясь, — или ты в жизни не отыщешь места, чтобы спрятаться.

— Сын Бранда, я не хочу воевать с тобой, — сказал Юрт.

— Тогда делай, как я сказал, приятель. Я разделывался с парнями получше тебя.

А потом вдруг Юрт закричал, словно душа его корчилась в пламени. Он убрал Вэрвиндл от горла Корал, повалился назад и задергался, как дергаются марионетки, когда шарниры заело, а за веревочку продолжают тянуть. Корал обернулась к нему. К нам с Люком она теперь стояла спиной. Правую руку она поднесла к своему лицу. Время шло, и вот Юрт, весь дрожа, рухнул на пол, свернувшись в позе эмбриона. Казалось, на нем играют отсветы алого света. Очень скоро Юрт пропал, а за ним потянулась радуга, словно испачканная кровью. Но, к несчастью, Вэрвиндл он унес с собой. Вслед ему я метнул стрелу, чтоб разорвать его на куски, втайне понимая, что ей не догнать его. На другом конце спектра чувство-

валось присутствие Джулии. Несмотря ни на что, приятно было сознавать, что я не убил ее. Но Юрт… Он теперь весьма опасен, понял я. Ведь впервые после нашей драки он не только ничего не потерял, но даже кое-что прихватил с собой… Кое-что, несущее смерть. Он успешно постигал науку магии, и это не сулило ничего хорошего. Повернув голову, я заметил красное сияние раньше, чем Корал закрыла глаз повязкой, и понял, что стало с Камнем Правосудия. Что — но не почему.

— Она твоя жена? — спросил я у Люка.

— Ну… вроде того… В общем — да, — тихо ответила Корал.

— Да, жена, — кивнул Люк. — А вы что, знакомы?